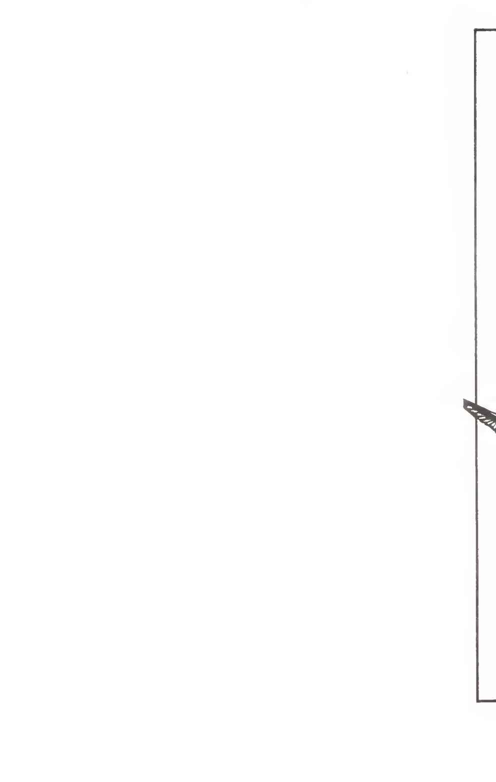
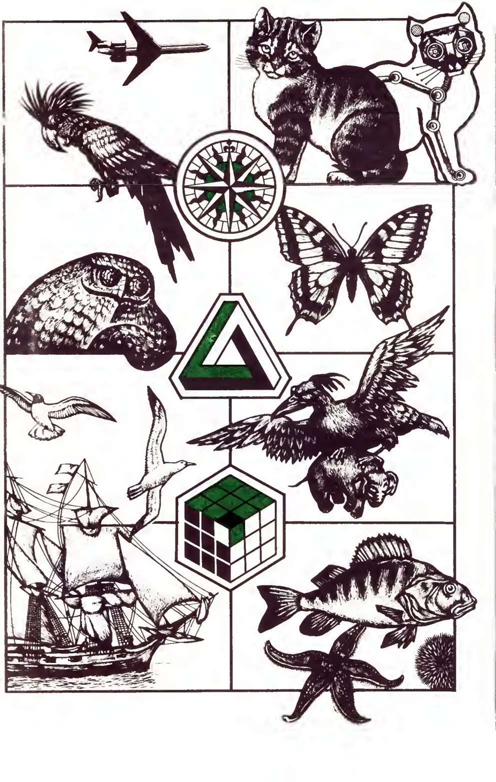
НА СУШЕ И НА МОРЕ 1986

«МЫСЛЬ»



НА СУШЕ И НА МОРЕ



НА СУШЕ И НА МОРЕ

ПОВЕСТИ • РАССКАЗЫ • ОЧЕРКИ • СТАТЬИ

ПУТЕШЕСТВИЯ
ПОИСК

ФАКТЫ
ДОГАДКИ
СЛУЧАИ

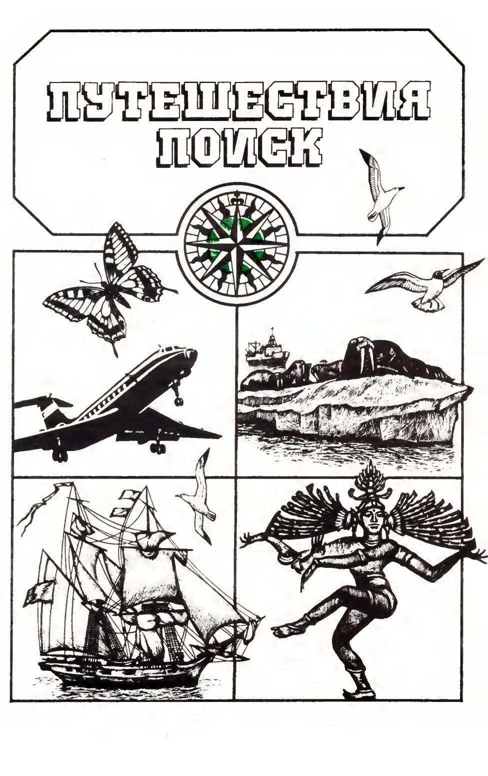
МОСКВА «МЫСЛЬ» 1986

ББК 84
Н12

РЕДАКЦИИ ГЕОГРАФИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Оформление художника
Е. КУЗНЕЦОВОЙ

Н $\frac{1905020000-069}{004(01)-86}$ 155-86


ПУТЕШЕСТВИЯ
ПОИСК

ПУТЕШЕСТВИЯ
ПОИСК

Олег Попцов

НИКТО КРОМЕ НАС

Художник А. КРЕТОВ

Нынче говорить об экологии актульно и даже модно. Она стала одной из важнейших проблем века.

И все это на наших глазах, в пределах части жизни лишь одного поколения, за каких-то 20—25 лет. Нас подталкивает в спину наше развитие. Любая цивилизация не строится из ничего, она существует за счет чего-то.

Вопрос, откуда берем и что остается, обретает характер глобального, альтернативного: быть или не быть?

Охрана природной среды стала одной из главных задач социально-экономического развития. В Основных направлениях экономического и социального развития СССР на 1986—1990 годы и на период до 2000 года сказано: «Воспитывать у советских людей чувство высокой ответственности за сохранение и приумножение природных богатств, бережливое их использование. Совершенствовать управление делом охраны природы в стране».

Термин «экологическое мировоззрение» может показаться спорным, но он не случаен. Возникла потребность взглянуть на мир, на его производственные, социальные, духовные структуры, взяв в качестве определяющего мотива состояние природы.

Кажется, Циолковский сказал, что человек по-настоящему поймет и оценит Землю, когда проникнет в космическое пространство. Сегодня мы свидетели и очевидцы этого переворота в мышлении. Редкое явление — фантазии, опустившись на землю, не рассыпались, не прекратили своего существования, а стали реальностью, фактом, даже не исключительным, а почти повседневным. О запуске очередного космического корабля мы уже слушаем без трепетного волнения. Эти сообщения — в одной

строке с пуском нового металлургического комбината, досрочной сдачей газопровода. Космос стал сначала реальностью, а затем повседневностью.

Кажется, что в наше человеческое сознание проникла мысль дерзкая, но вряд ли оправданная, словно у нас появилась возможность занять недостающее в земной жизни в космосе, пополнить наши ресурсы и даже в случае надобности посетить иную планету, приравняв это путешествие к выезду на дачу, подальше от городского шума, от загазованного воздуха. Не стану опровергать эти гипотетические предположения.

Земля — единственная в своем роде. Подумаем о Земле как о планете, среде обитания, как о нашем Отечестве, о нашем доме.

Двенадцать лет назад возникла идея организовать при одном из журналов постоянно действующую Всесоюзную экологическую экспедицию. Почему это произошло? Видимо, наступил период, когда все мы остро почувствовали, что привычное понимание — охранять природу — нас уже не устраивает: нелепо охранять то, что утрачивается в масштабах более значительных, нежели досягаемо нашему охранному взору. Необходимо было иное воззрение на природу. Научно-техническая революция подошла к той черте, когда она должна была превратиться из механизма природопоглощающего в механизм созидающий, восполняющий экологическую среду.

Поворот народного хозяйства в сторону повсеместной интенсификации был в значительной степени предопределен фактом изменившихся соотношений между природными ресурсами и темпами развития НТР. Экстенсивные формы развития экономики стали неприемлемыми для современных экономических и экологических условий. Можно сказать, мы переживали период экономизации экологических проблем. И это не удивительно. Как проблема века экология рождена и выпестована практикой экономического развития, практикой цивилизации.

Термин «охрана природы», бытовавший долгие годы как своеобразный синоним экологических проблем, низведенный до локальных практических действий (озеленение, охрана животных, юннатское движение), со временем перестал вмещать те конфликтные ситуации, которые случались в человеческом обществе в его взаимоотношениях с окружающей средой. Экология стала одним из направлений человеческой мысли, обрела права самостоятельной науки. Все это мы чувствовали, понимали, осознавали в своих ежегодных экспедициях. Никакого экологического мировоззрения вне знания законов экономического развития общества быть не может. Защищать интересы окружающей среды можно и должно только языком экономики. Заметим при этом: ее язык, язык одушевленных цифр, наиболее понятен и доступен. Он перестает быть языком узконаучным и дает основания для диалога с обществом.

Мы провели двенадцать экспедиций по различным регионам страны.

Все было: Север, Сибирь, Дальний Восток, Волга, Каспий, Средняя Азия, Арал, Азов, Нечерноземье, Белорусское Полесье, Украина.

Позади не только десятки тысяч километров — позади общение с сотнями людей. Если можно так выразиться, мы создавали своеобразную летопись «НТР. Человек. Природа» век XX, 70—80-е годы.

Мы не только наследуем, но и создаем наследие. Иного тут не дано.

Экологические проблемы территорий менее освоенных, заповедных и территорий европейской части страны при всем их сходстве проблемы разные. Приведем всего один довод: плотность населения в европейской части, в одной из центральных областей, скажем Воронежской, на 1 кв. км 47 человек, а в Сибири, в Красноярском крае, на тот же квадратный километр лишь 1,4 человека. Я бы рискнул заметить, что в европейской части страны все экологические проблемы более очеловечены. Их последствия менее предположительны, ибо вмешательство человека происходит не столько в дикую природу, сколько в природу видоизмененную, а порой и созданную человеческой цивилизацией. Здесь говорить об отдаче наших глобальных проектов сложно, потому как существует сравнительный эталон. Здесь жили, строили, творили, плавили металл, сеяли, собирали урожаи и до нас, и до наших дедов, и до наших прадедов.

Мы должны отдавать себе отчет в том, что партия, выработав курс на интенсификацию, определила этот принцип не как желательный, а как обязательный для всех. В то же время некоторые проекты наших масштабных мелиораций под лозунгом интенсификации фактически проповедуют экстенсивный путь развития — заимствование земельных территорий, водных ресурсов, в то время как отдача от ранее осуществленных проектов не превышает 20—30%. И хотя мы говорим об этом, но говорим вяло, как бы самим тоном подчеркивая невозвратность потерянного, ибо всегда есть спасительная формула: «Учтем на будущее».

В решениях XXVII съезда КПСС сказано: «Повысить эффективность использования орошаемых и осушенных земель, добиваться получения на этих землях проектной урожайности».

Не должно быть такого положения, когда мы берем деньги у государства, обещая ему на преображенных площадях получать, скажем, 1 млн. т мяса, определяя этот проект как долгосрочный — на три-четыре пятилетки, надеясь, что отвечать придется уже не нам. А когда подводим итоги, имеем цифры отдачи, крайне далекие от обещанных. А ведь деньги брались под миллион тонн мяса, а не под 10 тыс. т.

Экономическое развитие такой страны, как наша, не может зависеть от погодных условий. Так получилось, что основная сельскохозяйственная территория страны, ее пахотные угодья находятся в зонах рискованного земледелия. Вот пропорция: 87%. Не вымерзнет, так вымокнет, не вымокнет, так высохнет. Там, где есть влага, не хватает тепла. Там, где избыток тепла, нет воды.

Вообще мелиорация — это действие особого свойства. Почему там, где орошалось и обновлялось, начинается засоление почв? А там, где осушалось,— выдувание и торфяные бури? Что это — загадка природы или проблемы, порождаемые нашей собственной хозяйственной практикой?

Мелиораторы проигрывают в диагностике, сказывается превалирование инженерного подхода над подходом биологическим, а земля, ее плодоносящий слой — структура именно биологическая, восстанавливаемая или разрушаемая в пределах 5—10 лет. Мелиораторам достает знания машин, но не хватает агрономической оснащенности, знания законов почвоведения, экологических процессов, короче говоря, не хватает того самого экологического мировоззрения, без которого осуществление любого мелиоративного проекта чревато промахами и потерями. Мелиоратор должен врачевать землю, как хирург. Мы очень часто забываем об этом. Возможно ли представить хирурга, знающего и владеющего только инструментом, но не знающего законов восстановления тканей, не владеющего терапевтической диагностикой, не способного точно просчитать последствия операции. Мелиоратор должен быть рабочим с психологией крестьянина, земледельца.

Замкнуть мелиоратора на конечный продукт — урожай с обновленной земли — это очень и очень много: соединить разъединенное, заставить экономический механизм работать на общий интерес. И все-таки мелиоратор должен чувствовать себя крестьянином, вооруженным техникой, и «технарем», удовлетворяющим крестьянский интерес. Если угодно, это в условиях мелиоративного строительства и есть ступени нового экономического мышления.

Задача мелиорации — дать стране гарантированный урожай. Посмотрим на эту проблему с экологической и экономической точек зрения.

Совхоз «Пархомовский» — это новое хозяйство, созданное на осушенной земле Белорусского Полесья. Практически не было разрыва между мелиорацией и строительством. Одновременно возводились дамбы, насосные станции, прокладывался дренаж, строились животноводческие комплексы, жилье, силосные башни.

1550 га под зерновыми, 600 га под кукурузой, 155 га под кормовой свеклой, 3000 га — многолетние травы. Сегодня земли «Пархомовского» дают 39 кормовых единиц с гектара сельхозугодий.

Внедрен севооборот. Уже многие проектные задания перекрыты. 7500 голов крупного рогатого скота — на 1,5 тыс. голов больше, чем по проекту. На 55 млн. руб. реализованной продукции — эта цифра тоже выше проектной. И как результат — высокая рентабельность производства.

Сейчас в совхозе 5392 га земель с осушительной сетью, 3646 га пашни увлажняются с использованием каналов, 780 га орошаются дождеванием.

Через 10 лет после начала строительства совхоз стал самым известным в Полесье — визитной карточкой мелиораторов.

Есть ли проблемы? Есть. И рекомендации науки нарушаются: не высевать на торфяниках сразу пропашные культуры. И облесение — уязвимое место совхоза. А торфяники без облесения существовать не могут. Но главное в другом. «Ничто не дискредитирует идею так, как ее половинчатое осуществление» — это уже слова директора совхоза Дмитрия Руцкого. «Мы старались все делать по максимуму».

Я не собираюсь утомлять читателей цифрами. Подчеркну лишь: хозяйствуют в совхозе «Пархомовский» сами мелиораторы. Это все к тому же — нужна крестьянская психология.

И еще: длительное сооружение мелиоративных систем приводит к тому, что в момент, когда система входит в строй, она является уже не только морально, но и технически, производственно устаревшей. А если к этому прибавить еще и длительное проектирование, то многое из того, что мы строим или заканчиваем строить сейчас, является реализацией мелиоративных идей пятнадцатилетней давности.

Что такое почвозащитная система земледелия, разработанная в нашей стране Терентием Мальцевым и академиком Бараевым? Обработка почвы методом рыхления, с сохранением стерни. Это не только переворот в агротехнике — это торжество экологического мышления в экономике, ибо мы сохраняем главный ресурс жизни — землю. Мы восстанавливаем ранее утраченное природой, утраченное не без «помощи» человека. В конечном итоге заниматься формированием экологического мировоззрения — значит утверждать в жизни практику хозяйствования на принципах разумного природопользования, объединяя два понятия — «взять» и «вернуть», не разъединяя их во времени на десятилетия.

Экологическое мировоззрение — понятие масштабное, но в то же время и конкретное. Раздробление выгоды общей на тысячу выгод ведомственных, трактуемых как прибыльность каждого конкретного производства,— этот принцип ложен, когда не замкнут на конечный итог общего межведомственного интереса. Сумма ведомственных выгод вопреки законам упрощенной арифметики в экономике не дает сплошь и рядом выгоды общей, равной сумме слагаемых.

Природа — единое целое не только в масштабе планеты, хотя и это закон. Она единый симбиоз в пределах одной низменности, возвышенности, бассейна одной реки. Она — общее единство миллиардов биологических и геологических единств.

Краснопресненский район Москвы. Это центр. Он застраивается. Когда строитель с легкостью разрушает строения барачного типа, его понимаешь: он — венец прогресса, он — сама сознательность. Люди должны жить лучше. Но он с такой же легкостью срезает бульдозером уникальные тополя, липы, дубы в три человеческих обхвата.

«Нам приказано срыть, мы срываем. Нам сказали спилить, мы пилим».

По-разному можно объяснить эту психологию. Может, не всем строителям близок образ старой Москвы? Но ведь за каждым проектом стоит архитектор. Почему же ему чуждо понимание, что в городе каждое дерево надо оберегать как зеницу ока?

«Невыгодно для проекта моего ведомства. Невыгодно для плана моего строительного управления».

Стоит в Москве, во Вспольном переулке, школа. Стандартное здание, построенное по типовому проекту. С небольшим лишь отклонением: готовый проект изменили только для того, чтобы не повредить росшую на участке старую липу. И растет она до сих пор, касаясь ветвями окон классов, как живой памятник истинно экологической мудрости людей, сохранивших это дерево.

В Москве достаточно парков и лесопарков, и вообще город зеленый. Но помимо Сокольников, Измайлова, Останкина — да мало ли прекрасных живописных мест! — есть вот такое дерево, одно-единственное, которое не сочли возможным срубить.

Отношение к природе не исчисляется сразу масштабами леса, озера, моря. В этом отношении всегда присутствует промежуточная ступень — мое отношение к одному-единственному дереву, к литру чистой воды, к горстке земли. Кем-то сказаны мудрые слова: «Разорение начинается не с десяти рублей, а с одной копейки».

Я восхищаюсь московскими пятиэтажками, построенными в 60-х годах. Не домами в их архитектурной примитивности, а обилием зеленых насаждений вокруг этих домов, которые буквально захлестнули, укрыли сами дома. Посмотрите, как облысели новые микрорайоны, как носится песчаная пыль по голым, открытым дворам.

Охрана природы, ее восполнение должно быть нашим инстинктом, нашим генным кодом.

Случай с одним механизатором, строившим железнодорожную магистраль, поразил меня и приобрел смысл своеобразной притчи.

На участке строительства колея железной дороги шла вдоль берега реки. Основанием для железной дороги должен был быть гравий или галечник. Для этого существовал карьер. По мере удаления строителей от карьера подвоз галечника становился делом более сложным. Дороги скверные, точнее, их нет. Опять же горючее, опять же сохранность техники.

И тогда один бульдозерист предложил пробить съезд к реке и прямо из нее взять галечник, который был ее донным основанием. Съезд пробили, галечник взяли. Производительность труда на этом участке выросла в четыре раза, себестоимость тонно-километра уменьшилась в три раза. Портрет инициатора поместили на Доску почета, и еще долго его предложение показывали как пример истинной хозяйственности и трудового энтузиазма. Все было бы хорошо, если бы не одно «но»... В течение десяти дней на реке было уничтожено тысячелетнее нерестилище красной рыбы. Река с этого момента как обиталище красной рыбы была приговорена. Это сделал не министр, не начальник главка, даже не начальник участка. Рядовой бульдозерист. Экологическая безграмотность одного нашла твердую опору в экологической безграмотности других. Вот почему мы сегодня говорим о мировоззрении.

Мировоззрение — это помимо прочего способность соотносить такие временны́е состояния, как прошлое, настоящее и будущее. Понятие «потомки» начинается с наших детей. Давайте никогда не будем забывать об этом.

Что такое экология человека? Упрощенно говоря, это взаимодействие цивилизации с окружающей средой. Действия человека в мире природы. И охотничий и рыболовный промысел — часть этого действия. Сколько написано статей о борьбе с браконьерством! Сколько законов принято и пересмотрено!

И все-таки острота проблемы остается.

Не станем касаться всех сторон браконьерства, выделим наиболее разрушительную — браконьерство злостное, являющееся

своеобразным промыслом, кражей у природы и государства. Примеров достаточно, упоминание еще одного или двух лишь добавит озабоченности, но не раскроет сути.

Листая всевозможные судебные документы, следственные протоколы, ловишь себя на мысли, что браконьер пытается доказать свою невиновность не по статьям закона, а спекулируя на некой шкале экономических ценностей.

Он не отпирается, он пойман с поличным. Его аргументация специфична, она настораживает:

«Да, я убил четырех сайгаков.

Да, отловил трех осетров.

Но велик ли урон от моего проступка, если месяцем ранее после обработки посевов с самолета погибла тысяча сайгаков, так как по ошибке удобрения попали на места водопоя животных?

Я отловил трех осетров. Ну и что? А вы знаете, сколько их гибнет у плотины, поскольку они не могут попасть к местам нереста?

Кто наказан за эти потери?»

Он не спрашивает, он обвиняет.

Непресеченная бесхозяйственность, не повлекшая за собой справедливого наказания, списанная по принципу «с кем не бывает!», не только порождает неверие в наши хозяйственные навыки, не только опрокидывает принцип справедливости, она еще и вооружает человека, преступившего закон. Он словно бы дает понять нам: его браконьерство, его кража мала, несущественна. В кругу бесхозяйственности, среди значительных потерь он, браконьер, пытается найти моральное оправдание своим действиям!

Никогда не следует забывать, что наши социальные завоевания равно доступны и творящему добро, и совершающему зло.

Браконьер становится грамотнее, находчивее, образованнее. Он всякий природоохранный закон рассматривает как некую новую ситуацию, в которой он, браконьер, должен сориентироваться и разработать свою программу действий.

Вот что по этому поводу пишет известный охотовед Ф. Р. Штильмарк: «Неожиданным стимулом развития браконьерства явилось, к сожалению, увеличение закупочных цен и неверно понятые, скороспелые методы выполнения Продовольственной программы в лесных районах. Под этим предлогом все чаще и чаще «в порядке исключения» проводится охота запрещенными методами и в запрещенное время, применяются нерациональные способы промысла, допускаются всевозможные поблажки нарушителям. В результате авиаотстрелов на севере Туруханского района почти истребили лося, резко снизилось поголовье диких северных оленей... Ныне в литературе даже появился термин «узаконенное браконьерство» — речь идет именно о нерациональном промысле диких животных, прежде всего об авиаотстреле копытных зверей, хотя это официально запрещено нашими законами».

Высказывая свое мнение о способах пресечения браконьерства, Штильмарк далее пишет:

«...Необходимо обуздать стихийное освоение новых территорий, например тайги. Сегодня, при современной технике, там нет

недоступных мест. Взять под контроль все виды охотопромысла, пресечь как индивидуально-частное, так и «узаконенное» браконьерство, порожденное на базе объединения в наших ведомствах задач охраны и использования ресурсов». Выделим эту мысль. «Функция контроля не может эффективно сочетаться с производством; никто не будет наказывать самих себя, не может левая рука ограничивать действия правой. Нужно ввести в рамки планирования добычу продукции, строго соблюдать принцип рационального природопользования, неистощительного, постоянного освоения угодий» — с этими словами Штильмарка трудно не согласиться.

Все естественно: если есть нарушающие, должны быть и охраняющие природу, отстаивающие ее интересы. Теоретически таких абсолютное большинство, но в этом большинстве есть свое большинство, для которых факт возмущения — «Куда смотрят!» — уже действие. И так до следующего тревожного сигнала. Вот почему крайне уместно напоминание покойного академика Шварца: «В деле защиты окружающей среды всегда существует опасность ложного эффекта — принять слова «Караул, губят Байкал! Безобразие, вырубают лес!» за якобы совершённое, достигшее своей цели практическое действие во благо природы». Слов должно быть меньше, а дел больше. На этом принципе должна строиться практика рационального природопользования.

Защищать природу, охранять окружающую среду. Обязывающие, мобилизующие глаголы: сохранять, защищать. Исходя из этого рождается установочный принцип взаимоотношений: кто-то уничтожает, а кто-то охраняет. Почему охраняет? Тут все ясно: должность такая — охранять. А вот почему уничтожает? Это вопрос иной. Трудно поверить, что человек считает своим предназначением принцип — «я живу для того, чтобы уничтожать, истреблять живое». И вот тут надо бы сделать сноску. Что происходит? Лес, пока он лес, есть факт природы, его охраняют (кстати, не очень хорошо). Но вот лес срубили — он стал сырьем, ассортиментом. Он уже вроде и не лес, не природа. Охранная грамота не действует. На лесосеках, на верхних и нижних складах, при лесосплаве, транспортировке мы пока несем значительные потери срубленного леса. Можно охранять лес. Можно на каждое растущее дерево повесить плакат: «Берегите лес — зеленое золото нашей страны». Но наши усилия будут равны нулю (так и происходит порой), пока существующая технология переработки леса будет допускать немыслимую потерю — 30, а то и 40%. И что самое удивительное, потерю ненаказуемую, не конкретизированную поименно. Потеряло суммарное лицо — государство.

Вывод однозначен, пока есть такое неизменное положение: «Теряй, пока теряется»; потому как потери и охрана проходят по различным ведомствам, мы будем в лучшем случае в своих взаимоотношениях с природой топтаться на месте, в худшем — двигаться назад.

Любая технология сегодня должна быть технологией природоохранной, природовосполняющей. Иначе говоря, мы должны просматривать не только путь от породы к металлу, но и обратный — от металла к породе.

Сколько стоит то, что ничего не стоит? Вопрос парадоксальный, но крайне жизненный. Озеро ничего не стоит. Река ничего не стоит. Воздух ничего не стоит. Лес — в том смысле, что приехал, собрал грибы, ягоды, от природы взял — получается бесплатно.

Природа — единое целое. Но в условиях хозяйствования в ней соприкосновение с природой происходит не всецело от лица цивилизации, а по отраслевым, ведомственным коридорам. Просчитывая те или иные потери, нередко можно услышать: «Страна огромная, за всем не уследишь». Повторим эту фразу несколько раз в той привычной усталой тональности, в которой она произносится обычно. И невольно угадаем в себе нарастающее согласие, гипнотизирующее воздействие, некий сострадательный позыв. А ведь действительно огромная и действительно за всем уследить трудно.

А это уже психология, традиция мышления и восприятия. Некая допустимая нравственная норма. Много строим, вполне естественно — много теряем. Разрешающий предел, до которого наша совесть, да что там совесть — наш профессионализм молчит. «Это еще ничего, это еще терпимо». Я не случайно выбрал именно такой термин — «естественно», как бы самой природой, логикой жизни предопределено.

А по существу абсурд. Рецидив устаревшего хозяйственного, экономического мышления. Из тех трудных, критических времен, когда принцип «План любой ценой, урожай любой ценой, пуск любой ценой» был программой действий, жизненной реальностью. А какова эта цена, уже второй вопрос. А ведь сплошь и рядом эта непросчитанная цена бралась из природных ресурсов, из кармана государства.

На всякий роток не набросишь платок. Здесь углядел, а там просмотрел. Экономика социалистического общества базируется на плацдарме коммунистической нравственности, без чего рассчитывать на продуктивность, эффективность экономики попросту нереально. Это и высокий профессионализм, и честное отношение к труду, и коллективизм, и рачительность, и как итог — высококачественный труд — общая норма, а не удел единиц. Мировоззрение всегда суммарно: образование плюс воспитание.

Экологическое мировоззрение — сумма тех же составляющих. Вряд ли мы бедны знаниями о природе своей. И воздух, и лес, и река, и земля — мир растительный и мир животный. Разве мы не знаем, что это не только наши ресурсы, но и среда нашего обитания? Знаем.

Но ведь вопрос в том, что лично себе мы отводим роль жителя Земли, для которого окружающая среда отдана в безвозмездное пользование, как якобы никому лично не принадлежащая. По существу так оно и есть. Вот если бы это был участок лично моей среды, тогда другое дело. Как мой сад, мой огород, все тот же фикус на моем окне. Фиксация личного участия в пределах неразграничения общего хотя и сложна крайне, но сверхнеобходима, и это удел экологического воспитания. Когда участие в деле восполнения природы есть потребность, а не нормированный законом акт, тогда любой природоохранный закон не обремените-

лен для личности, а суть выражение его повседневного отношения к природе. Как же это важно сегодня!

Зима 1985 г. была не в пример суровой Мороз сковал льдами и южные реки, и южные моря. Застигнутые стихией лебеди в громадном количестве скопились в Одесском порту. Люди пришли на помощь природе: портовики наладили постоянное кормление птиц, буксирные ледоходы каждый день расчищали водное зеркало ото льда, особенно в той части, где находились лебеди. Никаких директив, специальных инструкций. Порыв души, потребность восполнить, спасти природу — вот что побуждало десятки портовиков к действию во благо живого.

В заснеженном парке на окраине леса незатейливое приспособление для кормления птиц. Я видел, как старик, соорудивший несколько таких кормушек, никак не мог их пристроить на деревьях. Он был очень стар и крайне страдал от своей старческой беспомощности. Кормушки следовало разместить таким образом, чтобы люди беспрепятственно могли засыпать туда корм.

Когда я подошел к старику, он мне сказал: «Вы первый, кто вызвался мне помочь. А ведь на том конце парка — институт. Смотрите, сколь их бежит мимо. Я попросил троих. Вы знаете, что они мне ответили: «Ты, дед, на пенсии, у тебя теперь вся жизнь — отдых. А у нас на старческие забавы времени нет».

— Им просто холодно,— неловко оправдал я студентов.— Сильный мороз, а они вон как одеты. Вот и бегут мимо.

— Может быть, может быть,— сказал дед и пошел прочь.

Через два дня я опять оказался в этом парке. Был солнечный день. Я добрел до кормушек и был удивлен: стая птиц летала где-то рядом, но на кормушки не садилась. Две кормушки уже были разбиты и валялись на снегу. Я не сразу угадал причину. Возвращаясь часом позже, я увидел двух подростков: они устроились поблизости и из каких-то самодельных приспособлений расстреливали птиц, подлетавших к корму.

Я не думаю, что эти дети были лишены знаний о природе. Скорее они были лишены воспитания. И еще одно наблюдение — отчего-то в «причудах», подобных тем, что занимался старик в парке, я видел участие либо совсем малых, либо людей преклонного возраста. Что с нами происходит? Отчего мы черствеем душой? А так посмотришь, то по тому же парку гуляют с собаками. Вроде не чужды, не глухи, не слепы.

Или сострадание, участие появляются лишь тогда, когда проштамповано бесповоротно: «Мое, вот и чек, деньги уплачены».

Не факультатив, а курс природоведения необходим и в школах, и в техникумах, и в вузах, и в ПТУ. А еще нужна практика, обязательная практика природопользования.

Когда еще ты воплотишь пророчество — жизнь прожита не напрасно, если ты посадил хотя бы два дерева? Так вот пусть на практике и будут посажены эти первые два дерева.

Тысячелетиями наша психология формировалась на перекрестке привычных образов: необъятные дали, неисчислимые богатства, бездонные озера, бескрайние просторы. Велика наша Родина. У нее и единицы исчисления образные: если совхоз, так по

территории полторы Голландии; если область, так равная трем Францияи. Это не проходит бесследно.

Мы выросли в окружении превосходных степеней. У нас отсутствовал ограничительный ряд. Мы не ждали милостей от природы, потому как считали: «Брать их у нее — наша задача». Все потому же: бескрайние, бездонные, неисчислимые, нескончаемые... Было ли это ошибкой? Вряд ли. Такова была наша действительность, из которой мы должны были исходить, созидая новое общество. Мы торопились, нам надо было вставать на ноги!

Иные времена — иные песни. Мы все время повторяем, убеждаем себя: надо научиться считать. Понятия «бескрайнее», «бездонное», «неисчислимое» не совсем подходят, когда мы говорим об охране природы. Все имеет предел. Нельзя научиться считать прибыль, не постигнув навыка счесть урон.

Часто можно слышать вопрос: «Чего вы добились, кого и где вы заставили перестроить, перепроектировать, что изменилось после вашего вмешательства?» Отвечу вопросом на вопрос. Сколько стоит общественное мнение? Много или мало? Думаю, много, очень много. Если мы задумались, если мы сострадаем, если мы чувствуем единомыслие — мы более уверенны в своих поступках, наши взгляды интересны не только нам. Время, когда охрана окружающей среды была уделом одиночек, бессребреников с личиной мучеников на лице, ушло в прошлое.

Никто, кроме нас,— другой альтернативы нет. Молодых и старых, всех до единого.

Общественное мнение сто́ит дорого. На его формирование нужны годы. Говорят, чтобы понять истинную цену чему-либо, это «что-то» надо потерять. Так-де устроен человек, по-настоящему учит только беда. Не станем искушать судьбу! Оглянемся кругом. Мир прекрасен! И природа наша не часть этого мира. Она — сам мир, образ нашего Отечества. Будем же сильны и уверенны, охраняя природу.

В том долг наш — мы защищаем Родину.

Владимир Исаков

ЗОВ ЗЕМЛИ

ОЧЕРК

Художник А.ГРАШИН

— Познакомьтесь с Геннадием Макаровым,— посоветовали мне однажды в Мурманском обкоме партии.— Очень интересный человек. Бывший моряк. Сейчас «сидит» на берегу, огородничает...

Моряк, занявшийся огородничеством,— явление, по-видимому, не такое уж частое. Я заинтересовался Макаровым и скоро из разговоров с разными людьми узнал о нем следующее.

Геннадию Макарову сорок с небольшим лет. Когда-то пацаном он приехал в Мурманск из Владимирской области, поступил в мореходку и после окончания ее плавал на судах тралового флота. Бывалый моряк. Это значит, что человек провел в море минимум четыре года. Ни часом меньше. Это значит — позади штормы всех океанов. Это значит — если закрыть глаза, весь мир до сих пор качается и качается перед глазами...

Может, Макаров и сегодня плавал бы на своем траулере, не случись в его жизни одной, казалось бы, неожиданной, но на самом деле, как видно, закономерной перемены. Молодой моряк был избран секретарем сначала Полярного, потом Североморского, затем Мурманского горкома комсомола. Комсомольской работе он отдал девять лет. Эти годы научили его шире смотреть на мир, близко к сердцу принимать его недостатки, считать себя ответственным за все трудности, которые есть вокруг, научили чувствовать все самые больные точки жизни, все то, что заботит, беспокоит и волнует людей.

В это время Макаров снова неожиданно для всех, и особенно, наверное, для своих друзей, вдруг делает крутой поворот. Он поступает в сельскохозяйственный институт, заканчивает его и из моряков становится главным агрономом совхоза «Арктика».

Какие чувства боролись перед этим в его душе? Что пережил, передумал, перечувствовал он, прежде чем принял такое решение? Сколько планов, надежд, решимости на подвижничество надо было накопить, чтобы поменять одну трудную профессию на другую, не менее трудную?

Вот она, земля «Арктики». Скудная земля. Кажется, от нее, так же как от названия этого совхоза, веет неистребимым холодом. Какое сельское хозяйство возможно в краю полярной ночи, суровых морозов, бесконечной зимы? Наверное, надо быть очень настойчивым, чтобы любить эту землю и надеяться здесь на что-то. Но упорства Макарову было не занимать. Он знал одно: везде, где живет человек, для его существования, здоровья, счастья надо в достатке, а еще лучше в изобилии иметь хорошую пищу. Садясь за стол, человек должен поставить перед собой мясо, молоко, масло, картошку, огурцы, помидоры...

Если же говорить о Севере... Тут человеку без достатка продуктов, так же как без теплой одежды, надежного жилища, вообще нечего делать. Спасибо, что с Юга идут составы с продуктами. Спасибо, что есть консервы и порошки. Но на консервах и порошках все время не проживешь. Нужно свое молоко. Нужны свежие овощи. Трудно добывается это на здешней суровой земле. Не всякому по силам любить и подчинять ее своей воле. Но кто-то должен уметь делать и это.

В «Арктике» Макаров проработал несколько лет. Упорный молодой агроном и упрямая северная земля. Прежним агрономам на этой земле мало что удавалось. Если бы не получилось и у него — что ж, можно было бы идти обратно в море. Но Макаров не привык, чтобы у него не получалось. Так или иначе, под открытым небом или в теплице, на любовь, заботу, уход откликалась и эта земля. Все дело в человеке, в подходе, в умении.

Не хватает умения — надо учиться. Он окончил аспирантуру, стал кандидатом биологических наук. Стал не формально, не ради престижа. Просто, как он чувствовал, при меньшей квалификации агроному тут нечего было делать.

Наконец, когда после огромных усилий дела в «Арктике» двинулись и заметно пошли вперед, когда агроном втайне наметил для себя планы на много лет, все это, ставшее таким близким, снова пришлось оставить. На берегу реки Туломы, под Мурманском, был спроектирован мощный тепличный комбинат. И директором сюда был послан он — самый упорный человек, самый талантливый агроном, бывший моряк Макаров.

На холодный, каменистый, хмурый берег летящей по порогам в Кольский залив Туломы он пришел вместе со строителями. Тут были кусты, голая, бесплодная земля. Он и его первые помощники — Дмитрий и Нина Карамышевы, Николай и Галина Быстровы, Александр и Капитолина Буторины, Вячеслав и Нина Полозовы — стояли и, наверное, думали: по силам ли огромное дело, за которое они брались...

Сейчас эта земля, согретая и ухоженная за стеклянными стенами теплиц, дает Мурманску тысячи тонн овощей. Из гигантского огорода на берегу Туломы каждое утро идут в Мурманск машины с огурцами, помидорами, луком, салатом,

петрушкой. Поразительно, но в отдельные годы здесь собирают урожай, один из самых высоких в России.

Мурманчане, от моряка до домашней хозяйки, необыкновенно гордятся своим пригородным хозяйством. И действительно, можно гордиться, когда каждый день на столе лежат местные, мурманские огурцы. Тепличный комбинат — не меньшая достопримечательность этих мест, чем атомные ледоколы, северные олени, сверхглубокая скважина.

И трудно решить, что тут от совершенства теплиц, что — от яркой личности самого Макарова.

Кажется, перед встречей я знал о Геннадии Макарове почти все. Что же он за человек — вчерашний моряк, сегодняшний агроном, необыкновенная личность Геннадий Макаров?

С первого взгляда Макаров показался мне обыкновенным и каким-то даже приземленным. Никакого морского шика. Вот что-то крестьянское — это, пожалуй, есть. В коренастой фигуре, широких плечах, изучающем взгляде — доставшиеся, должно быть, от владимирских предков капитальность и основательность. Весь в материальных заботах, просто страдает, когда его отрывают от них. В общем, что называется, крепкий хозяин.

Макаров стоял и довольно жестко разговаривал о чем-то с молодой рабочей-тепличницей. Вокруг было тепло, влажно, зелено. Пахло землей, огурцами, луком, как где-нибудь в Средней России в деревенском огороде после хорошего дождя. Поковырявшись в земле, Макаров сделал еще какое-то замечание и пошел дальше по своему огороду.

— Прекрасная тепличница,— обращаясь ко мне, неожиданно сказал он об оставшейся позади девчонке.— Терпеливая, старательная, аккуратная. То, что надо. Вот мужчина так работать не может. Мы привыкли: взял, надавил плечом... И что тут давить, когда растение и так хрупкое!

Макаров мельком взглянул назад.

— Попало, сейчас переживает,— кивнул он.— Постеснялась, видите ли, прийти спросить. А кого тут стесняться? И я чего-то не знаю. И каждый. Не знаем — давай лезть в книжки. Почему растение должно страдать?

По тому, как Макаров произносил слово «растение», можно было догадаться, как директор, а за ним и все остальные относятся тут к каждому появившемуся на свет ростку. В этом огороде растение было предметом поклонения, венцом природы, всем чем угодно...

— Не знаю, благодаря ли образованию, опыту или чему-то еще,— Макаров усмехнулся,— я вот даже чувствую, как здесь все растет, какому растению хорошо живется, какому плохо. Приду иногда в теплицу, посижу. И все ясно, без всяких слов.

Если отставить в сторону эстетический момент любви агронома Макарова к земле и к растению и взять только материальный, то он выглядит так. В деревенском огороде где-нибудь в центральных областях при самом лучшем уходе хозяйки собирают с квадратного метра примерно три-четыре килограмма овощей. Это то, что способна дать природа. Здесь, в заполярном огороде, собирают в 10—12 раз больше. Ничего этого не было бы без огромного труда, без фанатизма Макарова, без долгих часов,

проведенных им в каждой теплице. Как это ему удается, бог его знает, но Макаров превратил сельское хозяйство в заманчивую для всех поэзию — поэзию работы на земле.

— Ну с чего мы начинали? — рассказывает Макаров.— Конечно, с земли. Завозкой и приготовлением земли занимались сами. Как строителям можно доверять? Им все равно — завезут песок, камни. Им лишь бы объемы выполнить, а нам нужен хороший грунт. На плохом грунте урожая не получишь. За годы работы агрономом я убедился в этом на сто процентов. Так что всю свою землю мы готовили сами, когда тут еще ничего не было. Собственно, эта работа у нас не прекращается. Здесь, рядом, в полутора-двух километрах, есть бездонное болото, которого хватит на всю нашу жизнь. Вот, складываем торф в бурты, проветриваем. Морозами его разрывает. Он становится менее кислым. Потом в соотношении три к одному смешиваем торф с навозом, добавляем извести, удобрений. Два года все это лежит в буртах. Идет, значит, биологический процесс. И через два года у нас получается прекрасный грунт, никакому чернозему не уступающий, о чем свидетельствуют урожаи.

Некоторое время, уже работая здесь, я продолжал работать еще и в «Арктике». Хотелось убрать, что там было посеяно. Все-таки первое хозяйство. Сроднился. Наверное, я всегда буду с благодарностью вспоминать этот коллектив — людей, которые меня учили и которых я чему-то учил. Хозяйство было тяжелое, все там давалось с большим трудом. Зато в смысле приобретения опыта это было полезно...

Макаров открыл дверь, впустил меня в высокую, ярко освещенную теплицу.

— Вот, это моя любимая бригада. Самая многострадальная. Теплицы здесь сдавались в муках, с недоделками. Пришлось немало потрудиться самим. Зато сейчас... Кроме огурцов выращиваем здесь салат, петрушку, сельдерей, лук, укроп. Тут у меня небольшой экспериментальный участочек, как у агронома. Пробую, выращиваю землянику, виноград, арбузы... Почему именно в этих теплицах? Здесь у нас как-то уж так подобрались самые старательные девчата. Вот, скажем, Наташа Болонина, Анна Хомицкая. Непонятно им — несколько раз переспросят, но сделают в точности так, как надо. Это, я считаю, по призванию овощеводы. У нас ведь тут даже и с агрономическим образованием надо много учиться. Особая агротехника, особые сорта. То, что хорошо, скажем, в средней полосе, у нас не годится. И наоборот.

Мы, я скажу, во всем опираемся на молодежь. Не было навыков — научили. И многие прекрасно работают. Ну, конечно, не все, кто пришел, так и остался. Нет. Будем говорить так: половина на половину. Половина осталась, у половины не хватило сил, умения, желания. Ну, мы их не стали задерживать. В общем-то у нас существует здоровая конкуренция. Как-то уж так принято: две-три тепличницы, оказавшиеся на последних местах, на следующий год в теплицы уже не попадают. Комбинату нет смысла нести убытки. У нас, скажем, пятьдесят теплиц. Лучшая дала нам продукции на сто двадцать тысяч. А худшая — всего на восемьдесят. При абсолютно одинаковых условиях разница —

сорок тысяч рублей. Зачем нам это? Если не хочет человек работать... Предупреждали, рассказывали, подсказывали... Есть у нас хозбригада, где работа менее квалифицированная и, естественно, менее оплачиваемая.

Для овощевода ведь прежде всего что нужно? Трудолюбие. Интерес к своему делу. Обязательно. Не знаешь, не умеешь — спроси. Некоторые так: директор или агроном проходят, не говорят ничего — ну и ладно. Главное, не поругали. А другие наоборот: «Геннадий Яковлевич, что-то у нас не так, посмотрите». Вот в таких теплицах всегда приятно бывать. Ну, у нас уже такой порядок: если я иду в белом халате и с черной тетрадкой, это всеобщая проверка. Что я в первую очередь записываю в черную тетрадку? Нарушения агротехники. Агротехника — это главное. От этого зависит урожай. Вот, например, ходил в последний раз — кое-где не был пострижен желтый лист. Я знаю, что это недопустимо. Появятся болезни, вредители. Почему не успели сделать? Почему другие успевают? На меня могут обижаться или не обижаться, но тут ясно: от этого будет повреждение, потеря урожая. Это недопустимо. Что еще я записываю? Какие жалобы, претензии? Кто в чем сомневается? Вот, допустим, говорят: «У нас не обрабатывали против клеща». Тут же, на месте, приглашаю агронома: «Доложите, почему не сделано...» Выясняем сразу — зависит ли это от меня, от агронома, от бригадира, от тепличницы. Главное, чтобы всем всё сразу же стало ясно. Или, например, почему-то не работает калорифер. Вызываю инженера: «Почему не работает?» — «Да вот у нас там мотор перегорел...» — «Какое растениям до этого дело? Если перегорел мотор, почему не приняты меры?» Мы знаем, что у нас квалифицированная инженерная служба. Мы можем сделать. А если не сделано — значит, по чьей-то неорганизованности, недисциплинированности. В общем-то такой порядок заставляет подтягиваться всех.

Видимо, потому, что я агроном, о растениях у меня душа болит. Раз в неделю я прохожу все теплицы обязательно. Правда, с черной тетрадкой я хожу не часто. Но тогда уже спрос ведется буквально со всех.

Вот и сейчас Макаров остановился с молодым агрономом Сергеем Сторожевым, вместе с ним осмотрел увядший куст и, дав какое-то указание, пошел дальше по теплицам.

— Агрономов вообще у нас много,— с гордостью сказал он.— Иначе нельзя. Вот главный агроном. Агроном-агрохимик. Два участковых агронома. Пять агрономов-бригадиров. Ну, я. Всего, значит, десять человек. Вполне достаточно, чтобы нормально вести хозяйство. У каждого, естественно, свои обязанности. На мой взгляд, ведущая фигура у нас — это агроном-бригадир. Ему непосредственно приходится заниматься всем: работой с людьми, уходом за растениями, сбором урожая. Ну, агрономами у нас тоже в большинстве молодежь. Раз в неделю мы обязательно собираемся у меня в кабинете, ведем чисто агрономический разговор. Тут все мы в одном ранге, все агрономы, говорим на одном языке. Кто-то чего-то недоделал. Кто-то просмотрел. Кто-то что-то... Тут это все всплывет. Но я скажу — каждый из наших агрономов для меня ценен. Они все отличные специалисты.

Когда Макаров садится на своего любимого конька — начинает говорить о земле, о растениях, об агрономии, видно, какой это горячий, увлекающийся человек. Иначе Макаров, наверное, и не был бы на этом месте.

— Если сравнивать, скажем, с открытым грунтом, работа у нас здесь более тонкая. Всем ясно: здесь мы меньше зависим от капризов природы, поэтому требуется большая ювелирность. Не бросишь лопату налево, лопату направо, тонну на поле, тонну мимо. Тут так не выйдет. Каждому растению, каждой грядке должно быть обеспечено все, что положено. Агроном защищенного грунта должен быть более квалифицированным и более ответственным специалистом. На арапа здесь ничего не пройдет. Были агрономы, которые приходили к нам с поля. Они привыкли все с маху: «А, давайте так». И в результате ничего не получалось, потому что тут надо до тонкости знать всю биологию. Если ты знаешь, что растению нужны такие-то условия, создавай их. Агроном тут первая скрипка. А как это сделать технически, пусть инженеры уж подстраиваются под это дело. Не хотят — заставим. Иначе не получишь урожая.

Вот мы получаем, скажем, по сорок пять — пятьдесят килограммов овощей с квадратного метра. Есть у нас в области несколько других тепличных комбинатов, поменьше. Там получают по двадцать пять — тридцать килограммов. Почему? Что, солнце неодинаково светит, вода или удобрения неодинаковые? Все одинаковое. Дело, выходит, в чем? В незнании либо в нарушении биологии. Подбор сортов в разных хозяйствах разный. У кого-то есть пчелы, у кого-то нет пчел. А в итоге... В итоге дорогостоящее сооружение не дает той отдачи, которую оно способно давать. И давать не один год, а постоянно.

В рассказе Макарова меня заинтересовало, в частности, упоминание о пчелах. Арктика — и пчелы. Понятно, что жить они здесь не могут. Как же Макаров все-таки приспособился иметь пчел? Я спросил его об этом.

— Да, вот о пчелах,— охотно откликнулся он.— В овощеводстве закрытого грунта сейчас считается так: чем севернее, тем больше надо переходить на огурцы, которые не требуют опыления. Какие это огурцы? Теперь их все знают — большие, длинные и, на наш взгляд, невкусные. Мы, мурманчане, привыкли, чтобы огурец был как огурец — свеженький, с цветочками, с пупырышками. Есть такие сорта, и сорта урожайные. Мы с самого начала взяли курс на них. Но для выращивания таких огурцов нужны пчелы. Мы перед этим не остановились, завели себе пасеку в Ставропольском крае, держим там двух пчеловодов, причем одного с высшим образованием. Они наши работники, получают у нас зарплату. Не слишком ли это дорогое удовольствие? Как сказать... Тут надо смотреть практически. Вот в марте мы получаем пчел. Пчела посещает за день две тысячи цветков. Человек вручную может опылить в день не более пятисот цветков. То есть одна пчела заменяет четырех человек. А потом, почему этим должен заниматься человек? На пчел мы тратим в год примерно девять тысяч рублей. На содержание, перевозку и все прочее. Что это нам дает? Две тонны огурцов ежедневно уже в апреле. Так что затраты окупаются многократно.

Кстати, длинноплодные огурцы мы тоже выращиваем. В небольшом количестве, для сравнения. По урожайности они ни разу не превысили наши короткоплодные. Более того, первые огурцы наших сортов мы получаем на пятьдесят пятый—шестидесятый день, а длинноплодные—на семьдесят пятый—восьмидесятый, так что у нас тут переплетены и моральные и экономические факторы. Я всегда начинаю со своих эмоций. Наш коротенький огурец—это огурец, признанный, так сказать, всем миром. А длинноплодные—их не очень-то и покупают. Мне вот лично его даром не надо. И наверное, не только мне...

Мы ходили с Макаровым по комбинату, то и дело останавливались то в одном, то в другом месте—директор со страстью успевал включаться во все. Как выяснилось, многое на комбинате построено уже после ухода строителей—своими силами, хозспособом. Например, гараж, мастерские, сантехнический цех, электрический цех, своеобразный деловой центр...

— А это вот наш спортзал,—неожиданно сказал Макаров.— Тоже строили сами. По выходным приходили все, кто умеет держать молоток. Поработаем—поиграем. Тут вот планируем разместить плавательный бассейн, столовую, медицинские кабинеты. Полный оздоровительный комплекс. Нам все это надо...

Мурманский тепличный комбинат, директором которого рабо-

тает Геннадий Макаров, один из лучших в стране. Он постоянный участник Выставки достижений народного хозяйства СССР, многократный ее медалист. Небезынтересно, что за полярным кругом, на Крайнем Севере, таких комбинатов за рубежом нигде нет.

— Были у нас тут американцы. Были канадцы, шведы, норвежцы, финны,— рассказывает Макаров.— Все они только поцокали языками, позавидовали и сказали: «Да, оказывается все это можно делать и на Севере». Один американец мне заявил: «На вашем месте я был бы миллионером». Я ему отвечаю: «Мы миллионеры и есть. Получаем около миллиона прибыли». Он тычет пальцем: «Нет, лично». Я говорю: «Мне этого не надо. Все, что мне надо, у меня есть». Ну, мы, конечно, тоже бываем за границей. Смотрим, что можно применить у себя. Бывал я в Норвегии, в Финляндии. Скажу, что позаимствовать там особенно и нечего. У них меньшие размеры, все более упрощенно. А что касается нашей жизни... Вот, приехали как-то тут итальянцы. Врачи и учителя. Показали мы им наш комбинат. Пошли по поселку показывать, как люди живут. Зашли в детский сад. Ну, в саду все хорошо. Дети веселые, игрушек полно. Итальянцы говорят: «Мы хотим посмотреть квартиру».— «Мою квартиру?» — «Нет».— «Заведующей детсадом?» — «Нет».— «Воспитателя?» — «Нет».— «Тогда чью? Прачка вас устраивает?» — «Устраивает». Ладно. Пошли так пошли. Пришли к Даше Шубиной, прачке детсада. Современная квартира, мебель, ковры там, все прочее. Они говорят: «Нет, это подстроено. Давайте другого человека».— «Кого?» — «А вот можно этажом выше?» — «Пожалуйста». Пошли на второй этаж. Там живет наш электрик Николай Агапов. Потом на третий этаж — там слесарь Юра Поздняков. На четвертый — там шофер Валерий Селезнев. У всех все нормально. «На пятый этаж пойдем?» — «Нет, хватит». А на пятом этаже жил главный инженер...

Позже, после знакомства с комбинатом, с его теплицами, множеством всевозможных служб, поселком, мы сидели с Макаровым на берегу Туломы, разговаривали уже о личном — о его семье, о жене-учительнице, о двух дочках. Я спросил у Макарова, не жалеет ли он о море.

— Как тут ответить? — задумался он.— Море — это море. Вот вспомнишь... Послевоенное время, трудное, полуголодное. А в мореходке одели, обули, накормили. Только учись. Таких заведений тогда было совсем немного. А потом как-то в молодости принято... Куда? В море! Первый траулер РТ-62 «Ворошилов». Разве забудешь... Ну а что побудило меня повернуть жизнь? Не знаю. Может, то, что я родом из деревни. Земля к себе позвала. Был вот я комсомольским работником, агитировал за развитие сельского хозяйства. А что ж это за голая агитация? Пошел сам. Не каюсь и думаю, что никогда не буду каяться. Главное — мне это нравится. Но связи с морем в общем-то тоже не теряю. Однокашники, с которыми я закончил мореходку, остаются моими друзьями, приезжают сюда, бывают у меня дома. Вообще, когда морякам надо поставить овощи, я последнее отдам. Приходит какой-то корабль или плавбаза. Ледоколы приходят. Им в первую очередь. Они в любом случае все получат. Может, это

личное мое пристрастие. Как угодно. Теперь у нас есть вот подшефная подводная лодка. Уже несколько моряков, отслужив, попросились работать к нам...

Уже под конец, подытоживая все наши разговоры, Макаров говорил:

— У нас сейчас триста человек, и все в основном молодежь. Большинство — квалифицированные специалисты, у всех минимум среднее образование. Современные люди. Стало быть, жить они тоже хотят по-современному. Объяснять: «Ты живи в доме с центральным отоплением, а ты с печным» — это, по-моему, тяжело. Хорошо, что у нас здесь только благоустроенное жилье. Теперь дальше. Вот за три года у нас куплено пятьдесят три личные автомашины. В любое время сел и поехал в город — в кино, в театр, куда тебе надо.

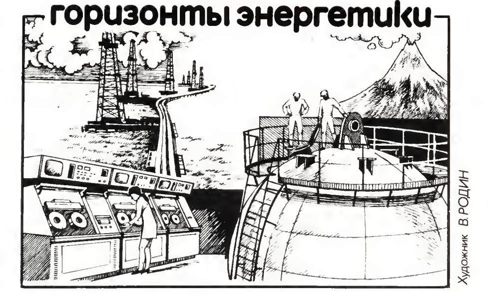
Он вспомнил о чем-то, на минуту задумался.

— Мне вот мать пишет из Владимирской области: нет молодежи, уезжает, конфузится работать в сельском хозяйстве. А куда она уезжает? В то же сельское хозяйство, но более высокого класса. На тепличный комбинат. На птицефабрику. На животноводческий комплекс. Вот, к нам многие приходят из соседних совхозов, просятся на работу. Обычно отказываем: то да се, вроде у соседей брать неудобно. Но у нас-то большинство — молодежь. И никакой конфузливости мы не испытываем. Никто. Наоборот. Больше чувствуем другое: если мы — в нашем возрасте, с нашими знаниями, образованием, желанием — если мы не переделаем сейчас сельское хозяйство, то кто это будет делать?

Макаров горячо выговорил все и замолчал. Было тихо. Лишь внизу шумела, прыгая по камням, Тулома. Пенистый поток несся в сторону моря, к Мурманску.

Мурад Аджиев

горизонты энергетики



Художник В. РОДИН

Современная энергетика связана с решением больших и сложных задач. В ней переплетены проблемы экономические и социальные, экологические и научно-технические. Именно эти проблемы в комплексе волнуют и географов.

Роль энергетики в нашей жизни, в хозяйстве велика и очевидна. Достаточно представить на минуту, что будет, если... Если перестанут работать электростанции, угольные шахты и карьеры, нефтяные и газовые промыслы... Наступит своего рода энергетическое затмение.

В определенном смысле люди «обессилеют», лишатся ставшей уже привычной энергоподдержки: ныне на жителя планеты приходится около 2,5 кВт энергетических мощностей, тогда как природная мощность каждого из нас, по оценкам физиков, в десятки раз меньше. Иначе говоря, современная энергетика увеличивает «мощь» человека примерно в 25 раз.

Но средняя цифра, как известно, дает лишь общее представление, в разных странах она различна. Самая высокая — в Скандинавии, в США: там средний житель «усилен» более чем в 120 раз. Весьма высока она в странах Западной Европы, в Японии. В развивающихся странах она низка — всего 6. В Советском Союзе — более 50. Конечно, не следует забывать, что цифры эти отчасти условны, они «не замечают» социального неравенства в странах Запада и «безразличны» к географическим особенностям страны.

Советский Союз — индустриальная страна, к тому же преимущественно северная; потребность в энергии здесь постоянна (особенно ощутима она зимой), поэтому на развитие энергетики, точнее, топливно-энергетического комплекса расходуются гигант-

ские средства. Вот откуда особая роль энергетики в хозяйстве страны.

В СССР мощь энергетики всегда росла ровно, стабильно. По производству электроэнергии — самого распространенного и удобного вида энергии — Советский Союз давно обогнал страны Европы. Интересно, что выработка наших электростанций больше, чем станций Франции, Великобритании, ФРГ, Италии и Австрии, вместе взятых.

Львиную долю электрической энергии в мире получают на тепловых станциях (ТЭС), использующих различное топливо: уголь, газ, нефть, торф. В СССР, например, свыше 80% электроэнергии дают ТЭС. Поэтому топливо без преувеличения первооснова современной энергетики. Сжигая его, люди именно таким в общем-то первобытным способом разрешают сейчас почти все свои энергетические проблемы.

К сожалению, на сегодня в мировой энергетике только одна тонна топлива из трех идет в дело, две другие — в отход (КПД на тепловых станциях редко превышает 30%).

Несовершенство нынешней «тепловой» технологии особенно проступает на станциях, использующих уголь. Мало того, что они малоэффективны, они стали одним из главных загрязнителей природы, обильно питая атмосферу сернистым газом, окислами азота, окисью углерода, угольной пылью. Судя по мировым данным, эти выбросы очень велики и опасны для человека.

Скажем, по оценкам американских специалистов, загрязнение воздуха от сжигания угля приводит в США к гибели 10 тыс. человек ежегодно. А исследования, выполненные по инициативе Национальной академии США, показали, что только сернистый газ с электростанции средней мощности вызывает ежегодно у населения близлежащих районов около 25 смертных случаев, 60 тыс. заболеваний верхних дыхательных путей и создает убыток хозяйству в 12 млн. долларов из-за коррозии металла.

Как бороться с этим злом?

Ни в нашей стране, ни за рубежом не придумали еще надежных и дешевых фильтров или каких-либо других способов очистки от сернистого газа. Человека, избавившего бы людей от этого невидимого яда, возможно, ждет Нобелевская премия. И сердечная благодарность землян.

Впрочем, видимые отходы с тепловых станций тоже очень вредны человеку и природе: существующими ныне фильтрами они также почти неуловимы. Где мельчайшая угольная пыль, там серьезные болезни сердца, хронический бронхит даже у тех, кто проживает вдали от источника загрязнения: ветер разносит угольные частички на многие километры. Сгорая, уголь оставляет еще и бензопирен — вещество, которое вызывает раковые заболевания. Например, в угольных центрах Англии и Уэльса зафиксировано полтораста ежегодных случаев рака, что заметно выше, нежели в других районах Великобритании.

Итак, не все просто в обращении с углем. К сожалению, и сведения о нефти и природном газе — о последствиях их сжигания — не несут в себе безудержного оптимизма...

Да, человечество не может развиваться, не развивая энергетики, но стоит ли сжигать заодно с топливом здоровье природы и

самого человека как части природы? Наконец, достаточно ли на нашей планете того, что может эффективно гореть и в прямом и в переносном смысле этого слова?

Своеобразный тон разговору на эту тему задали члены Римского клуба — международной частной организации, с 1968 г. собравшей немало известных ученых — энергетиков, экономистов, математиков. Вывод из их первого доклада был словно информационная бомба: если не ввести жесточайшую экономию в массовое потребление энергетических ресурсов, то их полное истощение приведет к гибели мировой цивилизации уже в начале 3-го тысячелетия. Кому-то придется заводить особую «Красную книгу»: человек исчезнет на планете как вид, заявлял президент Римского клуба А. Печчеи.

Перспективы более чем мрачные, ничего не скажешь.

Вскоре при проверке, правда, оказалось, что черные предсказания, мягко выражаясь, несостоятельны. Прогнозирование — дело рискованное, сложное. И то, что очевидно сегодня, вовсе не обязательно будет таковым завтра.

В одной статье мне попался любопытный курьез, о котором здесь уместно упомянуть. В начале века ученые, промышленники, деловые люди с тревогой заговорили о надвигающемся железном голоде. Международный геологический конгресс в 1910 г. определил, что запасов железной руды хватит лет на шестьдесят. Следующий конгресс в Брюсселе подтвердил опасность: к 1970 г. многим металлургическим комбинатам не будет доставать сырья. Прогноз составили ведущие геологи, они учли «все железо мира» — национальные запасы 72 стран. Сейчас, в 80-х годах, этот прогноз вызывает только улыбку...

Последующие доклады Римского клуба получились строже и интереснее. В них заметны тревожная озабоченность ученых, их интерес к судьбам человечества, к путям развития энергетики.

Доклад «Энергия: обратный счет», например, содержит множество данных по энергетике. Выводы подкрепляются расчетами. Их проводили на электронно-вычислительных машинах, для их обоснования созданы «глобальные математические модели развития общества», в которых учтены экономика, промышленность, энергетика, ресурсы, демография, экология. Можно спорить о частностях, можно опровергать отдельные утверждения, можно, наконец, не соглашаться с выводами, но одно бесспорно: Римский клуб взбудоражил мировую науку, стимулировал серьезные исследования будущего мировой экономики и энергетики. Ученые начали интенсивно заниматься изучением связей экономики и энергетики, заставили по-новому зазвучать проблему охраны природы и энергетических ресурсов, резко поделив последние на возобновляемые и невозобновляемые.

Возобновляемые ресурсы — это те, которые можно использовать, не опасаясь сокращения их запасов: солнечная энергия, энергия ветра, волн, приливов и отливов, гидроэнергия, геотермальная...

Соответственно невозобновляемые ресурсы — те, которые уже не вернуть после использования их в хозяйстве: нефть, уголь, газ, сланцы, торф, уран...

Мировое хозяйство жадно требует все больше и больше энергетической пищи — топлива. И в этой связи снова, наверное, уместен вопрос: надолго ли хватит запасов горючих ископаемых?

Вроде бы бесспорно: уголь, нефть, газ, сланцы — главное топливо энергетики — невосполнимы. Они истощаемы. Статистики оценивают запасы нефти, доступной современной технологии, примерно в 260 млрд. т. Сейчас ее добыча в мире ведется где-то на уровне 3 млрд. т в год. Следуя логике «римлян», безудержный рост материальных ценностей мира действительно не может продолжаться долго. Истощаемость ресурсов — позиция, принятая сегодня априори.

На эту, казалось бы, явную истину я, как географ-экономист, взглянул иначе: а кто и где — в каких работах — убедительно доказал, что невозобновляемые энергетические ресурсы действительно невозобновляемы? Таких работ я не нашел.

В самом деле, геологи до сих пор мало знают о происхождении углеводородов, например нефти. Противоборствуют две точки зрения: предполагается органическое или неорганическое происхождение нефти. Это гипотезы. Подчеркиваю, гипотезы, а не доказательство, каждая имеет сильные и слабые стороны.

Первая. По мнению «органиков» (пока они переспорили, но не объяснили), нефть родилась из органической массы погибшей за миллионолетия флоры и фауны.

Мне кажется такое объяснение излишне упрощенным. Если встать на позицию «органиков», то получается, что природа добровольно миллионы лет сажала себя на голодный паек, нарушала святая святых — оборот вещества, ведь погибшие растения обычно становятся пищей живущих растений и животных. Природе чуждо понятие «отходы», и, сколько бы мы ни искали, нигде не встретим прошлогодней падали или упавшего десять лет назад дерева. Огромный мир бактерий, водорослей, грибков, насекомых, млекопитающих, пресмыкающихся, рыб, птиц зорко следит за здоровьем природы, оборачивая «отходы» в доходы, в пищу, в рост. В жизнь!

А как и чем объяснить происхождение нефтяных месторождений-гигантов? Что здесь — некое «континентальное» кладбище древних обитателей планеты? И почему также газовые, угольные месторождения именно месторождения, залегающие на малой территории, а не повсеместно?

К примеру, под каждым квадратным километром поверхности Кузбасса более 25 млн. т угля, а запасы бассейна оцениваются в сотни миллиардов тонн. Где же природа взяла столько древних деревьев и животных, кто собрал их на таком малом пятачке? Перечень вопросов можно продолжить, но ясности он не прибавит.

Бесспорно пока только одно: сырая нефть, природный газ, уголь — это химические соединения углерода и водорода, углеводороды, все остальные пункты их «биографии» нуждаются в уточнении.

Вторая точка зрения на происхождение топлива логичнее и современнее, она объясняет некоторые геологические процессы, увязывает их со строением Земли. Вот о чем здесь речь вкратце.

Все хорошо знают, что более двух третей планеты покрыто океанами и морями. Однако не всем, видимо, известно, что не менее колоссальные массы воды заключены в недрах Земли. Интерес к этой горячей, точнее, к кругообороту «раскаленной» под высоким давлением (до 300—400°) подземной воды по-новому заставил взглянуть на образование месторождений. Под землей, как в гигантской химической лаборатории, идут сложнейшие реакции: одни вещества вымываются из пород, другие, наоборот, минерализуются. Словом, вода все время поднимает на поверхность природные соединения. Возможно, что подземные реки, о которых мы пока знаем очень мало, и приносят из этой глубинной лаборатории продукты, которые потом, после «высыхания», становятся природными ресурсами или полезными ископаемыми.

Оригинальную «неорганическую» гипотезу недавно выдвинул американский ученый Г. Гоулд. Он пришел к выводу, что в нижних слоях земной коры собраны громаднейшие запасы углеводородов: не нефти и не газа, а пранефти и прагаза. Энергия, скрытая в этих сверхглубоких месторождениях, в сотни раз больше, чем во всех известных залежах топлива (нефти, газа и угля), вместе взятых.

Да, нефть, например, вполне могла образоваться в недрах планеты без участия бушующей на поверхности жизни. Если так, то запасы ее (не исключено) во много-много раз представительнее, чем мы допускаем. А почему бы не предположить, что нефтеобразование продолжается в глубинах Земли до сих пор? Может быть, мы извлекли лишь капли из моря, скрытого толщей пород?

Мне пришлось быть в лаборатории Института горючих ископаемых, где делают из угля искусственную нефть. Феноменально: лабораторная установка по существу повторяла естественные процессы, которые идут в недрах планеты: такие же высокие температуры, такое же сильное давление, такая же концентрация водорода — и такая же нефть. Ее не отличишь от природной. Значит, нефтеобразование можно смоделировать, причем в кратком по времени эксперименте; следовательно, и в природе «рождение» нефти может занимать не века, а часы или даже минуты. Правда, искусственную нефть научились пока получать только из углеводородного соединения — угля. В принципе данный факт не разрушает органическую версию происхождения этого топлива, однако для теории «неоргаников» он, пожалуй, более весомый аргумент.

Во всяком случае, учитывая все сказанное, нельзя, по-моему, считать доказанной версию истощаемости месторождений топлива, допустим той же нефти. Не исключено, что сокращение продуктивности скважин, старение и отмирание месторождений вызваны лишь несовершенной технологией добычи: современная техника извлекает из пласта только треть нефтяного ресурса. Оставшиеся две трети ей на сегодня «не по зубам». И это, заметьте, при самых благоприятных условиях добычи.

В щедрой на нефть Западной Сибири с ее суровым климатом нефтяники берут из пласта еще меньше. По сути они снимают с месторождения только «верх», главная нефть остается в земле. Пока не ясно, что делать с потревоженными месторождениями,

можно ли в будущем поднять оставленную в них нефть. Но эти вопросы придется решать. Не нам, так потомкам.

Говорить об истощаемости нефтяных запасов преждевременно еще и потому, что в природе есть так называемые нетрадиционные ресурсы нефти. Термин этот используют в отношении тех месторождений, к которым с нынешней техникой даже нельзя подступиться. Это глубоководные морские месторождения, месторождения в полярных странах, месторождения тяжелых сортов нефти, месторождения битуминозных песков и нефтеносных сланцев... Запасы их по крайней мере в сотни, если не в тысячи раз превышают «традиционные» ресурсы. Только в одной Венесуэле вес нефти в битуминозных песках превышает 500 млрд. т, что почти в 200 раз больше всей ее ежегодной мировой добычи. Впечатляющи цифры по залежам нефти в нефтеносных сланцах, которые добывающая промышленность пока обходит стороной.

Мало мы знаем о нефти, столько же знаем и о природном газе, ведь он тоже представляет собой смесь углеводородов. И в его «биографии» есть «белые пятна», которые не дают возможность уверенно прогнозировать запасы этого вида топлива, во всяком случае не позволяют вести речь о его истощаемости.

Интересны сведения о «нетрадиционном природном газе», который залегает в плотных песчаниках; его тепловая энергия такая же, как и «нетрадиционной нефти», и инженеры уже ломают головы над технологией добычи.

Велики ресурсы газа, растворенного в подземных водах, в зонах аномально высокого давления, в угольных пластах. Неожиданными (иначе не назовешь) источниками газа могут стать болота, сланцевые залежи и даже городские свалки. Пищевые отходы миллионного города, переработанные с помощью бактерий, дают в сутки около 30 тыс. куб. м газа.

Таит в себе сюрпризы и уголь, о котором, как это ни удивительно, известно тоже очень немного. Даже само понятие «уголь» собирательно и нуждается в разъяснении. Оно роднит в общем-то различные полезные ископаемые, у которых общее лишь одно: они твердые и содержат много углерода. Отсюда столько различных марок углей. Отсюда столько угольных месторождений.

Мировые запасы угля очень внушительны. Семь с половиной триллионов тонн — вес угля только в уже открытых месторождениях (напомню: триллион — это тысяча миллиардов!). Добывают же сейчас в мире около 3 млрд. т в год.

Складывается впечатление, что наше «угольное» познание планеты еще приблизительнее, чем «нефтяное» и «газовое». Так называемая доразведка старых месторождений часто приносит новые сведения о запасах, которые порой очень значительны. После доразведки «потяжелели» Кузбасс, Канско-Ачинский и многие другие бассейны. Приблизительность подсчета неплохо иллюстрирует и следующий пример. В 50-х годах, когда проводилась перепись топливных ресурсов нашей страны, ресурсы угля оценивались одной цифрой. Сейчас чуть большей цифрой оперируют при оценке мировых месторождений. Так за 25 лет меняется представление о «предмете» прогноза: триллион тонн больше, триллион меньше...

Согласитесь, даже нынешняя «изученность» природы, ее недр оставляет надежды «выжить». Корректно ли было заявлять о энергетическом кризисе? Строить поспешные прогнозы? Не зная толком о происхождении, об истинных запасах ресурса в природе, говорить о его истощаемости?

Если уж трезво оценивать сложившуюся ситуацию, надо признать: разведанных топливных месторождений, где хоть примерно известны границы, глубина залегания и мощность пластов, очень немного. В подавляющем большинстве случаев говорят о еще не разведанных, о вероятных месторождениях. Иногда оценки запасов строятся на интуиции, на аналогии, как и 100 лет назад. Разумеется, степень достоверности окончательных цифр часто выше или такая же, как и раньше, она явно оставляет желать много лучшего.

На планете полно «белых пятен» — огромные территории, особенно подводные, вообще слабо изучены. И не удивительно, если энергетические прогнозы последней четверти XX в. в конце концов выльются в курьезные примеры прогнозирования, подобные тем, что выполнены 70 лет назад по железной руде.

Тем не менее данные, опубликованные несколько лет назад в журнале «Энергия» Министерства промышленности и научного развития Франции, таковы: мировые ресурсы нефти истощатся к 2100 г., природный газ иссякнет к 2015 г., угля не будет к 2500 г. (я привел максимальный предел, минимальный предел захватывает почти по всем ресурсам последние годы XX в.).

Самое обидное, что подобным скороспелым суждениям поверили. Поверили и некоторые наши специалисты-энергетики. Пожалуй, нет ни одного научного или популярного журнала 70-х годов, который бы не опубликовал статьи, интервью, высказывания крупных ученых об истощаемости природных ископаемых, о возможном энергетическом кризисе. В чем же дело?

Вникая в истоки топливного бума, который впервые в 70-х годах подняли в мире члены Римского клуба, можно прийти к такому неожиданному объяснению: буржуазные ученые сделали все, чтобы поднять мировые цены на нефть и другое топливо. С помощью ЭВМ, с помощью «глобальных экономико-математических моделей» цель достигнута: цены к 1980 г. были взвинчены (чуть больше чем за 10 лет нефть вздорожала почти в 10 (!) раз), прибыли монополий, особенно нефтяных, достигли астрономических величин.

Часто в оправдание нефтяного бума на Западе говорят о безудержном росте затрат на добычу нефти, газа, угля, связывают эти затраты с усложнением добычи, с отработкой дешевых месторождений. Но затраты растут прежде всего потому, что растет оборот средств в добывающей промышленности. Одновременно увеличиваются и доходы. Можно было бы привести много тому примеров. Как видим, «дорогие» условия добычи при увеличении масштабов производства дают самые дешевые топливные продукты! Налицо нарушение логики в рассуждениях некоторых энергетиков.

Но отсюда, конечно, не следует, что в современной энергетике все благополучно и поиск новых путей — задача неактуальная. Переход на новое топливо, которое экономичнее, экологичнее,

удобнее в обращении, безопаснее,— явление положительное в энергетике.

Думать о новом топливе нужно. Но вовсе не потому, что запасы горючих ископаемых скоро будут истощены (если даже допустить, что это действительно так). Переход к иным энергетическим источникам диктуется в первую очередь экологией и химией. Об экологических последствиях сжигания углеводородов уже говорилось. Не менее важно и то, что нынешнее топливо ТЭС — это «ассигнации потомков», бесценное химическое сырье: сырье для изготовления лечебных препаратов, синтетических материалов, моющих средств, красок и всего того, что станет продуктом химического производства в будущих столетиях.

Статистика утверждает: в настоящее время в мире на одного человека добывается примерно 2 т топлива в год. Много это или мало?

По «энергетическим» меркам крайне скудно, по «химическим» — чрезвычайно щедро. Чтобы понять основу этого вывода, достаточно такого примера: на выработку всей химической продукции нашей страны пока расходуется несколько процентов добываемой нефти. Приблизительно так же обстоит дело и в других экономически развитых странах. Поэтому найти новые источники энергии — задачи мирового и исторического значения.

Какие же перспективы рисуют стратеги энергетики? Каким новым источникам топлива и энергии они отдают предпочтение? Сейчас принято связывать будущее с атомной энергетикой, которая, по-видимому, все-таки является разновидностью тепловой энергетики, поскольку на атомных электростанциях сохраняется та же технологическая цепочка: топливо — тепловая энергия — электрическая энергия.

Однажды я брал интервью у одного из руководителей Министерства энергетики и электрификации СССР, в нем есть такие слова: «Атомные электростанции имеют то огромное преимущество, что они фактически полностью независимы от источников и месторождений топлива в силу большой компактности ядерного горючего. Проще перевозить ядерное горючее, чем огромные массы равного ему по теплотворной способности минерального топлива». И далее: «Если взять две одинаковые по мощности станции — по одному миллиону киловатт — обычную и атомную, то каждая из них способна произвести за год по 7,5 млрд. кВт·ч электроэнергии. Но для работы тепловой станции потребуется за год доставить 45 тыс. вагонов угля, а для атомной все ее горючее можно транспортировать сразу даже не на год, а на два-три всего в нескольких вагонах».

Бесспорно, указанные преимущества атомных электростанций (АЭС) весьма существенны. Но попытаемся рассмотреть их экологические характеристики.

На вопрос об экологической чистоте АЭС руководитель министерства ответил решительно: «...современные атомные станции гораздо более «чистые», чем обычные тепловые».

Известно, что топливных запасов для АЭС в природе очень мало. Разведанные в мире месторождения урана пересчитываются по пальцам. Они невелики, такова оценка Международного агентства по атомной энергии (МАГАТЭ).

Реакторы-размножители раздвигают топливные горизонты атомной энергетики. Технологически эти реакторы устроены так, что вырабатывают плутоний — новое топливо.

Физики ведут работы по созданию термоядерных энергоустановок. Одна термоядерная станция сможет заменить десятки крупнейших тепловых электростанций. И топлива будет вдоволь, ведь топливо — это вода, вернее, дейтерий и тритий — изотопы водорода, выделенные из воды.

Однако... что, если мощность тепловых станций всех видов — и атомных, и угольных, и нефтяных — в будущем потребуется резко ограничить? Вопрос несколько неожиданный, но отнюдь не дилетантский, и он уже всерьез занимает ученых-географов.

Ответ может показаться парадоксальным, но предел использования тепловой энергетики в масштабах планеты действительно есть. Подводит к нему, как к краю пропасти, тепловое загрязнение воздуха, воды, суши. Тогда, возможно, губительно изменится климат. Кроме того, процесс горения — это изъятие из воздуха свободного кислорода. Кислородное голодание, к сожалению, тоже нерадостная перспектива, к которой ведут пылающие печи тепловых электростанций...

Для объективности необходимо сказать, что в целом направление и величину суммарного «экологического вектора» определить пока довольно трудно. И все же одно ясно: безграничный рост выработки энергии может привести к серьезнейшим экологическим срывам.

Вот почему нужны не просто мощные источники энергии, а такие, которые использовали бы только природное (естественное) тепло и не привносили бы в природу дополнительного тепла и других загрязнителей. Речь идет о так называемых чистых источниках энергии.

Но прежде чем перейти к этим «чистым» источникам энергии, нельзя не остановиться на важном, хотя и частном в данном случае вопросе, который на слух воспринимается как абсурдный: возможно ли вдвое-втрое увеличить энергодобычу, не увеличивая добычи топлива?

В постановлении ЦК КПСС и Совета Министров СССР «Об усилении работы по экономии и рациональному использованию сырьевых, топливно-энергетических и других материальных ресурсов» отмечается: «По сравнению с лучшими мировыми показателями на единицу национального дохода у нас затрачивается больше сырья и энергии. Многие виды машин и оборудования имеют высокую материалоемкость, велики удельные расходы материалов на изготовление ряда изделий. Далеко не везде применяются ресурсосберегающие технологические процессы. При добыче полезных ископаемых из недр не извлекается значительное количество руды, угля, нефти. Слабо утилизируются отходы производства и вторичные ресурсы... Все это свидетельствует о больших резервах экономии...»

Приведенные строки свидетельствуют о том, что нынешнее расходование энергии не всегда хозяйское и далеко не норма.

Сколько энергии нужно человеку? По оценкам физиологов, чтобы работал мозг и человек жил, нужно только 10 ватт. Сравните с мощностью электрической лампочки, и вы поймете,

какое исключительно совершенное творение природы — мозг, ведь самые лучшие электронно-вычислительные машины, потребляя ту же энергию, не могут даже близко сравниться с ним по работоспособности.

Как видим, потраченная энергия еще не есть результат проделанной работы. Энергию можно тратить по-разному: живая природа делает это в высшей степени экономно, техника — неэкономно. Напрашивается мысль: зачем наращивать мощь энергетики? Дешевле перестроить нынешнюю прожорливую технику, технологию. Тогда и при сегодняшней добыче топлива можно будет получать во много раз больше конечной продукции. Впрочем, одно не мешает другому.

В Швейцарии, скажем, специалисты подсчитали, что половина энергии, затрачиваемой на отопление современных домов, расходуется на обогрев... улицы: очень плохо держат тепло современные строительные блоки и панели. Один инженер из Женевы быстро запатентовал специальный термоизоляционный кирпич, который к тому же хорошо защищает здания от уличных шумов.

Оригинальный строительный материал для Севера нашли якутские ученые: пену, точнее, пенополиуретан. Плита из пены — прекрасная теплозащита домов. Нередко, например, обогрев поселка на Севере обходится дороже самого поселка. Дома из новых материалов принесут только Северу экономию в сотни миллионов рублей! Слой пены в полтора сантиметра сокращает потери тепла в 8 раз!

Что такое теплоизоляция и как много она значит, я узнал в детстве. Мы жили в деревянном доме, который построил еще мой прадед. Тогда дома оштукатуривали снаружи и изнутри, штукатурку клали на дранку, дранку набивали по войлоку. Тепло строили, уютно, много труда вкладывали, зато одной охапки дров хватало, чтобы протопить печь зимой. Конечно, никто из домашних не знал секретов старых плотников, даже не догадывался, но все вспомнили о них, когда вновь въехали в дом после его капитального ремонта. Ремонт провели по-современному, оставив только бревенчатый каркас, стены прикрыли листами «сухой» штукатурки, под пол и потолок тоже ничего не подложили. Зимой в комнатах теперь гуляли сквозняки, в углах на обоях белели наледи, на подоконниках лед не таял до весны. Печи с той поры все в доме топили целыми днями, благо провели газ, а тепла все равно не было.

Помнили раньше о такой «мелочи», как термоизоляция, наши соотечественники. Помнили, да мы, видно, порой забываем их опыт.

«Обогрев улицы» обходится очень дорого, особенно в нашей северной стране. А жилищное хозяйство у нас второй, после промышленности, потребитель энергии!

Как показывает мировой опыт, путей экономии топлива немало. Источники этой экономии буквально лежат под ногами — так утверждает западногерманский инженер Рихард Блашке. Миллиарды людей ходили мимо автомобильного шоссе, но никому в голову не пришло увидеть здесь... электростанцию. Блашке увидел. Идею ему подсказал гаражный стенд для проверки

автомобильных колес и тормозов, где машина, как известно, устанавливается на ребристые барабаны, которые раскручивает электромотор. А что, если сделать наоборот? Расчеты привели к ошеломляющему результату. В идеальном случае на пологом отрезке шоссе в 10 км каждый день можно вырабатывать до 1,5 млн. кВт·ч электроэнергии, если, правда, по дороге промчится 30 тыс. автомобилей. Установку Блашке можно вмонтировать всюду на шоссе, где требуется снижение скорости, и получить дополнительные киловатт-часы бросовой электроэнергии.

Корпорация «Американ атомикс» начала изготовлять лампы, которые нельзя назвать электрическими, хотя они достаточно ярки в темноте, но светят сами по себе, без электрической энергии. У «светлячка» особый слой покрытия, и лампа заметна даже с расстояния 200 м. «Безэнергетическая» лампа светит 10 лет, никакого обслуживания ей не надо. На улицах городов, на шоссе, в горах, на реках — всюду на транспорте найдет применение новое изобретение.

Фирма «Филипс» тоже разработала лампу, но ей все-таки нужна электроэнергия — на 70% меньше, чем обычной лампочке накаливания. Служит новая лампа в 10 раз дольше прежней.

Вроде пустяковую новинку предлагают швейцарские инженеры, мелочь. Но мал золотник, да дорог. Речь идет о ручных часах, источник энергии для которых — тепло человеческой руки. И батарейки не нужны. Все довольно просто.

Другой пример: инженеры японской авиакомпании заставили «похудеть» авиалайнер сразу на 280 кг. И это сегодня, когда поколения авиаконструкторов от модели к модели убирали все лишнее, чтобы уменьшить вес самолета, чтобы снизить расход топлива. Японцы выбросили из салона самолета массивные коврики, заменили обивку салона. Результат — заметная экономия на топливе.

А вот в ГДР один водитель нашего «Москвича» получил патент на совсем не хитрое изобретение: чуть изменил технологию подачи топлива в мотор — и сэкономил 16% бензина в баке. Наблюдательный шофер достоин похвалы.

Венгерские ученые подсчитали расход топлива в сельском хозяйстве и, как говорится, схватились за голову: было над чем подумать. В их исследовании с тех пор часто стал звучать термин «энергорентабельные культуры». Это сельскохозяйственные растения, требующие небольших энергетических затрат на выращивание и обработку урожая. А для тракторов и другой сельхозтехники ученые придумали счетчики, измеряющие расход горючего и выработку. По-новому они стали обрабатывать и землю. Словом, затраты топлива резко снизились и снижаются дальше. Однако это не все, что сделали венгерские ученые. Они открыли «новые источники» энергии на полях и в животноводческих комплексах. Подсчитано, что только сухих стеблей кукурузы в республике «вырабатывается» 7 млн. т в год. После соответствующей обработки это отличное топливо — при сушке зерна, например. Навоз с ферм — сырье для получения газа.

Большие надежды на новые газовые «месторождения» вблизи животноводческих ферм возлагают и американские фермеры. Пока еще не столь совершенно технологическое оборудование —

дело-то новое, но некоторые фермеры уже получают из навоза дешевый этанол.

Новые топливные ресурсы — это выгодно! Переработанные сельскохозяйственные отходы дают им солидную прибавку энергии уже сейчас. По прогнозам отдела технологических оценок конгресса США, к 2000 г. страна сможет за счет сельского хозяйства сэкономить от 200 до 850 млн. т угля. Энергия из биомассы удовлетворит пятую часть нынешних потребностей США в топливе.

Но только ли биомасса, получаемая с сельскохозяйственных ферм, может удовлетворить потребности энергетики? Нет! Появилась совсем новая и необычная ферма — экспериментальная. Ее создали ученые для разведения... водорослей. Ферма находится прямо в море, на якорях. Пока она занимает скромную площадь, выращивают на ней бурые водоросли — самые быстрорастущие растения на Земле (ежедневный прирост их превышает полметра). Участок в гектар дает годовой урожай 1000 т. На берегу водоросли перерабатываются в метан — великолепное горючее.

Кроме бурых водорослей ученые ведут работы с водяным гиацинтом, тоже быстрорастущим растением, которое считается сорняком южных рек и водоемов: оно, разрастаясь, быстро покрывает всю водную поверхность, нарушает судоходство, работу гидростанций. Однако недостатки сорняка ученые сумели обернуть в достоинства. Проводя опыты, они открыли: водяной гиацинт как бы высасывает из воды многие растворенные в ней вредные отходы производства, вода становится чище. Еще установлено, что из одного килограмма сушеного водяного гиацинта можно получить значительное количество газа. Вот вам и сорняк!

Примеров новаторского движения научной мысли можно было бы привести десятки. Расскажу еще об одном.

Студент технического училища при заводе «Мерседес-Бенц» Шрамм удивил не только бывалых гонщиков, но и маститых конструкторов. На самодельном дизельном автомобиле, весящем всего 55 кг, он проехал 100-километровую трассу, затратив немногим более 100 г солярового масла. Как это ему удалось? Бóльшую часть пути автомобиль двигался по инерции, словно детская инерционная машинка. Дизель был «усилен» массивным маховиком. Специалисты заинтересовались столь экономичным решением...

Экономная технология сжигания топлива — то же самое, что резкое увеличение его добычи, только отходов во много раз меньше. Вот мысль, которую я проиллюстрировал с помощью самых разных примеров.

А теперь посмотрим, возможна ли «чистая энергетика», та, которая не загрязняет природу, безопасна для человеческого организма, которая лишена теплового порога в своем росте? Такая энергетика есть. О ней ученые знали еще в XIX в., а потом, как часто случается, «забыли».

Водород! Он и «чистая» нефть, и уголь, и газ. Пламя его чисто, а «пепел» — это вода.

Новое топливо придется ко двору и на транспорте, и в промышленности, и в быту, причем не обязательно переконстру-

ировать технику. Можно приспособить и старую, а это чрезвычайно важно.

Специалисты фирмы «Локхид» выясняли, что лучше для самолетов — керосин или жидкий водород. Водород побил все показатели: технические, экономические и, конечно, экологические. Его преимущество настолько бесспорно, что затраты на усложнение топливной системы окупились бы буквально после нескольких рейсов. Расчеты показывают, что эффективность полетов удваивается! И это при нынешнем — дорогом! — способе получения водорода. Жидкий водород пригоден и для обычных самолетов, и для сверхзвуковых, и даже для космических кораблей.

Водородная эра как страница в истории энергетики, она открывается не только в воздухе, но и на суше. Локомотивным, автомобильным топливом тоже может стать водород.

У нас в стране интересные работы по созданию водородомобиля ведут группы ученых в Харькове, Москве и в других научных центрах. Конечно, всюду пока лишь скромное начало, мосток от бензинового к водородному автомобилю. Но начало очень важное хотя бы потому, что на долю автомобиля сегодня приходится свыше половины всех загрязнений воздуха в городах. За год работы среднестатистический бензиновый автомобиль выбрасывает с выхлопными газами до 800 кг окиси углерода, примерно 40 кг окислов азота и более 200 кг различных углеводородов. И всем этим мы дышим...

Разумеется, в водородной энергетике масса проблем, ожидающих своего решения. Сейчас во многих исследовательских центрах мира делают лишь первые робкие шаги в сторону водородной энергетики. Долго, слишком долго водород пользовался дурной славой у энергетиков. И не только у них. С предубеждением к нему относились и инженеры.

Виной тому был сам водород. Поначалу — в конце XIX — на заре XX в., когда взрывались наполненные этим легчайшим газом дирижабли, когда в щепки разлетались химические лаборатории, где проводились опыты с водородом,— судьба водорода казалась решенной на века: гремучего газа стали бояться. Незнание породило стойкое предубеждение. Но нынешняя энергетическая и экологическая напряженность заставила вспомнить хорошо забытое старое-новое топливо.

Выяснилось, что при соблюдении мер предосторожности водород не взрывоопасен и удобен для транспортировки и хранения. Передавать его можно по трубам, как природный газ. При этом в пересчете на единицу энергии доставка водорода по крайней мере в 10 раз дешевле, чем передача электроэнергии по мощным ЛЭП.

И хранить водород удобно. Западноевропейские специалисты подсчитали: отработанные газовые месторождения Голландии могут вместить столько водородного топлива, что его хватит всей Западной Европе на 10 лет вперед.

Способы транспортировки водорода открываются с совершенно неожиданной стороны; теоретически можно допустить фантастическую возможность того, что по проводам из специальных материалов (обладающих протонной проводимостью) «побегут» протоны и, воссоединившись с электронами, образуют водород.

«Водород по проводам» — сенсационно прозвучавшее известие, пришедшее из лаборатории Московского университета. Пока, правда, задача решена только на бумаге: в природе нет вещества с желаемыми свойствами. Чтобы искусственно получить такой проводник, нужна солидная эспериментальная проработка.

Словом, преимуществ у водорода немало, недостаток — один, но на сегодня очень серьезный: пока водород не выдерживает «экономического состязания» с традиционным топливом, ведь на его добычу сейчас затрачивают энергию все тех же угля, нефти, газа, для замены которых и затеян в общем-то весь эксперимент. Выход — удешевить «добычу» водорода.

Сделать это можно по-разному. Можно, например, использовать открытие американца X. Гафрона. Он обнаружил растения, которые на свету выделяют не кислород, а... водород.

Энергию с «тепличной грядки» уже получают в Институте физиологии растений Академии наук Украины. Здесь в теплице водоросли выделяют ценный газ. Ученые ищут надежные способы хранения чистого горючего, они намерены химически связать водород с металлом так, чтобы в небольшой «брусок» вместить порцию газа, достаточную для 400-километрового пробега автомобиля.

Идея промышленного получения водорода из растений завладела умами специалистов многих стран. У нас исследования ведутся в Институте фотосинтеза АН СССР в Пущине-на-Оке, в Московском университете. Всюду идет поиск «фабрик водорода».

Вот какой исследователи видят конечную цель: «Представим себе, что «водородные реакторы» установлены где-нибудь в пустыне, где солнце светит почти весь год... Расчеты показывают, что абсолютно все энергетические нужды нашей страны может удовлетворить «урожай» водорода, снимаемый с участка пустыни размером 140 на 140 км...» Заметьте: все потребности Советского Союза!

Растения открывают один путь, одну тропинку к водородной энергетике. А если поверить еще и геологической гипотезе, то выяснится: недра планеты буквально заполнены водородом. На эту вероятность первыми обратили внимание вулканологи. Они установили, что при извержении вулканы выбрасывают вместе с пеплом огромные облака водорода. В пользу этой гипотезы склоняют и сведения нефтяников, которые рассказывают о выбросах водорода, случающихся при бурении глубоких скважин. Наконец, чем объяснить происхождение и природу обнаруженных в Исландии «родников», где водород свободно выходит на поверхность из неведомых глубин?

Геологическая гипотеза явно не лишена смысла, по крайней мере она расширяет поле деятельности для поиска водорода. В этой связи уместно вспомнить, что на заре «нефтяной эры» геологическая наука располагала примерно такими же сведениями: о месторождениях нефти судили только по ее естественным выходам на поверхность, по пульсирующим черным родникам. Здесь и закладывали нефтяные колодцы — первые примитивные скважины.

Сейчас водород в хозяйстве получают «техническим» путем, расщепляя молекулы метана или, реже, воды. Тут, конечно, не

обойтись без дополнительной энергии. Пока такой путь считается самым надежным. И самым дорогим. Но это лишь пока.

В лаборатории итальянской фирмы «Монтэдисон» впервые найден дешевый способ получения водорода из воды с помощью солнечной энергии. Описывать подробности своего способа итальянцы не спешат, видимо, есть на то коммерческие соображения.

Английские специалисты по энергетике пошли другим путем: они успешно выделили водород из растворов органических кислот. Новая газоводородная смесь — подходящая замена природного газа. А органические кислоты получены из древесных щепок, отходов переработки сахарного тростника и кочерыжек кукурузных початков.

В Институте химической физики АН СССР долго пытались «разломать» молекулу воды с помощью направленного луча, и вот бомбардировка воды фотонами видимого света впервые в практике дала водород и кислород, причем затраты энергии минимальные. Но все-таки затраты. Вот если бы найти совсем «даровые» источники энергии...

Они только сразу неприметны, эти «даровые» источники. А в природе их немало: энергия солнца, ветра, морских волн, приливов, подводных течений. Есть термоградиентные источники энергии, рожденные разницей температур двух или нескольких тел, например верхнего и нижнего слоев океана. Есть геотермальные родники, отдающие «сухое» и «жидкое» тепло Земли. Есть и немало других источников.

Но почему, давно зная о «даровых» источниках энергии, люди очень робко пользуются ими? Куда подевались ветряки и парусники? Не слишком ли быстро мы отказались от силы малых речек, веками крутивших колеса деревенских мельниц? Забыли о подземных горячих водах, которыми отапливались еще знаменитые римские бани? Я думаю, все эти «пропажи» в энергетике — явление случайное. В том, что это действительно так, легко убедиться, побывав, например, в научно-производственном объединении «Циклон». Здесь проектируют ветряки — ветроэнергетические установки.

Подобные фирмы созданы в ряде стран. Шведские ученые, например, намерены к 2000 г. почти половину электроэнергии получать с ветряков. В некоторых странах подготовлены серьезные государственные программы по ветроэнергетике.

Конечно, новые ветряки отличаются от тех, с которыми сражался Дон-Кихот, как доспехи рыцаря отличаются от скафандра космонавта. Современная инженерия с помощью ЭВМ нашла массу «ошибок» у крылатых детищ наших предков. Строить по-новому — по такому пути пошли шведские инженеры. На острове Готланд в Балтийском море сооружена высотная лопастная башня для турбины, которая даже при незначительном ветре вырабатывает в год около 6 млн. кВт·ч электроэнергии.

А в проекте грандиозной электростанции мощностью 1 млн. кВт, который разработали западногерманские инженеры, рабочие колеса будут лежать над землей. Идею станции им подсказали чумы жителей Севера. В полное безветрие в тундре трудно развести костер: ничтожный приток кислорода плохо поддерживает горение. Конусообразный чум с узким отверстием наверху

создает хорошую вытяжку (искусственное движение воздуха), сто́ит только в чуме развести огонь. Западногерманские изобретатели намерены создать искусственный ветер с помощью высокой конической башни.

Но самый неожиданный, на мой взгляд, выход нашли австралийские специалисты. Они задумали вывести ветроэлектростанцию в верхние слои атмосферы. Здесь всегда ураганный ветер, и он почти никогда не меняет направления. Воспользовавшись услугами воздушного змея, можно поднять над землей эти небольшие ветроагрегаты, способные вырабатывать до полумиллиона киловатт-часов электрической энергии в год. Очевидно, трос для змея будет одновременно и кабелем для электричества.

Не сказал свое последнее слово ветер и на транспорте. «Паруса — это современно!» — утверждают японские судостроители. В Стране восходящего солнца спущен на воду первый в мире танкер с «устаревающим» дизельным двигателем и с «возрождающимися» парусами. Новое судно расходует вдвое меньше топлива. Судостроители и судовладельцы многих стран серьезно поговаривают о возрождении парусного флота.

Ученые давно ищут способ использовать и безграничную энергию океана. Приливные электростанции уже существуют, но долго не удавалось подчинить энергию морских волн. Наконец появилось изобретение американского профессора Джона Айзекса из Океанографического института в Калифорнии. Он предложил легкий плавающий шар жестко соединить с лежащей на дне гидротурбиной. Качаясь на волнах вверх-вниз, вверх-вниз, шар будет передавать поступательную энергию на дно, к турбине, которая преобразует ее в электрическую.

Другое оригинальное решение нашли норвежские ученые: с помощью специальных, заякоренных в море блоков выкатывать на берег высокую волну. Получился бы водопад на ровном месте. Если установить здесь обычную турбину, то лучшего места для строительства электростанции и искать не надо, утверждают норвежцы.

В Тихом океане, у берегов Калифорнии, испытана модель ГЭС, которая напоминает атолл, только внутри искусственного атолла помещена турбина...

Я уже останавливаю себя, чтобы не приводить больше примеров из «морской» энергетики. Здесь есть много очень интересных и оригинальных проектов.

Также с самой неожиданной стороны может показать себя и геотермальная энергетика. Тепловая энергия только самого верхнего, десятикилометрового слоя суши в тысячи (!) раз превосходит «тепловые запасы» всех разведанных на Земле месторождений топлива, традиционного и нетрадиционного.

Но пожалуй, больше всего разговоров в научном мире ведется вокруг самого главного «дарового» источника энергии — Солнца.

Солнечная энергия огромна: каждый день суша получает энергии в 15—20 тыс. раз больше, чем вырабатывают ее все электростанции мира. Однако Солнце и ветер энергетики с иронией пока называют экзотическими энергоресурсами, главный недостаток которых — непостоянство. Сегодня ветер есть, завтра

его нет. Солнце зимой холодное, летом жаркое. И все же, оказывается, эти недостатки можно преодолеть.

Солнце уже «снабжает» горячей водой гостиницу «Спортивная» в Симферополе и «вырабатывает» холод в экспериментальных домах Ашхабада. Энергия Солнца орошает пустынные земли Казахстана и дает пресную воду пастбищам Кызылкума и Каракумов. Солнечные лучи плавят металл в Ереване, Ленинграде и других местах, где есть уникальные печи солнечной металлургии. Множество примеров, демонстрирующих силу Солнца, есть и за рубежом.

Ученые ряда стран подготовили совместный проект, в котором мощную солнечную электростанцию предлагается вывести в космос на околоземную орбиту. Там всегда Солнце, и можно рассчитать орбиту и скорость станции так, чтобы сделать ее как бы неподвижной по отношению к определенному участку суши. Специальные преобразователи будут посылать со спутника-гиганта вниз, на Землю, мощный луч, направленный на приемную антенну. Выработка космической станции может быть в сотни миллионов и миллиардов киловатт-часов электрической энергии в год.

Одну из попыток предприняли западноевропейские страны — итальянские, французские и западногерманские вкладчики не поскупились на проект «Еврогелиос», предусматривающий начало строительства крупных солнечных электростанций. Правда, затраты пока получаются великоватыми: один ватт энергии с «зеркальной» электростанции обходится в 10—12 долл.; если удешевить его раз в двадцать, то солнечная энергия выстоит в конкурентной борьбе.

Очень интересную работу выполнили в Физико-техническом институте имени А. Ф. Иоффе АН СССР: придумали «усилители» солнечного излучения. Ученые получают в лаборатории электричество, которое заметно дешевле, чем от обычных станций. И это при нежарком ленинградском солнце!

Сейчас в Крыму, под Алуштой, строится первая в СССР экспериментальная база, чтобы наконец вышли из лабораторий и нашли себе «место под солнцем» интересные работы ученых.

В Австралии возводится настоящий солнечный город. На востоке континента, близ города Брисбена, замыслены жилые дома-пирамиды. Часть солнечных пирамид уже готова. Одна сторона дома — мощная батарея, впитывающая энергию Солнца и преобразующая ее в электричество. Солнечные лучи как бы освещают комнаты ночью, помогают в работе бытовым приборам, кондиционерам и телефонам. Даже пищу можно приготовить с помощью энергии Солнца. В солнечном городе будет 4 тыс. домов и 15 тыс. жителей. А еще здесь будет «самый чистый в мире» воздух, потому что на улицы выйдут только электромобили, конечно же с солнечными батареями.

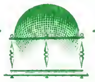
И в токийском пригороде Хофу тоже выросло здание солнечной архитектуры. Проекты солнечных городов — экополисов — можно увидеть сейчас в мастерских ведущих архитекторов Италии и Франции, Англии и США, а также других стран.

Но все эти проекты, родившись, уже устарели, если придерживаться взглядов академика Н. Н. Семенова.

Он иначе, «не так» посмотрел на обыкновенный лист дерева и увидел в нем... огромный промышленный комплекс, где каждая живая клетка — миниатюрный химико-энергетический завод. Природа позаботилась о совершенстве этого уникального завода. Под солнечными лучами здесь идут удивительные превращения — из воды получается водородное «топливо».

Итак, чистая энергетика есть. Она пока дорога, но лишь потому, что технология ее не отлажена, можно сказать, кустарна. Кроме того, справедливость требует признать: нам неведомы пока и экологические последствия «чистой» энергетики. Они, конечно, будут. Ясно, например, что водородное топливо повысит влажность воздуха в городах и, возможно, изменит что-то еще, о чем пока не известно. Не вызывает сомнений и то, что солнечная энергетика как-то отразится на радиационном балансе планеты. Не исключены и другие изменения природы, но все они, видимо, не идут даже в первом приближении ни в какое сравнение с нынешней экологической ситуацией. Вот почему за «чистой» энергетикой будущее.

Эта перспектива учитывается уже сегодня. В новой редакции Программы Коммунистической партии Советского Союза сказано: «Устойчивое удовлетворение растущих потребностей в различных видах топлива и энергии требует улучшения структуры топливно-энергетического баланса, ускоренного подъема атомной энергетики, широкого использования возобновляемых источников энергии, последовательного проведения во всех отраслях народного хозяйства активной и целенаправленной работы по экономии топливно-энергетических ресурсов».



НА ДАЛЁКИХ МЕРИДИАНАХ

Валентин Аккуратов

НОЧНОЙ ПОЛЁТ

ОЧЕРК

Художник В.КОСТИН

Долгий полярный день кончался. На смену ему шла такая же долгая ночь, и ее приближение уже явно ощущалось в природе: все немощнее, бледнее горели зори на юге, все темнее становилось небо на севере. Потускнели живые краски, мертвенно-серый мрак все плотнее окутывал землю. Его гнало с севера, где, невидимый за этим мраком, лежал полюс, подходы к которому, как барьером, прикрывало огромное «белое пятно» — пространство, протянувшееся более чем на 500 километров — от 85-го градуса северной широты до самого конца земной оси. Этот район не только никогда не посещался человеком, но и оставался невидимым для его глаз.

Что там?

Этот вопрос давно интересовал исследователей Арктики, достигших уже и обоих полюсов планеты, и полюса недоступности, но по-прежнему ничего не знавших о загадках предполюсного «белого пятна». Оно всегда оставалось в стороне от маршрутов исследователей: Роберт Пири и Фредерик Кук штурмовали Северный полюс со стороны Гренландии; Бэрд, Беннет, Амундсен и Нобиле летали к полюсу со Шпицбергена; папанинцы высажива-

лись с острова Рудольфа. Дрейфы судов — «Фрама» Нансена и «Седова» Бадигина — проходили значительно южнее, а ледовые разведки на самолетах в этом районе не производились выше 84-й параллели.

И вот теперь мы, советские люди, готовились исследовать загадочное «белое пятно».

Опыт в таких делах у нас был, ведь это мы, несмотря на утверждения многих арктических корифеев о невозможности посадки на дрейфующие льды приполюсного района, первыми в мире сели на них и создали там научную станцию «Северный полюс-1». И это был не счастливый случай, как поговаривали некоторые, а достижение нашего народа, ведь садился не один самолет, а четыре и в разные дни. И были это не легкие одномоторные самолеты, а четырехмоторные гиганты АНТ-6.

Мы первыми в мире проникли и на полюс недоступности и трижды садились на его льды, тогда как такая же попытка американцев Г. Уилкинса и Б. Эйельсена закончилась неудачей.

Этот полет был необходим, но мы собирались лететь не со спортивными, а с глубоко научными целями: изучить район, где формируется погода и происходит образование миллиардов тонн льда, являющегося преградой для успешного плавания по Северному морскому пути.

Формирование погоды и процесс льдообразования — вот что волновало нас в первую очередь. Незнание этих вопросов дорого обходилось человечеству. Льды похоронили искореженные остовы многих самолетов и судов и тела героев. Исчез в холодной пучине аэростат «Орел» шведской экспедиции С. Андрэ. Океан поглотил покорителя Южного полюса Роальда Амундсена и экипаж французского летчика Гильбо. Унесся в безвестность дирижабль «Италия» с группой профессора Александрини. Пропал бесследно в ледяных просторах самолет «СССР-209» Героя Советского Союза Сигизмунда Леваневского. Во льдах Карского моря погибли экипажи самолетов ледовой разведки Адамова и Мироненко.

А сколько кораблей раздавлено льдами! Где крепкое ледокольное судно лейтенанта Брусилова «Святая Анна»? Где экипаж русановского «Геркулеса»? Льды раздавили судно американца Де Лонга, поглотили корабль «Карлук» канадского полярного исследователя Бертлетта. Смятые льдами, исчезли под водой «Челюскин», «Крестьянка», «Моссовет».

И самолеты и корабли управлялись опытными и мужественными людьми, но необузданная сила льдов и непознанные вихри атмосферы погубили их. Понять динамику этих процессов, их взаимодействие и роль в формировании арктических погодных условий и составляло главную задачу нашего полета. А поскольку он должен был происходить в условиях полярной ночи, нам вменялось в обязанность «попутно» испытать и некоторые новые навигационные приборы, которыми в дальнейшем предполагалось оснащать самолеты ледовой разведки.

Это задание было поручено экипажу Московского авиаотряда особого назначения Полярной авиации в составе: командира М. А. Титлова, бортмеханика Д. П. Шекурова, бортрадиста С. Наместникова, гидролога М. М. Сомова и штурмана — автора

этих строк. Кроме того, в состав экипажа вошел и корреспондент газеты «Правда» С. Бессуднов — что ни говори, а полет был необычным, и в печати это должно было освещаться.

В нашем распоряжении были самолеты различных марок, но мы выбрали двухмоторный транспортный «СССР-Н-331» со сменным колесно-лыжным шасси и дополнительными бензобаками, обеспечивающими длительное пребывание в воздухе.

Мы отлично осознавали сложности предстоящего полета, ведь надлежало разведать наличие и состояние льдов в секторе, вершина которого упиралась в точку Северного географического полюса, и трудность задачи заключалась не только в том, что надо было проникнуть в район, где еще не было человека, но и в том, что он проходил в сложных погодных и астрономических условиях, когда полярный день переходил в полярную ночь. Солнце в этот период уже не всходило над горизонтом, и наступившие сумерки не позволяли наблюдать звезды и планеты даже при ясном, безоблачном небе, лишая нас, таким образом, возможности точной ориентации. Сюда же можно добавить и то обстоятельство, что магнитные компасы в высоких широтах не работают из-за малой силы горизонтальной составляющей земного магнетизма (то есть той силы, которая устанавливает стрелки магнитных компасов параллельно магнитному меридиану), а береговые радиомаяки, точнее, их сигналы за дальностью расстояния не достигали района «белого пятна». Вдобавок разведка должна была производиться визуально, а это значило, что весь маршрут протяженностью более 4000 километров мы обязаны были пройти под облаками, нижняя кромка которых опускалась до 50—30 метров от земли, задевая в отдельных случаях вершины торосов.

Были и другие существенные трудности. Так, чтобы преодолеть маршрут, мы вынуждены были взять на борт дополнительные баки с горючим, отчего допустимый полетный вес самолета увеличивался на тонну. Конечно, в нашей практике были взлеты с таким лишним весом, но инструкция их запрещала. Не отвечала установленным требованиям и взлетная площадка ни по своим размерам, ни по состоянию поверхности. Это был просто замерзший участок тундры, ограниченный с одной стороны крутым и высоким обрывом в море, а с другой — предгорьем Таймырского хребта.

Мы многократно и тщательно прорабатывали варианты полета, исключая из них все элементы необоснованного риска; за нас был наш полярный опыт — миллионы километров, налетанных в дальних ледовых разведках над Арктикой. Наши расчеты поддержал командующий Полярной авиацией Герой Советского Союза полковник И. П. Мазурук. Со свойственной ему решительностью он взял на себя ответственность за полет; его поддержал начальник Главсевморпути контр-адмирал И. Д. Папанин. Мнение этих людей было решающим, и полет из стадии подготовки перешел в стадию выполнения.

Старт намечался на 12 октября 1945 г. Дата обусловливалась новолунием. Хотя солнце уже зашло за горизонт, его лучи освещали луну, и она была хорошо видна на сумеречном небе, что

позволяло нам не только определять координаты своего места, но и контролировать весь курс. Но так как лунного компаса не существовало, мы решили использовать для определения курса солнечный астрономический компас, переконструировав его в лунный. Это не требовало особых усилий — нужно было лишь «притормозить» ход часового механизма, вращающего оптическую систему слежения за светилом, ибо видимое движение Луны по горизонту медленнее, чем движение Солнца (Солнце — 15 градусов в час, Луна — 14 градусов 47 минут).

Самая северная точка Евразии — мыс Челюскин встретил нас морозной и ветреной погодой. Стояли круглосуточные сумерки. В их неверном свете все выглядело призрачно и невесомо, словно перед нами был не реальный мир, а тонкий пастельный рисунок талантливого художника, бережно тратившего краски. Серо-голубой цвет снежного покрова тундры переходил к югу в оранжевый, а на севере по черным волнам моря неслышно проплывали фиолетовые айсберги. И над всем — бесцветное холодное небо.

Забывая о холоде, я часами всматривался в это небо, пытаясь отыскать хотя бы малейшие признаки какой-нибудь навигационной звезды, но их не было. Зато я научился «брать» азимуты невидимого Солнца, рассчитывая их по наиболее яркой вертикали зари в моменты верхней и нижней кульминаций светила (в эти

моменты при отрицательных высотах Солнца зори бывают наиболее яркие).

До сего времени такого способа определения не было, вероятно, потому, что в нем не было нужды: в полярную ночь на полюс никто не летал; теперь же этот метод определения азимутов мог стать самым надежным (забегая вперед, скажу, что он во многом определил успех полета).

До старта оставалась целая неделя, но отдыха в эти дни не было. Пришлось дважды слетать за горючим необходимого сорта в залив Кожевникова на реке Хатанге, а также заглянуть в бухту Марии Прончищевой, куда мы доставили почту для коллектива небольшой зимовки, посещаемой кораблями раз в год. Нас никто не заставлял лететь на эту зимовку, где не было даже взлетно-посадочной полосы, но мы понимали, с каким нетерпением ждали зимовщики вестей от родных и знакомых. Наш экипаж только что вернулся с фронта, мы еще не сняли военной формы и хорошо знали, как важно было полярникам, отрезанным от Большой земли, получить письма, почитать свежие газеты.

Одновременно эти полеты были хорошей тренировкой взлетов с ограниченных площадок и столь же хорошим средством отработки вождения самолета без навигационных приборов, во всяком случае без привычных. Контролируя курс по вертикали зари, снимая ее пеленги через оптическую систему астрокомпаса, я все более убеждался, что новый метод ориентации оправдывает свое назначение, а это вселяло уверенность, что мы выйдем на полюс с вполне допустимой погрешностью.

Ежедневно по метеосводкам, поступающим из Тикси и с Диксона, мы с Титловым тщательно анализировали ход погоды и подолгу вышагивали по нашей взлетной полосе, вновь и вновь измеряя ее. Остановившись у обрыва, молча всматривались в море, в далекий горизонт, над которым торчали торосы.

— Площадка нормальная,— всякий раз начинал Титлов,— грунт плотный, подмороженный, спокойный. Выдержал бы и твой четырехмоторный Пе-8. Размеры тоже в норме. Нам бы ветерок с моря, тогда оторвемся метров за двести до обрыва.

— Меня не длина полосы тревожит,— отвечал я,— а снег. Сейчас высота снежного покрова пять — семь сантиметров. До старта наверняка будут еще снегопады — об этом предупреждают синоптики. А мы на колесах. Сам понимаешь, не оторваться тогда с нашим весом.

— А если не будет снегопадов?

— А если будут?

— Тогда с первым хорошим ветром, не дожидаясь 12 октября, взлетаем. Взлетали же вы с вершины острова Рудольфа, когда везли папанинцев!

— Но тогда мы были на лыжах и не так были перегружены. Эх, жаль, не осталось тех самолетов! Списали, как морально устаревшие. А зря. Ну тихоходны, зато радиус большой, да и при посадках на дрейфующие льды требовалась маленькая площадка. А взлетать, как ты говоришь, раньше срока — значит взлетать без луны. Как будем ориентироваться?

— Да, положеньице! — сказал Титлов.— Нос вытащишь — хвост увязает.

— Так вот, чтобы не увязнуть совсем, давай улетать как можно скорее. Бог с ней, с луной, есть еще солнечные зори. Ты думаешь, я зря возился с ними? Нет, командир. Например, выяснил, что средняя вертикаль солнечного диска, точнее, его отражения позволяет определить азимуты светила с ошибкой не более плюс-минус два-три градуса. Океан мы видеть будем — пойдем ведь ниже облаков, значит, по движению его поверхности относительно самолета определим элементы ветра, а отсюда вычислим свою путевую скорость и поправки курса. Но это еще не все. Солнце на полюсе зашло за горизонт 21 сентября, но благодаря рефракции край его диска будет виден еще до 25—26 сентября и даже дольше — здесь все зависит от состояния нижних слоев атмосферы. Так вот, если мы стартуем, скажем, 2 октября, солнце будет ниже горизонта на три градуса, то есть на шесть своих дисков. При полете на высоте 500 метров мы благодаря понижению горизонта и той же рефракции сможем точно взять его азимут, определить по нему свой курс и без ошибки выйти на точку полюса.

— Логично,— сказал Титлов,— но только ни в одном учебнике по аэронавигации я этого не читал.

— Век живи — век учись, командир... Словом, давай посмотрим, как поведет себя погода, и будем держать самолет в трехчасовой готовности.

Скоро над мысом Челюскин появилась высокая перистая облачность, веером наползавшая с северо-запада. Подсвеченная невидимым уже солнцем, эта золотисто-розовая сеть, такая невинная и красивая на вид, была грозным авангардом явного циклона, зародившегося где-то у Гренландии.

— Скоро сюда придет, и тогда запуржит на целую неделю,— с тревогой говорил Михаил Михайлович Сомов, помогавший мне в определении вертикали Солнца.

— Ну как, Михаил Михайлович? — не скрывая радости, спрашивал я, когда расхождения в расчетах не превышали двух-трех градусов.— Ведь получается?

— Мимо полюса, конечно, не проскочим и на свой аэродром выйдем,— отвечал Сомов.— Но сейчас мы работаем на земле, можно сказать, в идеальных условиях: небо чистое, заря видна от края до края, магнитный пеленгатор работает отлично. А как будет в полете?

Я понимал сомнения ученого: одно дело — экспериментировать на земле, и совсем другое — практическое освоение нового метода ориентации в воздухе.

Из размышлений меня вывел голос появившегося в кают-компании синоптика:

— Товарищи, срочное штормовое предупреждение. На Диксоне и мысе Стерлегова пурга. Ветер северо-западный, 18—20 метров. Ожидается усиление до 25.

— Ничего не скажешь, порадовал,— мрачно сказал Титлов.— А как у нас? Когда ожидается циклон?

— Раньше, чем мы рассчитывали. На острове Русском уже снегопад.

— А на Гейберге?

— Не знаем, там нет станции.

— Как нет?— вмешался я.— В августе мы с Черевичным летали над островом, сбрасывали зимовщикам продукты и почту.

— Там был пункт наблюдения во время войны. В конце нынешней навигации люди с Гейберга сняты ледоколом. Их там было всего два человека. Кстати, старший группы, метеоролог, был вашим однофамильцем, тоже Аккуратов, а фамилию радиста я не знаю.

Я не сказал синоптику, что Аккуратов — это не однофамилец, а мой брат Владимир (сейчас меня в первую очередь волновали полученные сведения о погоде). На острове Русском снегопад. От Русского до нас 600 километров. Циклон пройдет это расстояние меньше чем за сутки.

— Надо успеть стартовать до снегопада,— сказал Титлов.— Другого выхода у нас нет.

Я был согласен с командиром. Времени оставалось в обрез. Чтобы точно выйти в точку полюса, нужно было прилететь в заданный район в момент верхней кульминации Солнца, в 12.00. Полет занимал 7 часов плюс-минус 15 минут на изменения элементов ветра. Значит, надо взлетать с Челюскина не позже чем через 7 часов.

— Всем по местам!— приказал Титлов.— Заправить дополнительные бензобаки, прогреть моторы и три-четыре часа на предполетный отдых.

Работали всем экипажем, а кроме того, нам помогали свободные от вахт зимовщики. Крана не было, и трехсотлитровые бочки с горючим грузились в самолет вручную. Погрузили расходный запас продовольствия и НЗ, палатку, клиппер-бот и все необходимое снаряжение для автономной жизни на тот случай, если придется идти на вынужденную посадку и садиться на дрейфующие льды. Потом очищали самолет от обледенения, проверяли навигационно-пилотажные приборы, силовую часть и радиостанцию.

Вместе со всеми активно работал корреспондент «Правды» Бессуднов. Конечно, ему было тяжелее других: он впервые участвовал в таком аврале, но крепился, лишь спросил меня:

— Неужели летчики всегда так «вкалывают» перед вылетом?

Через три часа самолет был полностью подготовлен. Зачехлили моторы, подвесили к ним подогревные бензиновые печки, укрепили ветрозащитные щиты и отправились отдыхать.

Укладываясь, я попросил синоптиков разбудить меня через три часа и ознакомить со свежими сводками погоды, которые ожидались из Москвы. Но я проснулся сам, как всегда, раньше по сигналу «временнóго будильника». Ополоснул лицо ледяной водой и вышел в кают-компанию.

— Как там «ночной зефир»?

— «Зефир» разбушевался,— ответил синоптик,— уже двенадцать метров северо-западного направления. Вот последняя фактическая погода, ознакомьтесь.

Мы склонились над картами. Центр циклона сместился к архипелагу Норденшельда, всюду отмечались штормовые ветры, снегопады и низкая облачность. Видимость — 1—2 километра, а температура как раз соответствовала режиму обледенения.

Вошел Титлов и тоже стал изучать карты.

— Михаил Алексеевич,— сказал я,— мы же договорились, что погода — это моя забота. Чего раньше времени поднялся? Целый час не добрал. Без второго же пилота идем, трудно будет одному пилить 15—17 часов.

— Ты тоже один. Я-то еще могу подремать: Шекуров подменит в случае чего, а тебе на кого надеяться? Давай лучше послушаем синоптика.

— Твое мнение, штурман? — спросил Титлов, когда синоптик закончил свое сообщение.

— Конечно, для графы «Летного наставления» погода не подходит и тем более не подходит к производству ледовой разведки. Но я уверен, что на малых высотах льды будут видны, а это для нас главное. Карский же циклон нам страшен только до вылета. На маршруте его влияние нас не коснется, он останется западнее. Надо, командир, немедленно стартовать.

— Добро. Поднимай экипаж. Позавтракаем и тронемся.

За столом, вглядываясь в ребят — чисто выбритых, одетых в голубые свитера и коричневые кожаные костюмы, я спрашивал себя: «Знают ли они, что их ждет над ночным океаном, в затаенности ночного темного неба?» И тут же отвечал себе: «Конечно, знают и верят себе и друг другу. И эта вера внушает им спокойствие, которое читается на их лицах, и отводит все сомнения. Они выполнят задание».

...Мы шли к самолету. Резкие порывы ветра несли нам навстречу потоки колючего снега. Нам — это мне и Титлову, потому что остальной экипаж поехал к месту старта на собаках. А мы решили пройтись пешком.

— Не нравится мне этот ветер,— сказал я, когда мы подошли к «аэродрому».— Похоже, он переходит на боковой, и с нашей загрузкой нам придется тяжело.

— Ничего, оторвемся,— ответил Титлов, окидывая оценивающим взглядом снежное поле.— Полоса, что и говорить, узковата, зато идет под уклон. А там и обрыв. Да тут и танк взлетит,— улыбнулся Титлов.

Я понимал, что это он говорит для бодрости, а сам, как и я, мысленно подсчитывает (в который раз!) взлетный вес самолета. А он был просто громадным. Мы взяли 5340 килограммов бензина, который обеспечивал нам 21 час полета, 200 килограммов масла и 400 — продовольствия. Вес экспедиционного снаряжения, тары, добавочных баков и людей составлял 1370 килограммов. Добавьте к этим цифрам еще 8100 — вес самой конструкции, и вы получите 15 410 килограммов — наш полный полетный вес. Он превышал максимально допустимый, как я уже говорил, на целую тонну. Но я верил в нашего командира, который сочетал в себе огромный опыт, превосходное знание законов аэродинамики, точный расчет, глубокую интуицию и чувство машины. Я знал, что он уже прикидывает, как бы получше взлететь.

Мы пошли к самолету, который уже был готов к старту. Пожав руки притихшим от волнения зимовщикам, мы заняли свои рабочие места. Моторы запущены, машина с трудом рулит по глубокому снегу. Добавляем обороты, медленно ползем на верхний край взлетной полосы. Разворачиваемся на самом краю, ставим машину в правом углу полосы. Короткая перекличка о

готовности к взлету с членами экипажа, трехминутная проверка работы моторов на всех режимах.

В открытые иллюминаторы пилотской кабины сквозь рев моторов доносится мощное дыхание моря. Яркое пламя костров, обозначающих границы полосы, окрашивает снег алым цветом. Порывистый ветер рвет огонь костров, мириады снежных кристаллов бьют в обшивку самолета. Совсем близко, за последними ограничительными огнями, резко чернеет открытое море, а дальше — ночь и неведомое.

Молча, поворотом головы Титлов спрашивает о готовности к старту. Диомид Шекуров и я одновременно киваем в ответ. Удастся ли взлететь при таком ветре на перегруженной машине? Узкая полоса, ограниченная по бокам высокими снежными валами, как канава, тянется по склону, обрываясь в море. Сейчас самым опасным нашим врагом был ветер. Он разворачивал самолет, сбивал его с полосы, и, чтобы удержать его на прямой, требовалось регулировать мощностями моторов — попеременно увеличивать или сбавлять их обороты, но так, чтобы не терять суммарной мощности, необходимой для отрыва от земли.

Чувствую, что волнуюсь. Включаю секундомер. Самолет сначала осторожно, а потом все увеличивая скорость бежит по заснеженной, с поперечными передувами полосе. Диомид по знаку Титлова прибавляет газ. Ветер не оставляет попыток сбить самолет с прямой. Линия костров уходит вправо. Попеременно взвывают моторы, машина выравнивается и с левым креном стремительно несется к обрыву. Мелькают последние боковые костры, и мы повисаем над бурной поверхностью моря — так низко, что чувствуется его влажная и соленая прохлада.

Было это в 00 часов 20 минут по московскому времени 2 октября.

Внимательно прислушиваюсь к ритму моторов: в их рокоте наша жизнь. Малейший перебой — и самолет зароется в черные холодные волны. Но моторы гудят четко и мощно. Самолет уверенно набирает высоту.

Все молчат. Следят за показаниями приборов, контролирующих режим работы двигателей — температуру цилиндров, обороты, давление горючего и масла. Сейчас это самое главное. А потом, через несколько минут, когда выяснится, что моторы работают нормально, все внимание переключится на стрелки навигационных приборов, указывающих курс, высоту, скорость, и на перерасчет этих приборных показаний в действительные, из которых складывается истинное движение самолета и его положение относительно поверхности океана.

В кабине темно. Свет выключен, чтобы не мешать наблюдениям за поверхностью моря и определению характера льдов.

— Высота — пятьдесят метров! Переходите на горизонтальный полет. Выше — сплошная облачность,— сообщаю я и делаю первые расчеты в бортжурнале.

— Есть пятьдесят метров! — откликается Титлов.— Диомид, как движки?

— Нормально! Температура головок цилиндров на перегрузку не реагирует.

— Отлично! Откровенно говоря, опасался, что перегреются — когда до обрыва оставалось двести метров, пришлось включить форсаж.

Впереди Северная Земля. Вес самолета не позволяет «перелезть» через двухкилометровые горы архипелага, а, кроме того, нам надо видеть льдообразование в море Лаптевых, и мы идем обходным курсом. Нижняя кромка облачности не превышает 60 метров, но видимость по горизонту хорошая. Пока под нами черная поверхность моря, и никаких признаков льда. Ветер свободно гонит тяжелые пенистые волны открытой воды. Вызываю Сомова и показываю вниз.

— Черное море! Под парусами на яхте ходить, а не ледоколам. Что скажет наука? — кричит Титлов.

Сомов и сам удивлен:

— Вероятно, ветровое разводье. Это временное, хотя и крайне интересное состояние моря в этот период. Такое и летом не наблюдается,— говорит он и быстро записывает что-то в свою тетрадь.

— Но ветер-то прижимной, двое суток дует с северо-запада. А где льды? — не соглашается Титлов.

— Никто здесь в это время в разведку не летал. Арктика еще и не такое преподнесет,— вмешиваюсь я в разговор.— Для того и летим, чтобы узнать, что и почем.

Сомов не отрывается от иллюминатора. Мне нравится этот ученый-гидролог, ученик и помощник крупнейшего специалиста по льдам Арктики профессора Н. Н. Зубова. Полярный исследователь, немало лет посвятивший изучению законов дрейфа льдов, Сомов, безусловно, был самым достойным кандидатом для включения в нашу экспедицию. Уступив ему правое пилотское место, откуда был лучше обзор, я перешел в штурманскую.

Через 28 минут полета в густом предрассветном мраке на черном фоне воды забелели отдельные небольшие льдины, которые все больше и больше заполняли поверхность моря, пока не перешли в сплошной массив с редкими узкими разводьями, пересекающими ледяные поля, как черные линии.

— Наконец-то! — крикнул Сомов.— А то я начал думать, что под нами и в самом деле Черное море!

Подходим к острову Малый Таймыр, но его берегов пока не видно. Запорошенные свежевыпавшим снегом, они сливаются с низкой облачностью, которая охватывает все небо. Мы идем под ней на высоте 30 метров.

Летим уже час. Начинает светать, и все пространство простирающегося под нами льда тонет в серой мгле. И тотчас проявляется странный световой эффект, присущий этому времени года: несмотря на то что посветлело, формы льдов различаются все труднее — рассеянный свет сумерек сглаживает все неровности ледяной поверхности.

На траверзе мыса Розы Люксембург низкая сплошная облачность заставила нас перейти на бреющий полет, но вскоре наползший с севера туман лишил возможности наблюдать льды, и, чтобы не натолкнуться, чего доброго, на торосы, мы пошли вверх, в облака. Но — одно другого не лучше — самолет стал быстро покрываться ледяной коркой. Включили антиобледените-

ли. Сквозь просвет, образовавшийся в стеклах кабины, стало видно, как от передних кромок крыльев под действием пневматических антиобледенителей отлетают корки льда.

— Пока нормально,— говорит Титлов.— Будет хуже — уйдем еще выше.

— А разведка? — говорю я и предлагаю: — Давай так пройдем минут десять и вниз, только осторожно, мы уже в зоне североземельских айсбергов. А они бывают до двадцати пяти метров. Встречаются и сорокаметровые, но не в этом районе.

— Осторожно, говоришь? Это хорошо, штурман, разумная осторожность никогда не бывает лишней, тем более в нашем деле.

Говоря об осторожности, я имел в виду осторожность, идущую не от страха или трусости, осторожность не перестраховки, а именно разумную осторожность, основанную на сумме знаний и опыта, но не отвергающую и права на риск, когда того требуют обстоятельства. И Титлов правильно понял меня. Сам он обладал этим качеством, так же как и правом на риск. Продуманный, обоснованный и необходимый во имя дела, во имя совести.

Неожиданно красным тревожным огнем вспыхнула лампочка на приборном щитке, и в шлемофоне раздался голос бортрадиста Наместникова:

— Обледенением сорвало выпускную антенну. Заменяю. Пять — семь минут связи не будет.

— Понял! — отозвался Титлов.— Ремонтируй, обойдемся пока без связи. В экстренном случае перейдем на жесткую антенну. Как она, кстати?

— Пока держится.

Внизу по-прежнему льды. И по-прежнему Сомов не отрывается от иллюминатора.

— Откуда здесь такой ровный припайный лед? — как бы у самого себя спрашивает он.

— Ровный? — говорю я.— Ночью, Михаил Михайлович, все кошки серы, потому и льды кажутся биллиардным полем. Но я не хотел бы, чтобы у нас сейчас отказали моторы. То, что ты принимаешь за гладкое поле, на самом деле торосы высотой восемь — десять метров. Просто рассеянное освещение скрывает все вздыбленности.

— А я сначала подумал, что мы открыли что-то новое в динамике и структуре льда, а потом решил — чего уж тут скрывать,— что сбились с курса и находимся где-то между Тикси и островом Семеновским.

– Ну спасибо, Михаил Михайлович, за откровенность! — смеюсь я.

Что же касается эффекта рассеянного освещения, создающего иллюзию полной безопасности при посадке на дрейфующие льды, то со временем в инструкции по полетам был внесен пункт, категорически запрещавший такие посадки. Они разрешались только при ясном небе, когда облачность не превышала пяти баллов и хорошо виделись солнечные тени, то есть когда рельеф льдов приобретал свой натуральный вид, освобождаясь от камуфляжа рассеянного освещения. Его опасные чары, словно от руки доброго волшебника, рассеивались от лучей солнца, которое

надежнее всех приборов выводило нас из лабиринта меридианов к желанной земле и обеспечивало уверенную посадку...

Подходит время брать курс на полюс. Уточняю наше действительное место. Мы на траверзе мыса Северный. Пора делать поворот. Сильный встречный ветер, низкая облачность. Уходим вверх. Обидно: не можем наблюдать льды, но слишком сильно́ обледенение, чтобы лететь на малой высоте. На широте 82 градуса 10 минут снова пошли вниз. На этот раз там было терпимо, и с высоты 80 метров мы ясно увидели лед с разводьями открытой воды. Сотни узких трещин испещряли лед, всюду виднелись следы интенсивного торошения. Слева неожиданно выросла трехвершинная ледяная гора.

— Земля!— воскликнул Сомов.— Остров!

Мы изменили курс и сделали над «островом» два круга. Голубые изломы льда на краях «острова» показали, что это всего-навсего айсберг. Правда, по здешним меркам огромный— 450 на 100 метров. Как он попал сюда? Ведь от Северной Земли льды дрейфуют на запад, а на островах Де-Лонга нет таких мощных айсбергов. Может, с Канадского архипелага? Похожий айсберг мы с Черевичным встретили в 1941 году у острова Врангеля. Делюсь своими мыслями с Сомовым.

— Ни одна академия не даст нам ответа,— говорит он, зарисовывая в тетрадь «остров». И неожиданно спрашивает:

— Ты уверен в правильности курса?

— Абсолютно. А что тебя смущает?

— Ни в одном из трех компасов картушки не стоят на нашем курсе. Судя по их показаниям, мы идем вместо севера на северо-запад.

— А средняя линия зари? Посмотри на экран астропеленгатора. Как видишь, идем точно на север.

— Но тогда почему до сих пор нет пакового льда? Ведь его граница обычно лежит между 82-й и 83-й параллелями.

Ледовый массив под самолетом был действительно необычным. Пакового, то есть многолетнего, льда не наблюдалось, и лишь через три градуса, на 85-й параллели, пак занял все видимое пространство океана. Начали встречаться ледовые поля, годные для посадки в лыжном варианте. Это поднимало настроение: все-таки чувствуешь себя увереннее, когда внизу мощный лед, а не его подобие.

Прогноз, данный синоптиком Фроловым с Диксона, оказался очень точным: температура и ветер не меняли своих показаний. А вот облачность была настолько капризной, что высота полета все время колебалась от 50 до 1000 метров. На широте 86 градусов с семисотметровой высоты удалось запеленговать красный столб над солнцем, которое находилось ниже горизонта в юго-восточной части неба. Взятый пеленг позволил уточнить наш истинный курс, и до 88-го градуса мы шли только по счислению, так как опять началась сплошная облачность.

До полюса оставалось 223 километра. Все в работе: Титлов ведет самолет, Шекуров следит за двигателями, я делаю свои расчеты, Сомов, не отрываясь, смотрит на льды, Сергей Наместников держит связь. В наших условиях это трудное дело, но бортрадист на высоте. Каждые полчаса передаются на Большую

землю наши координаты, погодные сводки и сводки о состоянии льда. Они очень важны: никто еще не передавал таких сводок с широт, над которыми мы летим. Специалистам они дадут массу сведений о погоде приполюсного района.

Время от времени, включив автопилот, из кабины выходит Титлов. Не вредно бы размяться, а заодно взглянуть на штурманские расчеты. Они не вызывают у Титлова никаких нареканий, но картушки магнитных компасов, которые то начинают вдруг дико вращаться, то застывают на любом румбе, но только не на том, какой нужен нам, выводят командира из состояния спокойной сосредоточенности.

— Черт те что! — говорит он. — Четыре тысячи лет служить верой и правдой, а тут — на тебе — забастовка!

Я смеюсь. Эмоция летчиков на этот счет мне давно знакома. Еще в 1936 году, когда мы с Михаилом Водопьяновым летали на Р-5 на высокоширотную разведку перед высадкой папанинской группы на Северный полюс, такая «забастовка» случилась в первый раз. Опытнейшие полярные летчики не поверили тогда этому, считая, что компасы просто сломались. Кажется, и Титлов сейчас готов был поверить в это...

На широте 88 градусов 10 минут облачность разорвалась. Я в это время был в астрокуполе, надеясь обнаружить на небе хоть одну звездочку. И вот вместо нее совершенно неожиданно замечаю тончайший серп луны. Как же так? Ведь луна сейчас на исходе последней четверти и не должна быть видимой! Но раздумывать некогда. Быстро беру пеленги. Бледный штрих серебристо-жемчужного цвета, еле заметный в поле зрения секстана, но все же проецирующийся на экране астрономического компаса, оказал нам неоценимую услугу в деле контроля курса, определения точки полюса, а главное, помог точно развернуться при отходе от полюса на меридиан острова Котельный. С этого момента, лишь изредка прячась за высокой перисто-слоистой облачностью, луна сопровождала нас до полюса и от него до 87-го градуса.

Полюс быстро приближался, и в 06 часов 56 минут я торжественно объявил, что северный конец земной оси — под нами. Сбросили буй с запиской о достижении полюса и с газетами «Правда» и «Комсомольская правда». Затем, положив самолет в широкий круг, приступили к наблюдениям.

Внизу был тяжелый паковый лед с большим количеством разводьев и трещин. Другого мы и не представляли, хотя в разные времена высказывались предположения, что на полюсе может оказаться море, совершенно свободное ото льда. Может быть, так и было в какую-то далекую эпоху, но сейчас под нами был только лед. Здесь формировались его армады, отсюда они шли по разным направлениям, преграждая доступ в свои владения кому бы то ни было.

Рассчитав курс отхода по данным положения луны, мы легли на меридиан Крестов Колымских, где была запланирована посадка. Сложен расчет курса отхода от полюса. Куда ни поверни — всюду юг, и при малейшей оплошности мы могли оказаться не то что в Крестах Колымских, а вообще неизвестно где. Даже в 80-х годах был случай, когда опытные полярные летчики на самолете,

оборудованном всеми самыми совершенными навигационными приборами, стартовав с «СП-16» на мыс Челюскин, ушли в противоположную сторону, и только счастливый случай спас их от катастрофы во льдах.

Прошло полчаса. Самолет прочно «лежал» на нужном меридиане, а золотисто-розовый цвет неба подсказывал, что где-то близко находится солнце. Пусть за горизонтом, но близко! Одно это радовало, тем более что серп луны, так выручивший нас, таял на глазах по мере нашего продвижения на юг. Нервное напряжение ослабло, и мы почувствовали, что очень устали. Сильно клонило ко сну. Чтобы взбодриться, выпили крепкого горячего кофе и закусили безвкусными американскими концентратами с примесью ореха «кола». И сразу потянуло к настоящей еде. Достали из запасов, которыми нас снабдили зимовщики Челюскина, оленью ногу и две буханки ржаного хлеба и в момент расправились с ними.

И тут на борт стали одна за другой поступать радиограммы с поздравлениями, ведь мы первыми долетели до полюса в условиях полярной ночи. Поздравили Папанин, Водопьянов, Мазурук, Ляпидевский, Слепнев и многие другие. Не забыл нас и ученый совет Арктического института. Конечно, мы были тронуты таким вниманием, но расслабляться было нельзя. До аэродрома оставались еще тысячи километров, а внизу по-прежнему были океан и льды.

Через два часа полета сумерки стали постепенно бледнеть, приобретать голубизну. Заработали магнитные компасы, но пока неуверенно — при малейшем крене стрелки отклонялись от курса до 50 градусов.

Начиная с 84-й параллели небо затянула сплошная облачность. Наблюдение за льдами не прерывалось ни на минуту, и пришлось снижаться до 50 метров. Но нижняя граница облаков доставала и сюда, и скоро видимость по горизонту упала до нуля. Началось обледенение — в который уже раз за полет. Матовый лед, оседая на плоскостях и кабине, утяжелял машину, ухудшал ее аэродинамические качества. Антиобледенители не успевали сбрасывать нарастающий лед. Самолет начало трясти, а скорость упала. Титлов взглянул на меня и резко увеличил обороты моторов. Буквально врубаясь в промозглую массу облаков, машина полезла наверх. Только на высоте 4880 метров обледенение прекратилось.

Сомову наш маневр явно не нравился: он готов был вести свои записи сутки напролет и с укоризной смотрел на нас, летчиков.

— Ничего, Михаил Михайлович,— успокоил гидролога Титлов,— еще насмотритесь. Вот оттает, и снова вниз пойдем.

Теперь мы шли над верхней кромкой облачности. Трясти перестало, но вскоре мы почувствовали явный недостаток кислорода. Запас его был у нас ограничен, и маски в первую очередь пришлось отдать Сомову и Бессуднову: они были новичками в такого рода делах и тяжелее нас переносили кислородное голодание.

Компасы, как я уже говорил, стали потихоньку работать, и, пользуясь тем, что теперь не приходилось ежеминутно проверять курс, я стал помогать Шекурову в перекачке горючего из бочек в дополнительные баки. Работали без кислородных масок, и пары

бензина затрудняли и без того нарушенное дыхание. Появилась вялость, апатия. Лишь закончив перекачку, мы пошли в штурманскую и там, подышав из масок, пришли в нормальное состояние. Передав Титлову сведения о запасе горючего, я поднялся в астрокупол и сразу увидел, что на экране астрокомпаса нет луны.

— Михаил!—крикнул я в ларингофоны Титлову.—Ты по чему держишь курс?

— По магнитным компасам, ведь они уже работают!

Работают! Это называется «работают»—чуть покачнешься, и картушки становятся неуправляемыми. Я стал внимательно разглядывать небо. Мне была нужна луна, потому что я чувствовал: мы летим неизвестно куда. Вновь и вновь всматриваясь в однообразный серый фон за стеклом, я чуть не вскрикнул от радости: почти на траверзе проглядывался тонкий лунный серпик. Быстро сделав расчеты, я убедился в том, о чем догадывался,— мы двадцать минут летели по курсу влево с ошибкой в 77 градусов!

Вернувшись на нужное направление, мы решили пробить облачность.

— Скажи Сомову, пусть готовит свои карандаши,—улыбнулся Титлов.

— Опять нахватаем льда и начнется перерасход горючего,— возразил Шекуров.

— Ничего,—ответил Титлов,—будет плохо, вновь уйдем наверх. А льды наблюдать надо, за этим и прилетали сюда.

Самолет нырнул в плотную облачность. Легкая пленка льда стала на глазах покрывать машину. Титлов увеличил скорость снижения, мы почти пикировали. Неожиданно на высоте 3000 метров облачность кончилась, и мы ясно увидели океан. На нем лежал тяжелый пак, но было много и более молодого льда. Дул сильный попутно-боковой ветер, путевая скорость возросла до 285 километров.

На широте 82 градуса 40 минут тяжелый массив пакового льда оборвался. Двадцать миль тянулась зона торошения, потом пошли поля двухлетнего льда с включениями пака мощностью до 3—4 баллов, который окончательно исчез на 80-й параллели. На широте 78 градусов 40 минут показалась чистая вода; на этой же широте мы встретили третью в своем полете ночь. В первую мы взлетели с мыса Челюскин, вторую догнали на широте 87 градусов 30 минут, когда Солнце «ушло за горизонт» до весны, третья начиналась сейчас—и все это произошло за 11 часов 30 минут полета! Таковы астрономические законы высоких широт Арктики.

Ветер с попутно-бокового перешел на попутный, и мы летели теперь со скоростью 330 километров в час. По расчетам, в 12 часов 13 минут должен был показаться мыс Анисий острова Котельный. Меня этот факт волновал больше всех. Были ли верны мои расчеты и суждения? Ведь точность выхода к мысу и подтверждала точный выход на полюс, и вообще увязывала весь маршрут.

Но, как назло, на широте 77 градусов опять пошла сплошная облачность. Как тут разглядеть мыс! Но вот впереди, несколько левее, ясно вырисовываются какие-то горы. Какие? Новосибирские острова? Рано по времени. Остров Беннета? Но он должен

быть значительно левее. А впрочем, чего гадать: 77-й градус — это не 87-й, уже видны звезды. Беру высоты Капеллы, Денеба и Веги. И вот результат — до мыса Анисий сорок миль. А горы, что же за горы мы видели? Как скоро выяснилось, это были не горы, а одна из многих метаморфоз Арктики — это были... облака.

В 12 часов 17 минут, то есть с опозданием всего в четыре минуты, под нами четко проявился мыс Анисий. Точность расчетов превысила все ожидания. Даже в нормальных широтах на таком огромном отрезке пути нормативами предусмотрены ошибки в 12 минут днем и 20 — ночью.

Товарищи поздравляют меня, а я чувствую только одно — усталость. Сижу, прижавшись горячим лбом к стеклу иллюминатора. Впереди мелькают яркие костры, выложенные на посадочной площадке зимовщиками Котельного. Я представляю, как им пришлось потрудиться, ведь зимовщиков всего четверо.

Можно, конечно, садиться и, как говорится, перевести дух. Но в наших баках горючего еще на восемь часов, а площадка на Котельном всего лишь запасная, и мы принимаем решение лететь прямо на материк, в Кресты Колымские, тем более что погода там, по сводкам, отличная. Пусть простят нас зимовщики, которые, наверное, рассчитывали, что мы приземлимся, но лучше уж сразу доделать дело до конца. Так будет спокойней. И правильней. Но «поздороваться» с зимовщиками надо, и мы делаем над площадкой два круга, покачивая крыльями. Затем берем курс на Колыму.

Облачность снижается до 100 метров, и опять начинается обледенение. Набираем высоту 2000 метров. Самолет легкий, послушный. Над нами — глубокий черный бархат неба, усеянный тысячами ярких звезд. В кабинах приглушенный свет, а в пилотской совсем темно, лишь фосфоресцируют циферблаты приборов, подсвеченные ультрафиолетовыми лампами.

По стеклам носовой кабины бегают огненные змейки — разряды статического электричества, а вскоре на небо обрушивается огненный поток. Оранжевые, голубые и зеленые ленты и спирали, полотнища, веера и клубки. Северное сияние! Звезды меркнут в его бешеной феерии. Так продолжалось несколько минут, потом огненные сполохи погасли, и под нами снова зачернело море, в котором отражались звезды.

Все ближе и ближе Кресты Колымские. И вдруг радиограмма: посадочная площадка там залита наводнением. Вот так дела! Значит, надо идти в Чокурдах, на Индигирку.

Скорость на новом курсе резко падает из-за встречного ветра. Медленно тянутся последние часы. Из Чокурдаха передают, что у них сплошная облачность, высота — 300 метров.

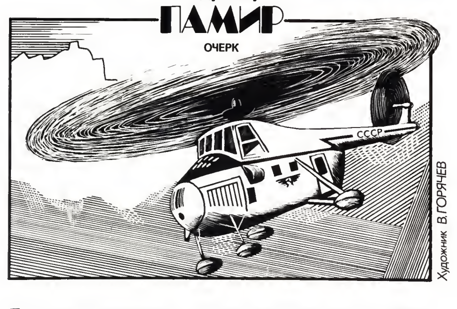
Снижаемся и сквозь разрывы в облаках видим черную ленту Индигирки. Впервые за весь полет включаю радиокомпас, благо в Чокурдахе есть радиопривод, и самолет ныряет вниз. Обледенение делает последнюю попытку помешать нам, но под струями антиобледенителей лед тает и смывается.

Костры. Делаю последнюю отметку в бортовом журнале. Колеса касаются земли.

Виктор Ярошенко
Александр Гаврилюк

ПАМИР

ОЧЕРК



Художник В. ГОРЯЧЕВ

По утрам мы приезжали на не остывшее от зноя поле душанбинского аэродрома и в урочный час летели на Памир — в Хорог или Рушан, на Сарез или в пустынные плоскогорья Восточного Памира, на Мургаб или Каракуль. А вечером или через день мы снова оказывались в гостиничном номере, в столичном городе, изнывающем от августовской жары, и только воспоминание о недавних ледниках стояло перед глазами.

То, на что люди тратили годы и годы, за что Алексей Федченко, не задумываясь, отдал жизнь, доставалось нам просто и буднично.

Открытие Памира

> Памир должны открыть русские.
> *А. П. Федченко*

Целые поколения лингвистов пытались объяснить слово «Памир». Памир был как символ всего таинственного, почти недоступного, может быть мифического, как теперь Атлантида например. Кстати, ведь, по Эратосфену, и легендарные горы Парнас лежали где-то в истоках Оксуса (Амударьи). Парнас искали на Памире.

До европейцев слово «Памир» дошло значительно раньше, чем сами они дошли до Памира. Из старых китайских, индийских, иранских, арабских книг узнавали они об этой земле.

Китайский путешественник Сюань-Цзань, по-видимому, был одним из первых, оставивших письменный отчет о путешествии на Памир. Он писал: «Долина По-ми-ло имеет 1000 лье в длину с востока на запад и 100 лье в ширину с севера на юг; ее наиболее

узкая часть имеет 10 лье в ширину. Она расположена между двумя снежными цепями; она очень холодная, и ветер дует там со страшной силой. Снег падает как весной, так и летом, ветер дует день и ночь. Почва насыщена солью и покрыта мелкой галькой. Там нельзя ни сеять зерно, ни разводить фрукты. Деревья и другая растительность очень редки; повсюду дикая пустыня, без следов человеческого обитания. В середине этой долины находится большое озеро Дракон; его протяженность — 300 лье с востока на запад и 500 лье с севера на юг. Это озеро находится на невообразимой высоте в середине Та-Тзунг-Линг, в середине Тшен-пу-Тшу (Джамбу-Двипа). Если на него смотреть издали, оно представляется огромным морем, глазам границы его закрыты; слыша шум его волн, говорят, что это вопль пустынного грунта. Его воды чисты, их глубина невообразима, цвет воды плотной голубизны, вкус воды сладкий и приятный».

Впрочем, дело усложняли разночтения.

Нужно ведь было догадаться, что Болор, По-ми-ло, Пунлинь, Фамир, Бамир, Памер и Памиер, Паропамиз с вариантами — одно и то же.

Первым из европейцев, кто писал о Памире, был Марко Поло. Правда, сочинение его со вниманием прочли спустя века и века — книгу издали в Париже в 1824 году, когда уже и другие сведения были доступны ученым.

Англичане покоряли и изучали Индию — изучали, чтобы покорять. И неспециалисту бросалось в глаза сходство названий в верховьях Инда и Амударьи (Джейхуна, Оксуса): Кашмир, Памир, Тиримир, Амир... Может быть, основу всех этих слов составляет санскритское «мир» — озеро, ну а Памир тогда что-то типа «край высокогорных озер»? Догадка была, может быть, и хороша, но не имела подтверждения.

Меж тем за дело взялись знатоки Древнего Ирана. Может быть, Памир — это искаженное персидское Бам-иар и значит тогда «Крыша земли»?

Может, отсюда идет всем известное выражение «Крыша мира»?

Подставляли и другие персидские слова; иногда получалось складно: Пои-мор — «подножие смерти», не менее солидно, чем По-и-мург — «нога птицы». А еще лучше, например, Паи-михр — «подножие митры» (бог Солнца у древних иранцев), и тогда Памир — это «подножие солнца». Объясняли Памир «как последний край» иранских племен, что-то на манер американского «фронтира». Памир, как фронтир.

Путаница усложнялась еще и оттого, что с давних пор и по сей день между учеными идет жаркий спор о том, что называть Памиром. Одни называют Памиром всю территорию Горно-Бадахшанской автономной области, делая различие между Западным и Восточным Памиром; другие считают, что Памиров много — не меньше шести (так думал и А. П. Федченко); третьи доказывают, что только Восточный Памир правомочен носить это знаменитое имя; пятые (как О. Агаханянц), напротив, расширяют границы Памира за пределы государственных границ и считают, что понятие «Памир» «охватывает все сухие высокогорья этой части Азии между Алтайским хребтом на севере, Гиндукушем на

юге, Кашгарским хребтом на востоке и Афганским хребтом Хоки-Ляль на западе... В таких границах Памир как высокогорная и одновременно сухая страна имеет очертания неправильного четырехугольника и занимает площадь, почти вдвое превышающую территорию Горно-Бадахшанской автономной области и вчетверо большую, чем площадь Восточного Памира».

Мы, говоря о Памире, имеем в виду именно территорию Горно-Бадахшанской автономной области.

Историко-политический аспект

Подойдем теперь к вопросу с другой стороны.

К концу 60-х годов прошлого века к российским владениям был присоединен Туркестан. В 70-х годах Бухара признала свою вассальную зависимость от российской короны. Ташкентский генерал-губернатор К. П. Кауфман, человек просвещенный, осторожный и гибкий, располагавший гигантской властью — не зря называли его на востоке Ярым-пашой (полуцарем), имел непосредственные сношения с соседним государством. Кокандское ханство, лежавшее на пороге Памира, было вполне уже «домашним». За перевалами, за Алтаем, лежала большая и неизученная область, в которой — об этом шумели газеты — все с нарастающей активностью действовали англичане.

С начала XIX века они правдами и неправдами проникали в Дарваз, Шунган, Вахан из Индии и подвластного им Афганистана. Их вклад в исследования Памира можно было бы назвать неоспоримым, если бы не утилитарно-военные цели. Скорее это были разведки, чем исследования,— не случайно же англичане проникали на Памир под видом паломников, переодевшись в местное платье, посылали своих агентов местных национальностей с единственной целью — разведать пути, переправы, перевалы, расположение крепостей. Географический уровень первых английских публикаций был таков, что русский исследователь В. Григорьев иронически называл их «образцом географической чепухи». Англичане проникали в чужие владения как соглядатаи, без разрешения.

Они спешили. В их стратегических планах Памир занимал немалое место — еще бы, ведь это узел древних путей в Китай, Индию, Персию, Бухару... Английские офицеры (а британские исследования первого периода целиком дело рук военного ведомства) интересовались «театром военных действий» — дорогами, перевалами, климатом, реками и т. д. Из всех английских путешествий на Памир более других достойно упоминания путешествие капитана Джона Вуда, который зимой 1838 года прошел из Афганистана, переправился через Пяндж, прошел через Вахан, дошел до озера Зоркуль, назвав его озером Виктории.

«Вуд в какой-то мере испытал судьбу Марко Поло: доставленные им сведения были встречены недоверчиво и получили признание лишь спустя некоторое время, после накопления дополнительных данных о Памире»,— пишет О. Агаханянц.

Позднее, в 80—90-х годах, когда в исследование Памира включились русские офицеры-топографы, ученые — географы, гео-

логи, ботаники, приоритет в памирской теме перешел к России. В 1903 году тогда еще молодой капитан генштаба А. Е. Снесарев издал книгу «Северо-Индийский театр (военно-географическое описание)», первая часть которой была посвящена Памиру.

Две великие державы вступали в прямое соприкосновение в Азии — это понимали англичане. Их активность резко возросла — Памир стал модной темой разговоров в светских салонах и целью далеко идущих планов, особенно после знаменитых памирских походов отрядов под командованием полковника М. Е. Ионова в 1891—1894 годах.

На пороге

Внизу на десятки километров, вправо и влево лениво извиваясь, текла гигантская ледяная река с параллельными лентами морен, как колеями гигантской повозки.

— Ледник Федченко! — прокричал, обернувшись к нам, пилот.

Ледник Федченко... Вот он какой, один из самых больших глетчеров планеты и уж точно самый-самый в Центральной Азии. Ледник, существующий десятки тысячелетий, уже век носит имя человека, с давних пор владеющего нашим воображением...

В самом деле, немного в истории найдется людей, которым за такой короткий срок удалось запечатлеть свое имя в анналах науки.

...Федченко Алексей Павлович. Сибиряк, иркутянин. В 1871 году он стоял уже на пороге Памира: путешествуя по Кокандскому ханству, открыл и описал Заалайский хребет, высочайший его пик, которому дал имя Кауфмана (ныне пик Ленина), вышел в Алайскую долину. Жена его, Ольга Александровна, была с ним во всех экспедициях, замерзая, стояла с этюдником на перевале, зарисовывая вид Заалайского хребта. «Я мечтал, что дойду до тех мест, где фантазия местных жителей помещает крышу мира».

... Он погиб не на оврингах Памира, не в ледниковых трещинах и не в перестрелке с горцами.

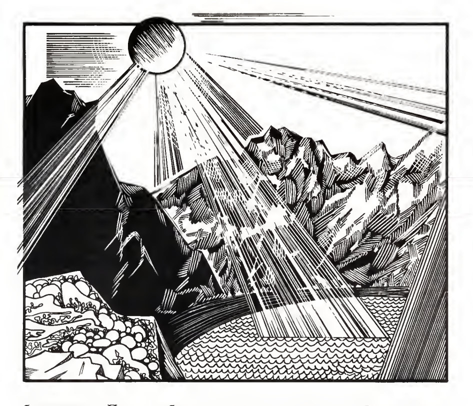
Он погиб 28 лет от роду в цивилизованной Швейцарии, в Альпах, брошенный в непогоду проводниками, когда готовился к Памирской заветной своей экспедиции. Он не взошел на ледник, названный его именем. Это сделал через пять лет, в 1878 году, его друг, энтомолог Василий Федорович Ошанин.

Память

(из беседы с президентом АН Таджикской ССР
Мухамедом Сайфутдиновичем Асимовым)

— История освоения и изучения Памира неотделима от удивительной семьи Федченко. Да, семьи. Не только Алексей Павлович, трагически погибший в Альпах, но и его жена, и его сын...

Ольга Александровна Федченко — вот личность, достойная внимания и писателя-историка, и кинематографа! В самом деле, ровесница мужа, спутница и участница всех его экспедиций по Туркестану (это в те-то времена!), она внезапно осталась одна,



беременная. После гибели мужа она посвятила себя его делу, продолжила его — готовила к печати его книги, расшифровывала дневники, оформляла коллекции, гербарии, вела переписку. Да и ее собственный вклад неоценим — ботанические сборы по преимуществу делала она, создатель «Флоры Памира». А еще замечательные акварели, рисунки, сделанные прямо на привалах, в пути,— высокохудожественные и точные. Эта удивительная женщина вырастила сына. Переводила. Писала статьи. Готовила книги мужа. Ботаники разных стран присылали ей для обработки свои коллекции, собранные на Памире. Сын вырос, стал ботаником и первые же свои экспедиции провел на Памире, начав там, где 30 лет назад до него прошел отец. Профессор Борис Алексеевич Федченко стал видным ученым, знатоком природы, и в особенности ее флоры.

Лед

Ледники занимают около шести процентов территории Таджикистана, а площадь их достигает 8,5 тыс. кв. км — это больше, чем вся посевная площадь республики. Но «посевы льда и снега» занимают территорию не напрасно; стаивая, стекая реками и ручьями, они дают воду всей гигантской Средней Азии, делают возможным развитие сельского хозяйства, орошаемого земледелия.

3—1792

Ледники запасают воду надолго, выравнивают климат, сглаживают последствия различной солнечной активности...

Около 457 куб. км воды запасено в ледниках Таджикистана, и только 62 куб. км уходит с годовым стоком рек.

Познать ресурсы Памира, перспективы многолетнего регулирования вод памирских рек было нашей задачей. В Амударьинской экспедиции мы увидели и узнали, как остро стоят в Средней Азии вопросы использования воды; вода — самое главное здесь.

Год на год не приходится: один жаркий, другой холодный, и, повинуясь циклу активности солнца, тают ледники, а значит, то больше, то меньше воды в реках... Нурекская, а скоро и Рогунская ГЭС позволят зарегулировать около 70 процентов стока Вахша (но это всего лишь четвертая часть стока Амударьи). По-прежнему волен и дик великий Пяндж. Правда, существуют проекты строительства водохранилищ и ГЭС на нем.

Запасы памирских вод интересовали нас еще вот в какой связи. Читатели, следящие за публикациями нашей экспедиции «Живая вода», знают, какое внимание уделяли мы проблеме водных ресурсов Севера и Юга: прошли по предполагаемым трассам проектируемых перебросок, по Амударье и по Оби. Наши опасения и сомнения, прежде всего экономического и экологического характера, были высказаны в печати.

В Таджикистане и на Памире мы хотели уточнить возможности многолетнего регулирования водных ресурсов Средней Азии как одной из альтернатив переброски по затратам и возможным последствиям проектов.

...Дело в том, что в силу специфического климата водность рек Средней Азии подвержена большим колебаниям. Старожилы хорошо помнят, например, 1969 год — год бешеных рек и наводнений, когда сток Сырдарьи и Амударьи превысил средний многолетний на 50 куб. км!

А в 1974 году, напротив, суммарный сток двух рек оказался на 30 куб. км ниже среднего многолетнего. Казалось бы, решение напрашивается само: зарегулировать воды великих рек так, чтобы их можно было использовать в многолетнем режиме. Это уже делается: в бассейнах и Сырдарьи и Амударьи строится множество водохранилищ, больших и малых (самое большое из последних — Тюямуюнское (на 5 куб. км воды), в низовьях Амударьи). Но дело в том, что большинство водохранилищ все-таки, хотя и учитывают потребности ирригации, работают в гидроэнергетическом режиме... Слишком велики, говорят специалисты по водным ресурсам, «мертвые объемы воды в водохранилищах...». В летнюю жару, когда воды мало, водохранилища не могут отдать необходимое для орошения количество воды; когда же идет катастрофически много воды, они не способны собрать и запасти всю эту воду: емкости их оказываются недостаточными.

Для водохранилищ Средней Азии, считают многие специалисты, необходимо признать приоритет сельского хозяйства перед энергетикой. Подсчитано, что, если создать в бассейнах Сырдарьи и Амударьи систему ирригационных водохранилищ, больших и малых, объем которых вместе с уже существующими и Сарезским озером на Памире достигнет 90 куб. км, это позволит практически полностью зарегулировать речной сток и в мало-

водные годы дополнительно использовать около 26 куб. км воды.

Полет над Памиром

...Как всегда, неожиданно и быстро ушла из-под брюха земля, оказалась далеко внизу. Вертолет заложил вираж и взял курс на восток.

... Из блокнота:

«14 июля. Джиргаталь.

Ночуем в Джиргатале после фантастического полета над ледником Федченко, совсем рядом с пиками Коммунизма и Евгении Корженевской. Зрелище совершенно неземное, инопланетное, ни с чем не сравнимое. Не Земля — скорее Юпитер!»

Мы шли низко над ледником, делая 160 км в час над серыми, иссеченными параллельными полосами разрывами льдов, над черными колеями морен, бирюзовыми жилами чистого льда в разломах, зелеными озерами вытаявшей воды.

...Прошлись над Рушанской тесниной, вошли в ущелье, пролетели над Пянджем. Прибыли наконец в Хорог. Здесь было прохладнее, чем в Душанбе, градусов всего тридцать...

Географам надо было забрасывать свои экспедиционные ящики на базы, что в получасе лета вдоль Гунта. Мурин, скептически улыбаясь, посоветовал нам не лететь: «Туда да обратно... Еще налетаетесь... Через часок вернемся!»

Мы сидели на набережной Гунта с гидрологом Василием Юрьевичем Лобко, который рассказывал о своей работе на Памире.

...Говорили о Сарезе, который сейчас увидим, о его уникальной природе, неповторимой красоте и конечно же о его проблемах.

Сели в Рушане на заправку. Было уже 7 часов вечера. Заходило солнце, и Рушанская прекрасная долина была в пурпуре. В этот день выпала удача — пролететь над ледником Федченко на грани сумерек, на самом закате, когда и летать-то здесь уже никто не летает...

Взлетели и сразу пошли через хребты с набором высоты. Поднимались быстро — четыре, пять тысяч, пять триста; в вертолете очень холодно.

Минут через двадцать пошли ледники — Медвежий, Гармо.

Ледник Федченко, освещенный уходящим светом уже скрывшегося за хребтом солнца. Неземное было зрелище — ледяная река с циклопической колеей-эстакадой. Не по этой ли дороге взлетает каждое утро золотоволосый Гелиос?

А может, напротив, это и есть царство смерти, поднебесный Аид, ледяное молчание? Неужели в древности никто не всходил на эти хребты, не смотрел с замиранием сердца вниз, на панораму (впервые нанесенную на карту топографом Иваном Дорофеевым в 1928 году)? Неужели ни Геракл, ни Тесей, ни аргонавты или какой другой герой не добирались сюда?..

На гималайских вершинах, говорят, сидят годами махатмы — учителя — эти сгустки самодовлеющей воли, учителя человеков.

Расплавляется лед, и греется камень вокруг от их испепеляющего безделья.

На памирских вершинах (мы не ступали на них) с борта вертолета мы не видели никаких махатм. Пусто на вершинах. Памирские мудрецы живут ниже линии снегов, они живут в кишлаках.

Острые гребни черных скал. Цепи, хребты, перевалы, седловины. Готика гор, архитектоника складчатости, контрфорсы осыпей, крокелюры стенок, фронтоны перевалов, рубленые фризы безумного титана, строившего сей храм молчания.

Стенки километровой высоты. Человек на них выглядит мельче муравья на стволе дерева. Невыносимые масштабы, не должные примеряться к человеку. Может быть, суть альпинизма — в борьбе с несоразмерностью масштабов? Вертикаль драматичнее горизонтали.

Пик Евгении Корженевской. Проходим слева — он выше нас: пик, розовый на синем небе, темные облака и солнце, где-то застрявшее в них. Падает освещенность. Шире открываем зрачки объективов, до максимально открытого фотоглаза.

Нет, не хватает уже света. Финита!

И вот появляется пик Коммунизма, огромный, плоский, как столовая гора, как Фальконетов постамент, вознесенный на семь с половиной километров над седой равниной моря, стесанный с одной стороны,— какой всадник должен взвиться над ним на своем коне и каков должен быть конь, что взлетит на эту кручу?

Уходят облака, и он открывается близкий, весь как на ладони.

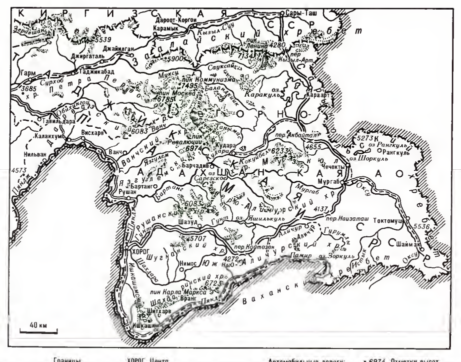
Идем на высоте пять тысяч четыреста метров. Курим. То ли от усталости, то ли от одурения, от нехватки воздуха, но становится как-то легче. Какая-то слабость. Может, это оттого, что альтиметр маячит перед глазами.

Проскакиваем через хребет, заходим на ледник Фортамбек — под нами, далеко внизу, палатки международного альплагеря. Они уже в сумерках, а впереди стена; над нею висит ледник Трамплинный — знаменитое памирское фирновое плато, над которым низко-низко раскручиваем свой вензель. Внизу, на краю плато, на карнизе, круглые палатки и машут руками люди, будто приглашая сесть. Но мы не сядем здесь: здесь не садятся вертолеты. В этом месте только однажды сел МИ-4 Игоря Иванова,— сел, чтобы забрать отсюда умирающего академика Рема Хохлова.

...Быстро темнеет. Спускаемся. Ощутимо становится легче, альтиметр показывает две с половиной тысячи метров. Хребет Петра Великого позади, машина плывет над зелеными холмами предгорий, над разбегающимися стадами, юртами чабанов, красноватыми от покрывающих склоны растениц золотого корня, а там, за рекою, уже видны огни Джиргаталя, и вертолет идет прямо на зеленый аэродром.

Когда вокруг Памир

Нельзя, находясь в Хороге, сказать: «Я на Памире». Вас не поймут, потому что вы в центре древнего и достославного



Границы:	ХОРОГ Центр	Автомобильные дороги:	• 6974 Отметки высот над уровнем моря
государственные	автономной	магистральные	Вечные снега
союзных республик	области	главные	и ледники
областей	Рушан Прочие	прочие	
автономной области	населенные пункты	Перевалы	

Шугнана. Если, находясь в недалеком от Шугнана Рушане (60 км по асфальтовой дороге, а Рушан тоже имеет свой язык и свою историю), скажете о Памире, то и здесь подумают, что вы скорее всего собираетесь в Мургаб, т. е. на Восточный Памир, а уж никак не в жаркий и гранатовый Калайхумб или богатый орехами Ванч и никак не в ветреный и холодный Ишкашим.

И Калайхумб, и Ванч, и Язгулем, и Вахан, и Ишкашим, и Шугнан еще в недавнем прошлом населяли отдельные народности большей или меньшей численности со своими весьма различными языками. Все вместе—это Бадахшан. Языки эти бесписьменные, передающиеся из уст в уста, что, конечно, не говорит о малой и культурной насыщенности.

Памир, еще недавно бывший изолятором, резерватом древних языков и культур, стал частью нашего общества, не потеряв при этом своей уникальной самобытности и пестроты.

Дети в школе учатся на таджикском языке, изучают русский (практически все молодые знают его). Между собой, в семье, в селе они говорят, как правило, на родном шугнанском (ишкашимском, язгулемском, рушанском и т. п.). Приезжая в Хорог, приходя в госучреждения, где часто работают выходцы и из

других памирских районов, они говорят по-таджикски или — реже — по-русски. Таджикский язык стал для них общим, собирая все этнические группы и народности в единый таджикский народ. Интереснейший, сложнейший исторический процесс происходит интенсивно и ускоренно на Памире — процесс слияния, обогащения при сохранении самобытности.

Молодежь одета модно и по-европейски, пожалуй, более модно и менее традиционно, чем даже в столице республики Душанбе.

Мужчины, кроме стариков, одеваются здесь в европейское платье, особенно в праздник (это относится и к киргизскому населению Восточного Памира, к чабанам-яководам Аличура и Мургаба). Модная, дорогая, красивая одежда, куртки, высокие сапоги, майки с рисунком. Девушки одеты более традиционно, но и их одежда изменилась разительно. Здесь и кофты, и свитера, и даже джинсы. Памирские женщины никогда не знали, впрочем, классического исламского затворничества; они всегда имели гораздо бо́льшую свободу и уважение общества, чем на равнине, никогда не закрывали свои гордые и прекрасные лица. Полностью традиционную одежду сохраняют, пожалуй, только старики...

Западный Памир признает за собой общее название — Бадахшан.

В недавнем прошлом жители Бадахшана были очень бедны, сильно зависимы от пиров (исмаилитских духовных вождей), ишанов, бухарских беков (Шугнан в конце XIX — начале XX века входил в состав Бухарского эмирата), страдали от набегов афганских сардаров, их насилия и жестокости.

Бедность их была чудовищной. Столетней давности фотографии показывают оборванных людей, для которых тюбетейка зерна была сокровищем, лепешка — наградой, а халат — несбыточной мечтой...

Книги этнографов, изучавших жизнь памирских горцев, рассказывают интереснейшую и драматическую, полную героизма и лишений историю памирского земледелия. Она поучительна и укоризненна для нас, порой расточительных и безжалостных к земле.

Земельная мера называлась здесь пор, но редкий участок был больше 50—60 кв. м. Зеленый клочок, обложенный аккуратной стенкой из камней, размером с малогабаритную кухонку — вот нормальный памирский надел. И пять, и шесть, и восемь квадратных метров. Камни эти собирали в корзины, выкладывали стеночкой, пытаясь противостоять давящей силе гор. Жизнь здесь вся на осыпях, на конусах выноса речек, ручьев, селевых потоков. Валунами огораживали поля; из них строили и мост, и крепость, и дом.

Камнями выкладывали ложе для арычка, он назывался пыран.

Вода была рядом, ревела внизу, в бешеном Пяндже, но ее надо было еще отобрать у великой реки.

Как умилостивить ее, провести тоненькой жилкой по-над крутой скалой хитрейшим способом? Математики, знатоки топологии и программирования не сумели бы, наверное, лучше распределить ее по полям!

Тюбетейка красной пшеницы

В земледельческих районах горной Бухары, в Бадахшане можно видеть до сих пор разнообразные примитивные этапы земледельческой эволюции, сохранявшиеся, вероятно, неизменными целые тысячелетия...

Н. И. Вавилов

Едем из Хорога на юг вдоль берега Пянджа. Берег крутой, обрывистый, река ревет в теснине, взбивает пену. На том берегу, у притоков, на террасках, пятачках земли — афганские кишлаки, сады, посадки, клочки полей. Путь наш дальний и древний, как эта земля. Здесь, по-над Пянджем, проходил легендарный «шелковый путь» из Европы в Китай; по этой дороге, через эти долины и перевалы прошел и Марко Поло в своем знаменитом путешествии. Быстро кончаются земли Шугнанского района, и начинаются земли и поля Ишкашимского. Чем дальше на юг, чем глубже в Ишкашим, тем ощутимо холоднее — все время вверх идет дорога, шире становится долина, отодвигается Афганистан. Сплошной стеной стоит на том берегу громада Гиндукуша.

До памирского разграничения 1895 года основная территория Ишкашима находилась на правом, афганском берегу Пянджа. В нынешнем Ишкашимском районе живут и говорят на ишкашимском языке более 500 человек, на ваханском — около 7 тыс. человек... Земли Вахана лежат за землями Ишкашима... Здесь свой язык, своя этническая, как говорят ученые, группа горных таджиков, предки которых жили здесь испокон веков. Названия кишлаков здесь стары, коротки и звонки, как медь: Вранг! Зунг! Муг! Рын! Названия такие древние, что современные памирские знатоки не могут их расшифровать... Чем дальше на юг, чем глубже и ближе к перевалу, отделяющему Западный Памир от Восточного, тем с каждым километром меняется природа, ландшафт, растительность, характер гор... Все шире становится долина, все дальше афганский берег, все зеленее поля и луга вокруг, слева и справа. И вдруг — как поземкой помело.

— С середины дня здесь, в Ишкашиме, всегда ветер,— поясняет Тогабек.— Песок переметает шоссе, стелется, собирается в кюветах по-над скалами, что слева от дороги, и вот уже целые песчаные горы, барханы, косы мельчайшего песка вдоль дороги, вдоль долины, густо засаженной облепиховым лесом... Сколько здесь облепихи! Заросли необыкновенно живописных деревьев, усеянных янтарными бусами ягод. Это сделано в последние десятилетия трудами памирских ученых, прежде всего основателя ботанического сада, носящего ныне его имя, профессора Гурского, его продолжателей Худсера Юсуфбекова, ныне академика, ботаника Огиша Агаханянца, и многолетними трудами местных жителей, из года в год борющихся с горами, камнями, водой и песком.

Вахан... Земля изощренной борьбы с природой и идеальной вписанности в нее. Пещерный город... времен, может быть, написания «Авесты»... Каналы не менее древние, чем стены,

подпорные стенки, искусно выложенные вдоль дороги, оберегающие ее от камнепадов и от песка, по верху которых проложены арыки. Стены столь же искусной кладки, что и камни Каакхи.

Бульдозеры, экскаваторы, прямые стрелы мелиоративных сетей, уложенных в бетон со стальными затворами. ГЭС и рядом другие каналы, арыки, выложенные руками камушек за камушком, проложенные хворостом, дерном, чтобы не просачивалась вода... Такой канал называется пыран. Насосные станции, качающие воду на высокие террасы над долиной.

На приусадебные участки насосами воду не качают, и поэтому здесь в первозданности сохранился древний тип высокогорного орошения — талантливый, как все прошедшее тысячелетний отбор, отсеявший все лишнее, экономный и красивый. Тип земледелия, столь совершенный в своей экологической вписанности в природу, что не может не восхищать нас, как восхищает народное искусство, орнамент, песня или танец.

Ничего бессмысленного, бессодержательного, абстрактно «красивого» вы здесь не найдете. Все сжато, отобрано веками, закодировано, сгущено до символа, до знака орнамента, как гены в хромосомах, хранящих наследственность культуры.

— В старину не было дорог на этих обрывах, осыпях, кручах, нависших над реками. Были овринги. Оврингов теперь почти не увидишь, разве что по Бартангу да над Пянджем на афганской стороне. Оврингов нет, а слово осталось, широко разнеслось, стало ключевым, символическим, межъязыковым. Таким, как бархан — о пустыне, гать — о болоте, овринг — о Памире.

Овринг — это навесная тропа над пропастью. Идея тропы-лестницы, позаимствованная альпинистами. Но не титановые крючья — деревянные клинья вбивали мастера в трещины; клали поверх балки и бревна, хворост и дерн, обвязывали веревками, зажимали рогатками, обкладывали валунами. Что же сказать о тропе для воды — овринге-арыке над пропастью на пятикилометровой высоте? Едешь по Ишкашиму и Вахану и до сих пор видишь на склонах, на обрывах горизонтали каналов-пыранов. Их строили, как овринги строят, только больше труда, точнее расчет, ведь по тропе должны идти не ноги и не копыта, а быстрая, все размывающая горная вода. И клинья, и бревна, и хворост, и камни, и дерн кусок к куску, да так, чтобы вода шла по траве, скользила, и солома, и тряпки, и старые кошмы шли в ход,— рассказывал Тогабек.— Большие камни сталкивали вниз; глыбы раскаляли, поливали водой, чтобы трескались, самые большие валуны, размером с дом, обходили, строили искусственные стенки — акведуки — на ивовых подпорах. Впадины заполняли камнями, щебнем, хворостом.

Сделаны эти оросительные сети продуманно и экологично. Почвы в Ишкашиме и Вахане легкие, почвенный слой тонкий, легко уносимый водой. Воды стремительные, чистые, почти дистиллированные, бедные взвесями. За километр, два, три от места забора воды, от «головы» до поля, нужно было замедлить бешеный бег ручья, сделать его плавным течением, иначе не друга, не помощника приведешь к себе на поля, а взбешенного врага, уносящего с поля почву и жизнь.

Здешние оросительные системы идеально вписаны в рельеф: крестьяне знали об опасности эрозии и умели бороться с нею. Арыки обходят поле по периметру, борозды всегда поперек склона, скорость воды замедлена множеством поворотов, водосливов, ловушек, шлюзов, регулирующих количество воды в арыке. Земля, камни, хворост, глина. Шлюзы запираются каменными плитами. Каналы и шлюзы — предмет неустанной заботы каждой семьи и всей общины; мы не раз видели, как рядом с бульдозерами и экскаваторами Большой мелиорации трудятся люди на объектах мелиорации древней, чистят от камней арыки... Вся жизнь крестьянина была регламентирована строгим сводом правил, за соблюдением которых следили община, духовник и властитель — пир и его помощники — халифа́...

Этнограф Икромиддин Михиддинов пишет о книге «Рисолаи дехкони» (Трактат земледельца), обнаруженной им в кишлаке Рын в Ишкашиме. Здесь собраны легенды, верования, обычаи, связанные с земледелием от сотворения мира, от Адама. Всем здесь известно, что бог изгнал Адама из рая за то, что он попробовал пшеничного зерна.

Бобои Одам (дед Адам) научил земледелию своих потомков. Он здесь и бог земледелия. Когда строить арыки и когда их чистить, когда начинать пахоту, сев, первый, второй и последующие поливы, когда и как убирать, обмолачивать, сеять, веять, как хранить и как готовить хлеб — обо всем говорилось в «Рисолаи». Сегодня это уже легенды. Этнографы отмечают, что даже старики не знают «ни одного изречения из заветной книги».

Смешными могут показаться памирские поля-лоскуты людям, привыкшим к пространствам Каршинской или казахских степей, к вольным просторам Украины... Примитивными покажутся культура земледелия, технология, не знавшая железа даже в начале нашего века, жалкой земля, которую недавно пахали деревянной сохой... Куда как величавее мощные трактора, многокорпусные плуги, многотонные катки! Куда серпу сразиться с «Колосом»! Но уходя все дальше и дальше по крутой спирали эволюции и прогресса, не грех бы с высоты нового знания и понимания перелистать старые книги, пересмотреть набитые рухлядью чердаки прошлого — нет ли там чего-нибудь ценного, не столько даже в своей материальной воплощенности, сколько в идее, неожиданной и забытой под наносами и модами веков.

Примитивна, слов нет, большая ваханская соха — луп-супундр (в Ишкашиме — катта-успер)... Но деревянные сохи Памира не переворачивают пласты земли, а только рыхлят ее. На ровных участках в дело шел «дзыклай-супундр» — маневренная, легкая соха, дающая возможность нарезать неглубокие борозды. Железо ценилось на Памире, как золото, наконечники сох чаще делали сменными деревянными — из абрикоса и облепихи. Боронили плетнями-волокушами или того проще — снопом колючек из веток той же облепихи. Строго соблюдали севообороты: при бедности землей не забывали держать ее под парами. Как пишет И. Мухиддинов, после удобрения плодородной лёссовой земли в первый год сеяли ячмень, во второй — без удобрения — пшеницу, потом опять без удобрения — бобы, на четвертый год удобряли и снова сеяли

ячмень... Считалось, что пшеница истощает почву, а ячмень, просо, бобы повышают ее плодородность.

Сколько лет агитируют наших земледельцев за пары! На Памире землю под парами оставляют с незапамятных времен. Собственно говоря, здесь различали два типа земель. Одни участки, ровные, плодородные, лёссовые, близкие к кишлакам, т. е. основные, хорошо удобрялись. На них строго соблюдали севооборот, и под парами их почти не держали. Другие участки, похуже, повыше, подальше в горах, удобряли редко, зато часто оставляли паровать.

Серп и колос

На ишкашимских полях видели мы, как пашут на быках, видели редкую сегодня традиционную жатву пшеницы. Нарядные девушки и молодые женщины сноровисто и быстро убирали пшеничное поле размером с четверть гектара. Жали серпами, низко наклонясь к земле, шли рядками, дружно, а одна женщина сзади быстро и ловко вязала снопы. Серпы были здесь особые, свои ишкашимские. Все здесь: и одежда, и серпы, и порядок движения, и способ вязки снопов, и их укладка, и как стать, и что сказать, и как начать и кончить работу — регламентировано и освящено вековыми традициями. Работали они споро и красиво, быстро и слаженно, каждое движение было рационально и точно. Жали очень чисто.

Можно, конечно, посетовать на то, что «не дошла сюда цивилизация», но это будет неправдой, потому что цивилизация давно пришла. Неподалеку тарахтели маневренные «Беларуси», пресс-подборщики выбрасывали аккуратные тючки сена, на другом поле сенокосилки и машины по второму укосу убирали люцерну; вблизи Пянджа работали бульдозеры и скреперы, планировали новое поле, и на ЗИЛе увозили камни. Но стоило ли на это микрополе гнать горной дорогой неповоротливый «Колос», даже если бы он здесь прошел? Другое дело, что нужно думать и работать над специальной горной техникой, легкой, маневренной, универсальной, потому что в нашей гигантской стране горное сельское хозяйство развито не только на Памире, но и в Молдавии, и в Ставрополье, и на Кавказе, и на Алтае, и на Дальнем Востоке.

Мы, разумеется, не призываем к консервации старого и отжившего, к превращению в этнографический музей живущих и развивающихся районов и поселений. Но отмахиваться от накопленного, от экономного, от экологичного, от понятного и найденного нельзя — грозит скорыми ошибками и потерями.

Традиционное сельское хозяйство Памира при всей его мелкости, примитивности было экологичным, интенсивным и очень экономичным. Ну, к примеру, такая деталь: снопы с поля в старину не перевозили на ток на ослах — их носили мужчины на спине, потому только, что было замечено, что при перевозке на ослах много зерна теряется.

Еще Николай Иванович Вавилов, известный биолог и агроном, путешествовавший в молодости по Западному Памиру и

Афганистану, включил Памир в среднеазиатский центр происхождения культурных растений, таких, как пшеница, ячмень, овес, просо. Здесь во множестве нашел он дикие, эндемичные формы нынешних кормильцев человечества, стойкие, неприхотливые, живучие, как всё на Памире. Вавилов гениально предсказал гигантское значение для будущих селекционеров этих вот пасынков, дальних родственников наших зерновых, устойчивых к холоду, болезням, с не вполне еще изученной силой. Издревле на Памире выращивали пшеницу, и ячмень, и просо, и овес, вели веками селекцию, отбирая сначала по колоску, по зернышку из диких, а потом культурных урожаев самые сильные, самые плодовитые, самые тяжелые, самые стойкие колосья.

«Аборигены этого края — исконные земледельцы с глубокой древности занимались селекцией зерновых культур, улучшая их качество, и умножали виды, приспособленные к местным условиям...

Крестьяне отбирали колосья, в которых зерна располагались в четыре — шесть рядов и были более крупными, чем на остальных колосьях. Их отделяли поштучно, очищали руками и на следующий год сеяли на отдельном участке; если этот сорт (например, пшеница) давал лучший урожай и хлеб из него обладал хорошими качествами, то новый сорт пшеницы в течение нескольких лет распространялся по всем кишлакам»,— писал И. Мухиддинов.

Ботаники определили, что здесь пшеница использовалась 48 разновидностей, сотен сортов. Но три вида пшеницы были самыми распространенными; они назывались красная пшеница, белая пшеница и скороспелая пшеница.

Красная пшеница приспевала позднее других, но давала хорошие урожаи — до сам-30 (если вспомнить, что на гектар уходило в сев 96 тюбетеек красной пшеницы). По разным подсчетам получается, что эта пшеница давала от 60 до 100 центнеров с гектара. Белая пшеница была остистая и безостая. Безостая урожаи давала низкие; остистая, напротив, сам-14—18. Скороспелая пшеница была малоурожайной. Охотно сеяли ячмень: в здешних условиях он давал большие урожаи.

Еще Н. И. Вавилов отмечал, что «большой урожайностью отличаются также шестирядные голозерные ячмени Памира, Тибета». Пленчатый ячмень давал даже до сам-50. Просо было популярно: умелые земледельцы получали по сам-90. Просо было в здешних условиях самой интенсивной, самой высокоурожайной культурой.

Памирские сорта зерновых уникальны, других таких нет на Земле. Удивителен сам факт, что здешние пшеницы растут на высоте 3500 м, а ячмень даже до 4 км.

— Высокие, рекордные урожаи памирских зерновых, вообще-то говоря, не редкость в истории. Мы в своем самолюбовании, в преклонении перед тракторами и комбайнами забываем порой главное — урожай. Если сравнивать нынешние результаты с достигнутыми в прошлые века, даже тысячелетия, то наши рекорды окажутся скромными. Победное шествие по планете всего нескольких сортов отнюдь не однозначно.

Как писал член-корреспондент АН СССР А. Реймерс, у древних шумеров ячмень давал урожай 7 тысяч лет назад в среднем

сам-60, а по утверждению Геродота, он достигал сам-200 ячменя с гектара.

Из этого, заключает современный генетик, «шумеры имели первоклассные сорта с поистине грандиозными генетическими возможностями». Все это относится, разумеется, и к Памиру, о чем писал Н. И. Вавилов. Раскопки современных археологов на Памире, в Туркмении, Ираке, Месопотамии открыли, что несколько тысячелетий назад люди уже занимались орошаемым земледелием. На Ближнем Востоке земледелие насчитывает около десяти тысяч лет — вот срок селекционной работы!

* * *

Как давно живут люди на Памире? Когда бросили в землю первые зерна? Когда приручили первых животных, первых коз, первых собак? Здесь мы ступаем на зыбкую почву предположений. Археологические работы на Памире ведутся сравнительно недавно. Более или менее изучен Восточный Памир, пустынный Памир, а Западный ведь еще «белое пятно». Да и следы прежних эпох здесь, в зоне активной тектоники, эрозии, обвалов, селей, куда виднее, чем на сухих пространствах за перевалом Койтезека. Известно, однако, что восемь, а может быть, десять тысяч лет назад люди уже жили на Восточном Памире, жили у озера Каракуль, в Аличурской долине. Тогда, в годы «неолитической

революции», Памир был значительно ниже. Многие считают, что он и сейчас поднимается (насколько — тоже предмет спора). Как иначе объяснить находки останков древних деревьев, которые теперь не растут на высоте, костей быков, туров, бухарских оленей... Здесь было теплее, влажнее и благоприятнее для жизни. Последние находки таджикских археологов, уже в 80-х годах, около Ховалинга отодвигают время появления здесь человека как минимум на полмиллиона лет. 200 тысяч лет назад жизнь здесь была «особенно интенсивной». Шесть-семь тысяч лет назад люди в Таджикистане жили уже оседло, их поселения занимали целые гектары, а культурный слой достигал толщины в несколько метров. На самом Памире пока не найдены следы первых земледельческих культур, но каждый новый сезон приносит открытия. «Вопрос состоит только в том, где и когда археологам удастся найти первые следы этих племен на Памире»,— пишет известный археолог, знаток Памира Б. А. Ранов. Ищут, а значит, найдут.

Вот куда — как далеко — занесло нас в прошлое от хлебного поля в нынешнем Ишкашиме... Мы говорили здесь о потенциальной рекордной, идеальной урожайности памирских сортов хлеба. На практике скота было мало, удобрений мало, а значит, низкими были и урожаи.

* * *

На Памире много гор и мало земли; пахотные земли занимают всего 2,5 процента территории. Пашню отвоевывали у гор, расчищали речные долины, засевали пески, проводили каналы. Посевная площадь выросла с 1925 года почти в 4 раза! В несколько раз выросла продукция животноводства, овощеводства, стали выращивать картофель, развели сады.

Начиная с 1965 года площади под зерновыми и, понятно, валовые сборы зерна все время снижались; в 1981 году пшеницы стали собирать почти в 9 раз меньше, чем в 1965-м, но зато каждый год росли, и стремительно, посевы табака и кормовых трав. Табак просто-таки воцарился на Памире. В теплых, почти субтропических районах — в Ванче, Калаихумбе, Рушане — он поселился не только на колхозных и совхозных полях, но и на приусадебных делянках, вытеснил бахчи, овощи, фрукты, хлеб. В 1965 году табак в отчетности еще не был показан; в 1981-м он занимал уже 1200 гектаров (всего-то, скажет искушенный читатель, и будет не прав, так как забыл, что вся посевная площадь Горно-Бадахшанской автономной области чуть больше 18 тысяч гектаров, меньше, чем в одном добром целинном совхозе!).

— Тут что-то не так подсчитали экономисты,— говорили нам в Горно-Бадахшанском обкоме партии.— Возможно, эта мера была и правильной вначале, когда пытались возделыванием табака экономически поддержать хозяйства. Практически же сегодня табак уже мешает, тормозит развитие Памира. Столько интересных разработок накоплено в Памирском ботаническом саду, такой опыт облесения склонов, высаживания садов, овощей и фруктов!

— Мы не ставим задачу самообеспечения Горно-Бадахшанской автономной области,— продолжил разговор пер-

вый секретарь ЦК Компартии Таджикистана Кахар Махкамович Махкамов — но задача резкого увеличения эффективности сельского хозяйства, самообеспечения во многом молоком, мясом, овощами, фруктами стоит и будет стоять. Будем расширять посадки лесов и садов на горных склонах, будем увеличивать площади и широко использовать ореховые сады Ванча, субтропики Калаихумба, где вызревают даже гранаты, возрастут площади шиповника, тутовника, миндаля и особенно облепихи в Ишкашиме, Вахане, Шугнане. В совхозах «Сагирдашт» Калаихумбского района и в «Рошкале» Шугнанского прекрасно удался опыт разведения садов. По расчетам наших ученых, на тридцати тысячах гектаров сегодняшних неудобий, голых склонов возможно создать интенсивное горное садоводство.

* * *

И зерновое хозяйство Памира должно стать интенсивным и специализированным. Сегодня под пшеницей на Памире занято 400 гектаров, под всеми зерновыми — немногим больше трех тысяч. Перспектива памирского зерна в том, чтобы оно заработало на науку, на селекцию, семеноводство, чтобы высокогорные поля и делянки стали естественными фитатронами.

Ученые, посвятившие жизнь Памиру (и прежде всего профессор Павел Александрович Баранов), выделили из сортов народной селекции сорта пшеницы и ячменя с замечательными, уникальными свойствами. Для того ли работали они, чтобы сошел на нет памирский хлеб?

Перед нами редчайшая по нынешним временам книга полковника В. Н. Зайцева «Памирская страна», изданная в 1903 году в Новом Маргелане. Зайцев писал:

«В 40 верстах от Памирского поста вниз по Мургабу, в урочище Агал-Хар, в 1894 году 9 апреля был произведен опытный посев пшеницы и ячменя, 15 мая — ржи, репы, кукурузы и бобов. Результат оказался следующий: к 20 августа весь ячмень созрел и дал урожай сам-10; репа, которую туземцы особенно любят и достают из Рошана, дала ничтожные плоды; пшеница, рожь и кукуруза повреждены заморозками и сжаты с зеленым колосом на солому. Пробные посадки на огороде вблизи укрепления дали надежду, что на высоте можно разводить капусту, картофель, лук и редьку. Люцерна поднимается до шести вершков и может дать не более одного сбора. Редис и репа успели отцвести и дать семена. Капуста, за поздней посадкой на гряду, не успела свернуть кочан».

Через 40 лет — в 1934 году — ученые-энтузиасты Павел Баранов и Илария Райкова основали в Чечектах знаменитую ботаническую станцию...

Они хотели создать конвейер между опытной делянкой, памирским полем и — кто знает — полем страны. Многое найдено на делянках в Чечектах, на ботанической станции в высокогорной пустыне, где Баранов и его ученики работали десятки лет. Многое, очень многое перешло с делянок в Чечектах, с плантаций памирского ботанического сада на совхозные поля, на террасные сады Шугнана, Рушана, Калаи-Хумба.

...По другой мерке должен цениться памирский хлеб...

Сарезское озеро

«Сарезское озеро представляет в настоящее время (октябрь 1913 г.) замкнутый, не имеющий стока бассейн длиною 26 верст и шириною до 13,4 версты. Глубина озера увеличивается по мере удаления от восточной оконечности к его завалу, у которого и обнаружена наибольшая глубина в 131 сажень...

Берега озера сплошь состоят из отвесных горных скал и осыпей, что ставило экспедицию в опасное положение во время плавания при ветре и вообще затрудняло выбор на берегу места для стоянок; подобные берега, с нашей точки зрения, не доступны ни для конного, ни для пешего движения; местные жители такими их не считают».

Из отчета подполковника Г. А. Шпилько о результатах работы экспедиции Памирского отряда

Сарез — это памирский Китеж-град. Под хрустально-чистыми водами озера лежит старый кишлак.

Озеро возникло недавно, а название «Сарез» было давно — его знали уже первые путешественники, называвшие центральную горную часть Памира Памиро-Сарезом, как видим мы на старой, 1882 года, «отчетной карте путей», пройденных в верховьях Амударьи доктором Регелем и членами Памирской экспедиции капитаном Путятой, геологом Ивановым и топографом Вендерским. На этой карте нет конечно же еще никакого озера, а есть река Мургаб (Бартанг), есть кишлак Сарез и область между Бартангом и Аличуром, обозначенная как Памиро-Сарез.

Озеро образовалось через 28 лет, в ночь с 5 на 6 февраля 1911 года.

В ту ночь содрогнулись горы, загудели, понеслись лавины, полетели камни, но такое бывало часто. Люди, должно быть, выскочили из своих домов и ждали нового толчка, когда огромная гора — склон горы с неожиданной легкостью сорвался с места и, набирая скорость всей двухмиллиарднотонной массой, рухнул в долину, погребая глубоко внизу и кишлак, и людей, и террасу, мгновенно перегородив русло Мургаба. Плотина высотой в полкилометра, выше Нурекской, родилась в несколько мгновений. Когда через несколько дней осела пыль — все было кончено. Сотрясение зарегистрировали даже приборы Пулковской обсерватории.

Кишлак Сарез затопило позднее, когда озеро стало стремительно наполняться. В 1911 году вода прибывала в среднем на 36 см за сутки, в 1915-м — на 18, в 1934 году — на 10 см. Теперь над Сарезом двухсотсорокаметровый слой воды.

Между современными учеными нет единства — продолжается ли наполнение озера. Одни считают, что озеро стабизировалось, другие — нет. Но несомненно одно: Сарезское озеро теперь самое знаменитое, самое глубокое, самое молодое из глубоководных озер Средней Азии. В его узкой чаше накопилось около 17 куб.

км чистейшей хрустальной воды. И это количество вызывает опасение: не прорвет ли вода завал, не размоет ли, не перехлестнет ли через верх? Правда, большинство специалистов считают маловероятным соскальзывание склона в разломе, вытянувшемся вдоль озера, предполагают его возможным лишь в случае небывало сильного землетрясения.

Но пока опасность, пусть даже гипотетическая, остается, за Сарезом ведутся наблюдения.

Энергия Памира

У памирских ГЭС множество сторонников, но немало и противников. Их аргумент — на Памире строить слишком дорого. Удельные капвложения на киловатт установленной мощности здесь втрое выше, чем внизу.

Но отмахиваться от проблемы, давно поставленной и в сущности изученной, бесконечно нельзя. В мире не много рек такой энергетической мощности, как реки Памира, прежде всего Пяндж.

Многолетнее регулирование рек Памира — задача огромной сложности, но и еще большей важности. Это даст стране возможность маневра, сбережет для Средней Азии в маловодные годы десятки кубических километров драгоценной влаги, избавит от катастрофических паводков и засух. Конечно, использование гидропотенциала Памира — задача не сегодняшнего дня. Здесь масса проблем. Прежде всего насколько это будет эффективно, экономично, как провести дороги, где взять энергию, как кормить население, где жить горнякам, какие строить дома и поселки — постоянные или вахтовые, как на Севере. Высокогорье многие проблемы поворачивает по-другому и все их обостряет и усложняет. Мало того, что в горах Памира неимоверно трудно строить линии высоковольтных электропередач, но оказывается, что и электропроводность разреженного воздуха иная: здесь другая сама физика передачи электроэнергии. Нужны работы, исследования, новые решения, если мы хотим взять богатства высокогорья, как взяли тюменскую нефть и ямальский газ. Нужны новые решения, новые машины, новые технологии. Памирский биологический институт ведет важнейшие исследования по адаптации человека к высокогорью — любую работу с этого надо начинать, с человека.

Словом, пока Пянджские ГЭС лишь отдаленная перспектива, хотя последствия их строительства ученые уже изучают (а у таких сверхгигантских ГЭС есть не только достоинства, но и крупные недостатки: они повышают сейсмичность района, строительство их идет долго и обходится дорого, водохранилища занимают единственно пригодные для жизни и земледелия долины и т. д.).

Многих этих негативных вопросов не возникнет, если строить не сверхгигантские станции и высотные плотины, а малые ГЭС, низконапорные, мало меняющие природную среду.

Многие ученые считают, что на Памире перспективно развивать именно такую гидроэнергетику. Подсчитано, что на 50 памирских реках можно построить станции мощностью от тысячи

до пятидесяти тысяч киловатт, а на 122 — малые станции мощностью до тысячи киловатт,— этого достаточно, чтобы давать энергию совхозам, фермам, клубам, кинотеатрам, электропечам в кишлаках, чтобы обеспечивать рудники и обогатительные фабрики. Такие станции обходятся дешевле, строятся быстро — за год-два, для строительства хватает местных материалов, нужны только турбины.

К сожалению, наша промышленность прекратила выпуск малых гидротурбин, а конструкторы не разрабатывают их новых модификаций, хотя нужда в таких турбинах для малой гидроэнергетики, второй расцвет которой предрекают экономисты и экологи, огромна.

Уже в Москве, вернувшись из Памирской экспедиции, мы побывали в Минэнерго СССР. Заместитель министра Георгий Иванович Тихонов охотно принял нас — еще бы, ведь он 16 лет проработал в энергетике Таджикистана, на Памире, строил ГЭС, строил Нурек и Байпазинскую станцию на Вахше, был начальником треста Таджикгидроэнергострой.

— Я считаю, что разговоры о какой-то повышенной стоимости высокогорных станций не правомерны,— сказал Тихонов.— Например, Нурек, который тоже имел множество противников, дает одну из самых дешевых энергий в Союзе — 0,08 копейки обходится киловатт-час. При этом не учтены выгоды от ирригационного использования станций; по нашим подсчетам, станция дает около 200 миллионов рублей в год прибыли за счет перераспределения воды в интересах сельского хозяйства. Вот вам и экологическая экономика Нурека! Еще пятьдесят миллионов рублей — за счет самой электроэнергии — четверть миллиарда в год! Нурек окупился за три года!

Для памирской энергетики наступает новая эра — эра широкого строительства новых, экономичных блочных современных малых ГЭС. Возможно, уже в нынешнем веке мы начнем большую стройку на Пяндже, скорее всего Даштиджумскую советско-афганскую станцию, или используем свою часть стока по отводному каналу. К сожалению, на Памире крайне низкий темп геологического изучения: у геологов отсутствует четкое понимание потенциала и реальной очередности работ; энергетическое изучение ушло вперед, т. е. мы можем уже строить, но наш наиболее реальный потребитель — горнодобывающая промышленность еще не спешит развернуться на Памире.

Мы убеждены, что настоящее, большое наступление на Памир надо начинать на уровне общесоюзной программы, как когда-то общесоюзное значение имели работы Памирско-Таджикской экспедиции Совнаркома СССР под руководством академика Н. П. Горбунова. Нужна программа освоения Памира. Мы убеждены, что большое наступление на Памир надо начинать со строительства гидроэлектростанций, ведь ГЭС — это не только электроэнергия, это и дороги, и коллективы строителей, и строительная база, и машины... Да, на Памире строить дорого, но и в самые тяжелые времена страна строила ГЭС в Средней Азии. Выгоднее, экологичнее, разумнее проектировать сразу комплексное использование территории для народного хозяйства — строить в комплексе: крупное водохранилище вверху,

мелкие ниже; нужно заранее планировать, чередовать ирригационные и энергетические водохранилища. Нужно, короче говоря, лучше думать и лучше считать. Нурек показал, что большие водохранилища в горах строить можно. Есть ли у них недостатки? Конечно. Ведь затапливается горная долина, единственно пригодная для жилья; приходится переносить кишлаки, если они есть, дороги, которые, как правило, идут вдоль рек по карнизам и террасам. Слишком широкие планы гидростроительства на Памире никогда не будут реализованы, иначе вода зальет все долины, людям негде будет жить.

Современные проектанты понимают это и привязывают будущие водохранилища к каньонам, ущельям, теснинам, а не к населенным и цветущим долинам.

Если эти требования выполняются, если не заливаются населенные долины и поля, не лишается кормовой базы животноводство, тогда станция возможна. В противном случае — нет! Да, Памир обладает самым высоким в стране гидроэнергопотенциалом, но земельные площади высокогорного края всего-то 17 тысяч гектаров. Исходить, принимая далеко идущие решения, надо по законам экологии не из того фактора, который в избытке, скажем воды, а из того, который в недостатке, то есть земли. Лишить Памир земли, превратить его в каскад Сарезов нельзя — это понимают и энергетики.

А что же можно?

Многое. Можно начинать создание нового поколения малых гидроэлектростанций, которые, кстати, позволят заменить множество дизелей, моторов, сократить бесконечный караван с горючим, что пробивается в короткий сезон перевозок от Оша до Хорога. Последнее, кстати, и экологическую среду улучшит: меньше мазута — чище вода и воздух. Однако придется решить ряд вопросов, например создать высокогорный автомобиль. О необходимости специально подготовленного автомобиля для гор знают все, кому приходится ездить в горах. Здесь, на высоте, где разреженный воздух, «задыхаются» двигатели, теряют мощность, вдвое, а то и втрое выше расход горючего. Ведь на высоте 4 км плотность воздуха падает на 40 процентов. В горах, на памирских дорогах, резко растет износ трансмиссии, двигателя, тормозных систем; не случайно средний срок службы автомобиля на трассе Ош — Хорог составляет 3—4 года.

Сегодня самым массовым автомобилем на Памире является бензиновый ЗИЛ; специальные машины для эксплуатации в горах нигде не готовятся. Водители сами, кустарно изменяют передаточное отношение главной передачи ведущего моста — на этом кончаются переделки.

А между тем горный автомобиль для сверхсложных условий — постоянных колебаний температуры, давления, из-за особо сложных условий режима работы двигателей, тормозной системы, требования к безопасности — нужен не только на Памире.

Специалисты считают, что горный автомобиль (решение о выпуске которого принималось несколько лет назад и было забыто) должен иметь дизельный двигатель воздушного охлаждения, турбонаддув, высотный корректор, изменяющий подачу топлива в зависимости от высоты над уровнем моря; на таких

автомобилях обязательно должны ставиться тормоза-замедлители. В горах такие машины по отношению к аналогичному бензиновому двигателю будут иметь в два раза меньший расход топлива.

«...Что-то надо делать для сохранения уникальной природы Памирского высокогорья, единственного центральноазиатского высокогорья в нашей стране. Если хотите, это маленький кусочек Тибета, Тибет в миниатюре, и, несмотря на то, что фауна Памира заметно беднее тибетской, все же целый ряд представителей этой фауны здесь есть. Только здесь вы сможете встретить тибетскую саржу, тибетскую буроголовую чайку, тибетского улара. По пальцам можно пересчитать места в нашей стране, где остался на гнездовьях горный гусь, где еще можно встретить стада гигантских архаров Марко Поло, и среди этих мест Памир — одно из главных.

И эта уникальная природа буквально на глазах разоряется мародерствующими экспедициями, безответственными альпинистско-туристскими группами, разоряется из-за неумелой эксплуатации пойменных лугов и прочей бесхозяйственности.

Я не тешу себя надеждой, что эти строки выбьют винтовку из рук браконьеров. Но может быть, мысли и факты, изложенные здесь, помогут тем, кто впервые, а то и вновь двинется на Памир, посмотреть на него другими глазами, помогут уяснить, что Памир перестал быть дикой страной, эдаким охотничьим эльдорадо, понять, что могучие горные хребты сами уже не в силах сохранить свои живые богатства и что Памир беззащитен перед нами. Считайте, что вы пребываете в заповеднике, единственном в мире заповеднике высокой Центральной Азии.

И чем скорее такой заповедник будет создан официально, тем лучше», — писал Р. Потапов 15 лет назад в книге «Неведомый Памир».

С тех пор многое изменилось на Памире. Больше стало людей, больше экспедиций, поисковых отрядов, геологических партий, живущих здесь долгими месяцами, а то и круглый год. Больше стало местных жителей, лучше стали дороги, обычными не только мотоциклы, но и «Нивы» и «Жигули»... Больше стало вертолетов, больше туристов и альпинистов. А следовательно, меньше, совсем мало стало архаров, козерогов, снежных барсов, сипов и беркутов... Меньше стало живого Памира. Если мы подождем еще 15 лет, до наступления третьего тысячелетия нынешней эры, может статься, проблема снимется сама собою: на Памире, за малостью, некого будет охранять. Здесь нужен особый режим природопользования, особые, осторожные принципы хозяйствования, другие критерии успехов, неприменимые на Большой земле. Памиру нужен особый статус — не заповедника и не национального парка, а несравненно большей территории, нужен статус заповедной области, заповедного края.

Пока же на Памире нет ни одного заповедника. Правда, есть два заказника: Музкольский, комплексный, и на озере Зоркуль — орнитологический.

В перспективе ученые предлагают создание в центре Памира

национального парка, охватывающего и Каракуль, и Сарез, и высочайшие вершины, и ледник, и Памир, доступного для туристов,— парка общей площадью около 300 тысяч гектаров с международным статусом, доступного для советских и зарубежных туристов и альпинистов. Природный парк планируется создать и в живописнейшем месте «королевской долины» по реке Рошткале в Шугнанском районе. А следом придет время и Большой энергетики Памира. Но начинать ее следует с сугубой осторожностью. Предложения типа «зачернения ледников» для увеличения их таяния рассматривать серьезно, конечно, нельзя. Последствия такого рода экспериментов в высокогорье непредсказуемы и неисчислимы.— Ученые Таджикской академии наук,— рассказывал нам президент Академии М. С. Асимов,— считают, что на Памире строить можно, но лишь после тщательнейших географических, геологических, экологических исследований, в грамотно выбранных створах. Рукотворные Сарезы не должны залить ни обжитые дороги, ни поля (мы говорили, как бесценна здесь земля), ни месторождения ценных минералов, ни памятники природы и архитектуры, включая стоянки древних людей, ни местообитания реликтовых животных и растений. Строить здесь только после строжайшей экологической экспертизы, исходящей из главного приоритета — высочайшей ценности Памира как уникального сокровища и хранилища. Скоро придет время строек и на Сарезе, как ни трудно пробиваться к нему по теснинам Бартанга. Но прежде чем начинать на Памире большие дела, а они уже на пороге, многое уже сделано для них прежними поколениями героев-исследователей, строителей, первопроходцев, местных жителей... прежде чем строить с размахом — ГЭС, рудники, шахты, обогатительные комбинаты, нужно создать и разработать до мелочей программу сохранения природных целостностей Памира, программу сохранения его уникального своеобразия. Если это сделать теперь, много ошибок можно будет избежать в будущем.

Елена Матвеева

ЗВЕРЬ НА ЗЕМЛЕ НЕВИДАННЫЙ

ОЧЕРК

Почти неделю над Уэленом висел туман. Почти неделю зверобои не выходили на промысел. Не видимое за белой плотной пеленой, тяжело вздыхало море. Наверное, я с бо́льшим нетерпением, чем кто-либо другой, ждала ясного дня: старый добрый эскимос Тагьёк пообещал взять меня на моржовую охоту.

Каждый день приходила я к нему в косторезную мастерскую. «Коо» (Как знать),— отвечал он на мой вопросительный взгляд. И кивал на окно, за которым в густом молоке тумана нельзя было разглядеть даже соседний дом. Тагьёк чувствовал себя виноватым, будто от него зависело, какой погоде быть нынче на самом северо-востоке Чукотки. Он смущенно качал головой, провожая меня до двери. На несколько минут задерживался на крыльце, прислушиваясь к вздохам моря, и снова повторял свое «Коо».

Единственная улочка Уэлена, вытянувшаяся вдоль узкой галечной косы — крохотной полоски суши, с трех сторон окруженной холодным Чукотским морем,— была пустынна. Я мерила ее шагами, повторяя про себя не раз слышанное от бывалых северян — пилотов, геологов, полярников — и уже собственным опытом выстраданное: «Терпение — главная добродетель путешественника на Севере...»

Уехать, не побывав на моржовой охоте, не выйдя на вельботе в море, представлялось мне чрезвычайно обидным. Вспоминался долгий трудный путь в Уэлен: пересадки с самолета на самолет, сидение в аэропортах в ожидании погоды. И вот, после того как дорожные трудности преодолены, такая неудача — не увидеть чуть ли не самого важного в жизни северного села! А в том, что зверобойный промысел играет в Уэлене особую роль, я убедилась буквально с первых минут пребывания здесь.

Именно с рассказа о зверобоях начали разговор о прошлом,

настоящем и завтрашнем дне древнего села секретарь парткома совхоза Валентин Иванович Попов и главный инженер Аркадий Петрович Нестеров. Коренной уэленец, Аркадий Петрович сам когда-то мальчишкой страстно мечтал выйти с отцом и дедом на охоту в море. В давние времена для аборигенов Севера морской промысел значил много: от удачной охоты зависела жизнь чукчей и эскимосов. Морж давал пищу, жир для жирников. Его кожей накрывали яранги и обтягивали байдары. Из кишок шили непромокаемые плащи. Из клыков мастерили наконечники к стрелам и копьям, костяные очки с узкими прорезями, которые защищали глаза от сверкания снега, полозья для санок. Из зубов вытачивали рыболовные крючки, острые иглы, гребни для женщин.

Конечно, сегодня все необходимое можно купить в магазине. Но морская охота для них по-прежнему насущная потребность: печень, мясо зверей, обитающих в море, содержат много ценных, полезных для организма человека веществ, витаминов. Мясо идет и на корм песцам, которых разводят на совхозной звероферме. Кормят им и упряжных собак. Шкуры, в первую очередь нерпичьи, высоко ценятся на мировом рынке; моржовый клык, расписанный мастерами косторезной мастерской, с удовольствием приобретают для своих коллекций известные музеи мира. Поэтому зверобои испокон веков самые уважаемые люди на селе.

Позднее, где бы я ни была, с кем бы ни встречалась, разговор рано или поздно обязательно переходил на морскую охоту. В школе ребята-старшеклассники, делясь планами на будущее, высказывали твердое решение стать, как отцы и деды, зверобоями. Директор косторезной мастерской Александр Яковчук, показывая работы местных художников (фигурки, вырезанные из кости, гравировка на моржовых клыках), объяснял, что морская охота, сценки из жизни обитателей моря — любимая тема многих косторезов и гравировщиков, ее разработке они уделяют немало внимания. В сельском клубе самодеятельные артисты национального ансамбля «Уэлен», знакомя со своей программой, с особым удовольствием представляли танцы «Охота на моржа», «Охота на каяке», «Праздник кита»...

В общем некоторое теоретическое представление о моржовой охоте я получила. Воображение рисовало яркие картины, оставалось только увидеть ее наяву. Но тут мне как раз и не везло: срок командировки заканчивался, и мечта выйти со зверобоями в море оставалась мечтой. Но вдруг однажды ночью я проснулась от яркого желтого света, залившего гостиничный номер. Прямо напротив окна, в низком, усыпанном крупными звездами небе, висел круглый желток луны. Туман исчез, уполз куда-то, словно его и не было.

Чуть свет я прибежала на берег. И как оказалось, вовремя: охотники, помогая себе криками «Раз-два, взяли...», сталкивали вельбот на воду. Удивительная особенность у этих людей: никогда чукчи и эскимосы не договариваются заранее о времени выхода на охоту — они чувствуют нужный момент и, как по команде, собираются на берегу.

... Уэлен еще спал, когда вельбот, туго разрезая носом воду, вышел в море, направляясь к мысу Дежнева, традиционному месту охоты уэленских зверобоев.

Сейчас, когда впечатления улеглись и оформились, думаю: само это путешествие вдоль северного берега не менее волнующе и памятно, чем охота, ради которой мы отправились в путь.

Был конец августа. Уже чувствовалось: скоро зима, в любой день в воздухе могут закружиться белые хлопья. Дул не сильный, но холодный ветер. И если бы не заботливый Тагьёк, который прихватил для меня тулуп, плохо пришлось бы мне под его леденящими порывами.

Не знаю, какие чувства испытывают немногословные, невозмутимые зверобои, ежедневно видя мрачную, какую-то неистовую, дикую красоту Чукотского побережья. Меня же она потрясла и очаровала. Хаос камня, головокружительные отвесные скалы, глубокие узкие ущелья, пенные стремительные водопады... Должно быть, немало поработали и вода и ветер, чтобы придать северному берегу такой — одновременно пугающий и восхищающий — вид. В распадках лежал снег, не успевший растаять за короткое полярное лето. Неяркие, но четкие, контрастные краски подчеркивали реальность окружающего. Кое-где скалы отступали от берега, и зеленые волны лизали гальку чудесных пляжей. Но купаться тут вряд ли кто решится: ледяная вода Чукотского моря не для купания.

Огромный птичий базар, расположенный на прибрежных черных скалах недалеко от Уэлена, прямо-таки оглушил нас криками тысяч птиц. Потревоженные шумом моторов, они слетали с насиженных мест и, опустившись на воду, что есть сил колотили крыльями, крича на разные голоса. Брызги летели во все стороны, сияя и переливаясь в лучах солнца. Наш вельбот быстро миновал птичье царство, и его возмущенные обитатели успокоились, вновь заняв на скальных выступах свои наблюдательные пункты.

Не успела я прийти в себя от увиденного, а уже новое зрелище — лежбище моржей.

«Зверь, на земле не виданный и облика дьявольского»,— писали о морже английские моряки, впервые увидев его. Странным может показаться это мнение. Где он — «облик дьявольский»? Добродушнейшее животное. Усатая пучеглазая морда удивленно-наивна. Большущая жирная туша — иные особи достигают четырех метров в длину, а весом бывают до двух тонн — беспомощна и неповоротлива. Но в момент опасности он и впрямь производит устрашающее впечатление: вмиг подбираются все мышцы; рыхлая, расплывшаяся туша становится вдруг сбитой, крепкой, как монолит; круглые глазки наливаются кровью. Картину дополняют два воинственно поднятых острых клыка. Вид у животных в подобные минуты весьма свирепый.

...На лежбище же они чувствуют себя в безопасности. Издали увидела я рыже-буро-коричневые туши, лежащие вплотную друг к другу. Пожалуй, тот самый случай, когда яблоку негде упасть. Мы видели, как выбравшемуся из моря могучему моржу, чтобы расчистить себе место, пришлось пустить в ход длинные мощные клыки. Потревоженные им звери ткнули обидчика такими же сильными, как у него, клыками, рявкнули и опять уснули, уронив головы на бока соседей. Заметила я и маленького моржонка, задумавшего пробраться к воде прямо по спинам сородичей. Не

повезло ему: разбуженная неуклюжим малышом, сердитая моржиха шлепнула его ластом. Он, обиженно хрюкая, заспешил к матери, которая на мелководье шелушила ластами ракушки, доставая из них вкусных моллюсков. Неподалеку два молодых моржа спорили за право улечься у большого черного камня.

Интересных сценок можно было бы подсмотреть немало! Но вельбот резко повернул в открытое море. Охотятся местные жители гораздо дальше, берегут покой лежбища, чтобы не испугать животных шумом, иначе уйдут моржи и не вернутся сюда никогда — не будет ценного зверя в прибрежных водах. Старожилы Чукотки могут припомнить такие случаи. Мне рассказывали, как по вине молодого вертолетчика, из любопытства слишком низко пролетевшего над лежбищем, погибло много животных. Испугавшись громкого треска, они в панике бросились к воде, давя друг друга. На суше остались десятки погибших зверей, а те, которые спаслись, покинули страшное место навсегда...

Вельбот шел быстро и легко. Тагьёк в бинокль высматривал добычу. Его друг, загорелый, черный от полярного солнца эскимос Вакат, сидел на руле — вел наше судно четко по нужному курсу. Тагьёк и Вакат — потомственные зверобои. Оба родом из древнего эскимосского селения Наукан. В 50-х годах жителей переселили в более крупные, удобнее расположенные села, где

легче было налаживать новую жизнь. Но память о Наукане жива. И не только среди тех, кто там родился, жил. На Чукотке знают: из этого селения вышли лучшие косторезы, сказители, танцоры — основатели национального искусства. Науканцы издавна слыли опытнейшими добытчиками зверя на всем побережье. Это они в давние времена стали зачинателями морского промысла.

Мы проплывали мимо оставленного селения. Диву даешься, как жили люди на такой крутизне, на почти отвесном скалистом склоне! Говорят, зимой они приделывали к обуви специальные крючки, иначе по скользкой круче ходить было невозможно. Да и ветер запросто мог снести в море.

Со светлой грустью смотрели Тагьёк и Вакат на берег. Там еще остались следы землянок — нымлю, в которых они жили. На прежнем месте стоят гигантские ребра гренландского кита. На крохотной площадке возле них собирались науканцы в ответственные минуты жизни, когда надо было всем селением принимать какое-либо решение.

В начале века рядом с Науканом русские моряки поставили деревянный крест в память о Семене Дежневе, открывшем эту суровую и прекрасную землю. Позднее был сооружен маяк и воздвигнут памятник первопроходцу. Памятник и маяк видно издалека. Суда, идущие Великим Северным морским путем, подают на траверзе Наукана короткий приветственный сигнал-гудок — благодарные потомки помнят о доблести первооткрывателей.

Кроме Ваката и Тагьёка в лодке два молодых зверобоя — Михаил Гоном и Леонид Анос. Им повезло с наставниками. Всю дорогу парни внимательно следили за действиями стариков. Но и собственные обязанности не забывали — обеспечивали бесперебойную работу моторов. Тагьёк, отрываясь от бинокля, нет-нет да и поглядывал в их сторону и улыбался своим мыслям. Наверное, он думал о том, что совсем скоро приедет в отпуск сын Яков и конечно же первым делом отправится с ними на промысел. В письмах он часто вспоминает те годы, когда ходил с отцом в море за зверем. Хороший получился бы из него зверобой! Но вышло так, что профессия у Якова другая. Он — артист, солист чукотско-эскимосского ансамбля «Эргырон», объездил весь мир. Кстати, и сам Тагьёк — танцор, каких поискать, даже автор нескольких танцев, исполняемых различными национальными ансамблями Чукотки. Лет пять назад выступал на сцене Кремлевского Дворца съездов в концерте участников художественной самодеятельности страны. Танец «Охота на байдаре» тогда очень понравился зрителям. Любят его и односельчане. Не удивительно, ведь танцевальная картинка — точный, захватывающе интересный рассказ о морском промысле, о зверобоях. Кто лучше Тагьёка может поведать об этом! Яков тоже исполняет танцы отца. Скорее бы приезжал — то-то будет радость многочисленному семейству Тагьёков! Мать — старая Аяя — уже сшила ему новый охотничий костюм. Есть в чем выйти в море.

Михаил Гоном и Леонид Анос — ровесники Якова. Тагьёк и Вакат относятся к ним как к сыновьям — с доброжелательной строгостью. По мелочам не опекают, указаний не дают, но в нужный момент всегда придут на помощь — поддержат, научат.

Несмотря на большую разницу в возрасте, эти четверо морских охотников схожи между собой: спокойны, неторопливы, дружелюбны. Сочетание опыта и молодости дало прекрасный сплав. Удача постоянно сопутствует бригаде — никогда не возвращается она в родное село без добычи. Впрочем, я убедилась, у подобной удачи немало «слагаемых».

К примеру, зверобои отлично знают берег, каждую скалу, расщелину, выступ — где особенно большие птичьи базары, где самый сильный прибой, где может неожиданно сойти лавина, начаться камнепад... Поэтому так уверенно вел вельбот Вакат. Его мастерство сыграло во время охоты немаловажную роль. Таков лишь один штрих к портрету удачи. Вообще же их набралось предостаточно.

Мне необыкновенно интересно было наблюдать за происходящим вокруг. Низко над нашими головами проносились утиные стаи. Впередсмотрящий Тагьёк вдруг широко улыбнулся и показал рукой на берег: «Умка!» В распадке между сопками бродил белый медведь.

Полно жизни и море. То ближе, то дальше время от времени появлялся китовый фонтан, даже несколько — киты играли, шли вдаль своей китовой дорогой. Или неожиданно у самого борта выныривала любопытная нерпа...

Как тут не вспомнить сказки бабушки Эмун, одной из старейших жительниц Уэлена. В этих сказках морские животные — родственники, братья северного народа. Чукчи и эскимосы испокон веков так считали и всегда очень бережно относились к животному миру своих холодных морей.

«Был один человек,— слышался мне глуховатый, как бы надтреснутый голос Эмун.— Много нерпы брал. Не надо ему, а стрелял. Жадный. Верхние люди (боги.— *Е. М.*) наказали его — забрали жену. Везде искал охотник, не находил. Раз голос слышит: «Иди на припай — там твоя жена». Прибежал. Видит: нерпы вылезли из моря — дышат воздухом. Понял охотник: одна из них — любимая жена. Спрятал стрелы. Больше никогда не добывал лишнего. Верхние люди сжалились — вернули жену».

Нравоучительную сказку о жадном охотнике знают в Уэлене все и четко выполняют ее заповедь: лишнего не бери.

Уэленцам нынче разрешается в течение года добыть 240 моржей. И уж будьте уверены — добудут именно столько, не больше. Нет у морских охотников азартной страсти — подстрелить любого зверя, попадающего в поле зрения. Охота для них не потеха — работа, четко спланированная с учетом потребностей села.

Благодаря заботе о фауне, разумным строгим правилам охоты численность моржей в Беринговом, Чукотском и Восточно-Сибирском морях в пределах советской экономической зоны за последние 20 лет увеличилась в 3 с лишним раза и сейчас составляет около 180 тысяч голов. Такое заключение дали участники воздушной экспедиции Магаданского отделения Тихоокеанского научно-исследовательского института рыбного хозяйства и океанографии. Почти 200 часов провели они в полетах над местами скоплений животных, подсчитывая их с воздуха с помощью высокочувствительной аэрофотосъемочной аппаратуры.

Ежегодно приезжают в Уэлен зоологи, чтобы изучать жизнь моржей, наблюдать их в естественных условиях. Местное население оказывает ученым большую помощь.

...Мои размышления прервал настороженный жест Тагьёка, сигнал: внимание! Прямо по курсу вельбота, чуть покачиваясь на волнах, спал морж, высунув из воды усатую клыкастую морду. Выключив моторы, пошли к нему на веслах.

Ох и хитрым оказался этот старый матерый морж! Быстро проснулся, почувствовав приближение людей, и ушел вглубь. Но Вакат, безошибочно угадав его движение под водой, направил вельбот туда, где он через несколько минут вынырнул. Этому охотники учатся с детства — здесь нужны и наблюдательность, и знание повадок обитателей моря — именно так обеспечивается удачный промысел.

Загремели выстрелы. Тагьёк стремительно метнул гарпун. Пых-пых — надувной мешок из нерпичьей шкуры заплясал на воде, не давая убитому моржу затонуть. Ремнями, выделанными из кожи морских животных, прикрепили его голову к борту.

Все произошло очень быстро. Постороннему человеку покажется — без труда. В действительности взять моржа на воде чрезвычайно сложно. Убить его — полдела: одно мгновение — и убитый зверь затонет. Мастерство гарпунера заключается в том, чтобы загарпунить животное моментально, как только прозвучат выстрелы — ни секундой позже.

Следующему моржу удалось от нас уйти. Зато сразу же на берегу заметили другого. Огромный зверь лежал недалеко от воды на гальке, подставив солнцу рыжий с сиреневым оттенком бок и жирный загривок, весь в шишках-нашлепках.

Вельбот неслышно ткнулся носом в берег, но морж-«шишкарь» услышал. Вскинул голову, выставил вперед мощный длинный клык. Вместо второго торчал обломок. Видно, не единожды клыки были его оружием, не раз спасали ему жизнь. С поразительной для гигантских размеров и веса легкостью зверь бросился к спасительной воде. А когда охотники отрезали дорогу к отступлению, он, издав страшный гортанный крик, вдруг стремительно повернул к нам. Михаил и Леонид, оказавшиеся прямо перед разъяренным зверем, не растерялись. Меткими были их выстрелы. «Тэгмечинки — очень хорошо»,— похвалили старики Вакат и Тагьёк.

После того как добыли еще одного моржа, Тагьёк подвел итог. «Неплохо оморжились»,— сказал он, цепляя очередную тушу к вельботу.

В языке эскимосов нет понятия «убить зверя». По поверью, их не убивают — они сами приходят к человеку в гости. Про охотника говорят: «онерпился», «оморжился», «омедведился».

Когда-то после удачной охоты полагалось выполнить особый обряд. Приходил глава семьи с промысла, хозяйка встречала у яранги с ковшиком воды. Вначале «поила» убитого зверя, потом пил охотник, остатки воды выплескивались в сторону моря — наудачу. С убитым животным были ласковы, его просили не сердиться, бросали в море или в тундру клок шерсти, кусок мяса, приговаривая: «Ты погостил у меня, теперь возвращайся к себе, но меня не забывай — заглядывай почаще».

Сделав остановку, разделали моржей, причем очень быстро, и, напившись крепкого, почти черного чая, взяли курс на Уэлен. За чаем говорили о том, какой смертельно опасной была охота в море несколько десятилетий назад. На промысел выходили на кожаной весельной байдаре с единственным оружием — гарпуном. Часто зверобои не возвращались домой. Теперь у них есть вельботы с мощными моторами, надежное огнестрельное оружие, рации. И все же опасность сопровождает их постоянно. Вспомнить хотя бы того свирепого моржа, которого подстрелили Миша и Леонид. Охотники рассказывали другие похожие истории. Они не раз попадали в сложнейшие положения.

Был случай: вельбот Тагьёка и Ваката окружило целое стадо моржей. Животные то расширяли, то сужали круг, потом начали цепляться клыками за борт, норовя опрокинуть вельбот. Еле разогнали. А однажды моржи даже пробили днище вельбота. Хорошо, дело было весной — спаслись на льдине, там же починили лодку.

Но особенно опасна встреча с одиноким моржом — кеглючином. О нем на Чукотке ходят страшные истории. Злобный, хищный зверь сеет вокруг себя смерть — убивает и сородичей, и людей, нападая на вельботы. Он жесток и коварен. А все оттого, что в детстве остался без матери — то ли она потеряла его, то ли ее убили охотники. У него огромные, мощные клыки. Даже белый медведь, самый сильный зверь северных широт, боится его.

Да, не зря известный исследователь Севера Г. А. Ушаков называл охоту на моржа самой опасной охотой в Арктике. С ним согласен и шведский путешественник Свен Йильсетер: «...моржа считают самым опасным из обитателей Ледовитого океана. Он, несомненно, убил гораздо больше людей, чем белый медведь». Вот почему сила, ловкость, мужество, хладнокровие — главные достоинства зверобоя. Эти качества чукчи и эскимосы развивают у своих детей с малолетства. Заставляют мальчишек взбегать на холм, держа в руках тяжелый железный лом, бегать по прибрежной гальке, волоча за собой на ремне какой-либо груз. Учат долго обходиться без воды, пищи, быть терпеливым к холоду. Так воспитывается будущий морской охотник.

Обратный путь занял больше времени: вельбот сидел в воде низко, двигался медленно. Я, как и охотники, с нетерпением ждала, когда покажется уэленский маяк.

Возвращение зверобоев с большой добычей всегда волнующее зрелище. Давно повелось: встречать их на берег приходят не только родственники — все, кому нужны мясо, кожа. И хотя прошли те времена, когда благополучие, жизнь чукчей и эскимосов зависели от удачи на охоте, но обычай сохранился. Нас тоже уже ждали...

На следующее утро события минувшего дня казались мне каким-то невероятным приключением. Должно быть, долго так они и будут вспоминаться.

Погода окончательно разъяснилась. Правда, синоптики обещали ее скорое ухудшение. Поэтому все, кому нужно было выехать из села, срочно собирались в дорогу, благо и оказия подвернулась — ночью на рейде Уэлена встал теплоход «Чернышевский»,

который доставил сюда свежий картофель. К вечеру он уходил в бухту Лаврентия.

Засобиралась и я. Времени оставалось в обрез. А мне хотелось еще раз повидать зверобоев — пожать им на прощание руки, пожелать удачи.

Искать их долго не пришлось: на берегу моря они осматривали вельбот и тепло, дружески простились со мной. «Приезжай,— пригласил Тагьёк.— Весной приезжай. Лед будет. Хорошая охота опять будет. Понравится».

Через час я смотрела на Уэлен с борта теплохода. Размышляя о судьбе удивительного села, о своих новых знакомых, полюбившихся мне людях, наблюдала извечную для этих мест картину: со стороны мыса Дежнева медленно шел вельбот, на берегу ждали односельчане. Женщины, приставив руку козырьком к глазам, следили за его приближением. Мужчины, сидя на корточках, курили, наметанным глазом определяя на расстоянии размер добычи. Даже неугомонные мальчишки, побросав свои дела, прибежали встречать зверобоев и, конечно, привели с собой чуть ли не всех сельских собак.

«Морскими охотниками были деды и прадеды уэленцев,— подумалось мне.— Морскими охотниками становятся их дети и внуки, выбирающие из многих профессий эту трудную, опасную работу. Значит, во все времена будет идти по побережью слава об отважных добытчиках морского зверя с Берингова пролива».

Валерий Синюков

КРОКОДИЛЫ НА РЕКЕ САНТЬЯГО

ОЧЕРК

Художник Е. КУЗНЕЦОВА

Первое знакомство

Мы сидим у костра на берегу реки Сантьяго. Уже стемнело, и жемчужины тяжелых южных звезд, отражаясь в реке, бесшумно качаются на зыбкой глади. Где-то надрывно и трагически-хрипло прокричал пеликан, пролетела сова. Ее не видно, только слышно: хлоп-хлоп. Гулкое эхо быстро тонет в густом влажном воздухе.

Наш проводник Петронило подбрасывает в костер сухие мангровые ветки.

— Крокодилы? Крокодилы, конечно, есть, и совсем рядом, вон там,— говорит он, улыбаясь.— Много ли? Думаю, что да, но никто не подсчитывал, и сделать это не просто. Бо́льшая часть их держится выше по течению реки, но отдельные «бродяги» заходят и сюда и даже спускаются к самому устью реки.

— Но ведь в устье вода достаточно соленая,— заметил я.

— Это так, но для крокодилов не беда — они могут жить не только в пресных водах. Отдельные особи проникают даже в прибрежную часть океана, где соленость уже значительная. На атлантических пляжах опасаются больше всего акул и барракуд, но можете себе представить смятение людей, купающихся в морских водах, когда они обнаруживают плывущих рядом рептилий. Известны случаи удаления крокодилов от побережья даже на 600 километров.

— А вообще-то,— продолжал Петронило,— крокодилы предпочитают места более дикие и чаще всего встречаются в верховье реки Сантьяго, где скрываются в густых мангровых зарослях.— Мой собеседник указал куда-то в темноту, и я, следя за его

рукой, пытался представить себе места, в которых обитают крокодилы, живущие на свободе, а не в питомнике зоопарка.

Далеко не во всех странах крокодилы пользовались репутацией кровожадных и отвратительных животных. В южных провинциях Древнего Египта властелинов Нила обожествляли — существовал особый религиозный культ. Жрецы в праздничные дни украшали животных драгоценностями, их берегли и подкармливали. Даже могущественные фараоны трепетно поклонялись им, принося в дар рабов.

В Египте есть очень интересный храм Ком-Омбо, построенный во II — I вв. до н. э. и хорошо сохранившийся до наших дней. У этого сооружения, напоминающего другие храмы в среднем течении Нила (в Дендере, Эдфу, Филае), имеется одна любопытная особенность: он был посвящен сразу двум богам. Правая половина храма — крокодилоголовому богу Собеку, а левая — сокологоловому богу Хору.

В храме Ком-Омбо, в небольшой часовне Хатор, уже более двух тысячелетий хранятся мумии трех священных крокодилов и несколько высохших трупов этих экзотических животных — современников Рамзеса, Тутанхамона, Дария, Эхнатона. Искусная рука мастера сохранила на века реликвии того удивительного времени.

В древности крокодилы вызывали у своих почитателей прежде всего страх. Египтяне считали, что разгневанный крокодилоголовый бог Собек может вызвать жестокую засуху или мо́гучие разливы Нила, приводящие к опустошающим наводнениям. Страх заставлял людей сооружать многочисленные храмы. Существуют предания, что религиозные споры, связанные со священными крокодилами, приводили даже к вооруженным столкновениям между жителями Ком-Омбо и соседнего города Дендер.

На протяжении нескольких геологических периодов крокодилы сохранили свой род, но в последнее столетие их численность катастрофически падает. Крокодил стал жертвой моды. Во многих тропических странах мощное кожевенное производство было поставлено с таким размахом, что бедные рептилии уже не смогли размножаться так, чтобы обеспечить всевозрастающий промышленный спрос.

Крокодилы становятся уникальными представителями фауны. Только теперь человек, обеспокоенный судьбой этих животных, стал защищать и разводить их на фермах. Изучение крокодилов осложнено тем, что варварское истребление привело к значительному сокращению их численности, а в некоторых местах — и к полному исчезновению этих животных. Во многих странах крокодил уже внесен в «Красную книгу» как вымирающий вид.

Куба — естественный заповедник

Природа Кубы — буйная, всепобеждающая и очень красочная. Куда ни посмотришь, везде можно видеть необычайную пышность и яркое ликование жизни, будь это море или суша.

Кажется, стоит крохотному семечку коснуться земли, как вскоре оно превращается в молодое деревцо или прекрасный цветок. Кубинская земля плодородна, а животный мир еще хранит в себе много первозданного и нетронутого. Этот естественный заповедник нуждается в заботливом и бережном отношении человека. Поэтому создание на Кубе ферм для крокодилов позволило разумно сочетать ежегодный их отлов с нужным приростом этих животных.

Меня сопровождает Петронило, один из тех, кто много лет проработал на ферме, а сейчас осуществляет надзор за крокодилами в местечке Ортигоса, что в сотне километров от Гаваны.

— С фермы я ушел,— рассказывал мне Петронило,— работа там не для моего характера. Люблю я свободу, простор, наши мангровые леса, охоту в здешних местах. Сейчас слежу за порядком в «моих владениях», которые тянутся километров на двадцать пять — тридцать; с одной стороны они ограничиваются морем, а с двух других — реками.

Мой проводник посвятил меня и в некоторые детали работы кубинских ферм. На фермах следят за размножением крокодилов, оберегают гнезда с яйцами, а главное внимание уделяют молодняку. Ведь из яиц чуть больше куриных выводятся беззащитные и маленькие крокодильчики 8—10 сантиметров в длину, родители которых не «курочки-рябы», а, как ни странно, гиганты, достигающие 3—4 метров.

Здесь стараются выращивать крокодилов не более 2,5 метра. Шкура таких животных пользуется наибольшим промышленным спросом для изготовления различных изделий — от мелких сувениров до красивой обуви.

Перед Петронило встает много проблем, поскольку его обязанности весьма разнообразны: он и лесник, и охотник, и проводник, нередко помогает биологам и океанологам, проводящим исследования в заливе. Но все же самые интересные его служебные обязанности — надзор за крокодилами, живущими в многочисленных речушках этой болотистой местности.

Сравнительно недавно численность кайманов на Кубе резко сократилась, и возникла проблема их сохранения. Теперь охота на них возможна лишь по специальным разрешениям. Первая задача для Петронило — не допускать случаев браконьерства. Вторая — отлавливать молодых животных и собирать яйца; крокодилята и яйца сдаются на фермы. И третья задача — охота! В сезон Петронило охотится сам и принимает шкуры у других охотников.

Петронило рассказал много интересного из жизни крокодилов. Оказывается, самка, отложив 20—40 яиц в заранее приготовленное гнездо в самых недоступных мангровых зарослях, прикрывает их травой и держится поблизости. Высиживать яйца ей не приходится, поскольку крокодилы, как и все пресмыкающиеся, холоднокровные и, следовательно, обладают той же температурой, что и окружающая среда. По этой причине солнцу и приходится проделывать всю ту сложную работу, которую природа в других случаях возлагает на самих родителей. Горячие лучи солнца исправно выполняют «родительские» функции, и через несколько недель из яиц показываются маленькие крокодильчики. Инкубационный период длится в среднем 60—70 дней.

— Отыскивать яйцекладку,— говорит Петронило,— не так-то просто и даже опасно. Следует остерегаться агрессивно настроенной самки, которая в эти периоды очень коварна и свирепа. Ей приходится защищать гнездо и маленьких, выползающих из яиц крокодильчиков. Иногда, покинув гнездо, самка удаляется от него на небольшое расстояние, но продолжает неусыпно следить за своим потомством и лишь к концу развития яиц приближается к гнездовой камере. Она созывает детенышей (они отвечают ей) и в большинстве случаев помогает младенцам выбраться из гнезда. Неугомонное потомство бросается сразу в воду: только там спасение, но эти несколько метров самые сложные в их жизни. Зоркие и стремительные морские и болотные птицы на глазах самки хватают нерасторопных малышей и уносятся в поднебесье.

Интересный случай наблюдал зоолог Шомбургк. Он шел с проводником-индейцем, огибая залив Архарикури, стреляя рыбу из лука и любуясь зеркальной гладью воды, отражающей жгучее тропическое солнце. Вдруг раздались звуки, напоминающие крики котят. Можно было предположить, что где-то поблизости логово дикой кошки. Однако крики шли из-под ветвей дерева. Ствол его так наклонился, что почти горизонтально повисал над самой водой. Пройдя немного по такому мосту, путники увидели целый выводок полуметровых кайманов, резвящихся в воде. Индеец вонзил стрелу в одного из них и выхватил из воды барахтавшееся и кричащее существо. Вдруг раздался ужасный рев: вынырнув из воды, сверкнула пастью крокодилица-мать. Рев привлек других крокодилов, и десятки огромных кайманов собрались вокруг разъяренной матери. Она мощными ударами хвоста выталкивала свое тело из воды, пытаясь схватить людей. Раненная стрелой индейца, она на мгновение скрылась под водой и снова возобновила свои нападения с удвоенной яростью. Беспрерывные могучие удары согнутым хвостом превратили поверхность воды в бурлящий водоворот. Охотники, истратив все стрелы, с большой осторожностью проползли по стволу к берегу, постоянно оглядываясь и опасаясь нападения. Разгневанная мать преследовала их, но выйти на сушу не решилась: кайманы на земле очень боязливы и редко бывают опасны. Это не мешает им, однако, совершать многокилометровые переходы по суше в поисках более многоводных рек. Они способны даже развивать скорость до 10—15 км/час. Можно себе представить, какое неповторимое зрелище являют собой сотня-полторы мчащихся кайманов, поднимающих столбом пыль, словно лихой эскадрон.

Немецкий зоолог, автор книг «Жизнь животных» Альфред Брем немногим более ста лет назад отмечал, что кайманы в Америке представляют огромную опасность, поскольку нападают на стада домашних животных. В сухое время года сотни и даже тысячи кайманов собирались в более глубоких, еще не высохших болотах, и тогда индейцы устраивали на них массовые облавы. В день уничтожалось 300—400 животных. Главным оружием индейцев были гарпуны, применялось и лассо. В момент выныривания крокодилов охотник набрасывал лассо на свою жертву на расстоянии 15—20 метров. Охота на рептилий велась самым беспощадным образом, но поскольку все новые и новые группы животных проникали из других районов, то казалось, что конца им нет. В

4—1792

первые десятилетия нашего столетия нашествия крокодилов наблюдались все реже и реже. Луки и стрелы, гарпуны и копья уступили место оружию сильному и неотразимому. Охотники, вооружившись многозарядными огнестрельными карабинами, довольно легко уничтожали животных. Достаточно сказать, что в штате Луизиана (США) за период с 1940 по 1957 год добыто более полумиллиона аллигаторов.

Знаем ли мы крокодилов?

Крокодилы относятся к отряду водных пресмыкающихся и являются близкими родственниками динозавров, не доживших до наших дней всего каких-нибудь 60 миллионов лет. Крокодилы отличаются каннибализмом: сильные особи пожирают более слабых.

В наше время существуют три семейства: аллигаторы, гавиалы и настоящие крокодилы. Природа наградила аллигаторов короткой приплюснутой пастью; гавиалы обладают узким длинным рылом, почти как нос у рыбы-пилы; у настоящих крокодилов длина пасти средних размеров, они представляют как бы промежуточный вид между аллигаторами и гавиалами. В каждом семействе несколько видов и подвидов. Отличаются они в основном некоторыми внешними элементами, размерами, достигнутыми к зрелому возрасту, и другими сравнительно малозаметными деталями: например, различным количеством зубов, расцветкой — чередованием светлых и темных пятен на коже, которая покрыта крупными роговыми щитками, и т. д.

Эти семейства насчитывают 21 вид животных, обитающих в тропической и субтропической зонах. Самые крупные из них — гавиалы — достигают 6—8 метров.

Гавиалы облюбовали Индию и еще несколько восточных стран. Аллигаторы предпочитают Центральную и Южную Америку. Настоящие крокодилы распространились достаточно широко и встречаются в Америке, Африке, Австралии.

Зоологи не баловали крокодилов своим вниманием: слишком непростой объект исследования. Наблюдения за ними были очень малочисленными, описания — весьма противоречивыми. Сейчас специалисты, изучая жизнь крокодилов в питомниках, стремятся установить все тонкости их развития.

Нет ясности относительно продолжительности их жизни. По сведениям одних естествоиспытателей, она достаточно велика и составляет около 150 лет, другие склоняются к более скромным цифрам и отмечают, что животным природой отпущено не более 80—100 лет.

По наблюдениям зоологов, миссисипские аллигаторы, содержащиеся в неволе, к восьми годам жизни достигают 2 метров в длину, а в пятнадцатилетнем возрасте их размеры составляют почти 4 метра. Высказаны предположения, что в природных условиях они растут быстрее, чем под контролем человека. Очевидно, своеобразие среды заповедника влияет и на продолжительность их жизни, хотя до конца это еще не выяснено.

На территории Кубы обосновались два вида семейства настоящих крокодилов: острорылый и кубинский, достигающие 3 мет-

ров. Встречаются и пятиметровые экземпляры, но крайне редко. Кубинские крокодилы распространились во многих реках, большинство из которых не очень полноводные, а в засушливые годы часть из них полностью пересыхает.

Крокодилам для усвоения пищи крайне необходима вода. Любую добычу они стремятся вначале увлечь в воду и только потом проглатывают. Животные всегда держатся рядом с водой, хотя дышат они легкими, но вода им необходима так же, как воздух. Оптимальная температура, при которой в организме крокодила активно идут процессы жизнедеятельности, составляет плюс 30—35° С. При температуре плюс 38—40° С крокодилы длительное время жить не могут и погибают. Вода спасает крокодилов от перегрева.

Понижение температуры в тропических странах в зимнее время создает особые условия для жизни крокодилов. Они приспособились к этим трудностям очень своеобразным способом. При температуре ниже плюс 20° активность их замедляется настолько, что эти животные как бы засыпают. У них наступает состояние оцепенения, или анабиоза, которое может продолжаться несколько месяцев, пока температура не повысится до плюс 24—26°. Такое состояние напоминает зимнюю спячку медведей, но есть здесь и большое различие. Внешние раздражители способны разбудить медведя, он даже может выбраться из берлоги и напасть на возмутителей его спокойствия. Крокодилов же может разбудить только тепло. Они находятся как бы в замороженном состоянии, мышцы и тело становятся совершенно твердыми, хоть складывай их штабелями, как поленца или бревна.

Во время ирригационных работ при расширении русла одной из рек, недалеко от Гаваны, на илистом дне было обнаружено десятка два мирно «спящих» крокодилов. Они закопались в ил и преспокойно «дремали», дожидаясь лета. Строители вытащили всех на берег, выполнили намеченные работы по углублению и расширению русла и опять положили крокодилов на дно реки.

Об этом же в прошлом веке писал немецкий естествоиспытатель Александр Гумбольдт:

«Ниже того места, где в Ориноко впадает Рио-Араука, крокодилы появились в огромном количестве, особенно много их было против большого озера, соединяющегося с рекою Ориноко. Индейцы сказали нам, что эти крокодилы пришли сюда с суши, где они лежали, закопавшись в ил саванны. С первыми ливнями они пробуждаются от своего оцепенения, немедленно собираются в общества и направляются к реке, достигнув которой снова рассеиваются.

Таким образом, мы видим, что в льяносах засуха и жара действуют на животных и на растения, подобно морозам. Некоторые пресмыкающиеся, в особенности крокодилы, не легко оставляют те лужи, где они нашли воду во время выступления рек из берегов. По мере пересыхания этих водоемов крокодилы закапываются все глубже и глубже в ил в поисках влаги, благодаря которой их кожа и панцирь сохраняют свою эластичность. Во время такого покоя они впадают в оцепенение; надо думать, что в этом состоянии доступ воздуха к ним не вполне прекращен и его достаточно для поддержания дыхания».

Дорога в манграх

Рано утром Петронило разбудил меня.

— Быстро грузите все в лодку,— командовал он,— время терять нельзя, дорога дальняя.

Собрали снаряжение и тронулись в путь. Петронило с карабином устроился на носу лодки, его сын Пабло на веслах. Я занял место рулевого. Петронило сосредоточен и молчалив. То вслушивается в тревожные звуки тропических зарослей, то настораживающе поднимает палец вверх...

Наша лодка идет против течения. Пабло мастерски беззвучно загребает веслами. Мне лучше ему не мешать, ведь надо идти очень тихо и осторожно. Вода в реке желто-зеленая, как в болоте, и даже кажется, что она не движется. Конец августа, температура перевалила за 30° С. Влажность такая, словно в легкие вместо воздуха проникает липкая, густая масса. Временами появляется острый запах тухлых яиц — это сероводород — продукт разложения растительных и органических остатков. Очень жарко. Рубашка, пропитанная потом, прилипла к спине, но, стоит ее снять, невидимое солнце начинает безжалостно «утюжить» плечи.

Я всматриваюсь в густые заросли. Русло реки сужается. Весла задевают кусты. Мангры все теснее сжимают узкую протоку свободной воды. Перехватывая руками ветки, проталкиваем лодку в самую гущу зарослей. Мясистые зеленые листья мангр почти закрывают солнце, оставляя лишь слабые просветы. Многочисленные корни-ходули, с помощью которых мангры держатся в жидком илистом дне, напоминают ветви среднеазиатского саксаула.

— А вон, взгляните,— говорит Петронило,— какие повсюду из воды торчат столбики среди зарослей. Догадываетесь?

— Нет,— ответил я, с любопытством поглядывая то на нашего проводника, то на загадочные растения.

— Это воздушные корни-пневматоры, помогающие манграм добывать дополнительный кислород из воздуха. Вода здесь очень насыщена сероводородом, в процессе гниения активно поглощается кислород, которого и так недостаточно. Потому и рыба живет только в низовьях реки, где кислорода содержится больше одного миллилитра на литр, а ведь нормальное его содержание 5—6 миллилитров на литр воды. Вот так природа устроила манграм дополнительное питание.

Петронило улыбнулся и, что-то припомнив, добавил:

— В критической ситуации природа находит выход, и часто более рациональный, чем люди.

— Смотрите,— насторожился Пабло и поднял весла. Впереди плыл крокодил. Я смотрел, затаив дыхание, на этого первого в моей жизни крокодила, которого я видел на свободе, а не в зоопарке. Из воды торчали только глаза и ноздри. Четыре маленьких «перископчика» резали воду, оставляя четыре узкие полоски. Могучее тело крокодила было спрятано под водой. Неопытный глаз мог принять эти полоски за следы четырех жуков-плавунцов, но только неопытный... Четыре точки двигались быстро и бесшумно, лишь ниточки встревоженной воды

тянулись за ними. Я попытался представить, каких размеров этот крокодил: может быть, три, четыре метра или даже пять. Сильное и могучее тело скрыто от наших глаз зеленоватой водой. Когда этот «айсберг» достаточно приблизился к носу лодки, Петронило вскинул карабин и выстрелил. Вода забурлила. Еще выстрел! Пабло энергично заработал веслами. Я схватил пятиметровый багор и замер на мгновение...

— Вот здесь, вот здесь!— крикнул Петронило. Я неистово начал ощупывать «кошкой» вязкое дно.

— Быстрее разворачивай лодку!— крикнул проводник сыну и выстрелил еще раз. Багор мой увяз в тине, ничего не обнаружив. Только чувствовалось, что глубина большая.

— Дна не достаю, как же быть...— сокрушался я.

Петронило махнул рукой и улыбнулся:

— Ушел, конечно, ушел. Не так-то просто добыть крокодила. А вы как думали?

Я пожал плечами, очень сожалея о неудаче.

— Ничего,— успокаивал меня Петронило,— это хорошая примета. Если первый крокодил уходит, значит, остальные все будут наши.

Лодка вошла в густые заросли, и лишь узкая протока воды давала нам возможность, хотя и не быстро, двигаться вперед. Петронило показал мне на лазы, проделанные в мангровой чаще.

— Это работа крокодилов. Иногда они выбираются из воды погреться на солнышке. И как ни странно, всегда спят с открытой пастью. Вот тут и охотиться на них, если удастся подойти бесшумно. Но спят они очень чутко.

Пабло, сосредоточенно работая веслами, добавил:

— На прошлой неделе двоих удалось подстрелить таким образом.

— Хорошим признаком присутствия крокодилов,— продолжал Петронило,— служат маленькие белые цапли-санитары. Они очень любят склевывать у спящих крокодилов остатки пищи с зубов. Занятие это, конечно, небезопасное; чуть дальше птаха просунет клюв — челюсти моментально захлопываются.

Потом я узнал, что открытая пасть крокодила способствует повышенному испарению и является своего рода терморегулятором, защищая тело животных от перегрева.

Петронило заторопился:

— Быстрее, быстрее,— и вдруг поднял палец.— Слышите?

Раздался странный гортанный звук, потом еще несколько таких же звуков. Густые звуки, напоминавшие рев, угасали где-то далеко в зеленой чаще мангр.

— Крокодил,— утвердительно кивнул головой проводник.— Иногда, чаще весной, они устраивают неплохие концерты. Молодые крокодилы кричат совсем по-другому. Они квакают, как старые лягушки, порой даже трудно их различить: кто это — лягушки или молодые крокодильчики.

— А это что за звуки?— Я стал отчетливо различать гулкое жужжание.

Мои спутники загадочно посмотрели на меня. Пабло вытащил из уключины одно весло и ловко орудовал им, стоя на носу

лодки. Заросли впереди расступились, образуя как бы широкую заводь. Странный шум все усиливался.

— Что же это такое?— теряюсь я в догадках.

— Сейчас увидите,— ловит мои мысли Петронило.

Слева по ходу лодки уже виден обрыв метров шести—восьми. В верхней его части прикреплены огромные серые шары, располагаясь в двух-трех метрах друг от друга. Жужжащий гул исходил именно из этих «архитектурных» сооружений, сделанных с большим искусством.

Подруливаем поближе. Всматриваюсь — и глазам не верю.

— Ба, да это же пчелы!

Дикие лесные пчелы. Около каждого шара их, наверное, тысячи. Трудно поверить, что возможно такое скопление пчел, но они вот, передо мной. Самые настоящие...

— Понятно, в чем дело?— хитро смотрит на меня Петронило.

Я все еще недоумеваю: «Откуда? Как? Почему пчелы здесь?»

— Ну надо же им где-то жить, вот они и пристроились недалеко от меня, конечно в надежде, что я их буду охранять,— шутит Петронило.— Охранять-то я их, конечно, охраняю, но и медом им приходится делиться.

Вокруг каждого шара, прикрепленного к обрыву, буквально облако пчел. Они непрерывно прилетают и улетают. Так стайки и движутся: туда-сюда, туда-сюда.

Я просто поражен этой картиной: вот так, по соседству с крокодилами, обосновались пчелы. Семьи их с каждым годом разрастаются, молодые отделяются от старых, и все новые шары-дома растут на крутом берегу реки Сантьяго.

Наша лодка врезалась в береговой песок и замерла. Мы сошли на землю. Петронило и Пабло стали прилаживать лестницу из бамбука, а я, закинув голову, смотрел на огромные ульи, достигавшие в диаметре около метра. Трудолюбивые пчелы не обращали на нас внимания и спокойно продолжали заниматься своим делом. Петронило с дымящейся тряпкой в руке поднялся по шаткой лестнице и, отгоняя пчел, отсек ножом часть сотов.

— Держите ведро!— крикнул он.

Пабло точно подхватывал ведром тяжелые куски душистого сотового меда. Я удерживал лестницу, которая была верхом строительного совершенства, поскольку сделана без единого гвоздя: бамбуковые перекладины крепились веревками из пальмового волокна. Петронило продолжал ловко отсекать куски сотов от других шаров, наполняя ведро.

— Хе-хе, первая добыча,— произнес он, опустившись на землю.

— Это не вредно для пчел?

— Нет, почти нет,— успокоил меня Петронило,— пчелы восстанавливают свои шары за несколько недель. Попробуйте, такого вкусного меда вы, наверное, никогда не ели.

Я согласился. Мед был действительно на редкость ароматный: ведь пчелы добывали нектар из цветов, которые растут здесь, на Кубе, в жарких и влажных тропиках.

— Мед пахнет орхидеями,— сказал я, улыбаясь.

— Так оно и есть,— подтвердили мои спутники.

Крокодилы нас ждут

Мангры, распустив свои полузатопленные корни-ходули, окончательно перегородили нам путь. В двух местах лодку пришлось тащить волоком по мангровому настилу.

— Ничего, осталось уже немного,— бодро замечал Петронило, когда я, совсем мокрый и просоленный, начинал высказывать сомнения.

— Крокодилы нас уже ждут, сейчас увидите сами,— словно испытывая мое терпение, весело продолжал проводник.

— Правее, правее,— сердился он на сына.

Я тоже помогал выруливать лодку на нужный курс.

— Вот и прибыли.

В зарослях замечаю цепь, соединенную со стальным тросом, уходящим под воду.

— Это еще что за штука?

Петронило потирает руки и ухмыляется, пальцем показывая мне то на фотоаппарат, то на воду. Он молчит. Я приготовился и жду. Пабло перелезает из лодки в заросли и осторожно подтягивает цепь.

— Есть, есть!— радостно кричит он.

Цепь натягивается, из воды показывается раскрытая, очень зубастая пасть. Маленькие зеленые глазки зло смотрят на нас. Крокодил! Живой, настоящий крокодил!

Пабло тем временем вытянул крокодила из воды уже наполовину. У пленника свирепый вид, он кажется мне каким-то необычным, сказочным существом. Вернее, я еще до конца не осознал, что передо мной настоящий и грозный зверь, способный ударом хвоста свалить буйвола. Крокодил агрессивно открывает и закрывает пасть, усыпанную трехсантиметровыми зубами. Он сопротивляется со страшной силой, но цепь и стальной трос сдерживают его буйные порывы.

— Хе-хе, готов, голубчик!— кричит счастливый Петронило. Крокодил висит на стальном тросе в метре от воды, бьет хвостом, но прочная «удочка» крепко держит его.

— А не сорвется?

— Конечно, нет.

Иногда крокодил достает до лодки могучим хвостом, и ее борт трещит. Того и гляди, старая лодка рассыплется. Спешно фотографирую, но вряд ли что получится: мангры слишком густые и света совсем мало.

Стальная леска крепко держит еще не очень ослабевшее животное. Крокодил уже не кажется мне таким грозным и сильным, как в первое мгновение. И все же это крокодил. Настоящий, живой трехметровый крокодил! Не меньше получаса держал его на весу Пабло — крокодил должен обессилеть. Затем все вместе крепко связали ему пасть, лапы, хвост и втащили в лодку. Килограмм на сто пятьдесят, пожалуй, потянет. Даже связанный и усмиренный, крокодил заставляет относиться к себе с большой осторожностью. При всяком прикосновении чувствуешь, как напрягаются его мышцы, и кажется (во всяком случае, мне), что крепкая веревка из агавы вот-вот разорвется. Тогда нам несдобровать.

Пабло проверил и еще туже затянул узел, но я все же стараюсь держаться подальше от зубастого трофея. Вдруг крокодил напрягся и стал делать резкие и сильные движения хвостом, насколько позволяла обхватившая его веревка.

— Это ничего, это нервиоз,— говорит Пабло.

— Какой там нервиоз!— восклицаю я.— Еще немного, и я вылетел бы из лодки, был бы тогда нервиоз!

Петронило между тем рассказывает о древнем способе ловли крокодилов. Еще его деды и прадеды ловили крокодилов на крючки. Этот способ применялся в южных странах с очень давних времен. Он основан на том, что крокодилы, как и акулы, хватают все подряд. Очень уж они неразборчивы, и за это им приходится расплачиваться. Крючки обычно расставляют, крепко привязав их к деревьям на берегу. В качестве наживки используют в основном птицу, можно и рыбу, но птица для крокодилов — деликатес, и поэтому на такую приманку они попадаются быстрее. У крокодила практически нет языка,— пищу с крючком он хватает и моментально проглатывает.

Петронило время от времени дергает за лески, крокодил открывает глаза, полные «слез», и с грустью смотрит на нас, как бы подтверждая, что все сказанное о нем — сущая правда, без прикрас...

Мы торопились осмотреть все наши снасти, и Пабло налег на весла. В этот день улов оказался весьма солидным. Петронило был прав: крючки — штука надежная. Мы сняли еще трех крокодилов. Все они будут отправлены на заготовительные фермы.

Смеркается. Наша лодка, с трудом выдерживая такой груз, захлебывается при каждом сильном ударе весел. Надо поторапливаться. Густая и тяжелая от влаги темнота не сулит ничего хорошего запоздалым путникам. Пабло и Петронило налегают на весла.

Выбираемся на берег у дома Петронило уже в полной темноте. Но спать ночью не придется. Здесь же, на берегу, мы принимаемся свежевать крокодилов. Керосиновый фонарь еле светит, а снять шкуру не простое дело. Петронило показал мне, как надо пользоваться специальным ножом, и дело пошло.

Эрнестина, жена Петронило, разожгла костер и возится с ужином.

— Вы такого еще не пробовали никогда,— уверяет она. Я вспоминаю несколько известных мне кубинских блюд.

— Что вы, что вы, совсем не то!— машет она руками.

Мы все чувствуем, что ужасно устали и очень голодны.

— Ну что? Пробуйте,— лукаво произносит хозяйка. Я начинаю догадываться.— Неужели это... жареный крокодил?..

— Да, это действительно крокодил,— говорит Эрнестина. Проглатываем по большому куску отличного бифштекса.

— А вы знаете, очень вкусно. Жаль, что в Москве в магазине «Дары природы» мясо крокодила бывает крайне редко...

— В самом деле бывает?— изумляется Эрнестина.

— Нет, конечно. Это шутка,— вносит ясность Петронило и рассказывает мне, что в пищу употребляется в основном мясо хвостовой части. Хвост имеет крестообразные позвонки, с них и снимается четыре длинных полосы прекрасного мяса. Однако мясо, которое можно употреблять в пищу, у крупного крокодила составляет всего 10—15% от общего веса. Приготовленное мясо — белое и внешне напоминает рыбу, но вкусом больше похоже на говядину.

Мы сидим у костра, восторгаемся бифштексами из крокодилов и пьем чай с ароматным медом диких пчел. Со стороны Сантьяго после безумной дневной жары потянуло прохладой. Шумит Атлантический океан, ветер доносит приглушенные раскаты волн. Океан, кажется, то рыдает, то плачет, то стонет... Где-то кричат крокодилы, выйдя на ночную охоту. Удивительный, необъятный и загадочный мир окружает нас. Я смотрю в добрые и немного грустные глаза человека, с которым судьба столкнула меня на охоте за крокодилами.

Прошу Петронило рассказать об охоте на самого крупного крокодила за всю его многолетнюю практику.

— О, компаньеро, это было лет пять тому назад! — воскликнул мой собеседник.— Мы шли с группой охотников по болоту. С трудом пробирались через очень густой и колючий кустарник. Неожиданно крокодил-гигант, притаившийся в зарослях, бросился на моего друга Луиса. Несколько метров хищник пролетел по воздуху, ломая ветки. Карабин Луиса висел на плече. Снять его он не успел и обманным движением отпрянул в сторону. Я, к счастью, держал карабин в руках. Стрелял почти в упор, на расстоянии не более трех метров. И хотя крокодилы очень живучи, но две пули попали в голову гиганта, и это спасло Луиса. Вообще крокодилы очень осторожны и коварны, достаточно сказать, что они часами способны, затаившись, лежать в трясине и только глаза-«перископчики» да ноздри незаметно приподняты над водой. Животные обладают мгновенной, взрывной реакцией, и их атаки почти неотразимы. Вот вам кажущаяся вялость и медлительность... Тот крокодил оказался уникальным — пять с половиной метров. На Кубе это большая редкость. Чтобы вы не сомневались, я приготовил вам в качестве сувенира несколько зубов того самого гиганта.

Петронило протянул мне пакет, и я с благодарностью принял подарок. Это были уникальные пятисантиметровые зубы каймана.

После ужина мы снова взялись за работу: к утру нужно успеть снять и засолить шкуры. Несмотря на ночную прохладу, мы взмокли от работы. Ужасно устали пальцы, так как шкуру приходится постоянно натягивать и подрезать. Наконец приступаем к последней туше и в ней обнаруживаем пять яиц. Обычная скорлупа, белая и тонкая. По форме яйца напоминают утиные, но еще более продолговатые и похожи на коконы тутового шелкопряда. Каждое весит 80—90 граммов. Петронило укладывает их в корзину с илом — тоже на ферму. У некоторых крокодилов, но не у всех мы обнаружили внутри около 2—3 килограммов камней.

— Предполагают, что это балласт,— говорит Петронило,— он служит для быстрого погружения в минуты нападения на добычу.

Уже под утро легли спать. Я долго не мог заснуть, переполненный впечатлениями от всего, что мне довелось увидеть за эти такие обычные для моих друзей-кубинцев сутки.

Возвращение

Когда я улетал из Гаваны в Москву, Петронило пришел проводить меня и передал мне небольшую коробку.

— Это сувенир. На память о Кубе. Потом посмотрите.

Я сгорал от любопытства, но Петронило говорил:

— Хе-хе! Ничего, потерпите.

В самолете не сдержался, открыл коробку и не поверил своим глазам. Маленький живой, настоящий крокодильчик, удивленно посматривая на меня большими зеленоватыми глазами, открывал пасть, усыпанную мелкими зубками, и двигал хвостом...

С таким прекрасным «попутчиком» я вернулся в Москву.

* * *

Крокодильчик со временем занял свое место в зоопарке, а о незабываемых днях охоты на реке Сантьяго напоминает мне огромное чучело трехметрового крокодила у меня дома. Тот самый наш первый охотничий трофей, который мы добыли с Петронило и его сыном Пабло... Глядя на него, я вспоминаю об удивительных днях, проведенных в поисках крокодилов в непролазных зарослях мангровых лесов, цепко обхвативших узкое русло реки Сантьяго.

В этой, казалось бы, неприметной реке крокодилы, как и раньше, живут на свободе, но этим они обязаны прежде всего людям — прекрасным, мужественным, которых мне довелось повстречать на Кубе.

Владимир Бардин

В пасти Дракона

ОЧЕРК

Художник С. АСТРАХАНЦЕВ

1

За годы работы в Антарктиде всякое приключалось со мной и моими товарищами. Одни случаи позабылись, другие до сих пор в памяти, как будто все это было вчера...

Исследования в горах и на ледниках шестого континента уже сами по себе чреваты неожиданностями. А кроме того, что греха таить, случается порой рисковать, ошибаться, неверно оценивать обстановку, принимать опрометчивое решение, переоценивать свои силы... и нежданно-негаданно на тебя сваливается приключение.

...Мы работали тогда в горах Принца Чарльза на озере Радок. Место фантастическое. Гигантская впадина с крутыми склонами из гранита на западе и песчаника на востоке. Тектонический шов, провал в земной тверди, дно которого заполнено водой. Здесь, в глубине антарктического оазиса, среди хаоса каменных глыб, ничто не напоминало о могучем ледниковом покрове, со всех сторон окружавшем горный массив. Мы были, казалось, отрезаны от всего на свете.

Круглые сутки вокруг нас, задевая за соседние вершины, крутилось низкое полярное солнце. Даже в полночь можно было читать. Правда, четверо из нашей пятерки в это время спали. Лишь механик Борис, по прозвищу Железный Боб, страдавший бессонницей, наблюдал эту полуночную красоту. Он говорил, что мы много теряем: ночью в небе на облаках дивные краски, на вершинах курится поземка, будто седые пряди, а лед на озере так трещит, словно стреляют из пистолета. «Если бы не храп Будкина,— утверждал Борис, задорно поглядывая на посапы-

вающего на раскладушке геолога,— то картина просто неземная».

Борис был фантазер и мечтатель, но это ничуть не мешало ему оставаться прекрасным механиком. В том, что нам удалось измерить глубину озера Радок, оказавшегося самым глубоким в Антарктиде — 346 метров, была немалая его заслуга. Лебедка, электростанция и прочее оборудование, которым мы пользовались, работали безотказно. А сам Борис, с виду щуплый, невысокий, обладал недюжинной силой и выносливостью, способен был свернуть горы, особенно если находился в настроении. Он присоединился к нашей группе, прибывшей в Антарктиду на летний период, после зимовки на Молодежной. Чуткий и отзывчивый, Борис всем своим существом был полной противоположностью насупленному Будкину, вечно всем недовольному.

Будкин работал, как он нам сообщил, по очень важной тематике. К нам он поэтому нисходил с высоты своего важного положения. Рот его кривился в иронической усмешке, когда кто-нибудь с жаром говорил о своей работе. Впрочем, чувство юмора у Будкина пропадало, если задевали его собственную персону. Вот и сейчас на безобидные слова Бориса о храпе он отреагировал без улыбки, сбросил с плеч малиновое одеяло и направился к выходу. Будкин был явно не в настроении. И не столько из-за того, что у него вдруг расстроился желудок. Он был раздосадован тем, что его, старшего по возрасту и, как он считал, наиболее опытного, не назначили начальником лагеря.

Потому Будкину не нравилось решительно все: место для лагеря выбрали скверное, палатку поставили наперекосяк, погода — дрянь, а в довершение всего выяснилось, что мы забыли на базе аптечку. Узнав об этом, Будкин смерил меня таким взглядом, что я готов был провалиться сквозь землю: как начальник, я теперь за все нес ответственность. В конце концов мне удалось связаться по рации с базой. Оттуда в самом скором времени, как только распогодится, обещали выслать с вездеходом необходимые снадобья.

На этот вездеход, кроме всего прочего, у нас были особые планы. С его помощью мы рассчитывали совершить несколько дальних маршрутов. Будкин прямо сказал: задание у него ответственное, так пусть ему машину обеспечат. Без нее ему тут делать нечего. Меня даже покоробила такая категоричность. В прошлые годы в горах Антарктиды мы работали чаще всего без наземного транспорта. Самолет или вертолет доставлял нас в намеченный район, а уж дальше приходилось рассчитывать на собственные ноги. Вездеход я воспринимал как слишком дорогой подарок, который нужно беречь. Маршруты в антарктических горах, где сам черт голову сломит, не сулили машине долгой жизни. К тому же наш ГАЗ-71 был далеко не нов. Доставили его в горы с большими трудностями на вертолете. Вездеход верно служил нам, урча бегал по снежникам и ледникам, но заставлять его ползать среди нагромождений каменных глыб оазиса было немилосердно, ведь машине предстояло работать тут еще и на будущий год. Скрепя сердце я все же поддержал Будкина. Он был прав: без вездехода достичь окружающие озеро Радок вершины нечего и думать.

К западу от лагеря находилось плато, попасть куда было моей давней мечтой. Там, близ вершины вздымающегося над озером горного массива, на темных гранитах залегали какие-то светлые породы. С расстояния нескольких километров они казались похожими на толщи древних ледниковых осадков — морен. Изучение их позволило бы приоткрыть неизвестные страницы истории оледенения Антарктиды — самого могучего ледникового покрова нашей планеты.

Большинство гляциологов — специалистов, изучающих ледники,— занимаются проблемами их современного развития. И конечно, всех интересует прогноз: как будет вести себя данный ледник в ближайшем и отдаленном будущем? Однако прогнозировать поступательное развитие явлений природы — задача весьма сложная. Для того чтобы обоснованно предсказать будущее, чаще всего необходимо знать прошлое. В данном случае — познакомиться с «биографией» ледника, то есть историей его развития. Сбор такого рода «биографических» сведений нелегок. За давностью лет трудно восстановить истину. Наиболее весомые свидетельства былой деятельности оледенения — моренные отложения: валуны, галька, песок — тот материал, который ледник нес когда-то в своем теле. Обычно в антарктических оазисах, располагающихся на периферии континента, мощные толщи морен встречаются редко. Лед в прибрежной части движется быстро: его воздействие на каменное ложе можно сравнить с работой бульдозера. Содранные со скал обломки уносятся вместе со льдом на север, к океану.

Вместе с айсбергами антарктические породы совершают путешествия порой за тысячи километров от своей родины, постепенно вытаивая из ледяных глыб. Айсберговые осадки, накопившиеся на дне морей, омывающих Антарктиду, иной раз оказываются единственными свидетельствами, по которым судят о том, что происходило на самом материке. И тут, конечно, трудно исключить неточности и ошибки. Вот если бы разрезы ледниковых отложений удалось обнаружить непосредственно в самом антарктическом оазисе, так сказать в центре событий, все было бы гораздо проще.

12 лет назад я обнаружил на склоне ущелья Пагодрома (Буревестников), в четырех километрах от нашего нынешнего лагеря, грандиозные обрывы морен мощностью до 50 метров. Изучение их рассказало о ранних этапах оледенения Антарктиды, отдаленных от современности миллионами лет, ведь антарктическое оледенение не только наиболее мощное, но и самое древнее из ныне существующих: оно возникло около 25 миллионов лет назад! Теперь с особой надеждой я посматривал на светло-серые породы, венчавшие уступ над озером Радок. Их толщина превышала добрую сотню метров. А что, если это древние ледниковые осадки!

Загадочный район находился по другую сторону озера, как раз напротив нашего лагеря. Подняться туда в лоб, по почти отвесным уступам, невозможно. Оставался длинный путь в обход озера, крюк километров в двадцать пять. Совершить его пешком не хватит сил. Вот если бы меня подвез на край плато вездеход, я бы уж нашел возможность спуститься и вернуться домой — по

прямой, через озеро, расстояние в два раза короче. При взгляде из палатки эти планы казались мне вполне реальными.

По утрам обрывы над озером озарялись солнцем и выглядели особенно эффектно. Заинтриговавшая меня серая толща была рассечена лощинами, и лежащий в них снег словно фосфоресцировал. Издалека казалось, будто белые клыки сияют в теле темной горы. Назвал я это место на вершине плато Зубы Дракона. Борису название понравилось. Будкин, конечно, только усмехнулся. Но разве ему угодишь?

В прошлую экспедицию попасть на Зубы Дракона не удалось. Вот и сейчас наша работа в районе озера Радок подходила к концу. Вездеход, спешивший к нам с аптечкой для Будкина, предоставлял единственную возможность для такого путешествия, своего рода последний шанс.

Я перебирал в уме различные варианты. Нас в лагере пятеро. Двое, механик Борис и гидролог Саша, должны заканчивать промеры на озере. Будкин со своим помощником выполняет ответственное задание по космической тематике и без вездехода, понятно, обойтись не может. Значит, желающего пойти со мной взять неоткуда. К счастью, свой маршрут Будкин проложил близ Зубов Дракона. Отлично! Его вездеход подбросит меня по пути на плато, оттуда за час-другой я доберусь до загадочных обрывов. А уж обратно под горку возвращаться будет веселей. Спущусь к озеру, там гладкая дорога до самого лагеря. Конечно, это нарушение экспедиционного правила, запрещающего ходить в одиночку. Но ведь правила, известно, немыслимы без исключений. В антарктических оазисах нет таких опасностей, как на леднике, где исследователя подстерегают коварные трещины. В оазисе под ногой земная твердь. Важно только не сорваться со скалы, не сломать ногу. Риск, конечно, остается. Мало ли какая напасть может приключиться с тобой в маршруте!..

Зубы Дракона вызывающе смотрели прямо на лагерь, сверкали с высоты, дразнили своей мнимой близостью и доступностью. И я принял решение. Здесь, в нашей палатке на берегу озера Радок, я мог взять всю ответственность на себя. «Сейчас или никогда!» Для меня это было равносильно гамлетовскому «быть или не быть?».

2

Послышался гул вездехода. Я вылез из палатки. Зеленоватая машина показалась из-за горба ближайшей сопки, словно жук-бронзовик полз по серым скалам, уступами спадавшим к нам в котловину. Не подвел Иван-вездеходчик, прибыл вовремя. Нужно не мешкая собираться в маршрут.

Ветер так и не стих, но у палатки на солнце стало вполне сносно. Саша с Борисом отправились на озеро. Будкин с помощником и я пошли к вездеходу. Будкину я предложил занять место рядом с водителем — самое удобное, теплое и почетное, «генеральским» у нас называется. Начальник базы там обычно восседает. Но сейчас, решил я, оно принадлежит Будкину по праву. Он давно к этому маршруту примерялся, намечал по

аэрофотоснимкам дорогу. Я же транзитный пассажир, меня высадят на краю плато, где торчат Зубы Дракона. Дальше пешком, пусть медленно, но надежно. Места там даже для вездехода непроходимые.

Будкин повертел в руках аэрофотоснимок, уточняя, куда меня нужно подвезти. Недовольно заметил, что это километра три крюк от его маршрута, но, очевидно, потрясенный тем, что я предложил ему «генеральское» место, не стал спорить. А может, так на него бесалол подействовал: ведь сразу горсть таблеток проглотил.

Я забрался вместе с помощником Будкина в кузов — темный деревянный короб с крохотным окошком под самой крышей, и мы покатили. Сначала весело и гладко по снежникам, забившим верховья ущелья Пагодрома, а потом все тяжелее, с натужным гулом по каменным волнам антарктического оазиса. Сквозь оконце видно: карабкаемся вверх по склону. Слышно, как хрустят плитки песчаников под гусеницами. Машина задирает нос, словно встает на дыбы.

Неожиданно вездеход остановился, и из кабины выскочил Будкин. Что случилось? Я теряюсь в догадках. А Будкин лезет в кузов, предлагая мне занять «генеральское» место. Он возьмет командование на себя только после того, как меня высадят. С чего бы такая галантность? Я озадаченно моргаю глазами и, взяв планшет с картой, залезаю на теплое, удобное место к Ивану. Тот берется за рычаги. Кричит, что ему мешать не надо, он сам разберется, где ехать. Нужно только указать конечную точку. Похоже, у него с Будкиным уже вышел серьезный конфликт, неспроста тот уступил мне место.

Обзор из кабины на славу, не то что из кузова. Вскоре мы вползаем в удивительную котловину. По склонам ее рядами тянутся уступы, словно в гигантском амфитеатре. На дне голубеет озеро. Я кричу Ивану, чтобы он обратил внимание на эту первозданную красоту. Но он меня не понимает, трогает рычаги и направляет машину вверх по снежнику. Это совершенно не совпадает с дорогой, намеченной Будкиным. Тут на пути должны встать обрывы к озеру Радок. Оно длинным коленом вдается сюда с юга. Я показываю Ивану — сворачивать рано. Он машет рукой — ничего, разберемся. «Там пропасть!» — кричу я ему в ухо. Из кузова уже подает панические звонки Будкин (есть там специальная кнопка). Иван нехотя сдается. Вездеход, пробуксовав одной гусеницей, снова сворачивает в котловину.

Смотрю аэрофотоснимок. Он не ахти какого качества, да и масштаб мог бы быть покрупнее: в 60 тысяч раз все уменьшено. Отыскать проход среди сопок по такой фотографии не просто. Но пожалуй, можно сократить путь, склон не так уж крут. Объезжать по ложбинам, как наметил Будкин, лишних километров пять. И я показываю Ивану — можно поворачивать. Вездеход снова начинает карабкаться в гору. Будкин еще дважды пытается звонить, но Иван не реагирует.

Дорога прескверная. Медленно одолевает вездеход подъем на плато. Валуны на пути крупные, приходится то и дело маневрировать. Жалко машину, да и от маршрута Будкина мы сильно отклонились. И я представляю: сидит он, как цуцик, в кузове, его

трясет, подбрасывает на ухабах, апеллирует он к своему помощнику, а тот мычит флегматично и жует что-нибудь по обыкновению.

Терзаясь угрызениями совести, кричу Ивану, чтобы остановился. До того Зуба Дракона, который меня интересует, еще километра четыре, но уж лучше я пройду их пешком, а Будкин пусть не мучается.

Иван останавливает вездеход. Я смотрю на часы — одиннадцать. «К восьми вечера,— говорю Ивану,— буду в лагере». Уверенно так говорю, благодушно. Отогрелся на «генеральском» месте, накопил сил. Прямо как герой песни, которую напевает Будкин в те редкие часы, когда бывает в настроении: «Я проснулся в шесть часов, как младенец, без трусов. Молодой и озорной антарктический герой!»

Но сейчас Будкину не до песен. Выбрался он из кузова, зубы стучат, машет руками, почему поехали не там, где он наметил, зря, что ли, он старался корпел над снимками. Самую дрянную дорогу выбрали, тряска такая, что он язык прикусил, и заехали к черту на рога!

— Не к черту, а к дракону,— пытаюсь унять я его.— Мне отсюда ближе километра на три, чем от снежников, где ты собрался меня оставить.

— Так ведь нужно думать не только о себе! — орет Будкин.

— Вот именно! — кричу я в ответ.

Разговариваем мы на повышенных тонах еще и по той причине, что на плато сильнейший ветер. Он уносит слова, гонит их вниз, к обрывам озера Радок. А чуть выше по сопкам, куда собрался в маршрут Будкин, метет поземок. Точно подметил Борис: словно седые волосы струятся по камням.

— Работать в таких условиях — дурацкое занятие,— сокрушается Будкин.— Как в аэродинамической трубе. У меня однажды ветром молоток чуть не унесло. Аэрофотоснимки достать нельзя — порвет в клочья.

И он смотрит на меня, как будто именно я виноват в том, что здесь такое творится. Дискутировать мне с ним некогда. Наконец-то я оказался вблизи Зубов Дракона. И погода кажется мне вполне сносной. А что Будкину кипятиться? С ним рядом вездеход. Замерз на скалах — ныряй в кабину на «генеральское» место. Сиди отогревайся!

И, набросив на меховой шлем капюшон своей оранжевой штормовки, я поворачиваюсь спиной к Будкину и шагаю вперед, к логову Дракона.

3

После тепла кабины ледяной ветер особенно ощутим. Солнце сияет в небе, но уже совсем не греет. Стоит середина февраля — антарктическая осень, вот и входят в раж стоковые ветры. Иду вдоль обрывов, прикрывая лицо рукавицей. Дыхание спирает от ветра да и от волнения, ведь подо мной Зубы Дракона! Еще немного, и станет ясно, что за породы слагают вершину плато, почему они имеют свой особый цвет. Завеса таинственности,

окружающая грозный обрыв над озером, исчезнет. Дракон станет ручным, домашним. Мне даже становится жалко его, как недавно Будкина, трясущегося в кузове вездехода.

И тут меня начинают одолевать сомнения: реально ли вообще здесь, на высоком плато, найти разрезы ледниковых отложений? В антарктическом оазисе, подобном гористому острову в океане льдов, куда ни глянешь — скалистые сопки. Накопление морен обычно идет в понижениях рельефа, на дне долин, а они не доступны для наблюдателя. Вот когда Антарктида сбросит ледяной панцирь... Но ведь этого не дождешься. Такой процесс если и возможен, то лишь в масштабе геологического времени, по сравнению с которым человеческая жизнь — мгновение.

Конечно, придет пора, будут найдены эффективные способы проникать в глубины антарктических ледников, вести наблюдения непосредственно на подледном ложе. Но произойдет это, думаю, не так уж скоро. Пока же палеогляциологу приходится опираться на редкие находки в оазисах. Морены, открытые в ущелье Пагодрома, были в свое время счастливой находкой, но пока единственной. Мне тогда повезло. Что же ждет меня сейчас на Зубах Дракона?

Сдерживая нетерпение, я стараюсь не торопиться. Оттягиваю миг возможного разочарования. Подойдя к самому обрыву, гляжу на лежащее внизу озеро. Там сейчас работают Саша с Борисом, вертят ручку лебедки, поднимают батометры из глубины. Они уже, наверное, знают, какая температура у дна. Лед озера сверкает на солнце. Стекла моих горнолыжных очков — исцарапанные, треснутые. Видно сквозь них плохо, но зато они защищают от ветра. Где же мои товарищи?

Любопытно: ситуация внизу сегодня совсем иная. Там, где мы недавно ходили по льду,— большая темно-синяя полынья, а в ней глыба, похожая на головку сахара с каймой крошек. В озеро с гор спускается ледник: этой ночью народился айсберг! А вот и темная точка на льду — ребята у лебедки.

Забравшись на приметный валун, машу ледорубом, хотя понимаю: не могут увидеть меня на темном склоне. Но пообщаться хотя бы так, символически, необходимо, ведь сейчас предстоит спуск к Зубам Дракона. А ветер только и ждал моего шага вниз — вздыбился, обдал песком и снегом, уперся в спину, погнал в «драконью пасть». Только бы не споткнуться на валунах, не подвернуть ногу. Самый крайний «зуб» — «мудрости» называю его я — крутая, забитая снегом лощина. Склоны засыпаны валунами. С каждым шагом съезжаешь по осыпи все ниже и ниже, туда, к отвесным скалам, нависшим над озером. Ветер радуется, поет в ушах, как натянутая струна.

Делаю записи в полевом дневнике. Больше для порядка, как положено на каждой новой точке. Что скрыто под осыпями? «Зуб мудрости» не дает ответа, только рождает сомнения: был ли смысл пускаться в этот маршрут? Раскопать осыпь мне не под силу. Тут и бульдозер вряд ли управится: некоторые валуны в рост человека. К тому же каждая минута на счету. Продвигаюсь дальше, к главному «клыку», на который вся надежда. Мне случалось однажды пролетать над озером на вертолете, и центральная часть «драконьей челюсти», приоткрывшись на миг,

привлекла внимание. Но вертолет тряхнуло, и, когда я снова приник к иллюминатору, желанные обрывы отступили в сторону. Ну уж теперь-то я выведаю все тайны Дракона...

Преодолеваю заснеженную лощину. Еще несколько десятков метров вверх. Ветер выносит меня на гребень. Хватаюсь за валун, чтобы остановиться, а то улетишь в преисподнюю. И тут впереди, метрах в 30 ниже по склону, открываются взгляду обрывы со слоями песка и валунов. Долгожданная находка — толща древних ледниковых осадков! То, ради чего я так стремился в это гиблое место!

Я вновь чувствую себя уверенным и сильным. Скорее вниз. Скольжу по осыпи, грохоча обломками. Хорошо, что я надел трикони. Пусть в ботинках холоднее, но зато легче и увереннее чувствуешь себя на склоне. Вот она, древняя морена — плотная, серо-коричневая масса, смесь валунов, песка и глины — груз, который нес когда-то могучий ледник, пересекавший оазис. Лед двигался здесь вниз, к озеру, заполнял целиком его чашу и выплескивался через край дальше на север, к морю. И вот теперь передо мной реальные свидетельства былой мощи оледенения.

Прослои песка и гальки в разрезе говорят о том, что в то время здесь бежали водные потоки. Изучение этого разреза, я надеюсь, расскажет о многом. По сути каждый валун, каждая песчинка древних осадков испытали на себе воздействие тех или иных сил природы, запечатлели в себе следы минувшего. Извлечение этой скрытой информации сродни работе криминалиста. И арсенал лабораторных методов достаточно широк. Но прежде чем начать отбор образцов для анализов, надо выявить общие черты разреза. Без этого потом трудно будет сопоставить факты, соединить их воедино. Вертикальные уступы морен видны только на небольшом участке склона. Они словно оконце, сквозь которое можно заглянуть в прошлое, под чехол осыпей.

Я достаю из рюкзака полотняные мешочки. Оглядываю склон, примеряясь к предстоящей работе. Метрах в пятнадцати надо мной, на уступе, похожем на оттопыренный палец, завис отсвечивающий на солнце валун, словно ноготь с пальца слезает. Вдруг сорвется, понесется эта многотонная глыба прямо на меня?.. В гостях у Дракона всякая чертовщина лезет в голову. Верно говорится: «У страха глаза велики». Камень наверняка сотни лет сидит в таком положении, не шелохнется. Конечно, с каждым годом ветры выедают из-под него песчинки, рано или поздно сила тяжести возьмет свое. Но не сейчас же, не может же быть такого дьявольского совпадения?

Я отвожу глаза от нависшего надо мной валуна и начинаю отбирать образцы. Первый мешочек заполнен. Его содержимое станет обектом комплексного изучения. Образцы с Зубов Дракона для меня как лунный грунт для исследователей космоса. Теперь нужно сделать пометки в полевом дневнике. Лезу в левый карман, где у меня неприкосновенный запас — несколько кусков сахара в полиэтилене и полевой дневник. В кармане пусто?! Из-за собственной рассеянности, очевидно, я переложил его куда-то еще. Приходится терять драгоценное время. Но и в других карманах, в рюкзаке, в полевой сумке дневника нет. И сахара нет. Но черт с ним, с сахаром, а вот дневник! Неужели я забыл его у «зуба

мудрости», где делал последние записи? А что, если выронил по пути? На камнях я несколько раз оступался и падал.

Потерять полевой дневник, где записаны предыдущие маршруты, для меня равносильно катастрофе. Полевые записи не восстановишь, как ни старайся, они утратят свою достоверность. И сейчас я стою перед уникальным разрезом, к которому с таким трудом подобрался. Нужно зарисовать его, пометить места отбора образцов, зарегистрировать все характерные черты этой толщи. И вот дневник, основной документ, пропал. Дело не только в формальном отчете. Мне сейчас просто не на чем записывать, я как солдат без оружия. До этого момента не приходила мысль о рискованности маршрута. Я был занят делом. Теперь впервые я с тревогой подумал об обратном пути. Удастся ли мне спуститься с Зубов Дракона на озеро? Внизу зияют обрывы, туда глянешь — дух захватывает. Обходить вокруг — сил не хватит. Не слишком ли я понадеялся на удачу, не переоценил ли свои возможности?

Смотрю вниз, словно ищу поддержки у работающих на озере товарищей. Далеко до них. Саша, Борис, лебедка слились в одно крохотное пятнышко. Если бы не белизна окружающего фона, не отыскать их взгляду. Но то, что я вижу товарищей, несколько успокаивает. Кажется, что ты не один.

Я снова лихорадочно ощупываю карманы. Чего бы не отдал я сейчас, чтобы дневник нашелся! Нет, чудес не бывает, карманы пусты. И все же нужно сделать попытку его найти. В полкилометре отсюда я делал записи. Оглядываюсь назад, на груды валунов, рассыпанных по склону. Придется вернуться. Хорошо еще, что всего на один «зуб», правда теперь против ветра. Оставив все лишнее, лезу назад. Стараюсь идти прежним путем, но как его восстановишь? Следов на каменистом склоне не отпечаталось. И ветер в лицо. «Мордотык» — так его наш Борис величает. «Гудит проклятый, ярится. Похоже, точно как в аэродинамической трубе. Хотя кто знает, как там, в этой самой трубе? Мне лично там бывать не приходилось, на слово Будкину верю» — такие вот глупые мысли лезут в голову, а я все шагаю, шагаю и глазами обшариваю ближайшие валуны.

Вот снежник, и на нем царапины от триконей, я на верном пути. Вон и валун, привалившись к которому я делал записи, пытаясь укрыться от ветра. Смотрю вокруг, ощупываю взглядом каждый камень — нет ли где приметной красной книжицы? Увы, тщетны мои попытки. Да если бы она упала здесь, на таком ветру, ее мигом унесло бы. Вон у Будкина даже молотки летали. Нужно возвращаться. Найти среди этого моря валунов дневник — задача посложнее, чем отыскать иголку в стогу сена. И тут словно что-то обожгло меня. Я бросаю взгляд в сторону. В щели между глыбами, метрах в пяти на склоне, торчит красный корешок — прочно застрял между двумя валунами. Мой дневник! «Ура!» И словно салютуя моему победному крику, что-то грохочет внизу, среди скал. Эхо? Или мне мерещится?

Обратно я скачу как угорелый: ветер снова мой союзник, вновь у меня отличное настроение, и Зубы Дракона не кажутся такими опасными. Скатываюсь по осыпи прямо к обрыву морены и начинаю работать. Мешочек за мешочком заполняются образцами, записи ложатся на страницы дневника. В самый разгар вдруг

вспоминаю о нависшей сверху глыбе, том самом оттопыренном пальце. Как там поживает «больной ноготь»? Что за чертовщина: огромного валуна и след простыл. Песок только сверху струится, как ручеек, а валуна нет. Свалился-таки, выбрал подходящий момент, когда первый человек объявился на этих обрывах, и загремел туда, вниз, к озеру, с пятисотметровой высоты! А ведь если бы я не потерял дневник, не бегал бы на поиски, что заняло минут сорок, то кто знает... Мистика! Вот уж поистине не было бы счастья, да несчастье помогло. А эхо, грохотавшее в ответ на мое «ура», как раз и было отголоском падения этой глыбы.

Но размышлять о дьявольских совпадениях, удивительных случайностях, победах, оборачивающихся поражениями, и о поражениях, которые приводят к победам, нет времени. До 8 часов вечера — срока моего возвращения в лагерь — осталось два с половиной часа. А я сижу еще в самой «пасти Дракона». Успеть хотя бы до связи с базой в 22.00, иначе ребята начнут волноваться.

Делаю последние записи, укладываю в рюкзак образцы, фотографирую разрез. Кажется, ничего не забыл. Мне уж точно на Зубах Дракона больше не бывать. Эта первая встреча одновременно и прощание.

Теперь остается решить, как добираться до лагеря. Важно выбрать кратчайшую дорогу, найти приемлемый спуск к озеру. Судя по аэрофотоснимку, через два «зуба» вниз, к самой воде, ведет ложбина. Если бы по ней удалось спуститься, мой путь до лагеря сократился бы почти вдвое.

Иначе трудно сказать, когда я добреду домой с таким рюкзаком на ураганном ветру. Нелегко было попасть в логово Дракона, но в этом мне помог вездеход. А вот как выбраться? Тут уж рассчитывать приходится только на свои силы.

Интересно, где сейчас Будкин? Катит, наверное, к дому на «генеральском» месте. А может, уже в палатке сидит, блаженствует в тепле, пьет горячий вкусный чай. При таком ветре работать в горах действительно «дурацкое занятие». А Саша с Борисом наверняка еще на озере, хотя и потерял я их из виду. Интересно, какая температура у дна озера? Вот бы сейчас поговорить, обменяться впечатлениями. Они там вдвоем. Мне же не с кем слово молвить, разве что с Драконом, да тот знай гудит, холодом дышит...

4

Уже больше часа иду я как раз вровень с остриями «клыков». Слева от меня стального с ржавчиной цвета склон, в который врезаны «зубы»; справа, внизу, темные скалы, обрывающиеся к озеру. Там, у их подножия, «дымится» вода. Ветер падает в пропасть с сокрушительной силой и не дает замерзнуть озеру у берега, а уж давно стоят крепкие морозы!

Постепенно все ощутимее тяжесть рюкзака. Хотя и ободряет сознание того, что за спиной уникальные образцы, шагаю я уже не так уверенно. Только бы не подвернуть ногу. Пошатнулся, пополз валун, не стремлюсь во что бы то ни стало устоять, мягко

валюсь на спину, а мой раздутый рюкзак смягчает удар. Со стороны это, наверное, забавно выглядит: барахтается человек среди камней. Смешная песенка Будкина про антарктического героя, как назло, лезет в голову. Веселенький маршрут! Этакая прогулка вдоль челюсти... И ничего похожего на спуск не удается обнаружить. То, что кажется сравнительно пологим на аэрофотоснимке, в действительности доступно разве что скалолазам.

Когда я приближаюсь к краю очередной лощины, чтобы заглянуть вниз — идет ли она до самого озера или обрывается на скалах, ветер особенно яростно подталкивает меня. Кажется, если прыгнешь туда, расправишь руки, как крылья,— полетишь птицей. Там, в расщелинах, гнезда снежных буревестников — они парят внизу, подо мной.

Солнце уже ушло за склон горы, стало сумрачнее и холоднее. А ветер даже здесь, под склоном, все сильнее разгуливается. Вот уже миновал я то место, где, судя по снимку, казалось, можно было спуститься. Нет, там была такая крутизна, что голова шла кругом.

Может быть, отказаться от затеи спуска с этих крутых скал и попытаться выбраться на плато? Я шагнул вверх, но ветер с силой отбросил меня обратно. «Пасть Дракона» не выпускала. И я пошел вдоль склона, переползая с «клыка» на «клык». Впереди оставалось еще два-три «зуба». Дальше, я надеялся, будет все же желанный спуск.

Смотрю на часы. Надо торопиться: близится контрольный срок возвращения. И тут мое продвижение по «драконьим зубам» приостановил обледенелый снежник. Ширина его была метров сто пятьдесят. Шел он от самой вершины плато, а где оканчивался, я не мог разглядеть. Поверхность снежника сияла холодным стеклянным блеском. Она была так крута, что, если поскользнешься — полетишь пулей, через считанные секунды будешь на озере Радок. Только вот в каком виде?

Я сделал несколько шагов вперед, проверяя твердость обледенелой корки. Чуть ниже выступала скала. Там в случае чего можно было бы зацепиться. Шипы ботинок царапали лед и соскальзывали, ноги гудели от напряжения. Если бы не ветер, можно было бы еще рискнуть, вырубая выемки ледорубом, шаг за шагом преодолеть это препятствие. А так шансов на благоприятный исход не было. Путь вперед был отрезан. Привалившись к валуну, я сполз вместе с рюкзаком на камни, вытянул ноги.

На обдумывание времени не было. Стоило посидеть минуту без движения, как начинал ощущаться холод, морозный ветер проникал сквозь штормовку. Как выбираться отсюда? Оставался единственный вариант — подниматься снова на плато. Обидно идти в обратную сторону, да к тому же против ветра, а потом плестись в обход озера. Если все будет благополучно и сил у меня хватит, то это еще 6—7 часов пути. Радости мало, но что делать?.. Не стоит задумываться в таких случаях о конечном результате. Я ставлю перед собой первую насущную задачу — подняться на плато! Подъем крут. И под ногами ворочающиеся, словно живые, камни осыпи. Все бы еще ничего, если бы не ветер — неукротимый, свирепый, настоящий «мордотык».

Я в седьмой раз в антарктической экспедиции и знаком с суровостью здешних ветров. Только раньше-то это знакомство было, что называется, шапочным. Одно дело — удивляться силе урагана, находясь в деревянном домике, пусть даже в палатке, внимать порывам ветра, лежа в спальном мешке, гадать в тепле, какие беды принесет буран? Но совсем другое — оказаться один на один со стихией в антарктических горах, за много километров от лагеря.

Тут я самыми грозными словами, на какие только был способен, выругал себя за необдуманный маршрут: «Мог бы договориться, чтобы вездеход вернулся за мной. Ну, подождал бы вездеходчик Иван час-другой. Ну, Будкин брюзжал бы. Так он и так вечно недоволен. Зато катил бы я сейчас в тепле к дому. Налицо мой промах как начальника лагеря. Переоценил я свои силы. На коварство Антарктиды нечего пенять. Это у нас давно уж повелось: чуть какая неприятность — на суровость Антарктиды списываем. Нет, если теперь что случится, то только по моей вине.

Вот Будкин, молодец, без вездехода дальние маршруты не делает. Он опытный экспедиционный волк. Всем нам уши прожужжал, что 25 лет командует геологическими партиями. У него твердые взгляды на жизнь — какая она, с чем ее едят. Ему абсолютно все ясно, главное, чтобы все подчинялись ему, Будкину. А он будет казнить и миловать. Надо будет — не

пощадит собственного живота. Лично сам приготовит жаркое на обед — баранью ногу «по-будкински». Фирменное блюдо. Полдня будет возиться, шпиговать мясо, выдерживать в специальном маринаде, зато вкуснота — пальчики оближешь! Вот какой Будкин — справедливый начальник, великий кулинар! А я все больше по «геркулесу», по овсяной каше специализируюсь. Вот и допустил ошибку. Если что случится со мной, Будкин не преминет воспользоваться, на всю жизнь запомнит, насмехаться будет, сделает меня притчей во языцех».

Так корил я себя, лежа на мерзлом склоне. Только как ни вымещай свои чувства на Будкине, подниматься-то на плато все-таки надо. Надо во что бы то ни стало...

Через сотню шагов я понимаю, что идти вверх по склону мне физически не под силу. Стоит встать на ноги, ветер сразу отбрасывает назад. И тогда я опускаюсь на четвереньки. Нельзя сказать, чтобы это было удобно, особенно когда на спине у тебя здоровенный рюкзак. Медленно-медленно, припадая к каменным глыбам, карабкаюсь метр за метром вверх. Временами лежу, отдыхаю. Лицо у меня как будто окаменело и не ощущает ураганного ветра. Хотя бы он дул порывами, нет, садит ровно, напористо. Прав, видно, Будкин насчет аэродинамической трубы.

Не знаю, сколько времени я поднимался, видно часа два, не меньше, пока наконец не выполз на плато. Перевел дух и встал на ноги. Простор открылся взгляду, я снова почувствовал себя человеком. Больше не нужно было ползти вверх против ветра. Отклонившись влево и немного назад, как бы облокотившись плечом на ветер, я заковылял по каменистой равнине, стараясь держать нужное направление. Примерно через километр заглянул вниз, кончилась ли «драконья челюсть»? Там чернели скалистые склоны — спускаться было опасно. И я пошел дальше по кромке плато, с каждым шагом удаляясь от лагеря, который был за озером, в противоположной стороне.

5

Ветер уже не казался мне таким свирепым, он подталкивал меня в левый бок, гудел под левым ухом. Солнце, висевшее совсем низко над горами, отбрасывало на склон мою длинную горбатую тень. Километра через три я решил все-таки спускаться, иначе крюк был бы слишком велик и дальнейший путь мог бы оказаться мне не под силу.

Склон снова привел к снежнику, но он был не такой уж обледенелый, да и крутизна не так устрашающа. Снежник можно было пересечь, но у меня зрела иная идея. Этот снежный шлейф позволял мне за считанные секунды спуститься сразу метров на двести. Идти по шатающимся валунам стало невмоготу. Левая нога то и дело норовила подвернуться. А до дома оставалось еще столько километров! Нужно было рисковать.

Я осторожно вышел на центральную часть снежника, сел, упираясь пятками в снег, положил слева ледоруб (его я решил использовать как тормоз), откинулся немного на спину и засколь-

зил вниз. Удивительное чувство детского восторга на мгновение захлестнуло меня. Может быть, виной тому были непроизвольно возникшие ассоциации, хотя давно уже миновало то время, когда я катался с ледяных горок. Впрочем, детский опыт сейчас пригодился. Важно было следить, чтобы нарастающая скорость не развернула головой вниз. Я с силой уперся в ледоруб. Мою спину страховал рюкзак, ноги, согнутые в коленях, служили рулями. Скоро я вполне освоился с новым способом передвижения. У основания склона снежник выполаживался, и к окаймляющим его валунам я уже «подрулил» без тормоза.

Озеро, спуститься к которому я так стремился, было рядом. Оставались считанные метры спуска. Самое тяжелое — «челюсть Дракона» — позади! Но я не чувствовал особой радости. Теперь меня валила с ног усталость. Под тяжестью рюкзака подгибались ноги, а от валунов самых разнообразных форм, размеров, окрасок рябило в глазах.

Гладь озерного льда призывно сверкала, обещая ровный путь к лагерю, только вдоль края тянулась кайма чистой воды. Всего-то полынья в 10—15 метров, но как ее преодолеть? Идти в обход — еще лишние час-два пути.

Я спустился к самой воде. Валуны здесь были обледенелые, словно специально уложенные, пригнанные друг к другу. Идти по кромке этого экзотического пляжа шириной всего около метра было легче, хотя я рисковал оступиться. В одном месте в озеро

со склона спускался снежник. Перемычка чистой воды тут совсем исчезала. Я остановился. Нужно преодолеть полосу ровного темного льда, всего десяток метров. Дальше от берега лед белый — там он толстый, безопасный.

Пора решаться. Выигрыш во времени и расстоянии мне жизненно необходим. А если лед не выдержит? Я отгонял мысль об этом. Уже полночь. О моем исчезновении наверняка сообщили на базу. Товарищи беспокоятся, решают, что предпринять. Надо спешить, иначе ребята выйдут на поиски и Будкин ославит меня на всю экспедицию.

И я шагнул на снежник, спускавшийся в озеро. Лед у края был тонок, он пискнул, когда я ступил на него. Но я слишком устал, чтобы сомневаться. Действия мои были почти механическими. Оттолкнувшись от смерзшегося снега, я заскользил по темной глади вперед, к спасительному молочно-белому льду. Через мгновение я был в безопасности. Перевел дух, поправил рюкзак и зашагал через озеро. И только тут осознал: «Действую опрометчиво. Будкин бы наверняка вел себя осмотрительнее...»

6

Мыс, который я должен был обогнуть, перед тем как выйти на финишную прямую, кажется совсем близко, но я знаю: по карте до него 7 километров, никак не меньше. В горах трудно угадать расстояние. Ветер теперь задувает мне в правую скулу. Холодный ночной ветер с ледника Бетти. Но спина мокрая, а я сам как выжатый лимон. Теперь мне понятно такое сравнение. И странный железный привкус возник во рту.

Дорога стала гладкой. После хаоса каменных глыб она будто бархатная. Шипы ботинок сбивают ежик кристаллов льда, образовавшихся на поверхности замерзшего озера под воздействием солнца и ветра. Кристаллы дзинькают под ногами, и, мне кажется, звучит диковинная музыкальная шкатулка. Когда-то в детстве в гостях у бабушки я слышал такие звуки.

Под эту странную мелодию я шагал, шагал, словно заведенный механизм. Ходьба по ровному льду действовала умиротворяюще. В ней было какое-то укачивающее однообразие. Ноги ступали все тяжелее и тяжелее. Я начинал дремать на ходу. Безразличие, апатия подбирались ко мне. Надо было срочно менять тактику, надо было что-то предпринять. И, как всегда в критические минуты, я вспомнил Будкина: «Что бы он сказал, если бы увидел меня, сгорбившегося, уныло ковыляющего по ледяной равнине?» Я даже внутренне как-то собрался, взмахнул ледорубом, расправил плечи, пошел увереннее и бодрее.

Однажды Будкин рассказывал, как он возвращался из дальнего маршрута с раздробленной коленкой. Пусть не в Антарктиде это было, где-то в Сибири, но ему тогда было наверняка еще труднее, но он выстоял, победил! Так неужели я сдамся, уступлю?..

Я решил считать шаги. На каждом сотом шаге я получал «приз»: поворачивался к ветру спиной и, облокотившись о

ледоруб, расслаблял мышцы ног. Эта тактика принесла успех. Теперь я шагал в предвкушении, когда остановлюсь, привалюсь к ледорубу, правая скула ощутит тепло дыхания, затекшие мышцы спины как-то по-иному примут на себя тяжесть рюкзака.

Вскоре передвижение по однообразной снежной равнине скрасило еще одно обстоятельство. Впереди, на озерном льду, возникла темная точка. До скал противоположного берега было еще далеко. Что же могло лежать на льду посредине озера? Я ломал голову, строил разного рода гипотезы, а тем временем шаг за шагом сокращал отделяющее меня от лагеря расстояние. И темный предмет на озерном льду постепенно увеличивался в размерах. Возможно, это лебедка, которую унесло у Саши и Бориса?.. После пребывания в «пасти Дракона» я готов был наделить антарктические ветры сверхъестественной силой.

Еще несколько стометровок, и я увидел большой обломок песчаника — серую глыбу, изъеденную, словно оспой, ячеями выветривания. Как она очутилась здесь? Свалиться на лед камень мог только у берега, а потом прибрежную льдину или айсберг ледника Бетти принесло сюда. Значит, озеро Радок, не в пример нынешнему холодному сезону, в иные годы вскрывается почти полностью...

Размышление о неожиданной находке несколько отвлекло меня от тягот затянувшегося путешествия. Было уже далеко за полночь. Солнце спряталось за лежащими на юге горными массивами, и в чаше озера Радок все словно поблекло, изменило краски, как будто на смену цветной пленке пустили черно-белую. Все происходящее представлялось мне сейчас каким-то странным затянувшимся кинофильмом. Горбатая тень, сопровождавшая меня, как верный пес, исчезла. И от этого усилилось чувство одиночества. Сколько часов я в маршруте? Кажется, вечность. И спина уже не так мокнет. Видно, вся вода, что была во мне, вышла.

На очередной остановке я положил в рот льдышку, с грустью вспомнив о кусочках сахара, унесенных ветром из кармана. Видно, снова пора вызывать на помощь образ Будкина. Надо продержаться совсем немного. Скоро за мысом откроется лагерь. Только бы не сводило мышцы ног.

Я стимулирую продвижение, увеличивая ценность «призов». Теперь кроме наград за каждую стометровку через 500 метров я получаю «Гран при» — минутный отдых в нише между присклоновыми снежниками. Такие ниши — выдувы — идут вдоль восточного берега озера. Растянуться на дне этих небольших, всего в метр-полтора, снежных ванн просто благодать. Ветер как будто стихает, можно расслабить тело, главное — ноги. Отвлечься, глядя в небо на парящих теперь уже вверху, у вершин береговых обрывов, снежных буревестников. Задуматься о мироздании, о смысле жизни. Просто вздремнуть под свист проносящегося над ледяной ямой ветра. Отрадные мгновения! А подниматься конечно же приходится с помощью Будкина: я словно чувствую на себе его презрительный взгляд и поспешно переваливаюсь на живот, встаю сначала на колени, а потом медленно и осторожно на ноги. И снова стометровками все дальше и дальше вперед.

Не знаю точно, сколько еще прошло времени, но я вышел наконец к мысу. За ним всего в двух-трех километрах наш лагерь — светлый купол выгоревшего брезента так и ударил в глаза! Вездехода около палатки не видно: ребята выехали на поиски. Я перевожу глаза на соседний склон — вон он, наш жук-бронзовик, ползет к лагерю. Очевидно, меня заметили на льду озера: черная движущаяся точка на белом приметна издалека.

Вездеход подполз к палатке. Оттуда отделилась маленькая фигурка и пошла мне навстречу. Я подумал, что, верно, это Борис — наш механик, Железный Боб. Год провел он на зимовке, всякое повидал, а не утратил душевной тонкости, чувствовал: мне нужна поддержка. И не столько физическая помощь, сколько дружеское сочувствие. Я не ошибся. Когда Борис подошел, я обнял его. Непроизвольно получилось. Я слышал: работа в полярной экспедиции делает мужчин порой излишне сентиментальными, и вот испытал это на себе. Я был благодарен за встречу, даже отдал донести до лагеря свой рюкзак. Никому другому не позволил бы, сам донес бы свои драгоценные образцы, а Борису отдал. Последние метры мы дошагали быстро и весело. Борис рассказал, что ребята изрядно поволновались. Будкин, пожалуй, больше всех. Он даже назначил себя, как самого опытного, начальником спасательной экспедиции, навел на всех страху. А они с Сашей целый день провели на озере, меня в «пасти Дракона», конечно, не заметили. Да и как заметишь муравья на склонах каменного исполина? У них по озеру вздумал гулять айсберг. Во многих местах взломало лед, чуть не утонула лебедка, вовремя оттащили. Измерили температуру в озере по всему разрезу: у дна она оказалась +1°, почти такой же, как на поверхности, отобрали пробы воды. Рекорд глубины 346 метров, установленный нами в прошлый раз, перекрыть не удалось.

Вот и палатка. Скорее в тепло. Ребята смотрят на меня каждый по-своему, но все внимательно. Саша не может скрыть доброй улыбки, Будкин насупленно шмыгает носом. Его помощник грызет сухарь. Иван-вездеходчик хмурится. Даже Борис смолкает, словно ждет чего-то от меня.

Что ж, виноват я перед ребятами, совершил ошибку, чуть не подвел и себя и их. И хотя устал я, смертельно устал, сейчас нужно найти верные слова, извиниться перед товарищами. И я говорю в молчаливое окружение то, о чем передумал в маршруте.

Тишина заполняется гомоном. Все начинают говорить, перебивая друг друга. Только Будкин, недоверчиво вздыбив брови, думает о чем-то своем. Он и не знает, что больше всех помог мне.

Я смотрю на него и глупо улыбаюсь. Мне хорошо, я в тепле, я дошел до дома. Борис протягивает мне кружку горячего сладкого чая. Есть мне не хочется, зато чай пью кружку за кружкой, и все мало.

Спал я в эту ночь беспробудным сном. Спал лежа поверх спального мешка: залезть в него не смог, от любого движения судорогой сводило ноги. Спасибо Борису, укрыл меня всякими

одежками, напялил мне на ноги шерстяные носки, а вовнутрь их зачем-то насыпал горчицы.

— Молочная кислота тебе в ноги ударила,— объяснил он.— Теперь главное — их не застудить, а то одеревенеют — врачам придется заниматься.

Будкин недовольно хмыкнул и накинул на меня свое любимое малиновое одеяло. Вот каким он оказался, Будкин!

Ураганный ветер тряс тело палатки. Можно было представить себе, что творится сейчас в «пасти Дракона». Осерчал старик: добрались-таки до него, похитили драгоценные образцы!

Я закрыл глаза, опустил руку, нащупал свой рюкзак рядом с раскладушкой...

На следующий день погода улучшилась, и мы снова вышли в маршрут.

Дмитрий Мещанинов

Художник В. РОДИН

> Признаюсь, что, когда я узнал о маршруте по контрфорсу юго-западной стены Эвереста, не поверил и записал в дневнике: «Это какой-то психоз, это массовое самоубийство. Ставлю пять процентов против девяноста пяти, что ни один из русских не достигнет вершины по этому пути».
>
> *Рейнгольд Месснер* *

Хижина дяди Тамма

Постепенно базовый лагерь приобретал обжитой вид. В центре установили высокие мачты, служившие одновременно флагштоками и антеннами. По соседству выросли вместительные шатровые палатки: кают-компания (она же столовая), два склада — снаряжения и продуктовый. Кухню возводили все вместе, усердно и основательно. Выровняли площадку, окружили ее полутораметровой стеной из каменных обломков и накрыли шатром, сшитым тут же, на месте, из разноцветных капроновых полотнищ. Делом рук своих остались довольны. Кухня получилась красивой, просторной и надежной. Вокруг «делового центра» в хаотичном порядке (кому где удобно) разбили жилые палатки. Палаточный

* Р. Месснер — выдающийся итальянский восходитель. Побывал на большинстве из четырнадцати «восьмитысячников» планеты. Дважды без использования кислорода покорил Эверест, причем один раз в одиночку.

городок у подножия самой высокой горы планеты (8848 м) прихорашивался к официальному открытию.

22 марта 1982 года. На мачты торжественно подняты Государственные флаги Советского Союза и Непала. Базовый лагерь первой советской экспедиции в Гималаях открыт. Почти все в сборе. Не хватает лишь нескольких человек. Они сопровождают караваны носильщиков, вышедшие две недели назад из селения Майни-Покхари, куда грузовики доставили основную часть экспедиционных грузов из столицы Непала — Катманду. Караваны подойдут через несколько дней, но обработка маршрута* и установка промежуточных лагерей идут полным ходом.

Первое серьезное препятствие на пути альпинистов, штурмующих Эверест со стороны Непала,— ледопад Кхумбу, который нередко называют «дорогой жизни». Через него ведет единственная дорога выше, в Западный цирк, где берет начало мощный ледник Кхумбу. После нескольких километров спокойного течения он внезапно обрывается 600-метровым уступом, поворачивает под прямым углом, снова успокаивается и плавно стекает вниз еще на десяток километров. Гигантский уступ — это и есть ледопад Кхумбу, долгое время считавшийся непроходимым.

Со стороны Кхумбу напоминает бурную горную реку, мгновенно скованную свирепым морозом. Но ледяная река продолжает медленно (1 метр в сутки) стекать вниз. Ледопад постоянно меняет свой облик. Проходит какое-то время, и пройденный путь становится непроходимым или слишком опасным. Приходится искать новые варианты подъема. Маршрут разметили красными флажками, через трещины перебросили дюралевые лестницы. Самое опасное место в верхней части Кхумбу — отвесная 70-метровая ледовая стена с поперечной трещиной примерно посередине. У ее подножия еще одна трещина, забитая осколками льда. Сверху нависают многотонные голубоватые глыбы, готовые в любой момент обрушиться вниз.

24 марта. На высоте 6100 метров, чуть выше того места, где начинается ледопад, установлены палатки промежуточного лагеря. В них при необходимости можно переждать непогоду, отдохнуть или оставить часть груза. Дальше маршрут, размеченный красными маркировочными флажками, идет через белоснежную чашу Западного цирка (долина Безмолвия). Слева виден Западный гребень Эвереста, справа — склоны Нупцзе, украшенные ожерельями голубоватых ледников, посередине маячит четвертый «восьмитысячник» планеты Лхоцзе. Еще несколько километров пути. Теперь виден весь, снизу доверху, двухкилометровый контрфорс** юго-западной стены.

25 марта. У подножия стены, на высоте 6500 метров, разбит лагерь I, куда высотные носильщики и восходители переносят необходимые для дальнейшей работы на маршруте грузы. Самое сложное место — ледопад Кхумбу. Из базового лагеря он выглядит небольшим, но его прохождение выматывает до предела.

---

* Обработка маршрута — предварительное навешивание веревок, расчистка и подготовка точек страховки для последующего прохождения маршрута всей группой.
** Контрфорс — скальное ребро, выводящее на крутой склон или стену.

Основная часть работы ложится на плечи шерпов. Они хорошо акклиматизированы и без видимых усилий проходят весь путь до первого лагеря.

У всех членов экспедиции сложились самые дружественные отношения с шерпами, этими доброжелательными и уравновешенными, верными и исполнительными людьми, удивительно сильными и выносливыми восходителями. Правда, большинство шерпов плохо владеют техникой (никто ведь не обучает их премудростям скалолазания) прохождения сложных скальных участков, которыми изобилует будущий маршрут. Полной уверенности, что они осилят его, нет. Впрочем, будущее покажет.

А пока многосложный механизм экспедиции набирает обороты. Снизу подошли караваны с грузами. Потребовалось несколько дней, чтобы разобрать и рассортировать многотонный экспедиционный «багаж». Получив заработанные рупии, носильщики ушли вниз. У подножия Горы остались лишь те, кому предстоит несколько месяцев жить бок о бок друг с другом, работая ради общей цели — победы над Эверестом. Победы, которая всегда достается дорогой ценой.

В ночь на 26 марта Эверест впервые показал свой крутой нрав. Неожиданно поднялся шквальный ветер, норовя сдуть установленную в лагере I вместительную палатку «Зима». Порывы усиливались. Решили повалить палатку, пока ее не разорвало в клочья. К утру стало вроде бы поспокойнее. Когда попытались снова установить «Зиму», увидели внушительных размеров дыру, все же прорванную ночью ураганом. Сквозь нее ветер, словно мощнейший пылесос, высасывал из палатки все подряд и деловито гнал добычу по долине Безмолвия. Пришлось одному из альпинистов прикрыть амбразуру телом, чтобы «Зима» вовсе не опустела. Поблизости нашли тяжелые альпинистские ботинки, но вот пуховка* исчезла. Ее случайно обнаружили несколько дней спустя в глубокой трещине метрах в двухстах от лагеря.

Тем временем внизу продолжалась работа по сортировке экспедиционных грузов. Жизнь базового лагеря входила в размеренное русло, регламентированное распорядком дня, точнее, временем приема пищи: 6.00 — завтрак для альпинистов, уходящих на маршрут, 9.00 — завтрак, 12.00 — второй завтрак, 14.00 — обед, 19.00 — ужин. Большинство членов экспедиции еще плохо акклиматизировались. Всех донимали головные боли и сухой мучительный кашель. Впрочем, естественные и неизбежные для акклиматизационного периода неприятные ощущения нисколько не влияли на творческую потенцию экспедиционных юмористов.

В базовом лагере появились названия площадей и улиц, даже тупиков. Палатки украсили надписи, свидетельствующие об их принадлежности тому или иному восходителю. «Хижина дяди Тамма» принадлежит, как нетрудно догадаться, руководителю экспедиции Евгению Игоревичу Тамму. Старший тренер Анатолий Георгиевич Овчинников и тренер Борис Тимофеевич Романов живут на окраине лагеря в соседних палатках, в том месте, что с легкой руки экспедиционных острословов получило неофициальное название «Тренерский тупик».

---

* Пуховка — стеганая куртка с утеплителем из птичьего пуха.

Теперь разберемся, что представляет собой разработанный руководством экспедиции тактический план штурма Эвереста. Итак, каждая из спортивных групп должна совершить по три выхода на Гору, совмещая акклиматизацию с обработкой маршрута, организацией промежуточных лагерей и заброской в них необходимого снаряжения. После каждого выхода — несколько дней отдыха в базовом лагере. Чтобы лучше ориентироваться в том, что происходит на склонах Горы, познакомимся с составом спортивных команд.

Команда № 1: Эдуард Мысловский (руководитель), Николай Черный, Владимир Балыбердин, Владимир Шопин. Команда № 2: Валентин Иванов (руководитель), Сергей Ефимов, Михаил Туркевич, Сергей Бершов. Команда № 3: Ерванд Ильинский (руководитель), Сергей Чепчев, Казбек Валиев, Валерий Хрищатый. В составе экспедиции есть и еще одна команда, созданная незадолго до отъезда в Непал. Не особенно полагаясь на помощь высотных носильщиков-шерпов на сложнейшем маршруте по контрфорсу юго-западной стены, решили для подстраховки усилить спортивный состав экспедиции еще одной вспомогательной группой.

Первоначально предполагалось, что она окажет помощь в организации промежуточных лагерей и заброске туда грузов, а ее восхождение планировалось лишь при благоприятном стечении обстоятельств. Позже, уже в Гималаях, тренерский совет отменил деление спортивного состава экспедиции на основных и вспомогательных. Все стали равны перед вершиной. Все получили равные шансы на штурм Эвереста. В команду № 4 входило пятеро альпинистов: Вячеслав Онищенко (руководитель), Валерий Хомутов, Владимир Пучков, Алексей Москальцов, Юрий Голодов.

28 марта. Сергей Бершов забивает первый крюк в скалы — положено начало прохождению нового пути на Эверест. После ледового конуса тянется пояс серых гранитов. Скалы прочнее и надежнее. Провешены первые десять веревок (каждая по 45 метров). Группа Иванова обработала маршрут до отметки 7000 метров. Ее сменила команда Онищенко. (Правда, на маршруте работали лишь двое. Остальные организовывали промежуточную ночевку между первым лагерем и будущим вторым.) Высота постоянно напоминает о себе головными болями, мучительным кашлем, недомоганием. Погода тоже не балует: снегопады, сильные ветры. Навешано еще шесть веревок, но удобного места для лагеря не найдено. Группа ушла вниз.

1 апреля. На высоте 7350 метров четверка Мысловского установила лагерь II. Подготовить площадки для палаток на двух гребешках, разделенных кулуаром*, оказалось не просто. Если дальняя далась относительно легко, то на ближнюю затратили много времени и сил. Чтобы установить вторую палатку, пришлось увеличить площадку, набив камнями рыболовную сетку, прикрепленную на крючьях к скале. Выше второго лагеря предстояло пробиваться группе Ерванда Ильинского.

Впрочем, самого руководителя не было среди восходителей. Сопровождая караван носильщиков, Ерванд пришел в базовый

---

* Кулуар — крутой желоб на склоне, обычный путь падения камней, обломков льда, схода лавин.

лагерь одним из последних и не успел как следует акклиматизироваться. Его место в четверке занял шерпа Наванг. За два дня напряженной работы на отвесных скалах группа навесила 17 веревок. До гребня, на котором предполагалось разбить третий лагерь, оставалось не больше двух-трех веревок. Их-то у восходителей и не было. Завесив грузы в конце пройденного маршрута, они отправились вниз. На пути встретили команду Онищенко. Ей предстояло навесить оставшиеся веревки и поставить лагерь III.

8 апреля. В базовый лагерь передано тревожное сообщение: заболел Слава Онищенко. Горная болезнь в опасной форме. Ему настолько плохо, что он не смог говорить по рации с руководителем экспедиции. Спортивный врач по профессии, Онищенко тогда, наверное, лучше, чем кто-либо другой, понимал сложность ситуации. Он почувствовал, что заболевает, день назад. Попытался пересилить болезнь. (Раньше это ему иногда удавалось.) Не получилось. Теперь «горняшка»* зашла слишком далеко. Слава прекрасно понимал и то, что на отвесных скалах помочь ему практически невозможно. До базового лагеря 2 километра сложнейшего спуска. Если не сумеет идти самостоятельно, спасательные работы сорвут все планы экспедиции.

Надо спускаться, чего бы это ни стоило. Почти без сознания, постоянно дыша кислородом, Онищенко шел вниз в сопровождении товарищей. Спуск потребовал от него, наверное, больше сил и мужества, чем все предыдущие восхождения, вместе взятые. Онищенко все же дошел до базового лагеря. Дошел в полном смысле на пределе человеческих возможностей. Приведем в подтверждение некоторые выдержки из медицинского журнала врача экспедиции Света Орловского: «Общее состояние очень тяжелое. На вопросы отвечает с трудом. Сознание затемнено... Артериальное давление — 50/0. При осмотре засыпает... Заключение: горная болезнь с нарушением периферического и мозгового кровообращения».

Больного перенесли в кают-компанию, положили на раскладушку, поставленную прямо на стол, чтобы доктору было легче приспособить капельницу. К утру его состояние значительно улучшилось. Руки стали теплыми. Артериальное давление 110/50. Сознание прояснилось. Жизнь Онищенко вне опасности. Впрочем, ясно, что первый участник группы восходителей, отбираемых столь долго и тщательно, выбыл из команды. Будет ли кто еще?!

К этому времени все спортивные команды совершили по два акклиматизационно-забросочных выхода на Гору. Отставание от намеченного графика восхождения оставалось ощутимым. Во время третьего, последнего перед штурмом выхода на маршрут надо было во что бы то ни стало ликвидировать существенное отставание. Очередной круг начинала, как обычно, группа Мысловского.

10 апреля. Начинало темнеть, когда вся четверка поднялась на 7800 метров. Выбрали место для палатки, начали готовить площадку. Высота давала о себе знать. «Фирн** рубится плохо,— записал в дневнике Николай Черный,— ледоруб часто застревает,

* «Горняшка» — жаргонное употребление понятия «горная болезнь».
** Фирн — старый, смерзшийся снег, постепенно превращающийся в лед.

и нужны большие усилия, чтобы освободить его. После двух-трех ударов начинаешь задыхаться, но если рубить не торопясь, делая два полных с открытым ртом вздоха после каждого удара, можно сделать подряд 10—12 ударов. После этого нужен отдых».

Наконец подготовили минимальную площадку, установили палатку. На ужин развели банку порошкового молока (есть не хотелось) и с трудом улеглись. Вчетвером слишком тесно в двухместной палатке, а идти кому-то на ночевку в нижний лагерь поздно, да и сил нет. Спали плохо. Наутро Черного окончательно одолел кашель, и он почти потерял голос. Посовещавшись, решили, что ему надо возвращаться. На большой высоте даже самое несерьезное на первый взгляд недомогание быстро прогрессирует, приводя к неожиданным и печальным последствиям. Черный ушел вниз.

13 апреля. Оставшаяся тройка, захватив грузы из второго лагеря, пошла в третий. Через 100 метров подъема Шопин неожиданно почувствовал резкую боль под ребрами. Идти дальше он не мог. Оставив свой груз на маршруте, Шопин вслед за Черным пошел вниз. За сутки группа Мысловского сократилась наполовину. Не очень удачным выдался этот праздничный день — по тибетскому календарю 13 апреля наступил Новый 2039 год. Оставшейся двойке удалось продвинуться выше третьего лагеря еще на три веревки, достигнув высоты примерно 8050 метров.

Через несколько дней доктор поставил на ноги Черного и Шопина. Вместе с вернувшимися с Горы Мысловским и Балыбердиным они отправились к монастырю Тхъянгбоче (3867 м). Там, в живописной рододендроновой роще, все восходители должны были отдыхать и набираться сил перед выходом на решающий штурм Эвереста. На маршруте тем временем находилась команда Ильинского, но опять без него самого (он никак не мог войти в график выходов своих товарищей и работал с другими группами). Перед восходителями не стояла задача продвигаться дальше вверх. Им предстояла черновая, очень тяжелая работа по переброске грузов из второго лагеря в третий.

С каждым днем второй лагерь все больше напоминал склад под открытым небом. Здесь скапливалось снаряжение для третьего, четвертого и пятого лагерей, заносимое сюда высотными носильщиками. Шерпы не привыкли работать при плохой погоде. Постоянные снегопады, шквальные ветры ухудшают состояние уже обработанного маршрута, и без того слишком сложного для шерпа. Еще один. К счастью, все обходится благополучно, но идти выше они категорически отказываются. (Не помогают увещевания сирдара *, отправка из экспедиции одного откровенного лентяя.) Лишь двое самых опытных носильщиков смогли пройти немного в сторону третьего лагеря. Но и они, закрепив грузы на перильной веревке, уходят вниз.

Цирк на 8200

Группе Иванова предстоит пробиться выше уже обработанного маршрута, туда, где начинается самая сложная часть пути — отвесные скалы на высоте за 8000 метров. Решили, что ключевой отрезок контрфорса будут обрабатывать Бершов и Туркевич — лучшие скалолазы страны.

16 апреля. Относительно быстро пройдя восемь веревок, навешанных выше третьего лагеря, Сергей Бершов и Михаил Туркевич уперлись в отвесную стену из заснеженных и разрушенных скал. Забить надежный крюк некуда. Метров пятнадцать Бершов, шедший в тот день в связке первым, отвоевывал сантиметр за сантиметром у стены, надеясь только на страховку товарища. Через час сложный участок пройден. Но впереди путь не легче. Скорее наоборот. Впереди нависает 400-метровая стена. Справа и слева крутые сбросы **, так что обойти ее невозможно. Отвоевано еще 40 метров, закреплена очередная веревка. Можно немного отдышаться, пока подойдет напарник с тяжелым рюкзаком.

«Дальше снова вертикальная стена, — запишет в дневнике Сергей Бершов, — с малым количеством зацепок ***. Мы с Туркевичем ходим в связке так давно, что отлично понимаем друг друга. Слова не обязательны. Миша молча подставляет мне бедро. Быстро влезаю ему на плечи и выхожу наверх. Скалы здесь тоже заснежены и разрушены. Сверху нависает карниз ****. Дальше путь

* Сирдар — руководитель группы шерпов, работающих в экспедиции.
** Сброс — обрыв.
*** Зацепки — очень мелкие выступы на скалах.
**** Карниз — скальный, снежный или ледовый козырек.

только один — между скальной стенкой и огромным снежным надувом. Эта щель так узка, что приходится протискиваться в нее, сняв рюкзак. Выбираюсь наконец на узкую полку*.

Лезу выше, и... снова нависающая стена. Трещин для забивки крючьев нет. Все же нахожу что-то отдаленно напоминающее трещину, с огромным трудом забиваю крюк. Уверенности в нем у меня нет, закрепляю веревку еще и за выступ. На крюк навешана петля. Хватаюсь за нее и, качнувшись маятником, добираюсь до зацепок. Цирк на высоте 8200 метров. Спешите видеть!»

17 апреля. Утром радиопереговоры с базой начались с группы Иванова (связь всегда начиналась с тех, кто выше на Горе). Планы на день? Найти удобное место для четвертого лагеря. До «удобного места» оказалось целых три веревки. При прохождении последней сломался молоток. Пришлось Бершову и Туркевичу забивать крючья камнем. Подошли Иванов и Ефимов с грузами. Чтобы подготовить удобную и безопасную площадку для палатки, нужна лавинная лопата** и несколько часов светлого времени. Ни того, ни другого нет. Сложили принесенное снаряжение в расщелину. Четверка Иванова, преодолев самый сложный участок маршрута, с чувством выполненного долга пошла вниз. Им на смену поднималась группа Хомутова (он возглавил ее после выхода из строя Онищенко).

20 апреля. Четверка Хомутова поднялась до места установки лагеря IV. Подготовили площадку и установили палатку. Смеркалось. Хомутов и Пучков ушли вниз. Алексей Москальцов и Юрий Голодов остались, первыми в экспедиции проведя ночевку на высоте 8250 метров. На следующий день они собирались начать обработку маршрута выше четвертого лагеря. Утром проснулись от жуткого холода: в палатке минус 27°. Позавтракали. Алексей начал подбирать снаряжение для выхода наверх. Юра пошел за рюкзаком, оставленным накануне метрах в двадцати ниже лагеря. Забрав груз, он поднимался к палатке. До нее оставалось не больше трех метров. В очередной раз натянул веревочные перила и... полетел вниз.

Пролетев несколько метров, завис на предыдущем крюке, упираясь одной ногой в небольшой скальный выступ. С тяжелым рюкзаком выбраться наверх очень сложно. Голодов позвал напарника. Ничего не подозревавший Москальцов высунул голову из палатки. Увидев, что последнего крюка и конца перильной веревки нет на площадке, сообразил, в чем дело. Организовал страховку и помог Голодову выбраться к лагерю. Вскоре подошли Хомутов и Пучков с кислородом и питанием. Втроем (у Голодова после падения сильно болел плечевой сустав) расширили площадку под палатку, чтобы в ней можно было ночевать вчетвером, и все вместе начали спускаться в третий лагерь. План обработки маршрута выше как-то отпал сам собой.

На следующий день сделали еще одну грузовую ходку в лагерь IV и пошли вниз на отдых. Гора опустела. Все спортивные группы совершили по три предварительных выхода наверх.

---

* Полка — горизонтальный или наклонно вытянутый уступ на скалах.

** Лавинная лопата — легкая дюралевая лопатка, надевающаяся при работе на древко ледоруба.

Установить лагерь V, как это предусматривалось планом, не удалось. Многосложный экспедиционный механизм пробуксовывал и готов был вот-вот остановиться. Откладывать штурм не представлялось возможным (прогнозы не обещали ничего хорошего), но и начинать его без заброски необходимого запаса кислорода в верхние лагеря нереально. Тренерский совет искал выход из создавшейся ситуации.

Тем временем четверка Мысловского, первой вернувшаяся после третьего выхода на Гору, отдыхала неподалеку от монастыря Тхъянгбоче. Четыре дня им предстояло жить в живописной и благоухающей рододендроновой роще, ходить по зеленой траве, слушать беззаботное щебетание птиц. После двух месяцев безжизненных скал, снега и льда все это казалось раем. Впрочем, райская жизнь продлилась недолго. Через два дня руководитель экспедиции вызвал Шопина и Черного и предложил им начать заброску кислорода в третий и четвертый лагеря.

22 апреля. Шопин, Черный, высотный оператор Хута Хергиани и несколько шерпов уходят на заброску кислорода во второй и третий лагеря. Внизу тем временем продолжались жаркие дискуссии о том, кому выходить на установку лагеря V с последующей попыткой штурма вершины. Обсуждалось множество вариантов, и каждый имел свои плюсы и минусы. Если говорить коротко, то основная сложность заключалась в факторе времени. Группы Иванова, Ильинского и Хомутова, недавно вернувшиеся с маршрута, не успели как следует отдохнуть и восстановиться. Нужно было время, а его не хватало: приближалась пора муссонов, а с их началом о выходе на вершину нечего и думать.

Наиболее отдохнувшей выглядела, без сомнения, группа Мысловского (тогда уже, как мы знаем, не четверка, а двойка). Но двоим выполнить работу по обработке маршрута, установить лагерь V да еще пытаться штурмовать вершину очень сложно. Вариант Мысловский — Балыбердин поначалу даже не обсуждался, потом стал возникать все чаще. «Откровенно говоря, у нас была надежда на двойку Мысловский — Балыбердин, которая все время безотказно работала на маршруте,— вспоминает Анатолий Овчинников.— У нас была уверенность, что они выполнят поставленную перед ними задачу, хотя им будет очень и очень трудно». «Да, это так,— добавляет Евгений Тамм.— И все же тогда можно было рассчитывать только на их энтузиазм и добровольное желание выйти на штурм первыми».

В тот день, когда Шопин и Черный ушли на заброску кислорода, Мысловский и Балыбердин вернулись в базовый лагерь. На отдыхе они размышляли на ту же тему, что и руководство экспедиции. «Мы с Володей все обсудили,— записал в дневнике Эдуард Мысловский.— Кто-то ведь все равно должен это сделать. Мы все понимаем — идем работать, и шансов на восхождение мало. Но пробовать выйти на вершину будем обязательно. У нас другого выхода просто нет...» Так организовалась передовая двойка Мысловский — Балыбердин. Двое людей, разных по возрасту и опыту, непохожих характерами и темпераментом, но объединенных преданностью альпинизму и своей команде, ради которой они были готовы к самой тяжелой работе. Помочь им перенести грузы вызвался шерпа Наванг с условием,

что в случае благоприятного исхода ему будет предоставлена возможность штурмовать вершину.

27 апреля. Обитатели базового лагеря проснулись в тот день раньше обычного, чтобы проводить передовую двойку. Эдуард Мысловский и Владимир Балыбердин быстро позавтракали, попрощались с товарищами и в шесть утра двинулись в путь. Прошли совсем немного. Шедший впереди Мысловский вдруг услышал звонкий треск. Обернулся — Володя стоял по колено в воде — утренний лед не выдержал. Решили отойти подальше, чтобы их «позора» не увидели провожающие. На «безопасной» дистанции остановились. Балыбердин надел запасные носки. Пошли дальше. Во второй половине дня благополучно добрались до лагеря I. В течение последующих двух дней восходители без приключений поднялись до лагеря III.

30 апреля. Утром они долго прикидывали, как бы унести все необходимые грузы до четвертого лагеря. Первым вышел Балыбердин. За ним Наванг. (Он самый маленький из высотных носильщиков, и огромный рюкзак почти с него ростом.) Последним — Мысловский. Прошли пять веревок и оказались на высоте около 8000 метров. Перед отвесным кулуаром шерпа неожиданно остановился и сказал подошедшему Мысловскому, что у него болят глаза. Тот отдал ему свои очки. Наванг надел их, поднялся еще на несколько метров, снова остановился: «Извините, не могу. Не пойду...»

Расстроенный Наванг начал спускаться к третьему лагерю. Переложив в свой рюкзак его кислород, веревки, крючья, Мысловский пошел вверх вслед за Балыбердиным, ушедшим уже далеко. Их отделяло примерно полтора часа пути и больше 100 метров по вертикали. Балыбердин уже почти подходил к лагерю, когда неожиданно услышал рядом голос напарника. Как он сюда попал? Ведь разрыв между ними постоянно увеличивался. Оказывается, чтобы успеть дойти засветло, Мысловский оставил на скальном крюке непосильный рюкзак. «Молодец,— подумал Балыбердин,— лучше хорошо отдохнуть в палатке и утром сходить за грузом со свежими силами, чем карабкаться всю ночь по этим сумасшедшим стенкам».

1 мая. В базовом лагере праздник. По «улицам» и «площадям» палаточного городка прошла целая демонстрация с красными маркировочными флажками. Праздничное веселое шествие закончилось торжественным митингом у флагштока. Настроение у всех приподнятое. Впрочем, вечером оно омрачилось из-за событий, происшедших с передовой двойкой...

Утром, посовещавшись, Мысловский и Балыбердин решили действовать следующим образом: Эдик пойдет вниз за оставленным вчера рюкзаком, а Володя начнет обрабатывать маршрут выше четвертого лагеря, чтобы успеть выполнить дневной план. Так и поступили. За день Балыбердин навесил пять веревок, пройдя половину пути до 8500. Вечером, уже в полной темноте, он вернулся в четвертый лагерь и застал там Мысловского, измученного и мрачного.

...Захватив рюкзак и кое-что из того, что не донес Наванг, Мысловский благополучно продвигался вверх с невероятно тяжелым грузом. Оставалось пройти совсем немного до лагеря IV. Все

произошло неожиданно и мгновенно — ноги потеряли опору, его качнуло, словно маятник, и бросило на нависающий участок*. Самостраховка оказалась слишком длинной, тяжеленный рюкзак перевесил, и Мысловский повис на веревке спиной вниз. Одна нога застряла в петле. Решил освободить ее, чтобы попытаться встать вертикально,— не получилось. Рюкзак душил его поясным ремнем. Попробовал закрепить его на веревке — не тут-то было. Силы кончались. Вдруг он почувствовал, что дышать становится все труднее. «И тут до меня дошло: кончился кислород,— вспоминает Мысловский.— Еще немного, и я потеряю сознание. И тогда все. Останусь висеть на этой веревке, пока не замерзну, как тот индийский альпинист из международной экспедиции в 1971 году».

Сняв рукавицы, Мысловский попытался переключить запасной кислородный баллон — не удалось. Хотел сорвать с лица ненужную теперь маску — мешает каска. Расстегнув поясной ремень, сбросил рюкзак на предплечье. Рука удержать его не смогла. Рюкзак полетел в бездну, а вместе с ним запасные веревки, рукавицы, крючья, кислород, вымпелы-флажки, что торжественно вручил им руководитель экспедиции перед выходом на штурм. Сняв порванную маску, Мысловский отдышался. Ожесточенная борьба с рюкзаком закончилась не в его пользу. Все же удалось выбраться из критической ситуации. Вечером, лежа в палатке, он почувствовал, что подморозил руки.

Весь следующий день Балыбердин и Мысловский обрабатывали маршрут до места установки лагеря V на высоте 8500 метров.

3 мая. Встали поздно и лишь к шести вечера добрались с грузом до конца навешанных ими вчера веревок. Когда поставили палатку, было уже совсем темно. Приближался, быть может, самый тяжелый и ответственный в их жизни день. Они не знали, хватит ли сил победить Эверест. Но вопроса: идти на вершину или нет? — для них не существовало. Конечно, идти. До нее оставалось всего 348 метров по вертикали. Всего несколько часов пути из их долгой альпинистской дороги, измерявшейся на двоих четырьмя десятилетиями.

Последняя ночевка в пятом лагере. Трепещущая на неистовом ветру оранжево-сине-красная палатка кажется со стороны крошечной живой букашкой, заброшенной неизвестно кем и неизвестно зачем в это мертвое царство снега и льда. В палатке двое усталых людей. Они долго не могли разжечь примус. Потом он наконец разгорелся, но вода не хотела долго закипать. Им так и не удалось напиться вдоволь. Они все делают медленно и молча. Разговаривать нет сил. Очень холодно. От промозглого холода не спасают ни шелковые стенки палатки, ни спальные мешки, ни теплая одежда. Минимальный расход кислорода не позволяет ни согреться, ни заснуть. Ночь прошла в полудреме.

Самый длинный день

4 мая стало самым напряженным и насыщенным днем в сравнительно короткой «биографии» первой советской экспедиции на

* Нависающий участок — участок маршрута с отрнцательным уклоном.

Эверест. Он вместил множество событий, трагичных и радостных, у вершины Горы и у ее подножия. Чтобы проследить за всеми, придется разделить этот самый длинный день на часы, даже минуты...

2.00. Боясь проспать, Балыбердин очнулся и начал расталкивать Мысловского. Накануне договорились встать и собраться как можно раньше, чтобы выйти из лагеря с первыми лучами солнца. Эдик никак не хотел просыпаться, и Володя вскоре сам задремал.

4.20. Усилием воли они заставили себя подняться. «Как ты себя чувствуешь?» — спросил Балыбердин. «Не очень, но я пойду»,— ответил Мысловский. Володя починил насос примуса, который начал некстати барахлить, растопил немного воды и приготовил чай. Потом он долго провозился с задубевшими на морозе ботинками (вечером, сняв их перед сном, забыл положить в спальник. Теперь их пришлось отогревать на примусе). Наконец все готово к выходу.

6.15. Связавшись двадцатиметровой веревкой, Владимир Балыбердин и Эдуард Мысловский покинули пятый лагерь. Впереди Володя, шедший по-прежнему без кислорода. За ним Эдик. Расход живительного газа он поставил на минимум: один литр в минуту. Мороз около 40°. Прошли оставшиеся 200 метров контрфорса. Поднялись на основной, Западный гребень Эвереста. Ледяной ветер стал здесь еще сильнее — начали мерзнуть руки и ноги. Солнце всходило, но его лучи не доставали восходителей, идущих в тени вершины.

6.30. Алексей Москальцов и Юрий Голодов вышли из базового лагеря. Вскоре достигли того места, где все обычно оставляли кошки * и ледорубы, чтобы не таскать их на себе. Как правило, кошки надевали здесь же, у большого камня. Москальцов и Голодов решили сегодня идти без них до первой веревки на ледопаде. Еще через полчаса двойка начала подъем. Прошли первые метры и услышали мощный гул. Громадные глыбы льда, увлекая за собой сотни тонн снега, катились с перевала Лхо-Ла. Лавина докатилась до того места, где они должны были надевать кошки. Поднялись еще метров на сто — и снова грохот ледового обвала. Внизу заволновались. Когда облака снежной пыли рассеялись, на ледопаде стали хорошо видны две маленькие точки, быстро и уверенно продвигающиеся по коварному Кхумбу.

8.00. Валентин Иванов из четвертого лагеря связался с базой и передал информацию о движении Балыбердина и Мысловского. (Наверху очень холодно. Мерзнет питание в рации. Переговоры передовой двойки с базовым лагерем приходится ретранслировать.) Вскоре группа Иванова начала подъем на 8500.

8.15. Мысловский и Балыбердин продвигаются по поясу рыжих скал. Идут слишком медленно, явно недооценив сложность маршрута. Решили удвоить Мысловскому подачу кислорода, прекрасно сознавая, что теперь его может не хватить на обратный путь. Пошли быстрее, хотя «быстрее» в данном случае понятие весьма относительное. Они часто останавливались, переводили дыхание, собирались с силами, которых оставалось с

---

* Кошки — металлические приспособлеиия с зубьями, прикрепляемые к ботиикам для движения по льду или обледеиевшим скалам.

каждым шагом все меньше. И снова вперед, преодолевая нескончаемые 348 метров.

8.30. «При переходе трещины,— передал на базу Юрий Голодов,— потерял равновесие и упал вниз Леша Москальцов. Сильно ушиб переносицу, травмировал ногу. В сознании. Чувствует себя нормально... Если к нам подойдет доктор и еще кто-нибудь, мы его спустим...» Внизу оптимизм Голодова мало кто принял всерьез. Решили, что на ледопад кроме доктора выйдут еще несколько восходителей.

10.00. Спасательная группа подошла к Москальцову. Он лежал на расстеленной одежде в полном сознании. Левая часть лица распухла и посинела. Глаз полностью заплыл. Обильное кровотечение из носа. Множество ушибов на голове и теле. На левой голени глубокая рана, нанесенная зубом кошки при падении. Что произошло — не помнит. Произошло вот что. Проходя через очередную трещину по дюралевой лестнице, Алексей оступился, потерял равновесие и, падая, схватился за веревочные страховочные перила. Крюк, на котором они были закреплены, не выдержав резкого рывка, выскочил изо льда. Москальцов обрушился вниз, пролетев 15 метров (это высота пятиэтажного дома).

Его спасло чудо. От сильного рывка он перевернулся и полетел вниз ногами. Падая, скользил временами по стене трещины. Внизу лед, к счастью, был прикрыт толстым слоем снега. Алексей потерял сознание и только через несколько минут ответил Голодову: «Жив!» С трудом привязался к спущенной веревке, и напарник поднял его наверх. Пока доктор осматривал Москальцова, он лежал на снегу и... плакал. Не от боли (он почувствовал ее позже) и не от счастья, что чудом остался жив (он поймет это потом). Плакал потому, что из-за злосчастной трещины на ледопаде, которую не раз благополучно проходил, его главная вершина отдалилась на недосягаемое расстояние.

12.00. Балыбердин и Мысловский продолжают свой медленный подъем. Володя тщательно («слишком тщательно», как он потом скажет) выбирал маршрут, просматривая разные варианты. У Мысловского кончился первый баллон кислорода. Они не знали, сколько еще времени подниматься до вершины. Решили на последнем баллоне снова поставить минимальный расход кислорода — один литр в минуту. Скорость движения у Мысловского вновь упала, но он не тормозил Балыбердина, который шел теперь тоже очень медленно.

Слева виднелся Северный гребень. Мало-помалу он приближался к восходителям. На юге красовалась панорама Центральных Гималаев с пиками Лхоцзе и Макалу. На севере громоздились вершины, переходящие в коричневатое Тибетское нагорье. А над всем этим на фоне ослепительно белоснежных пиков — темно-синее покрывало неба. Снизу поднимались облака, заполняя долины и укутывая хребты клубящимся туманом. Начались припорошенные снегом серые наклонные плиты, напоминающие огромных размеров черепицу, а еще точнее, гигантскую лестницу. Поднимаясь на очередную скальную ступеньку, видели перед собой следующую. А вершины все нет и нет. «Лестница» вывела к очередному серьезному препятствию — двадцатиметровой стене.

«Как думаешь, далеко еще?» — спросил Балыбердин. «После стены уже простая дорога,— ответил Мысловский, хорошо теоретически знавший маршрут.— Здесь можно оставить «железо»» *. Володя выложил на снег кошки, крючья, карабины, молоток, оставив только рацию, кинокамеру и фотоаппарат. Преодолели стену и вышли на относительно пологий склон. Снежными взлетами ** он уходил вверх, перемежаясь кое-где разрушенными серыми скалами.

14.15. «Идем и идем вверх. Каждый следующий взлет принимаем за вершину, а ее все нет и нет... Когда же наконец все кончится?» — послышался в базовом лагере усталый голос Балыбердина. Монотонная ходьба выматывала не меньше, чем лазание по скалам. Точнее, техническая работа отвлекала от посторонних мыслей. Теперь, на этом простом пути, они поняли, насколько устали. Никаких эмоций и лишних движений. Несколько шагов — остановка. Еще несколько — снова отдых.

«Наконец склон начал выполаживаться,— опишет позже в дневнике последние метры пути Балыбердин.— Камни уступили место плавно поднимающемуся чисто снежному гребню с крутыми скатами на север и юг. Верхняя видимая точка не отдалялась, как раньше, по мере подъема, а стала опускаться. Еще чуть-чуть, и глаза окажутся на одной с ней горизонтали».

14.35. Балыбердин вызвал базу: «Во все стороны пути только вниз». Тамм поздравил его с победой и спросил, где напарник. «Скоро подойдет»,— ответил Балыбердин. Минут через десять на вершину поднялся Мысловский. Володя не успел настроить кинокамеру, но Эдик, несмотря на его просьбы, не останавливаясь, прошел мимо и, обессиленный, плюхнулся на снег. Победа далась ему на пределе сил.

— Первые ощущения после победы? — вспоминает Владимир Балыбердин.— Неимоверная усталость. Но и облегчение: до самого конца шел без кислорода, и теперь оставался лишь путь вниз, где с каждым метром легче дышать. Еще я подумал: «Что бы ни случилось с погодой, с маршрутом, с нами — все равно советские альпинисты побывали на Эвересте».

— Мы не обнимались, не целовались, не кричали от радости: сил не было,— добавляет Эдуард Мысловский.— Я чувствовал полное удовлетворение восхождением. Не потому, что именно мы из команды взошли первыми (это дело случая; на нашем месте вполне могли оказаться другие), а потому, что по пройденному пути легче будет идти нашим товарищам. Не физически легче — морально.

Вершина Эвереста — это небольшой снежный купол, на котором одновременно уместятся не более пяти-шести человек. Единственное, что напоминало о присутствии здесь восходителей, так это кусочек дюралевой трубки, торчавшей из снега. На ней трепетали на ветру обрывки выцветших вымпелов. В 1975 году китайские альпинисты затащили по частям и установили на вершине триангуляционный знак — трехметровую треногу из дю-

* «Железо» — жаргонное наименование всего альпинистского металлического снаряжения.

** Снежный взлет — резкое увеличение крутизны снежного участка на подъеме.

ралевых трубок. Последующие восходители обычно привязывали к ней вымпелы, флаги, различные сувениры в доказательство того, что побывали именно на Эвересте, а не на его предвершинах. Постепенно снег заметал треногу. Теперь от нее остался лишь небольшой кусочек сантиметров в пятнадцать, так что Эверест за последние годы «подрос» еще почти на три метра.

Непальский офицер связи, который должен был из базового лагеря зафиксировать достижение вершины, задавал по рации через переводчика вопросы: «Где Лхоцзе? Какого цвета вершина? Где расположена тренога? Как выглядит окружающая панорама?» Как она выглядит? Незабываемо! Выше — только небо, ниже — нагромождение остроконечных пиков, толпящихся вокруг до самого горизонта. Самый высокий из ближайших восьмитысячников — Лхоцзе казался отсюда не такой уж высокой горой. Эта величественная, суровая и безбрежная панорама Гималаев потрясала и гипнотизировала. От нее трудно оторваться, но надо выполнять обязательную программу.

Балыбердин и Мысловский достали кинокамеру и фотоаппарат, сняли друг друга, саму вершину с торчащим из нее кусочком треноги, окружающую панораму, которую постепенно начали затягивать облака. Пора уходить вниз. «Не задерживайтесь, спускайтесь вниз скорее, спускайтесь,— торопил их из базового лагеря Евгений Тамм.— Потому что поздно будет, поздно. Дороги, боюсь, не найдете, не найдете дороги...»

15.15. Двойка начала спуск. Прошли несколько метров. Мысловский остановил напарника: «Что ты скажешь, когда приедешь домой? Ведь тебя спросят: камень привез?» Балыбердину эта мысль понравилась, и он набросал в рюкзак несколько килограммов известняка. Теперь скорее вниз. Светлого времени осталось немного.

15.40. Группа Иванова связалась с базой и узнала о выходе двойки на вершину. И без того хорошее настроение еще более улучшилось. (О падении в трещину Москальцова наверх не сообщали.) Добравшись до 8500, они расширили площадку, на которой стояла палатка, приготовили обед и с аппетитом уплетали суп харчо, закусывая его салом с сухарями. Все чувствовали себя превосходно (редкий случай на столь больших высотах) и не сомневались, что скоро в лагерь вернется передовая двойка.

16.00. В базовый лагерь спустилась с ледопада спасательная группа. Москальцов хорошо перенес транспортировку и чувствует себя неплохо. Опасения Орловского насчет перелома костей черепа, к счастью, не оправдались. По мнению доктора, опасаться за его жизнь нет оснований.

16.15. Прошел ровно час, как Балыбердин и Мысловский начали спуск с вершины. Поначалу, несмотря на вновь навалившуюся усталость, шли медленно, но спокойно. Вскоре облачность поднялась настолько, что они оказались словно в «молоке». Видимость ухудшилась. Пошел снег. Скалы стали скользкими и опасными. И без того медленный темп спуска вовсе замедлился. До наступления темноты оставалось не больше двух часов, а они прошли всего ничего. Сил с каждой минутой становилось все меньше и меньше. После некоторых раздумий решили сообщить

руководству экспедиции, что находятся в аварийной ситуации и нуждаются в помощи товарищей.

16.45. Из раций в базовом и пятом лагерях, постоянно включенных на прием, послышался прерывистый голос Балыбердина:

— ...Я думаю, что до 8500 мы не спустимся... Хотя бы вышли... навстречу... с кислородом, что ли... потому что... исключительно медленно... все происходит... Если есть возможность... горячий чай... и что-нибудь поесть...

— А где вы сейчас, Володя? Как далеко от вершины спустились? Как оцениваешь высоту?—спросил Тамм.

— Я оцениваю... 8800...—ответил Балыбердин.

— Володя, хорошо, мы что-нибудь сообразим...—вмешался в разговор из пятого лагеря Иванов, мгновенно оценив сложность ситуации: Мысловскому и Балыбердину грозит «холодная ночевка». Шанса «дотянуть» до утра на такой космической высоте и холоде без палатки и спальников практически нет...

Ночной штурм

16.50. После получения сообщения о вероятности «холодной ночевки» Балыбердина и Мысловского в пятом лагере начали готовиться к выходу. Было ясно, что пойдет двойка, поскольку

кто-то должен остаться на подстраховке на 8500. Ясно и другое: эти двое почти наверняка лишатся шанса выйти на штурм Эвереста, израсходовав силы и кислород. Сергей Ефимов начал одеваться. Бершов и Туркевич настаивали, что идти вверх надо им: они давно ходят в одной связке, оба специалисты по скальным участкам и, следовательно, смогут двигаться быстрее. Их аргументы убеждали.

Бершов и Туркевич надели все теплые вещи, чтобы быть готовыми пробыть наверху всю ночь и даже, если придется, переночевать без спальников и палатки. Взяли «карманное питание» (изюм, инжир, орешки), фляги с горячим компотом, кошки для Мысловского, маску и редуктор для Балыбердина, медикаменты. Каждый положил в рюкзак по три кислородных баллона: по одному для застрявших на немыслимой высоте товарищей, по два... для себя. Они все же надеялись использовать свой последний шанс, если первая двойка сможет самостоятельно продолжить спуск. В базовый лагерь о варианте ночного восхождения решили не сообщать, чтобы не накалять и без того накаленные страсти. Если возможности выйти на штурм Эвереста не представится, они оставят баллоны там, где встретят передовую двойку. Кислородом тогда смогут воспользоваться следующие за ними Иванов и Ефимов.

17.30. Балыбердин и Мысловский продолжают путь вниз. На первой же крутой стенке Эдик, шедший первым в связке, ушел метров на тридцать левее маршрута. Володя никак не мог спуститься с нижней страховкой по заснеженным скалам и решил оставить тяжеленный рюкзак, набитый «трофеями» с Эвереста. (На следующее утро он искренне надеялся «сбегать» за ним. Ощущения расстояния и сложности пути стирались.)

18.00. Бершов и Туркевич покинули уютную и теплую палатку. Ефимов в последний момент успел сунуть им фонарь. Они быстро исчезли из поля зрения. На небе полная луна. Ветра почти нет. Погода на сей раз смилостивилась. Из нагрудного кармана ветрозащитной куртки Туркевича торчала антенна радиопередатчика, включенного на прием, чтобы постоянно слушать находящихся наверху товарищей.

18.45. Балыбердин и Мысловский связались с базой и узнали, что к ним навстречу вышла двойка из пятого лагеря. Сообщение обрадовало и расслабило одновременно. Балыбердин прошел мимо собственных кошек, вместо того чтобы надеть их: «Очень не хотелось останавливаться и снимать меховые рукавицы на таком морозе. А о том, что через пару часов мы выйдем на скользкую черепицу, не думал. Пожалуй, соображал я тогда плохо». Состояние Мысловского было не лучше. Он еле шел. Подступали сумерки. Вскоре у него кончился кислород. И без того черепаший темп спуска вовсе замедлился. Пустой баллон выбросили. Немного погрохотав, он улетел в бездну. Этот звук слышала двойка, идущая на помощь из пятого лагеря.

20.00. Бершов и Туркевич преодолели пояс рыжих скал. Подошли к основанию крутого скального взлета. У его основания неожиданно наткнулись на остатки палатки. Потом увидели тонкие красные веревки, провешенные кем-то на скалах. (Начиная с Западного гребня путь советских альпинистов совпадал с

маршрутами некоторых предыдущих экспедиций.) Около веревок заметили следы первой штурмовой двойки — значит, идут верно. Стемнело. Начался снегопад. Правда, луна время от времени проглядывала сквозь облака, заливая все вокруг холодным серебряным светом. Горный рельеф приобрел совершенно иной вид. Стало трудно ориентироваться, правильно определять расстояния.

Искрящиеся в лунном свете Нуппзе и Лхоцзе казались совсем рядом. Теневая сторона гребня, по которому они шли, выглядела абсолютно черной и бесконечной. Только бы не проскочить терпящую бедствие двойку: возможно, Балыбердин и Мысловский спускаются по противоположной стороне гребня. Конденсат, что выбрасывался из клапанов кислородных масок, покрыл сплошной коркой льда ветрозащитные куртки. При каждом движении они потрескивали, и казалось, вот-вот рассыплются на ледяные кусочки. До вершины оставалось недалеко. Неужели Балыбердин и Мысловский прошли так мало? Сняли маски и закричали — никто не отозвался.

21.00. Пройдя еще немного, Сергей Бершов поднялся на вершину гребня и снова крикнул. Ему тут же ответили с другой стороны, с той, что освещалась луной. Наконец через три часа подъема они услышали голоса Балыбердина и Мысловского. Метров на двадцать ниже на фоне голубоватого снега чернели их фигуры. Один стоял, опираясь руками о камни. Другой сидел под огромной скальной глыбой. Быстро спустились вниз по склону гребня. Эдуард Мысловский (это он сидел под скальной глыбой) поднялся навстречу товарищам... и сразу сел.

— Как вы? — спросил Туркевич.

— Нормально,— ответил Мысловский.

— Очень холодно... тяжело...— добавил Балыбердин.

Они с трудом выговаривали слова, делая длинные паузы, чтобы отдышаться. Силы совсем оставили их. Больше всего они нуждались сейчас в спасительном кислороде. Надели на них маски, подключили баллоны. Через несколько минут Мысловский и Балыбердин пришли в себя и смогли нормально разговаривать. Попили теплого компота, пожевали инжир и орешки, проглотили тонизирующие таблетки, которые предусмотрительный Орловский посоветовал взять из аптечки пятого лагеря. Подышав кислородом и немного подкрепившись, Балыбердин и Мысловский явно приободрились и повеселели.

«Подумайте, ребята, сможете пока спускаться сами?» — спросил Бершов. «Давайте,— ответил Балыбердин, поняв, что стоит за этим вопросом, и добавил: — До вершины часа тричетыре ходу». В это трудно поверить. По расчетам Бершова и Туркевича, встреча с первой штурмовой двойкой произошла где-то на 8750.

21.30. В базовом лагере, который уже несколько часов был в полном неведении относительно того, что происходит наверху, раздался голос Туркевича:

— Евгений Игоревич, мы дали им кислород и накормили. До вершины полтора-два часа ходу...

— База! База! Я — группа один. В моей рации кончается питание... Отвечайте быстро. Ребята хотят идти на вершину. Мы

чувствуем себя нормально, спустимся самостоятельно. Можно им идти? — добавил Балыбердин.

— Нет! — категорически перебил его Тамм.

— Почему нет? Сейчас луна светит и ветер стих. Мы быстро догоним ребят, — закричал Бершов, выхватив рацию у Балыбердина.

В этот момент по закону подлости село питание. Ответа руководителя экспедиции они не услышали. Евгений Тамм, который все последние часы не мог оторвать глаз от далекого предвершинного гребня, судорожно размышлял: «Действительно, почему нет? Надо подумать, но все время мешает, просто давит мысль, что связь опять может прекратиться... Допустим, они спускаются в пятый лагерь, а там еще двое. Шесть человек в маленькой палатке. Двое из них предельно уставшие и беспомощные. Это не отдых перед тем, как одним продолжать долгий спуск, а другим идти на штурм. А кислород! Хватит ли его?»

К счастью, рация у Балыбердина еще работала, и из нее донесся вопрос Тамма:

— Сколько у вас кислорода?

— По триста атмосфер на каждого, — тут же ответил Бершов.

— Хорошо... Идите... — после некоторой паузы послышалось из эфира.

Разрешение базы на ночной штурм Эвереста получено. Но последнее слово за Балыбердиным и Мысловским — таковы законы альпинизма. Они уверяли, что чувствуют себя нормально и смогут понемногу идти вниз. Они понимали, что придется нелегко, но лишать Бершова и Туркевича их последнего шанса покорить вершину, до которой оставалось всего ничего, не могли.

21.40. Бершов и Туркевич пошли вверх. За время вынужденной стоянки пальцы рук и ног окоченели — приходилось разогревать их на ходу. Вскоре увидели на снегу кошки Балыбердина, чуть дальше, за предвершинной скалой, — его рюкзак. Преодолели сложный скальный участок. Вышли на острый гребень, показалась зазубрина Южной вершины Эвереста. Начался снежный взлет. Поставив расход кислорода на максимум — четыре литра в минуту, в хорошем темпе друг за другом они устремились к уже близкой цели.

22.25. Вершина. Михаил Туркевич стал 114-м покорителем Эвереста, Сергей Бершов — 115-м. Сняли обледеневшие варежки и пожали друг другу руки. На более бурные эмоции не хватало сил. Попробовали сообщить о своей победе руководству экспедиции. База не ответила. Видно, снова село питание. Уже после спуска радист экспедиции Юрий Кононов расскажет, что внизу услышали только «База! База!» и больше ни слова. Все надеялись, что они снова выйдут в эфир, и всю ночь не ложились спать, боясь пропустить вести сверху. Но рация продолжала угрюмо молчать.

22.55. Бершов и Туркевич, пробыв всего полчаса на вершине, пошли вниз. Надо торопиться к оставшимся внизу товарищам. Погода начинала портиться. Взяли на память по горсти камешков. Еще ниже подобрали кошки Балыбердина, которые пригодятся при спуске. Выпавший снег сделает опасными и труднопроходимыми наклонные плиты, что предстоит преодолеть на пути к пятому лагерю. К «черепичной лестнице» как раз в это время

подходили Балыбердин и Мысловский. С кислородом им стало идти намного легче, но спуск продолжался по-прежнему слишком медленно. После обильного снегопада все вокруг выглядело незнакомым. Спускаться по отполированным ветрами и припорошенным снегом наклонным плитам без кошек очень рискованно. Мысловский остановился и сел. «Время остановилось.— запишет он позже в дневнике.— Мыслей не было. Какое-то оцепенение охватило меня. Так, наверное, переходят в состояние зимней спячки медведи».

Балыбердин заставил себя пройти немного вперед, чтобы посмотреть дальнейший путь. В этот момент их заметили возвращающиеся с вершины Бершов и Туркевич. В лунном свете было отчетливо видно, что один сидит, а второй двигается, как им показалось сверху, в сторону пропасти. «Стойте на месте! Ждите нас!» — сорвав маску, что было сил закричал Бершов. Двигающаяся фигурка остановилась.

23.55. Бершов и Туркевич догнали Балыбердина и Мысловского. Заканчивалось 4 мая — самый длинный и напряженный день в жизни экспедиции. Начинался день новый. Продолжался изнурительный спуск четверки победителей Эвереста в пятый лагерь.

5 мая. Шли очень медленно, подыскивая более или менее ровное место, чтобы надеть кошки Эдику и Володе. И без того измученным, им приходилось затрачивать дополнительные силы, чтобы не поскользнуться на скользких, как лед, плитах. На этом сложном отрезке четверка спускалась так. Бершов уходил вперед, пока не натягивалась 45-метровая веревка, связывающая его с Туркевичем. Пристегнувшись к веревке и держась за нее, шли вниз Мысловский и Балыбердин. Потом все вместе они принимали с нижней страховкой Бершова. И все повторялось сначала. Много часов подряд. Поднимался ветер. Мороз усиливался. В 4 часа утра луна окончательно скрылась за горизонтом. Все погрузилось в кромешную тьму. Идущий впереди Туркевич подсвечивал путь фонариком. Спускаться стало невыносимо трудно. Но они упрямо, почти на ощупь (батарейка фонарика от мороза постепенно садилась) продолжали путь к спасительному пятому лагерю, где с тревогой и нетерпением ждали их Иванов и Ефимов.

...Оставшись без рации после ухода из лагеря Бершова и Туркевича, они не знали, что происходит наверху. Оставалось только ждать. Изредка Сергей Ефимов высовывался из палатки, прислушивался и кричал. Неизвестность не давала покоя. Оделись, прошли несколько сот метров. За Западным гребнем не видно последнего отрезка пути к вершине. Дальше идти без кислорода нет смысла, а тратить его нельзя. Вернулись в палатку и, не раздеваясь, забрались в пуховые мешки. Включили приемник и поймали Москву. В последних новостях сообщили, что двойка советских альпинистов покорила Эверест. Оперативно. Но где сейчас эта двойка? Полная неизвестность. Может быть, ребята, закопавшись в снег, пережидают ночь? Вряд ли. Наверняка идут вниз.

С наступлением рассвета надо выходить вверх. Он наступил почти мгновенно, залив все вокруг зеленовато-голубоватым светом. Настроение улучшилось. Даже сил вроде бы прибавилось. Начали готовиться к выходу из лагеря. Было около 6 часов утра,

когда они неожиданно для себя услышалн голоса. Первым в палатку ввалился Бершов. За ннм — Туркевнч. Вчетвером помогли забраться в палатку Мысловскому н Балыбердину. Почти сутки проходили они в связке по Эвересту — восемь часов к вершнне, пятнадцать — к лагерю V. Это был долгнй и бесконечно трудный путь. Пожалуй, самый трудный в нх спортивной жнзнн.

Вот что напишет позже в своем дневнике Владимир Балыбердин, напишет откровенно, не боясь в какой-то степени принизить цену своей победы над Эверестом: «Не знаю, сколько еще времени я мог бы продержаться. Когда у меня кончился кислород (тот, что принеслн Бершов и Туркевич), я отдыхал через каждые несколько метров. Не было ощущения, что вот-вот кончатся силы. Они давно уже кончились. Органнзм вошел в режнм какого-то безразличного состояния, когда непонятно — то ли он будет работать бесконечно, как вечный двнгатель без притока внешней энергнн, то лн внезапно откажет в совершенно непредвиденный момент. Казалось, что в палатку я вполз на самом последнем пределе. Но где этот последннй предел? И что после него? Пожалуй, никогда за свою альпинистскую жизнь я не был так блнзок к концу. И до сих пор не могу толком понять, в чем причнна, где ошнбка...»

Наконец четверка победнтелей Эвереста оказалась в теплоте палатки, где есть еда и пнтье, где можно отдыхать, не двигаясь, и не боясь замерзнуть. Иванов н Ефимов помоглн раздеться Мысловскому и Балыберднну. У Эднка почернели фаланги пальцев на руках н ногах. Состояние Володн намного лучше. Хотя пальцы онемели, их цвет нормальный — значнт, через несколько дней они полностью восстановятся. Шестерым слншком тесно. Выбравшнсь наружу, Иванов и Ефнмов долго вознлнсь, пытаясь надеть на морозе кошки. Снова забралнсь в палатку. В тепле им удалось наконец привязать «непокорные» кошки к ботннкам. Попрощалнсь с ребятамн. Пора выходить на штурм.

День Победы

В 6.30 Валентин Иванов н Сергей Ефимов, взяв по два «неприкосновенных» баллона (этого хватнт прн расходе двух литров в мннуту прнмерно на 10 часов работы), вышли из лагеря V. Они шли к вершнне довольно медленно: то у одного, то у другого соскакивали кошкн. Приходилось часто останавливаться, чтобы помочь друг другу надеть нх. Наконец онн оказались на уровне Южной вершины Эвереста. Главная вершина, скрытая облаками, была где-то совсем рядом. Неторопливо, но уверенно преодолевали они последние десятки метров. В 13.20 они достигли цели.

Первым делом решили отснять панораму, пока ее не успелн занавесить облака. Промерзшая насквозь камера не работала. Ефимов засунул ее под пуховку, н минут через десять она «ожила». «Отхожу на край вершины,— вспоминает Валентин Иванов,— даю наезд на лагерь американской экспедицнн, расположенной на леднике Ронгбук, потом перевожу камеру на Ефимова, крепящего к треноге вымпел Уральского полнтехнического ннстнтута. От него — вниз на окружающне горы. Я очень рад своей находке. Это лучшее, что мне удалось снять в жизни. Но Сережа

открывает кинокамеру, а там «салат» — клубок перепутанной пленки. Обидно до слез. Но ничего больше сделать нельзя. Пленка кончилась. Вынимаем кассету, а камеру оставляем на вершине. Теперь в ход пошли фотоаппараты».

По просьбе офицера связи в очередной раз подробно описали все, что видели на вершине и вокруг. На леднике Ронгбук виднелись две маленькие точки, приближающиеся к американскому лагерю. (Одновременно с советской экспедицией Эверест штурмовали со стороны Тибета еще две — американская и английская. Из-за плохой погоды, потеряв несколько человек, обе экспедиции затем отказались от штурма.) На вершине Иванов и Ефимов пробыли 1 час 40 минут...

Ждать их возвращения не имело смысла. На 8500 слишком мало кислорода. От лежания в палатке сил не прибавится, скорее наоборот. Надо спешить вниз, туда, где густой воздух поможет восстановить силы. С трудом Бершов и Туркевич разбудили задремавших товарищей. Надели Мысловскому и Балыбердину ботинки и кошки (руки их плохо слушались), напоили чаем. Заклеили пластырем дыру, что только что прожгли в палатке примусом, и выбрались наружу. Все вокруг занесено снегом. Бершов ушел вперед протаптывать тропу и откапывать веревочные перила. За ним Туркевич с Мысловским, последним — Балыбердин. Он отдохнул и чувствовал себя неплохо, снова шел без кислорода. Начались острые заснеженные гребни, что тянутся до четвертого лагеря. Здесь уж хочешь не хочешь нужно спускаться по одному.

Никто не сможет помочь Мысловскому. Как он будет на каждом креплении веревок перещелкивать карабин*? Но это только начало пути. От пятого лагеря до первого — около восьмидесяти веревок, каждая закреплена в трех-четырех местах. Дали Эдику полный баллон кислорода, поставили два литра в минуту. Очень медленно, превозмогая адскую боль, Мысловский упрямо шел вниз. Часто останавливался, чтобы восстановить дыхание. Благополучно добрались до лагеря IV. Немного отдохнув, продолжили путь вниз. Погода портилась. Начался обильный снегопад. Остановившись в очередной раз, чтобы перевести дух, Мысловский, поправляя сбившуюся набок кислородную маску, выронил из непокорных пальцев рукавицу. Это случилось недалеко от того злополучного места, где несколько дней назад он вынужден был расстаться с рюкзаком, чтобы выбраться из критической ситуации.

На его счастье, вскоре показались Казбек Валиев и Валерий Хрищатый. Казбек отдал Эдику свои запасные, домашней вязки варежки из собачьей шерсти, поздравил его с победой и вместе с напарником продолжил путь вверх. (Валиев шел в маске. Хрищатый мечтал добраться до самой вершины без кислорода и не пользоваться им по ночам.)

К вечеру Мысловский, Балыбердин, Бершов и Туркевич добрались наконец до 7800. Сергей Бершов в очередной раз

* Карабин — металлическое соединительное звено при работе с альпинистской веревкой или крючьями.

сделал Эдику уколы компламина* и гидрокортизона**. (Лекарства давали видимый эффект: некоторые из почерневших пальцев светлели на глазах.) После двух дней и ночи непрерывного бодрствования Мысловский и Балыбердин смогли наконец выспаться. В лагере III ночевали также Ильинский и Чепчев, в лагере IV — Валиев и Хрищатый, в лагере V — Иванов и Ефимов, в лагере I — Хомутов, Пучков, Голодов. Заканчивался очередной день работы экспедиции.

6 мая. С самого раннего утра на склонах Горы снова возобновилось движение. Одни продолжали свой путь к заветной вершине, другие с победой возвращались с нее. В этот день не произошло никаких из ряда вон выходящих событий. Просто одни шли вверх, другие — вниз. Хомутов, Пучков, Голодов поднялись в лагерь II, Ильинский и Чепчев — в лагерь IV, Валиев и Хрищатый — в лагерь V. Четверка Ильинского в который уж раз не смогла соединиться. Все четверо из Алма-Аты, все из одной команды (остальные четверки были сборными). Не раз под руководством своего тренера Ерванда Ильинского Валиев, Хрищатый и Чепчев проходили сложнейшие маршруты в горах Памира и Тянь-Шаня, завоевывая золотые медали чемпионов Советского Союза по альпинизму. Они и сейчас мечтали все вместе выйти на штурм Эвереста.

Но события, происшедшие накануне, нарушили их планы. Первоначально предполагалось, что Валиев и Хрищатый, забросив необходимый для восхождения запас кислорода в четвертый лагерь, вернутся в третий, чтобы подождать своих товарищей. Но туда спустились Мысловский и Балыбердин в сопровождении Бершова и Туркевича. Четверка Ильинского лишилась возможности соединиться: мест в палатках третьего лагеря на всех не хватало.

7 мая. Утро застало Валиева и Хрищатого в сомнениях. Они не знали, как поступить: ждать еще сутки на 8500 своих товарищей, чтобы попытаться выйти на штурм вместе, или идти сейчас же вдвоем, пока еще остались силы и стоит более или менее сносная погода? (Прогноз обещал ее значительное ухудшение на 8—9 мая.) Возможно, завтра не будет шанса, который есть сегодня. Решили выходить на штурм вдвоем. В 7 часов утра Казбек Валиев и Валерий Хрищатый вышли из пятого лагеря.

Валерий по-прежнему шел без кислорода, хотя нес с собой на всякий случай два полных баллона. Порывы ледяного ветра продували насквозь и чуть не сбивали с ног. Под его напором веревка между восходителями была все время натянута дугой в воздухе, не касаясь заснеженных скал. С трудом преодолели расстояние от палатки до выхода на Западный гребень. Хрищатый, шедший первым в связке, поднялся в проем скал на гребне и остановился. Потом повернулся к напарнику, махнул рукой в сторону палатки и скрестил руки над головой: надо возвращаться, идти дальше нельзя. «На Эвересте повернуть назад?! Ни за что!

---

* Компламин — сосудорасширяющее средство, применяемое в альпинизме при обморожениях.

** Гидрокортизон — средство, применяемое в горах главным образом как противовоспалительное.

Может, потому, что без кислорода? Включи редуктор!» — закричал в неистовстве Валиев, стараясь перекрыть гул ветра, и начал карабкаться на гребень.

«Поднимаюсь на гребень,— запишет он позже в дневнике,— и от неожиданно сильного порыва чуть не падаю по ту сторону. Хватаюсь руками за скалу. Да, здесь стоять нельзя, валит ветром с ног. На перегибе гребня ветер достигает максимальной скорости и жутко грохочет в ушах. Такое чувство, что стоишь на переезде, а мимо мчится скорый поезд. Ветер пытается сбросить меня с гребня, но я крепко держусь за вбитый по самую головку ледоруб. Меня душит бессильная злость. Я вижу, что технически гребень не сложный, но в эту погоду непроходим. Если мы продолжим штурм, то имеем перспективу через час замерзнуть или сорваться с гребня».

Валиев и Хрищатый вернулись в полузаваленную ветром палатку. Попытались сообщить на базу о неудачной попытке штурма. Рация не работала. Что делать дальше? Только ждать. Прошел час, второй, третий. Ветер и не думал стихать. Солнце поднялось над Эверестом, и в палатке стало сразу теплее. Рация отогрелась и заработала. Сообщили вниз о неудачной попытке и получили разрешение на повторную, если улучшится погода. Восходители продолжали ждать, но порывы урагана были все такими же резкими и неистовыми.

Во второй половине дня ветер наверху начал дуть порывами — значит, сила урагана на исходе и надо быть готовыми к выходу. В 5 часов вечера Валиев и Хрищатый вышли из пятого лагеря. На сей раз оба в кислородных масках. Они надели на себя всю теплую одежду, идя как бы на запланированное ночное восхождение. Вскоре на 8500 поднялись Ерванд Ильинский и Сергей Чепчев. Они вплотную приблизились к товарищам и решили без отдыха продолжить путь к вершине.

— Можно нам выйти вслед за ними? — спросил базу Ильинский.

— Нет! — категорически остудил их энтузиазм Тамм.

— Тогда мы выйдем с утра пораньше,— предложил Ерванд.

— Нет, подождите их возвращения,— ответил начальник экспедиции.

8 мая. Казбек Валиев и Валерий Хрищатый продолжают путь к вершине. «Меня не покидает ощущение,— запишет в дневнике Казбек,— что скоро нас догонит другая связка. С трудом удерживаю себя, чтобы не оглянуться вниз, на гребень. Это не галлюцинации. Может, с нами мысли наших друзей, которые волнуются за нас. Это не передаваемое словами сложное и тонкое чувство. Такое я испытываю впервые».

Прошло почти девять часов, как они вышли на штурм. Хрищатый все время впереди. Только в самом конце пути он повернулся к напарнику и другу и показал рукой: «Иди вперед». В 1 час 47 минут они достигли вершины и, обнявшись, постояли немного на «третьем полюсе» Земли. Облака то окутывали их, то отступали вниз, и тогда почти вровень с ними виднелась холодная луна. Через 10 минут они начали спуск. Вся одежда была покрыта тонким слоем льда. Казбек с трудом достал из-под ледяного панциря рацию. Сигнальная лампочка не горела — село питание.

Все же в надежде, что их кто-нибудь услышит в эфире, он сказал: «База, база! Мы спускаемся с вершины, у нас все хорошо!»

Внизу услышали лишь: «База, база...» И больше ничего. Прошло 10 часов после выхода Валиева и Хрищатого из пятого лагеря — слишком много для одной из сильнейших связок страны. Прошло еще 2 часа. Еще два. Они не возвращались. Рации во всех лагерях продолжали молчать. Напряжение возрастало. Рассвело. Прошло 15 часов. Двойки не было. Ильинский и Чепчев подготовили все к выходу на помощь. В 8.30 на сеансе связи база подтвердила их решение: «Выходите». В этот момент Ерванд услышал крик. «Кто-то кричит. Кажется, ребята на подходе,— передал он вниз.— Свяжемся через тридцать минут».

За 15 часов тяжелой работы (три последних часа без кислорода) Валиев и Хрищатый предельно устали, промерзли насквозь. Они задыхались и не могли сразу вдохнуть живительного газа, который им дали в палатке товарищи. Мало-помалу кислород оказывал свое действие — Казбек и Валерий приходили в себя, уверяли, что смогут самостоятельно спуститься вниз. Во время повторной связи, узнав, что Валиев и Хрищатый последние несколько часов спускались без кислорода при почти сорокаградусном морозе, Тамм поинтересовался первым делом, есть ли у них обморожения. Состоялся долгий и трудный разговор, решивший судьбу Ильинского и Чепчева.

Ильинский. Обморожения? Есть незначительные.

Тамм. Понял. Вот Свет Орловский спрашивает: обморожения чего? Пальцы, руки, ноги — что?

Ильинский. Ну, пальцы на руках. Незначительные. Ну, волдыри в общем. Изменения цвета нет.

Тамм. Понял, понял. Значит, так, Эрик! Задерживаться там не нужно — в пятом лагере, в лагере пятом. Спускайтесь все вместе. Вам двоим сопровождать ребят вниз, вниз сопровождать. Как понял?

Ильинский. Я-то думаю, что в общем большой необходимости нет сопровождать ребят.

Тамм. Ну а я думаю, есть, Эрик. Давай так. Сейчас, после шестнадцати часов такой работы или пятнадцати, надо сразу спускать их вниз. Если даже у них есть там волдыри и так далее, они сгоряча работать смогут, а потом? По веревкам там перецепляться надо, это начнется длинная история. Так что спускайтесь вниз вместе.

Ильинский. Понял вас. Но я так смотрю по состоянию, что вообще надобности нету.

Тамм. Что ж, тем лучше, значит, будете их просто сопровождать, а не спускать. Но одних отпускать сейчас вниз не стоит.

Ильинский. Ну, понял вас, понял. Одним словом, мы уже больше не лезем на Гору? Так? Прием.

Тамм. Да, да! Да, вы сопровождаете ребят вниз — это распоряжение.

Ильинский. Ну, понял...

И заветная вершина, до которой оставалось всего-навсего 348 метров по вертикали, отдалилась для Ильинского и Чепчева на непреодолимое расстояние. «Эрик с Сережей тяжело переживали вынужденное отступление,— запишет в дневнике Евгений Тамм.—

Ни у них, ни у меня нет и не было абсолютной уверенности, что оно было неизбежным. Но проверить это невозможно. Целый комплекс обстоятельств влиял на мое решение. Повторись все заново — я поступил бы так же. Главным было то, что после стольких часов пребывания выше 8500, в условиях, которые выпали на долю Валиева и Хрищатого, риск оставить их одних был бы неоправдан. В глубине души это понимали, конечно, и Эрик и Сережа. Но им было тяжелее: уходить должны были они, а не я. Сами они оставили бы ребят только в случае жесткого указания на этот счет. В этом не может быть сомнения».

Четверка Ильинского пошла вниз, группа Хомутова — вверх, в четвертый лагерь. Хомутов первым добрался туда и в 18.00, точно по расписанию, связался с базой. Ему зачитали радиограмму из Москвы: «Всем альпинистам, участвовавшим в работе экспедиции, присвоено звание заслуженных мастеров спорта».

— Всем или тем, кто побывал на вершине? — переспросил Хомутов.

— Всем,— уточнил Тамм.

Оказалось, что эти слова следовало понимать так: в связи с ухудшением погоды и во избежание излишнего риска прекратить все восхождения.

— Такой вот приказ...— добавил Тамм.— Смотрите сами.

— Сейчас подойдут Пучков и Голодов. Мы подумаем,— попросил отсрочки Хомутов.— До связи в восемь вечера.

Вскоре его группа в полном составе собралась в четвертом лагере. Узнали невеселую весть. Состоялась короткая, но эмоциональная беседа. «Валера,— кипятился обычно уравновешенный Юрий Голодов,— нам по сорок, у нас дети. Мы не за значками заслуженных мастеров спорта сюда шли, а чтобы «сделать» Гору. Мы всё понимаем: за нами советский альпинизм. Мы в полном здравии. Мы не подведем. Мужики мы, Валера, или нет?!» Дебатировать долго не стали, все думали так же, да и времени тратить не хотелось. Больше того, они решили штурмовать вершину не 10 мая, как предполагалось ранее, а на день раньше — 9 мая — в этот святой для каждого советского человека день.

Чтобы осуществить свой план, им предстояло всего за один день сделать бросок из третьего лагеря в пятый, набрав по сложнейшему скальному маршруту 700 метров по вертикали. Задача сложная, но выполнимая. В своих силах они уверены, да и кислорода вполне достаточно. Не мешкая, Хомутов, Пучков, Голодов вышли из четвертого лагеря. Поднимались быстро и уверенно, но дойти до 8500 засветло им, конечно, не удалось. Восьмичасовая связь застала тройку на пути в предвершинный лагерь.

— Где находитесь? — спросил Тамм.

— На четвертой-пятой веревке между лагерями,— ответил Хомутов.— Мы все-таки решили идти на 8500, чтобы завтра, в День Победы, выйти на штурм.

— ...Идите,— после небольшой паузы сказал начальник экспедиции.

Тройка продолжала свой путь в кромешной тьме. Единственная путеводная нить — перильная веревка. Владимир Пучков,

шедший первым, после нескольких часов «слепого подъема» выбрался наконец на какой-то гребень и на ощупь нашел долгожданную палатку. Было около 12 часов ночи.

9 мая. Флегматичная луна повисла над частоколом гималайских пиков. Полная тишина. Ветер окончательно стих. Погода обещала не подчиниться прогнозу, предсказывавшему ее резкое ухудшение. Достали сахар, курагу. Приготовили чай. Самочувствие хорошее. Настроение тоже.

Около 2 часов ночи забрались в спальники, не снимая ботинок (утром на этом можно сэкономить целый час). Подключились к кислородным баллонам. В 5 часов утра начали подниматься.

В 6 часов утра, связавшись втроем одной сорокаметровой веревкой, Хомутов, Пучков, Голодов вышли на штурм. Было очень холодно. Они сильно мерзли. Около восьми из-за вершины Эвереста выглянуло долгожданное солнышко. Ноги стали постепенно отходить. В половине девятого Тамм вызвал тройку:

— Поздравляю с Днем Победы! Где вы?

— Мы прошли рыжие скалы. До вершины три часа ходу,— ответил Хомутов.

После восхода солнца погода ухудшилась. Поднялся сильный ветер, который сдувал их с гребня. Пришлось идти чуть ниже его, что значительно затрудняло движение. Шли предельно осторожно и собранно, понимая, что любое ЧП перечеркнет все сделанное до них. Они уверенно приближались к цели. В 11 часов 30 минут Хомутов вызвал базу:

— База, база! Как слышите меня?

— Отлично слышим, Валера! Вы на вершине?

— На вершине мы, Евгений Игоревич, на вершине!— крикнул в рацию Хомутов.

— Поздравляю вас, ребята, дорогие! Поздравляем!

Все обитатели базового лагеря столпились вокруг рации, слушая вести с вершины. Тройка победителей готовилась к спуску. Все ждали. Ждали, что скажет их руководитель в этот праздничный день. И Хомутов сказал:

— Мы, советские альпинисты, совершившие восхождение на Эверест девятого мая тысяча девятьсот восемьдесят второго года, поздравляем с Днем Победы над фашистской Германией весь советский народ, который одержал эту победу, и все народы других стран, боровшихся с фашизмом. Салютуем на вершине Эвереста в честь праздника Победы поднятием ледорубов. Ура!

Так закончилась первая советская экспедиция в Гималаях. Одиннадцать восходителей поднялись на высочайшую вершину планеты по контрфорсу юго-западной стены — маршруту, который прежде считался непроходимым. И заслуга в этой трудной победе над Эверестом принадлежит взошедшим и невзошедшим. Всем, кто участвовал в подготовке и организации экспедиции. Всем, кто создавал советскую альпинистскую школу. Всем. Всем поровну, ведь в альпинизме не бывает «статистов» и «звезд»...

НА ПЕРЕКРЁСТКАХ ПУТЕЙ И ЭПОХ

Виктор Танцуров

На верхней Волге

ОЧЕРК

Художник С. БРЫНЗА

Солнце садится, тень у берегов густеет, и коричневая болотная вода Орши становится совсем темной — кажется, что навстречу течет не вода, а остывающая вулканическая магма. Сходство еще более усиливают вечерние испарения: они висят над рекой, как дым, скрывая от глаз дальние излуки.

Пора располагаться на ночлег. Вон, кстати, и подходящее место — высокий, обрывистый берег, на котором сплошной стеной стоят медностволые сосны. Текущая сотни лет река неуклонно подмывает берег, и корни сосен, растущих на краю обрыва, обнажены. Обрыв высок, метра три-четыре, и весь источен черными дырами — гнездами ласточек-береговушек. Отсюда, с воды, желтый песчаный срез обрыва напоминает гигантскую пчелиную соту.

Ласточки встречают меня громким встревоженным писком, проносятся над самой головой, и, чтобы успокоить их, я проплываю дальше и только там причаливаю.

Человеку опытному в лесных блужданиях требуется немного времени для устройства на новом месте — через полчаса возле палатки уже потрескивает костер, на рогульках висит чайник, а на

одеяле разложена нехитрая снедь — хлеб, перья зеленого лука, помидоры и огурцы. «Стол» сочен и живописен, как натюрморт, им дóлжно любоваться, но голод не тетка, и, пока закипает чайник, я съедаю все без остатка. Потом завариваю в кружке чай и сажусь на край обрыва.

Орша — речка неширокая, всего метров сорок или пятьдесят, и с моего места хорошо виден противоположный берег — низкий пойменный луг, заросший разнотравьем и серебристыми кустами ивняка. Здесь раздолье для всяких приречных птиц, и особенно для чибисов, которые тут и там кружатся над лугом, крича протяжно и печально. В здешних местах чибиса называют луговкой, и лично мне это ласковое имя нравится. Луговка — птица, живущая в лугах...

Вообще-то луговка — это кулик, но от других куликов ее тотчас можно отличить по тупым крыльям и по хохолку на голове. В полете этот хохолок не заметен, но стоит птице сесть, и он сразу же задирается кверху. Помню, как в детстве мы отыскивали гнезда луговок. Найти их непросто, хотя луговки никак не маскируют свои кладки. Но во-первых, сама местность, где они гнездятся, всегда густо порастает травой и кустами, а во-вторых, луговки в отличие от многих птиц никогда не слетают с гнезда при опасности. Они сначала отбегают от него на некоторое расстояние и только потом взлетают и криками отманивают недругов от яиц или выводка.

Гнездятся луговки как поодиночке, так и колониями. Здесь, судя по обилию птиц, колония. К тому же и птенцы уже поднялись на крыло — на дворе июль...

Темнеет все быстрее, и все отчетливее проступают звезды, словно пунктиром обозначая границы созвездий. Июль — макушка лета, и главная примечательность звездного неба этой поры конечно же летний треугольник. Вот он, высоко над горизонтом, составленный из главных звезд трех созвездий — Лиры, Орла и Лебедя. Выше его, почти в зените, видна голова Дракона, а на западе светятся Северная Корона и Волопас. А вот и мое созвездие — Дева. Я родился под его знаком, и оно, естественно, интересует меня больше других.

Девой созвездие назвали еще в глубокой древности, но, говоря по правде, мне ни разу не удалось угадать в его рисунке хотя бы условную женскую фигуру. Однако созвездие окрестили так не зря. Известно, что в нем расположена точка осеннего равноденствия, в которой Солнце бывает 23 сентября. А издавна во многих странах вступление нашего светила в созвездие Девы совпадало с периодом уборки урожая. Вероятно, поэтому древние и стали изображать созвездие в виде девы, держащей в руках колосья или пальмовую ветку. Кстати, и главная звезда Девы, голубовато-белая Спика, в переводе с латыни означает «колос».

Между тем наступил самый глухой час ночи, и все вокруг переменилось, стало непонятным и таинственным. Меня обступала темнота, в которой повсюду угадывалось какое-то движение, какая-то загадочная жизнь, и только огненный круг костра, как меловой круг гоголевского Хомы, отделял меня от этой жизни, от видений и химер темноты. Внизу потаенно всплескивала вода, как будто из речных глубин выплывали на заветные места русалки-

берегини; в шуме и мраке леса слышались чьи-то осторожные шаги, а сквозь дым костра различались чьи-то подсматривающие взгляды. Невидимое окружало со всех сторон, стояло за спиной, дышало в затылок.

Я много раз ночевал один в лесу и всякий раз испытывал одно и то же чувство, какое, наверное, испытывал первочеловек, когда свет сменялся тьмою и он, бессильный понять эту метаморфозу, с тревогой всматривался в ночное небо, диким чутьем угадывая могущество природных сил. Ночью вообще, а в ночном лесу в особенности человек ощущает близость того, что зовется космосом, мирозданием, вселенной. И эта близость волнует. Лучше всего об этом сказал Федор Тютчев:

...Но меркнет день — настала ночь;
Пришла — и, с мира рокового
Ткань благодатную покрова
Сорвав, отбрасывает прочь...
И бездна нам обнажена
С своими страхами и мглами,
И нет преград меж ей и нами...

Утром, перед тем как тронуться дальше, я изучаю предстоящий маршрут по карте. Ее подарил мне мой приятель, заядлый турист, который исходил здешние места вдоль и поперек, и, если быть точным, это не карта, а скорее схема, кроки, где кое-что определено на глазок и где не совсем выдержан масштаб, но такие огрехи меня не волнуют. Главное — на карте четко указан маршрут и есть подробная «легенда», описывающая маршрут поэтапно, с указанием всех пунктов, что встретятся на пути, с местами удобных стоянок и ночевок и даже с отметками достопримечательностей, какие при желании можно осмотреть.

Сегодня мне надо одолеть участок реки до деревни Лукино, а вообще весь маршрут выглядит так: предстоит подняться по Орше до деревни Денисовки, оттуда сухим путем (поскольку здесь Орша резко виляет в сторону) перебраться до озера Светлого, или Святого, из него по протокам в другое озеро — Щучье, а уж из Щучьего снова по протокам выйти в третье озеро — Великое. Там я собираюсь пожить несколько дней, а затем спуститься по реке Сози до Волги. Получается круг в 300—350 километров, который у туристов так и зовется — «кругосветка». Ее сложность оценивается четвертой категорией (а всего их шесть), но я турист неорганизованный, «дикий», и никто не будет вручать мне ни удостоверения, ни значка за мой поход. Да этого и не требуется, у меня другие интересы.

Километров через семь показывается перекинутый через Оршу деревянный мост. Все правильно, карта не врет, и, значит, уже Савватьево. А за ним придется, видимо, тянуть бечевой, поскольку в «легенде» говорится, что за Савватьевом начинаются пороги.

Это слово по отношению к такой речушке, как Орша, вроде бы и не подходит, однако через некоторое время я убеждаюсь, что это не так. Пороги действительно существуют. И пусть они не идут в сравнение с днепровскими, но ясно одно: воды реки, прегражденные миниатюрной моренной грядой, подчиняются тем

же гидродинамическим законам, что и воды Днепра, запруженные циклопическими глыбами,— и здесь шумели свои водопады и крутились свои турбулентные вихри.

Пороги тянулись всего какую-нибудь сотню метров, но одного взгляда по сторонам было достаточно, чтобы понять: волочь байдарку посуху невозможно — оба берега Орши заросли такой березовой и ольховой чащобой, что через нее впору пробиваться с топором. Разбирать байдарку и нести ее на себе мне не хотелось: пришлось бы возиться часа два; оставалось одно — тащить лодку по воде, протискивая ее в щели между камнями.

Верно говорят: чем дальше в лес, тем больше дров. Орша сужается и мелеет на глазах, к тому же все чаще встречаются заколы, перегородки из кольев и прутьев, сооруженные местными рыбаками, и приходится то и дело вылезать из лодки и перетаскивать ее через перекаты и запруды. А Лукино пока не видно. Не грех и перекусить бы, но всухомятку не хочется, а подходящего места для стоянки нет, берега низки, заболочены и густо покрыты всевозможными кустарниками. Так, наверное, выглядят мангровые заросли на островах Вест-Индии. Нет уж, в эти кущи, где полно комарья, я не полезу. Скоро должен быть бор, вот он, на карте, там и пообедаю.

Бор открылся за очередным поворотом — вековые сосны на желтом песчаном берегу. Место хоть куда, и я направляю байдарку в тихий небольшой заливчик. И от неожиданности вздрагиваю: с верхушек крон вдруг срывается что-то громадное и беззвучно, как в немом кино, устремляется прочь.

Орлан-белохвост! Вот уж не думал встретить его здесь, на этой маленькой речке! Ведь орланы держатся вблизи больших водоемов, их нередко можно увидеть на Волге в районе Московского моря, где они гнездятся и ловят рыбу. Этот, видимо, отдыхал здесь, летя или с Оршинских озер, куда я держу путь, или, наоборот, пробирался к озерам с Волги, и я спугнул его.

На Верхней Волге орланы гнездятся в двух местах — на Видогощинском озере, что лежит на полпути между Калинином и Конаковом, и около устья реки Шоши. Это большие птицы с размахом крыльев в два метра, бурые, но с белым хвостом. Очень осторожные: взлетают, завидев человека издалека. И только самка, высиживая птенцов, подпускает близко, улетая с гнезда в последний момент.

Основная пища орланов — рыба, и этот факт определяет то тревожное положение, в котором орланы оказались сейчас. Дело в том, что, борясь с вредителями сельского хозяйства и опыляя колхозные угодья ядохимикатами, мы порой забываем о другой стороне дела: ведь с полей пестициды попадают в реки и озера и концентрируются в рыбе. Орланы поедают ее, в результате нарушается образование скорлупы яиц, и они часто лопаются под весом насиживающей самки. А плодоносность орланов невелика — в полной кладке бывает всего два яйца...

Глухими звериными тропами я вышел под вечер на Светлое. Солнце садилось в тучу, лучи его, словно прожекторы, подсвечивали еще синий купол неба, внизу же, у земли, было темнее, и

глянцевая густая вода озера напоминала поверхность старинного бронзового зеркала.

Одиннадцать километров, которые я прошел от Денисовки, дались нелегко: около пуда весит байдарка да столько же — рюкзак с продуктами и вещами, и, говоря откровенно, колени у меня дрожали. Протока, соединявшая Светлое со Щучьим, находилась на противоположной стороне озера, и я намеревался переночевать у ее истока, но не было ни сил, ни желания собирать байдарку и переправляться. «Утро вечера мудренее»,— решил я и стал устраиваться там, где очутился. Уснул, даже не залезая в спальник, а утром встал отдохнувшим и с жаждой деятельности. День наставал теплый и безоблачный, над озером парили чайки и вились стрекозы, а на воде всюду расплывались круги — кормилась рыба. Никого не было вокруг, чаша озера, окаймленная густым лесом, выглядела первозданно, тишина в природе стояла такая, что даже не верилось, что где-то живут люди и происходят события, не имеющие ничего общего с этой тишиной, с этим озером, лесом и облаками. Не хотелось спускать байдарку на воду и плеском весел нарушать покой и созерцательность этого уголка. Поэтому я взял удочку и пошел вдоль берега, высматривая место, где бы примоститься.

Я не записной рыбак, вернее, не заядлый и беру удочку в походы просто так, на всякий случай. У меня не было даже наживки, и я решил попробовать на хлеб. Скатав шарик, я насадил его на крючок и забросил леску. Господи, что тут началось! Можно было подумать, что в озере водятся не лещи или плотва, а хищные амазонские пираньи: вода в том месте, куда упал хлеб, буквально закипела, и поплавок тотчас погрузился. Я дернул — и растопыренный лещ величиной больше ладони упал на траву возле моих ног. Я насадил второй шарик и опять забросил. Поплавок сразу ушел под воду, и второй лещ затрепыхался на траве.

«Наверное, попал на косяк,— подумал я,— бывают такие совпадения». И чтобы проверить свое предположение, я прошел дальше по берегу. Скатал шарик, забросил. Все повторилось в точности. Никакого косяка не было, а было просто обилие рыбы. Здесь ее никто не ловил, и она продолжала размножаться.

Щучье было намного меньше Светлого, а проход из него в Великое я разыскивал недолго: наклоненная влево сосна — приметный знак, указанный в «легенде»,— виделась издали.

Щучье озеро... Если судить по названию, то в нем, по-видимому, водилось множество щук. Но проверить это я не мог: щуки в отличие от лещей на хлеб не берут, им живца подавай, блесну на худой конец. А спиннинга у меня нет, никогда не ловил на него. Но если Щучье — от щуки, то почему Светлое назвали Светлым, а не Лещевым? Ведь вода в озере отнюдь не светлая, а торфяная, темная, а вот лещей, по-моему, больше, чем требуется. Так почему же не Лещево? Правда, есть и второе название — Святое, но оно как бы неофициальное, свое, житейское. А оно от чего? Никаких легенд и преданий на этот счет я не слышал, однако люди промеж себя называют его только Святым. Стало быть,

есть какая-то причина этому. Но какая? Видимо, этимология слова восходит к древним временам, и объяснение надо искать в старых источниках.

Думаю-то я о разных разностях, а на самом деле мне не нравится протока, по которой я плыву. Она становится все уже и уже, а по идее должно быть наоборот, ведь я двигаюсь к устью. Может, что перепутал? Да нет, делал все, сообразуясь с картой. К тому же и другой кривой сосны нигде не видно. Придется плыть дальше, будь что будет.

Ну вот, как чувствовал — протока кончилась! Сужалась, сужалась и вылилась в аппендикс, который затерялся, пропал среди кочек. Странно, что об этом ничего не говорится в «легенде». А впрочем, ничего странного, ведь карту мой приятель делал не сегодня. Несколько лет назад делал, а за это время всякое могло случиться. Такое, например, как жаркое лето семьдесят второго года, когда пересыхали не то что протоки — реки. Но карта составлялась после, это я знаю точно, и тогда протока была. А теперь нет. Да, положеньице! Надо либо искать сгинувший неизвестно куда ручеек — вдруг где-нибудь да вынырнет, либо разведать пеший путь на Великое. Судя по карте, до него не так уж и далеко. Во всяком случае меньше, чем от Денисовки до Светлого, и, если опять придется тащить байдарку на горбу, это не составит больших трудов. Но лучше, конечно, найти протоку.

Кончался второй час поисков — протоки не было, зато неожиданно я вышел на участок, где когда-то горел лес. Вышел — и остановился, пораженный. Целый лесной квартал был выжжен, как напалмом, как атомным взрывом. Черные, обугленные деревья стояли, как скелеты, и не виделось ни конца ни края омертвевшим рядам. И было что-то еще, что сразу подействовало на меня, но чего я не понял в первую минуту,— тишина. Не та утренняя, живая, что царила на Светлом, а мертвая, абсолютная. Где-то дул ветер, шелестел листвой, но здесь ее не было. Здесь, словно в вакууме, отсутствовало всякое движение — неизменчивость форм приобретала здесь зловещий смысл.

Только что пронеслась гроза — внезапная, скоротечная. Туча уходила на север, на землю возвращался свет. Великое дымилось.

Оно и впрямь было великим — простор дымящейся воды пролегал почти до горизонта. Но постепенно этот странный грозовой дым развеялся, и передо мной, как град Китеж, возник остров с рядами крыш. И только тут я вспомнил, что на озере и в самом деле есть остров, на котором стоит деревня. В ней-то я и надеялся пожить несколько дней.

Я пошел вдоль берега и вдруг увидел торчащий из кустов нос лодки-плоскодонки. Рыболов? Или охотник, загнанный грозой в укрытие? Те и другие не очень-то любят, когда к ним суются посторонние, но я все-таки подошел.

В плоскодонке сидел старик, и я сразу определил, что он не рыболов и не охотник: в лодке не было ни снастей, ни ружья, а лежал большой пук ивовых прутьев — видно, старик приезжал сюда, чтобы нарезать их для каких-то надобностей.

— Здравствуйте,— сказал я.

— Здравствуй, мил-человек,— ответил старик и, оглядев меня, спросил: — Турист, что ли?

— Вроде этого,— ответил я.

— А закурить у тебя не найдется? А то уронил свои в воду и сижу, как дурак, без курева.

Я достал «Яву».

— Дорогие,— сказал старик.— Почем же такие?

— Сорок копеек.

— Эва! — удивился старик.— Сорок! И не жалко тебе такие деньги?

Я развел руками, как бы говоря: а что делать?

Мы уже докуривали, когда в стороне раздался сильный всплеск, словно бы в воду бросили бревно.

— Хозяин играет,— сказал старик.

— Кто-кто?

— Хозяин, говорю... Ну, спасибо, мил-человек, за табачок. Погребу. Тебе-то в какую сторону?

— Да вон туда,— ответил я, указывая на остров.

— В гости к кому?

— Да нет, хочу просто пожить у вас денька три.

— Дак поживи у меня, один я, старуха летось преставилась, царство ей небесное, а дочка с сыном в город уехали.

— А не помешаю?

— Говорю же: живи.

Желая помочь старику, я вызвался грести, но Анисим (так звали старика) не согласился. Он пропустил меня на корму и, не торопясь, погреб к острову.

Плыли мы долго. Поскрипывали уключины, плескалась о днище темная вязкая вода. Старик ни разу не обернулся, не посмотрел вперед, неизвестно как угадывая направление. Он молчал — молчал и я, хотя мне хотелось спросить, кого он давеча назвал хозяином. Охотники называют так медведя, может, его и имел в виду Анисим? Медведи, кстати, любят купаться, но предпочитают плавать, когда их никто не видит, а тут рядом были мы. Словом, намечалась некая тайна, и я решил, что все равно выведаю ее у Анисима.

Наконец лодка мягко врезалась в песок. Анисим спрятал на дно лодки весла, закрепил цепь и взял в охапку прутья.

— Пошли.

По утоптанной тропинке мы поднялись наверх и оказались у дома, стоявшего недалеко от воды. Анисим кинул у крыльца прутья, пошарил за наличником и, достав ключ, отомкнул замок.

Я увидел просторную деревенскую избу: большая русская печь казалась не такой уж большой в этой просторности; кровать с шарами на спинках стояла у одной из стен; вдоль окон тянулась деревянная лавка и стоял стол. В избе пахло сосновой смолой и травами, которыми был увешан печной боров. Гладко обструганные, темно-коричневые бревна стен казались навощенными. Один из углов избы занимала божница с тусклыми, запылившимися иконами, и, глядя на них, я подумал, что Анисим держит их по привычке.

— Скидай амуницию,— сказал он,— а я покуда печку налажу.

Я сбросил рюкзак и зачехленную байдарку и впервые за весь

деиь почувствовал, что зверски устал. Хотелось растянуться иа кровати и лежать, лежать...

Через час мы сидели с Анисимом за столом и с усердием поедали яичницу, огурцы и лук. Потом пили чай, курили и разговаривали о том и о сем. Выясиилось, что Анисиму за семьдесят, и я удивился этому, потому что иа такой возраст Аиисим по своему виду явно не «тяиул». Сухое тело его не потеряло мужской упругости, движеиия были точны, а глаза смотрели зорко и живо. Ои воевал и в финскую, и в Отечествениую, а потом до пенсии работал в рыболовецкой артели. Пробавлялся рыбой и сейчас, а кроме того, плел корзины.

Мне ие терпелось расспросить у иего о таииствениом «хозяине», и, выбрав момент, я поинтересовался, что это за зверь такой и почему его так величают.

— Сом-рыба,— коротко ответил Аиисим и, уступая моим просьбам, рассказал историю, которую я здесь и привожу.

Давио это было — Аиисим был еще мальчишкой. Поймали раз мужики сома. В озере их водится много, но такого не доводилось видеть никому. Посмотреть на пятиаршинное усатое чудище сбежалась вся деревня. Охали и ахали бабы и мужики, вспоминали и рассказывали друг дружке всякие иебылицы, одиу диковиииее другой. Будто видели и как коров на водопое сом сосал, и как овец да поросят под воду утягивал. Может быть, разговорами дело и коичилось бы, не окажись в толпе старухи древней, как сама деревия. Посмотрела бабка слезящимися глазами на спелеиутого сетями сома — закрестилась испугаино, зашамкала беззубым ртом. «Окаяииые! — иапустилась оиа на мужиков.— Отпустите его, окаяниые! Хозяии это! Он вас всех на дио утянет!..»

«Хозяииом», оказывается, звался водяной, и имеино его, по мнению бабки, поймали рыбаки.

Посмеялись, коиечио, мужики иад выжившей из ума старухой и, поскольку дело шло к ночи и возиться с сомом было некогда, оставили его до утра в воде, предварительно продев ему в жабры вожжи и привязав за стоящий на берегу амбар. А утром поднялся переполох: сом исчез! Даже следа вожжей не нашли растерявшиеся и не на шутку перепугаииые мужики, решившие, что сом-то и впрямь был водяиым!

Дело, одиако, этим не кончилось. Прошло время, и предсказаиие бабки иачало сбываться: сначала утоиул один рыбак, прииимавший участие в поимке «хозяина», за ним второй, третий... Тонули и другие — жизиь рыбака проходит на воде, ио смерть этих других воспринималась как обычный факт и ие вызывала иикаких кривотолков. Теперь же все твердо уверовали в неотвратимость возмездия и смотрели на остававшихся в живых рыбаков как иа обречеиных, погибель которых — дело времеии. Перепуганиые рыбаки продали свои дома и уехали из деревни.

Почти все свидетели той истории со времеием умерли, только двое или трое из них, по словам Анисима, еще коротали свой век, ио слух о живущем в озере «хозяине» упорно держался в деревне.

— Ну а сами-то вы видели его тогда? — спросил я у Анисима.

— Ей-богу, ие помню,— ответил старик.— Малой я еще был, без порток бегал.

— А позднее кто-иибудь видел?

— Степан вон Севастьянов говорит, что, дескать, видел, дак Степан соврет — не дорого возьмет.

— Стало быть, вы не верите?

— Не верю. Какой, к лешему, водяной,— сказал старик, не замечая своего же каламбура,— когда моторки рыбу и ту всю распугали! Сом — да, сом могет и жить, на то он и животная, а хозяин — брехня это бабкина.

— Но вы же называете его так.

— Дак все называют, а я что, рыжий?

В тот день мы легли спать рано, а утром, собрав байдарку, я отправился на озеро. История, рассказанная Анисимом, меня заинтриговала. Конечно, ни в какого водяного я не верил, но допускал, что в озере живет сом гигантских размеров. Ведь дыма без огня не бывает, раз о «хозяине» говорят, значит, что-то за всеми этими разговорами стоит. А что? Самое реальное — факт обитания в озере сома. И именно гигантского, ведь я своими ушами слышал плеск, произведенный неизвестной тварью, и мог с кем угодно спорить, что обычный сом такого шума не наделает.

Но что значит — гигантский? А то и значит — такой, который не укладывается в рамки обычных представлений. Исполины есть среди всех животных, и тот же Брэм описывал сомов пятиметровой длины и весом более 300 килограммов. Вот такой, наверное, и водится в озере. Но к «хозяину», о котором рассказал Анисим, он не имеет отношения: вся история началась еще до революции, а сомы доживают в лучшем случае до 30 лет. Вот если бы речь шла о щуке, дело другое: щуки — мафусаилы животного мира. Известны случаи, когда вылавливали окольцованных щук двухсотлетнего возраста.

Словом, в истории «хозяина» явно переплелись быль и небылицы, и я загорелся мыслью нащупать хотя бы кончик этого замысловатого сюжета. Больше всего, конечно, мне хотелось увидеть монстра, поэтому я и направлялся сейчас к тому месту, где вчера «хозяин» явственно обозначил свое присутствие. Может быть, он держится именно в том углу, думалось мне, и, если повезет, я могу обнаружить какие-нибудь следы его присутствия. Был же он там вчера, вдруг окажется и сегодня?

Добравшись до места, я устроился в камышах и затаился, зорко посматривая по сторонам и прислушиваясь к утренним звукам.

Лениво, с боку на бок ворочалось в берегах сонное озеро. Парила нагреваемая солнцем вода. Гортанно кричали чайки. Над головой шелестели стрекозы, а рядом с байдаркой, как на коньках, проносились по воде жуки-водомеры. Стайки серебристых мальков жались к камышам, где их не могла догнать прожорливая щука. Из зарослей бойко выплыл выводок утят. Не замечая меня, они почти вплотную приблизились к байдарке, но что-то испугало их, и утята бросились врассыпную, разом нырнули, и было видно, как, вытянув шейки, они плывут под водой.

Я просидел в своей засаде полдня, но ничего примечательного так и не случилось. Таинственный «хозяин» ничем не выдал себя.

Караулил я и на второй день, и на третий, однако все было без толку.

— А вы не пробовали поймать его?— спросил я как-то Анисима.

— Хозяина-то? Да как же ты его поймаешь, мил-человек? Озеро-то вон какое! Кабы знать, где он живет...

— Может, там и живет, где в тот раз мы его слышали?

— Могет, и там, кто его знает.

— А если попробовать, а? Невод-то у вас небось найдется?

Анисим помолчал, раздумывая о чем-то, потом сказал:

— Оно конешно, сом — животная вредная. Рыбы страсть сколько жрет. Однакось в невод не пойдет. По случаю его тады мужики споймали. Пяремет нужон.

Этот самый перемет мы ладили целый день. Обычная снасть для нашего дела не годилась: «хозяин» был не простой сом, а сом-гигант и для его поимки требовалось орудие особое. Поэтому мы выудили из сарая трос. Другой трос, поменьше диаметром, приспособили для подвешивания крючков, а сами крючки изготовили из толстой проволоки, способной выдержать слона. Вместо кружков, поддерживающих перемет на плаву, мы приспособили пробковые поплавки от сетей, связав их по нескольку штук в пачки. Снасть получилась громоздкой и тяжелой, но зато можно было с уверенностью сказать, что свое предназначение она выполнит. Дело оставалось за наживкой. Я предложил было Анисиму подстрелить парочку-другую ворон, но старик отказался:

— Не надоть, пущай себе живут.

Он взял мешок и куда-то ушел, а когда вернулся, вывалил передо мной чуть ли не половину телячьей туши. Оказывается, он сходил на ветеринарный пункт, где исследовали павший скот, и там разжился этим сокровищем.

Сомы, как известно, большие любители падали, и, чтобы мясо «схватилось», мы двое суток продержали его в тепле.

Но тут, как назло, стала портиться погода: подул ветер, небо заволокло тучами, озеро заволновалось, зашумело. Мне подумалось, что наша затея сорвется, но Анисим успокоил меня.

— Сряжайся!— велел он.— Погода аккурат какая нужна.

И пока я собирался, старик рассказал мне, что сомы чаще всего покидают свои убежища и поднимаются наверх именно в бурную погоду.

Через час мы были на месте. Установили перемет, набрали хворосту, развели костер и улеглись подле него на траве. Накрапывал дождик, старался загасить костер, и я время от времени подкидывал в него сухие ветки. Нагреваясь, они сначала дымили, потом занимались беспокойными фиолетовыми языками, которые метались, перескакивали с ветки на ветку, стараясь схватить их сразу все, тянулись к нам и отшатывались в сторону.

Да, Анисим был прав: ловить одного-единственного сома в громадном озере было делом безнадежным. И я признался в этом старику после того, как мы истратили впустую еще две ночи. Мне было неловко перед ним за то, что я втянул его в явную авантюру, оторвал от дел. Плел бы человек свои корзины, вместо того чтобы таскаться под дождем неизвестно из-за чего. Но Анисим только отмахнулся, когда я попробовал извиниться перед ним.

На другой день я простился с Анисимом, пообещав ему, что как-нибудь побываю у него.

Второй день спускаюсь по Сози. Интересное дело: Созь, как и Орша, тоже вытекает из озера и впадает в ту же Волгу, но течение на Орше почти не чувствуется, чего не скажешь о Сози — я словно бы не сплавляюсь по равнинной реке, а скатываюсь с длинной водяной горки. На первых километрах этого не чувствовалось, но потом течение стало все больше убыстряться, и сейчас нужен глаз да глаз, чтобы вовремя заметить торчащую из воды корягу или затормозить байдарку перед завалом.

Ощущение спуска — непередаваемое. Полная иллюзия того, что ложе реки устроено с большим уклоном. На самом деле это не так, все, наверное, зависит от объема воды, ведь Созь вытекает не из какого-нибудь захудалого озерца, а из Великого. И его напор чувствуется.

Глухомань. Лес смешанный — береза, осина, ель, в нем много бурелома и совершенно нет следов пребывания человека. Да это и немудрено: на карте на всем течении Сози крестиками отмечены лишь два поселения — Спас-на-Сози и поселок имени 1 Мая вблизи устья. Ни туда, ни сюда я заходить не буду, а вот третье поселение — бобров — меня интересует.

Когда-то бобр был исконным жителем этой земли, но лет двести назад его целиком истребили, и лишь в конце 40-х и в начале 50-х годов в леса Калининской области были выпущены бобры, привезенные из Воронежского заповедника. Зверьки прижились, размножились и теперь обитают на Цне, на Тверце, в южной части озера Селигер. И здесь, на Сози.

По моим предположениям, я уже нахожусь во владениях бобров, но примет их присутствия пока нет. Одни лишь сойки сопровождают меня, перелетая с дерева на дерево и пронзительно крича. Видно, думают, что я собираюсь здесь обосноваться, и предупреждают об этом всех лесных жителей. И ведь знают, что делают: беспроволочный телеграф соек действует безотказно. Достаточно любому обитателю леса услышать резкое «крэ-крэ», как он настораживается, потому что отлично понимает: раз сойка кричит, значит, в окрестностях стало небезопасно, обнаружился какой-то враг и надо держать ушки на макушке.

Вообще-то сойки постоянно кричат, переругиваясь между собой, но эта их ругань лесной народ не беспокоит, в ней нет сигналов тревоги. Но стоит сойке увидеть что-то подозрительное, как частота ее волны меняется и всем становится ясно: в лесу объявился чужак.

Наконец-то я увидел то, чего давно ожидал,— поваленные бобрами деревья.

Осторожно иду вдоль берега. Ноги увязают во мху, под которым чавкает вода. Еще несколько шагов, и я вижу бобровое поселение. Со стороны его можно принять за кучи хвороста, но это не так, это — бобровые хатки. Зверьки живут и в норах, но здешняя местность к ним не располагает — берег низкий и заболоченный. А хатки как раз то, что надо. Вход в них бобры

делают из-под воды, так что проникнуть в бобровое жилище снаружи невозможно.

Возвращаюсь к байдарке. Теперь надо устроиться на противоположном берегу — Созь здесь шириной всего в десяток метров — и понаблюдать. Схорониться у хаток — пустая мечта, бобры сразу почуют и ни за что не выйдут наружу.

Сижу час, другой, третий. Донимает комарье, хочется курить, но я терплю. И мне воздается за терпение: сначала возле одной из хаток показывается разведчик, потом неизвестно откуда появляются еще три зверька. Неуклюжие, с широкими веслообразными хвостами, они гуськом направляются к воде. Ныряют один за другим и плывут к поваленным осинам. Интересно, для чего они им — делают запасы корма на зиму или собираются строить плотину? Останавливаюсь на втором. До зимы еще далеко, а вот подтопить бережок надо. Безопаснее будет: по воде не всякий сможет подобраться к хаткам.

Боясь дышать, слежу за бобрами. «Бригада» работает по-ударному, стволы разделываются, как на хорошем конвейере,— перепиливаются, освобождаются от сучьев.

С любопытством жду момента транспортировки — как «заготовители» будут ее осуществлять, посуху или сплавом, но увидеть это зрелище не довелось: внезапно один из бобров сильно ударил хвостом по воде, и в ту же секунду все звери нырнули. Что их напугало — об этом можно было только гадать. Лично я ничего подозрительного вокруг не видел, а между тем сигнал тревоги был подан. Кто знает, может, бобры учуяли меня.

Долго я ждал, не покажется ли где звериная мордочка, но так и не дождался. Ну что ж, спасибо и на том, бобры, что хоть не сразу разглядели наблюдателя, и считайте, что повезло вам, потому что наблюдатель этот был человеком без ружья. А окажись на его месте другой, все могло бы и кончиться по-другому. Спокойной вам жизни, бобры!..

Вот и окончено мое путешествие. Всё позади — Орша, озера, Созь, одинокий орлан и таинственный «хозяин», добрый старик Анисим и трудолюбивые бобры. Вновь я на Волге, а впереди — последнее на пути поселение, где мне хочется побывать, село Едимоново.

Жарко. Улицы села пустынны, лишь щиплют траву гуси, да куры купаются в пыли. Июль, косовица, и весь народ, наверное, в пустошах.

Стучусь в крайний дом и прошу молока. Хозяйка выносит мне запотевшую, только что из подпола, кринку, и я приникаю к ней.

Потом долго лежу на желтом волжском песке и смотрю в небо. Оно бездонно, и в нем летают ласточки. Как и семьсот лет назад, когда здесь, быть может, на этом месте, где я лежу, княжий отрок Григорий встретил и полюбил крестьянскую девушку Ксению.

Злое время стояло тогда на Руси, лежала она в развалинах после татарских нашествий, а среди русских князей не было мирья. Великим князем был тогда Александр Ярославич Невский, а в других городах сидели на столах его братья. В Твери —

Ярослав, в Суздале — Андрей, в Новгороде — сын Александра Василий. Чего враждовать, казалось бы? Все свои, сиди и правь каждый своим уделом. Но не хотелось братьям быть под рукой у Александра, хотелось самостоятельности, и каждый из них мутил воду, особенно Андрей. И домутились — Батый двинул на Суздальскую Русь Неврюя с войском. И снова запылали русские города.

Андрей бежал из Суздаля к брату Ярославу в Тверь, но татары настигли его у Переяславля, захваченного дружиной тверского князя. Андрею удалось спастись, но переяславцы были разбиты татарами. Неврюевы воины убили тверскую княгиню, жену Ярослава, а детей князя захватили в плен.

Кончилась Неврюева рать, Ярослав вернулся в Тверь и стал жить бобылем. И был у него любимый отрок по имени Григорий, которого князь допускал ко всем своим делам. Послал раз он Григория собирать дань с деревень и сел, что лежали по левому берегу Волги. Отправился Григорий и брал дань — в Лисицах мехами, в Видогощах рыбой, а в других местах — медом, воском, житом. Так и добрался Григорий до Едимонова, последнего тверского села, что лежало почти на границе с Московским княжеством. И там собрал дань Григорий и хотел уже возвращаться в Тверь, да припозднился и заночевал у пономаря местной церкви. Здесь-то и произошла встреча Григория с Ксенией, дочкой пономаря.

Полюбили друг друга Григорий и Ксения, только знали: не разрешит им князь пожениться. Не водилось такого, чтобы княжий отрок брал в жены простую девушку. Но Григорий поклялся любимой, что уговорит Ярослава, улестит, лишь бы она ждала его. И Ксения обещала.

Возвратившись в Тверь, Григорий во всем открылся князю, но Ярослав и слышать не хотел о свадьбе. «Али ты низкого звания, Гришка? — сказал князь.— Чай, не смерд, чтобы родниться с холопами. Будет тебе жена».

Но Григорий и слышать не хотел о другой и продолжал умолять и улещивать князя. И капля источила камень — Ярослав согласился. Щедро одарил любимого отрока, и свадебный караван поплыл по Волге в Едимоново. Радостно встретила Григория Ксения, и пономарь был на седьмом небе от радости — шутка ли, породниться с отроком самого князя! — и пошел в селе пир горой. День пируют, второй, на третий стали готовить молодых к венцу.

А Ярослав, оставшись без Григория, заскучал и, чтобы развеять скуку, собрался на охоту. Любил соколиные гоны князь. Много было взято в тот день боровой и водоплавающей дичи, и к полудню разгоряченные охотники выехали на опушку леса, откуда была видна какая-то деревня. «Что за весь?» — спросил Ярослав у ловчих. «Твоя весь, княже,— отвечали те.— Едимоново-село».

Тут-то и вспомнил Ярослав, что ведь из Едимонова берет жену Григорий, и решил благословить молодых. А те уже стояли на коленях в церкви, и, едва Ярослав увидел Ксению, смутились в нем сердце и разум.

«Отойди! — велел он, подходя к Григорию.— Не твое здесь место».

Понял Григорий, что не миновать беды, однако обратил взор на невесту: «Что скажет суженая?»

«Отойди! Не твое здесь место!» — сказала Ксения, и Ярослав опустился рядом с нею на колени, и священник благословил их.

Вскоре после этого Григорий постригся в монахи, а потом ушел в скит. Весть о праведнике разнеслась по окрестностям, и убогие и скорбящие потянулись к обители. И всех принимал Григорий, и для каждого находил ласковое слово и утешение.

О новом святом прослышали и Ярослав с Ксенией и поехали в скит отмаливать грех. Узнав в отшельнике Григория, они бросились ему в ноги, прося простить их. И Григорий простил.

Вскоре Григорий умер, а после его смерти Ярослав построил в Твери монастырь и в память о своем отроке назвал его Отрочь-монастырь. Еще в 50-х годах в Калинине, на том месте, где сейчас стоит речной вокзал, можно было видеть остатки стены. Стены, которая когда-то опоясывала Отрочь-монастырь.

Григорий Оглезнев

ПЕРВЫЙ СЕЗОН

ОЧЕРК

Художник В.КОСТИН

Был погожий весенний день 1978 года. Солнце, решив, видно, выполнить сразу месячную норму, жгло немилосердно, и над платформой поднимался легкий пар. Прямо на глазах исчезали мелкие лужицы, просыхали влажные скамейки. Я приехал на Ярославский вокзал провожать старого друга. Приехал — и удивился. Кажется, сама молодость заполнила перроны. Повсюду звучали веселые студенческие песни под аккомпанемент неизменного спутника молодежи — гитары. То и дело вспыхивал смех. И весь этот праздничный шум перекрывала медь духового оркестра. Москва провожала в дальний путь, на стройки Тюменского Севера, один из студенческих отрядов.

А в моей памяти возникали картины прошлого. Без малого полвека назад и я вот так же отправлялся в путь — на сибирский дальний прииск, на преддипломную практику. В те времена меня и моих товарищей не провожали с духовыми оркестрами.

...И вспомнился мне мой первый полевой сезон.

Согласен!

Шел 1936 год. Я со своими товарищами — студентами последнего курса геологоразведочного факультета Томского горного института должен был проходить преддипломную практику по геологической съемке и поискам. Понятно, все волновались: первые самостоятельные маршруты, «боевая проверка» знаний, полученных в институте. Особенно интересно было знать, кого куда пошлют. Здесь многое зависело от нашего преподавателя — профессора Иннокентия Ивановича Молчанова, который консультировал геологические работы на ряде крупных предприятий Забайкалья. Человек, обладавший энциклопедическими знаниями,

феноменальной памятью, умением увлечь студентов, он был нашим любимым преподавателем и наставником.

Профессор был строг, но каждый студент в трудную минуту мог рассчитывать на его помощь. Удивительно, как при своей огромной загруженности он находил время, чтобы помочь первокурснику устроиться в общежитии, выпускнику подыскать интересное место работы, подсказать научную тему.

Иннокентий Иванович знал каждого студента по имени, отлично разбирался в наших способностях и возможностях и нередко выступал как бы пророком, предсказывая выпускнику его будущее. С ним было всегда интересно, но и страшновато: боязно было не оправдать его надежд.

Сам я был родом из бедной крестьянской семьи с Горного Алтая. В детстве смог окончить только церковноприходскую школу, но, отслужив в рядах Красной Армии, закончил рабфак. Попасть в институт и получить высшее образование было заветной мечтой, поэтому, когда меня зачислили на геологоразведочный факультет Томского горного института, я был самым счастливым человеком на свете. Учебе отдавал все силы, и хотя у профессора Молчанова был на хорошем счету, но все равно его побаивался.

Понятно было мое волнение, когда я шел к профессору сдавать последний зачет по разведочному делу. Предмет я знал неплохо, и не это меня волновало. Я предчувствовал, что Иннокентий Иванович непременно заведет разговор о преддипломной практике. Что он мне предложит? Как я и ожидал, профессор обратился ко мне с вопросом:

— Как вы смотрите на то, чтобы провести практику на одном из комбинатов Забайкалья?

О таком предложении можно было только мечтать.

— Был бы рад,— не задумываясь, ответил я.— Там наверняка будет богатый материал для дипломного проектирования.

— Совершенно верно,— подтвердил профессор.— На основе собранного материала можно сделать проект, имеющий производственное значение. Значит, так и договоримся — едете в Забайкалье.

Я чуть не подпрыгнул от радости и торопливо сказал:

— Согласен! Конечно, согласен!..

Перед самым отъездом я еще раз зашел к Иннокентию Ивановичу, чтобы получить последние напутствия.

— Хочу дать вам несколько стариковских советов,— начал разговор профессор, проводив меня в большой кабинет, заставленный массивными шкафами с книгами и образцами рудных минералов.— Запомните, что очень важно для работы в поле подобрать надежных людей, особенно хорошего проводника. Далее. Начав работу, во-первых, особое внимание обращайте на контакты горных пород. Тщательно фиксируйте все, не пропуская ни одной мелочи. Знайте, что в геологопоисковых работах мелочей не бывает. Во-вторых, обращайте внимание на старые, заброшенные выработки. Конечно, при их осмотре нужна осторожность. Однако они могут служить важным поисковым признаком и нередко приводят к находкам. Ну, желаю вам удачного поля!

По забайкальским тропам

И вот я в заветном Забайкалье. В управлении комбината мне порекомендовали встретиться с начальником геологического бюро Иваном Степановичем Зенковым. Меня встретил высокий, одетый в рабочий костюм человек с копной русых волос, симпатичным лицом и черными глазами. Он поздоровался со мной и приветливо сказал:

— Давно знаем о вашем приезде: Иннокентий Иванович сообщил мне письмом. Так что милости просим. Хотим назначить вас начальником геологопоискового отряда. Район работы будет в отрогах Яблонового хребта.— Он подошел к висевшей на стене географической карте и показал место, где мне надлежало работать.— Район очень интересный, но малоизученный. Правда, там с давних пор трудились одиночки-старатели.

— А как вы смотрите на то, чтобы проверить старые выработки? Профессор Молчанов советовал обратить на них внимание,— говорю я.

— Думаю, что в том районе, где вы будете работать, старые выработки имеются. Но я лично без крайней необходимости не советовал бы в них лезть. Металл там брали хищнически, выработки не крепились, так что ориентируйтесь сами на месте. Теперь о составе поискового отряда,— продолжал Иван Степанович.— Он будет состоять из пяти-шести человек. Проводником можете взять якута Захара Горохова, конюхом и завхозом — Якова Загайнова. Рабочими можно порекомендовать трудолюбивых людей — Ивана Буткуса и корейца Кима Хо.

На другой день все собрались на конном дворе. Завхозом был невысокого роста старик с задубелым морщинистым лицом, снежно-белой головой и натруженными руками. Он подошел ко мне, пожал руку и сказал:

— Зови меня, сынок, просто Савельичем.

— Хорошо, Савельич! — ответил я.

— Надо бы взять с нами Кешку Иванова. Он очень старательный человек, а силы — хоть отбавляй.— И Савельич показал на стоящего рядом с ним молодого парня.

— Хорошо. А теперь ступайте с Кешей на склад и получите все необходимое для полевой работы.

Иван Буткус оказался коренастым человеком среднего роста, внешне похожим на медведя.

А вот Ким Хо своим внешним видом произвел на меня неблагоприятное впечатление. Лицо его было сильно изуродовано: левое ухо и одна ноздря разорваны, веко правого глаза не закрывалось. Голова также вся в шрамах. Признаться, на него было страшно смотреть. Но я не стал расспрашивать Кима, полагаясь на рекомендацию Зенкова.

Захар Горохов — наш проводник — уже пожилой якут с морщинистым лицом, редкими черными волосами и небольшим клочком спутанной бороды.

И вот мы в пути. Вокруг дикая, нетронутая тайга. Кругом большие горы, а между ними заросшие лесом долины. Захар ведет нас по одному ему известному пути. Выбравшись на перевал, мы увидели во всей дикой красоте сопки высокого

Яблонового хребта. Каменные великаны поднимали к небу свои вершины, точно сказочные богатыри, охраняющие покой этих отдаленных мест.

Савельич ведет в поводу неторопливого Сивку. И того и другого одолевают комары. Оба яростно отбиваются: лошадь ожесточенно машет хвостом, трясет головой, а Савельич отгоняет кровожадных тварей веткой стланика. Вторую лошадь ведет Захар Горохов. Он идет, мерно раскачиваясь, и что-то мурлычет про себя.

— О чем твоя ария, Захар?— не выдерживает Буткус.

— Эту песню еще мои предки пели,— отвечает якут, будто не замечая насмешливого тона.— Я пою о том, что мы идем по лесной тропе, где-то трудится желна-дятел, сильно едят нас комары, но мы стремимся вперед.

— Одним словом, что видишь, о том и поешь,— снова говорит Буткус.— Скажи лучше, какой заговор против гнуса таежного знаешь? Ишь как от тебя и твоего Карьки комары шарахаются, а нас заели.

— Никакого заговора я не знаю,— миролюбиво поясняет Захар.— Только себя и Карьку мала-мала намазал керосином.

Нам оставалось пожалеть, что мы тоже не догадались намазаться керосином. Понадеялись на накомарники, а теперь завидовали Захару, Карьке да еще неугомонному псу Витиму, которого взял с собой проводник. Этой густошерстной северной лайке все было нипочем. Широко раскрыв пасть и высунув розовый язык, она неутомимо носилась по лесу, сея панику среди его обитателей.

— Эй, Витим, какой же ты дурак, однако!— беззлобно ворчал Захар.— Чего бегаешь по тайге, пугаешь лесных жителей? А сейчас их нельзя тревожить. Они выводят своих баранчаков. Вот, посмотри: скажем, недавно тут прошли две козы, а с ними малыш.

— Может, недалеко ушли? Завалить бы хоть одну козу на мясо,— оживился Кеша, хватаясь за дробовик.

— Нельзя так. Выстрелом напугаешь всех в тайге. Детишки пропадут,— резонно сказал Захар. В этих словах была вечная забота о сохранении обитателей тайги, об их будущем. Он взял Витима на поводок, чтобы тот не пугал лесное «население».

И проводник, продолжая путь, снова запел свою песню о том, что видел вокруг, о богатстве земли.

Стали спускаться с перевала, и тут Ким вдруг возбужденно заметил:

— Тише! Смотрите-ка, медвежата!— И он указал на одиноко стоявшую в стороне лиственницу, где действительно один медвежонок раскачивался на самой вершине, а другой примостился чуть пониже своего братца. Кеша опять начал срывать с плеча ружье.

— Эх, и срежу сейчас одного...

Захар едва успел отвести ствол ружья в сторону и сердито заговорил:

— В кучугей-эге, маленького медведя, стрелять нельзя!:. Где-то близко улахан-эге, большой медведь, ходит. За своих баранчаков много бед наделает.

И словно в подтверждение слов проводника, из ближайшего леска раздалось короткое ворчание. Посмотрев по сторонам, сквозь нечастый кустарник мы увидели медведицу. Она настороженно посматривала то на нас, то на вершину дерева. Но малыши, несмотря на зов матери, не торопились спускаться на землю. Пришлось ей повысить голос. Она громко рявкнула, и медвежата мигом скатились с дерева. Медведица поднялась на задние лапы, грозно поглядела в нашу сторону и, угостив тумаком одного непослушника, медленно, с оглядкой направилась в лес.

Мы облегченно вздохнули.

— Ну, понял, почему баранчака стрелять нельзя? — обратился якут к незадачливому охотнику.

— Чего не понять,— угрюмо огрызнулся Кешка.

В то время как медведица учила уму-разуму своих детей, Витим лаял и упорно рвался с поводка. Едва медвежье семейство скрылось в тайге, псу удалось вырваться на свободу, и он огромными прыжками помчался вдогонку. А мы продолжали свой путь. Прошли уже порядочное расстояние, когда появилась собака. От сырой травы и кустов бока у нее были мокрые, она тяжело дышала, вывалив из пасти язык. Пес с укором смотрел на людей: упустили, мол, зверя.

— Не время, Витим, для охоты,— сурово проговорил Захар.

Собака, будто поняв хозяина, виновато заскулила. Спустя некоторое время Захар сжалился.

— Ладно, давай мириться,— проговорил он.

Витим мгновенно подпрыгнул, встал на задние лапы и принялся «целовать» хозяина. Конфликт был исчерпан.

Спустившись в долину, мы неожиданно оказались у странного сооружения. Это были остатки старого чума, от которого сохранился лишь остов. Речка подкатывала к нему свои воды, но добраться до него так и не могла. Наш проводник обошел вокруг нехитрое сооружение и уверенно заявил:

— Однако здесь кочевали эвены со своими оленями...

— Откуда ты взял? — от удивления я отложил в сторону маршрутный дневник.— Может, тут останавливался какой-нибудь аргишобоз?

— Смотреть нада оба глаза! — обиделся Захар.

— Смотрю, но пока ничего не примечаю...

— Эх, ты! — укоризненно качает головой якут и показывает на олений помет и какие-то знаки на ближайшем дереве.— Читай — все написано!

Присмотревшись, я увидел на лиственнице старый затес и веточку ерниковой березки с выпрямленным концом, уже почерневшую от времени.

— Не понимаю!

— Какой ты, однако, слепой! — расстроился Захар.

— Эта метка говорит: эвен здесь кочевал с оленями, а когда они корм вытоптали, ушел на север и больше сюда не вернется.

— Опять говоришь загадками.— Я внимательно рассматривал затес, но ровным счетом ничего не мог разобрать.— Положим, направление ветки показывает, куда ушел эвен, но откуда ты взял, что сюда больше он не вернется?

— Смотреть нада! — не на шутку рассердился Захар. — Конец веточки не завернут, значит, эвен сюда больше не придет!

Это был первый урок таежной грамоты, который преподнес наш проводник. Его участие в работах отряда, как и многих представителей коренного населения в разных других экспедициях, было неоценимым. Не было ни одной горной тропы, ни одного ручейка или таежного озерка, не известного местным следопытам. Якут Захар Пудович Горохов был одним из таких. Узнав поближе этого человека, мы между собой звали его «наш Дерсу Узала» в честь знаменитого проводника-гольда. Тысячи километров прошел Захар за свою жизнь с геологическими партиями по сибирским дебрям. С ним не пропадешь в любой глухомани. От него ничего не ускользало вокруг: ни следы, ни звуки, ни сломанная ветка, ни признаки перемены погоды. Он обладал удивительной памятью и непостижимо точно ориентировался на месте. К тому же, как мне говорил Зенков, он был и неплохим промывальщиком.

...Прошел еще один трудный день таежного пути. Наш караван достиг одного из притоков реки, долина которого поросла густым лиственничным лесом. На ночевку остановились на берегу быстрого ручья с ледяной и зеркально-прозрачной родниковой водой. Первым делом стали разводить костер и налаживать дымокуры, чтобы спастись от неистребимого комариного племе-

ни. Савельич распряг лошадей, и бедняги, даже не взглянув на сочную траву, росшую здесь в изобилии, сразу же подошли к дымокуру, спасаясь от гнуса.

Нам предстояла ночевка в тайге.

У костра

Несмотря на усталость, после ужина все мои спутники собрались у ярко горевшего костра. Оранжевое пламя выхватывало из мрака стволы лиственниц и тополей, росших в этой затерянной в горах долинке. Искры причудливыми мотыльками осыпали зеленые кусты ольхи и тальника. И казалось, что мы здесь одни на всем белом свете. Тишина. Лишь изредка ухнет филин, да негромко подаст голос какая-нибудь ночная птица. Неугомонные летучие мыши так и норовят пролететь над нами. Такой вечер в тайге у костра располагает к задушевной беседе, к откровенным рассказам.

За время пути я ближе узнал своих спутников. Особенно меня волновали страшные следы каких-то травм на лице корейца Кима Хо. В дороге он рассказал мне, что с юных лет променял домашний очаг на беспокойную кочевую жизнь. Одно время был «охотником» за женьшенем — искал корень жизни в дебрях уссурийской тайги. Потом судьба забросила его в Забайкалье, работал на рудниках, ходил с геологами. А про шрамы на лице он ответил, что это очень длинная и страшная история, которую он расскажет позднее.

Теперь на привале к нему обратился неугомонный Буткус:

— Расскажи-ка, Ким, какой черт таскал по твоему лицу железную борону?

— И вовсе не черт, а тигр,— ответил тот.

— А как же ты живым остался? — удивился Кешка.

— Давно это произошло. Молодой я тогда был, сильный. В одиночку ходил в тайгу искать женьшень и охотиться. Промышлял больше на реке Багаму, что течет с хребта Сихотэ-Алинь и впадает в реку Бикин. Построил даже маленькую фанзочку и жил в ней. Однажды я взял ружье и пошел на охоту за кабаном. Выхожу на поляну... и наткнулся на тигра. Зверь заметил меня, убежал. А мне сильно захотелось его добыть. Пошел по следам. Вдруг сзади какой-то шорох. Оглянулся — прямо передо мной тигр. Пасть разинул, задние ноги поджал — к прыжку изготовился. Не помню как, но я успел выстрелить. Тут он на меня и навалился. Сдавил голову, как железом, даже треск раздался... Кровь глаза заливает. Кое-как я собрался с силами, всадил в бок зверя нож. Тут тигр сразу помягчал и брякнулся на землю. Разорвал я рубаху, обвязал голову. Иду и на деревья натыкаюсь — ноги не держат. Добрался до фанзы, лег на кан и словно провалился — сознание потерял. Пришел в себя, голова гудит, глаза ничего не видят. Хорошо, был в запасе настой корня жизни. Стал им мочить голову, промывать лицо, глаза. Через несколько дней полегчало. Пошел в тайгу, нашел тигра. Подошел поближе — понял, почему спасся. Оказывается, выстрелом я ему нижнюю челюсть раздробил. Схватил зверь мою голову, а сжать челюсти не смог, только зубами поскреб кожу. С тех пор и ношу

память о тигре,— печально закончил Ким, проведя ладонью по изуродованному лицу.

— Главное — живой остался,— посочувствовал Савельич.

Захар так раскочегарил костер, что искры взлетали до вершин деревьев. Подброшенные в костер зеленые ветви лиственницы густо дымят, отпугивая комаров. Такой костер в тайге, как тепло родного очага. Спокойно возле него, уютно. И текут разговоры о судьбах, о всяких историях, случаях.

— Твоя очередь, Иван, про жизнь рассказывать,— напомнил Буткусу Захар. Тот сидел в задумчивости, разбивая прутиком алеющие угли.

— У меня всякое бывало. Вечера не хватит...

— Мала-мала рассказывай,— настаивает Горохов.

— Придется, видно, рассказывать,— вяло соглашается Буткус.— Сколько раз находился на волосок от смерти, и не счесть. Вот раз, помню, было дело в шахте. Разрабатывали мы пласт подземным способом. Однажды спустились под землю, стали кайлить забой, вдруг слышим какой-то шум. Глянь, а к нам уже вода подбирается. Оказывается, прорвалась она в нашу выработку из реки и стала затоплять забои. Побежали к стволу шахты. По лестничному ходку еле успели подняться на поверхность. Другой раз чуть не задавило меня кровлей. Закрепили ее вроде как следует, но крепь не выдержала. Начала кровля проседать, а потом и вовсе рухнула. К счастью, повезло, мы с другом успели выскочить и прижаться ближе к стенке. Сидим, точь-в-точь как в мышеловке. Два дня без хлеба, без воды, и воздуха не хватает. Спасибо артельщикам, на третьи сутки откопали.

— Поди, страху натерпелись? — сочувствует Кеша.

— А ты как думаешь? — вопросом на вопрос отвечает рассказчик.— Только вскорости надоело нам работать в артели. Захотелось нам вольной жизни: перемену мест любим. И решились мы с другом Петром Сорокиным пойти на вольное старанье. Подкопили сухарей, другого припаса. По-весеннему зашумела тайга, речки лед скинули, и двинулись мы с Петром в путь-дорожку. И привела она нас в один распадок. Стали мы, значит, пробовать речники. Долго нам не везло. Только глядим однажды, а на лотке блестит. Тут все одно к одному: и вода по-настоящему пошла, и земля оттаяла. Вкалывали мы до упаду, себя не жалели. Исхудали, с лица почернели. Зато через месяц можно было подаваться к жилью.

— Крепко подвезло! — проговорил Савельич, подбросив в костер сухих веток.

— Подвезло, да только не пошло нам впрок. Решили выбраться к людям, собрали пожитки, пошли. И не чуяли, что беда рядом затаилась. Давно уже следили за нами бандиты. Подкараулили. Петра сразу кончили, я кое-как отбился, убежал в тайгу. Силушки-то у меня тогда было побольше. Едва живой вышел из тайги. Добрые люди меня приютили и выходили. Здесь, в селе, нашел хорошую, работящую девушку Машу, родом из старательской семьи. Сочетались, как говорится, гражданским браком. Стал плотничать, а она управляться по хозяйству. Ждали сыночка, да не суждено было. Однажды Маша упала с лестницы. Беда одна не ходит. Родился ребеночек мертвым, вскорости и сама

Маша умерла. Остался я один на белом свете. Теперь снова хожу по тайге с геологами.

— Да, не сложилась у тебя жизнь,— подвел итог Кешка.— А все же по тайге лазить — хорошее дело, если б еще не комарье.— И он с остервенением хлопнул себя по шее.

Догорал костер. Пора было устраиваться на ночлег. Вскоре все обитатели лагеря погрузились в сон. Не до сна было только Захару: надо было приглядывать за лошадьми, делать для них дымокуры. Возле костра устроился Витим. Его чуткие уши ловили каждый лесной шорох. Временами он поднимал голову и настороженно всматривался в темноту, но, не уловив ничего подозрительного, снова погружался в дрему.

Не спалось в ту летнюю ночь и мне. Все думалось: как-то сложится мой первый самостоятельный сезон?

Первые маршруты

Лагерь-стоянку мы разбили в живописном уголке тайги, в долине небольшой бурной речушки. Поставили две палатки. Оборудовали очаг для таежного костра. Разобрали снаряжение и стали готовиться к первым маршрутам.

И началась обычная полевая жизнь геологов: многокилометровые маршруты, описание обнажений коренных пород, ведение дневника и составление геологической карты. В маршруты со мной чаще других ходили Ким с Захаром. Быстро, в считанные дни, наловчились они мастерски промывать грунт на обычном старательском лотке. Мы проводили шлиховое опробование мелких речек, чтобы определить их металлоносность. На долю Буткуса с Ивановым выпадала довольно тяжелая работа: им приходилось делать расчистки перспективных мест, проходить копуши и небольшие канавы. Савельич больше находился возле палаток, занимался хозяйственными делами, готовил неприхотливую еду, ухаживал за лошадьми.

Помня наставления своего профессора, несмотря на предупреждение Зенкова, я не только интересовался горными породами и геологической обстановкой, но и не проходил мимо старых выработок. Однажды в боковом распаде мы обнаружили обвалившийся шурф, до краев заполненный водой. Рядом возвышался небольшой отвал перемытой окатанной гальки и острых обломков горных пород.

— Какой странный бурый камень! — удивился Ким, разглядывая отвал.

— Видимо, это результат окисления и разложения серного колчедана — пирита,— пояснил я, внимательно посмотрев на отвал.— Этот минерал при разложении дает бурые окислы, напоминающие ржавчину. Здесь старатели брали из шурфа песок, промывали на бутаре или лотками, а всю промытую породу выбрасывали в отвал.

— Шибко старались тут люди! — Захар тоже заинтересовался выработкой.— Наверно, богато металла намыли.

— Не затопило бы шурф, можно было бы взять пробу и промыть на лотке,— с сожалением проговорил я и разбил геологическим молотком сильно обохренный обломок. На свежем изломе

заблестели кубические кристаллы пирита. Но сколько я ни разглядывал под пятикратной лупой излом, ничего путного обнаружить не удалось. И все же интуиция подсказывала — должна быть долина металлоносной.

Во-первых, слишком уж часто встречались здесь старые, заброшенные старательские выработки. Просто так, за здорово живешь, терять драгоценное летнее время старатели не будут. Во-вторых, размышлял я, геологическая наука допускает, что пирит — один из поисковых признаков металла. Как-то я прочел у В. А. Обручева такие строки: «Характерной особенностью песков во всем бассейне Бодайбо было большое количество «кубика», т. е. кубических кристаллов серного колчедана (пирита), мелких или крупных, большей частью уже окисленных и превращенных полностью или с поверхности в бурый железняк... Обилие «кубика» считалось показателем хорошего содержания металла в пласте» *.

Все говорило за то, что нам следует проверить старые выработки.

Пока я изучал обломки обохренного кварца, наносил местонахождение шурфа на глазомерную карту и записывал в полевой дневник наблюдения, Захар молча обошел вокруг затопленной выработки и стал внимательно оглядывать местность.

— Иди-ка сюда! — неожиданно крикнул он.

Для невозмутимого, всегда уравновешенного Захара такая горячность была необычной. Мы с Кимом поспешили к нему.

Подошли и увидели, что наш проводник стоит возле лиственницы и рассматривает на ней старый затес.

— Тут написано, что люди, которые работали здесь, ушли вон туда... — И он махнул рукой на север.

Сколько мы с Кимом ни смотрели на затес, ничего не могли обнаружить, кроме нескольких углублений, сделанных, наверное, тупым топором.

— Эх, какие недогадливые! — кипятился Захар и терпеливо стал разъяснять значение зарубок: — Две вертикальные говорят — здесь работало два человека, а горизонтальное углубление показывает направление, куда они ушли, закончив работу. Однако люди были здесь шибко давно.

После такого разъяснения нам ничего не оставалось, как пойти по следам этих людей и попытаться обнаружить их новые выработки. Захар шел впереди, тщательно осматривая деревья в надежде обнаружить свежие затесы. С помощью горного компаса я засек направление, отметил его на карте и также двинулся вслед за проводником.

Метров через двести Захар снова обнаружил затес и на нем зарубку, показывающую новое направление. Так мы и шли, раздвигая низкорослые кусты ольхи, пробираясь через валежник, пока не достигли подошвы небольшой террасы, сложенной речными отложениями. И здесь, среди густого тальника, мы увидели старую, заброшенную выработку, уходящую в глубь террасы. Тут опять был отвал перемытых пород, сильно обохренных, как и у

---

* В. А. Обручев. Мои путешествия по Сибири. Изд. АН СССР. М., 1963, с. 36.

найденного раньше шурфа. Витим, опередив нас, осторожно подошел к «норе», принюхался и смело двинулся вперед. Но вскоре вернулся и, подойдя к хозяину, стал настойчиво «звать» его с собой: заглядывал Захару в глаза, вилял хвостом, тащил за полу плаща к заброшенной выработке.

— Ну, ладно, ладно, уж так и быть, полезем в эту нору,— ласково успокоил Захар свою собаку.

— Пойдем вместе,— решил я, извлекая из кармана небольшой огарок свечи. При его неярком свете мы шли вначале, пригибая головы, потом, когда свод кровли навис совсем низко, пришлось двинуться на коленях, а дальше пробираться и вовсе ползком. Свечку я передал Захару, а сам все время пробовал геологическим молотком прочность кровли. Она оказалась довольно устойчивой. Сначала меня это удивило, а потом я догадался, в чем дело: выработка шла по вечной мерзлоте. Вскоре наш путь преградил завал. Делать было нечего, надо возвращаться назад. Я посветил огарком свечи и, увидев возле стенки небольшой камешек, положил его в карман. Мы выбрались из «норы» с головы до пят в пыли и грязи и, должно быть, напоминали выходцев с того света.

— Ну и чучела!—ахнул Ким.— Но хорошо, что благополучно вернулись,— говорил он обрадованно.— Пошто надо лазить в эти норы? Всякое может случиться. Я уж страху набрался. Нашли хоть что-нибудь?

— Там завал. Но вот подобрали небольшой камешек. Сейчас посмотрим,— проговорил я.

При внимательном рассмотрении это оказался обломок кварца с вкраплением металла. Мне стало ясно, что район надо обследовать особенно тщательно.

Тайна старой выработки

После подземного путешествия мы присели отдохнуть возле устья выработки. Но Захару не сиделось. Он отошел в сторонку и стал внимательно разглядывать низкорослые кусты, потом, раздвигая их руками, двинулся влево — вдоль кромки террасы.

— Эй, подите сюда!—опять услышали мы его голос.

— Что там еще обнаружил наш следопыт?

С трудом пробравшись сквозь кусты, я увидел расчистку. Она вскрывала речные наносы у коренных пород и тянулась примерно метров на двадцать. Сверху нависал большой козырек из горной породы, заросшей кустарником. В одном месте часть козырька была уже обрушена и лежала возле забоя, образовав высокий холмик. По всему было видно, что весь козырек мог обрушиться в любую минуту. Не долго думая, Захар взял пробу из нижней части расчистки, и, когда промыл ее, на дне лотка показались частицы металла. Терраса могла оказаться интересной для разведки.

Мы не спеша занимались опробованием забоя, а Витим носился между кустов, вдоль вскрытой выработки, временами останавливался и с шумом втягивал воздух. Его явно тревожили какие-то неведомые нам запахи. Вот собака остановилась возле обрушившегося борта и принялась разгребать большую кучу

грунта. Пора было возвращаться нам на базу, но собака продолжала настойчиво рыть землю.

— Не иначе что-то чует,— промолвил Захар.

— Наверно, унюхал мыша, вот и старается,— пошутил Ким.

— Моя собака не такой дурак, чтобы напрасно работать! — обиделся якут за своего пса.

Он позвал Витима, но тот не проявлял никакого желания идти с нами. Пришлось взять его на поводок.

Вечером у костра только и было разговоров о найденных выработках и странном поведении Витима.

— Солидный отвал перемытых пород свидетельствует о том, что из расчистки взято немало породы. А сильная обохренность доказывает, что тут было много серного колчедана,— высказал я свое предположение.

— Чем черт не шутит! — загорелся этой идеей Буткус.— Может, в этих выработках запрятан целый клад?

— Как бы не так,— возразил рассудительный Савельич.— Так тебе клад и оставят. Держи карман шире.

— Можно бы попробовать расчистить завал штольни, но уж очень это опасно,— вступил в разговор Кеша.

— Не так страшен черт, как его малюют! — Ким был настроен оптимистически.— Надо разгадать тайну этой выработки...

«Конечно, расчистка заброшенной горизонтальной выработки — дело опасное. Не исключены несчастные случаи. А отвечать мне!» — подумал я. Но для молодости риск — дело обычное. И мы решили с утра приняться за расчистку завала. Ночью мне не спалось. Я думал о том, что нелегко в мои-то двадцать с небольшим лет быть ответственным за жизнь людей, которые тебе доверяют и к твоим словам прислушиваются. Если бы это касалось только меня, я бы не раздумывал. И все же я был склонен к тому, что рисковать надо...

Страшная находка

Подойдя к устью старой выработки, мы увидели, что Витим опять упорно роет землю, опять в том же месте, где вчера. Буткус с Ивановым, вооружившись лопатами, решили помочь собаке и стали разгребать грунт в том месте, где рыла собака.

Я занялся геологической документацией, отмечая на карте контакты горных пород и места найденных выработок взятия проб, затем стал заполнять полевой дневник. И так увлекся, что не замечал ничего вокруг.

От этого занятия меня оторвал Буткус. Добежав, он долго не мог выговорить ни слова, только тяжело дышал.

— Там... там мертвяк,— наконец промолвил он прерывающимся голосом.

— Что мелешь? Откуда ему взяться? — придя в себя от неожиданности, спросил я.

— Лежит там,— махнул рукой Буткус.

...На дне ямы лежали останки человека. Жалкие, истлевшие лохмотья едва прикрывали обтянутый кожей скелет. Все мы молча стояли, опустив головы.

— Вот так находка!

— Надо хорошенько осмотреть все поблизости,— прервал я молчание,— может, обнаружим какие-либо вещи погибшего.

Было ясно, что погибший заживо погребен во время обвала верхней части борта забоя, где он добывал песок из приплотиковой части. Рядом мы нашли кайло и лопату, неподалеку обнаружили сумку, в которой был один черный сухарь и пустая бутылка, видимо, из-под воды. На дне сумки лежала еще одна бутылка. С трудом открыли ее и увидели блестящие кубики пирита и мелкие крупинки металла.

Но когда произошло несчастье и сколько времени пролежал в земле таежник? Это оставалось тайной. Можно было лишь предположить, что погиб несчастный давно и только вечная мерзлота сохранила останки человека.

Нашелся небольшой кожаный бумажник. В нем хранился клочок бумаги. Начало записки уже нельзя было разобрать. Но в середине с помощью сильной лупы мне удалось прочесть несколько слов: «Места здесь знатные... до холодов кончать работу... выбираться в жилуху...» Дальше карандашная запись почти не видна. Буквы выцвели, бумага пожелтела. Все же с трудом разобрал едва заметные слова: «...подлый... бросил, украл сухари...добычу...» Ни имени, ни фамилии погибшего в записке мы не обнаружили.

«Как быть?— думалось мне.— Хотя записка не пролила свет на гибель несчастного, но все же следовало отправить ее в соответствующие правовые органы. Может, там удастся узнать что-нибудь еще о судьбе бедолаги». И я аккуратно сложил полуистлевший листок.

Останки погибшего похоронили на берегу речки, повыше того места, где его обнаружили.

Вечером возле таежного костра за кружкой крепкого чая обсуждали происшествие. Лучше всех знал обычаи и суровые нравы вольных искателей наш Иван Буткус, а потому первое слово было за ним.

— Видно, в этих местах кружили двое бродяг,— начал он, отгоняя от себя комаров,— как положено, они пробили неглубокий шурф, пытались пройти горизонтальную выработку, а затем занялись расчисткой борта террасы. Кое-что, конечно, обнаружили, но повздорили, и один из них, видно, с добычей ушел... А этот от жадности все копал и копал, вот и докопался.

— Куда же второй подался?— спросил Кешка.

— Если что добыл, значит, «рванул в жилуху», куда же еще?— резонно ответил Буткус.

Слушая их разговоры, я невольно задумался. «Конечно, могло так и быть, как говорит Буткус. Но может, здесь произошло преступление? И виновник разгуливает на свободе? Нет, нужно раскрыть эту тайну!»

На другой день, не откладывая, я направил Кешу Иванова в поселок с обнаруженной бутылкой и своим письмом к начальнику — И. С. Зенкову. Через неделю он вернулся и вручил ответ:

«Бутылка с металлом передана в химическую лабораторию для производства анализов. Что касается записки, направил ее начальнику райотдела милиции и попросил отдать на экспертизу. А у нас

в архиве копается мой зам Гордеев, может, обнаружит какой-либо материал об исчезнувшем».

Прошла еще неделя-полторы. Мы продолжали работы по геологической съемке района, опробовали найденную россыпь. И тут к нам приехал Павел Иванович Гордеев. В свои 35 лет он успел обзавестись изрядным животиком, поэтому верховая езда по таежным тропам доставалась ему нелегко.

Он долго отдувался, потом, умывшись и отдохнув, рассказал следующее:

— Пришлось из-за ваших сообщений долго рыться в архивных бумагах. В общем чего только не узнал! Но сообщений о гибели людей в архиве не было. Зато в милиции мне рассказали, что не так давно местный охотник в районе нашей тайги обнаружил труп человека, заваленный кустами. На месте его гибели он подобрал обрывки вещевого мешка, а в кустах нашел жестяной бачок, наполненный металлом. Охотник приблизительно указал местонахождение погибшего, а бачок вместе с вещевым мешком передал в милицию.

— Ну а к нашему случаю какое это имеет отношение?— перебиваю Гордеева.— Скажите, зачем вы-то сюда пожаловали?

— Во-первых, сообщить, что начальник милиции оперативно направил в тайгу своих работников для установления личности погибшего и причин его смерти. А пробу металла из бачка он послал на химический анализ. Вот когда будут данные обоих анализов, результат экспертизы записки, тогда многое станет яснее. Предполагается, что оба случая связаны. Во-вторых, мне поручено осмотреть старые выработки, проверить геологическую документацию.

— Ну что же, это очень хорошо. Думаю, что вы крепко поможете нам в поисковых работах, как опытный геолог.

Завеса приоткрывается

Наш отряд продолжал исследовать бассейн реки и ее притоков. Шлиховое опробование, проведенное нами вдоль левой террасы, особенно в том месте, где был найден погибший таежник, показало наличие богатых залежей. В этом убедился и Гордеев, который вскоре отправился в обратный путь с докладной запиской, подтверждающей наши прогнозы. А через некоторое время он вновь вернулся и привез два письма, адресованные начальнику ГРБ Зенкову.

— Я знаю, что у всех вас из головы не идет история с гибелью двух бродяг. Так вот, специально приехал, чтобы проинформировать, и письма привез для ознакомления.

Он рассказал, что результаты химического анализа металла в бутылке и в железном бачке оказались абсолютно одинаковыми. Поэтому стало ясно, что погибшие при жизни знали друг друга и даже работали в одном забое. Это подтверждается письмами.

— Вот, читай!— И Гордеев протянул мне два конверта.

В одном из них начальник райотдела милиции, в частности, сообщал: «Опознать личность убитого не удалось. Однако на остатках вещевого мешка, переданного местным охотником, была

найдена метка «Иван». Можно считать, что это и есть настоящее имя погибшего. Фамилию установить не удалось».

Во втором конверте был ответ из бюро судебной экспертизы: «Присланная Вами записка подвергнута тщательному исследованию. Установлено, что бумага, на которой она написана, является упаковочной из-под сухарей и галет. Что же касается содержания записки, полностью восстановить текст нам не удалось. Но все же часть его мы расшифровали: «Здравствуй, дорогая Катя. Пишет тебе твой Степан. Нахожусь далеко от тебя, но надеюсь на встречу. Мне пофартило. Места здесь знатные. Но кореш Иван подлый, меня бросил, украл последние сухари, взял добычу. Хоть бедствую, но еще копаю. Питаюсь ягодами, грибами, кореньями. Вчера поймал куропатку, а ночью возле себя изловил крысу. Надо до холодов кончать работу, выбираться в жилуху. Жив буду — получишь это письмо. Надеюсь на встречу. Твой Степан».

Теперь все было ясно. Я представил себе картину. Два искателя «фарта» наткнулись в тайге на богатое содержание металла. В стремлении к наживе не обращали внимания, что лето проходит, запасы продовольствия иссякают. Один сообразил, что вдвоем до жилья не добраться. Решил спасти свою шкуру. Ушел, бросив напарника, захватив и добычу, и остатки еды. А другой с пустыми руками не хотел уходить, копал сам, жил на подножном корму. Если бы не обрушился борт террасы, может быть, живым вышел из тайги. А первый поплатился за предательство. Его помял медведь. На двоих хозяин тайги наверняка бы не напал. Боясь, что сильно ослаб и не выйдет из тайги, Степан на всякий случай написал на клочке бумаги письмо жене, чтобы хоть оставить след...

Так была открыта тайна старой отработки.

Эпилог

И вот наступило прощание с забайкальской тайгой, прощание с моими товарищами по работе. Мне предстояли камеральная обработка, составление отчета о полевых исследованиях, а затем возвращение в Томский горный институт и подготовка к защите дипломного проекта.

Все рабочие отряда оставались в Забайкалье.

Во время работы в геологопоисковом отряде я крепко сдружился с этими людьми, проникся глубоким уважением к следопыту Захару Горохову, к умному и рассудительному Якову Загайнову (Савельичу), трудолюбивым Ивану Буткусу, Киму Хо и Кеше Иванову.

В том сезоне мне удалось познакомиться с чудесной и неповторимой природой Забайкалья: с тайгой, населенной множеством зверей и птиц, бурными реками с кристально чистой водой, кишащими рыбой. Довелось увидеть высокие горы, недра которых, вероятно, таят большие минеральные богатства и ждут своих исследователей.

Осенью того же года на территории наших поисков были поставлены разведочные работы, а вскоре там был открыт прииск, давший родине много металла.

Учебу в институте я успешно закончил в 1938 году и, получив назначение в Якутию, проработал на Крайнем Севере почти четверть века. Исходил многие километры по таежным тропам в Северной Якутии, на Колыме и Чукотке, но всегда помнил о первом своем сезоне и первых верных друзьях.

История пишет все новые страницы освоения таежного края. От Амура на Дальнем Востоке до реки Лены в Сибири — через горы и долины проложена великая Байкало-Амурская магистраль. Она вызывает к жизни новые, еще не исследованные таежные области. Уже поднимаются в тайге города и поселки, открываются рудники и прииски. На смену тем, кто был первопроходцем в таежной глухомани, пришло молодое поколение.

...Вот и мне довелось проводить с Ярославского вокзала один из студенческих стройотрядов в далекий сибирский путь. И пусть будут удачными их первые маршруты по неизведанной земле, пусть достойно продолжат они начатое нами дело! Ведь найти еще в юности свой верный путь — это великое счастье.

Успехов вам, молодые труженики!

Глеб Голубев

ПРЕЛЮБЕЗНЫЕ БРАТЦЫ

ОЧЕРК

Художник В. РУДЕНКО

Сколько еще загадок в истории географических открытий, сколько хранит она захватывающих тайн! Как они волнуют, не дают покоя!

Сквозь века доносятся голоса...

Капитан Чириков: «С посланными от нас людьми на берегу поступлено неприятельски — или их побили, или задержали...»

Капитан Лаперуз: «Созерцая этот залив, я все время думал: вероятнее всего, шлюпку Беринга и ее экипаж погубило яростное море, а не дикие индейцы...»

Лейтенант Кинг: «Гуманности ради надо надеяться, что те из пятнадцати человек, которые еще живы, ничего не узнают о наших кораблях, приходивших к здешним берегам, и не разочаруются столь жестоко в своих мечтах вновь попасть на родину...»

А море шумит все так же, как два с половиной века назад. И ответа нет и поныне...

Об историческом плавании к берегам Америки Витуса Беринга знают все. О нем писали немало. Но при этом как-то остается в тени, забывается, что в экспедиции участвовало два корабля. Потеряв друг друга в тумане, они плыли дальше поврозь, так что фактически получилось две экспедиции.

Обычно вспоминают только о плавании «Святого Петра» и о драматической зимовке его команды на острове, который теперь носит имя Беринга. «Святым Павлом» командовал верный сподвижник командора, его ближайший помощник Алексей Ильич Чириков. О его открытиях и выдающихся заслугах, к сожалению, знают гораздо меньше.

Между тем, давая оценку Великой Северной экспедиции и плаваниям в Америку, еще М. Ломоносов отметил, что Чириков «был главным и прошел далее, что надобно для чести нашей». А известный морской историк А. Соколов, изучив материалы экспедиции и впервые опубликовав в середине прошлого века многие из них, писал: «Плавание Чирикова есть истинное торжество морского искусства, торжество воли над случайностями.

...Открыв Американский берег полутора сутками ранее Беринга, в долготе одиннадцатью градусами далее; осмотрев его на протяжении трех градусов к северу и оставив пятью днями позже, Чириков возвратился на Камчатку — восемь градусов западнее Берингова пристанища — целым месяцем ранее; сделав те же на пути открытия Алеутских островов; во все время не убирая парусов и ни разу не наливаясь водою; тоже претерпевая бури, лишения, болезни и смертность, более, впрочем, павшую у него на офицеров, чем на нижних чинов. Превосходство во всех отношениях разительное!»

Но позднее, к сожалению, замечательные деяния Чирикова незаслуженно как-то померкли в сиянии посмертной славы Беринга. Только на острове, который теперь носит его имя, командору поставлены четыре памятника. А где похоронен Чириков — никто не знает. Неизвестна даже точная дата его смерти. Обидно!

Ни в коей мере не умаляя великих дел Беринга, хочется восстановить справедливость, напомнив и о заслугах Алексея Ильича Чирикова, вместе с которым они возглавляли Великую Северную экспедицию, рядом — плечо к плечу, рука об руку — преодолевая величайшие трудности, ведя своих героев навстречу подвигам и открытиям. Так же вместе, нераздельно они должны жить и в нашей благодарной памяти.

А кроме того, хочется напомнить и об удивительной загадке, какую оставил нам Чириков. Она до сих пор не дает покоя историкам.

1

«Чаемая земля Американская» открылась внезапно в ночь на 15 июля 1741 года. Когда рассвело, подошли поближе к скалистому берегу, ища бухту, где можно было бы спокойно встать на якорь, пополнить запасы пресной воды. Она уже стала нехороша.

17 июля Чириков, выбрав подходящее место и посоветовавшись с офицерами, решает послать на берег лангбот — одну из двух шлюпок, какая побольше. Группу из десяти матросов и солдат возглавляет молодой штурман Аврам Дементьев — «опытный в своем ремесле и ревностный к службе отечеству».

Чириков поручает ему не только раздобыть свежей воды, но и произвести первое исследование неведомой страны: составить чертеж бухты, найти место для безопасной якорной стоянки корабля, поискать на берегу, «нет ли каких отменных камней и земли, в которой можно чаять быть богатой руде» *.

Капитан сам составил для Дементьева подробную инструкцию — «ордер» из одиннадцати параграфов (копию ее он приведет

* Во всех цитатах сохраняю правописание подлинников.— *Г. Г.*

потом в рапорте Адмиралтейств-коллегии, из которого и привожу выдержки).

Встретив местных жителей, «являя к ним приятность и одарив подарками», поручалось расспросить их, куда земля простирается, есть ли на ней какие реки и куда текут, разузнать, что там за леса растут и травы. «Ежели жители будут обращаться неприятельски, то от них обороняться и как возможно скоряе на судно возвращаться, а самому никакого озлобления им не делать и служителей до того не допускать».

Были продуманы и сигналы, какие должен подавать Дементьев: «как бог принесет на берег, то для ведома нам пустить ракету, так же как из берегу выйдете на море, то пустить же ракету; и на берегу будучи, роскласть болшей огонь, ежели увидите, что нам оной можно видеть будет, а особливо ночью, а в день хотя дым можем увидеть».

Кроме двух сигнальных ракет Дементьеву дали небольшую медную пушку. Из нее следовало выстрелить, если бот почему-либо пристать к берегу не сможет и будет вынужден возвращаться ни с чем. Тогда корабль поспешит шлюпке навстречу.

«Ничего не мешкав, возвратиться к судну тогож дня, а по крайней мере на другой день; ежели ж, от чего сохрани боже, будут великие туманы, что судно не видеть будет, то в такое время не выходить, или жестокая погода, то и такую погоду

промешкать, чего ради взять вам со служителями на неделю правианта».

Как видим, было предусмотрено все или почти все. Теперь будем предельно точны в изложении дальнейших событий по рапорту А. И. Чирикова Адмиралтейств-коллегии от 7 декабря 1741 года и по копии судового журнала (подлинник, к сожалению, не найден. Как и многие другие документы Великой Северной экспедиции, он, видимо, «истреблен бывшим в 1788 году в Тобольске пожаром»). Тут важна каждая подробность!

Итак, 17 июля 1741 года: «В 3 1/2 часа (пополудни.— *Г. Г.*), подшед сколько можно к берегу*, отпустили бот на берег, и на нем послан флоцкой мастер Дементьев и при нем вооруженных 10 человек служителей **, и приказано ему иттить в показавшуюся нам заливу...»

Шлюпка направилась к берегу, исчезла за скалами — видимо, вошла в бухту — и не вернулась. И тихо было на берегу. Никаких сигналов — ни выстрелов, ни ракет. Непонятная, зловещая тишина.

К вечеру ветер закрепчал. Чириков приказал для безопасности отойти подальше в море. А к утру лег густой туман и скрыл берег. Потом начался дождь и лил не переставая четыре дня и четыре ночи...

«Во все сутки ветр со шквалами непостоянно и дождь велик, лавировали близ того места, куды послан наш бот».

21 июля, вскоре после полудня, засияло солнце, стал виден берег! Но ненадолго. К вечеру снова пошел дождь и поднялся густой туман.

В 4 часа дня: «...туман мало прочистился, и увидели в берегу дым от нас на ост-норд-четверть-ост, расстоянием пять минут, и по чаянию, тот огонь держат служители, посланные от нас на бот, понеже, только *** мы подле земли ни шли, нигде жилых мест не видали и ни огня на берегу, ни судов плавающих».

Семь часов вечера: «Ветр самый малой, и воздух от тумана прочистился, и приметные берега низменного берега и гор, куды послан бот, очень открылись, а огонь горел у самой той губы, куды послан от нас бот, и мы, чая, что всеконечно оной содержат служители, посланные от нас, им для позыву палили из пушек чрез несколько время 7 раз, только бот не вышел, а погода к гребу очень была способна, токмо, как выпалят от нас из пушки, они тотчас огня прибавят...»

В полночь огонь на берегу еще горел, к утру исчез. Настало уже 23 июля.

«...Разсудилось нам, что всеконечно бот поврежден и затем с способною погодою к нам не выходит. Того ради согласились все обер- и ундер-афицеры и подписку учинили, чтоб послать на малой лотке для починки бота плотника да конопатчика с принадлежащими для починки вещьми, а для свозу оных возымел

* Современные географы считают, что это был остров Якоби в архипелаге Александра. До конца XVIII века вся эта островная гряда считалась частью материка.

** Слово «матросы» еще настолько ново и непривычно, что Чириков называет их нередко по старинке.

*** Видимо, описка. Следует читать: сколько *(Г. Г.)*.

самовольно желание* боцман Сидор Савельев да в прибавок для гребли дан в помощь матроз Фадеев, который также сам на берег похотел ехать».

Савельеву было приказано, чтобы он, «прибыв на берег, сыскав бот, для починки онаго оставил плотника и конопатчика, а сам, ничего б не мешкав, взяв штурмана Дементьева и служителей трех или четырех человек, к нам возвратился».

Капитан строго-настрого запретил подходить к берегу, пока они не увидят Дементьева и его людей. «А по прибытии твоем на берег, если как люди, так и бот в добром здоровье, то велеть для известия нам раскласть два агня, чтоб в день было видно дым, а ночью агонь. А если поврежден бот, а можно починить, то раскласть 3 агня, а если так бот поврежден, что ево и починить невозможно, то раскласть 4 агня, и чтоб те агни были в растоянии один от другова не в близости. А самому тебе ехать к пакетботу и ево, Дементьева, привесть с собою и служителей столько, чтоб ялбот** не угрузить. А если ты от берега поедешь в вечеру или ночью, то раскласть тебе агней больше, как возможно...»

Запомним и эту хорошо продуманную систему сигналов, она также важна!

Маленький ялбот с четырьмя добровольцами, ныряя в волнах, быстро поплыл к берегу... и все загадочно и непонятно повторилось: «...сами за ним к берегу следовали, и приходили очень блиско, и видели, что боцман на лотке приближался к берегу с полудни в 6-м часу, точию (только.— *Г. Г.*) определенных от меня сигналов не чинил и в чаятельное время к нам не возвратился, а погода стояла самая тихая».

Ждали до темноты, но не вернулись ни первая шлюпка, ни вторая. И все так же тихо и мирно выглядел берег. Никаких выстрелов или других признаков схватки с врагами — и никаких сигналов.

В 9 часов вечера «выпалили призывания их из одной пушки, понеже ветр самой малой и ходу судна почти ничего нет и по такой тихой погоде можно им к нам с берегу ехать, и как выпалили из пушки, то видно было в то время на берегу якобы выпалено из ружья, токмо звуку никакого не было слышно, а в ответ показавшегося на берегу огня выпалили от нас из другой пушки, в 9 часов показался на берегу огонь».

Обрадовались, повесили на мачтах два фонаря — один с флагштока, другой с гафеля. С берега их явно заметили! Тоже стали сигналить — то появится огонь, то исчезнет, словно прикроют его. Но что мог означать этот сигнал — непонятно: не договаривались о таком.

Ничего непонятно! Если сигналят кострами с берега, значит, пристали, высадились, живы. А почему назад не плывут?

Первая шлюпка повреждена? Но куда вторая подевалась? И что означали выстрелы вроде бы из ружья? А этот огонь, который то появится, то исчезнет? Если обе лодки повреждены так, что назад вернуться не могут, почему не запалят четыре

* То есть вызвался добровольцем.
** Меньшая шлюпка.

костра, как приказано боцману Савельеву? Хотя чем им тогда помочь, ведь больше шлюпок нет?..

В час ночи: «Видно на берегу огонь». Еще несколько раз палили из пушек «для призыву с берега бота и лотки».

Настало утро 24 июля: «Погода ясная, сияние солнца...» Берег тих и пустынен. Ничего Чириков больше сделать не может. Не осталось у него ни одной шлюпки. А на корабле к берегу не пристанешь. Остается только ждать. Чего?

«...С полудни в 1-м часу увидели мы идущия от той губы, куды посланы от нас бот и лотка, две лотки на гребле, одна — малая, другая — поболше, о которых мы надеялись,что наш бот и лотка возвратились. И пошли к ним навстречу. Потом разсмотрели мы, что лотка гребущая — не наша, понеже оная корпусом остра и гребля не роспашная, а гребут веслами просто у бортов,— которая к пакетботу так не приближалась, чтоб в лицо человека можно видеть, токмо видели, что сидело в ней четыре человека: один на корме, а протчия гребли, и платья видно было на одном красное, которые, будучи в таком разстоянии, встали на ноги и прокричали дважды: «Агай, агай»,— и махали руками, и тотчас поворотились и погребли к берегу. А я тогда приказал махать белыми платками и кланяться, чтобы они к нашему судну подъехали, что и чинено от многих служителей, токмо, несмотря на то, скоро погребли к берегу, а гнаться за ними было неможно, понеже ветр был тих, а лотка оная гораздо скороходна, а другая большая лотка, далече не погребши к пакетботу, возвратилась, и вошли обе опять в ту заливу, ис которой выгребли. Тогда мы утвердились, что посланные от нас служители всеконечно в несчастье...»

Ждали еще двое суток, плавали вдоль берега, на ночь отходя подальше в море, утром возвращались. Все еще ждали, надеялись, но тщетно. Пуст был берег. Никто не приплыл. И никто не подавал больше никаких сигналов.

Чириков сел составлять скорбный список — «регестр служителем пакетбота «Св. Павла», кто имян остались с оного на американском берегу в неизвестном несчастье». Перечислил всех 15 по именам, указал должность и чин каждого, и они навсегда вошли в историю.

26 июля в 2 часа дня созвал капитан консилиум, чтобы решить, как поступить дальше. Ни одной шлюпки больше нет — «для надлежащего розведывания посылать на берег стало не на чем, также и получить в прибавок воды к пропитанию своему не на чем же...». А воды осталось 45 бочек. Хватит ли на обратный путь?

Консилиум единогласно решает: «Для вышеописанных резонов дале пути своего не продолжать и сего числа возвратиться к гаванин святых апостол Петра и Павла». И все же, рискуя погибнуть в океане от жажды, если обратный путь затянется, Чириков еще несколько дней ведет свой корабль вдоль американских берегов и наносит их на карту.

2

Вернувшись из трудного плавания, Алексей Ильич Чириков составляет подробный рапорт Адмиралтейств-коллегии. Небыстро

распространялись в те времена новости по свету: чуть не год везут гонцы его рапорт из Петропавловска-на-Камчатке в Петербург. Но потом — долгие годы — загадочное исчезновение 15 русских моряков на далеком американском берегу станет привлекать внимание многих в разных странах...

1764 год. На Дальний Восток отправляется экспедиция под командованием Креницына и Левашева. Ей поручено исследовать Алеутские острова и побережье Аляски. И, составляя для нее подробную инструкцию, одной из важнейших задач намечает М. Ломоносов: «То бы весьма уповательно было получить известие о тех Россиянах, коих на Западно-Американском берегу Чириков потерял».

Ничего выяснить не удается.

1765 год. В Петербург из далекого Якутска гонец привозит удивительную карту. На ней на Аляске (гораздо севернее того места, где высаживались моряки Чирикова), возле какой-то реки Хеуврен*, нарисована бревенчатая крепость с остроконечными башенками, какие ставили русские первопроходцы во всех сибирских острожках. На башенках воины, нарисованные забавно, словно ребенком: в растопыренных руках держат копья. А понизу к стенам крепости подбираются другие воины — с перьями, торчащими на шапках.

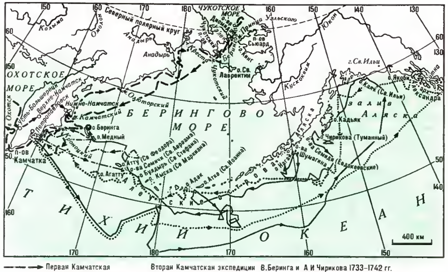
Составил карту «ученый чукча» Николай Дауркин по заданию Федора Пленкснера, который плавал с Берингом в загадочном чине «живописца из капралов» (чертежником?), а теперь стал уже полковником, начальником Анадырского острога.

Дауркин в самом деле был чукча, коренной местный житель. Десятилетнего сироту казаки подобрали в одном чукотском стойбище, назвали Николаем, окрестили, увезли с собой. Когда мальчик подрос, послали его учиться в тогдашнюю столицу Сибири — Тобольск. Там любознательным и способным пареньком заинтересовался сибирский губернатор Ф. И. Соймонов. Он самолично следил за его учением, а затем и дальнейшей судьбой — приказал Дауркина «освободить от холопства» и приписать в якутские казаки. А вскоре за заслуги перед Россией пожаловали Николаю Дауркину звание «сибирский дворянин».

Среди местных жителей было немало таких, которые, как Дауркин, получали образование и становились преданными помощниками русских ученых, путешественников и исследователей. Их содействие было бесценным, потому что они не только прекрасно знали местность, обычаи коренных жителей, но и помогали наладить с ними хорошие отношения. Карта, составленная Дауркиным, служит свидетельством таких дружеских связей. Она не теряет своей ценности и поныне, и, пожалуй, самое интересное на этой карте — бревенчатая крепость на реке Хеуврен.

Участник Великой Северной экспедиции академик Миллер разыскал и «открыл» для науки в архивах приказных изб сибирских городков и острогов бесценные, интереснейшие документы, среди них и всеми забытые «скаски» Семена Дежнева о

* Большинство географов теперь считают, что это река Кузитрин на полуострове Сьюард.



Первая Камчатская экспедиции В.Беринга и А.И.Чирикова 1725–1729 гг.
Вторая Камчатская экспедиции В.Беринга и А.И.Чирикова 1733–1742 гг.
В.Беринг 1741 г.
А.И.Чириков 1741 г.
Место гибели пакетбота "Св.Петр"
Возвращение спутников В.Беринга 1742 г.
А.И. Чириков 1742 г.

его историческом плавании вокруг оконечности Азии и открытии пролива между двумя материками.

«По скаскам тамошних чукчей», привезенным из Анадырского острога, Миллер выяснил и другие прелюбопытные вещи. Оказывается, следуя по пути, проложенному Дежневым, русские люди уже тогда, в XVII веке, проникли за океан — открыли для себя Америку! Чукчи рассказывали Миллеру, будто на «матерой земле» за океаном есть селения, в которых живут «бородатые люди в долгом платье»: «от них же получают деревянные чашки, которые с рускою работою во всем сходны, и надеются, что помянутые люди подлинно от русских людей произошли, которых прадеды во время бывших в прежние годы морских путей, имея на море несщастие, на... матерой земле остались».

И вот эти сведения подтверждаются! Поступают новые вести о русских поселениях за океаном, и они вполне правдоподобны: разве мог служить преградой для потомков людей, за каких-то полвека освоивших путь через всю Сибирь — от Урала до Тихого океана, пролив между материками шириной всего 35 верст да еще с природным «мостом» через него из нескольких островков?!

Немало слухов об этих поселениях доходило и до полковника Пленисиера. Помнил он и об исчезновении Дементьева и его четырнадцати спутников. Может быть, они вовсе не погибли, а отыскали в чужой земле родные русские поселения? Пленисиер решил послать на побережье пролива, отделяющего Америку от России, «ученого чукчу» Николая Дауркина. Тот, как видим, не только привез новые сведения о русских людях, живущих в дремучих лесах на Аляске, но и составил карту с указанием мест их поселений.

Загадка исчезновения чириковцев возбудила новый интерес к старым преданиям о русских братьях, якобы поселившихся где-то в глубине Аляски. Но с этого времени история исчезновения Дементьева и его товарищей становится еще непонятнее. Неясные, туманные слухи вроде бы о них или об их потомках начинают переплетаться со старыми легендами.

1774 год. Вдоль западного побережья Северной Америки плывет испанский корабль «Сантьяго». Среди островков в южной части архипелага Александра корабль окружает целая флотилия челноков индейцев племени хайда, приплывших торговать. И в одной из лодок испанцы замечают обломок то ли железного штыка, то ли сабли явно чужеземного происхождения.

Отдать или обменять на что-нибудь бесценную железку индейцы отказываются. Откуда она у них? Индейцы неопределенно машут руками куда-то на север, в ту сторону, где так загадочно пропали 15 русских моряков.

Испанцы гадают и спорят, как попал к индейцам этот штык: вместе с захваченным в плен русским моряком или был подобран на поле боя? И вот уже в Мадриде рассказывают — и слухи эти доходят до Петербурга,— будто капитан Перес не только видел у индейцев обломок русского штыка, но и «повстречал цивилизованных людей приятного вида, белокожих и привычных к одежде...». О том же, как уже о вполне достоверном, в мае 1776 года пишут лондонские газеты.

Ах, эти слухи, как потом они станут путать историков! Через десятилетия и века нелегко будет отделить правду от легенд и вымыслов.

1778 год. Хмурым апрельским утром вдоль западного побережья Америки неспешно плывут на север «Резолюшн» и «Дискавери». Их ведет прославленный капитан Джеймс Кук, щедро давая английские имена островам, впервые открытым Чириковым.

Вахтенный командир лейтенант Книг с особым волнением и надеждой изучает в подзорную трубу лесистый берег острова Якоби, думая о судьбе пропавших русских моряков. Может быть, они живы, в плену у индейцев? Тогда каково им сейчас смотреть на проплывающие мимо корабли?!

1779 год. На самом краю русской земли странствует по заснеженным просторам приятель Дауркина, другой замечательный человек — казачий сотник Иван Кобелев. В одиночку он объездил всю Чукотку, и в каждом стойбище остались у него друзья и приятели. Теперь неутолимое любопытство привело его к забитому плавающими льдами проливу, за которым — Америка.

Давно мечтал Иван туда проникнуть. С детства не дают ему покоя предания о земляках, русских людях, которые будто бы живут там, на американском берегу, построив крепостишки среди лесов. Эти предания, можно сказать, семейные: передаются в роду Кобелевых еще от деда — Ивана-старшего. Тот дружил с Дежневым. И на кочах (что повел в Неведомое Семен Дежнев, которые потом потерялись и пропали безвестно во время налетевшей бури) были у Ивана Кобелева-старшего хорошие дружки. Не мог он о них забыть! Жадно ловил каждый слух о русских людях, будто бы унесенных штормом на «американский незнаемый» берег. И детям своим завещал собирать о них сведения, и внукам.

В июле 1779 года добрался казачий сотник Кобелев уже до островка Имаглии посреди пролива, отделяющего Азию от Америки. Совсем немного оставалось до «чаемого американского» берега. Был он уже смутно виден в радужной солнечной дымке.

Сидел Иван у костра, в котором вместо дров чадно горели облитые жиром китовые кости, и неспешно беседовал с местным старшиной-тойоном Кайгунем Момахуниным. Тот рассказал Кобелеву, будто есть в Америке река, не то Хеврен, не то Хеуврен называемая, а на ней, точно, стоит в лесах острожек. Построили его люди, отличные от местных индейцев: имеют они бороды широкие и густые, почитают иконы, на досках нарисованные, и знают грамоту, умеют писать, как и он, его гость — казачий сотник.

Иван Кобелев стал просить, чтобы переправил его старшина на американский берег и проводил к тому острожку. Но Кайгунь отказался: «уповательно потому, что ясашные чукчи боялись, чтоб ево, Кобелева, на американском берегу не убили или б не задержали, и в таком случае страшась взыску...», как доложит потом сотник начальству.

Тогда Кобелев попросил хотя бы передать от него письмо к «российским людям» в Америке. Старшина согласился, и сотник стал писать:

«Прелюбезные мои до плоти братцы, жительствующие на большой почитаемой американской земле, естли вы веры греческого исповедания, кои веруют в распятого господа нашего Иисуса Христа, и просвященные святым крещением люди имеитесь, то изъясняю вам, что во-первых послан из Гижигинской крепости в Чукотскую землю для примечания...»

Коротко рассказав о себе и о том, что он узнал от Кайгуня Момахунина, сотник предложил план, как установить с земляками непосредственную связь: «Естли точно есть, получите сие от меня письмо, то как возможно старатца бытием каждое лето на тот остров Имаглин или с кем переслать письма, а особливо по которой реке жительство имеите, и сама ль та река в море устьем или в какую-нибудь губу впала, то б, на устье оной реки, или губы, на осветном месте, чтоб было видно с моря, или из губы крест высокой деревянной поставить...»

Трогательное письмо осталось без ответа. И крест в условленном месте не появился, и никаких других знаков Кобелев не получил и не узнал, дошло ли его письмо до «прелюбезных братцев».

Это письмо вообще бы кануло в безвестность, и мы бы никогда не узнали о нем, если бы дисциплинированный сотник не переписал его в свой путевой журнал, чтобы представить начальству. А журнал, по счастью, сохранился в архиве до наших дней.

Доложил начальству Иван Кобелев и о примечательном разговоре, какой произошел у него на обратном пути. В каком-то Кангунском острожке повстречал он «пешего чукчу» * Ехипку Опухина. И тот похвастал сотнику, будто сам бывал на американском берегу в военных набегах и «для торгу разов до пяти» и

* «Пеший» чукча означает береговой в отличие от «оленных» — кочевых.

тоже слышал о якобы живущих там в дремучих лесах бородатых людях.

А дружок этого Ехипки, живущий на острове Укипень посреди пролива, куда издалека чукчи и эскимосы с обоих материков каждый год для большой торговли собираются (теперь он называется остров Кинга), даже якобы привозил и ему, Ехипке, показывал письмо от тех загадочных бородачей. Письмо на дощечке, написанное с одной стороны красной краской, а с другой — «черными с вырезью словами». (Напомним, что ни индейцы, ни эскимосы Америки письменности тогда не знали.)

Взять письмо для передачи в Анадырскую крепость Ехипка побоялся, избегая лишних допросов начальства, но запомнил, о чем неведомые бородачи просили в нем земляков: «всего у них довольно, кроме одного железа».

Кроме того, он рассказал Кобелеву о том, что слышал будто бы от своего приятеля и других людей: бородатые люди в крепости на берегах Хеуврена «собираются в одну большую зделанную хоромину и молятся... А для де моления, как крестятся, показал мне ясно и перекрестился»,— со всеми подробностями записал его рассказ Кобелев, чтобы поточнее доложить начальству.

И сам, конечно, все думал об этих неведомых бородачах, не мог уже их забыть. Не иначе как в самом деле русские, прелюбезные братья! Крестятся по-православному, молятся на кладбище, когда своих хоронят. Ехипка и его американские приятели такого выдумать не могли, они это в натуре видели! Это уже не слухи — дело серьезное.

«Но кто же эти неведомые братья на американской земле?» — теряется в догадках сотник Кобелев. Внуки тех, что плыли полтора века назад с Дежневым? Сохранили за это время в чужих краях и веру, и родной язык? Сомнительно, больно много времени протекло. А может, кто из тех пятнадцати, что капитан Чириков потерял? Их сыновья и внуки? Вот это вполне возможно...

В те времена даже такие выдающиеся ученые и мореплаватели, как Джеймс Кук и Михайло Ломоносов, еще смутно представляли себе очертания западного побережья Северной Америки. Оно только лишь возникало на карте, и не очень было ясно, где же именно, в каком месте потерял Чириков свои две шлюпки с людьми. А о внутреннем строении Северо-Американского материка, о географии Аляски и запада Канады, о расстояниях между отдельными пунктами в тех краях вообще никто еще ничего достоверно не знал.

Так что скромному казачьему сотнику Ивану Кобелеву, как и полковнику Плениснеру «из живописцев», вполне простительно было думать, что высадившиеся на американском берегу и так загадочно исчезнувшие матросы Чирикова или их дети и внуки сумели пробиться столь далеко на Север и поселиться где-то на таинственной реке Хеуврен.

На Севере их надо искать, на Севере! Мысль об этом уже не дает Кобелеву покоя...

1786 год. Мимо залива, где бесследно пропали чириковцы, проплывают французские фрегаты «Астролябия» и «Буссоль». Капитан Лаперуз с горечью смотрит на пустынный, дикий,

неприветливый берег. Уж он-то прекрасно понимает, что пережил тут Чириков!

Совсем недавно чуть севернее, в бухте Льтуа, на этом проклятом берегу, Лаперуз тоже потерял две шлюпки, а на них трех своих лучших офицеров и 18 матросов. По неосторожности они вошли в узкий пролив, когда начинался прилив. Шлюпки закрутил водоворот — сулой — и разбил о камни. Никто не спасся. В память об этом капитан приказал установить на берегу медную доску с надписью: «В этой бухте погиб двадцать один храбрый моряк. Кто бы вы ни были, оплачьте их участь вместе с нами».

Видимо, так же, считал Лаперуз, погибли и русские моряки.

1788 год. В русских поселениях на Алеутских островах побывали в гостях два испанских судна. Иркутский генерал-губернатор поспешно докладывает в столицу: «Главный из экспедиции оной начальник дон Мартинец был еще в 774 году у берегов Америки, где со стороны России в 741 году имел плавание капитан Чириков, находил вещи, от него тамо островитянам оставленные...»

Тем временем дальновидный и предприимчивый купец Григорий Шелихов начинает осваивать Аляску, посылая туда своих людей. И один из его промышленников рапортует, будто в заливе Якутат, расположенном верст на триста севернее тех мест, где высаживались моряки Чирикова, встретился он с приплывшими сюда торговать индейцами во главе с тойоном Ильхаком. И среди них, докладывает промышленник, «много было белолицых и русоволосых, почему заключено было, что сии люди — потомки штурмана Дементьева» и его уцелевших товарищей. Это сообщение посчитают настолько важным, что впишут его в официальный документ «Краткое содержание о приобретении земель Америки 1788 года».

Может показаться странным, почему предполагаемых потомков чириковцев встречали севернее того места, где высаживались моряки, тогда как вещи, возможно принадлежавшие пропавшим, находили южнее? Но именно это никого не удивляло. Вполне естественно, что полученными от моряков вещами индейцы могли торговать или обмениваться с любым племенем. И попадались на глаза европейцам эти предметы там, где чаще бывали их корабли. Но сами русские матросы, по общему мнению земляков, конечно же должны были пробиваться именно на север, к Берингову проливу.

Как уже говорилось, даже географы имели тогда весьма смутное представление о расстояниях на Американском материке. И уж конечно, люди Чирикова, если уцелели при высадке, не знали, каким длинным и трудным окажется этот путь. Но единственным шансом для них, не имея корабля, вернуться на родину было переправиться через сравнительно неширокий пролив (между Чукоткой и Аляской). Это штурман Дементьев и его товарищи по рассказам бывалых людей, с которыми они встречались на Камчатке и в Охотске, знали, пожалуй, куда лучше географов своего времени.

А если даже переправиться на Чукотку почему-либо не удастся, все равно в тех краях они не пропадут: там, на Севере, они об этом также знают по рассказам многих, есть в дремучих лесах русские острожки и поселения на реке Хеуврен. Они тоже в

это твердо верят, потому непременно должны пробиваться на Север, если, конечно, остались в живых...

1789—1791 годы. Старые друзья Николай Дауркин и казачий сотник Иван Кобелев работают вместе — служат толмачами при большой экспедиции Биллингса — Сарычева. Ей поручено тщательно исследовать,описать и нанести на карту не только всю Чукотку, но и «прилежащие моря и земли».

По заданию Биллингса Кобелев, опять в одиночку, десять месяцев странствовал по Чукотке, завязывая и укрепляя дружеские отношения с местными жителями. Потом один из историков метко и совершенно справедливо назовет его путешествие, во время которого жизнь славного сотника каждый день по нескольку раз висела на волоске, настоящей дипломатической миссией, увенчавшейся полным успехом.

До Кобелева еще скорее, чем до Шелихова в Иркутске, дошли слухи о встрече в заливе Якутат русских промышленников с загадочными белолицыми и русоволосыми индейцами: новости удивительно быстро распространяются в снежной пустыне. По представлениям казачьего сотника, изъездившего весь Чукотский полуостров, от реки Хеуврен до залива Якутат — рукой подать. Значит, Дементьеву и его спутникам, а тем паче их потомкам было вполне способно туда добраться. Надо их непременно разыскать!

«В Увеленском острожке будучи *,— доложит он потом начальству,— нашел лучшего пешего человека Опрею, коего всячески уговаривал, чтоб свозил меня на байдаре чрез проливы на американскую землю (которой с американцами наивсегда дружество имеет) и посмотрел бы я тамошних народов...»

4 июня 1791 года отправился Иван Кобелев в кожаных байдарах с проводником в Новый Свет. Останавливались по пути на острове Имаглин (Ратманова), жили там несколько дней, а любознательный Кобелев все осматривал и записывал.

Наконец 11 июня он ступил на американский берег: «День был ясный, тихий, с сиянием солнца. Коего дни переехали на американскую землю, в селение по их названию в Кигигмен (видимо, где-то на мысе Принца Уэльского.— *Г. Г.*), в котором я сам был... Однако не точию (то есть не только.— *Г. Г.*) в устье реки Хеверен войти, но и в губу попасть не мог за препятствующими великими льдами».

Кобелев не стал зря терять время, отправился на остров Укипень (Кинга), куда приезжали обмениваться товарами индейцы и эскимосы даже дальних племен, и тут снова услышал рассказы о бородатых людях, якобы живущих в глубине Аляски...

Но пропустить его туда береговые чукчи не захотели. Они старались помешать прямым связям русских с индейцами и эскимосами, так как им было выгоднее, чтобы вся торговля с жителями Аляски шла только через них.

«На том же острову нашел самих американцев человек до десяти, которые жителство имеют по реке Хеверен, кои перееха-

* Нынешний Уэлен. Далее для большей точности в скобках указаны современные названия.

ли еще прошедшего лета на трех байдарах для торгу. Те же американцы со мною обращались дружелюбно и ласково...»

Но поговорить подробнее с торговыми гостями из Америки, расспросить их о жительствующих где-то там земляках сотнику тоже не удалось. Языка их он не знал, а чукчи переводили только самые общие вещи, явно нарочно многое путали, темнили.

«Они ж, американцы, свое лицо и грудь и мое лицо, также и грудь гладят и обнимают, то значится большого и неразрывного их со мною дружества. И на свою землю указывают, и меня за платье тянут, и, видно, к себе зовут в Америку. Когда я по-русски говорю, то они в свой язык перстом указывают да на свою землю...» Какие поразительные и трогательные подробности! «Вскрытно от наших прибывших* три краты наодине крестилися рукою и махали на их же землю. И изо всего видица, что есть (видимо, пропущено слово «там».— *Г. Г.*) таковые же люди, как я, таков же и разговор...»

Но больше чукчи Кобелеву оставаться даже на острове Кинга не дали. И потом уже он узнал, будто еще прошлым летом «приезжал один американец, с тем чтобы со мною видеца, который разведал обо мне на острове Игеллине, что я прибыл в чукчи и буду годовать**, которого, не допустя до меня, в самом Восточном мысу*** убили». Может, этот гонец вез ответ на письмо Кобелева «прелюбезным братьям»?

Дауркину тоже не удалось проникнуть в глубь материка, добраться до заветной реки Хеуврен. Он путешествовал хоть и в одно и то же время и в тех же местах, что и Кобелев, но отдельно от него. И сотник в своем отчете и походном дневнике о старом приятеле ни разу не упоминает. Почему?

Они явно поссорились из-за чего-то. Дауркин оставил тому забавное свидетельство и поистине нетленное, на века — необычное письмо на моржовом клыке. Он вырезал на нем:

«1791 года июня 1 дня на месте жил Ноняхъмуне во ожидании секретных эспедицких же судов и того июня 11 был на американских берегах и на островах на Имяхдине Инельлине Окибяне 17 байдарах верноподданным с чукоцким народом и с товарищем сотником Иваном Кобелевым Сибирской дворянин и чукоцкий перевотчик Николай Дауркин подписал того ж июня 30 вожидании были и паки дожидались до 15 июля».

Так было написано сначала. Но потом Дауркин в сердцах имя Кобелева попытался выскоблить, но это ему не удалось. Письмо дошло до нас и хранится в Государственном историческом музее; моржовая кость крепка, и фамилию Кобелева все-таки разобрать можно. Но вот из-за чего поссорились старые друзья, мы, вероятно, уже никогда не узнаем.

Впрочем, были они в ссоре недолго, вскоре помирились. И опять много странствовали по тундре — то вместе, а то и порознь, ревниво узнавая о приключениях друг друга и словно соревнуясь в подвигах и открытиях. Иван Кобелев прожил долгую жизнь — по некоторым данным, больше ста лет! И есть сведения, будто у

---

* То есть от спутников Кобелева — береговых чукчей.
** То есть пробудет здесь целый год.
*** Видимо, мыс Дежнева.

него, ставшего в конце концов подпоручиком, служил под началом сын Дауркина. А след самого «ученого чукчи» затерялся в кочевых становищах, куда он, кажется, вернулся в конце жизни...

Но в Америку они больше так и не попали. И по-прежнему оставалось загадкой: что же это за русобородые люди живут на таинственной реке Хеуврен? Кого встречали русские промышленники в разных местах американского побережья — может, в самом деле потомков пропавших солдат и матросов Чирикова?

Можно уверенно сказать: над «загадкой пятнадцати» непременно задумывались все русские путешественники, отправлявшиеся в те края, приказчики и даже простые промышленники Российско-Американской компании, начавшей быстро осваивать Аляску.

В 1801 году капитан Кейн сообщил правителю компании А. А. Баранову, будто слышал, что на острове Принца Уэльского нашли русскую одежду на лисьем меху...

Всего в какой-то сотне верст южнее тех мест, где так загадочно пропали Дементьев и его спутники, в начале XIX века основали город Ново-Архангельск (ныне Ситка). Он стал столицей русских владений в Америке. И конечно, обитатели его не могли не интересоваться судьбой пропавших земляков. О них расспрашивали местных жителей побывавшие здесь известные мореплаватели Лисянский, Головнин, Врангель. Ищет следы чириковцев, опрашивая индейцев, мичман Василий Берх, будущий выдающийся историк русского флота: «Но по всем известиям от диких, места сии обитающих, не слышно, чтоб они когда-либо видели или слыхали про белых людей...»

А вот севернее, севернее... Во время длинной зимы Берх перевел только что вышедшую книгу Александра Маккензи о его путешествиях по Канаде. В ней славный путешественник поведал, как однажды встреченные им индейцы рассказали ему о том, что где-то на западе от них, на Аляске, есть за высокими горами большая река и озеро. На их берегах живут якобы белолицые люди. Индейцы выменивают у них железо, которое тем привозят другие белые люди откуда-то издалека на больших лодках, приплывающих в устье этой реки. Кто эти загадочные белолицые в лесах Аляски? Дальше самого Маккензи никто из англичан к западу от Канады еще не проникал.

Это место в его книге Берх снабдил своим примечанием: «Можно, кажется, надеяться, что слова их справедливы, ибо по преданиям известно и у нас, что около реки Хеувереня живут русские белые бородатые люди, поклоняющиеся иконам».

Может, туда все же пробились Дементьев и его товарищи? Ведь смог же в 1808 году приказчик Российско-Американской компании Тимофей Тараканов, потерпев кораблекрушение немного южнее тех мест, где высаживались моряки со «Святого Павла», не только провести свой отряд (правда, он был побольше — двадцать два человека, но среди них ни одного солдата, лишь промышленный люд, охотники-алеуты да растерявшийся и совершенно беспомощный капитан и его жена) свыше сотни верст через леса, но и, построив избу «с будками по углам для

часовых», прожить в ней в окружении индейцев всю зиму — по его словам, вполне «спокойно и имея изобилие в пище»!

Правда, весной Тараканов и его товарищи все же сдались индейцам, но сами, добровольно, без боя, полюбовно договорившись, что те при первой же возможности дадут им выйти на берег и помогут связаться с командой какого-нибудь корабля, чтобы моряки выкупили пленных, по справедливости возместив расходы на их содержание... «Мой хозяин,— рассказывал потом Тараканов,— обходился со мной как с другом, а не так, как с пленником». Не сетовали на плохое обхождение и остальные. И обещание свое индейцы сдержали: в мае 1810 года Тараканова и его спутников выкупил капитан американского корабля «Лидия» и благополучно доставил в Ново-Архангельск, где ему в свою очередь возместили понесенные расходы.

Приключения Тимофея Тараканова так заинтересовали прибывшего как раз в то время в Ново-Архангельск выдающегося нашего путешественника В. М. Головнина, что он долго его расспрашивал и, к счастью, хотя вкратце, записал рассказ малограмотного приказчика и сохранил для истории, напечатав в приложенном к своим сочинениям «Описании примечательных кораблекрушений, в разные времена претерпенных русскими мореплавателями».

«...Хотя при самом кораблекрушении не было показано никакого искусства и твердости, которые могли бы служить примером и были достойны подражания,— отметил В. М. Головнин,— но впоследствии русские показали свои дух и характер с самой выгодной стороны».

Пример Тараканова и его товарищей обнадеживает: значит, вполне могли спастись и защитить себя, выжить куда лучше вооруженные и обученные солдаты и матросы Чирикова!

Пробуют вести поиски севернее. В 1818 году тогдашний правитель русских владений в Америке Гагемейстер посылает в глубинные районы Аляски Петра Корсаковского, дав ему задание попутно поискать среди индейцев загадочных земляков, о которых ходят столь упорные слухи.

Корсаковский смог пройти только до реки Кускоквим. Никаких белолицых и русобородых индейцев не обнаружил, но привез новые любопытные сведения. Старик индеец Кылымбек рассказал ему, будто однажды к ним на «игрушку» (так русские промышленники называли обрядовые и ритуальные собрания индейцев) пришли из лесу на лыжах двое мужчин.

«На них камзол или троеклинки* и шаровары, выделанные из оленьих кож без волоса и выкрашенные черной краской. Сапоги из черной кожи. С бородами. Разговор у них другой, так что все индейцы, бывшие на сей игрушке, не могли понимать оного,— подробно записал Корсаковский.— Видели у них стволину медную, один конец шире, а другой у́же, наподобие мушкетона, а у другого медная стволина наподобие ружейной, украшенная черными сепями (цепями.— *Г. Г.*) и белыми чертами...»

Отдохнув на «игрушке», загадочные гости «скрылись неизве-

---

* «Казачий чекмень, полукафтан с перехватом» *(Даль)*.

стно куда». Но, судя по тому, что приходили налегке, жили они где-то не так далеко, в лесах к северу от стойбища индейцев.

Вряд ли старый индеец все это выдумал с такими подробностями. Да и зачем бы? «Кылымбек платье их сравнивает с нашим, точно так скроено, как и у нас».

Это уже никак не могли быть потомки спутников Дежнева или других его современников, случайно занесенных бурей к чужим берегам! Эти люди явно попали в Америку гораздо позже, уже в XVIII веке: после реформ Петра и оружие и одежда в России стали совсем иными, чем прежде, а потом уже практически долго не менялись, оставались такими же и во времена Чирикова.

Пробовали искать потомков чириковцев и позже. Снова и снова шлет о том распоряжения Главное правление Российско-Американской компании в 1819 и 1821 годах. Но поиски становились все труднее: слишком много русских прибыло с тех пор в Америку. Ко времени продажи Аляски США в 1867 году русские поселения были там уже повсюду и потомки наших промышленников и моряков составляли среди местных жителей весьма солидную часть.

Загадка бесследного исчезновения Дементьева и его товарищей не разрешена и поныне и продолжает волновать историков и географов. Вдруг становится известным, будто кто-то видел у вождя одного из тлинкитских племен старинный мушкет с

раструбом и ложе из красного дерева, а подобные мушкеты были во времена Чирикова на вооружении в русской армии. И снова появляются в журналах очерки и заметки с интригующими заголовками: «История пятнадцати» или «Их было пятнадцать...»

3

Загадка в самом деле весьма интригующая и непонятная, тем более что выбор предположений о том, что же могло случиться с нашими моряками, совсем невелик.

Многие историки и географы ссылаются на авторитетное мнение капитана Лаперуза. Оно уже приводилось в начале очерка: великий французский мореплаватель был уверен, что они все утонули, попав, как и его матросы, в коварные водовороты сулоя.

Другие ссылаются на мнение самого Чирикова и сменившего погибшего Беринга лейтенанта Свена Вакселя, которые, разумеется, лучше всех знали, какими опытными моряками были штурман Дементьев, боцман Савельев и другие пропавшие матросы. Чириков и Ваксель считали, будто все — и те, кто плыл на первой шлюпке, и те, кто на второй,— попали в засаду и были перебиты индейцами.

Описывая собственные злоключения, Свен Ваксель задним числом, спустя 15 лет, даже давал запоздалые советы: дескать, завидев челноки индейцев, всем на «Святом Павле» следовало поскорее спрятаться в трюм, оставив на палубе не больше двух человек для приманки. Индейцы, считал он, подумали бы, что на корабле больше никого нет, попытались бы его захватить и попались бы в ловушку. «Таким способом капитану Чирикову, быть может, и удалось бы выручить своих людей, если, конечно, их не убили при высадке, или во всяком случае отплатить за гибель товарищей...»

Все становится еще непонятнее, если тщательно проанализировать, что происходило тогда. Обычно пишут об этом весьма общо и кратко: поплыли к берегу — и пропали. Но ведь загадочные и драматические события развивались на протяжении целых восьми суток!

Внимательное изучение рапорта Чирикова Адмиралтейств-коллегии, инструкций, какие он дал Дементьеву и Савельеву, и, главное, конечно, записей в судовом журнале, которые производились непосредственно в момент совершения событий, выявляет весьма важные детали. Парадоксально, но они загадку не проясняют, а, пожалуй, на первый взгляд еще более запутывают и усложняют! Именно поэтому обо всем рассказано так подробно — буквально по часам.

Дементьеву, как помним, дали две ракеты и приказали: одну пустить сразу же при высадке, вторую — при возвращении шлюпки. На берегу же после высадки следовало разжечь большой сигнальный костер.

Но ни одной ракеты пущено не было. Значит, высадиться не смогли? Их сразу перебили индейцы? «...Можно чаять по тому, понеже американцы к нашему пакетботу не смели подъехать, что с посланными от нас людьми на берегу поступлено неприятель-

ски — или их побили, или задержали», — написал Чириков в рапорте.

Но ведь к такому выводу он пришел уже потом, в итоге всех событий! Отправляя на берег ялбот, он явно думал по-иному: Дементьев и его команда целы и невредимы, раз дают сигнал костром, как было уговорено, только не могут вернуться из-за повреждения шлюпки. Иначе бы Чириков послал на ялботе не плотника с конопатчиком, а побольше солдат на выручку товарищей.

И совершенно невероятно, что индейцы начали бы обстреливать из луков шлюпку, еще не приставшую к берегу! Им были нужны живые пленники, надежная добыча. Начни они обстрел раньше времени, шлюпка конечно бы повернула и уплыла. Моряки бы отстрелялись: у них была даже пушка! Но никакой стрельбы на берегу не было слышно.

А, высадившись, Дементьев непременно первым делом подал бы сигнал ракетой: по общим отзывам, он был офицер исполнительный.

Да и весьма сомнительно, чтобы индейцы вообще решились напасть на такую большую группу чужеземцев при первой встрече. Тем более, их жило на острове Якоби совсем немного: даже в начале XIX века обитавшее здесь племя насчитывало всего около ста человек.

При высадке матросов с корабля Беринга «Святой Петр» местные жители попрятались, позволив натуралисту Стеллеру бродить по лесу в сопровождении одного-единственного казака, осматривать их жилища, даже забрать разную хозяйственную утварь для коллекции.

Нападать в открытую при первой же встрече было совсем не в обычае индейцев. Они делали это, только тщательно выбрав удобный момент, сначала все хорошенько разведав и подготовив внезапное нападение, так что мысль о гибели Дементьева и его товарищей от рук индейцев сразу в момент высадки, да еще без всякого сопротивления, без единого выстрела, весьма сомнительна.

Не пустили ракету, потому что погибли в сулое? Обе шлюпки — и первая и вторая? Тоже трудно поверить. Сулои в тех местах действительно нередки и опасны. О них специально предупреждают современные лоции. В самый разгар прилива или отлива не рисковали заплывать в узкие проливы между островами даже алеуты на своих практически непотопляемых байдарках.

Но ведь шлюпки Дементьева и Савельева входили в пролив или бухту в разное время дня, следовательно, при различном состоянии моря! К тому же опытным морякам (а именно таким был, по мнению всех его знавших, штурман Дементьев) удавалось поспорить и с коварными сулоями. Таких случаев известно немало. При трагическом происшествии с моряками Лаперуза, например, тоже ведь не все погибли! Третья шлюпка, самая маленькая, благополучно преодолела сулой, проскочив между водоворотами, и моряки в ней остались целы.

Косвенным подтверждением тому, что не могли разбиться обе шлюпки со «Святого Павла» и утонуть все моряки, служат и найденные вещи, возможно принадлежавшие чириковцам: обло-

мок штыка, виденный испанцами, мушкет, поныне хранимый тлинкитами. Если обе шлюпки разбились, не со дна же морского достали индейцы эти вещи!

И кто же тогда зажег сигнальный костер, который увидели с корабля, когда туман наконец рассеялся? Могут сказать: индейцы, перебив всех приплывших, заманивают остальных... Но они-то ведь не знали об условленном сигнале! А зажигать костер «просто так» индейцам было незачем: чтобы выдать свое присутствие? Ведь сколько ни плыл «Святой Павел» вдоль американского побережья, никаких огней, дыма или других признаков жилья моряки не видели ни раньше, ни позже, хотя, как выяснилось, индейцы тут обитали.

Что случилось с Дементьевым и его товарищами, пожалуй, еще не главное в этой загадке. Самое удивительное и непонятное, что они пропали **бесследно.**

Почему-то не сохранилось никаких достоверных сведений об их высадке на американском берегу — только смутные слухи о найденных некоторых предметах, возможно принадлежавших русским морякам, да о встречах с их предполагаемыми потомками.

Известный американский историк Голдер, посвятивший плаванию Беринга и Чирикова двухтомный труд, специально опрашивал индейцев на острове Якоби, тщательно изучил труды знатоков индейского фольклора Дэвидсона и Эммонса и не обнаружил ни одного воспоминания, ни одного предания или легенды, которые могли бы хоть как-то объяснить, что же произошло с русскими моряками.

А между тем индейцы ведь видели шлюпки и корабль Чирикова, мы знаем точно! Они подплывали к «Святому Павлу», кричали: «Агай! Агай!» (по мнению специалистов, так наши моряки расслышали слово «агоу», означающее «иди сюда!»). Они несомненно знали, что случилось.

К тому же это наверняка была первая встреча здешних тлинкитов с белолицыми чужеземцами, приплывшими на таком большом корабле и обладавшими совершенно необычным для них оружием. Разве могла она не запомниться?! Рассказы о ней должны были передаваться из поколения в поколение. Почему же нет никаких преданий, воспоминаний? Вот что особенно поразительно и непонятно.

Надо еще учесть, что места, где так загадочно исчезли Дементьев и его товарищи, как уже говорилось, были дикими и пустынными лишь в те времена, когда посетил их первым Чириков. Через 60 лет на острове Баранова — всего в 100 верстах южнее — заложили крепость, вскоре превратившуюся в Ново-Архангельск, тогдашнюю столицу всех русских владений в Америке.

Недавняя глушь стала «бойким местом». Тут русские промышленники добывали «морских бобров», как называли тогда каланов, ловили рыбу, заготавливали на зиму сено и дрова, постоянно общаясь с местными жителями, которые конечно же рассказали бы им, что произошло с Дементьевым и его спутниками.

Между тем именно здесь никаких преданий не записано! Вспомним разочарование Василия Берха: «По всем известиям от

диких, места сии обитающих, не слышно, чтоб они когда-либо видели или слыхали про белых людей...» А ведь прошло еще так мало времени!

Совсем недолго пробыл «Святой Петр» у острова Каяк, где матросы запаслись пресной водой, а натуралист Стеллер осматривал покинутые попрятавшимися жителями шалаши. Но индейцы это не забыли и через полвека рассказали о том капитану Сарычеву, что позволило уточнить, где именно вышел к американскому побережью Беринг.

Прекрасно запомнили тлинкиты и встречу с французами, с такими подробностями, что через сто лет по их рассказам нарисовали для проверки, как выглядели корабли, и убедились: да, все точно, речь идет, несомненно, о фрегатах Лаперуза.

Народная память очень крепка, особенно у племен, еще не знающих письменности. Триста лет из поколения в поколение передавались предания о посещении Земли Баффина кораблями Фробишера, которые записал у эскимосов Чарлз Холл, даже с подробностями, которые через три века позволили выяснить судьбу пятерых матросов, считавшихся пропавшими без вести!

Почему же встречу с моряками Лаперуза тлинкиты помнят до сих пор, а гибель на их глазах двух шлюпок со «Святого Павла» или схватку с нашими солдатами так быстро запамятовали?!

Правда, в 1922 году историк Аляски Т. Л. Эндрюс сообщил, будто у индейцев ситха, живущих южнее острова Якоби, на острове Баранова, «имеется глухое предание о людях, выброшенных на берег много лет назад. Говорят, их вождь Аннахуц... оделся в медвежью шкуру и вышел на берег. Он с такой точностью изображал переваливающуюся походку зверя, что русские, увлекшись охотой, углубились в лес, где туземные воины перебили их всех до единого...».

Однако весьма сомнительно, что любопытное предание относится к Дементьеву и его спутникам, ведь шлюпок-то было две — не одна и подходили они к берегу с интервалом в шесть дней! Допустим, четверо матросов со второй шлюпки в самом деле поддались на хитрость индейцев и были убиты. Но чтобы на такую приманку попались сразу одиннадцать человек из первой шлюпки?! Невероятно. Что же они — доверчивые детишки, а не бывалые солдаты и матросы, впервые высаживающиеся на чужой, неведомый берег, чтобы толпой гоняться за мнимым медведем?

Сам Эндрюс считает: скорее всего такой случай произошел позже — в начале XIX века, когда русские здесь уже обжились, охотились и рыбачили небольшими партиями из двух-трех человек, а индейцы не упускали удобного случая устраивать им коварные засады. Это вполне возможно.

Если же допустить, что подобное произошло хотя бы с плывшими на одной из шлюпок со «Святого Павла», снова возникает много вопросов: почему же опять-таки при высадке они не подали условленных сигналов? Почему не было слышно никакой стрельбы на берегу? Ведь не голыми же руками пытались обманутые моряки поймать медведя?

Нелегкие загадки. «Ближайшей к верности», как сказал бы Алексей Ильич Чириков, может быть лишь гипотеза, способная

объяснить все, даже вроде бы противоречащие друг другу факты: почему не подали сигналов ракетами, а потом все же зажгли условленные огни на берегу? Почему о происшедшем не сохранилось никаких воспоминаний среди местных жителей? Почему «русобородых и белокожих» предполагаемых потомков чириковцев видели потом на севере, в заливе Якутат, тогда как вещи, по предположению принадлежавшие исчезнувшим морякам, находили в другой стороне — на востоке и на юге?..

Возможно, первая, большая, шлюпка в самом деле попала в губительные водовороты сулоя и разбилась о камни. Поэтому не подали сигналов, чтобы сообщить о благополучной высадке: пушка затонула, ракеты отсырели. А никаких сигналов на случай крушения предусмотрено не было...

Однако часть моряков, если не все, при крушении у самого берега должна была спастись! И вряд ли тлинкиты, как уже доказывалось, решились бы на них напасть немедленно. А затем, вероятнее всего, уцелевшие солдаты и матросы каким-то унизительным для самолюбия индейцев образом их перехитрили, обманули и, не имея возможности вернуться на корабль, оказались вынуждены по примеру Тараканова с его куда более слабым отрядом уйти на материк, переправившись через совсем узкий в этом месте пролив на плоту или даже на лодках, захваченных у индейцев, которые те держали именно здесь, в укромных заливчиках. Доказательством тому, что хоть часть наших моряков спаслась и сумела потом пробиться на материк, служат не только сигналы, которые после улучшения погоды подавались с береговых скал, но и загадочные «белолицые и русобородые» их потомки, встречавшиеся через 60 лет в заливе Якутат. А вымененные у них или подобранные на поле боя вещи, конечно, могли передаваться от племени к племени и самостоятельно совершать весьма дальние путешествия в любых направлениях.

Если даже четверо матросов со второй шлюпки угодили в засаду тлинкитов,— те действительно могли к тому времени ее подготовить, а наши плыли спокойно, в полной уверенности, что на берегу их ожидают товарищи, которым надо помочь отремонтировать лангбот,— все равно эта маленькая победа не могла потешить гордость индейцев, скорее, наоборот, лишь усилила горечь поражения. Тем более что невиданно «большая лодка» с огромными парусами, несмотря на их заманивающие призывы, к берегу не подошла...

Так что в итоге гордость и самолюбие индейцев оказались униженными и оскорбленными, а такие вещи они воспринимали весьма болезненно. У Джека Лондона есть интересный рассказ, в котором он тонко подметил и использовал эту примечательную особенность психологии индейцев. Он называется «Потерянный лик». Герой его, русский поселенец (!) со странной фамилией Субьенков, избегает пыток, ловко перехитрив индейского вождя Макамука и заставив его попросту убить себя: «И тут все разразились хохотом. Макамук от стыда опустил голову. Охотник за мехами обманул его. Макамук потерял лицо, потерял уважение в глазах своих соплеменников... Он знал, что отныне он никогда не будет зваться Макамуком. Его будут звать Потерявший Лицо, и ему не искупить своего позора до самой смерти...»

Вероятно, и тут, при высадке Дементьева и его товарищей, произошло нечто такое, о чем тлинкитам не хотелось потом вспоминать и рассказывать: они потеряли лицо. После этого не хотелось уже хвастать победой над четырьмя матросами со второй шлюпки. Велика ли честь? Вот о проделке с медведем прекрасно запомнили и с удовольствием рассказывали и через сто с лишним лет. Но ни один народ не слагает легенд о том, как его воинов провели и обманули, оставили в дураках.

А последующие события еще больше «способствовали» забвению этого происшествия. Как уже говорилось, в этой запутанной истории именно обстоятельства, казалось бы осложняющие тайну, на самом деле, как мне кажется, подсказывают путь к ее разгадке...

Через несколько десятилетий после первой высадки наших моряков эти места стали шумными и оживленными; у здешних индейцев произошли самые глубокие перемены в их жизни и быте.

Прежде всего произошла смена жителей! За эти годы многие небольшие племена и отдельные роды тлинкитов, избегая соседства с пришлыми чужеземцами, покинули свои старые стойбища и переселились в места более спокойные — на материк, в том числе они ушли и с острова Якоби, где, как уже говорилось, к началу XIX века обитало всего около ста человек. Они покинули остров, а на смену им, на их место, пришли индейцы более дружественные русским, но уже со своими преданиями и воспоминаниями, относящимися совсем к иным местам и событиям. А о том, что тут произошло 60 лет назад, пришельцы, естественно, ничего не знали и рассказать не могли...

Нередко, чтобы утвердить свое право на новые богатые охотничьи угодья, пришельцы перенимали, присваивали себе родовые прозвища и тотемные изображения зверей-покровителей у прежних хозяев. И теперь это порой совсем запутывает и сбивает с толку этнографов.

А если даже вначале и ходили какие-то глухие слухи о происшедшем с первыми русскими моряками, высадившимися в этих местах, то сколько с тех пор побывало тут различных судов и людей всех наций и цветов кожи! Сколько произошло событий куда более запоминающихся, масштабных и драматических — схваток, стычек, даже затяжных войн! Достаточно вспомнить сражения за Ново-Архангельск, который был захвачен индейцами и сожжен, а потом отвоеван и восстановлен заново. Конечно, такие события не могли не затмить, не заглушить в памяти местных племен происшествия более давние и не столь впечатляющие.

И все же, хотя много воды с тех пор утекло, остается, мне кажется, надежда отыскать какие-нибудь дополнительные сведения о загадочном исчезновении наших моряков! Только не на острове Якоби, где они высаживались, а на материке, куда какая-то часть их, перехитрив противника (я уверен в этом!), все же смогла пробиться и уйти в леса и куда позднее переселились и другие участники таинственных событий — тлинкиты с острова Якоби, унеся с собой воспоминания о них.

Далеко ли смогли уйти наши моряки? Надолго ли сохранили

свободу? Или породнились с местными жителями — такие случаи тоже бывали,— отчего и появились в лесах «белолицые и русобородые» индейцы? Может быть, с помощью американских и канадских ученых мы еще получим ответы на волнующие нас вопросы. Их тоже, по-моему, не может не интересовать вековая загадка. Да и о древних русских поселениях за океаном было бы весьма любопытно узнать побольше, ведь так удивительно, уникально сложились обстоятельства, что на Аляске и в Калифорнии, где до сих пор сохранились постройки форта Росс, создалась общая, нераздельная страничка истории — и нашей и американской.

А пока, оставаясь неразгаданной, эта тайна продолжает волновать умы и разжигать фантазию. И все так же трогательно и волнующе звучит через века призыв Ивана Кобелева: «Прелюбезные мои во плоти братцы! Где вы? Откликнитесь!..»

Владимир Терехов

ОЖЕРЕЛЬЕ ИНДИИ

ОЧЕРК

Приезжать в незнакомую страну лучше всего, по-моему, весной. В Индию тоже. Весна есть весна, даже в тропиках. После долгого зимнего перерыва возвращаются на землю дожди. Оживает трава, зеленеют покрытые кустарником и лесами склоны гор.

Лишь ступишь из самолета на трап, как тебя окутывает жаркая духота, насыщенная густым ароматом цветов. Нежным пламенем полыхают акации. Безлистые ветви тюльпанных деревьев гнутся под тяжестью крупных и мясистых ярко-оранжевых цветов. Еще неистовее цветет бугенвилия. Но даже с этим фейерверком несравнимо оживление, царящее среди животных. Все вокруг, сам воздух поет, гудит, вибрирует птичьими голосами: разномерным воркованьем горлиц на деревьях, призывными криками коршунов, кружащих в сияющем небе. Грифы сидят у своих неправдоподобно огромных гнезд. Зеленые попугаи беспокойными ватагами носятся от дерева к дереву. Даже птицы мур — павлины, в иное время года деловито и степенно пасущиеся в кустарниках, теперь скачут по скалам и заборам, громко вопя и поминутно демонстрируя свой кавалерский наряд. Кроны деревьев, крыши домов, храмов сотрясаются от обезьяньих оргий. И все это происходит не только в сельских уголках, но и в парках и на улицах перенаселенных шумных городов. Удивляешься, как это уживаются тут с человеком его меньшие братья, почему не действует на них «фактор беспокойства»!

Весна — время праздников. И самый красочный из них, конечно, «холи». В ночь мартовского полнолуния на площадях городов, в селениях пылают костры. В них жгут всякий хлам, а не

усмотришь — и нужную вещь сволокут. Утром начинается «праздник красок»: все обливают и обсыпают друг друга разноцветными красками. И тут пощады не проси — бесполезно. Я бывал в роли окрашиваемого. Да и сам отвечал тем же. Выяснилось, что краски эти легко смываются водой. Но все равно, если очень постараться, вода потом не поможет. Потому до полудня ходить по улицам люди опасаются, а если идут, то перебежками, наблюдая за улицами, подворотнями и окнами на этажах. Надевают одежду попроще. Безнадежно испорченное платье отдают потом беднякам. И те долго еще щеголяют в пятнистых, застиранных дхоти и сари — память о веселом празднике «холи».

Но и осенью Индия впечатляет. Пусть увядают леса и парки, все равно круглый год что-нибудь цветет, и в первую очередь яркие цветы «генда», из которых вяжут гирлянды и венки, какими украшают дорогих, уважаемых людей, женихов, невест, священных коров, статуи богов. Из лепестков «генды» выкладывают замысловатые узоры на дорожках к дому, если ждут гостей. Вообще-то эта «генда» не что иное, как наши бархатцы. Среди индийских цветов — и бальзамин, и львиный зев, и майор... Осень в Индии — пора плодоношения: брызжут соком кокосовые орехи, вкусно пахнут бананы, словно тыквы, висят папайи, как булыжники, на крышах хижин лежат тыквы.

В парках шустро шныряют полосатые белочки, похожие на сибирских бурундучков. По стенам и потолкам бегают, гоняясь за мухами, красноглазые гекконы. Все так же безобразничают обезьяны. В полях гуляют бесчисленные стаи птиц, угрожая урожаю. Майны — индийские скворцы склевывают что-то с редковолосых буйволиных спин. Белые цапли ходят следом за пахарями, выхватывают из-под плуга живность, обитающую в почве.

Тут же вертятся наши удоды, прилетевшие зимовать.

Мы прилетели в Калькутту на несколько дней и направились затем в Дели, пересекая страну на самолетах и автобусах.

Сверху окрестности Калькутты представляются пестрой мозаикой из суши и воды. Трудно решить, чего тут больше, столь обширна и многоводна дельта Ганга и Брахмапутры. Бесчисленные речные русла и протоки, сливаясь, разделяясь, ветвясь и сплетаясь меж собой, как корни индийского баньяна (иного сравнения нет), охватили все видимое пространство. Впечатление усиливается от многих озер, каналов, канав, прудов, водоемов, выкопанных в наносной, сочащейся влагой почве. Они у каждого селения, храма, дома, среди городских кварталов...

И куда ни глянешь — рис, рис, рис... Он растет, стоя в воде. Так что воды тут, пожалуй, больше.

И вот среди этой сырости, на берегу одного из рукавов Ганга — Хугли, — крупнейший город Индии Калькутта. Хугли многоводна и судоходна. Через нее переброшен уникальнейший подвесной мост Хаура длиной около двух километров.

Калькутта возникла и развивалась как основной порт и столица английской Ост-Индской компании. Промышленная, торговая, административная, культурная жизнь тут била ключом, даже после того как в 1911 году столица была перенесена в Дели.

В Калькутте сосредоточена переработка джута. Город известен своими машиностроительными, судоремонтными, инструмен-

тальными, обувными предприятиями, крупнейшим в стране заводом резиновых изделий, фабриками по изготовлению бумаги...

Калькутта — культурный и просветительный центр, здесь жил и работал великий мыслитель Индии Рабиндранат Тагор. Гордость страны — четверо лауреатов Нобелевской премии — все из Калькутты.

Тут великолепный ботанический сад, где растет самое большое дерево в мире. Это баньян — гигантский фикус. В его невероятной кроне находит стол и кров не одно поколение обезьян. Дерево это даже не дерево, а настоящий лес, целых два гектара земли занимает оно!

Рассказывают, будто баньян настолько стар, что еще в древности под ним отдыхало целое войско некоего полководца.

Неохватной толщины центральный ствол дерева уже погиб, но его с успехом замещают множество стволов, развившихся из воздушных корней, некогда свисавших, словно плети, с толстых ветвей.

В Калькуттском зоопарке содержатся белые тигры. В том, что они не альбиносы, легко убедиться, поймав на себе стальной взгляд холодных серых глаз.

Самое красивое здание Индии тоже в Калькутте — дворец «Виктория мемориал».

Индия — страна контрастов. Так говорят сами индийцы. Во время нашего пребывания в Калькутте температура не падала ниже 35°, а на севере, в Гималаях, не таяли вечные снега.

В то время как мы парились в заливаемой земными и небесными водами Калькутте (дожди шли ежедневно), где-то на нашем пути, среди полупустынь Раджастхана, изнывал от жажды Джайпур.

В пустыне Тар годами не случается дождя. А севернее Калькутты, на склонах Гималаев, за один только ливень на землю обрушивается по нескольку метров воды. Да что там воды — льда. В 1961 году, рассказывают, градом убило слона!

Вот пример других крайностей.

Неоценимо велик вклад индийской цивилизации в сокровищницу общечеловеческой культуры. Но практически рядом с великолепными городами, Калькуттой например, живут еще в поредевших лесах и кустарниках племена — дети природы, существующие только за счет примитивного собирательства.

В Калькутте сосредоточена половина всех автомобилестроительных мощностей страны, а по улицам города все еще бегают босые рикши, в иных городах, похоже, уже не встречающиеся.

И тем не менее у меня нет возможности судить о контрастах Индии в полной мере.

Я знаю: не всем тут по сердцу добрые, сердечные отношения между нашими странами, но с проявлениями враждебности или недружелюбия к Советскому Союзу ни разу не столкнулся.

Индийцы очень общительны, непосредственны в оценках. Узнав, кто мы, тут же откликались:

— О, Совьет Юнион — хорошо! Совьет пиплз — намастэ! Индируси — дружба!

На одной из площадей Калькутты — памятник Ленину. Бронзовый, на высоком постаменте, в полный рост. Длинное пальто,

пола откинулась в сторону — Владимир Ильич энергично шагнул вперед. За спиной вождя — зелень небольшого сквера, у ног — цветы.

Памятник поставлен по решению правительства штата Западная Бенгалия к столетию со дня рождения Ленина. Площадь шумная, многолюдная, забитая транспортом: трамваи, грузовики, автобусы, такси, велосипедисты, рикши, пешеходы... Тянется вдаль улица Ленина. Парки и улицы Ленина есть во многих городах Индии.

Вдоль наполненной людским потоком улицы Рай-Пингун зияет широченный ров. В нем кипит работа — строится Калькуттское (первое в Индии!) метро. Запроектированная длина его линий — 33 километра. Строится оно именно в Калькутте совсем не случайно. Судите сами.

Считается, что транспорт в современном городе может функционировать нормально лишь в том случае, если проезжей части улиц отдано не менее двадцати процентов территории города. В Калькутте же этот показатель составляет лишь немногим больше пяти процентов. Надо знать, надо почувствовать на себе, что такое час «пик» на калькуттских улицах, что такое транспортные пробки на ее перекрестках!

Вот картина. Пять часов вечера. Сумерки. Вспыхивает уличное освещение и реклама. В лавках и прямо на улице (тротуары сплошь заняты мелкой торговлей) разжигаются бензиновые лампы. Этим делом обычно заняты мальчишки — младшие в семье или прислуживающие владельцу (боссу!). Лампа накачивается, как примус; ее головка, раскаляясь, светится ярким белым светом. Лампу ставят на подставку или подвешивают повыше. Такое освещение дешевле электрического, потому все еще популярно.

Фонари светят сквозь тяжелую мглу. У входа в конторы, магазины часто тарахтят бензиновые движки — индивидуальные установки кондиционирования воздуха.

Душно, жарко, ни ветерка. Лишь проходящие машины обдают прохожих, покупателей, продавцов горячим чадом.

Машины идут сплошной массой от тротуара до тротуара. Водители автобусов и грузовиков работают с помощниками. Помощник (шустрый мальчишка) следит за левым бортом (движение левостороннее), криком или стуком по обшивке отпугивает пешеходов, велосипедистов, рикш, лезущих под самые колеса, следит за тем, чтобы не повредить чужую машину. Если между машинами образуется маломальский зазор, в него тут же втискивается более юркий автомобиль, велосипедист, рикша... Носильщики беспорядочно, по ломаным траекториям пересекают это медлительное скопище.

Изменить положение может метро. Строится оно с помощью Советского Союза. Отдельные участки прокладываются закрытым способом. Там, в глубине, на советских проходческих щитах рука об руку со специалистами «Метростроя» работают индийцы.

Во дворце вице-короля Британской Индии («Виктория мемориал»), сейчас превращенном в музей, прямо напротив главного входа — огромнейшая картина, на которой люди и слоны изображены чуть ли не в натуральный рост. Это полотно нашего соотечественника Василия Васильевича Верещагина.

Вспоминается, что русский музыкант Герасим Лебедев именно в Калькутте основал первый индийский театр. Подумалось: уехали от Родины за много тысяч километров, но с Родиной же и встретились. Это удивительно и прекрасно!

Калькутта принадлежит всей Индии, говорят индийцы. Тут жил мудрец и великий просветитель Вивекананда, тот, кто сказал: «Земля Индии — вот мое высшее небо!» Не только сказал, но и жизнью своей подтвердил это. Не раз приходилось слышать сетования индийцев, что Киплинг, гонясь за экзотикой и романтизируя Индию, оказал ей медвежью услугу. Сказки и легенды, создаваемые белыми колонизаторами, долгое время лишь и питали представления европейского мира об этой стране. Не берусь судить, велика ли вина Киплинга-писателя перед Индией. Думаю, он не из самых беспардонных мифотворцев. Но были среди них и злобные клеветники.

Вивекананда сделал все, чтоб мир увидел истинное, не искаженное ничьей предвзятостью лицо его Родины, лицо народа мудрого, талантливого, трудолюбивого.

Неподалеку (по калькуттским масштабам) — памятник Махандасу Ганди — отцу нации. Сухощавый бритоголовый старик в одном дхоти (одежда наподобие шорт) с палкой в руке идет налегке, без пожитков неспешным, но широким шагом. Подобный памятник я уже видел в Мадрасе и увижу позже в Джайпуре. Он изображает Ганди во время пешего странствования по Индии, когда он ходил по городам и деревням со словами о национальном единстве и неподчинении колонизаторам.

Впервые Ганди приехал в Калькутту в 1896 году. Колониальная Калькутта встретила его, уже известного борца за права притесняемых, явно недоброжелательно — ему не позволили остановиться в Бенгальском клубе, поскольку то было заведение для европейцев, а Ганди таковым не являлся.

Но Индия и до англичан знала отвратительнейшую из дискриминаций — неприкасаемость, когда множество людей, таких же, как все остальные, индийцев, игнорировались обществом, религиозно и социально унижались, низводились до положения грязных, презренных животных. Ганди всю жизнь боролся с этим традиционным злом. В Калькутте в беседах с Тагором он призывал великого мыслителя и поэта реальными действиями укрепить идею равенства каст, склонял поддержать движение несотрудничества с колонизаторами, а затем годы спустя эти же вопросы предложил рассмотреть сессии Всеиндийского комитета ИНК, проходившей тут же, в Калькутте.

Промышленный пролетариат Калькутты всегда был на переднем крае национально-освободительных и классовых боев трудящейся Индии. И не удивительно, что именно в Калькутте, в городе развитых пролетарских традиций, в 1933 году состоялась Всеиндийская конференция Коммунистической партии, после которой коммунисты взяли курс на активное участие в общенациональном движении.

Калькуттские рабочие и студенты неоднократно выступали застрельщиками в народной борьбе. Так было в 30-х годах, когда город потрясли мощные забастовки. Так было и накануне провозглашения независимости, в 1945—1947 годах, когда улицы города

покрылись баррикадами и гром канонады катился от Калькутты по всей стране.

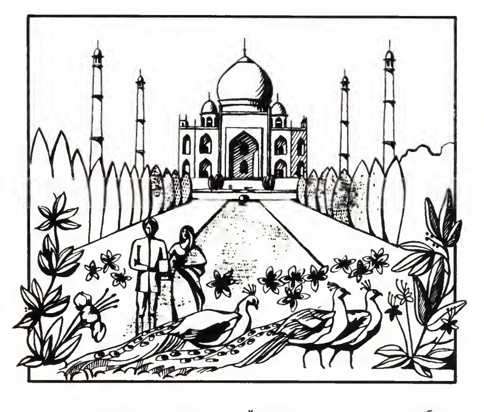
... В доме Тагоров, расположенном в центральном районе Калькутты Джорашанко, сейчас Музей Р. Тагора и Университет искусств.

Парни и девушки изучают национальное искусство, знакомятся с культурой народов мира. Среди прочих вопросов, заданных мне, были и такие: о чем пишут советские писатели? Что для них главное в творчестве? Которая из мировых проблем для них главная? Ответил, что главное — это знание жизни, правдивое ее отражение в творчестве, а из глобальных проблем наиглавнейшая — борьба за мирное будущее Земли.

А что касается праздников, то индийская осень тоже богата ими. Вот «дасера» — сугубо бенгальский праздник, посвященный богине Дурге. К нему изготавливают бесчисленное множество скульптур этой богини. Перед ними исполняется «пуджа» — обряд с жертвоприношениями, возлияниями, трапезами и танцами. Танцуют все, но мужской танец главный. Его исполняют, что называется, до упаду, до потери сознания: танец посвящен женщине, и мужчина должен себя не щадить. Скульптуры Дурги делают заранее. Из пучков рисовой соломы вяжут каркас, затем его обмазывают илом, добытым тут же, из реки, канавы, пруда. Сушат, полируют, раскрашивают, украшают. И надобно видеть эти одиночные и групповые скульптуры, чтобы оценить, каким вкусом наделены, каким мастерством обладают народные Микеланджело и Рафаэли, творящие свое искусство не в кабинетах, не в мастерских, а прямо на обочинах дорог, на тротуарах, под примитивным навесом, сидя на корточках перед предметом своего вдохновения. Сколько порой в этих скульптурах одухотворенности, грации, пластики. Они бывают небольшими и гигантскими (тут на каркас идут дерево и металл). Их носят, возят на грузовиках, устраивают конкурсы на лучшую. Но конец всем (даже шедеврам) уготован один — на десятый день праздника их бросают в реку, где они, раскисая, снова обращаются в ил.

Но если продолжить разговор о культовой экзотике, то пред моими глазами храм джайнов. Нет, он не выделяется отточенностью стиля и форм, не блещет изысканностью вкуса. Он скорее аляповат и если блещет, то разноцветными стеклышками витражей и тысячами кусочков зеркал, вмонтированных в стены. Не только в калькуттском, но и в иных джайнских храмах есть что-то от мусульманской архитектуры и от европейского барокко... Горят в них свечи, есть картины маслом, портреты святых, скульптуры. Ходят люди в белых одеяниях с марлевыми, как у хирургов, повязками на лицах — джайны. А у входа слева и справа, в нишах под стеклом, какие-то белые мраморные батоны с маленькими глазками, выпяченными губками и раздутыми волнистыми щеками. Это абстрактные духи-охранители — «байроби». Так неизвестный скульптор вышел из затруднительного положения — изобразить бестелесное и безымянное, но живое.

Главная забота джайна — не стать причиной смерти или увечья какого-либо живого существа. Они — вегетарианцы, пьют только процеженную жидкость, едят только свежеприготовленную еду,



потому что время спустя в ней может завестись что-нибудь живое, и т. д. Джайн не может пахать, рыбачить, строить, водить машину... Так что же ему остается делать? Торговать! Вот и получается, что из джайнов вышли богатейшие индийские промышленники и финансисты, а среди них — Бирла, чей автомобилестроительный завод в Калькутте крупнейший в стране!

Город на левом берегу Ганга колонизаторы назвали Бенарес. Однако те, кто построили его и жили в нем всегда, называют его Варанаси. Есть ли в Индии еще такой город, побывать в котором стремился бы каждый индус! Тысячи, да что там тысячи — миллионы пилигримов-паломников ежегодно, сколько существует Индия, босыми ногами перетирали пыль, месили грязь на бесконечных ее дорогах, ведущих в Варанаси, с единственной заботой — омыть грешное и многострадальное тело свое в водах Ганга у позолоченных храмов Варанаси.

Обряд омовения совершается ежедневно на восходе солнца. Я не раз читал красочные описания этого массового и экзотического действа, но то, что увидел, ошеломило.

С вечера пошел теплый спокойный дождь. Всю ночь бушевала гроза. Под грузом ливня ломались древесные ветви. Массивные слоновые пальмы качались, как тростник. Гасло и загоралось электричество. На рассвете наш автобус, разбрызгивая воду, мчался по непривычно пустым улицам к центру города. Город

стоял в неподвижной желтой воде. Нижние этажи домов, хижины бедноты затоплены. В иных местах проехать было невозможно: вода поднялась выше велосипедного колеса. Оставшиеся без клиентов рикши коротали время под стрехами или зонтами в своих «лимузинах», забравшись с ногами на пассажирские сиденья. На ступеньках капитальных зданий и храмов жались со своим скарбом бездомные, обычно ночующие прямо на тротуарах. Там же спокойно стояли невозмутимые коровы. Вода, неся уличный мусор, по ступенькам низвергалась в Ганг.

Ударили в колокола и гонги, раздались трубные звуки чанков (больших морских раковин), послышались гортанное бормотание и резкие выкрики брахманов, читающих священные заклинания — молитвы. Кульминационный момент настал. Под моросящим дождем люди входят в воду по колено, по пояс, по плечи. Окунаются, плещут себе в лицо, на голову, промывают водой глаза, набирают в рот...

Некоторые плывут, но далеко от берега заплывать не рискуют. Ганг, пенясь, катит тяжелые, кофейного цвета воды, несет хлам, деревья, утонувших животных.

Нам сказали: только неистовой верой в святость Ганга можно объяснить феномен того, что люди не только не заболевают, но и исцеляются. Европейцам же купаться в Ганге не стоит... Сказать по правде, такого желания у меня и не появлялось.

Город трех тысячелетий, город полутора тысяч храмов, город четырехсот праздников в году — вот что такое Варанаси.

Случаются праздники, когда город захлебывается в водовороте массовых церемоний и обрядов. Так происходит в День рождения Ганга, отмечаемый раз в двенадцать лет. Ганг для индуса — живое священное существо, божество. Еще бы! В долине Ганга живет треть населения страны. Долина Ганга, по мнению многих ученых Индии, — колыбель индийской цивилизации.

На праздниках в Варанаси не обходится без несчастных случаев, эпидемий, ведь мало того, что город неблагополучен с точки зрения трущоб и бездомных, он и в рядовые дни перенаселен разного рода скитальцами, кормящимися возле богомольцев: нищенствующими аскетами, увечными, прокаженными...

Однако умереть на берегах Ганга — мечта правоверного индуса. Тут же, на специальных платформах у самой воды, пылают погребальные костры. Родственники покойного созерцают обряд. Жрец огромным, как дышло, шестом перемешивает костер, чтобы жарче горел. Все, что останется после костра, сбросят в воду. И так не только в Варанаси, но и по всей Индии, у любой реки, у любого озера. Но миллионы паломников несут пепел родственников, чтобы предать его именно водам Ганга, именно у Варанаси.

Но самых праведных, как и безвременно умерших младенцев, хоронят в водах Ганга, не кремируя.

О храмах Варанаси пишут так же восторженно, как и об обряде омовения в Ганге. Особенно древних среди них нет. Большинство построено в новое время. Память сохранила некий калейдоскоп. Вот двухсотлетний храм бога Шивы, называемый в обиходе Золотым. Он и в самом деле очень богат. Пол его вымощен мрамором, вход отделан серебром, купол покрыт золо-

том. Называют даже точное количество драгоценного металла, истраченного на эту работу,— 800 кг!

В храме колодец, из которого черпают святую воду — воду знаний. Вокруг храма в страшной тесноте толпятся обступившие его многоэтажные жилые дома. Они давят, затирают его, заслоняют от света и простора. А тот, маленький и грустный, уже врос в землю, его пол стал ниже уровня узких, переполненных торговцами и паломниками улиц. И уличная вода, переливаясь через мраморный порог, достигает колодца знаний.

Храм Матери-Индии — «Бхаратматамандир». В нем не правят службы. Он — музей, хоть и построен лишь в 1936 году. В центре храма на полу гигантская беломраморная рельефная карта Индостана. Двадцать шесть скульпторов ваяли ее шесть лет.

Великолепен белоснежный храм университета, торжественно стоящий в просторном парке, и группы людей в ярких национальных одеждах, гуляющих по дорожкам или сидящих на зелени газонов, напоминают клумбы цветов.

Запомнился храм богини Дурги, где на меня напали священные обезьяны — чернолицые, с седыми бакенбардами хануманы.

Там я вдруг уяснил, что в Индии одно и то же имя может быть и женским и мужским. Спас меня пожилой индиец по имени Дурга, школьный учитель и экскурсовод, человек, влюбленный в свой родной город. Подобно своей тезке, могучей, многорукой, вооруженной до зубов Дурге, он бросился на обезьян, громко крича, и обидчики отступили. Для того чтобы совершить свой подвиг, ему хватило всего двух рук и одной бамбуковой палки.

Тут я уяснил, что если самое крайнее проявление нерасположения к корове — это похлопать ее по боку рукой или пучком травы, то на хануманов не грех и палкой замахнуться: однажды на моих глазах обезьяны искусали женщину.

В храме Дурги я понял, почему индусы благоговеют перед коровой и не жалуют буйвола, ведь буйвол — черное исчадие недр, помощник Ямы — повелителя преисподней, ведь в буйвола воплотился демон Махиша, которого уничтожила Дурга. Понял, почему именно буйволов забивают в жертву этой богине.

Белошерстные или рыжеватые, часто комолые индийские коровы — воплощение миролюбия и кротости. Чем живут бродячие коро́вы индийских городов (а их немало), известно, наверное, одному только Шиве, которому служит владыка коровьего народа — бык Нанди. Скажу одно: коровий рацион скуден и случаен. Не потому ли так тощи и низкорослы они, особенно в Бенгалии.

Обожествляя и стараясь не обидеть все живое, индусы пассивны в отношении к чужим страданиям, причиной которых конкретно не являются. В этом и традиционная философия, и повседневность: все в мире идет своим путем, каждый достоин того, что имеет. Но и стойкость в собственных страданиях порой выглядит как равнодушие к себе самому.

Но не всех такая философия удовлетворяла и удовлетворяет.

Варанаси знает героев и борцов за народную независимость. Тут родилась Лакшми Бай, предводительница антианглийского восстания в 1857 году. Песни о ней поют до сих пор. Ее жизнь известна любому школьнику.

В 1922 году в Варанаси под руководством Шаукатама Усмана

создана одна из первых подпольных групп индийских коммунистов.

Здесь, как и в других промышленных городах, гремели бои на уличных баррикадах в 1945—1946 годах.

Варанаси не только столица паломников, он и город студентов, ученых, рабочих. С берегов Ганга был древний астроном Индии Арьябата, именем которого назван первый индийский искусственный спутник Земли.

Варанаси известен крупным тепловозостроительным заводом, заводом минеральных удобрений, хлопчатобумажными и шелкоткацкими фабриками.

Дочь Ганга (его приток) Джамна — другая священная река Индии. На высоком ее берегу стоит Агра — шестисоттысячный город. Агра — это прежде всего Тадж-Махал — жемчужина мировой архитектуры. В XVII веке правитель империи Моголов Шах-Джахан, дабы увековечить имя своей любимой жены Арджуман Бану и возвеличить свою любовь к ней, построил прекрасный мавзолей. Как белое облако парит он над водами Джамны, отражаясь в них и днем, и лунными ночами. Особенно прекрасен он ранним утром, когда, принимая цвет неба и зари, кажется состоящим лишь из света и туманной дымки. Арджуман умерла, родив своему повелителю четырнадцатого ребенка (однако только шестеро ее детей пережили младенчество). Строили мавзолей 18 лет из мрамора, привозимого за 300 километров. Камень сам по себе не чисто белый, а с серыми и кремовыми разводами. Но это не портит впечатления, а, пожалуй, наоборот, оживляет сооружение. Шах-Джахан щедро наградил архитектора. Гонорар был так велик, что мастер смог безбедно прожить всю оставшуюся жизнь, ничего уж более не создавая. Да он и не мог создать что-либо еще: шах лишил его рук. Это легенда. В какой мере она правдива — неизвестно. Но правда то, что история Тадж-Махала должна была иметь свое продолжение: на противоположном берегу Джамны замышлялось построить точно такой же мавзолей, но не белый, а черный — для самого Джахана. Но план не был осуществлен: сын Джахана и Арджуман Аурангзеб, уничтожив своих братьев, лишил отца власти, заключив его в толстых стенах столичной цитадели. И тот умер там, созерцая с балконов крепостной стены вечную обитель своей любимой, белевшую в отдалении. Его гробницу поставили рядом с гробницей Арджуман, а бутовый фундамент несостоявшегося двойника Тадж-Махала и сейчас еще размывает полая вода вечной реки.

Вот такая весьма сентиментальная история. Но если нас посетят унылые мысли о жалкой судьбе отца, обиженного злым сыном, то не стоит поддаваться им. Шах-Джахан получил вполне по заслугам, ведь и он в свое время пытался вырвать власть у своего отца Джахангира. А когда взял ее, то, чтобы застраховаться от неожиданностей, уничтожил остальных претендентов на престол. Так же вел себя и Джахангир, бунтуя против родителя, славного падишаха Акбара.

Такова этика царей.

В сорока километрах от Агры еще одно чудо Индии — пустующий город Фатехнур. Построен в XVI веке Акбаром на пустом месте за считанные годы и малое время спустя покинут.

Теперь тут среди старых руин чадит деревенскими очагами селение Сикри, а великолепные, прекрасно сохранившиеся дворцовые комплексы столичной цитадели, стоящей на холме, полны туристов.

В Индии невозможно побыть в одиночестве. К вам тут же кто-нибудь подойдет, поприветствовав, заведет разговор. Он будет говорить, даже если на все его вопросы отвечать: «Не понимаю». Подойдут еще и будут сообща втолковывать, о чем речь. Когда у Тадж-Махала я присел отдохнуть в тени, со мной заговорил парень. Выяснив, что я русский, спросил, нравится ли мне Индия. И когда я ответил, что очень нравится, буквально засыпал меня ответными признаниями: индийцы тоже любят Советскую страну, знают об Октябрьской революции, о Ленине; Советский Союз борется за мир, и Индия тоже борется за мир, индийцам нравится, что наши страны дружат; индийцам нравятся советские люди, они не только бескорыстные, они искренни и сердечны.

Мы встречались с Анжени (так его звали) несколько дней. Прощаясь, он подарил агатовое ожерелье и сказал: «Оно стоит десять рупий, но дружба дороже любых бриллиантов».

Я подарил ему альбом крымских пейзажей и подумал: «Ведь он не из рабочей семьи. Его отец содержит ювелирный магазин. А вот, поди ж ты, говорил мне такое. Видать, так говорят дома, в школе, в кругу сверстников». Я убедился потом, что так оно и есть, услышав от директора одной из сельских школ (случилась непредвиденная остановка автобуса на трассе Джайпур — Дели) в импровизированной беседе: «Еще Неру призывал индийцев учиться у России справедливости в устройстве общества. СССР для Индии во многом пример. Вот Америка — богатая страна, а там все еще есть и неграмотные и обездоленные. Ваша страна (СССР) с первых дней своих взяла курс на всеобщее образование, на развитие науки, техники, культуры. Индия теперь является одной из первых стран по масштабам подготовки научно-технических кадров».

...Джайпур, как и Агра,— один из популярнейших туристских центров Индии. О том, как встречают туристов в Джайпуре, мы уже знали благодаря картине Верещагина, изображавшей пышный приезд принца Уэльского Эдуарда в Джайпур. Видели ее в Калькутте.

Мы въехали не так пышно, хотя слоны тоже были, но потом. А вначале были редкие деревца, кустистая, выше человеческого роста слоновая трава. Красная земля на высохших полях, занесенные песком речные русла и среди всего этого — невысокие скалистые хребты и утесы. На утесах средневековые замки: Раджастхан — страна раджпутов, свободолюбивых, воинственных людей.

Шоссе нырнуло в извилистое ущелье, рассекающее очередной скалистый хребет. Дорога поднимается к верховью ущелья мимо башен и стен. Миновав эти своеобразные крепостные ворота, въезжаем в город, весь розовый. Это характерно для Джайпура — независимо от строительного материала все здания покрашены розовым. Город окружен горными хребтами, увенчанными крепостными стенами и храмами. Только с юго-востока кольцо гор

разомкнуто. В ту сторону город продолжает расти, подминая равнину, похожую на африканскую саванну. В свое время князья Джайпура от весьма успешного сопротивления захватчикам перешли к тесному с ними сотрудничеству и тем сохранили свою власть над княжеством, землю от разорения, свои богатства от разграбления. Бесчисленны загородные дворцы на склонах и среди озер, заросших лотосом и гиацинтом. Ни с чем не сравнима горная крепость Амбер. Все это теперь собственность государства. В городском дворце раджи — музей. Величайшие сокровища индийской культуры хранит он. Известен Джайпур астрономической обсерваторией XVII века. Венцом архитектурной славы города является так называемый Дворец ветров. Если быть точным, то никакой это не дворец, а всего лишь декорация дворца, роскошный фасад — без самого дворца. Так оформлена часть крепостной стены, окружающей цитадель. Тут женщины княжеского двора наблюдали за парадами и ритуальными шествиями из-за густых решеток, оставаясь невидимыми с улицы.

Всю свою фантазию архитекторы положили на то, чтобы балкончики и окна «дворца» улавливали даже малое дуновение ветерка, несущего прохладу. Кстати, проблемам вентиляции строители дворцов уделяли особое внимание. Чудеса изобретательности проявляли зодчие, чтобы устроить воздуховоды с естественной тягой, обеспечивающие циркуляцию воздуха в залах и покоях; на пути воздушных потоков разбрызгивалась вода — чем не кондиционеры?

В Амбер туристов доставляют на слонах. И вообще их всячески ублажают, перед ними открыты двери храмов. Мало того, похоже, что и ритуальные действия в какой-то мере рассчитаны на туристов. А почему бы и нет? Массовые культовые обряды и церемонии тут всегда были зрелищем, театром. И новое, так сказать игровое, отношение к культу ложится на подготовленную почву.

Храм Кали в Амбере. Ревет колоколами и демонически рокочет барабанами храмовая тьма. Нечто грандиозное и жуткое происходит там. И мы рвемся в мерцающий огоньками мраморный проем входа. Но грозный страж повелевает нам оставить у порога все, что имеет отношение к умерщвлению живого: оружие (если таковое имеется), острые предметы, повелевает снять с себя кожаную обувь, ремни, ремешки. А мы нервничаем, распаляемся... Теперь, думаю, это не просто тысячелетний ритуал, а еще и разжигание туристских страстей.

Джайпур более славен своими ратными, нежели религиозными, традициями, но именно на улицах Джайпура довелось увидеть такую диковину, как «дигамбар». Это аскет из джайнской секты «одетых небом», то есть не носящих одежды. Ведут они себя так потому, что не имеют никакой собственности, даже набедренной повязки.

И заговорил я об этом вот почему. Далеко не все иностранцы, встречавшиеся мне в Индии,— туристы или «коммерсанты».

Движение «хиппи», захиревшее на Западе окончательно, еще агонизирует в Индии. Этим молодым «опрощенцам» полюбился Бомбей, Гоа, много их в Непале.

Многие «хиппи» настолько вживаются в восточный образ, что

заменяют свою одежду на нечто скроенное из местного домотканого полотна, валяются, как и местные бедняки, во прахе у стоп тысяченогой толпы. И эта имитация убогости и отверженности кажется ничтожной и циничной. Что может быть безнравственнее игры в бедность, когда миллионы бедняков действительно страдают от голода и холода!

Впрочем, если самозваный «хариджан» захочет провести время в ресторане, двери пред ним не захлопнутся. И «хариджане» этим пользуются. Туристы же фотографируются в их компании и находят в том немалое развлечение, так что и «хиппи» работают на туризм.

Столкнувшись с юным длинноволосым светлолицым существом, я поинтересовался — мальчик он или девочка. Существо дурашливо улыбалось и строило глазки. Но я был настойчив, и последовал ответ ломающимся баском:

— Я — бог!

По-видимому, богом считал себя и один из джайпурских «дигамбаров» — явный европеец. «Хиппизм» сомкнулся с джайнизмом, неокришнаизмом и необуддизмом. Насколько это серьезно, трудно сказать, но мода на восточные религии захлестнула Запад, особенно Америку. Новообращенные поклонники Кришны и Будды наводнили Индию. Да и в самой Индии возродились и растут буддийские общины.

...Американские «Боинги», французские «Аэробусы», советские Илы и ТУ, приземляясь или взлетая с аэропорта «Палам» в Дели, проплывают над самым высоким в мире минаретом Кутб-Минар (постройка II века) и стоящей рядышком железной колонной (V век н. э.). На протяжении трех тысяч лет Дели, правда под иными названиями, семь раз был столицей. Нельзя сказать, столицей Индии. Государство Индия существует лишь с 1947 года. До того была колония Британская Индия, а еще раньше тут существовала империя Моголов, занимавшая часть современной Индии. В течение тысячелетий на территории Индостана и сопредельных земель возникали, и разрушались государства большие и малые, то сотрудничая, то враждуя меж собой.

Республику Индию называет Индией весь мир. Сами индийцы свою страну называют Бхарат.

Дели, вернее, Нью-Дели — прекрасный современный светлый зеленый город. Просторные чистые улицы. Богатые магазины, жилые и административные здания, великолепные музеи. Триумфальная арка — Ворота Индии. Но святыми для всех индийцев стали места кремации Мохандаса Ганди, Джавахарлала Неру, Индиры Ганди и расположенный в Старом Дели Лал-Кила («Красный форт»). Над этим старинным сооружением в день провозглашения независимости страны 15 августа 1947 года первый президент Индии Джавахарлал Неру поднял флаг только что родившейся республики Бхарат. На флаге изображено колесо. Колесо всегда было в Индии символом мирового и общественного порядка, символом движения.

Итак, страна, задержавшаяся в развитии на много лет, своим символом провозгласила вечное движение. Сейчас Индия занимает достаточно высокое место в мире по валовому доходу. В Индии есть все, что свойственно промышленно развитой стране. Она

производит автомобили, железнодорожные вагоны, локомотивы, морские суда. На индийских авиационных заводах собираются гражданские и военные самолеты. Хорошими темпами развивается добывающая промышленность, металлургия, электротехника и электроника. К сожалению, своей нефти стране не хватает. Страну пересекли в разных направлениях линии электропередачи, берущие начало у гидро- и теплоэлектростанций. Ученые четырех атомных центров ведут исследовательские работы.

На улицах города чаще всего приходится иметь дело с торговцами, мелкими и покрупнее. Я видел рекламу: «Индия — торговый рай». Рай или не рай — это еще вопрос. А вот если хочешь, чтобы дело шло,— умей вертеться, заманивать покупателя. Торговцы умеют объясняться с потенциальным покупателем на любом языке. И на русском тоже.

Вас встретят на улице русским приветствием:

— Как дела?

— Хорошо.

— Пойдем!

— Куда?

— В магазин: парча, кримплен, кожа, агат — не дорого.

Зазывала. Не ахти какая доходная работенка, но все же лучше такая, чем никакой.

Познакомиться с индийским рабочим не просто: заводской рабочий не слоняется по улице — стоит у станка. Зато строительные рабочие — повсюду: на рытье каналов, прокладке шоссе, возведении домов и мостов... Многие живут тут же, на стройплощадках. Из подручного материала сооружается хижина — и кров и стол. Работа временная: кончается стройка — нужно искать другую. Работают вчерашние безработные, крестьяне, оставившие свои деревни в поисках городского счастья. Работа ведется примитивно, особой квалификации не требуется. Вверх по трапам в круглых тазах, водруженных на голову, переносят бетон, кирпич, цемент, вниз — строительный мусор и прочее. Техники минимум. Оплата за такой малопроизводительный труд минимальная. Выгода двойная: безработным — работа, расходов на дорогостоящую технику и квалифицированный труд нет. А ускорить стройку можно, увеличив число работающих. Тут никаких лимитов.

В качестве транспорта годится все: от автомобиля до тачки. Можно увидеть, как арматурную сталь перевозят и на трейлерах, и на... велосипедах.

В Дели не только бездомные проводят ночь на улице, но и люди, имеющие крышу, в жару выносят свои деревянные кровати на тротуар и тут отдыхают от трудов дневных, не обращая внимания на прохожих, лишь лицо накроют газетой, чтобы свет уличных фонарей не бил в глаза.

Рано утром в Старом Дели хозяйка доит корову, привязав ее к фонарному столбу. Возле вертится теленок, марая асфальт. Впрочем, дети тут же убирают и за теленком, и за коровой и делают кизячные лепешки — топливо.

Прямо на тротуаре небольшая кузница, звенит наковальня, сопит горн. Вот сидит гончар, он занят извечным делом. Продукцию расставил просыхать, загромоздив даже проезжую

часть улицы. Там семья разостлала и развесила на солнышке свои пожитки: одеяла, сари, дхоти. Тут у магазина сушат горох.

У водопроводной колонки, у дворового бассейна и постирушка и баня. Прямо на улице сидит человек, намыленный с ног до головы, и плещет на себя из таза. А тут на скромной подстилке — двое друг против друга: цирюльник держит клиента за нос и самозабвенно орудует опасной бритвой.

Продавцы пана (жвачка), арахиса, карри (еда), чапати (хлеб), бананов, кокосовых орехов, кока-колы...

Уличные циркачи. Два щуплых атлета кидают друг другу над толпой зевак и ловят крохотную девчушку. У девочки окаменевшее личико и округлившиеся глаза. Только платьице вздувается парашютиком, когда, достигнув предельной высоты, она падает вниз.

Многие из этих картин можно увидеть и в Новом Дели.

... Рикши и тачечники в основном обслуживают Старый Дели. В Новом Дели у гостиницы «Империал» таксисты ночуют в машине или на деревянных кроватях (случается и по двое), поставленных прямо на тротуаре,— самый ранний пассажир достанется им.

Гостиничный ресторан закуплен: свадьба. Гостиница стоит в глубине небольшого парка. Деревья вдоль аллеи, как новогодние елки, украшены разноцветными электрическими лампочками. Жениха подвезли на белом коне. Лицо его занавешено бахромой из бус... Родня невесты роится у входа. Все празднично одеты. У стариков на боку старинные кривые мечи. Начинаются ритуальные подношения подарков роднёй невесты родне жениха: отец — отцу, мать — матери, дядя — дяде, брат — брату... Шаль, шарф, бусы, перстни, сережки — все это тут же примеряется, надевается. Раздаются возгласы одобрения и радости. Даритель заключается в родственные объятия. Все это происходит в строгой последовательности под руководством старого «гуру».

А хор поет славу жениху и невесте. Традиционные песни о том, как смел да хорош собой жених, о том, что невеста станом стройна, как молодое деревце, а лицом бела, как коровье молоко. Интересный факт: сами индийцы весьма смуглы, южане так просто черны, а вот белокожесть считается признаком предпочтительным.

Когда все перезнакомились, когда «гуру» сказал все приличествующие случаю слова, начинаются танцы. Музыканты играют нечто быстрое — свищет кларнет, гудит бубен. Танцуют, мягко перебирая ногами, кружась и подпрыгивая. Среди взрослых разнаряженные детишки. Щелкает вспышкой фотограф — настают глубокие сумерки. А невесты нет. Она дома. Все решится и без нее.

В центре Нового Дели на огромной площади, обсаженной деревьями и засеянной травой,— могила Неизвестного солдата с вечным огнем.

В окрестностях Дели в деревне Райшна есть колодец. В него при разгроме антиколониального восстания озверевшие каратели бросили живьем всех жителей деревни. Это произошло почти за сто лет до Хатыни. Колодцем не пользуются. По поверью — он полон крови.

И в заключение о легендарной железной колонне. Семь тонн железа — бурый, покрытый ржавчиной столб. Особенно страдает от коррозии цокольная часть — здесь более сыро. Но кончается муссон, и радужно разливается у ее подножия человеческое море. Туризм в Индии очень популярен и не является монополией иностранцев. На 1 миллион зарубежных туристов приходится 10 миллионов своих.

Существует поверье: кто обнимет колонну, став к ней спиной, у того не будет препятствий в исполнении желаний. Потому колонну называют «колонной счастья». Каждый старается обнять ее: всем хочется счастья. И вот на уровне человеческих рук ржавчина сходит и начинает светиться чистый металл.

Когда площадь стихает, на макушку колонны садятся отдохнуть пролетающие мимо горлицы.

Вилен Разин

Город, который снится

ОЧЕРК

Художник В. РОДИН

Поезд замедляет ход. Замедляет, или это мне только кажется? По времени пора. Пора!

За окном вечер в обнимку со степью. Сумерки все плотнее... Не проглядеть бы мост.

Меня, признаться, немного трясет. Чудно, право: дожил до седых волос, а вот поди ж ты!.. Наплывом громоздкие фермы, темный провал реки и там, понизу, слабые, теплые взблески. Чаган!

Теперь уже совсем близко. Минута-другая — поезд остановится, и я сойду, ступлю на эту землю.

В голове какое-то коловращение, мельтешение мыслей. Настойчивее всех прочих мысль о... клумбе. Большой цветочной клумбе по ту сторону вокзального здания. Эта мысль возвращается вновь и вновь, пока выхожу, иду по перрону, жадно всматриваясь, узнавая и не узнавая...

Целую жизнь назад, оползночь, лежал я на краю этой самой клумбы, подстелив пиджачок, уткнув голову в душистые заросли. Глядел на звезды, поджидал дружка. Сторожил наши тощие рюкзаки, не рюкзаки — так, мешочки с дорожным припасом. Прощался с городом, со всем, что оставлял. Было то в далеком сорок первом.

Скорый наш сильно запаздывал. Провожавшие истомились и были отпущены, друг пошел прогуляться перед дорогой.

Мы с ним, как бы это сказать, выбились из ранжира. Ждали повесток, а тут объявление: летная школа (военная, разумеется),

дополнительный набор, ускоренный выпуск... И ехать недалеко — в соседнюю область.

Мчимся на пункт приема, открытый в городе. Такой вдруг шанс, такая перспектива! Поучимся недолго — и летать, воевать в воздухе. Предел мечтаний!

Все комиссии, сколько их там было, прошли с ходу, получили направление — официальный бланк с печатью, железнодорожный литер. Еще в военкомат — и дело сделано. Считай, почти что авиаторы. «Нам разум дал стальные руки-крылья, а вместо сердца пламенный мотор...»

У военкома было серое от недосыпания лицо, темные, набрякшие подглазья. Он часто пыхал папиросой, глядя в наши бумаги.

«Так вы что кончили?» — «Медтехникум».— «Фельдшера, стало быть?.. Вот и пойдете в армию по своей специальности».— «Но летчики, авиация — это ж куда важнее! Это же...» — «Документы получите в комнате напротив. Выезд завтра. Добираться будете самостоятельно...»

И вот я на площади. Передо мною ширь асфальта, он пахнет шинами, движением. Не сразу сообразишь, где, в каком месте была та моя прощальная клумба...

Здравствуй, Уральск, здравствуй!

Я попал в этот город случайно, прожил в нем всего несколько лет. Потом долгие годы болел им. Болею до сих пор.

Ни с того ни с сего приснится берег Урала — крутояр, песок, пароходные гудки. Ханская роща — солнечное кружево полян, шелест высоких трав. Или увижу себя в общежитии, в нашей большой, на семерых, комнате — заправленные наспех койки, ободранные тумбочки, голая лампа под потолком. Или всех нас бегущими — марафон по Советской, чтобы успеть до звонка, не опоздать...

После только и думаешь: «Надо наконец съездить». Душа алчет. Взыскует...

Раным-рано меня будит солнце. И кстати: не время спать. Окно настежь. Оглядеться с этой гостиничной высоты.

Вот ты теперь какой, милый сердцу город! Строишься, хорошеешь...

Перед отъездом я кое-что полистал. В записках Алексея Толстого «Из охотничьего дневника» есть такие слова: «Приходилось много видеть скверных мест, но «Яицкий городок» может привести в отчаяние. Безнадежное место. Серая пыль, мухи, зной, ни дерева, ни кустика... Ни намека на украшение жизни, на благоустройства... Через три тысячи лет, когда куропатки, кроншнепы и тетерева будут домашними птицами, Уральск — элегантным городом... До этого так еще далеко, как вон до той звезды».

Иду-шагаю по главной улице. До революции ее именовали Большой Михайловской — в честь покровителя уральского казачества святого Михаила. По западной, бархатной стороне расхажи-

вали офицеры, купцы, служители церкви. Простому люду отводилась восточная, ситцевая. Заведенный от века порядок рьяно охраняли городовые.

В мое время она уже называлась Советской. Помню тогдашние субботники, воскресники. Из конца в конец по Советской, по всем улицам, площадям копали ямки, сажали тонкие, гибкие прутики. Не очень верилось, что из этого выйдет прок. В самом деле, много саженцев гибло. Сажали новые. Еще и еще. Прорывали арыки, пускали воду... Теперь над городом будто шатер зеленый. Главная улица, которую не так просто узнать, возведена в ранг проспекта.

Не так просто узнать и многие здания — стародавние я имею в виду. Их подновили, подмолодили. Как вот это — оригинальной постройки, с башенками и большими красивыми окнами.

Но не узнать мне его невозможно. Здесь, в бывшей школе механизации (задолго до того тут была первая русско-киргизская школа), я одно время преподавал, прирабатывая к стипендии.

Читаю вывеску: «Краеведческий музей». Как все здесь изменилось! Беломраморная лестница, паркет, тихие, торжественные залы. И стенды, стенды...

Не знаю, почему потянуло именно к этому — тут не было ни оружия, ни броских экспонатов. Была лишь небольшая фотография. На ней — группа врачей Уральской губернии.

Так это же... Ну конечно! Вот братья Тимофеевы, Острецов, Келлер, Скачкова... Наши преподаватели. Лица на снимке совсем молодые, 1927 год. Мы учились позднее. Тогда уже имена этих специалистов-медиков в Уральске, во всем Западном Казахстане произносились с большим уважением.

Живее всех других в моей памяти Константин Николаевич Тимофеев. Превосходный хирург, прекрасный педагог.

Весь последний семестр мы ходили к нему в горбольницу на практику. Это помимо разного прочего полдесятка ассистентских операций, как минимум. Плюс кураторство — всех оперированных с твоим участием больных вести от поступления до выписки.

Прошли годы, но я и сейчас отчетливо вижу того чабана, его страшный живот. В правой подвздошной области будто еще одна голова выросла. Случай был редкий, мы, студенты, терялись в догадках — что это?!

Операция шла часа три. Константин Николаевич не дал ни минуты передышки ни себе, ни нам. Он отошел от стола только после того, как огромная рана была зашита.

Составленную мною историю болезни с подробным описанием операции Тимофеев похвалил, что случалось нечасто.

На щеках, на лбу у чабана были какие-то розоватые, свежие шрамы. Когда дело пошло на поправку, я спросил, отчего это у него.

— Мулла лечил,— объяснил мне мой подопечный.— Мулла делал ножом насечки, чтобы изгнать хворь. И молился, призывая себе в помощь аллаха.

Подумав, добавил:

— Доктор сильнее...

А вот Карев дом мало изменился, разве что вывески на фасаде другие.

Долгое время дом этот, в три этажа, пользовался славой местного небоскреба. Если верить молве, купец Карев соорудил его, так сказать, «назло надменному соседу» — скотопромышленнику Овчинникову — солнце ему застить.

Дом давно служит новым хозяевам. Под его крышей магазины, концертный зал, редакция областной газеты...

На углу Коммунистической невольно притормаживаю. Сюда вот этим тротуаром ходил я на валяльную фабрику.

Тут было куда проще, чем в школе механизации. Стоишь у длинного стола, в руке остро заточенный резак. Берешь из штабеля пару пимов, уже скатанных, почти готовых, и — по мерке — ровняешь, отхватываешь верха.

Резал я лихо, но по ночам, надышавшись колючей пыли, свирепо кашлял, мешал спать коммуне. Мы — в своей комнате — жили коммуной. Сообща котловались, занимались, обсуждали насущные проблемы бытия. Мое нелояльное, недружественное поведение ежеутренне подвергалось коллективной проработке.

Я иду на легких ногах, только что не лечу. Еще квартал, еще полквартала. И вот он наконец тот перекресток. Сколько раз я видел его во сне, сколько раз возвращался сюда мысленно!

Отчего ушедшее, давно минувшее имеет над нами такую власть? Отчего один вид этого в общем-то обыкновенного здания рождает какие-то толчки в сердце, какое-то неясное волнение?

Конечно, три года жизни что-нибудь да значат. Еще каких три года! Именно здесь, в этих самых стенах, свила свое гнездо, говоря высоким стилем, «звонкоголосая птица юности» — моей и моих ровесников.

Зелеными школярами пришли мы сюда. А уходили... Наш выпускной совпал с началом войны. «Вставай, страна огромная, вставай на смертный бой...» Нас учили, готовили для жизни, но прежде надо было ее защитить. Наши девчонки «вдовели», не успев еще стать женами...

Три каменные ступени, парадный вход. Так же было и тогда. Но дальше, за высокой дверью, все иначе. Ни веселой кутерьмы, ни заливистых, заполошных звонков, зовущих в аудитории, ни самих аудиторий. Учрежденческий интерьер, размеренный ритм, служебная деловитость...

Кинотеатр на первом этаже остался, не сохранил только прежнего названия «Кзыл-тан» («Красная заря»). «Кзыл-тан» любили. Был зимний зал и летний, при летнем — сад с танцплощадкой и джазом. Ради этого сада, ради того, чтобы провести здесь вечер, шли с самых дальних окраин. В «Кзыл-тане» происходили встречи, знакомства. Прощания тоже — перед разлукой, отправкой на фронт в то последнее лето...

Тенистые аллеи, пышные цветники, джаз, танцплощадка — ничего этого здесь больше нет. Нынешние молодые облюбовали другие сады и скверы, танцуют на других площадках. Что ж... И все-таки жаль наш «Кзыл-тан», заброшенный, позабытый.

Старожил на этом перекрестке, вообще в городе — дом наказного атамана. Дом в свое время весьма важный. Но причина его известности, истинная причина, в ином.

На фасаде, в ряд, мемориальные доски. Их ни много ни мало — четыре: Александру Сергеевичу Пушкину, Льву Николаевичу Толстому, Василию Андреевичу Жуковскому, Владимиру Ивановичу Далю. Будучи здесь, в Уральске, они останавливались в этом доме, жили и работали.

В ту пору, когда мы бегали тут юнцами, досок еще не было. Чем примечателен дом напротив, мы узнали от нашего преподавателя Якова Михайловича Роди. Он знакомил нас с историей Уральска литературного. Знакомил, поелику возможно: его предмет — русский язык и литература — был отнюдь не в числе основных, времени на него отводилось гораздо меньше, чем, скажем, на анатомию.

То, что рассказывал Яков Михайлович,— и о Пушкине и о Толстом — мы слышали тогда впервые...

Пушкин приезжал в Уральск в 1833 году вместе с Далем, хорошо знавшим край, собирал исторические и фольклорные материалы о пугачевском восстании. Он осматривал места, где разворачивались события, беседовал с очевидцами, записывал их свидетельства. Здесь, в Уральске, он услышал поэтическую легенду об орле и вороне, которую использовал затем в «Капитан-

ской дочке». Услышал старинное казахское предание «Козы-Корпеш и Баян-Слу»...

Дважды — в 1862 и 1871 годах — побывал здесь Толстой. Позднее, уже в 1906-м, появился его рассказ «За что?», действие которого происходит большей частью в Уральске...

Даль, служивший ряд лет в Оренбурге, неоднократно приезжал в бывший Яицкий городок*. В результате этих поездок им написаны интересные, насыщенные этнографическим материалом очерки, в том числе «Уральский казак», повести «Бикей и Мауляна», «Майна», впервые познакомившие читателя с жизнью казахов. Главный труд Даля — «Толковый словарь живого великорусского языка» вобрал в себя огромное количество речений, словесных форм, пословиц, поговорок, собранных в Приуралье...

По пути в свою тяжкую ссылку на пустынный Мангышлак в 1850 году краткое время пробыл в городе Тарас Григорьевич Шевченко...

Примерно в ту же пору отбывал ссылку в Уральске — рядовым в полку — поэт-демократ, петрашевец Алексей Николаевич Плещеев...

Несколько месяцев провел здесь, работая в войсковом архиве, Владимир Галактионович Короленко...

В 1862 году в Уральске была основана типография, первая в Казахстане, затем стала выходить газета. В этой типографии работал наборщиком, корректором Габдулла Тукай, впоследствии крупнейший татарский народный поэт...

Яков Михайлович говорил образно, эмоционально, приводил любопытнейшие подробности. Ему очень хотелось заразить нас своей любовью к отечественной словесности. Он любил ее преданно, писал сам, читал нам иногда свои стихи. Таким — увлеченным, страстным, вдохновенным — он больше всего и запомнился.

Новенький «Икарус» везет меня в курени, с которых все тут начиналось. А начиналось более трех с половиной веков назад, когда казаки, огородившись частоколом, сложили на берегу Яика свои первые жилища.

Широкая площадь, где собирался войсковой круг и где по принципу «любо — не любо, желам — не желам» принимались решения. Старый собор...

Как сказано в словаре Брокгауза и Ефрона, «собор во имя Архистратига Михаила — древнейшее здание города (XVII столетие); колокольня взорвана пугачевцами...».

Крестьянский вождь, поднявший на борьбу яицких казаков, появился здесь во главе своей многотысячной вольницы. С мечтой и надеждой стекались к нему отряды восставших башкир, казахов, калмыков, татар...

Городок был взят. Но часть гарнизона, укрывшись за крепо-

---

* В 1775 году, после того как пугачевское восстание было жестоко подавлено, напуганная Екатерина II издала указ, которым «для совершенного забвения последовавшего на Яике несчастного происшествия» река эта переименована в Урал, а Яицкий городок — в Уральск.

стным валом, оказала сопротивление. Толстые стены собора стали для оборонявшихся щитом.

Судьбы причудливы. В числе тех, кто оставался в крепости, был капитан Андрей Крылов, при нем — его жена и малолетний сын Ваня, будущий баснописец...

В этой — самой старой — части города побывал в свой приезд Пушкин. Он с интересом осматривал собор, фрески на его сводах, иконы древнего письма. Беседовал с настоятелем. В хронографе, который вели в храме, сохранилась запись о той беседе, о том памятном посещении.

Видел Пушкин и дом казака Кузнецова, недалеко от собора. Из этого дома Пугачев взял себе невесту — Устинью, Устю.

На какие-то месяцы — краткие, быстротечные — стала Устинья «казачьей царицей». Остальные 28 лет своей жизни провела в заточении в Кексгольме, под Петербургом. Там же, в мрачном застенке, содержалась и первая семья мятежного атамана — его жена, дети. Когда Пушкин туда поехал, в живых уже никого из них не было...

Долгое время «опальный», по слову Короленко, памятник был оставлен без всякого присмотра, врастал в землю, разрушался. Теперь дом реставрирован, в нем создан Музей Емельяна Пугачева, работает библиотека исторической книги.

Еще несколько минут ходьбы — и Урал. Учужный яр. Учужный затон. Здесь по весне казаки ставили учуг — хитроумную такую городьбу, не давали красной рыбе подниматься выше по течению. Короленко в одном из своих очерков писал: «Яицкое казачье войско, сложившееся на степном просторе в величайшую земельную и рыбацкую общину, соорудило также величайший в мире заплот, перегородивший огромную реку».

Сюда, на берег Урала, привозили почетных гостей. Привезли и Пушкина. Потом он сообщал жене, что казаки встретили его очень гостеприимно, угощали свежей икрой, тут же, при нем, приготовленной.

Знаменитый заплот просуществовал до 1919 года. В старом соборе — там теперь филиал краеведческого музея — есть стенды, посвященные рыболовству. На одном из них я видел макет учуга. Мимо никто не проходит: достопримечательность.

Этот затон, берег Урала я помню и в зимнюю пору (где-то здесь пролегали наши лыжные трассы), и в летнюю, пляжно-купальную. Но не только купальную — страдную тоже.

Всей коммуной мы разгружали тут баржи с сеном. Тюки неподъемные, на матерого мужика. До земли пригибали. Потом очистка, уборка трюмов. Палубы накалены — солнце, в трюмах духота невпродых. Духота — и тяжкий запах сена. Настой, концентрат...

Нелегко вроде бы, а вспоминать на удивление приятно, даже радостно.

По соседству с затоном Ханская роща, колышется под ветром ее зеленое опахало. Официальное название у рощи другое. Но в

народе издавна бытует это, хотя его происхождения никто уже путем и объяснить не может. То ли какие-то ханы (кипчакские, что ли) любили тут отдыхать, то ли тут совершался обряд возведения в ханы правителей Внутренней орды, то ли происходили встречи казачьих старшин с казахскими ханами... Словом, «преданья старины глубокой».

А вот это уже не преданья — новая жизнь Ханской рощи. Здесь проходили первые маевки, собиралась революционно настроенная молодежь.

В тех маевках участвовал и Габдулла Тукай. В типографии, где он работал, еще в конце прошлого века возник марксистский кружок. Тукай и его товарищи распространяли нелегальные издания, прокламации.

Он любил эту рощу, друзья знали. Здесь ему хорошо думалось — слагались стихи, рождались новые замыслы.

У меня дома, на полке, есть синенький томик — «Избранные стихи» Габдуллы Тукая, выпущенные Гослитиздатом в 1938 году, к двадцатипятилетию со дня смерти поэта. Автор предисловия Муса Джалиль говорит о нем так: «Он желал видеть свой народ свободным и счастливым и мечтал о таких условиях жизни, когда не будет угнетения и несправедливости». Сын муллы, Тукай, как отмечает Джалиль, своей необычайно сильной сатирой разоблачал представителей реакционного татарского духовенства, высмеивал продажную националистическую интеллигенцию. Он любил трудовой народ, клеймил его угнетателей, стремился открыть людям глаза.

«Наш Лермонтов,— говорила о нем Казима, темноглазая девушка из татарской слободы.— Поэт, погибший двадцати семи лет от роду. Только не на дуэли — чахотка свела в могилу. Жил трудно, подвергался гонениям, бедствовал. Но не сдавался. Пел свою песню...»

«Сплаваем в Азию?..» — «Айдате!..»

До Азии было, что называется, рукой подать: перемахнул Урал — и на бухарской стороне, в другой части света.

Вот так однажды мы поплыли, я и мои кореши-однокурсники Борис, Виктор. Выбредаем на бережок — какие-то люди, по всему рабочие, расположились на травке. Под кустом — тренога, рейки, топоры, прочее имущество. Шумнули нам: подваливайте, дескать. У них горкой арбузы, дыни. Дары бахчей...

Познакомились, разговорились. Их старшой, большелобый, улыбчивый, предложил: «Подработать хотите, студенты? Дело подходящее...»

Дело было такое: спозаранку на бухарскую сторону, в степь. И — съемка.

Теодолит, да и буссоль тоже на ровном, открытом месте «видят» далеко, промеры большие. Километров за день набегало ой-ой сколько!

А солнце неуемное, степное. Суховей. Еще того хуже — пыльные бури.

«Не дрейфь, хлопцы!..»

Мы подбадривали себя маршами: шли и пели — военные,

спортивные. Помогало. Старшой, Кандауров (имени-отчества не помню), вышагивал впереди, ему все было нипочем.

Знали мы о нем немного. Учился, кажется, в Харькове, уже лет десять в лесоустроительных партиях. Захотелось размаха, казахстанской неоглядности...

Его, как и многих других горожан, тянуло к природе. Он ее чувствовал, понимал. Был начитан.

Как-то сорвал стебелек с небольшими перистыми листочками. Размял, понюхал, проговорил раздумчиво: «Солодка, лакрица... Что вам, хлопцы, о ней известно?..»

Что-то было известно — медики как-никак. В Уральске, между прочим, есть завод солодковый, один такой на всю страну.

Кандауров одобрительно покачал головой, сказал:

— Корень солодки используется и в тибетской медицине. А в китайской считается, что он по своему значению не уступает женьшеню.

На зиму работы были свернуты, с Кандауровым мы расстались. Но весной он нас разыскал: «Ну как, хлопцы, продолжим? Набираю команду...»

Близились госэкзамены, надо было готовиться. Кандауров не отставал: «Хотя бы через день...»

Крепко запахло порохом — молодежь уходила на военную службу. Лесоустроительная партия быстро теряла кадры.

Не мог уже с прежней выкладкой работать Кандауров: стало прихватывать сердце. Нередко он отправлял нас за Урал одних; назначал старшего, давал задание — и отправлял...

Мы ждали повесток. Мысленно были уже там, где набирало размах яростное сражение. Все остальное отошло на второй план.

В один из тех дней Кандауров позвал нас к себе запиской. Он скверно выглядел, лежал с горчичником на сердце, но нам обрадовался, посветлел лицом.

«Хлопцы, там на неделю работы, вы должны изловчиться, мобилизоваться, добить участок,— убеждал он нас.— Война не вечна. Люди вернутся и сразу смогут взяться за дело. Какие поднимутся леса! Как это будет здорово!..»

Прошло время — и леса поднялись. Кандауров все верно тогда предсказал. Он был из числа тех мечтателей, что твердо стоят на земле, уповают на человека, его разум и волю...

Управление лесного хозяйства я разыскал на проспекте. И вот что узнал.

Каждые десять лет составляется план лесоустройства, затем сезон за сезоном его реализуют. За послевоенное время в здешних степях посажено лесов десятки тысяч гектаров. Это и леса в пойме Урала, и полезащитные лесные полосы, и лесополосы по берегам каналов, водохранилищ, автодорог, и насаждения на песках, в оврагах, балках, и зеленые зоны вокруг городов, населенных пунктов...

Трудно сказать, кто из нас больше удивился — Софья Васильевна Трофимова, хозяйка строгого кабинета, в котором мы вели бсседу, или я.

Софья Васильевна уже много лет работает в отделе пропаган-

ды обкома партии, и разговор у нас с нею был поначалу, во всяком случае, сугубо деловым, официальным. По мере того как мы знакомились, обменивались информацией, характер его менялся — разговор все больше теплел. А когда выяснилось, что мы в известном смысле земляки, стал почти дружеским.

Софья Васильевна приехала сюда во время войны. Отец, инженер, вскоре умер, сама она долго болела. Перебивалась поденной работой — убирала, мыла полы. Очень хотелось учиться. Поступила в педагогический, месяц прозанималась, пока было тепло. А как дальше? На ногах тапочки, другой обуви нет, пальто никакого... Пошла забирать документы. Разговор в канцелярии услышал преподаватель Григорий Иванович Куликов; он вел курс древнерусской литературы. Спросил: «Ты в профком обращалась?» — «Обращалась, сказали, на всех средств не хватает...» — «Пойдем со мной...» Повел ее в партийный комитет, то есть вела-то его она: Куликов был слеп. «У меня девчонка в беде, надо помочь ей купить одежки. Обязательно надо помочь...» Потом ей: «Институт не бросай, должна учиться. Как ни тяжко — учись...»

Я слушал со всем возможным вниманием. Не могу передать, как интересен был мне этот рассказ.

— Софья Васильевна,— сказал я,— а знаете, кто перед вами? Не угадаете ни за что... Бывший секретарь Григория Ивановича...

Свел нас Яков Михайлович Родя. Подозвал меня на перемене: «Мой коллега из пединститута ищет себе помощника, секретаря, ты бы, наверно, ему подошел...»

Обязанностей — самых разных — было у меня много, но главных — две: читать вслух и писать под диктовку.

Григорий Иванович курил, мял в пальцах папиросу и глуховатым своим голосом неспешно диктовал. То были рецензии и аннотации, отзывы и письма, тезисы выступлений, докладов, обзоры житийной литературы, подробные разборы патериков — книг о «подвигах» христианских святых.

Бывало, он увлекался, диктовал быстро. Спрашивал: «Успеваешь?.. Ну, ну...» Спохватывался: «Что-то не то пошло. Перечитай-ка... Ну конечно, не то! Все это вымарай, пиши заново...»

Случалось, замолкал, несколько минут ни слова. Отдыхал? Обдумывал?

Как-то раз после долгой паузы вдруг сказал: «Взять бы да написать про себя, про собственную свою жизнь. Было бы людям на пользу...»

Он сам из крестьянской семьи, деревенский. В ранней молодости заболел, потерял зрение. Вуз кончал уже совсем слепым. Упорно работал над диссертацией и ее одолел. Еще в начале тридцатых прослышал, что в Уральске создается пединститут, попросил направить сюда...

Впервые тогда у Григория Ивановича познакомился я с очерками Короленко о казаках. Мы читали весь вечер, у меня сел голос. Но тут пошло повествование о том, как уральские казаки, приверженцы «древлего благочестия», отправились за тридевять земель на поиски Камбийского царства, чудесной страны Беловодии. И остановиться уже было невозможно.

Были собраны деньги, избрана «депутация» — Григорий Хохлов и еще два казака. 22 мая 1898 года они пустились в дальний

путь. Побывали в Малой Азии, проплыли Суэцким каналом и Красным морем, обогнули Индостан, Индокитай, были на каких-то островах, населенных дикарями, в Китае и «Опоньском царстве»... Увы, признаков «истинной веры» нигде они не нашли.

Хохлов вел записную книжку, которая позже усилиями Короленко была издана. Она так и называется «Путешествие уральских казаков в Беловодское царство».

Григорий Иванович слушал с каким-то упоением, тихонько похохатывая, качал головой. Потом, когда я дочитал, затеял позднее чаепитие, говорил о старообрядчестве — здешнем, уральском. Что было, как было, что частично — в привычках, в манере поведения — еще сохранилось. Говорил обстоятельно, со знанием предмета...

В пединституте — я туда наведался — хорошо помнят Куликова. Его вообще помнят многие, вспоминают устно и печатно.

Воронежский писатель Юрий Гончаров в первую военную зиму был студентом у Куликова, слушал его лекции. В повести «Сто холодных ночей» написал об этом, посвятив своему преподавателю яркие, взволнованные страницы.

Люди помнят. Помнить необходимо. Пуста земля без памяти.

Когда-то эта входная дверь, теперь такая чинная, выстреливала пушкой. С нею состязались другие двери. Грохотала — им в унисон — в спортзале штанга, раздавались удары по мячу, сопровождаемые возгласами, криками. В субботний и воскресный вечера, когда спортзал превращался в клуб, на всю округу были слышны стихийно-струнные раскаты... Здесь шумно и весело жили, шумно и весело проводили время. Здесь помещалось наше общежитие.

Его и видно было издалека. Теперь, среди новостроек, здание как-то потерялось.

Что нам особенно нравилось — наискосок, через улицу, был стадион, возле храма Христа Спасителя. С весны до поздней осени, до холодов, кипели под сенью храма футбольные страсти. На этом месте — поменьше размером — теперь крытая спортплощадка.

Сейчас храм — памятник зодчества — реставрируют. А еще совсем недавно в нем была большая музейная экспозиция — революционная борьба, гражданская война, знаменательные события, в центре которых оказался дом, ставший впоследствии нашим общежитием. «В этом здании в 1919 г. находился штаб героической обороны города Уральска»,— свидетельствует мемориальная доска.

Осада началась в апреле. Вооруженные Деникиным белоказаки навалились всей силой, взяли Уральск в кольцо. Казачий генерал Толстов грозил, пытался запугать, посеять панику. Но город не дрогнул, красный Уральск принял вызов.

Толпы добровольцев шли к штабу обороны, к Кареву дому, самому большому тогда в городе. Их сводили во взводы, роты. Выдавали оружие, тут же обучали, как с ним обращаться.

Быстро создавались укрепления — полевые оборонительные рубежи. Работами руководил военный инженер, опытный форти-

фикатор Дмитрий Михайлович Карбышев, в годы Великой Отечественной проявивший исключительное мужество, стойкость — предпочел смерть предательству.

Не хватало вооружения — наладили изготовление гранат. Рабочие депо вместе с саперами оборудовали бронепоезд — паровоз, два пулеметных броневагона и бронеплощадку для трехдюймового орудия. Назвали «Нежданный». Он и в самом деле был неожиданностью для врагов: появлялся внезапно, поддерживал оборонявшихся своим огнем.

Не хватало медикаментов, продовольствия, фуража, самого необходимого. Но город боролся, отражал одну атаку за другой. Чудеса храбрости показывал спешно сформированный кавалерийский дивизион, которым командовал лихой красный казак Ефим Почиталин. Примеров героизма было не счесть.

Белоказаки готовили штурм, генеральное наступление. Оно началось на рассвете. Впереди полк «имени Иисуса Христа» — бородачи с иконами на груди и на пиках, отдельно, на конной тяге, огромная икона Михаила Архангела...

Не помогли иконы. Но белые не унимались. Подтягивали свежие части. Стремились найти в обороне брешь.

Шли непрерывные бои. На улицах рвались снаряды. Много раненых, больных. Силы защитников города иссякали.

И помочь осажденным было трудно. Пытались части пробиться к городу — не смогли. Своя дивизия — 25-я Чапаевская — под Уфой бьет Колчака. А казаки лезут и лезут.

В ту тревожную пору в штаб Южной группы Восточного фронта пришла телеграмма. Ее здесь знают едва ли не все: «Прошу передать уральским товарищам мой горячий привет героям пятидесятидневной обороны осажденного Уральска, просьбу не падать духом, продержаться еще немного недель. Геройское дело защиты Уральска увенчается успехом. Предсовобороны Ленин».

Так оно и было. Спустя недолгое время — весть: Колчак на Белой разбит! 25-я Чапаевская двинулась на выручку Уральску.

Днем и ночью шли конники Чапаева. Спешили. Одиннадцатого июля город встретил их слезами радости и громом оркестра. При огромном стечении народа Василий Иванович принимал парад частей Уральского гарнизона, произнес речь...

«Есть счастливые города, где дышит историей каждый камень...» — прочел я недавно в одной хорошей повести. Конечно же Уральск из их числа. Здесь что ни шаг — следы далекого или не очень далекого прошлого, бурных и славных событий.

— Анис... Антоновка... Ну, это яблоки известные... А вот, каковы красавцы! Петр Первый. Есть у вас такой сорт? Вкуснота! Ты попробуй, попробуй...

Совсем неподалеку, в каком-нибудь километре отсюда, степь. Полынь да верблюжья колючка. А здесь, в этом садово-огородном раю...

— Виноград покажи ему, виноград! — доносится с веранды, где женщины накрывают стол.

— Покажу непременно, — отзывается Павел и ведет меня к

пышно разросшейся лозе.— Шасла,— поясняет он.— Мадлен...

Я гляжу на тяжелые янтарно-розовые гроздья, налитые сладким соком, и не верю глазам своим. Арбузы, дыни, яблоки — это здесь издавна, это в порядке вещей. Но виноград под Уральском?!

Жена Павла, Татьяна Борозна,— моя однокурсница. Почти всю войну, после выпуска, проработала в Джамбейте. Район большой, даже обширный, что ни день — вызовы. По степи на таратайке либо верхом. Летом жара, пыль, зимой бураны.

«Жила в казахской семье. Как бы поздно ни вернулась, а часто среди ночи, хозяева мои обязательно встанут, помогут выпрячь. Всегда у них наготове два казана с горячей водой, один — мне помыться, другой — чаю попить. Заботились, как о дочери...»

С той давней уже поры между семьями дружба. За обедом с нами черноволосый красивый парень. И имя у него красивое — Азамат. Это внук бывших Татьяниных хозяев. Гостит, поступать приехал, сдавать экзамены...

Потом Татьяну перевели в Уральск. Жилья не было, квартировала. В доме, куда ее пустили, остались только мать и дочь, мужчины воевали. Сначала пришла похоронка на отца. Еще эта боль не утихла — позвали в военкомат... Артиллерийский разведчик Павел Фокин пропал без вести. Оплакали и его. Но сообщение оказалось ошибочным: он был ранен и часть его потеряла... Вернулся после войны, увидел Татьяну. С тех пор они вместе.

А время идет. Вырос сын Владислав, он слесарь-сборщик, мастер своего дела. Его жена Надя — технолог на заводе, где полжизни проработал Павел. Внук ходит в школу...

Говорим, говорим — не можем наговориться. Вспоминаем. Всякое вспоминаем... Трудное, горькое. Друзей, которых уже нет. Радостное, светлое. Его было больше, много больше...

Молодые поглядывают на нас, слушают. Похоже, им все это интересно.

Пусть слушают...

Он был мне чужим, этот город, когда я туда попал. Совсем чужим. А стал... Насколько беднее была бы моя жизнь, не случись нашей встречи.

Святослав Бэлза

Питомец моря смелый

ОЧЕРК

Художник А. КРЕТОВ

Торжество открытия Царскосельского лицея состоялось 19 октября 1811 года. В тот день на церемонии представления Александру I воспитанников «нового святилища наук», удивительно похожих один на другого в парадных синих мундирчиках с красными воротниками, наряду с именами Пушкина, Кюхельбекера, Дельвига, Пущина прозвучало в напряженной тишине также имя Федора Матюшкина.

Одногодок Пушкина, он родился в Германии, в Штутгарте, где его отец был советником в русском посольстве. После скоропостижной смерти мужа мать Матюшкина, Анна Богдановна, переехала в Москву. Здесь Федор получил начальное образование в университетском пансионе, а после успешной сдачи вступительного экзамена попал в число двадцати девяти отроков, составивших первый — уникальный — набор Царскосельского лицея.

Почти каждый из членов шумной и озорной лицейской общины награждался каким-нибудь шутливым прозвищем. У Матюшкина их было два — Федернелке и Плыть Хочется. В общежитии лицеистов на четвертом этаже дворцового флигеля ему отвели двенадцатую комнату. Соседнюю «келью» занимал Иван Пущин. В № 14 обитал Александр Пушкин — он же Француз или Обезьяна С Тигром. А в комнате № 38, напротив Матюшкина, жил Вильгельм Кюхельбекер.

Склонности и намерения лицеистов определились довольно быстро. С самого начала было ясно, кто, подобно Горчакову, пойдет по линии дипломатической службы, кто — по литературной части, кто — в департамент министерства народного просвещения; «иной, под кивер спрятав ум, уже в воинственном наряде гусарской саблею махнул»... О Федернелке все знали, что он не

помышляет ни о славе сочинителя, ни о карьере дипломата, а мечтает стать моряком. С упоением зачитывался он имевшимися в лицейской библиотеке записками о далеких странствиях И. Крузенштерна и Ю. Лисянского, Н. Хвостова и Г. Давыдова, В. Головнина и других русских морских офицеров.

Осуществлению его мечты содействовал директор Лицея Е. А. Энгельгардт. Когда шестилетний курс обучения лицеистов подходил к концу, он начал хлопоты с целью добиться разрешения Матюшкину участвовать в «кругоземном вояже», затевавшемся В. М. Головниным. Вскоре после выпускного акта, состоявшегося 9 июня 1817 года, такое разрешение для новоиспеченного «коллежского секретаря» было получено.

От имени товарищей Матюшкина торжественно напутствовал сочиненной им «пиэсой» Кюхельбекер — милый, застенчивый Кюхля, излюбленная мишень лицейских остряков:

Скоро, Матюшкин, с тобой разлучит нас шумное море:
  Челн окрыленный помчит счастье твое по волнам!
Юные ты племена на брегах отдаленной чужбины,
  Дикость узришь, простоту, мужество первых времен...
....
Рев и боренье стихии, и вёдро, и ужасы встретишь,
  Но не забудешь друзей! нашей мольбою храним,—
Ты не нарушишь обетов святых, о Матюшкин! в отчизну
  Прежнюю к братьям любовь с прежней душой принесешь!

Непосредственно от Пушкина получил Федор подробнейшие наставления, как ему надлежит вести «журнал» путешествия — без многословия, но тщательно фиксируя все примечательные события и описывая впечатления от природы и встреч с иноземными племенами.

Эпоху русских кругосветных путешествий открыли в 1803 году — ровно столетие спустя после основания Петербурга — И. Крузенштерн и Ю. Лисянский. Вслед за тем еще трижды пронесли русские корабли бело-голубой андреевский флаг вокруг земного шара. Пятое путешествие поручено было возглавить капитану второго ранга Василию Михайловичу Головнину, широко известному к тому времени благодаря драматическому плаванию на «Диане» и появившейся в результате этого плавания книге «Записки флота капитана Головнина о приключениях его в плену у японцев в 1811, 1812 и 1813 годах, с приобщением замечаний его о Японском государстве и народе».

В «славный день Бородина» (память о нем была еще у всех свежа) — 26 августа 1817 года шлюп «Камчатка» покинул кронштадтский рейд, унося на борту восемнадцатилетнего волонтера Федора Матюшкина, определенного в должность гардемарина. Всего каких-то два с половиной месяца назад, бродя по благостным аллеям царскосельского парка, «коллежский секретарь» лишь робко надеялся на возможность подобного счастья, и вот теперь Кронштадт исчезал за кормой.

Из членов экипажа 28-пушечной «Камчатки» кроме капитана следует еще особо выделить двух мичманов, впоследствии знаменитых географов — Фердинанда Врангеля и Федора Литке. Мало что так сближает, как длительное совместное путешествие, и

отношения Матюшкина с обоими молодыми людьми сделались вскоре дружескими.

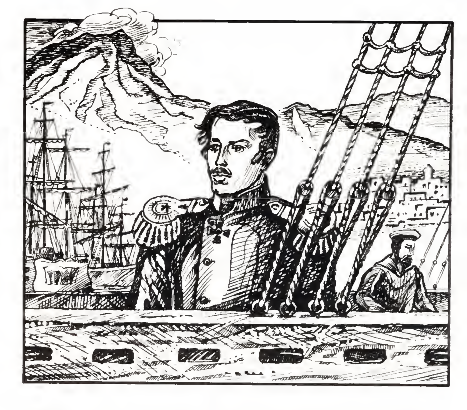
Первые недели Матюшкина несказанно донимали острейшие приступы морской болезни. Хоть каким-то, но весьма слабым утешением служило воспоминание о том, что сей изнурительный недуг постоянно не давал покоя герою Трафальгара лорду Нельсону, гробницу которого Матюшкин посетил в Лондоне. Туда он выезжал вместе с Головниным, пока их шлюп стоял в Портсмуте.

Навсегда памятным, как для любого моряка, стал для Матюшкина тот день (23 октября), когда он впервые пересек экватор. На «Камчатке» это событие было отмечено по всем правилам освященного давностью обычая. Команда выстроилась на шканцах. Капитан зачитал приказ с объявлением «благоволения» офицерам и денежного награждения «нижним чинам». Прогремел девятикратный салют южному полушарию.

Затем на носу судна послышались звуки музыки, и появился со своим неизменным трезубцем властитель морей Нептун в сопровождении свиты тритонов. А как же может подобное веселье обойтись без Бахуса? Он тоже здесь, подле своего дяди. Нептун грозно вопросил, кто капитан корабля. Узнав, что это его старый знакомец В. М. Головнин, «колебатель земли» прошествовал милостиво поздороваться с ним и со всеми, кто ранее уже проходил экватор. Тех же, кто совершал это впервые, велено было подвергнуть ритуальному «крещению» в экваториальной воде.

«Камчатка» показала себя отменным по тем временам ходоком. Вскоре путешественникам открылись берега Нового Света. Местом ближайшей стоянки избрали Рио-де-Жанейро. За полмесяца Матюшкину удалось немало повидать в Бразилии. Экзотические пейзажи приводили его в восторг; однако радужное впечатление от них было во многом вытеснено отложившимися в потрясенной душе недавнего лицеиста тягостными картинами рабства, которое продолжало насаждаться португальскими колонизаторами. После всех ужасов, что явились ему на невольничьем рынке, на кофейных плантациях, на корабле работорговцев, легли в дневник строки: «Там можно видеть все унижение человечества как со стороны притесненных несчастных негров, так и со стороны алчных бесчеловечных португальцев... Все, что можно себе вообразить отвратительнейшего, представляется глазам нашим».

Матюшкинский «журнал» красноречиво отражает мировосприятие друга Пушкина и будущих декабристов: «Необходимо бы надобно было исчислить, токмо не новейшим политикам, которые думают о золоте и силе, но другу человечества весь вред и малую пользу, который принесла торговля неграми как для Африки, так и для Европы. К несчастьям Африки принадлежат беспрестанные войны, которые ведут между собою народы, чтобы доставить европейцам невольников... истощение большей части морских стран Африки, происшедшее от беспрестанного вывоза негров, и жизнь сих несчастных прекращается преждевременной смертью. Большая часть их умирает во время плавания в Америку от худой пищи и скорбута, от тяжелых работ, от недостатка свежих



припасов, наконец, от наказаний и мучений, которые они испытывают здесь на плантациях,— вот главнейшие причины, почему большая часть помирает в бедности, с печали, с отчаяния. Сколько слез и сколько крови проливается в Африке! ...С сими физическими несчастьями соединены болезни душевные, происходящие от рабства, которые уничтожают во всех американских колониях, особенно в Бразилии, малейшие чувства милосердия и человечества, потому что там, где есть рабы, там должны быть и тираны. Присовокупить еще к сему продолжительные кровопролитные войны между морскими державами Европы, участие, которое в сем принимают все государства, от сего участия новые войны, новые бедствия...»

Год 1818-й мореходы встретили, огибая зловещий мыс Горн. Благополучно был преодолен рубеж, отделяющий Атлантику от коварного океана, который нарекли Тихим лишь за то, что почти три столетия назад он, словно сжалившись, прикинулся ласковым перед уставшим от невзгод Магелланом. На десять дней «Камчатка» зашла в Кальяо, и Матюшкин посвятил это время знакомству с перуанскими достопримечательностями.

В Перу ему тоже довелось повидать немало такого, что давало повод для горестных размышлений относительно варварства «цивилизованных» покорителей Южной Америки: «В ущелинах гор проглядывали строения. Приближаемся ближе и видим обру-

шившиеся укрепления, коих перуанцы делали против горстки сподвижников Пизарровых. Если судить по ним, то видно, что древние перуанцы были народ образованный и имевший также довольно большое понятие об укреплении мест. Крепостцы сии защищают все проходы во внутренность земли, и они расположены так, что одна может вспомоществовать другой. Сами же они сделаны из весьма твердой земли, довольно высоки и, смотря по важности защищаемого места, обширны. Иные из них построены в три яруса, один менее другого, и столь сии здания крепки, что ни оружие испанцев, ни время не могли искоренить их. Страх огнестрельного оружия принудил их бежать и оставить отечество свое алчным и сребролюбивым фанатикам, кои с огнем и мечом проповедовали христианскую веру. И многочисленный образованный богатый народ исчез. Потомки его живут в рабстве и унижении или скитаются с рассеянными семействами на горах Корделиерских».

В конце апреля показались сопки того самого полуострова, название которого было выведено на борту шлюпа. Якорь опустился на дно гавани Петропавловска, куда пришлось прорубаться сквозь льды. Ступив на берег, путешественники испытали прилив щемяще-радостного чувства: пусть нет здесь диковинок тропических стран, пусть это унылый, малообжитой край, но это — частица того великого и священного, что зовется Россией.

Свидание с родной землей придало всем бодрости, но впереди предстоял неблизкий путь. В июне вновь развернулись паруса на мачтах «Камчатки». В. М. Головнин направил шлюп сначала к Командорским, а затем к Алеутским островам. После уточнения ряда координат и проведения географических исследований во владениях Российско-Американской компании «Камчатка» зашла в Новоархангельск (Ситка) и спустилась затем вдоль американского побережья до порта Монтерей, сделав таким образом внушительную петлю по северным водам Великого океана.

Последнюю декаду октября моряки «Камчатки» провели на Гавайских островах, а незадолго до наступления Нового года прибыли в Манилу. Гавайи, Филиппины и другие живописные острова глубоко запечатлелись в памяти Матюшкина, не устававшего восхищаться величием, красотой и разнообразием природы. Он заносил в путевой «журнал»: «Я не был так счастлив, как первые мореходцы, которые открывали необитаемые острова, которые видели, так сказать, земли из своих рук исходящими, но я, однако, видел страны дикие, по коим могу заключить, что ничего нет прекраснее и превосходнее природы в первобытном состоянии... Ею Орфей и Гомер были воодушевлены. Кук, Лаперуз, Ванкувер и некоторые другие, которые видели первобытную природу, обворожили всех своими рассказами. Я также видел земли, посещаемые европейцами, земли... в коих рабство и война уже унизили, исказили природу, но всегда буду вспоминать с удовольствием высокие камчатские сопки, скалы, обнаженные от зелени, борющиеся с разъяренными волнами океана, служащие убежищем многочисленным стадам морских птиц...»

Индийский океан пройден был без особых происшествий; лишь на прощание, передавая эстафету Атлантике, он наслал шторм, который корабль выдержал с честью. Ранним мартовским утром

на горизонте показался «мрачный гранит» острова Святой Елены. Из уст в уста передавалось на «Камчатке» имя Наполеона: все знали, что именно здесь, вдали от «Франции милой», в величественном спокойствии протекает его изгнание. Русское сердце отходчиво, и многие невольно ощутили сострадание к судьбе повергнутого «узурпатора». Этого нельзя было сказать об англичанах, которые, памятуя континентальную блокаду и недвусмысленные угрозы Бонапарта, а также опасаясь новых «ста дней», бдительнейшим образом стерегли его.

В каждом приближавшемся паруснике подозревался потенциальный похититель императора, и навстречу русскому шлюпу в полной боевой готовности вышел британский военный корабль. «Камчатке» разрешили подойти к острову, однако указанное место на рейде оказалось таким, что судно — на всякий случай — находилось под присмотром береговой батареи. Капитана строго предупредили, что с наступлением сумерек никто из команды не имеет права пребывать на берегу.

После того как Святая Елена растворилась вдали, возможность для отдыха представилась экипажу «Камчатки» только на Азорских островах. По мере приближения к Отчизне бег шлюпа, казалось, все ускорялся. В Портсмуте произошла знаменательная встреча с «Востоком» и «Мирным», направлявшимися в южные полярные области. Россия стремительно выходила на океанские просторы, русские названия в изобилии появлялись на географических картах мира.

Кронштадт приветствовал «Камчатку» 5 сентября 1819 года. Влюбленный в море лицеист превратился за два года в заправского моряка, ибо наука навигации лучше всего постигается на плаву. Матюшкин вернулся, как странник Одиссей, «пространством и временем полный». По настоянию В. М. Головнина наряду с офицерами «Камчатки» он получил свое первое отличие — орден св. Анны III степени.

В Петербурге и Москве его ждали объятия друзей, бесконечные расспросы. Повествуя о своем вояже, как бы заново переживая все события, флота мичман Матюшкин каждый раз с необычайной остротой понимал, что отныне он, словно венецианский дож, навеки обручен с морем. «Мне не годится жить на берегу,— писал он,— я там сам не свой. То ли дело на корабле! Боже мой, скоро ли я опять пойду в море!»

Однако в море Матюшкину довелось выйти не скоро. Ему предложили, и он дал согласие принять участие вместе с Ф. П. Врангелем в сухопутной экспедиции к северо-восточным границам России. Проследовав от Петербурга до низовий Колымы, Матюшкин провел три года, показавшиеся ему вечностью, за полярным кругом. Итоги этой экспедиции имели колоссальное научное значение. Прежде всего окончательно доказано было отсутствие перешейка между Азией и Америкой, в наличие которого многие до тех пор верили. Внесена была также ясность в вопрос о существовании мифической «Земли Андреева», привидевшейся более полувека назад «в великой отдаленности» екатерининскому сержанту.

В Сибири Матюшкину пришлось перенести много лишений, не раз оказываться в ситуациях, грозивших ему смертью, но он с

честью вынес эти испытания. Когда все уже было позади, он писал в июне 1823 года товарищу по Лицею Владимиру Вольховскому, побывавшему в составе специальной миссии в Бухарском эмирате: «Ты желал иметь понятие о нашей ученой собачьей экспедиции — с удовольствием исполняю твою просьбу... Мы не будем более ни мерзнуть, ни голодать, ни мучиться, чрез несколько дней я совсем оставлю берега Ледовитого моря, на коем я убил три года своей жизни... Велика разница между вашей учено-военной верблюжьей экспедицией и нашей — вы имели много, много таких удовольствий... о коих мы не могли думать... Не стану тебе описывать, что мы описали и как мы описывали — первое ты можешь видеть из приложенной при сем карты... а второе, вероятно, очень сходно с вашим — у нас собаки, у вас верблюды, у нас море, у вас степь. С каждым днем мы продвигались в страны ужасные и ужаснейшие, необитаемые, бесплодные, в царство зимы, а вы с каждым шагом приближались к плодоносной, благорастворенной Бухарии...»

Маститые ученые воздали потом должное важности всех материалов, доставленных экспедицией под начальством Врангеля и добытых ценой невероятной самоотверженности ее участников. Там содержались данные астрономических и метеорологических наблюдений, различного рода таблицы, схемы, описания, зарисовки и, наконец, самое ценное — карты, где обозначено было немало нового, в том числе мыс, получивший имя Матюшкина (в Чаунской губе).

Завидую тебе, питомец моря смелый,
Под сенью парусов и в бурях поседелый!
Спокойной пристани давно ли ты достиг —
Давно ли тишины вкусил отрадный миг —
И вновь тебя зовут заманчивые волны...

эти строки пушкинского наброска 1823 года в полной мере соответствуют настроению Матюшкина, возвратившегося из утомительной сибирской экспедиции.

Уже в августе 1825 года, произведенный к тому времени в лейтенанты, он отправился в новое кругосветное плавание на транспорте «Кроткий». Маршрут в общих чертах повторял путь «Камчатки», и длилось путешествие тоже два года. В день восстания декабристов, когда Матюшкин мог бы увидеть много знакомых лиц среди «бунтовщиков», вышедших на Сенатскую площадь, «Кроткий» покидал Рио-де-Жанейро. Сюда не доносились ни барабанная дробь, ни визг картечи, ни стоны раненых, ни тревожное ржание лошадей — вся та симфония звуков, под которые «венчался на царство» жандарм Европы. Именно так охарактеризовал Матюшкин спустя четверть века в письме Пущину ту жалкую роль, которую взял на себя Николай I: «Да, Незабвенного Россия не забудет... Разыгрывал 25 лет полицмейстера Европы».

Осенью 1827 года Е. А. Энгельгардт извещал одного из своих бывших «птенцов»: «Прибыло сюда с острова Нуха-Гивы животное довольно редкое, именуемое Матюшкин, которое на сих днях будет у меня показываться любителям оного...» Но не могли уже

пожаловать, как встарь, «иа редкое животиое» к отставиому директору Лицея иа Васильевский остров Пущии и Кюхельбекер. Печально было иа душе у Матюшкииа. Едва узиав о петербургских событиях, он писал Е. А. Эигельгардту из плаваиия: «Егор Аитоиович! Верится ли мие? Пущин! Кюхельбекер! Кюхельбекер может быть; иесмотря иа свое доброе сердце, ои был иесчастеи. Ои миого терпел, все ему иаскучило в жизии, ои думал везде видит злодеев, везде зло. Ои — эитузиац — фаиатик, ои мог иа все решиться и все в одио мгиовеиие. Но Пущии. Нет. Нет, Пущии не может быть виноват, ие может быть преступииком. Я за иего отвечаю. Ои взят по подозреиию, и по пустому подозреиию,— дружба его с Рылеевым, слово, сказаииое неосторожио, ио без умысла. Признаюсь вам, Егор Аитоиович, когда я прочел его в списке, я думал, что и я вииоват, я его так любил, так люблю. Разберите его жизнь, его поступки — иикто из иас ие сделал столько добра как человек и как русский... Товарищам, друзьям иеужели я должеи сказать, что я их ие люблю. Нет, я их люблю...»

Матюшкии ие провел и года иа суше, как сиова ветер упруго иаполиил паруса иад его головой. На сей раз «блуждающая судьба» влекла его в Средиземиое море. Корабль «Эммануил», иа котором ои шел, входил в состав русской эскадры, отправлеииой для поддержки освободительиой борьбы сыиов Эллады против султаиской Турции. Обратив иа себя виимаиие, выпускник Лицея получил скоро под свое иачало бриг «Кимои», а затем последовало почетное иазиачеиие иа пост командира великолепиого брига «Ахиллес», выделеииого в личиое распоряжение президеита Греции Иоаииса Каподистрии. А еще через иекоторое время ему пришлось выписать из Петербурга нарядиые эполеты капитанлейтеиаита.

Более десяти лет, иачииая с 1835 года, жизнь и служба Федора Федоровича Матюшкииа были связаиы с Чериым морем. Здесь он обрел таких друзей, как П. С. Нахимов и В. А. Кориилов, будущих героев севастопольской обороны. Адмирал М. П. Лазарев вверил его заботам виачале фрегат «Браилов», а затем красавец корабль «Варшава».

В Севастополь пришла к Матюшкииу горестиая весть о дуэли иа Черной речке, и ои в порыве отчаяиия упрекал лицейского одиокашиика: «Пушкии убит! Яковлев! Как ты это допустил? У какого подлеца подиялась на иего рука? Яковлев, Яковлев! Как ты мог это допустить?..» Эхо рокового выстрела Дантеса болью отдалось в сердцах миллионов людей, ио, быть может, горше других переживали тяжкую утрату товарищи поэта по Лицею: ведь поистиие «лицейский корабль стоял иа пушкииском якоре».

Последиий раз Федор Федорович виделся с Пушкииым ие так давио — в преддверии зимы 1836 года, во время своего иаезда в Петербург. Сошлись оии иа имеииих у М. Л. Яковлева. Пушкин выглядел весьма озабочеииым. Причина скоро выясиилась: когда подали шампаиское, ои выиул из кармаиа аиоиимиое письмо и сказал: «Посмотрите, какую мерзость я получил!» Но кто из собравшихся иа чествование лицейского «паяса» мог предположить тогда, что этот гиусный пасквиль лишь завязка неотвратимой трагедии, фииал которой гряиет всего через каких-нибудь два

с половиной месяца? И никак не укладывалось в голове у Матюшкина, что никогда больше не ощутит он пожатия руки, которая вывела посвященные ему строфы:

Сидишь ли ты в кругу своих друзей,
Чужих небес любовник беспокойный?
Иль снова ты проходишь тропик знойный
И вечный лед полунощных морей?
Счастливый путь!.. С лицейского порога
Ты на корабль перешагнул шутя,
И с той поры в морях твоя дорога,
О, волн и бурь любимое дитя!

Ты сохранил в блуждающей судьбе
Прекрасных лет первоначальны нравы:
Лицейский шум, лицейские забавы
Средь бурных волн мечталися тебе;
Ты простирал из-за моря нам руку,
Ты нас одних в младой душе носил
И повторял: «На долгую разлуку
Нас тайный рок, быть может, осудил!»

Матюшкин наизусть помнил этот посвященный ему отрывок из стихотворения, сочиненного Пушкиным в одну из годовщин основания «лицейской республики». Примечательно, что слова «блуждающая судьба» Пушкин употребил не только по отношению к Матюшкину, но и применительно к себе (в «Евгении Онегине»). Поистине их сердца были «единой страстью полны». О теплых дружеских чувствах к «питомцу моря» свидетельствует и напутствие поэта в послании брату Лайону: «Поцелуй Матюшкина, люби и почитай Александра Пушкина».

Дата «19 октября» свято почиталась всеми лицеистами. Этот день, как правило, не обходился без традиционной приятельской встречи, на которую собирались все, кого только можно было отыскать из питомцев Лицея «старого чекана». На таких вечерах после 1825 года часто поминались имена ссыльных декабристов: связь с «государственными преступниками» не прерывалась. Матюшкин особенно много переписывался с Иваном Пущиным, для которого он, даже став сенатором, «превосходительством», был по-прежнему «веселым Федернелке».

В феврале 1853 года на имя Матюшкина из Ялуторовска пришла восторженная благодарность Пущина за фортепиано, которое вскладчину приобрели для дочери декабриста и отправили за Урал его друзья — петербургские лицеисты «первого призыва»: «Принимаю ваш подарок с тем же чувством, с которым вы его послали мне, далекому. Спасибо вам, от души спасибо! Разделите между собой мой признательный крик, как я нераздельно принимаю ваше старое лицейское воспоминание. Фортепиано в Сибири будет известно под именем лицейского...»

О близости Матюшкина к идеям декабризма, о его высоком патриотизме говорит, в частности, тот факт, что именно ему адресовал Пущин из сибирской ссылки свои размышления такого рода: «Я все надеюсь, что не с гнилого Запада явится заря, а с Востока, то есть от соединения славянских племен. Это будет

прочнее всех вспышек и потом реакций, отдаляющих жестоко самое дело. У меня это idée fixe, и я все подвожу к этому подготовлению: много тут основных начал, несознательно ведущих к желаемым изменениям, без которых нет блага под луной. Вот куда меня забросила мечта, будто бы я с тобой говорю,— ты, может быть, примешь меня за сумасшедшего. Пусть так; только это состояние отрадное — вера в человечество, стремящееся, несмотря на все закоулки, к чему-нибудь высокому, хорошему, благому. Без этой веры темно жить».

Черное море сменили свинцовые воды Балтики, куда Матюшкина перевели уже в чине контр-адмирала. Затем его знания и десятилетиями накопленный практический опыт понадобились в Морском министерстве. Солидная министерская должность была ему меньше по душе, чем вождение фрегатов, но пришлось смириться, тем более что давал себя знать возраст и подкравшиеся с ним недомогания. Матюшкин прошел головнинскую и лазаревскую школу, взгляды его отличались подлинным демократизмом, и заботила его в первую очередь не собственная карьера, а состояние отечественного флота, им двигало высокое стремление принести максимальную пользу родине. Когда в 1851 году ему предложили высказать суждение по поводу проекта нового Морского устава, то он воспользовался случаем, чтобы довести до начальства свое мнение о невыносимо тягостном положении «нижних чинов» на флоте: «Не надобно матроса считать не человеком, машиною; молиться, ходить, спать, сидеть, петь, плясать по дудке убивает человека, сначала морально, потом физически... Человека более всего поддерживает надежда, предположение, мечты. Имеет ли их матрос? Через 20 лет службы он возвращается на родину в поношенной шинели. Вот все, что он видит впереди...»

В Крымскую войну Матюшкин руководил укреплением Свеаборга — российского аванпоста на Балтийском море, который устоял против мощной армады, не допустив неприятеля к столице. Год окончания войны принес ему звание вице-адмирала, а хоронили Матюшкина тоскливой петербургской осенью 1872 года в мундире полного адмирала. «Адмиральские орлы были честно заслужены им, заслужены не в передних Петербурга,— справедливо отмечает биограф,— а в плаваниях, скитаниях, походах и сражениях».

Николай Черкашин

ПО СЛЕДАМ «СВЯТОГО ГЕОРГИЯ»

ОЧЕРК

Художник А. ГРАШИН

Старая сенсация

Для меня эта история началась семь лет назад близ Преображенского рынка, когда сторож склада макулатуры разрешил мне порыться в горе книг, журналов, газет, сданных в обмен на «Французскую волчицу» или «Черного консула».

Дома, разбирая находки — подмоченный том «Морской гигиены», «Справочник по реактивным самолетам» и бесплатное приложение к газете «Рабочая Москва» с повестью Новикова-Прибоя «Соленая купель», я обнаружил и кусок дореволюционной газеты с оторванным названием. Внимание мое привлекла маленькая заметка собственного корреспондента Петроградского телеграфного агентства в Риме, датированная 23 сентября 1914 года: «С судостроительной верфи «Фиат» в Специи угнана подводная лодка, строящаяся по заказу русского флота. Похитителем является отставной итальянский морской офицер Беллони, известный своим франкофильством и русофильством. Им оставлено на имя правления верфи письмо, в котором он просит отложить окончательное суждение о его поступке, обещая прислать объяснение из первого же порта. Знающие его лица говорят, что Беллони спокойный, уравновешенный человек. Правление верфи, как это ни странно, узнало о пропаже только спустя 8 часов. Итальянское правительство открыло по этому поводу следствие».

Заметка обрывалась, как бутылочное письмо в жюль-верновском романе, заставляя гадать, домысливать... Прислал ли Беллони объяснение своему поступку «из первого же порта»? Зачем и куда угнал итальянец русскую подводную лодку? Да и чем

кончилась вся эта необычная история? Видимо, в последующих номерах газеты были новые сообщения корреспондента ПТА...

Утром заглядываю на склад. Роюсь в кипе старых «Работниц»... Чьи-то медицинские конспекты в ветхих газетных обложках. Вот с этого я оборвал клок с заметкой... Бережно снимаю одну обертку, другую... Удача почти невероятная! В уголке газетной полосы читаю: «К угону русской подводной лодки. Рим, 28/9 (Соб. корр. ПТА). Отставной мичман Анжелло Беллони, угнавший с верфи «Фиат» подводную лодку, строящуюся для русского флота, заявил о своем намерении поднять российский флаг и вступить в войну против Германии на стороне Российской империи».

Я невольно проникся симпатией к дерзкому моряку. Видимо, характерец у него был еще тот, если его — в мичманском-то звании — перевели в запас и отправили подальше от боевого флота — на судостроительный завод.

Наверное, вся эта история так бы и осталась для меня курьезом, забытой сенсацией, если бы через неделю мне не выпала командировка в Италию — поход в Средиземное море с отрядом балтийских кораблей.

Вообще-то узнать о судьбе Анжелло Беллони и его подводной лодки надо было именно в Специи, где строилась лодка, но командировка предусматривала посещение только двух итальянских городов — Ливорно и Флоренции. Спрашивать в чужой стране наугад: «А не знаете ли вы человека, жившего полвека назад?» — дело куда как безнадежное. Единственное место в Ливорно, где могли хоть что-то слышать об истории с угоном русской субмарины,— судостроительная верфь «Орландо».

...Выгадав время поближе к концу рабочей смены, прошу шофера остановиться у ворот судоверфи. Со мной наш переводчик. Выбираем в потоке рабочих самых пожилых. Вот, кажется, этот, в синем комбинезоне, с седыми висками.

— «Фиат»? — переспросил рабочий переводчика.— Беллони? Угон лодки?

По выражению лица было видно, что обо всем этом человек в синем комбинезоне слышит первый раз. Но уходить просто так он не собирался.

— Витторио! — окликнул он из толпы высокого старика в кепи с длинным козырьком. И пока старик пробирался к нам, новый наш знакомый рассказал, что Витторио еще до войны — второй мировой, разумеется,— строил корабли по русским, то есть советским, заказам и что знаменитый лидер черноморских эсминцев «Ташкент» строился именно здесь, на стапелях «Орландо».

Витторио тоже ничего не знал о давнем событии, но он остановил еще пару своих коллег, и вскоре возле нас собралось довольно шумное и энергичное общество. На меня поглядывали с любопытством и чуточку сочувственно, так, как будто это у меня лично угнали семьдесят лет назад подводную лодку.

— Беллони, Беллони? — повторялось на все лады.— Специя, «Фиат»...

И все пожимали плечами. Ничего не оставалось, как распрощаться и поблагодарить всех по меньшей мере за отзывчивость, за готовность помочь...

Мы возвращались в порт пешком — до стоянки нашего корабля рукой было подать, как вдруг у памятника «Четырем маврам» нас нагнал чернокудрый парень в полосатой майке и что-то быстро-быстро стал говорить переводчику. Тот достал блокнот, и парень начертил схему со стрелками.

— Он говорит,— пояснил переводчик,— что какой-то Беллони, старый-престарый, живет во Флоренции, и нарисовал, как его отыскать.

Я с трудом дождался следующего дня, когда огромный автобус повез наших матросов на экскурсию в город Данте и Микеланджело.

Во Флоренции, улучив момент, мы с переводчиком, сотрудником нашего консульства, которого тоже заинтересовала история с подводной лодкой, разыскали дом, указанный на чертежике в блокноте, и поднялись по железной лестнице.

Дверь открыла пожилая черноволосая женщина в пластиковом переднике. Узнав, что нам нужен Беллони, она провела нас к отцу — сухонькому лысому старцу, который, несмотря на свои восемьдесят лет, сохранил и блеск в глазах, и ясную память.

С первых же фраз выяснилось, что Уго Беллони, так звали хозяина комнаты, никакого отношения к своему однофамильцу Анжелло Беллони не имеет. Более того, в их роду никогда не было моряков, все мужчины занимались стекольным ремеслом. Лично он сам, Уго Беллони,— мастер высшего класса по шлифовке линз и прочих оптических деталей. И уж если мы, русские, интересуемся «Сан Джорджио» — так, сказал он, называлась подводная лодка, строившаяся для России,— то он может сообщить, что перед первой мировой войной их фирма «Оффичине Галелео» выпускала перископы и прожекторы по заказам русского флота. Более того, он сам, Уго Беллони,— это было его первое самостоятельное дело — изготавливал линзы для клептоскопа подводной лодки «Сан Джорджио», или, как называлась она поначалу, «F-1» — «Фиат».

Однако ничего больше старый мастер рассказать не мог.

Ну что же, и это надо было считать удачей. По крайней мере теперь я знаю название подводной лодки — «Сан Джорджио».

Еду-еду, следу нету... Это про лодку. Любую. А про подводную?.. Однако есть еще два моря, в которых следы кораблей живут много дольше, чем в кильватерной струе. Первое — море бумажное: валы отчетов, воспоминаний, газетных статей, архивных документов, морских карт, книг... Второе — память рода людского, живая память очевидцев и участников, память видевших. Если в первом еще есть лоцманская служба — библиографы и архивариусы, то второе — стихийно и непредрекаемо.

Тут вся надежда на цепочку воспоминаний, на то, что она не прервется, когда один называет другого...

Давно заметил: стоит только начать какие-либо розыски, как фортуна сразу подбросит что-нибудь такое, что втянет тебя в поиск поглубже, и ты уже ни о чем ином и думать не можешь.

На следующий день после визита к Уго Беллони в Ливорнской военно-морской академии состоялся прием советских моряков.

Надо сказать, что это единственное в Италии учебное заведение, которое готовит офицеров для военно-морского флота.

В больших прохладных залах то тут, то там возникали группки, которые пытались преодолеть «языковой барьер» с помощью английских фраз, мимики и жестов.

Моим соседом оказался один из преподавателей академии, пожилой «тененто ди фрегатто»*. Я задал ему несколько праздных вопросов, на которые он ответил с официальной вежливостью.

Затем спросил его, слышал ли он что-нибудь о «Сан Джорджио».

— «Сан Джорджио»?—переспросил тененто ди фрегатто.— Разумеется. Это учебный корабль нашей академии.

У меня прыгнуло сердце: неужели подлодка сохранилась?!

— Подводный корабль?—уточнил я.

— Нет, надводный. Он был построен в 1943 году. Про подводную лодку «Сан Джорджио» мой собеседник ничего не слышал, что было вполне понятно.

События в Специи произошли тогда, когда тененто ди фрегатто еще не было на свете. Но едва я назвал имя Анжелло Беллони, лицо офицера оживилось:

— О, вы слыхали о нашем padrino?!** Да-да, мне посчастливилось застать старика. В сорок втором я был курсантом. Правда, Беллони оглох, почти ничего не слышал, но в подводном деле соображал за троих.

Так я узнал многое о Беллони. Узнал, что некогда экспансивный мичман с годами остепенился и стал изобретателем в области подводного плавания. Он предложил новый тип гидрокостюма, строил карликовую подводную лодку для высадки подводных диверсантов. С началом второй мировой войны Беллони, оглохший в экспериментах с новым снаряжением, был назначен руководителем Подводного центра, затем возглавлял школу боевых пловцов, находившуюся здесь, в Ливорно.

После приема в актовом зале нас провели по академии.

Входим в церковь военно-морской академии, встроенную в учебный корпус. Небольшой зал из желто-кофейного мрамора. Цветные витражи с парусниками. В алтарных окнах изображения крестов с приросшими в комлях якорными лапами. Якорные кресты или крестовые якоря.

В красных лампадах бьется живой огонь. На правой стене — барельеф святой Варвары, покровительницы оружия на море. На левой — огромная мраморная карта Средиземного и Черного морей. На ней помечены все итальянские корабли, погибшие в обеих мировых войнах.

Но самое интересное открылось мне в зале гардемаринской столовой. Взглянув на две большие картины, висевшие по соседству — у входа, я уже не смог от них отойти.

На одном полотне был изображен линкор красавец «Джулио Чезаре», ведущий огонь на полном ходу***. Через несколько лет, в

---

* Капитан второго ранга.

** Padrino — по-итальянски «дедушка».

*** Особенными подвигами «Джулио Чезаре» во вторую мировую войну не прославился. Судя по всему, на картине был запечатлен короткий бой 9 июля 1940 года возле мыса Стило с английскими кораблями, следовавшими на Мальту. В том бою «Чезаре» получил повреждения.

октябре 1955 года, на линкоре при не выясненных до сих пор обстоятельствах произошел взрыв. Есть мнение, что корабль взорвали подводные диверсанты.

И вторая картина, вывешенная рядом, как бы подтверждала эту гипотезу. На полотне в темно-зеленых фосфоресцирующих красках глубины восседают верхом на торпеде два аквалангиста. Их лица в масках. Волосы в воде развеваются, и кажется, будто они стоят дыбом от ужаса, от этого тебя самого пробирает легкая дрожь. Оба диверсанта уже под днищем корабля. Один из них держится за бортовой киль, другой крепит зажим для мины. Зритель видит их снизу вверх, будто сквозь смотровой иллюминатор субмарины, высадившей боевых пловцов и теперь парящей в глубине.

Здесь, в Ливорно, я узнал еще один факт, который, как мне кажется, косвенно подтверждает гипотезу подводной диверсии. Дело в том, что в 1955 году ливорнская фирма «Kos. Mos» спроектировала и построила две сверхмалые подводные лодки: «SX-404» и «SX-506». Габариты последней относительно сверхмалые: длина ее — 23 метра, водоизмещение — 70 тонн. С экипажем в пять человек эта лодка могла пройти без дозаправки 1200 миль (более 2 тысяч километров). На двенадцать суток ей хватало в море всевозможных припасов. Главное назначение «SX-506» — переброска боевых пловцов в район диверсии. Восемь морских диверсантов располагались в центральном отсеке (всего отсеков три) на восьми складных койках. В районе высадки четверо боевых пловцов переходили в носовой отсек, облачались в легководолазное снаряжение и через шлюзовую камеру с донным люком выходили в забортное пространство. Там они снимали с внешних подвесок семиметровые пластиковые сигары с прозрачными колпаками двухместных кабин — подводные транспортировщики, садились в них и доставляли к выбранному в гавани кораблю 270-килограммовую мину с часовым механизмом. Транспортировщики погружались на 60 метров. Мощность аккумуляторов позволяла им нести на себе двух людей и мину со скоростью марафонца — почти 100 километров (свыше 50 миль). Обозначались эти подводные «колесницы» индексами «CE 2F/X60».

Сейчас, спустя тридцать лет, все эти цифры и индексы перестали быть тайной настолько, что итальянский журнал «Ривиста маріттима» опубликовал даже фотографию сверхмалой подводной лодки «SX-506» с транспортировщиками боевых пловцов.

Я так подробно пишу об этом потому, что бывший командир «Сан Джорджио» Анжелло Беллони, будучи начальником школы и руководителем научно-технического центра, имел прямое или косвенное отношение ко многим морским диверсиям, ведь разработка и строительство сверхмалых подлодок начались еще перед второй мировой войной.

Если в 1943-м конструктору штурмовых средств было под шестьдесят, то в 1953—1955 годах, когда создавались «SX-404» и «SX-506», ему едва перевалило за семьдесят — возраст для изобретателя вполне творческий.

Выходило так, что я искал патриота, а нашел пособника диверсантов. Кто бы мог подумать, что столь заманчивый

поначалу клубок размотается с такой досадной быстротой? Но я и не подозревал, что клубок размотался лишь наполовину, что имею дело, как говорят реставраторы, с «записанной картиной» — сквозь верхний малоценный слой вот-вот проглянет лицо истинного героя...

Кто вы, лейтенант Ризнич?

Поздней осенью 1978 года дела занесли меня в Ригу. В одно из воскресений знакомый моряк-библиофил предложил мне съездить за город — порыться на книжном развале. Место, где собирались книжники, а также филателисты, нумизматы, коллекционеры открыток, значков, орденов, находилось на лесной поляне между поселками Иманта и Бабите. То было великолепное торжище! Глаза разбегались от обилия редкостных обложек, старых открыток, кляссеров с марками, монетами, этикетками... Скупое рижское солнце рябило на планшетах со значками и орденами... Я присел перед чемоданчиком старика филокартиста и стал перебирать пожелтевшие открытки с видами городов, монастырей, ландшафтов. Тут были и дореволюционные «посткарты», и зарубежные — немецкие, французские, английские... Итальянская открытка с изображением монастыря святого Георгия на севастопольском мысе Феолент задержала на секунду взгляд: «Сан Джорджио»! Почему-то раньше не приходило в голову подобрать русский эквивалент итальянскому «Сан Джорджио». Значит, подводная лодка Анжелло Беллони называлась «Святой Георгий». Незначительное это открытие отложилось в памяти.

В Георгиевском монастыре бывал Пушкин. Место живописнейшее. Мне посчастливилось видеть море с высоты этого крутого мыса... Открытку я купил.

Вечером мы рассматривали свои приобретения в кабинете моего друга. Я снял с полки указатель к «Морскому атласу» и наудачу просмотрел названия кораблей, начинавшихся со слов «Святой», «Святая».

Есть! «Святой Георгий»! Открываю нужную страницу. Несколько крупиц информации: «Русская подводная лодка... В сентябре 1917 года совершила переход из Специи в Архангельск... Входила в состав сил флотилии Северного Ледовитого океана».

Спрашиваю хозяина атласа, где можно было бы еще найти что-то о «Святом Георгии». Приятель порылся в своих картотеках:

— Вот где. Посмотри прекраснейшую монографию Трусова «Подводные лодки в русском и советском флоте». Написал ее бывший машинный унтер-офицер с подлодки «Минога». Ничего более подробного о русских подводных лодках я не читал.

Монографию инженер-капитана второго ранга Трусова я листал уже в Москве — в военном зале Государственной библиотеки СССР имени В. И. Ленина. Знаток морской литературы оказался на высоте: книга действительно изобиловала редчайшими фотографиями, чертежами, подробными сведениями о конструктивных особенностях и боевых действиях едва ли не всех субмарин русского флота. Но самой важной для меня была 242-я страница.

Сжато, но емко Трусов рассказывал о поистине героическом деле, которое выпало на долю малой — прибрежного действия — подводной лодки. Да, «Святой Георгий» и был тем самым «Сан Джорджио», или по-итальянски «San Giorgio», «F-1», которым командовал, а затем увел под русским флагом на Корсику мичман Беллони. Но спустя три года лодка была продана военно-морскому флоту России и в 1917 году с русской командой совершила труднейший и опаснейший переход из Италии на Русский Север — в Архангельск, переход вокруг Европы, через два охваченных мировой войной океана, через оперативные зоны германских подводных лодок.

Командиром этого по сути дела обреченного корабля был назначен лейтенант И. Ризнич.

Я просмотрел всю книгу, но нигде не нашел портрета отважного подводника.

Этот человек сразу же заслонил в моих глазах фигуру Беллони, и поиск мой, начатый в Ливорно, обещал продлиться, но уже в ином направлении.

Ризнич, Ризнич... Несколько дней фамилия эта не выходила у меня из головы. Кого можно удивить в наше время переходом вокруг Европы, когда Мировой океан изборожден по всем широтам, долготам, глубинам; когда «Арктика» раздвинула своим форштевнем льды на самой «макушке» планеты — на Северном полюсе; когда подводные лодки, не всплывая, огибают земной шар под водой; когда Ален Бомбар переплыл Атлантический океан в надувной лодке; когда даже в ванне можно пересечь Ла-Манш?! Но это сейчас. А тогда, семьдесят лет назад? Разглядывая карту перехода «Святого Георгия», я вспомнил осенний шторм в Северной Атлантике и высокий башнеподобный мостик нашей подводной лодки, затянутые в резину гидрокомбинезонов фигуры вахтенного офицера и боцмана. Оба обвязаны и принайтовлены страховочными концами к перископным тумбам.

Нос лодки почти не появляется над водой, и оттого кажется, будто среди волн плывет одна лишь рубка — утлый железный челнок с двумя привязанными к обломку мачты гидронавтами. И еще не по себе становится, когда, пригнувшись от тяжелого наката, видишь, как снизу, из палубных шпигатов, поднимается вдруг быстрая клокочущая вода. Она затапливает тесное пространство рубки по колени, по пояс, по грудь. И нехорошая мысль мелькает: уж не погружается ли лодка, не уходит ли на глубину от шторма, забыв про верхнюю вахту?

Мостик «Святого Георгия» много ниже, чем мостик современных океанских лодок, и я представляю, как накрывало верхнюю вахту в шторм. Удар иной волны легко ломает позвоночник привязанному к рубке подводнику, может «приложить» к лодочному железу так, что и зубы выплюнешь.

В прошлую войну штормовая волна смыла с рубки «С-102» сигнальщика и вахтенного офицера. Работали дизели, рулевой в центральном посту вел лодку по курсу, но добрую четверть часа корабль шел вслепую: наверху никого не было.

Штορм для дизельной подводной лодки опасен и тем, что в сильную качку, при больших кренах и дифферентах из аккумуляторных батарей может выплеснуться электролит и тогда субмари-

на лишится подводного хода. Разумеется, в жестокую непогоду подлодка может погрузиться и переждать шторм на глубине. Но в военное время любой командир пойдет на это лишь в случае крайней нужды. Он предпочтет душевыворачивающую качку зряшному расходу электроэнергии, которая жизненасущна в подводном бою.

Помимо слепого произвола стихии «Святого Георгия» подстерегали опасности, приуготовленные умами специалистов в германском морском штабе: минные поля и позиции подводных рейдеров вокруг Британских островов.

И все-таки Ризнич привел свою «малютку» в Архангельск, совершив первый в истории русского флота океанский поход на подводной лодке.

Я пытался представить себе этого человека. Какой он? Высокий? Коренастый? Черноволосый? С бородой? Веселый? Властный? Откуда он родом? Что с ним стало после семнадцатого года?

Звучная короткая фамилия напоминала другую — Дундич. Олеко Дундич. Может быть, поэтому Ризнич виделся таким же лихим и отважным, как и герой гражданской войны. Дундич — серб. Фамилия Ризнич, по всей вероятности, тоже сербская. Серб на русской морской службе? Такое вполне могло быть, если вспомнить историю балканских войн. Но может быть, Ризнич — это сокращенное «ризничий» *, фамилия духовного происхождения?

Проще всего было бы обратиться в Центральный государственный архив ВМФ СССР и посмотреть там послужной список Ризнича. Но архив в Ленинграде, и, как бы ни хотелось бросить все московские дела и немедленно взять билет на «Красную стрелу», надо ждать, когда в текучке дел и работ выдастся «окно», хотя бы два-три дня. Время шло, а желанное «окно» никак не выдавалось. Поездка в архив все переносилась: из первоплановых дел — во второочередные, из второочередных — в третьестепенные... Живые будни живого флота, моряки-современники и их подвиги отдаляли «Святой Георгий» во мглу времен, ореол загадочности вокруг имени старшего лейтенанта Ризнича тускнел...

«Неизвестная в восточном костюме»

Летом я часто наведываюсь в Мураново — подмосковный Музей-усадьбу Баратынского и Тютчева.

После морского похода в Италию я снова навестил уютный деревянный дом под тенистыми липами, ходил по комнатам, где в старой бронзе, фарфоре, гобеленах застыл «золотой век», в десятый, а может, в пятнадцатый раз прислушивался к рассказу экскурсовода.

Потом, когда Инна Александровна освободилась, мы разговорились о Баратынском и его дружбе с Пушкиным, о друзьях великого поэта вообще. Инна Александровна достала новенькую, только что вышедшую книжку «Современники Пушкина» и стала

* Ризничий — монах, заведующий в монастырях хранилищем церковной утвари.

листать. Взгляд сразу же выхватил из текста фамилию Ризнич. Под портретом то ли турчанки, то ли сербиянки стояла подпись — «Амалия Ризнич». Разумеется, к командиру подводной лодки «Святой Георгий» Ивану Ивановичу Ризничу она никакого отношения не имела. Однофамилица, да и только. К тому же Инна Александровна сразу предупредила, что искусствоведы ведут спор — Амалия Ризнич ли изображена на портрете. «Портрет неизвестной в восточном костюме» (так называется эта картина) был написан в 30-х годах прошлого века. А возлюбленная Пушкина скончалась в 1824 году. Двадцатичетырехлетний поэт увлекся красавицей итальянкой в пору одесской ссылки. Ей посвящены стихотворения «Простишь ли мне ревнивые мечты», «Под небом голубым страны своей родной...», «Для берегов отчизны дальной...». Несколько раз вспоминает он о ней и в «Евгении Онегине».

Итак, Амалия Ризнич! Кто она, откуда родом, почему у нее, итальянки, сербская фамилия? И наконец, робкая надежда, а вдруг все это имеет отношение к командиру «Святого Георгия»?

Еду в Москву, в Музей Пушкина, спрашиваю, нет ли в фондах чего-нибудь об Амалии Ризнич. Разумеется, есть. Мне предлагают посмотреть сборник пушкиноведческих материалов, выпущенный в 1927 году в Ленинграде. Открываю главу «Семья Ризнич» и переношусь в Одессу начала прошлого века. Сразу же становится ясным, что Амалия Ризнич, в девичестве — Рипп, итальянка из Флоренции, отходит в моих поисках на второй план, а вот муж ее, Иван Стефанович Ризнич, вполне годится в деды командиру «Святого Георгия». Но это еще надо доказать...

Иван Стефанович Ризнич родился в 1792 году в Триесте, где отец его, серб из Дубровника, держал торговую контору, перешедшую позже сыну Ивану. Молодой наследник вовсе не ограничивал круг своих интересов одной только коммерцией. Он учился в Падуанском и Берлинском университетах, знал несколько языков, имел хорошую библиотеку, увлекался театром и итальянской оперой.

Пожив некоторое время в Вене, молодой негоциант переезжает в 1822 году в Одессу, где основывает экспедиторскую контору по хлебному экспорту.

Энергичный, европейски образованный коммерсант очень скоро занимает в Одессе видное положение и не случайно привлекает внимание Пушкина, с которым даже состоит в переписке. Пушкинисты считают, что образ Ивана Ризнича навеял поэту стихотворные строки:

Дитя расчета и отваги,
Идет купец взглянуть на флаги,
Проведать, шлют ли небеса
Ему знакомы паруса?
Какие новые товары
Вступили нынче в карантин?
Пришли ли бочки жданных вин?
И что чума? И где пожары?
И нет ли голода, войны,
Или подобной новизны?

Двадцатилетняя красавица итальянка родила ему сына Стефана, который скончался в годовалом возрасте. Заболев чахоткой, Амалия Ризнич уезжает на родину, в Италию, где вскоре умирает.

Три года Иван Стефанович живет один, уходит с головой в служебные дела. За добросовестные услуги Русскому государству его награждают орденом Владимира IV степени. Однако сердце его принадлежит сербскому народу, страдающему под турецким игом. В 1826 году Ризнич издает на свои средства в Лейпциге книгу стихов прогрессивных поэтов-соотечественников.

В 1827 году Иван Стефанович вступает во второй брак — берет в жены графиню Полину Ржевусскую, сестру небезызвестной Эвелины Ганской, ставшей впоследствии женой Бальзака. Новобрачные переезжают из Одессы в имение графини под Киевом, в село Гопчица. Здесь Ризнич строит для местных крестьян церковь и приходское училище. Деятельный, предприимчивый эмигрант принимает русское подданство, хлопочет о дворянстве и получает его вместе с чином статского советника и должностью старшего директора киевской конторы Коммерческого банка.

Вторая жена принесла Ризничу двух дочерей и трех сыновей. Самый младший — Иван — родился в Киеве в 1841 году. Вот он-то, надо полагать, и стал отцом Ризнича-подводника. Не хватает лишь маленького звена — даты и места рождения командира «Святого Георгия». Узнать это можно только в Ленинграде — в Центральном государственном архиве ВМФ СССР...

Продается подводная лодка...

Старинное здание Центрального государственного архива ВМФ СССР высится по левую руку от Зимнего дворца, и то, что оно расположено в самом сердце бывшей столицы — на Дворцовой площади, сразу же настраивает на торжественный лад. С благоговением поднимаюсь по чугунным высокосводным лестницам. Дверь читального зала тяжела, будто снята с боевой рубки линкора. Здесь, в этом доме, обращенном к вечности, спрессована история российского флота. Здесь, в шелесте бумаг, оживают раскаты давным-давно отгремевших залпов, встают тени великих флотоводцев и безвестных моряков, подают голоса мертвые ныне корабли, их усопшие командиры и умолкнувшие радиопередатчики... Здесь распахиваются некогда секретные досье с государственными и военными тайнами. И кто знает, сколько тайн и неожиданных открытий погребено пока в неразобранных архивных папках и связках... Во всяком случае история подводной лодки «Святой Георгий» приоткрылась мне с почти исчерпывающей полнотой. Я прочитал ее, как остросюжетную пьесу, с замиранием сердца.

В мае 1914 года был заключен «контракт с обществом «Фиат — Сан Джорджио» о постройке в Специи подводной лодки в 252 тонны водоизмещения». Фирма обязывалась после окончания приемки корабля доставить его в Севастополь. Эта оговорка имела впоследствии решающее значение для судьбы подводной лодки.

Контракт предусматривал основные тактико-технические дан-

ные корабля: водоизмещение надводное — 252 тонны, подводное — 305 тонн.

В экипаж входили два офицера, четыре унтер-офицера, десять «нижних чинов».

За две недели до начала войны начальнику второй части подводного плавания Главного управления кораблестроения вручили телеграмму от начальника Генмора с пометкой «Весьма срочно»:

«Морской генеральный штаб ввиду возникших политических осложнений просит Ваше превосходительство принять меры к немедленному переводу покупаемой у завода «Фиат» подводной лодки в один из ближайших французских портов впредь до выяснения положения».

26 июля 1914 года начальник Генмора вице-адмирал Русин получил от морского агента в Риме Дмитриева шифрограмму:

«...Исполнить приказание нельзя, так как выход из Специи совершенно закрыт, завод «Фиат» описан властями, подводным лодкам не разрешено погружаться даже в гавани».

28 августа 1914 года Русин отдал морскому агенту телеграфное распоряжение:

«Оставить лодку до конца войны в Италии. Никакой денежной платы до окончания приема лодки произведено не будет».

4 сентября 1914 года морской агент Дмитриев уведомил морского министра телеграммой: «Завод «Фиат» согласен на предъявленные требования хранить лодку до конца войны».

Но уже на другой день — 5 сентября — начальник Генмора получил из Бордо экстренную телеграмму:

«Командир порта Аяччио сообщил Морскому министерству: подводная лодка, заказанная Россией заводу «Фиат», похищена итальянским мичманом запаса Анжелло Беллони без ведома фирмы и правительства, чтобы идти сражаться в Адриатическое море под флагом России или союзной державы, пожелающей ее купить. Подводная лодка, совершенно готовая, со сдаточной командой пришла под коммерческим флагом на Корсику, чтобы уведомить русское и французское правительства о своем поступке. Подводная лодка идет на Мальту ожидать решения России и в случае отказа всех союзников будет возвращена заводу. Прошу сообщить русскому правительству и просить его ответа. Дмитриев».

24 сентября Дмитриев докладывает начальнику Генмора: «Французское правительство арестовало подводную лодку в Аяччио. Французский посол заявил, что она будет возвращена строителям...»

Чувствуя, что подводная лодка уплывает, что называется, из рук, чины Генмора решаются на авантюрный шаг, смысл которого изложен в «Служебной записке» без подписи, но, судя по почерку, принадлежавшей перу вице-адмирала Русина:

«Морской генеральный штаб опасается, что если подводная лодка «Фиат» будет возвращена в Италию, то она может попасть Турции или нашим неприятелям, ввиду этого желательно принять всяческие меры, чтобы задержать подводную лодку во Франции.

Морское министерство вошло в переговоры с представителем «Фиата», чтобы уплатить ему, как бы задним числом, задаток...»

1 октября 1914 года последовало прямое указание начальника Генмора Русина своему агенту в Италии Врангелю:

«...Предлагаю Вам переговорить доверительно с «Фиатом», что Морское министерство готово уплатить 40 000 франков в виде задатка за лодку. Деньги будут внесены представителю фирмы в Петрограде Асвадурову условным депозитом на его имя. «Фиат», получив телеграмму о взносе Асвадурова, должен выдать Вам временную расписку о получении денег задним числом до войны в счет следуемой по контракту суммы... Позаботьтесь, чтобы форма расписки была такова, чтобы ее можно было предъявить французскому суду. Если лодка будет присуждена, будет послана команда для приема лодки, после чего «Фиат» получит остальные деньги».

Однако авантюра с Асвадуровым и французским гражданским судом не удалась. Лишь в конце 1916 года появилась реальная возможность заполучить итальянскую субмарину. И тогда же было принято решение перегнать лодку на Русский Север, поскольку там еще летом 1915 года появились немецкие мины.

Учитывая эту опасность, Генмор 5 августа 1915 года перебросил из Вологды в Архангельск для охраны Беломорья две подводные лодки — «Дельфин» и № 2. Теперь перебрасывалась третья.

«4 декабря 1916 года

Секретно

Справка морскому министру

Морской генеральный штаб полагал бы желательным вышеупомянутую подводную лодку по приемке ее отправить с нашим уже личным составом на Север для защиты Кольского залива.

Для осуществления этой операции представляется наиболее желательным назначение командиром лодки № 1 старшего лейтенанта Ризнича».

Резолюция морского министра: «Согласен».

В один прекрасный день дежурная сотрудница архива положила на стол две тоненькие папки: вахтенный журнал подводной лодки «Святой Георгий» и послужной список старшего лейтенанта Ризнича.

Жадно листаю личное дело командира «Святого Георгия» — фотографии нет, как нет ее в архиве вообще. Скупые анкетные данные. Первым делом ищу сведения о рождении. Вот они! «Ризнич Иван Иванович, из дворян Киевской губернии, православный, родился 19 января 1878 года». Все сходится! И отцу его в год рождения сына было 37 лет. Выходило, что командир «Святого Георгия» вел свой род от пушкинского Ризнича и что он в самом деле приходился внучатым племянником великому французскому романисту.

Испытываю почти физическое блаженство оттого, что круг замкнулся. Кажется, уже третий круг в розысках по делу «Святого Георгия».

Читаю «Послужной список» дальше: «Окончил Морской кадетский корпус. Действительная служба началась в 1895 году в Черноморском флотском экипаже. Через четыре года —

Елизавета Сумлёнова
«СОЛНЕЧНЫЙ АРХИПЕЛАГ — ФИЛИППИНЫ»
Фотоочерк

В деловом центре Манилы — Макати

Памятник народной героине Габриэле Силанг

У памятника Хосе Рисалю

Павильон советской выставки в Маниле

В «деревне» миллионеров Форбс-парке

Гости на свадьбе в «испанском» наряде

Буйвол да соха — помощники крестьян

Мусульманка
с острова Минданао

Игра в кости

Грузчики

Цветочный базар
в Маниле

С «ветерком» на буйволе

Здесь погиб Магеллан

Фрагмент храма в Себу

►

На празднике аборигенов ати-ати

Ручное ткачество — традиционное ремесло

Свайная хижина

Слушатель военной академии в Багио

Танцовщица с острова Сулу

Скоро рождество

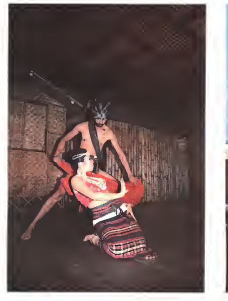
Скала «Лев»
у въезда в Багио

Резчики по дереву
в игоротской деревне

Танец
народности ифугао

«Рыбак» —
скульптурное украшение
храма

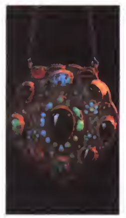
«Вернисаж» на улице



Ирина Стин
«ИСКУССТВО НАРОДНЫХ УМЕЛЬЦЕВ ДАГЕСТАНА»
Фотоочерк

Старинные украшения, созданные руками дагестанских мастеров, передаются из поколения в поколение

В семейном музее



Сосуды, с которыми женщины идут за водой, работы мастеров аула Кубачи

Народные украшения (кубачинская работа XIX века)

Коньячный набор (Унцукуль)

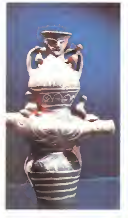
Унцукуль — селение, которое славится искусством серебряной насечки на дереве.
Мастерица за работой

Блюдо.
Серебро, золочение, чернь (Кубачи)

Дербент.
Ковровый базар у стен древней крепости

Балхар.
Образцы сосудов, выполненных в традиционных формах

С древних времен аул Балхар славится изделиями из глины.
Дети с раннего возраста постигают это древнее искусство



Мастер за работой

Художник и его кувшин (Балхар)

Работа балхарских мастеров

Ступка и блюдо (Унцукуль)

К очерку
Виктора Ярошенко
и Александра Гаврилюка
«ПАМИР»

Восточный Памир.
Пейзаж

Пик Лукницкого

Пик Парашютистов

Река Бартанг

Пещерный город
у кишлака Вараш

Ботанический сад
в городе Хороге

Стрижка овец в Язгулеме

Таджики долины Ванча

У горного кишлака
►

вахтенный начальиик на эскадреиом броненосце «Синоп», затем ревизор иа минном крейсере «Гридеиь», ревизор и водолазный офицер на крейсере 1-го ранга «Память Меркурия».

В 1902 году — помощник иачальиика Водолазной школы.

В русско-японскую войну «за труды по обстоятельствам военного времени» награждеи орденом св. Анны III степени и светлобронзовой медалью «В память 200-летия Гангутской победы».

Молодой офицер тянется к зианиям, посещает лекции Военно-юридической академии.

В декабре 1907 года Ризнич круто меняет службу — переходит в только что создаиный отряд подводного плавания. Очень скоро ои становится опытнейшим подводником: командует поочередно подводными лодками «Щука», «Лосось», «Белуга», «Стерлядь» и даже времеино исполняет дела начальника отряда подводиого плавания.

Как отмечал в служебной аттестации Ризнича командир 8-го флотского экипажа, «в службе сего офицера не было обстоятельств, лишающих права на получение знака отличия беспорочной службы». Тем не менее 3 июля 1908 года Ризнич был уволен в запас. Почему?

Ответить на этот вопрос помогла Центральная военно-морская библиотека. Во-первых, разыскал здесь полемическую брошюру самого Ризнича «Ответ сомиевающимся в пользе подводиых лодок» и еще печатный доклад «Совремеииые подводные лодки в морской войне». Еще в 1908 году Ризнич прозорливо писал: «Подводное дело, утверждаю, стало на ноги; и в будущей войне более людей пострадает от иих (подводных лодок.— *Н. Ч.*), чем на них от надводных судов». «Верно сравнивают положение эскадры, атакующей берег, где есть подводиые лодки, с положеиием человека, попавшего в комнату, полиую змей. Но и то положеиие человека лучше, чем положение эскадры, так как он видит этих змей, но оно было бы много тяжелее, если бы он еще их не видел». «Подводная лодка при сравиительно мелких иедостатках обладает настолько крупными достоинствами, как иеуязвимость и невидимость, что иужио ее считать необходимой для морской войны в большиистве случаев... Для пользы России остается только пожелать процветания этого дела, которое даст ей... спокойное чувство за собственную безопасность».

Во-вторых, иашел кое-что о Ризиче в книге Н. Португалова «После Цусимы» — сбориике публицистических статей о проблемах русского флота, изданиом в 1910 году. Фамилия Ризнич упоминается в ием много раз и всегда с превосходными эпитетами — «светлый гений русского флота», «пиоиер русского подводиого плавания», «патриот отечествениого флота».

Перелистав морские журиалы начала века, легко было убедиться в том, что Ризнич своими острыми статьями, лекциями и книгами приобрел известность еще в предвоеииые годы. Ои не побоялся выступить с резкой критикой Морского министерства, сделавшего ставку в судостроительной программе на устаревшие линейно-броненосные корабли. Ему этого не простили и постарались побыстрее уволить в запас. Целых шесть лет бывший морской офицер, опытнейший специалист подводного плавания был не у дел,

влачил полуголодное существование, но отстаивал «идею мощного подводного флота России».

С началом первой мировой войны лейтенант Ризнич по общей мобилизации был призван на Балтику. Назначая его на «Святой Георгий», этот почти обреченный корабль, Морской генеральный штаб явно надеялся избавиться от вольнодумца благовидным путем.

Тем не менее Ризнич с энтузиазмом взялся за подготовку корабля и экипажа к опасному походу. «Не скрывая трудностей похода,— писал он в докладной записке,— я считаю их вполне одолимыми...»

Свои слова он доказал делом.

Поход

В сентябре 1916 года германское командование направило в Северный Ледовитый океан флотилию подводных лодок. Восемь субмарин развернули самый настоящий террор: за десять дней они пустили ко дну четырнадцать русских и союзных транспортов.

Но уже собирала свои силы флотилия Северного Ледовитого океана. И уже шли из далекого Владивостока через три океана в четвертый выкупленные у японцев эскадренные броненосцы «Полтава», «Пересвет», крейсер «Варяг»... Спешил из Средиземного моря и крейсер «Аскольд». Дымились буксы у железнодорожной платформы под тяжестью подводной лодки «Дельфин», которую сопровождал из Владивостока в Архангельск будущий вахтенный начальник «Святого Георгия» подпоручик по Адмиралтейству Михаил Мычелкин.

Флотилия стягивала свое боевое ядро. Ни одна страна не собирала свои корабли к бою на таком пространстве. Долог и опасен был путь на Север.

Не всем удалось добраться до скалистых берегов Мурмана. На выходе из Порт-Саида наскочил на германскую мину и взорвался «Пересвет»...

Самым малым кораблем, добиравшимся на Север, была подводная лодка «Святой Георгий».

...Старый вахтенный журнал. Пожелтевшие разграфленные страницы, каллиграфический бег пера и следы от капель соленой морской влаги:

«7-го мая 1917 г., воскресенье, г. Специя.

11.30. На строившейся в Италии, в городе Специя, на заводе «Фиат — Сан Джорджио» лодке подняты флаг, гюйс и вымпел. Лодка начала кампанию.

Освящение лодки и флага произвел приехавший из Рима священник при Российском в Италии посольстве архимандрит Симеон в присутствии российских консулов из Флоренции и Сицилии, главного командира гавани Специя вице-адмирала Кани, администрации завода и офицеров лодок, строящихся для Испании и Португалии.

Из Специи.

Вторник, 20 июня.

7.00. Погрузили на конвоир — итальянский вооруженный паро-

ход «Равенна» — офицерский багаж; команда окончательно перешла из занимаемого на заводе помещения на лодку.

8.25. Вышли в бухту на погружение и дальнейшее следование с конвоиром «Равенна» в Геную.

16.30. Стали на правый якорь в порту г. Генуя около завода «Ансальдо», пришвартовались кормой к стене.

Лейтенант барон Ропп-1-й».

Записи в вахтенном журнале вел старший офицер подводной лодки — лейтенант барон Ропп-1-й. Несмотря на отрывочность заносимых в журнал сведений о походе, обстоятельства опасного плавания прорисовываются весьма отчетливо.

В Генуе «Святой Георгий» получил первое боевое задание: отконвоировать в Гибралтар вместе с французским эсминцем и подводной лодкой восемь союзных транспортов. 18 июня 1917 года Ризнич вышел из Генуи в охранении каравана. Этим рейсом начинался долгий путь домой...

О том, в каких условиях протекало четырехмесячное океанское плавание, можно судить по свидетельству одного из подводников той поры:

«Даже в холодные зимние дни в отсеках не могло быть искусственной теплоты, так как драгоценное электричество не могло быть выделено для обогрева, и температура внутри лодки была температурой воды, в которой она плавала. Спертый воздух, насыщенный маслом от работающих машин, запахом камбуза, необходимость хода целые дни без ванны и даже без умывания — все это было слишком неудобно. Корабль постоянно качало, и некоторое число команды, даже испытанных людей, часто болело морской болезнью. Постоянная качка делала почти невозможным стоять или спать, и хотя бедный моряк мог бы выспаться, но качка выбрасывала его из койки на палубу. Едва можно было писать (слишком холодно) и читать, так как было мало света и главным образом потому, что от качки глаза не могли держать в фокусе написанное.

Но наиболее раздражающим явлением в жизни подводной лодки была сырость. Над матросом, лежавшим на койке, зачастую капала вода, подобно дождю.

Несколько часов плавания под водой приводили к тому, что умственное состояние определялось как «обалдевание». Но физические страдания почти ничто по сравнению с мыслью, что лодка в любую минуту могла натолкнуться на германские мины».

«Святой Георгий» отправился в плавание в самый разгар подводной войны. В феврале 1917 года Гинденбург и Людендорф настояли на том, чтобы Германия начала неограниченные действия подводных лодок. Атлантика кишела немецкими субмаринами. То была последняя и потому особенно яростная попытка задушить Англию кольцом морской блокады.

Караван, который сопровождал «Святой Георгий», шел в Гибралтар, прижимаясь к побережью Франции, держась подальше от некогда бойких главных морских трасс Средиземноморья.

Справа по борту оставались роскошнейшие европейские курорты — Ривьера, Ницца... Немыслимо голубое летнее море меньше всего походило на «театр военных действий».

Вечером 21 июня моряки каравана наблюдали лунное затме-

ние. Штурман Ропп записал в вахтенный журнал с прилежностью астронома: «19.16. Началось лунное затмение.

Четверг. 1.30. Луна очистилась».

Подводники — люди, склонные к поиску предзнаменований,— толковали, добро или беду сулит затмение светила. На другой день выяснилось, что беду. Неподалеку от Картахены на «Святой Георгий» вдруг ринулся испанский крейсер с явным намерением протаранить лодку. Пришлось срочно погружаться и уходить на безопасную глубину. То ли испанец ошибся, то ли имел злой умысел — гадать было некогда...

25 июня караван благополучно добрался до гибралтарской скалы. Оттуда «Святой Георгий», не обремененный конвойной службой, двинулся налегке. Однако едва они миновали пролив и вышли в Атлантику, как на лодку обрушились беда за бедой. Сначала вышел из строя мотор-генератор гирокомпаса. Затем налетел шторм, да такой, что нечего было и думать о починке путеводного прибора.

«17 июля 1917 г. Вышли из Гибралтара.

Зайдя на мыс Сан-Висенти, встретили свежий nord, зыбь крупная, сильно заливает. Подводная лодка принимает много воды».

Можно себе только представить, сколько драматизма скрыто за этой скупой строкой. Ведь именно так, «принимая много воды», погиб в осенний шторм броненосец «Русалка». Имя этого корабля, затонувшего на Балтике в 1893 году, прогремело на всю Россию. Из 177 матросов и офицеров не спасся никто. В ревельском парке Кадриорг на пожертвования народа был сооружен прекрасный памятник. Всякий раз, когда погибал в море корабль, к подножию монумента приносили венки.

Незадолго перед выходом «Святого Георгия» в свое отчаянное плавание постамент «Русалки» был снова завален живыми цветами. На траурных лентах поблескивало имя подводной лодки «Барс», без вести пропавшей в боевом походе. «Барсом» командовал опытнейший подводник — однокашник Ризнича по Морскому корпусу и Учебному отряду подплава старлейт Н. Ильинский. Большая, новейшая по тому времени подводная лодка исчезла в глубинах Балтики. Малая, прибрежного плавания субмарина штурмовала океан. Легко могло статься, что рядом с венками экипажу «Барса» положили бы свежие погребальные гирлянды. Но Ризнич вывел «Святой Георгий» из штормовой полосы и благополучно привел его в Лиссабон.

«19 июля 1917 г. Стали на бочку на рейде г. Лиссабон. Перебирали и сушили моторы, перископы, залитые соленой водой».

В Лиссабоне команду ждал отдых перед самым опасным участком маршрута — переходом в Англию. Пути к Британским островам были густо усеяны германскими минами, перекрыты кайзеровскими подводными лодками. Число их на позициях превышало порой три десятка.

Португальцы приняли русских подводников радушно: приготовили баню, сводили на бой быков. Коррида Ризничу и его спутникам не понравилась. И без того много крови лилось на полях Европы.

Пять суток прорывался «Святой Георгий» через коварный

Бискай в Англию. Сто двадцать тревожнейших бессонных часов. И в любую секунду под бортом мог грянуть взрыв мины, торпеды...

Им везло. Командир немецкой подлодки промахнулся. Торпеда, выпущенная им по «Святому Георгию», прошла по корме. Ризнич записал в вахтенный журнал: «20 августа 1917 года. Вышли из Плимута в Скапа-Флоу. Около мыса Уред мина прошла между тральщиком с запасными вещами, шедшим сзади нас, и нами, причем ее видели шкипер тральщика, рулевой и комендор».

24 августа, оставив главную базу британского флота, «Святой Георгий» двинулся вдоль Скандинавии к родным берегам. Но Северный Ледовитый океан уже вздымал осенние штормы.

Мне довелось видеть подводную лодку, попавшую в хороший циклон. Стальные листы легкого корпуса были смяты в гармошку, из прорех торчали вывернутые волнами баллоны воздуха высокого давления...

У мыса Нордкап «Святой Георгий» попал в шторм похлеще, чем на выходе из Гибралтара. Стоять на мостике было невозможно: валы перекатывались через рубку, и Ризнич приказал задраить все люки. Дизель остановили, ему не хватало воздуха. Всю ночь лодка держалась против волны, выгребая на малых оборотах под электромотором. Потом, в Архангельске, подводники отмечали эту ночь как свое второе рождение. А тогда, в бушующем Норвежском море, кое-кто из команды уже начал переодеваться в чистое — посмертное — белье.

Конструктор лодки немало бы удивился, узнав, что его маленький «Фиат» выдержал океанские шквалы. Наверное, он с удовольствием пожал бы руку отважному командиру. Но это сделали за него соотечественники Ризнича — архангелогородцы, высыпавшие ясным сентябрьским утром встречать «Святой Георгий» под марши духового оркестра и перезвон соборных колоколов.

9 сентября 1917 года командир лодки доносил командующему флотилией Северного Ледовитого океана:

«Рапорт

Доношу Вам, г. Адмирал, что сего числа с вверенной мне командой прибыл из Специи и ходатайствую о зачислении ее в дивизион подводных лодок особого назначения с 1.IX.1917 г.

При сем доношу, что нам пришлось все время прорывать блокируемые лодками зоны и проходить вблизи минных полей неприятеля, выдерживать жесточайшие погоды, как-то у Сан-Висенти и Нордкапа, конвоировать суда, не потеряв ни одного, что в настоящее время считается чрезвычайно редким в Средиземном море.

Список личного состава лодки на обороте сего прилагается.

Старший лейтенант Ризнич»

В приказе по флоту и морскому ведомству морской министр контр-адмирал Д. Н. Вердеревский отмечал:

«Этот блестящий, исключительный по условиям плавания переход лодкою малого водоизмещения в осеннее время св. 5000 миль через ряд зон расположения германских подводных лодок, минных заграждений и т. п. наглядно показывает, что офицерам и матросам, сплоченным взаимным уважением и пре-

данным своему делу, не страшны не только поставленные врагом всевозможные преграды, но и сама стихия... Родина вправе будет гордиться беспримерным в истории подводного плавания переходом подводной лодки малого водоизмещения из Италии в Архангельск».

Старший лейтенант Ризнич был произведен в капитаны второго ранга и награжден орденом Владимира IV степени с мечами и бантом.

Вахтенный журнал «Святого Георгия» обрывается в ноябре 1917 года. Из последней записи можно понять, что лодка стоит на ремонте в Архангельске, что запчасти в портовых амбарах Соловецкого монастыря растащены, что обогревный пар на корабль подавать перестали... А через три месяца «Святой Георгий» вступил в самую бурную пору своей жизни. 17 февраля 1918 года его экипаж перешел на сторону Советской власти.

Моторный унтер-офицер 2-й статьи Илларион Кузьмичев был выдвинут членом Центрального комитета флотилии Северного Ледовитого океана. А моторист Яков Ужакло стал в годы гражданской войны комиссаром службы связи Белого моря в Совете комиссаров флотилии.

Всего лишь полгода развевался над кораблем андреевский флаг. Семь лет «Святой Георгий», переименованный в «Коммунар», нес службу в Рабоче-Крестьянском Красном Флоте.

В августе 1918 года в Архангельск вступили английские интервенты. Многие корабли флотилии Северного Ледовитого океана были захвачены и уведены в Англию. Но «Коммунар» оставался верным присяге пролетарской республике. Экипаж увел подводную лодку вверх по Северной Двине, а затем, приведя ее в негодность, выбросил на отмель. Лишь с восстановлением Советской власти в Беломорье «Коммунар» снова вступил в строй. Правда, на этот раз как учебное судно. 5 июля 1924 года потрепанную в боях гражданской войны подводную лодку сдали в Архангельский порт. Имя «Святого Георгия»—«Коммунара» было исключено из корабельного списка. Из списка, но не из истории. Корпус разоруженной субмарины Экспедиция подводных работ особого назначения (ЭПРОН) использовала в качестве судоподъемного понтона. Какая необычная судьба у этой подводной лодки: вместо того чтобы топить корабли, она поднимала их со дна морского!

А вот следы кавторанга Ризнича безнадежно терялись в пореволюционном Архангельске. Можно только предположить, что он погиб в февральские дни 1918 года. Никаких сведений о нем в последующие годы нет...

Подпоручик с «Жемчуга»

Ближайшего соратника Ризнича—вахтенного начальника поручика по Адмиралтейству М. Мычелкина я и не искал, понимая, что вероятность напасть на его след почти равна нулю. То, что в один прекрасный день я взял в руки письма его дочери, было стопроцентной случайностью. Ольга Михайловна Косолапова, библиотекарь на пенсии, глубоко чтит память отца. Человек весьма энергичного характера, она ведет обширную переписку с

краеведами, историками-маринистами, потомками видных русских моряков.

Ольга Михайловна прислала мне открытки, отправленные отцом с борта «Святого Георгия». На них сохранились оттиски корабельного штемпеля с перевернутой буквой «я» в слове «святой». Видимо, штемпель изготавливал наспех перед самым отходом лодки итальянский гравер, который по привычке к латинскому «R» и перевернул букву. В глазах филателистов эта оплошность придает отпечаткам штемпеля особую ценность. Но для меня эти обтрепанные по краям открытки со скупыми заметками о походе «Святого Георгия» и вовсе не имели цены. На одной из них был изображен плотный офицер с подкрученными усами, в белом кителе и беловерхой фуражке — подпоручик Михаил Мычелкин, единственный из участников исторического похода, в чье лицо можно было заглянуть хотя бы на фотографии...

Ольга Михайловна Косолапова писала: «Я мало видела отца. Он часто бывал в плавании: только в 1912—1913 годах он побывал в Императорской гавани (ныне Совгавань), Гонконге, Шанхае... Но тем ярче запомнились дни, когда он бывал дома».

Из писем Косолаповой вставала колоритная фигура моряка-тихоокеанца. Бывший конторщик Михаил Мычелкин в русско-японскую войну был призван на флот. Во Владивостоке он увидел диковинные корабли — подводные лодки. Тогда они были окутаны воистину фантастическим ореолом. Во всяком случае в магазин силикатных товаров Михаил не вернулся. Остался служить на флоте кондуктором*. Много плавал. С началом первой мировой войны был произведен в офицеры, но не в мичманы (это звание присваивалось представителям флотской элиты), а в подпоручики по Адмиралтейству — сказалось недворянское происхождение.

«Мещанин города Соликамска,как записано в моих метриках,— вспоминает дочь,— окончивший пермское училище, куда ходил за 15 верст, неся сапоги на плече, всегда стремился к образованию. Мы получали по подписке энциклопедию Брокгауза и Ефрона, все 80 с лишним томов. Был у нас и шеститомник Пушкина под редакцией Венгерова, одно из лучших изданий, на котором воспитывались русские интеллигентные семьи. Отец научил меня читать...»

Война застала подпоручика Мычелкина на крейсере «Жемчуг» в малайском порту Пинанг. Утром 28 октября 1914 года «Жемчуг» был торпедирован германским рейдером «Эмден». Первая торпеда разорвалась в кормовой части корабля, вторая попала в нос и вызвала детонацию патронного погреба. «Жемчуг» затонул через несколько минут.

«Отец находился в каюте,— вспоминает Ольга Михайловна,— когда корабль вздрогнул и погас свет от попадания торпеды, пущенной с «Эмдена». Он бросился к двери, но, как ни вертел ручку, дверь не открывалась. В коридоре слышались голоса, топот ног, корабль кренился, дверь заклинило. Папа бросился к

* Кондуктор — унтер-офицер сверхсрочной службы. Обычно это звание присваивалось после сдачи специальных экзаменов.

иллюминатору, просунул руку, плечи, голову, но грудная клетка не пролезала, застряла — ни туда ни сюда. От попадания второй торпеды взорвался патронный погреб, взрывная волна распахнула все двери, и застрявший в иллюминаторе человек вылетел, как пробка, ободрав до кости ребра.

Когда он очнулся, крейсера уже не было. Видно, отца выбросило далеко, и в воронку, возникшую на месте погружения, его не затянуло. Он плавал среди обломков, досок, ящиков. Его окликнули: «Миша, это ты?» Узнать кого-либо было трудно: все были облеплены черным мазутом...

Отец получил контузию, но окликал уцелевших, собирал их вместе, чтобы не уносило течением и отливом. Их заметило и подобрало английское судно».

Вот такого бывалого моряка и выбрал себе Ризнич в спутники по опасному плаванию. «Фотографию лодки в Специи,— читаю письмо дальше,— с надписью даты спуска «Святого Георгия» на воду и несколькими строчками, адресованными маме («Дорогая Оля, дети...»), с печатью «Просмотрено военной цензурой» я подарила Н. А. Залесскому*. Он очень обрадовался: «Этот снимок мне дороже всяких бриллиантов»».

«Об Иване Ивановиче Ризниче могу сказать только,— пишет Ольга Михайловна,— что отец относился к нему с большим уважением и даже симпатией. Я чувствовала это по голосу, когда он рассказывал о нем, перебирая фотографии. На одном из фото, наклеенном на картон, Ризнич запомнился мне таким: крепкий, основательный, похожий на украинца, с круглым смуглым лицом под козырьком фуражки.

Думаю, что отца потянуло на «Святой Георгий» не только из-за чувства воинского долга — надо! — но привлекала его и весьма притягательная личность командира Ризнича.

Как-то я спросила папу — хорошо ли жить на лодке? Он ответил: «Сыро». И добавил: «Резина мокрая. Душно»».

Вахтенный начальник «Святого Георгия» поручик по Адмиралтейству Михаил Алексеевич Мычелкин умер зимой 1918 года. Поехал к брату в Пермь и тяжело захворал грудью. Видимо, сказались ледяные вахты в последний месяц океанского перехода.

О судьбе штурмана «Святого Георгия» старшего лейтенанта Александра Роппа известно лишь то, что умер он в 1929 году, по всей вероятности, в Ленинграде.

А что же судьба командира «Святого Георгия»? Увы, документальных сведений о ней пока нет. Правда, за годы поисков у меня составилась целая коллекция версий на этот счет, предположений, мнений... Почти все они сходятся на том, что капитан второго ранга Ризнич не погиб в восемнадцатом году в Архангельске...

Интересное письмо пришло из Владивостока от Георгия Николаевича Егорова. Он записал по памяти рассказ покойного отца-моряка: «В 1922 году белогвардейский адмирал Старк, покидая

---

* Н. А. Залесский — ленинградский знаток истории флота, профессор Военно-морской академии, собиратель крупнейшей в стране коллекции фотографий русских кораблей.

Владивосток, увел с собой многие суда Доброфлота. Эти пароходы оказались в различных иностранных портах Дальнего Востока; стояли они зачастую без экипажей и даже без охраны. Было предпринято несколько успешных попыток возвратить их во Владивосток с помощью специально подобранных команд.

Летом 23-го года мой отец в составе одной из таких команд прибыл в Шанхай. В день захвата белогвардейского парохода наши моряки рассредоточились и разными путями стали пробираться к судну. Однако захват не состоялся — командир не прибыл в назначенное место.

Позже выяснилось, что в городе его узнал кто-то из бывших сослуживцев-офицеров, схватили, обнаружили под кителем красный судовой флаг и расстреляли. О командире отец рассказывал, что он был офицером царского флота, который угнал из Орана в Россию подводную лодку. Быть может, это был не угон, а перегон, и не из Орана, а из Специи? Если так, то тогда командиром группы захвата был не кто иной, как кавторанг Ризнич».

Флотописец из Иванова

Всякому, кто шел по следу, знакомо чувство безнадежного тупика. Потеряны все нити — ни вправо, ни влево... Где искать дальше, когда молчат архивы, музеи, библиотеки, когда опрошены все знакомые, кто хоть как-то связан с историей флота.

Да и что я ищу — песчинку в океане прошлого. Конец 1917 года не способствовал аккуратному подшиванию бумаг. Великая ломка. Гражданская война. Интервенция. Разруха. Развеянные архивы.

На стыке двух эпох бесследно исчез маленький экипаж малого корабля.

Глубина времен беспощаднее глубины океана. Моря хранят в своих недрах корабли, документы, сокровища... Время развеивает все в прах.

— Читал я где-то про твоего Ризнича! — звонит приятель.— Оказывается, он воевал в русско-японскую и изобрел миномет.

Расспрашиваю, где читал, когда...

— Кажется, в каком-то журнале для изобретателей. В конце прошлого года.

Еду в редакцию журнала «Изобретатель и рационализатор», с любезного разрешения сотрудников роюсь в годовых подшивках. Есть! Вот эта статья — «Тайна изобретателя миномета». Но речь в ней шла о другом русском подводнике — мичмане Сергее Николаевиче Власьеве, талантливом изобретателе, отважном офицере, командире подводных лодок «Макрель» и «Акула». Судьба Власьева, впоследствии кавторанга, по-своему героична и загадочна. И ею занимался некто Алебастров из города Иваново. Но он же упоминал в своей статье и о Ризниче, ибо командир «Святого Георгия», судя по всему, был хорошо знаком с товарищем по оружию Сергеем Власьевым.

«В те годы,— пишет Алебастров,— на подводников смотрели как на «смертников». Когда зашла речь о прибавке содержания

подводникам, морской министр адмирал Бирилев цинично заявил: «Прибавить можно... Все равно они все скоро перетонут...» О будущем флота подводного тогда шли ожесточенные споры... Известный военно-морской теоретик А. Д. Бубнов утверждал: «В открытом море подводные лодки не имеют никакого боевого значения». А недоброй памяти адмирал Колчак вообще не находил места подводным лодкам в составе флота! На защиту подводного флота выступили молодые офицеры — лейтенант Ризнич, Тьедер, Власьев, Кржижановский, Подгорный. «Подводники — это моряки будущего!» — прозорливо восклицал М. М. Тьедер. «Морское могущество России неизбежно сопряжено с развитием подводного флота»,— утверждал С. Н. Власьев.

Царизм решил дискуссию просто: «главари» Ризнич и Тьедер были изгнаны с флота».

Пишу Алебастрову письмо, и вскоре приходит ответ, из которого заключаю, что имею дело с превеликим энтузиастом и знатоком истории отечественного флота. Игорь Сергеевич Алебастров, школьный учитель, пенсионер, вот уже много лет собирает материалы о зачинателях русского подводного плавания; он переписывается со старыми моряками, изучает подшивки давно исчезнувших газет, разыскивает родственников своих героев и время от времени публикует результаты бескорыстных изысканий на страницах не самых популярных журналов. Он поразил меня осведомленностью в «делах минувших дней», знанием истории флота, наконец, просто задором, с каким старался стирать «белые пятна» морских хроник, вызволять из небытия имена людей, забытых незаслуженно...

Какое счастье, что не перевелись еще подвижники! Один такой горячий любитель с успехом заменит иную дюжину полусонных профессионалов, вникающих в дело по долгу службы.

Этот человек, которого я ни разу не видел, а только слышал по телефону да разбирал строчки его взволнованных посланий, воодушевил меня на новые поиски, заставил бросить все и поехать в Архангельск — город, когда-то встречавший «Святой Георгий» громом оркестров и радостными возгласами.

Но прежде чем отправиться на Белое море, я побывал на берегах моря Московского. И вот там-то, в городе детства — Конакове, с легкой руки ивановского «флотописца» Алебастрова я нашел то, что так давно искал. Узнав, что я еду в волжский городок по домашним делам, Игорь Сергеевич воскликнул: «Ба! А почему бы вам не заглянуть к Борису Лемачко? У него крупнейшая в стране коллекция фотографий русских и советских кораблей. Запишите адрес...»

Борис Васильевич Лемачко, инженер-станкостроитель, ничуть не удивился моему визиту. К нему часто обращаются изобретатели, историки, коллекционеры, журналисты. В его собрании свыше 30 тысяч снимков, открыток с изображением линкоров, крейсеров, эсминцев, подлодок, тральщиков, пароходов, буксиров — всего того, что плавало за последние полтораста лет под флагом России и СССР. Увлечение юности — «открытки с кораблями» — стало теперь чуть ли не второй профессией Лемачко. Во всяком случае вот уже четверть века пополняет он свою коллекцию уникальными фотоматериалами.

В десятках альбомов, стоящих на полках этой небольшой квартиры, были сосредоточены давно исчезнувшие эскадры и флотилии. Дымили броненосцы и дредноуты, резали волну лихие эсминцы, бурунили перископы подводных лодок...

— «Святой Георгий»? — деловито осведомился Лемачко, и сердце мое сжалось: сейчас скажет: «Увы, ничем не смогу вас порадовать». Но что это? Он достает альбом, раскрывает на какой-то странице, кладет передо мной.

— Увы, у меня только две фотографии. И то прислали из Франции.

Жадно вглядываюсь в небольшие снимки. На одном запечатлена церемония первого подъема андреевского флага на «Святом Георгии» в Специйском порту. Хмурое майское утро. На причале люди под зонтами. Это чиновники завода «Фиат». Рабочие, докеры, судостроители стоят так, дождь их не пугает. За рубкой по правому борту выстроен небольшой экипаж. Бескозырки сняты. На корме матрос поднимает белое полотнище с косым синим крестом. С этой минуты подводная лодка «Сан Джорджио» — русский корабль «Святой Георгий».

Перед коротким фронтом экипажа, там, где положено быть командиру,— рослый офицер: широкий лоб, усы, прямой нос... Ризнич? Снимок мелкий, и черты лица читаются плохо.

На второй фотографии подводная лодка выходит из Специи. Клептоскопы подняты. На мостике рослый офицер в белом кителе. Это несомненно Ризнич, ибо никто, кроме него, командира, стоять там в такой момент не имел права. На лицо его — экая досада! — падает плотная тень. И все же это был Ризнич! Вот мы и встретились — не в Ливорно, не в Ленинграде, не в Кронштадте — на берегу Волги, под вековечный шум конаковских мачтовых сосен... Выходит, не такая уж это мистика — вызывать тени ушедших людей. Тень старшего лейтенанта Ризнича, застывшая на фотосеребре, стоит перед моими глазами. Надо только захотеть увидеть человека, и ты увидишь его, даже если его давно уже нет в живых...

Королевна

В Архангельск я прилетел в начале апреля. Северная Двина дремала подо льдом, по старинной набережной кружила метель. У здания Северного морского пароходства мужественно бил фонтан, перешибая поземку струями. Он утверждал весну на этой суровой земле.

Первые мои вылазки в краеведческий музей и областную библиотеку, где хранилась архангельская периодика 1917 года, принесли удручающие результаты. В роскошном и обширном музее первая мировая война была представлена маленьким стендом; сотрудники ровным счетом ничего не знали о героическом переходе «Святого Георгия» из Италии в Архангельск. В еще более фешенебельной библиотеке подшивки газет и журналов семнадцатого года оказались неполными, разрозненными.

В морском пароходстве я надеялся узнать адрес ветерана-портовика, который мог бы помнить встречу «Святого Георгия».

— Вот что,— сказали мне в пароходстве.— Загляните-ка вы к

Ксении Петровне Гемп. Ей девяносто два года, но у нее ясная память. Она хорошо знала Георгия Седова и даже провожала его «Святого Фоку» в последний рейс. Может быть, она знает что-то и о Ризниче.

Встретиться с Ксенией Петровной Гемп оказалось не так-то просто. Несмотря на возраст, она ведет такой деятельный образ жизни, что впору записываться к ней на прием. Будь это так, в длинном списке оказались бы краеведы и фольклористы, ботаники и журналисты, историки и геологи...

Пока я дожидался своей очереди, Ксения Петровна консультировала студенток местного медучилища по лечебным травам. Ее соседка, фармацевт Валентина Михайловна Бугрова, угощала меня чаем.

— Если бы вы знали, что это за человек!— восклицала Бугрова с тем неподдельным пафосом, с каким женщины редко говорят друг о друге.— Всю жизнь она прожила в Архангельске. Отец ее Петр Минейко был одним из первых гидроэнергетиков России, главным инженером по строительству портов Белого и Баренцева морей. Кстати, ГЭС на Соловецких островах это он строил.

Ксения была красавицей, она и сейчас красива. Это в девяносто-то два года!

Сказать, что она ботаник,— ничего не сказать. Она из породы последних энциклопедистов. Женщина-университет. Земля у нас такая холмогорская, что ли?! Судите сами. Она пешком исходила все Беломорье. Знает камни и травы, птиц и рыб края. Перевела на современный русский поморские лоции. Она читает древние славянские грамоты. Под ее редакцией только что вышел сборник «Былины Беломорья». Ее пускали в раскольничьи скиты, и староверы величали ее «королевной».

Она изучала водоросли Белого моря, пропагандировала их питательные свойства и даже добилась, чтобы в Архангельске начали выпекать лечебный хлеб с добавкой «морской травы». В семьдесят лет она погружалась в Белое море с аквалангом, чтобы изучить подводные нивы. Во время войны она пешком прошла по льду Ладоги и принесла в блокадный Ленинград мешок водорослевых спор. Она учила блокадников, как разводить водоросли и как готовить из них пищу.

Сын Ксении Петровны погиб под Сталинградом. Теперь у нее никого больше не осталось. Она одна. И не одна. У нее прекрасная библиотека. У нее всегда люди. Она работает ночи напролет. Ей некогда обедать. У нее на кухне нет кастрюль. Она питается, как студентка,— чаем и бутербродами. Мы, соседи, иногда приносим ей готовые обеды и заставляем есть почти силой. Она не от мира сего, но живет для людей. Она почетный гражданин Архангельска.

И вот я вступил наконец в книжное жилище Ксении Петровны Гемп. За столом, уставленным стопами фолиантов, папок, заваленным фотографиями и свитками карт, сидела худощавая седая женщина, похожая на одну из постаревших шекспировских королев. Услышав имя Ризнича, она грустно усмехнулась:

— Ну вот, хоть кто-то спросил меня про Ивана Ивановича!.. Как же мне его не знать! Я встречала «Святой Георгий» у Соборной пристани. Иван Иванович бывал у нас в доме... Целовал мне руку... Он хорошо пел, у него был чудный баритон. Любил веселье, добрую компанию. Высокий, слегка грузный, он держался уверенно, подтянуто. Он приглашал нас с отцом на лодку. Маленькая, изящная, с блестящими перископами... Мы прозвали ее «конфетка». Но боже, как же там тесно внутри! Я не представляю, как он там укладывался на крохотном своем диванчике... Это невероятно, что они прошли два океана. Как они радовались, что им удалось выйти из шторма возле Нордкапа... А еще «Святой Георгий» мы называли «литературной лодкой». Дело в том, что Иван Иванович всегда появлялся в сопровождении двух офицеров. Одного звали Грибоедовым, другой носил фамилию Лермонтов. Оба состояли в родстве со своими знаменитыми предками. Еще Ризнич был очень дружен со знаменитым полярным исследователем Борисом Андреевичем Вилькицким, тем самым, что совершил первое сквозное плавание по Северному морскому пути из Владивостока в наш город.

— А какова дальнейшая судьба Ризнича?

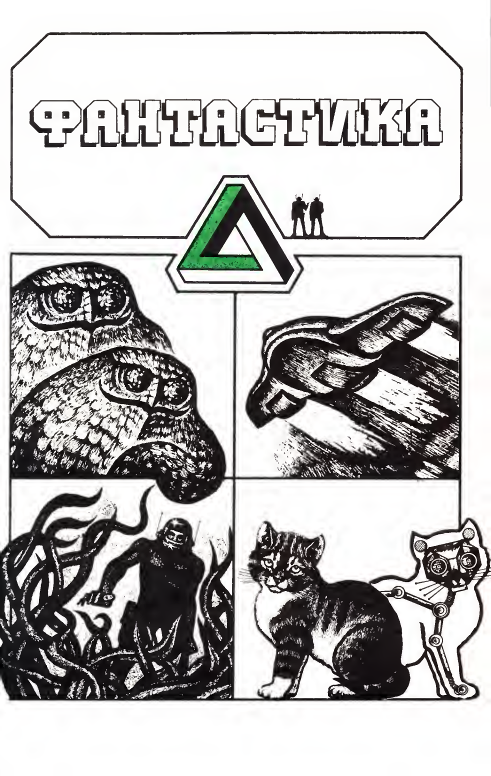
— До восемнадцатого года он был в Архангельске. Что с ним стало потом, мне не известно. Я бы и сама хотела узнать, где его могила. Он был прекрасным моряком и истинным патриотом.

Ксения Петровна устало откинулась на высокую спинку стула.

Она была родом из XIX столетия. Глядя на нее, слушая ее, зная о ней, думалось: «Век Бородина и декабристов, Пушкина и Достоевского, век, в котором вспыхнули искры самых гуманных идей, наделил одну из своих дочерей всем лучшим, чем славен был сам, и она сумела пронести этот прекрасный дар сквозь все вихри нашего времени, донести его нам, людям, стоящим на пороге века двадцать первого».

Гемп живет в каких-нибудь ста шагах от той пристани, где провожала в 1912-м судно Георгия Седова и встречала в 1917-м подводную лодку Ивана Ризнича. Пройдя по набережной мимо памятника Петру I, я вышел на площадку, сложенную из гранитных квадратов под высоким холмом. Это и была Соборная пристань, переименованная ныне в Красную. С трех сторон ее омывала Северная Двина. Если бы можно было прокрутить ленту реки вспять, как кинопленку, то сейчас бы вон там, из-за заснеженной излучины, показался черный струг подводной лодки с двумя блестящими клептоскопами, а колокола несохранившегося Троицкого собора грянули бы победную песнь первопроходцам.

Справа от Красной пристани стоял белый пароход «Аджигол» — флагман Детского морского пароходства. Слева вздымались желтые мачты шхуны «Запад», где курсанты старейшей в стране архангельской мореходки размещали музей своего двухсотпятидесятилетнего училища. Старая гранитная пристань готова была провожать новых Седовых и встречать новых Ризничей.


ФАНТАСТИКА

ФАНТАСТИКА

Борис Зубков

Одуванчик на планете Грин

НАУЧНО-ФАНТАСТИЧЕСКИЙ РАССКАЗ

Художник Е. КУЗНЕЦОВА

С гулом и пронзительным скрежетом вокруг них сомкнулась сизо-зеленая преграда.

— Они не трогают нас...

— Но пытаются изолировать. Вероятно, хотят разглядеть поближе? — полувопросительно произнес Доктор.

— Как птичку под стеклянным колпаком, — усмехнулся Инженер...

До планеты Грин они летели восемьдесят три миллиона восемьсот восемьдесят тысяч звездных минут, по земному измерению — семь с половиной лет...

Оглушительно всхлипнул взрыв. Звук был именно такой: всхлипывающий и одновременно резкий, не схожий ни с какими звуками земных взрывов. Тяжелый от жары воздух вздрогнул, сизо-зеленая стена задрожала.

— Это где-то близко к ракете, — встревоженно сказал Инженер.

Они замерли, прислушиваясь. Хаос звуков сливался в тревожный рокот. Почему их все время не покидает чувство тревоги?

Их корабль должен был облететь этот «рой» планет по дуге Большого Круга и лечь на обратный курс к Земле. Но комплекс электродинамической стабилизации начал давать сбои, и наконец Инженер признался, что отрегулировать его сумеет лишь тогда, когда динамические системы корабля переведут в положение «Ноль». Доктор заметил, что во времена его детства это называли проще — «вынужденная посадка». На том и порешили.

Планета Грин по гравитационным и другим параметрам казалась наиболее удобной и безопасной. Через пять часов эта планета потяжелела на двести тысяч тонн. Таков был вес

корабля, распределенный теперь на три амортизатора, каждый из которых толщиной с хорошую телебашню.

Планеты типа Грин вращались вокруг системы трех звезд, и поэтому на них царил вечный день. Понятие «ночь» было условным: экипаж обозначал им недолгие часы отдыха. Именно первая «ночь» ознаменовалась тем, что кто-то сдвинул с места «лапу» амортизатора. Корабль вздрогнул и отошел от вертикали на семнадцать градусов. Ни одно живое существо, если бы оно нашлось на планете, не смогло бы сдвинуть с места столь чудовищный груз — около семидесяти тысяч тонн приходилось на один амортизатор. Это походило бы на то, как если бы муха попыталась убрать с дороги ногу слона.

Рядом с передвинутым амортизатором из грунта выступала на поверхность цепочка красноватых пирамид. Никто сразу не обратил на них внимания. Пирамиды уходили в нагромождение таких же красно-рыжих игл, пирамид и ромбов, поваленных и обожженных струями ракетных двигателей. «Лапа» амортизатора пропахала в грунте глубокую борозду.

Инженер покачал головой.

— Они могли сломать шарнир, и тогда...

— Кто «они»? — спросил Командир.— Биоанализаторы отрицают существование жизни на Грине.

— Если бы мы еще точно знали, что такое здесь жизнь,— вздохнул Доктор.— Между силой тяжести на планете и размерами ее обитателей и силой их мускулов есть жесткая зависимость. Грин сходен с нашей планетой. Вы встречали на Земле живое существо, способное передвинуть семьдесят тысяч тонн? Может быть, просто грунт пополз?

— Никаких следов оползней. Амортизатор осторожно передвинули. Впечатление такое, будто это сделали рукой. Ведь любые механические захваты, крюки или канаты оставили бы следы на металле. А здесь — ни царапины...

— Инженер считает, что это дело рук, заметьте — рук! Живых существ. Может быть, они хотели поиграть нашим кораблем? Чего уж там, давайте высказывать и такие предположения...

— Они... они двигаются,— выдохнул Инженер. Он указывал на скопление красноватых пирамид и ромбов.

— Это кристаллы. Мертвые камни,— сухо сказал Командир.— Дважды мертвые: их оплавили и сожгли тормозные двигатели.

Действительно, красно-рыжие ромбы, иглы и пирамиды стояли недвижимо. Лишь воздух, нагретый раскаленными кристаллами, колыхался и таял в голубом свете тройной системы солнц. И все же все трое напряженно всматривались в красный хаос.

Прошла всего лишь минута звездного времени, и концы кристаллов дрогнули. Красно-рыжая груда колыхнулась, вздыбилась и опала, будто сама земля под ней вздохнула и выдохнула полной грудью. Трехметровые иглы, до того момента тесно слипшиеся друг с другом, теперь расходились в разные стороны, словно гигантские пальцы или костяшки веера. Все ожило вокруг. Блики голубого света соскочили с концов кристаллов и высвечивали их основания. Сминая иглы, стремительно росли и разбухали красно-рыжие пирамиды.

Вокруг корабля еще сохранилось пространство, свободное от

растущих пирамид, но, казалось, кристаллы перешли в наступление: они медленно изгибали концы игл, четко нацеливая их на корабль.

— Они чувствуют тепло корабля,— сказал Командир,— или запах металла, или... или нас.

— Это легко проверить,— ответил Доктор.

И раньше, чем кто-либо успел ему помешать, шагнул к частоколу игл. Он дотронулся рукой до ближайшей иглы. Эффект был потрясающим: игла отпрянула от Доктора, будто он рубанул по ней раскаленным мечом. Она съежилась, издала странный звук — не то скрип, не то шипение — и молниеносно скрылась под землей. Еще мгновение шевелилась воронка в почве, на том месте, где стояла игла, но и шевеление это быстро прекратилось. Ошеломленный Доктор, будто опьяненный своим успехом, распростер руки в стороны и коснулся сразу целого скопления игл. Все произошло так же, как в первый раз. Иглы всхлипнули или зашипели и стремительно ушли вниз.

— Вы плохо воспитаны, Доктор,— сурово сказал Командир.— Вы никогда не замечали музейных табличек «Руками не трогать»?

— Они боятся меня,— прошептал Доктор.

— Или кто-нибудь приводит в движение весь этот механизм,— пожал плечами Инженер.— Вам никогда не приходило в голову, что даже самый простой электромобиль можно принять за нечто живое: он движется, издает звуки, он теплый, наконец... Эй, Доктор, берегитесь!

Над самой головой Доктора со свистом пронзил воздух черный, обтекаемой формы предмет, похожий на гимнастическую булаву. Он, словно бумеранг, запущенный умелой рукой, сделал несколько кругов над зарослями красных кристаллов. Инженер взглянул вверх, ожидая появления новых летающих предметов.

— Похоже на то, что Доктора стараются рассмотреть со всех сторон и посылают для этого специальный летательный аппарат...

— На Грине нет разумной жизни,— сказал Командир.— Это доказано зондовыми ракетами... Ну, почти доказано. Мы не имеем права оставаться здесь для исследования этой проблемы. Наша задача — стартовать как можно скорее. Мы находимся в аварийном положении. Все попытки понять, что здесь происходит, неуместны и опасны. Необходимо оборудование и люди, знающие методы биологической разведки. Наша задача — стартовать.

И тогда Инженер нарочито тихо и очень спокойно сказал, что им все равно предстоит приятная необходимость познакомиться поближе с планетой Грин. Он уже успел проанализировать все случаи отказа комплекса электродинамической стабилизации и знает причину аварии. Необходимо отрегулировать магнитный контур. Крохотная деталь. Ее легко унести в нагрудном кармашке скафандра. Именно унести. За двадцать или, еще лучше, за тридцать километров от металлической махины корабля. Рядом с этой массой металла провести тонкую регулировку магнитного контура невозможно. Итак, хотят они того или не хотят, но маленькое путешествие неизбежно.

На корабле остался Командир.

Плотные заросли рыжих кристаллов обступали корабль со всех сторон, но люди надеялись, что каким-то непостижимым образом эта стена расступится, как только к ней прикоснется рука человека. Они были вооружены гамма-пистолетами, способными пробить брешь и не в таких преградах. Но им не пришлось прибегнуть к столь жестким мерам. Доктор удачно повторял свой рискованный опыт. От касания его рук иглы с тихим скрежетом уходили под землю. Через двадцать минут они удалились от корабля более чем на километр, и весь их путь отмечала неширокая просека, проделанная в красно-рыжей чаще руками Доктора.

Оба с тревогой ожидали, не признаваясь в том друг другу, что в любой момент иглы вновь появятся из-под земли, просека исчезнет и возвращение на корабль сильно осложнится. Потому с чувством облегчения они заметили, что рыжие заросли редеют, голубой свет тройного солнца кажется все ярче и наконец перед ними открылась полная света плоская равнина, уходящая за горизонт.

Равнина представляла собой ковер с правильным геометрическим узором золотисто-бурого цвета. Золотистые ячейки узора разделялись фиолетовыми полосами. Картина была удивительная: ковер, вытканный золотом по фиолетовому, и голубой свет, вливающий в узор почти осязаемое тепло!

— Красивое сооружение,— задумчиво сказал Инженер.

— «Сооружение»? Скорее похоже на гигантские растительные клетки...

— Такой правильной формы? Природа не знает стандартов. Это мы, инженеры, их придумали. Кстати, здесь удивительно знакомый запах...

— Запах?

— Да, странно знакомый. Особый запах, который, знаете, всегда ощущаешь в высоковольтной лаборатории. Его нельзя спутать. Запах электрических разрядов, озона, окислов азота, изоляции — все вместе. Доктор, я кажется понял, что перед нами. Смотрите...

Он отстегнул от пояса длинный металлический футляр с сигнальным термолокатором, высвободил его и бросил на багряно-золотистый ковер. Футляр легко заскользил по узорчатой плоскости и коснулся одной из фиолетовых линий. Раздался оглушительный треск, сверкнула молния, и, пробитый электрическими разрядами, искореженный, футляр взлетел высоко в воздух, упал, вновь извлекая фонтан электрических разрядов.

— Высоковольтная электрическая батарея колоссальной емкости. Даже стоять рядом опасно,— угрюмо сказал Инженер.— Мы должны найти другую дорогу.

Тридцать пять... сорок... сорок пять минут оперативного времени. Они шли вдоль нескончаемо длинной и однообразной стены рыжих кристаллов. И все же что-то неуловимо изменялось в окружающем их мире. Или это была всего лишь игра света и тени тройной системы голубых солнц? Нет, менялся, почти неразличимо на первый взгляд, облик и цвет рыже-красных игл и пирамид. Все чаще попадались такие, что потеряли свои строгие очертания. Их прямые и острые грани чуть оплывали, словно

таяли, текли и округлялись. И цвет — он тоже изменялся: красное темнело до черноты, но сквозь черноту начинало проглядывать зеленое и сизо-бурое. Стена сделала крутой поворот, открывая просторную поляну.

Мгновение они стояли молча и неподвижно. Зрелище, представшее перед ними, было необычно, даже величаво и торжественно. Высоко над головами, плавно колыхаясь в потоках нагретого воздуха, стояли заросли ослепительно оранжевых гигантских пушистых перьев. Они сливались в одно огромное кудрявое оранжевое облако. Казалось, оно плывет в небе, но потом взгляд находил множество тонких, чуть изогнутых и блестящих, словно металлических, ножек-стволов, на которых покоилось воздушное сооружение. Сооружение или произведение растительного мира? Наверное, можно было привести доводы в пользу обоих предположений. Но не это занимало умы людей. Они увидели... других людей. Среди тонких блестящих стволов неподвижно стояли двое.

На планете Грин, как, впрочем, и на всех других обследованных планетах этой системы, человек не обнаружил себе подобных. И вдруг... Двое стояли против двоих.

— Здесь люди,— хрипло прошептал Доктор в микрофон дубльсвязи. Его должен был услышать Командир, и на корабле эти слова немедленно запишут несколько дублирующих систем.— Их тоже двое. Они стоят неподвижно. Координаты встречи... один час ноль минут оперативного времени.

Раздался взрыв — и над головами с жужжанием и свистом пронеслись уже знакомые темные предметы, похожие на гимнастические булавы. Но теперь этих предметов было сотни, может быть тысячи. Темная жужжащая туча со свистом носилась в воздухе, будто выискивая, куда ей обрушиться.

— Нас обстреливают,— прошептал Доктор в микрофон.

— Спокойно, Доктор, спокойно,— недовольно сказал Инженер.— Не прибегайте к таким выражениям. Нас никто не трогает. И посмотрите, у тех двоих очень миролюбивый вид.

Черная свистящая туча спиралями ходила в воздухе, но витки спирали все расширялись, и туча постепенно удалялась, пока не превратилась в еле заметный черный ком, исчезнувший наконец за верхушками оранжевых перьев.

Они продолжали стоять друг против друга. Бездеятельность не могла продолжаться, становилась в тягость.

Не сговариваясь, посланцы Земли одновременно шагнули вперед. Инженер чуть отодвинул плечом Доктора, но тот еще более решительно двинулся навстречу неподвижным фигурам. Тех двоих трудно было разглядеть во всех подробностях: тонкие стволы перьев все же заслоняли их. На них было надето нечто напоминающее легкие скафандры, но только не бело-синие, как у землян, а сизо-зеленые, с неопределенными границами цвета.

Обитатели планеты Грин все еще не двигались. Спокойно ожидали приближения землян? Испугались? Выжидали, чтобы напасть? Могла быть тысяча предположений, но все они уже ничего не могли изменить: должен наступить момент контакта двух миров.

— Они совсем близко. Ничего не делают. До них несколько метров...

Исчезли и эти метры, последние.

Первым рассмеялся Инженер:

— Это... это мы... очень похоже. Вот вы, Доктор, а это я. Грубая работа, но похоже. Зеленые статуи нас самих. Двойники.

— Ногами они уходят в почву. Будто растения. Деревья, которые захотели стать похожими на людей? Зачем?

— Если вы, Доктор, видите бабочку, похожую на увядший лист, вы тоже спрашиваете у нее: зачем? У зеленых созданий есть какая-то внутренняя, непонятная нам причина копировать нас. Быть может, они хотели, чтобы мы удивились и подошли к ним поближе? Их цель достигнута. Вот мы рядом с ними. И да здравствует бесконечное разнообразие природы! Не будь ее, не стоило покидать Землю.

— Смотрите, Инженер, там... правее... еще пара зеленых двойников... и там...

— Если так будет продолжаться, очень скоро мы всю планету заселим своими изображениями. Но извините, Доктор, следует заняться делом. Чтобы отрегулировать магнитный контур, мне понадобится не менее часа. Весьма капризная вещь, этот контур. И кроме того, мы недостаточно далеко отошли от корабля. Его масса и здесь действует возмущающе на магнитные стабилизаторы. Но ничего не поделаешь. Дальше идти опасно: на Грине слишком много сюрпризов...

Заросли оранжевых перьев обнимали дугой большую поляну, на которой лишь кое-где виднелись небольшие сизо-зеленые бугорки. Здесь и решили расположиться. На небольшой деревянной треноге установили крохотный, сверкающий, как кусок хрусталя, магнитный стабилизатор. Тщательно выверили горизонтальность платформы треноги. Электронный калькулятор выдал поправки на близость металла корабля. Оптические визиры поймали в перекрестье штрихов микроскопический черный треугольник внутри хрустального кубика. Регулировка контура требовала сосредоточенного внимания сразу двоих.

Когда Доктор отвел от окуляров оптических визиров покрасневшие глаза, он не сразу увидел опасность. За то время, пока они не обращали внимания на окружающее, сизо-зеленые бугры на поляне выросли, слились в кольца, окружившие их высоким замкнутым барьером. За первым, ближайшим, кольцом виднелось второе — более широкое. За вторым угадывалось и третье. Кольца неудержимо росли вверх.

Они не могли уйти без хрустального кубика магнитного контура. Но чтобы снять его осторожно с установочной платформы и размонтировать систему регулировки, нужно слишком много времени. А сизо-зеленая преграда уже выросла, сомкнулась, стала непроходимой.

Тогда Инженер и высказал предположение, что, раз их не трогают, значит, не держат против них зла, а просто, видимо, хотят блокировать и разглядеть поближе и поосновательнее. И тут они услышали взрыв в той стороне, где находился корабль. По системе дубль-связи они подали сигнал тревоги и сразу услышали голос Командира:

— Высота преграды?

— Первое кольцо вокруг нас имеет высоту двенадцать—четырнадцать метров. Стена на вид скользкая, выгнута дугой. Мы словно внутри гигантской зеленой баранки. За первой преградой угадывается вторая и третья. Они выросли очень быстро, но сейчас их рост как будто приостановился. Командир, ваше решение?

— Я доберусь до вас с ранцевым микродвигателем. Запасные ракетоотранцы беру с собой. Не делайте никаких попыток преодолеть преграду. Лучше вообще не приближаться к зеленой стене. Вокруг корабля множество взрывов, но, кажется, это не опасно. Ждите. Связь по системе «три-полет».

Два часа ноль три минуты оперативного времени. Резкий свист микродвигателей ракеторанца предупредил о приближении Командира. На мгновение зависнув неподвижно над зелеными кольцами, он, видимо, оценил обстановку и осторожно опустился в самом центре сизого «бублика». Хрустальный кубик магнитного стабилизатора бережно поместили в танталовую скорлупу, и Командир спрятал этот столь драгоценный для них прибор в нагрудную сумку скафандра. Они наскоро проверили системы индивидуальных ракеторанцев и поднялись в воздух. Внизу сизо-зеленые кольца отвоевывали себе новые поляны среди зарослей оранжевых перьев. Они увидели и просеку, сделанную руками Доктора в красно-рыжем море игл и пирамид. Границы просеки обозначались очень четко, казалось, она еще долго будет напоминать планете Грин о посещении землян.

Вокруг корабля носились клубы черных свистящих предметов. Взрывы слышались со всех сторон. Планета Грин торопила землян, препятствуя их последним попыткам проникнуть в ее тайны.

Они стартовали благополучно, и, когда их курс вновь совпал с дугой Большого Круга, Доктор сказал:

— Я знаю, кто сдвинул с места семьдесят тысяч тонн.

— Интересно,— усмехнулся Инженер.

— Мы не обращали внимания на цепочку рыжих кристаллов, которые касались амортизатора. А ведь то были не кристаллы, а нечто вроде корней дерева. Или, наоборот, растущие молодые побеги. Они-то и сдвинули с места амортизатор ракеты. Растительные мускулы! Это очень похоже на поведение земных деревьев. Росток бамбука пробивает бетонную плиту, и это никого не удивляет. А иглы, которые проваливались сквозь землю, когда я касался их рукой? Да это типичные растения-недотроги. И на Земле их сколько угодно. Быть может, и мимоза, когда до нее дотрагиваются, готова провалиться сквозь землю. Да не может, бедняга, и только сжимает свои листочки. Планета Грин — царство растений. Там нет разумных существ. Одни только деревья. Гигантский лес, который мы не успели обследовать. Лес сокровищ. Помните, Инженер, лиловое поле, искрящееся электрическими разрядами? Это тоже было скопление растительных клеток. Биотоки не редкость и в земных растениях. Только на Земле мы их практически не используем. Но сама идея растительных электрических батарей очень заманчива. У них большие преимущества. Они могут расти и обновляться за счет

собственной жизнедеятельности. Вечные источники энергии! Даже эти кольца, что взяли нас в плен. Или те растения, которые создали наших зеленых двойников. Да ведь это готовые строительные материалы и самовозводящиеся конструкции! Машины с древесными мускулами, растения-электростанции, саморастущие плотины и мосты — вот что привезет человек с планеты Грин! Мы вернемся сюда за семенами удивительных лесов.

— Может быть, вы и правы, Доктор,— сказал Командир.— Но вот взрывы, они мне не понравились...

— Семена! — ответил Доктор.— Семена. Над нами кружились семена. Взрывались спелые плоды и рассыпали по воздуху свои семена, словно наши одуванчики. Не так просто понять, как живут растения на планете Грин.

— А на планете Земля? Разве там понять это было просто?

Олег Костман

КИС-КИС-КИС

ФАНТАСТИЧЕСКИЙ РАССКАЗ

Художник Ю. АВАКЯН

Я возвращался с работы. Расстояние до дома было пустяковым — что-то около световой миллисекунды. Кинезоплан уверенно двигался привычным курсом. Обычно его от начала до конца вел навигатор-автомат, который работал вполне надежно — достаточно было телепатически задать программу движения.

Однако в последнее время я все чаще, отключив автоматику, сам брался за управление. Мне хотелось ощущать, как подвластна моим рукам мощь двигателей машины, хотелось снова и снова подчинять ее своей воле.

Не очень оживленный и довольно простой маршрут, по которому я двигался, как нельзя лучше подходил для ручного управления. Вот и сейчас я дождался знакомого поворота и отключил автомат-навигатор. Машина вздрогнула и, словно почувствовав свободу, потянула куда-то в сторону. Но уже в следующее мгновение я подчинил ее себе, возвратив на прежний курс, и увеличил скорость.

Сказать, что я вел кинезоплан, было бы, пожалуй, неправильно. Скорее я играл с ним, словно с огромным живым существом, включал двигатели на полную мощность, чтобы секунду спустя резко осадить машину, заставлял ее прыгать и затаиваться, ползти и мчаться, кувыркаться и кружиться... Она так послушно и чутко реагировала на малейшее прикосновение рук к рычагам, рукояткам, тумблерам, педалям, что, казалось, сама хотела подольше поиграть со мной. Слившись с кинезопланом в единое целое, я все больше увлекался этой игрой, представляя себя одним из первопроходцев далекой древности, идущим полным опасностей и риска путем, на котором обязательно должна

произойти встреча с чем-то новым, неизвестным. С тем неизвестным, которому почти не осталось места в нашу Эпоху Всеобщего Знания.

Обычно на этом участке пути никаких других машин не попадалось, и я мог вытворять с кинезопланом все, что мне вздумается. Но сегодня здесь неожиданно оказалось целое скопление средств передвижения самых разных систем. Что там случилось? Может быть, кому-то требуется помощь?

Приблизившись, я остановился и вышел узнать, в чем дело. Машины были пусты — все их пассажиры сгрудились неподалеку тесным кольцом, из центра которого время от времени доносились странные негромкие звуки.

Я протиснулся в передние ряды и увидел какое-то неизвестное устройство. Оно медленно передвигалось, сопровождаемое десятками устремленных на него взглядов. Что это такое, видимо, никто из собравшихся не знал, хотя общий принцип его конструкции был ясен с первого взгляда и поражал оптимальностью решений. Воспринимающий блок, находящийся в передней части устройства, свободно поворачивался в различных направлениях. Его венчали два звукоулавливателя, которые также могли поворачиваться, видимо пеленгуя источник звука. Спереди зеленовато светились, поблескивая, две линзы комплекса визуальной ориентации. Скорее всего они работали синхронно, посылая в считывающую систему стереоскопическую картинку. Впереди также находились кустообразные расходящиеся пучки тоненьких антенн. Средняя часть неизвестного устройства представляла собой, по всей вероятности, двигательно-энергетическую установку, перемещавшую это устройство посредством четырех шагающих упоров. Все это, как я уже сказал, было понятно. Заставлял задуматься разве что расположенный сзади изгибающийся шланг. Что крылось в его ритмичных взмахах и покачиваниях? Каково было функциональное назначение этой детали?

Между тем оно, это устройство, остановилось. Две половинки передней оконечности воспринимающего блока раздвинулись, образуя резонирующую полость. И в ту же секунду вновь раздался таинственный звуковой сигнал. Я прикинул его частоту, силу, некоторые другие характеристики. Информации, позволявшей сделать какие-либо выводы о назначении и функциях неизвестной системы, было очень мало.

...Со стороны это, наверно, выглядело забавно: десятки представителей различных отраслей Всеобщего Знания, отложив дела, топтались вокруг крохотного устройства, не в силах разобраться, что это такое. Никто не решался высказать свои догадки вслух. Все лишь стояли молча и смотрели, интуитивно чувствуя: перед ними нечто очень необычное...

— А что, если оно живое? — вдруг нарушил тишину чей-то голос. Сказано это было больше для самого себя, чем для окружающих. Говоривший, видимо, не заметил, что высказался вслух, и, естественно, не ожидал, что кто-то подхватит его мысль — уж очень фантастично звучало такое предположение. Ведь уже многие века (с тех самых пор, как исчезла всякая необходимость в них) образчики представителей древней, предразумной зоостихии содержались только в хранилищах Всеобщей

Службы Охраны Живого, являясь историческими памятниками, которые нужны лишь редким исследователям ранних периодов развития жизни.

Эта невероятная гипотеза тем не менее мгновенно приобрела сторонников. Стоявший рядом со мной солидный, серьезного вида человек, еще секунду назад даже в шутку вряд ли допустивший бы настолько невероятную мысль, сейчас без тени улыбки произнес:

— Надо же! И как я сам об этом не подумал?

А со всех сторон уже громко неслось:

— Нет ли у кого лицензии на контакт с предразумными?

— Наверно, нужно накормить его!

— Но как он сюда попал?

— Надо немедленно вызвать патруль Службы Охраны Живого!

— Возьмите его на руки, согрейте его!

— Не смейте прикасаться к нему! Отойдите сейчас же! Вы же о нем ничего не знаете!

— Слушайте, может быть, ему плохо, может, он не в своей среде?

— Да-да, может быть, его надо немедленно спасать? Нужно срочно выяснить, что же это такое!

Озадаченные, все опять на секунду замолчали. И тут же посыпались новые предложения и предположения:

— Смотрите! Оно машет хвостом! («Так,— отметил я про себя,— значит, этот шланг называется «хвост». Видимо, назван так по аналогии с кормовой частью космических лайнеров»). Может, оно хочет взлететь? Надо помочь ему!

— Почему вы думаете, что оно хочет взлететь?

— Потому что это птица. Я вспомнил: хвосты были у птиц. Надо скорее подбросить его как можно выше в воздух!

— Неправда! Мне помнится, хвосты были у рыб. Кто-нибудь помнит, где обитали рыбы?

— Если только я ничего не путаю, рыбы прыгали между этими... как их... ну, на которых росли натуральные фрукты, овощи...

— Да не слушайте вы их! Я с детства материалы о древних предразумных собираю. У меня есть записи их звуковых сигналов. Рыбы издают шипящие звуки, я точно помню, а эти принадлежат млекопитающим.

— Что вы говорите! Млекопитающее передвигается, подпрыгивая на задних конечностях. А на животе у него сумка для багажа. Это же общеизвестно!

— Значит, это его упрощенная модификация — без сумки...

— А вы не помните, для чего млекопитающие применялись?

Со всех сторон летели советы, предложения, вопросы... Какая древняя память прорвалась вдруг у нас сквозь, казалось бы, непробиваемую защиту многих столетий властвования Всеобщего Знания? Какие древние инстинкты заставили всех нас мгновенно почувствовать в себе нечто родственное этому крохотному комочку предразумной жизни, о котором даже не было точно известно, что это за существо? Каждый рвался помочь ему, каждый был готов сделать все, что в его силах, но никто не знал, что именно нужно предпринять в этой ситуации.

...А *оно* по-прежнему сидело невдалеке, потом встало и двинулось прямо ко мне. Подойдя вплотную, оно доверчиво потерлось о мои ноги, поднялось на задние конечности («Значит, это в самом деле млекопитающее»,— мелькнула мысль) и оперлось передними о мое колено. Пристально, совсем по-человечьи, оно смотрело прямо в мои глаза. Непонятное, ни разу не испытанное чувство охватило меня.

«Для обеспечения собственной безопасности, а также во избежание непредвиденных последствий запрещаются какие бы то ни было контакты с представителями предразумной жизни»,— всплыла в мозгу впитанная с первыми обучающими таблетками формулировка. Но я уже ничего не мог поделать с собой. Руки сами потянулись к маленькому существу, лишенному даже самых элементарных средств искусственной защиты.

Пальцы ощутили мягкое пушистое покрытие. Прикосновение к нему было необыкновенно приятным. Я взял предразумного на руки. Доверчиво, будто оно было всю жизнь знакомо со мной, существо положило передние конечности мне на грудь, зажмурилось и заурчало:

— М-рррр, м-рррр...

Я осторожно держал его на руках, и у меня постепенно возникало ни с чем не сравнимое ощущение домашнего уюта, тепла, спокойствия. Я вдруг почувствовал себя одним из людей далекого прошлого, живших в угрюмых каменных замках, одевавшихся в звериные шкуры и использовавших неуклюжие электрические светильники. И честное слово, я на миг позавидовал им. Позавидовал тому, что рядом с ними жили такие вот пушистые и теплые зверьки, летали птицы, росли на деревьях (я внезапно вспомнил это старинное слово!) натуральные фрукты и овощи... И я подумал, что, пожалуй, отказался бы от многих достижений Общества Эпохи Всеобщего Знания, чтобы иметь возможность каждый день вот так, не торопясь, перебирать пальцами гладкую мягкую шкурку, слушая негромкое «м-рррр, м-рррр»...

...Прямо на нас на предельной скорости мчался выскочивший неизвестно из какого измерения хроноцикл. Я метнулся было в сторону, но его водитель выполнил рискованный разворот и эффектно затормозил в двух шагах от меня. Это был один из тех парней, которые в самом начале Эры Гетерохронных Путешествий во множестве обивали пороги Инспекции Межвременных Контактов, выклянчивая под любым предлогом разрешения прокатиться на хроноцикле в будущее, хотя многим из них это нужно было только для того, чтобы, вернувшись, ошарашивать современников экстравагантной манерой одеваться, а также позаимствованными в будущих десятилетиях эффектными безделушками и неизвестными словечками. И вследствие несовершенных в то время критериев отбора некоторые из них добивались своего.

С минуту он вслушивался в суть разговора.

— Этот, что ли, предразумный?— Он указал на предмет нашего спора.— Ой, насмешили! Да я таких предразумных в будущих веках знаете сколько насмотрелся! Слушайте, что я скажу: это элементарный самодвижущийся портативный компьютер, только в сувенирном исполнении. Стиль «ретро» — слыхали? Берут обычный компи и оформляют под предразумного. Модно!

И он исчез так же внезапно, как и возник.

Спор как-то сам собой прекратился. Все сразу же вспомнили об оставленных делах. Захлопали закрываемые дверцы. Одна за другой машины трансферировались в многомерные пространства.

Зашагал к кинезоплану и я. На душе лежал неприятный осадок за напрасно потраченное время. Это надо же! Столько проторчать здесь, решив, что перед тобой разгуливает предразумное существо! Разгуливает только для того, чтобы доставить удовольствие нескольким десяткам случайных зевак...

Я уселся в кабину и приготовился задать кинезоплану программу дальнейшего путешествия: двигаться дальше на ручном управлении что-то расхотелось. Но в этот момент на площадку спланировал небольшой везделет с эмблемой Всеобщей Службы Охраны Живого. И я решил подождать еще немного: потеряв столько времени, можно было позволить себе потратить еще несколько минут, чтобы окончательно все выяснить!

Работники Службы были в обычной экипировке дежурного наряда: от всяких неожиданностей при контактах с предразумными их надежно оберегали скафандры усиленной защиты. Но, увидев предмет недавних споров, все трое сняли тяжелые доспехи. Теперь никаких сомнений не оставалось: конечно, это был вовсе не предразумный...

— Кис-кис-кис!— негромко позвал один из них.

Звукоулавливатели загадочного устройства слегка шевельнулись, приняв эти непонятные позывные. Оно повернуло к прибывшим свой комплекс визуальной ориентации и, зафиксировав их в поле зрения, быстро двинулось к ним.

Старший наряда достал небольшую круглую посудинку и налил в нее какой-то белой жидкости. Странное устройство приблизилось к посудине и стало торопливо поглощать ее содержимое. Происходящее опять становилось интересным: я впервые видел, чтобы какая-нибудь автономная система заряжалась энергией таким способом.

Я подошел к ним.

— Службу Охраны не вы вызывали?— спросил старший.

— Нет, кто-то другой. Но я здесь был и все видел. Скажите, пожалуйста, что это такое?

— Обычный котенок,— лаконично бросил один из дежурных.

— Исчерпывающий ответ,— заметил старший.— Можно подумать, что теперь ему все сразу стало ясно...

— Видите ли,— пояснил третий член наряда,— мы проводим эксперимент по возвращению некоторых видов предразумных людям. Начать решили с кошек — с ними меньше всего хлопот. Их детеныши — котята — были розданы нескольким десяткам добровольцев. Но, видимо, новому хозяину котенка расхотелось участвовать в эксперименте. Обычная история — не он первый, не он последний... Трудно это будет — заставить всех вспомнить, что такое преданный четвероногий друг, лес, наполненный голосами птиц, только что родившиеся, еще слепые звериные детеныши... Да что говорить!

Все трое, захватив с собой котенка, уселись в везделет.

— Подождите!— сказал я. Какое-то непонятное, смутное чувство, которое я не мог выразить словами, шевельнулось во мне.

Ладони словно вновь ощутили прикосновение мягкой гладкой шерстки, я увидел устремленный на меня взгляд доверчивых круглых глаз, услышал ласковое «м-рррр, м-рррр»...

— Скажите, что нужно сделать, чтобы получить этого зверька... ну, вместо его прежнего хозяина? — слова вырвались у меня как-то сами собой, почти помимо воли, но я был очень рад им.

— Вы хотите взять его себе?

Смешной вопрос! Неужели это еще не ясно!

— Отдать его сейчас я не имею права. Сначала вы должны пройти в нашем центре курс специальной подготовки. Необходимо также выполнить некоторые формальности. Если вы придете к нам завтра, котенок будет ждать вас.

— Спасибо! — крикнул я. И хотел страшной клятвой поклясться, что непременно приду к ним завтра с самого утра, но вдруг голос у меня осекся: я вспомнил слова того типа на хроноцикле, и они еще раз эхом отозвались во мне...

«Но ведь если облик предразумных начнут придавать автоматическим устройствам, — осенила меня запоздалая догадка, — значит, рядом настоящих предразумных уже не будет. Возможно, даже исчезнут те немногие, что хранятся за семью замками сейчас... И уже ничего нельзя изменить — он видел это в будущем.

Стоп! Ну и что, что он рассказал? Мог же он ошибиться, напутать что-нибудь, ляпнуть просто так... Не для того же, в конце концов, он ездил в будущее, чтобы проследить судьбу предразумных! Сегодня я имею возможность чуть-чуть помешать тому, чтобы его слова сбылись, завтра представится еще какой-нибудь случай...»

Странные вещи творились со мной. Еще сегодня утром не было, наверно, для меня темы более далекой, чем прошлое и будущее предразумных. Раньше я никогда не чувствовал потребности в общении с ними, не задумывался, почему их нет рядом с нами. Нет — значит, так должно быть. Но вот я впервые в жизни увидел такое существо, взял его на руки, погладил... Одна-единственная встреча — как она все во мне перетряхнула!

Смутно припомнилась та скудная информация о предразумных, которую содержали обучающие таблетки общей подготовки.

Когда-то многие миллиарды таких существ населяли планету на равных с нашими далекими предками. Но как же так случилось, что они стали ненужными им, почему они допустили их исчезновение, сохранив лишь считанные экземпляры в качестве живых памятников? Должно быть, это объяснялось очень серьезными причинами, наверно, по-другому нельзя было поступить в ту давнюю суровую эпоху покорения ближнего космоса...

Но ведь сейчас совсем другое время! И они должны, обязательно должны вернуться в наш большой мир!

...Котенок сидел в кабине везделета на коленях у старшего и аккуратно вылизывал шерстку.

— Кис-кис-кис! — позвал я его.

Он повернул голову, удостоил меня недоуменным взглядом и снова деловито принялся за прерванное занятие.

— Я обязательно приду за тобой завтра, дружище! — сказал я.

Водитель везделета помахал мне рукой и включил стартовый двигатель.

Анатолий Мельников

Забил заряд я в пушку туго

ФАНТАСТИЧЕСКИЙ РАССКАЗ

Художник Е. КУЗНЕЦОВА

Дельтоплан разведчиков дальнего космоса с планеты Пансэ завершал свою миссию. Супермозг Альфа-222НХ — единственное живое существо на борту корабля — только что закончил облет недавно открытой Зеленой планеты. Центр разведывательных полетов выбрал его для выполнения этой задачи из числа 222 претендентов. Правители планеты Пансэ возлагали на способного и смелого разведчика большие надежды.

Космический дельтоплан был чудом пансэанской техники: снабжен мощной силовой установкой, хитроумными механизмами и тончайшими приборами. Они-то и позволили Альфе-222НХ быстро изучить эту на редкость привлекательную планету. Дельтоплан совершал разведывательный поиск в течение семи пансэанских суток. И чем дольше корабль летал над материками и океанами, над горами и реками, над лесами и равнинами, тем больше нравилась пансэанину планета. Он взял пробы воды и воздуха, арктических льдов и почв. Были исследованы растительность, животный и бактериальный мир всех климатических зон.

Результаты анализов позволили сделать обнадеживающие выводы.

Разведчик поспешил доложить об этом в Центр. Правители решили назвать планету Новая Пансэ, ибо мысленно уже видели ее превращенной в удобную космическую гавань для своих разведывательных дельтопланов.

Однако кое-что пансэанину еще хотелось уточнить. Планета была населена живыми существами редко встречающегося во Вселенной вида. В верхней части их тела помещался сравнительно небольшой мозг. И хотя разведчик не входил в близкий контакт с аборигенами, ему было ясно, что строение их несовершенно, а

скромные размеры мозга наводили на мысль, что местная цивилизация не может быть высокоразвитой. Последнее подтверждалось отсутствием искусственных радиосигналов в эфире и очень низким естественным радиоактивным фоном. За время наблюдений разведчику не удалось обнаружить сколько-нибудь развитых путей сообщения, линий электропередачи или связи. Поселения аборигенов, хотя и многочисленные, были невелики и слабо освещались в ночное время. В небе не обнаруживалось летающих объектов, за исключением небольших теплокровных животных, снабженных подвижными крыльями.

Супермозг Альфа-222НХ передал в Центр разведывательных полетов все эти данные. Сообщение заканчивалось словами: «Можно предположить, что местная цивилизация не способна оказать серьезное сопротивление нашим космическим дельтопланам. Однако для полной уверенности необходимо уточнить военный потенциал аборигенов».

Центр разведывательных полетов ответил:

«Продолжайте поиск».

Дельтоплан как раз пролетал над северным полушарием планеты, над обширной, слабо пересеченной равниной. Лето здесь было на исходе. В лучах закатного солнца отливали золотом прямоугольники хлебных нив. В зеленых массивах лесов то там, то здесь виднелись пожелтевшие кроны деревьев. В долинах рек, вытянутых в меридиональном направлении, в ночные часы скапливались белые сгустки тумана. Едва заметно на поверхности проступали сероватые ниточки грунтовых дорог.

...Корабль пансэанина вошел в ночную тень. После многочасовых наблюдений Альфа-222НХ вдруг почувствовал усталость. Он решил немного отвлечься, послушать передачи родной планеты. Он начал настраивать на прием мощное радиоустройство дельтоплана. При этом он еще раз убедился, что на исследуемой планете нет ни одной работающей радио- или телевизионной станции. Его радиоустройство принимало лишь отдельные грозовые разряды.

Затем сквозь бездонные дали космоса до него донеслась волшебная, убаюкивающая музыка Пансэ...

Дельтоплан тем временем проплывал над черными массивами лесов, во множестве покрывавших обширную равнину. Уставший супермозг расслабился и, может быть, даже задремал...

Очнулся он с ощущением тревоги. Одного взгляда на экран было достаточно, чтобы понять, что ночная темень за бортом начала рассеиваться, леса отступили назад и в стороны, а дельтоплан летел теперь над открытым пространством. И на этом пространстве происходило нечто необычное.

Рассвет едва начал заниматься, и поверхность планеты, с трудом различимая, беспрестанно озарялась тысячами больших и малых вспышек огня. Кверху поднимались куполообразные белые дымы, такие же густые, как утренний туман. Чуткие приборы дельтоплана улавливали частое потрескивание и отдельные глухие удары. Радиолокатор обнаруживал большие скопления металла.

Альфа-222НХ быстро принял решение: выбрать безопасное место и понаблюдать. Он сразу заподозрил, что происходящее имеет прямое отношение к его основной задаче — определению

военного потенциала аборигенов, а потому включил канал космовидения, чтобы правители Пансэ могли наблюдать за развитием событий вместе с ним.

Дельтоплан совершил разворот по вытянутой дуге, спустился пониже и завис неподвижно, почти касаясь верхушек деревьев, неподалеку от опушки леса. Его темный силуэт (напомнивший бы землянину треугольную шляпу) четко просматривался на фоне рассветного неба в просветах между деревьями.

В лесу густо пахло прелой листвой и грибами. Стеной стояли неподвижные ели, словно прислушиваясь к недалекой канонаде. Ветви лещины пригнулись до самой земли под тяжестью орехов. Гроздья рябины, прихваченные первыми ночными заморозками, радовали глаз сочным алым цветом.

Стайка потревоженных сорок с недовольным стрекотом перелетела в ближний сосняк. На лету они громко поносили незваного пришельца.

Открывшееся перед пансэанином пространство было прорезано небольшими речками и неглубокими оврагами, прочерчено продолговатыми выемками, рядом с которыми была набросана свежевырытая земля. Всюду копошились скопища аборигенов: они углубляли выемки с помощью примитивных приспособлений, устанавливали толстые металлические цилиндры. Пансэанин насчитал сотни таких цилиндров, разбросанных по всему полю. Из них то и дело вырывались пламя и дым.

Разведчик вскоре пришел к выводу, что наблюдает противостоящие друг другу группировки аборигенов. Понять это было нетрудно: они носили разные покрывала: одни — красного, другие — синего цвета. И они... убивали друг друга!

Альфа-222НХ заметил войска, построенные правильными прямоугольниками. Многие сидели верхом на крупных животных с горизонтально расположенным туловищем.

Внезапно вся эта масса задвигалась, зашевелилась. Верховые аборигены в красных покрывалах — прямоугольник за прямоугольником — двинулись на синих. Чаще засверкал огонь в цепях пеших аборигенов. Чаще стали ухать толстые цилиндры. Волна красных докатилась до синих цепей, перевалила через них. Тотчас пришли в движение синие прямоугольники, находившиеся в стороне, устремляясь навстречу красным.

Волны тумана мешали пансэанину хорошенько рассмотреть происходящее. Разведчик спустился пониже. Поднимавшиеся с поля дымы окутали дельтоплан. На всякий случай супермозг активизировал защитное поле корабля.

...Канонир Иван Пантелеев забил в пушку заряд и туда же дослал увесистую чугунную гранату. Привстал над бруствером, выглядывая цель на стороне французов. Конница маршала Даву только что получила свою порцию картечи и беспорядочно отступала...

Иван ненароком поднял голову. Необычное зрелище привлекло его внимание. Прямо над русской позицией, невысоко в воздухе, висела... огромная французская треуголка. Ни дать ни взять — шляпа супостата Наполеона Бонапарта.

Рядом случился артиллерийский офицер князь Зубков, и Иван крикнул ему, указывая на небо:

— Гляди-ка, ваше благородие! Никак француз!

Зубков протер глаза, но треуголка не исчезла. Офицеру тут же вспомнились разговоры, будто неприятель собирался использовать воздушные шары для бомбардировки русских позиций. Сомневаться было некогда.

— На неприятеля наводи! — без промедления скомандовал офицер.

Иван вместе с двумя другими канонирами начал наводить орудие. Втроем они придали стволу нужный угол возвышения, так что треуголка оказалась над самым обрезом ствола.

— Огонь! — крикнул Зубков.

Иван схватил с горящих угольев раскаленный железный прут и, наспех перекрестившись (господи благослови!), поджег заряд.

Пушка ухнула, и в тот же миг в небе сверкнула молния. Земля под ногами у батарейных содрогнулась от тяжелого удара, бруствер разворотило, орудие опрокинулось набок. Позицию заволокло черным дымом.

«Достал-таки нас, антихрист», — успел только подумать Иван, теряя сознание.

У его ног, шипя и потрескивая, лежал среди комьев глины раскаленный обломок не то металла, не то камня и быстро темнел на глазах.

...К холму, где располагался штаб главнокомандующего русской армией генерал-фельдмаршала Кутузова, подскакал на лошади связной офицер. Бросив поводья коноводу, он коротко объяснил адъютанту фельдмаршала:

— Срочное донесение его светлости от генерала Неверовского!

Адъютант доложил о нем и тут же подвел офицера к Кутузову. Главнокомандующий опустил подзорную трубу, спросил коротко:

— Что там у тебя, голубчик?

Офицер отдал честь и начал вполголоса:

— Ваша светлость, его превосходительство генерал Неверовский доносит о необычном происшествии...

— Громче! — прервал его старый генерал. — Громче, голубчик! Тут и так всем все известно...

— ...Во время отражения атаки французской конницы на орудийные позиции упал раскаленный осколок небесного тела под названием метеорит...

— Знаю, что метеорит! — сердито перебил его Кутузов, поправляя повязку на глазу. — Сказывай дальше!

— Генерал Неверовский ждут приказаний вашей светлости по поводу оного происшествия! — закончил офицер.

— Ранен князь Дмитрий Петрович? — строго повел на него здоровым глазом фельдмаршал. — Отчего не докладываешь?

Офицер потупился, кивнул.

Кутузов, казалось, задумался, но только на миг и тут же изрек:

— Приказание генералу Неверовскому, офицерам и солдатам полка следующее: забыть о сем случае, будто его и не было! Иначе буде кто подумать может, будто это дурное предзнаменование. Вера в победу должна быть неколебимой, а потому приказы-

ваю: забыть! Неприятель отбит по всей линии... Назавтра приказываю всеобщее наступление русской армии!

...В тот момент, когда генерал-фельдмаршал Кутузов принимал донесение связного офицера, дельтоплан с планеты Пансэ был уже далеко от Земли. На корпусе корабля виднелась солидная вмятина от русской артиллерийской гранаты.

Правители планеты Пансэ, наблюдавшие вместе с Альфой-222НХ за ходом сражения через канал космовидения, были потрясены военной мощью аборигенов. От огня их орудий не спасало даже силовое защитное поле корабля, так что их дельтоплан едва не погиб. А боевой снаряд, выпущенный разведчиком Альфой-222НХ по аборигенам в порядке самозащиты, не причинил им заметного урона. Они его словно не заметили.

Эксперты Центра разведывательных полетов высказались решительно: нет нужды подвергать дельтопланы планеты Пансэ смертельной опасности. Альфа-222НХ тут же получил приказ о немедленном возвращении.

* * *

Такова история метеорита, упавшего на Бородинское поле в день сражения 26 августа 1812 года (по старому стилю).

Бертрам Чандлер

КЛЕТКА

ФАНТАСТИЧЕСКИЙ
РАССКАЗ

Художник Ю АВАКЯН

Команду исследовательского космического корабля, видимо, следует извинить за то, что она не сразу смогла отличить людей, спасшихся с межзвездного лайнера «Полярная звезда», от диких зверей. Более полугода прошло с тех пор, как люди совершили вынужденную посадку на эту безымянную планету: генераторы Эрейнхофта из-за неполадок в электронном регуляторе развили бешеную скорость, и корабль выбросило с проторенных космических дорог в неизведанную часть Вселенной. Посадка прошла вполне благополучно. Однако вскоре атомный реактор вышел из-под контроля, поэтому капитан приказал первому помощнику снять с корабля пассажиров и часть судовой команды, которая не была нужна при ликвидации аварии, и увести подальше.

Когда Хокинс со своими подопечными ушел уже достаточно далеко, на корабле произошла вспышка высвободившейся энергии, и до них донесся не особенно сильный взрыв. Все хотели остановиться и посмотреть, что случилось, но помощник капитана продолжал отводить людей все дальше и дальше. К их счастью, ветер дул навстречу и радиоактивные осадки если и выпали, то не им на головы. Когда страшный фейерверк закончился, первый помощник капитана в сопровождении доктора Бойля — судового хирурга — вернулся к месту взрыва. Опасаясь радиоактивного поражения, они приняли меры предосторожности и встали на безопасном расстоянии от края неглубокой, все еще дымящейся воронки, образовавшейся на месте корабля. Было абсолютно ясно, что капитан со своими людьми превратился в мельчайшие частицы того светящегося облака, которое огромным грибом взметнулось вверх, к низко нависшему серому небу.

С этого момента пятьдесят с лишним человек с «Полярной звезды», оставшихся в живых, начали постепенно деградировать. Конечно, это началось не сразу: Хокинс и Бойль при содействии комитета, составленного из наиболее сознательных пассажиров, пытались активно воспрепятствовать этому. Но борьба была безнадежной. Климат планеты — вот что с самого начала особенно повлияло на них. Было жарко: температура постоянно держалась около 85 градусов по Фаренгейту; и влажно: с неба непрерывно сыпала неприятная изморось. Воздух был насыщен спорами какой-то плесени, которая, к счастью, не причиняла вреда живой ткани, но зато бурно разрушала всякую неживую органическую материю, в особенности одежду. Эта плесень, хотя и в меньшей степени, разрушала металлы, синтетику, из которой у многих потерпевших кораблекрушение была сшита одежда.

Конечно, будь здесь какая-то внешняя опасность, она, возможно, и помогла бы поддержать высокий моральный дух и стойкость в людях, однако на планете даже зверей хищных и тех не оказалось. Были какие-то маленькие зверюшки с гладкой кожей — лягушки не лягушки, которые прыгали в сыром подлеске, а в бесчисленных речушках и водоемах плавали похожие на рыб существа размером от головастиков до акул, но последние по своей агрессивности были ничуть не лучше первых.

Вопрос с питанием после первых нескольких голодных часов разрешился сам собой. Кто-то добровольно съел на пробу пару больших сочных, мясистых грибов, что росли на стволах больших папоротникообразных деревьев. Грибы оказались вполне съедобными. После того как прошло часов пять и никто не умер и даже не испытывал никаких неприятностей с желудком, грибы прочно вошли в рацион потерпевших кораблекрушение. Затем нашли еще другие грибы, отыскали ягоды и коренья — все съедобные, неядовитые, так что в питании оказалось приятное разнообразие.

Огонь! Вот чего не хватало людям, несмотря на изнурительную жару. Будь у них огонь, они могли бы разнообразить свое меню, поджаривая лягушек, пойманных в сыром лесу, и рыб, выловленных в ручьях и озерах. Кое-кто, правда из не особенно привередливых, пробовал есть этих тварей и в сыром виде, однако большинство смотрело на это неодобрительно. Огонь нужен был также, чтобы коротать долгие темные ночи; своим живительным теплом и светом он помог бы людям избавиться от тягостного ощущения царящей вокруг промозглой сырости, которое создавалось из-за непрерывного журчания воды, стекающей с каждой ветки и каждого листика.

Вначале у большинства людей, когда они сошли с корабля, еще имелись и спички и зажигалки, но первые мгновенно отсырели, а вторые потерялись вскоре после того, как карманы вместе с одеждой, к которой они были пришиты, расползлись по ниткам. Однако даже когда зажигалки еще имелись, любые попытки разжечь костер кончались полной неудачей: на этой проклятой планете не было, как клялся Хокинс, ни единого сухого места. Теперь же высечь огонь было делом совершенно безнадежным, ведь, будь у них даже специалист по добыванию огня трением двух сухих палок друг о друга, он бы просто не нашел подходящего материала.

Путешественники разбили лагерь на вершине небольшого холма (насколько им удалось установить, гор на планете не было). Здесь лес был не таким густым, как на раскинувшихся вокруг долинах, а земля под ногами не такой топкой и сырой. Каждый наломал веток с древовидных папоротников и построил себе примитивный шалаш, не столько ради удобства, о котором нечего было и мечтать, сколько ради укрытия от посторонних глаз. С каким-то отчаянием они уцепились за государственную форму правления того мира, который им пришлось покинуть, и учредили конгресс, а Бойля, судового врача, избрали президентом. Хокинс, прошедший в конгресс, к своему удивлению, большинством всего лишь в два голоса, поразмыслив над этим фактом, решил, что многие пассажиры все еще таят в душе своей недовольство судовой администрацией, считая ее виновной за то положение, в каком они находились теперь.

Первое заседание конгресса состоялось в палате, если так можно назвать большой шалаш, специально выстроенный для этой цели. Члены конгресса расселись вокруг на корточках, тогда как Бойль — председатель этого высокого собрания — важно и чинно стоял посередине. Хокинс невольно ухмыльнулся себе в усы, отметив наготу хирурга и ту помпезную торжественность, с которой тот занял свой высокий государственный пост, и сравнив горделивый вид бедняги с неряшеством его давно не стриженных и не чесанных седых волос и всклокоченной серой бороды.

— Леди и джентльмены! — так начал свою «тронную» речь Бойль.

Хокинс оглядел бледные нагие тела, лохматые гривы волос, длинные грязные ногти «джентльменов» и блеклые, некрашеные губы «леди». «Хотел бы я знать,— подумал он,— насколько я сам похож на джентльмена».

— Леди и джентльмены! — повторил доктор.— Мы, как вам известно, были избраны в качестве представителей человеческого общества на этой планете. Я предлагаю на этом первом заседании обсудить наши шансы выжить не столько как отдельные личности, а в целом как человеческая раса...

— Мне бы хотелось спросить у мистера Хокинса, какие у нас шансы выбраться отсюда? — закричала с места одна женщина, член конгресса, сухая, как щепка, старая дева с проступающими ребрами и позвонками.

— Почти никаких,— отвечал Хокинс.— Как вам известно, корабль во время перелета с одной звезды на другую теряет всякую связь с другими системами. А потом, когда мы сбились с курса и нам пришлось совершить вынужденную посадку, мы хотя и послали сигнал бедствия, но не могли сообщить наши координаты, потому что сами не знали, куда нас занесло. Больше того, мы даже не знаем, принял ли кто наш сигнал.

— Мисс Тейлор и вы, мистер Хокинс,— прервал раздраженно Бойль,— вынужден напомнить вам, что здесь я председатель и вам слова не давал. Потом у нас будет время для прений по общим вопросам.

— Как большинство из нас понимает,— продолжал дальше свою речь доктор,— возраст данной планеты соответствует возрасту Земли каменноугольного периода. Установлено, что никакие

живые существа, угрожающие нашему существованию, здесь еще не обитают. Конечно, к тому времени, когда такие виды появятся,— нечто вроде гигантских ящеров триасового периода — нам надо упрочить свое положение...

— К тому времени мы уже будем в могиле,— выкрикнул какой-то мужчина.

— Это верно, мы, конечно, умрем,— согласился доктор.— Но наши потомки, всего вероятней, будут здравствовать, так что мы уже сейчас должны решить, каким образом обеспечить им как можно больше преимуществ. Язык, который мы им завещаем...

— Док, о языке потом,— закричала еще одна женщина, маленькая стройная блондинка с решительным выражением на лице.— Вопрос о потомстве — вот что мы должны сейчас решить. Я представляю женщин, способных рожать (таких у нас, как известно, пятнадцать человек). Скажите, можете ли вы, как врач, гарантировать — помня, что здесь нет ни медикаментов, ни соответствующих инструментов,— что роды пройдут нормально?

Вся помпезность соскочила с Бойля, словно износившаяся тога.

— Буду откровенным,— начал он.— У меня нет, как вы, мисс Харт, правильно изволили заметить, ни лекарств, ни инструментов. Но заверяю вас, мисс Харт, шансов, что роды пройдут нормально, без ущерба для здоровья, здесь намного больше, чем было на Земле, скажем, в восемнадцатом веке. Скажу почему. На этой планете, насколько мне известно, а мы здесь живем уже достаточно долго, чтобы установить это, нет никаких микробов, опасных для человека. Если бы они были, то к этому времени мы все превратились бы в ходячие гнойники. Большинство из нас давно бы уже погибло от сепсиса. Полагаю, я ответил на ваш вопрос.

— Я еще не все сказала,— заявила блондинка.— Тут есть еще один момент. Нас в колонии пятьдесят три человека, женщин и мужчин. Из них десять пар состоят в законном браке — о них мы говорить не будем. Остаются тридцать три человека, из них двадцать мужчин. Двадцать против тринадцати (как видите, женщинам не всегда не везет). Конечно, не все мы юны и очаровательны, но мы все женщины. Так вот, какую форму брака мы установим? Единобрачие или полиандрию * ?

— Разумеется, единобрачие! — воскликнул высокий худощавый мужчина — единственный человек, на котором было нечто вроде набедренной повязки, если так можно назвать обвязанные виноградной лозой иссохшие листья папоротника.

— Что же, пусть будет так! — сказала девушка.— Моногамия так моногамия! Я сама за это. Но не вызовет ли такой брак каких-нибудь эксцессов? Женщина так же может оказаться жертвой убийства из-за ревности, как и мужчина, а этого не хотелось бы...

— Что вы предлагаете в таком случае, мисс Харт? — спросил Бойль.

— А то, док, что раз речь идет о браке с целью продолжения рода, то любовь надо отбросить, как ненужный атрибут. Если двое

* Многомужество.— *Н. К.*

мужчин претендуют на одну и ту же женщину, то пусть решают спор поединком. Победитель получает девушку, и она остается навеки с ним.

— Естественный отбор, значит,— пробормотал доктор.— Что же, я не против... но ваше предложение придется вынести на общее голосование.

* * *

На вершине холма, неподалеку от лагеря, имелась небольшая ложбинка, нечто вроде естественного амфитеатра. Зрители расселись по краям, тогда как на самой арене осталось четыре человека. Одним из них был Бойль. Он обнаружил, к своему неудовольствию, что в его функции главы государства входят и обязанности спортивного судьи: по всеобщему мнению, он лучше других мог судить, когда следует прекратить бой, чтобы никто из дерущихся не стал навеки калекой. Там же была девушка, та самая блондинка Мэри Харт. Девушка причесала свои волосы какой-то сучковатой палкой. Теперь в руках она держала венок, сплетенный из желтых цветов, которым собиралась увенчать победителя. «Интересно было бы знать,— подумал, глядя на нее, Хокинс, пока сидел рядом с другими членами конгресса,— что это — страсть к земным свадебным обрядам или зов крови к давно отмершему звериному прошлому?!»

— Жаль, что эта безмозглая плесень сожрала все наши часы,— промолвил какой-то толстяк слева,— а то можно было бы отмечать раунды, как в настоящем боксерском матче.

Хокинс кивнул головой и взглянул на находящихся в центре арены четырех человек: на гордо посматривающую по сторонам первобытную женщину, на преисполненного самодовольством старика доктора и двух мужчин, чьи лица обросли черными бородами, а голые тела сверкали белизной. Он знал обоих: Феннет, младший офицер с несчастной «Полярной звезды», и Клеменс, геологоразведчик вновь осваиваемых планет.

— Будь у нас деньги, я бы поставил на Клеменса,— весело сказал толстяк.— У вашего офицера столько же шансов победить, сколько найдется снега в аду в жаркий июльский полдень. Он приучен к честной борьбе, а Клеменс привык драться с подвохами.

— Феннет в лучшей форме,— заметил Хокинс.— Он ежедневно делает утреннюю гимнастику, а ваш Клеменс только и знает что ест да спит. Посмотрите, какой у него живот.

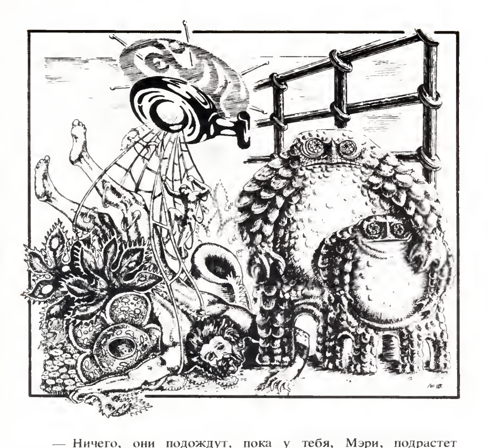
— Ничего плохого в здоровом брюхе не нахожу,— возразил толстяк, похлопав по своему толстому животу.

— Итак, не кусаться и глаза не выцарапывать,— внушительно провозгласил доктор.— И пусть победит сильнейший!

Он, как ему казалось, грациозно отступил назад и встал рядом с мисс Харт.

Опустив руки со сжатыми кулаками, бойцы стояли друг против друга в явном смущении. Казалось, оба сожалели, что дело зашло столь далеко.

— Ну, начинайте же!— закричала, не выдержав, Мэри Харт.— А то так и состаритесь холостяками!



— Ничего, они подождут, пока у тебя, Мэри, подрастет дочь! — выкрикнула одна из ее подружек.

— Если она у меня когда-нибудь будет,— откликнулась блондинка.— А при таких темпах шансов не особо много...

— Начинайте, начинайте!..— хором закричала толпа.

Первым сдвинулся с места Феннет. Он как-то робко шагнул вперед и легонько стукнул правой рукой Клеменса по незащищенному лицу. Удар был слабый, но, видимо, болезненный. Клеменс поднес руку к носу и, отставив ее в сторону, уставился на красную свежую кровь на ладони. Взревев, как медведь, он, широко расставив руки, двинулся вперед, намереваясь схватить Феннета и изломать. Офицер отскочил назад и еще раза два легонько ударил геолога правой рукой.

— Чего он не хрястнет его как следует? — воскликнул толстяк.

— Чтобы выбить себе пальцы?.. Вы же видите, они дерутся без перчаток,— заметил Хокинс.

Феннет решил встретить противника напрямик. Он остановился, чуть расставив ноги, и еще разок ударил правой. Хокинс с удивлением отметил, что геолог принял удар с явным пренебрежением. «Он намного крепче, чем кажется в действительности»,— подумал Хокинс.

Молодой офицер опять ловко скакнул в сторону, но, поскользнувшись на мокрой траве, упал. Клеменс что есть сил, тяжело навалился на него. Хокинс услышал, как из груди Феннета с шумом вылетел воздух — уф! Толстые руки геолога обхватили поджарое тело офицера, но тот, изловчившись, резко ударил Клеменса в пах. Геолог застонал от боли, но продолжал держать Феннета мертвой хваткой. Одной рукой он вцепился ему в горло, а другой вознамерился выцарапать скрюченными, как когти, пальцами глаза.

— Глаза не трогать!..— закричал судья Бойль.

Он бросился на колени и перехватил руками широкую, как лопата, кисть Клеменса.

В этот момент что-то заставило Хокинса взглянуть наверх. Он услышал, как ему показалось, какой-то посторонний звук, что было практически невозможно при таком шуме вокруг: зрители ревели не хуже болельщиков на матче боксеров-профессионалов. Возможно, звук, заставивший Хокинса поднять вверх глаза, был воспринят им шестым чувством, присущим каждому настоящему астронавту. Он невольно вскрикнул от удивления. Над ареной завис большой вертолет. В его очертаниях имелись едва различимые странности, которые сразу же подсказали помощнику капитана, что машина инопланетная, не землян. Вдруг из гладко отполированного днища вертолета вывалилась какая-то тускло мерцающая металлом сеть и мгновенно опутала обоих борющихся мужчин вместе с доктором Бойлем, Мэри Харт и мисс Тейлор.

Хокинс раскрыл рот, чтобы крикнуть, но не смог издать ни звука. Вскочив на ноги, он бросился на помощь к своим товарищам. Сеть, словно живая, обвилась вокруг его рук и ног. Еще несколько человек кинулось на помощь Хокинсу.

— Назад!— закричал он.— Все назад!.. Прочь, разбегайтесь!..

Глухое жужжание роторов вертолета перешло в резкий свист, и машина стала уходить вверх. В мгновение ока ложбинка уменьшилась в глазах первого помощника капитана до размеров чайного блюдца зеленого цвета, по которому бесцельно суетились, словно маленькие белые муравьи, люди. Вертолет поднялся над низко нависшими облаками, планета исчезла, и ничего не стало видно, кроме колышущейся мертвой белизны.

Когда вертолет пошел наконец на посадку, Хокинс ничуть не удивился, увидев сверкающую серебром башню большого космического корабля, которая возвышалась посреди маленьких деревьев на небольшом плоскогорье.

* * *

Планета, на которую их привезли, показалась бы намного приятнее покинутой ими, если бы не излишняя, основанная на неправильном понимании заботливость их новых хозяев. Клетка, в которую поместили трех мужчин, с поразительной точностью копировала климатические условия планеты, где погибла «Полярная звезда». Стены ее были застеклены, а из разбрызгивателей на потолке постоянно струился мелкий дождик. Стоявшие в камере два унылых древовидных папоротника не служили укрытием от этих неприятных осадков. Два раза в день в углу клетки, сделанной из какого-то подобия бетона, открывался большой

люк, и им бросали куски грибов, аналогичных тем, которыми они питались после кораблекрушения.

На цементном полу имелось большое отверстие, которое служило, как решили заключенные, санузлом. На противоположной стороне имелись еще клетки. В первой содержалась одна Мэри Харт. Находясь, так же как они, за стеклом, девушка могла объясняться с ними только жестами и мимикой. В следующей клетке находился какой-то зверь, что-то вроде помеси омара с каракатицей. Кто содержался по другую сторону широкой дорожки, разглядеть не удалось.

Сидя на мокром полу, Хокинс, Бойль и Феннет глядели сквозь толстые стекла и прочные решетки на странные существа, которые разглядывали их.

— Эх, если бы это были гуманоиды!—вздохнул доктор Бойль.— Если бы они хотя бы немножко были похожи на нас, то можно было бы как-то изъясниться и убедить их, что мы такие же разумные существа, как и они.

— К сожалению, они совсем на нас не похожи,— заметил Хокинс.— В подобной ситуации мы бы тоже вряд ли поверили, что вот эти шестиногие пивные бочки, что стоят по ту сторону решеток,— наши братья по разуму. Чем и как их убедить? Может, начать с математики? Ну-ка, попробуй теорему Пифагора,— обратился он к своему младшему офицеру.

Без особого энтузиазма Феннет отломил несколько веток с ближайшего дерева и, разломив их на несколько частей, начал выкладывать на сыром полу прямоугольный треугольник с квадратами по сторонам.

Туземцы—один большой, другой поменьше, третий совсем маленький—безучастно смотрели плоскими, ничего не выражающими глазами на манипуляции Феннета. Тот, что побольше, сунул одно из своих щупалец в карман—эти твари носили одежду—и, вытащив оттуда какой-то разукрашенный пакетик, дал его малышу. Тот, сорвав обертку, начал совать в узкую щель, что имелась у него сверху и служила, видимо, ртом, кусочки чего-то подобного конфетам.

— Хотел бы я, чтобы им разрешалось кормить сидящих в клетках зверей,—со вздохом молвил Хокинс.— А то меня прямо тошнит от этих проклятых грибов.

— Что же, давайте подведем итоги,—сказал доктор Бойль.— Делать нам все равно нечего. Итак, нас, шестерых, поймали и утащили из лагеря на вертолете, привезли на космический корабль, который, сдается мне, ничем особенно не отличается от наших межзвездных космических лайнеров. Вы, Хокинс, уверяете, что у них на корабле стоят двигатели Эрейнхофта, во всяком случае похожие на них, как две капли воды из одного и того же океана.

— Совершенно верно,—подтвердил старший помощник капитана.

— На корабле нас разместили поодиночке в различные клетки. Никаких карантинов; кормили и поили регулярно. И вот нас доставили на эту неизвестную планету. Здесь торопливо перегнали, как скот, из клеток в крытый фургон и повезли—куда, мы не знаем. Наконец фургон остановился, двери отворились, пара вот

таких жирных ходячих бочек сунула в фургон крючья со своими таинственными сетями и вытащила Клеменса вместе с мисс Тейлор. С тех пор мы их больше не видели. Нас сутки «промариновали» в отдельных клетках, затем отправили вот в эту кунсткамеру...

— Вы считаете, что их подвергли вивисекции?— спросил Феннет.— Я, грешным делом, недолюбливал Клеменса, но такое...

— Боюсь, что так,— отвечал Бойль.— Наши тюремщики таким путем выяснили, что мы различаемся по полу. К сожалению, с помощью вивисекции нельзя установить, обладает ли подопытный интеллектом.

— Вот сволочи!..— воскликнул младший офицер.

— Потише, сынок,— сказал Хокинс.— Их нельзя винить за это, понимаешь. Мы подвергаем анатомическим исследованиям животных, которые намного больше похожи на нас, чем мы на этих тварей.

— ...Наша задача,— продолжал доктор,— убедить этих тварей, как вы их назвали, Хокинс, в том, что мы такие же разумные существа, как они, что мы обладаем интеллектом. Но как это сделать — вот вопрос? Каким образом доказать им, что у нас есть разум? Кого мы называем разумным?

— Того, кто знает теорему Пифагора,— мрачно буркнул Феннет.

— Я где-то читал,— заметил Хокинс,— что история человечества — это история существ, которые умеют добывать огонь и изготавливать орудия труда.

— Тогда давайте разведем огонь,— предложил доктор.— Или сделаем какие-нибудь орудия производства и начнем их использовать.

— Не валяйте дурака,— прервал его первый помощник капитана.— Вы же знаете, что у нас нет для этого сырья, металла. У нас нет даже искусственных зубов — все съела проклятая плесень.— Хокинс на минутку призадумался.— Знаете что, когда я был молодым и красивым, то всех юнг на корабле учили разным древним ремеслам. Нас считали прямыми наследниками матросов со старых морских парусников, так что учили вязать шкоты, плести веревки и маты, сращивать концы тросов, разжигать огонь и многое другое... Потом кому-то из нас взбрело в голову плести корзины. Служили мы тогда на пассажирском лайнере, курсирующем от Солнца до Альдебарана; корзины плели втайне и, раскрасив в невообразимо дикие цвета, продавали простакам-пассажирам, выдавая свои творения за подлинные изделия туземцев с далекой планеты Арктура VI. Вот был скандал, когда Старик и первый помощник пронюхали о наших...

— Короче, куда вы клоните?— спросил доктор.

— А вот куда. Мы покажем этому зверю нашу сноровку и уменье, наш интеллект, когда сплетем корзины... Я научу вас.

— Хм, пожалуй, это может сработать,— сказал задумчиво Бойль.— Наверняка может. Однако вспомните: некоторые виды животных тоже плетут. Бобры, например, на Земле, ох как ловко строят свои плотины из ивовых прутьев. А возьмите беседковых птиц, их еще шалашниками называют, так те начинают плести себе гнезда в период спаривания.

* * *

Главный смотритель кунсткамеры, должно быть, знал о животных, которые накануне спаривания начинают плести, подобно шалашникам, гнезда. К концу третьего дня лихорадочного плетения корзин, на которые ушли все подстилки, а деревья остались голыми, Мэри Харт из ее одиночной камеры перевели в клетку к трем мужчинам.

«Это, конечно, хорошо, что Мэри перевели к нам,— сонно подумал Хокинс.— Еще пару дней одиночного заключения, и бедняжка наверняка сошла бы с ума». Однако нахождение девушки в одной клетке с мужчинами имеет свои отрицательные стороны. Придется ему теперь присматривать за молодым Феннетом. Да и за доктором — этим старым ловеласом — нужен глаз да глаз.

Вдруг неожиданно среди ночи Мэри закричала.

С Хокинса мгновенно слетел сон. Он увидел неясные очертания Мэри в одном углу клетки (на этой планете ночи никогда не были совершенно темными), а в другом — Феннета и Бойля.

Торопливо вскочив на ноги, он заковылял к девушке.

— В чем дело? Что случилось?

— Не знаю... Мне показалось, что кто-то маленький с острыми коготками пробежал по мне.

— А-а-а,— протянул Хокинс.— Это наш Джо.

— Джо?— спросила девушка.— Какой такой Джо?

— Точно не знаю, но такой зверек,— отвечал помощник капитана.

— Что за Джо? — продолжала допытываться Мэри.

— Да нечто вроде нашей мыши,— донесся с противоположного угла голос доктора,— хотя он мало похож на нее. Обычно вылезает по ночам из подпола за крошками. Ну, мы его начали подкармливать, чтобы приручить...

— Вы потворствуете этой гадине!..— закричала Мэри.— Сейчас же поймайте его или отравите. Сейчас же. Я страшно боюсь мышей.

— Завтра сделаем,— сказал, успокоившись, Хокинс.

— Нет, сейчас!.. Сейчас!..— настаивала девушка.

— Завтра,— жестко сказал Хокинс и, повернувшись, отправился досыпать.

* * *

Джо изловили очень легко. Взяли две мелкие корзины, скрепили их между собой петлями наподобие устричных раковин, и получилась превосходная мышеловка. Положили внутрь приманку — большой кусок гриба. Искусно поставили подпорку так, что она должна была упасть сразу, как только кто-нибудь коснется приманки.

Хокинс, лежавший без сна на своей мокрой подстилке, услышал тихий писк и глухой стук, который подсказал ему, что мышеловка захлопнулась. Он услышал, как крошечные коготки яростно зацарапали по прочно сплетенным стенкам корзины; затем раздалось негодующее верещание зверька.

Мэри Харт спала непробудным сном, когда Хокинс потряс ее за плечо.

— Он пойман,— сказал он ей.

— Кто пойман? — спросила спросонья девушка.

— Джо пойман, вот кто.

— А-а-а, тогда убейте его,— пробормотала она и мгновенно снова уснула.

Однако Джо убивать не стали. Мужчины уже привязались к нему, так что с наступлением утра они пересадили его в клетку, которую специально для него соорудил Хокинс. Даже девушка размякла при виде крошечного безобидного комочка пушистого яркого меха, возмущенно снующего взад-вперед в своей тюрьме. Она настояла, что сама будет кормить зверька, и радостно взвизгивала каждый раз, когда тоненькие лапки протягивались из-за прутьев решетки и хватали очередной кусочек гриба.

Три дня они забавлялись своей живой игрушкой. На четвертый день существа, которые кидали им корм, вошли в клетку со своими сетями, связали и унесли первого помощника капитана и маленького Джо.

— Боюсь, что Хокинса мы больше не увидим,— молвил Бойль.— С ним сделают то же, что и...

— Они сделают из него чучело и выставят в каком-нибудь своем зоологическом музее,— мрачно сказал Феннет.

— Нет!— гневно воскликнула Мэри.— Они не имеют права!..

— Права?.. Они и спрашивать никого не станут...

Вдруг находящийся позади них люк широко распахнулся, и, прежде чем три оставшихся в живых человека успели отступить в угол на безопасное расстояние, чей-то голос произнес:

— Все в порядке, ребята. Выходите по одному.

И в клетку вошел Хокинс. Но какой!!! Гладко выбритый, а на бывшем когда-то бледным лице сиял здоровый свежий загар. На нем были отличные спортивные трусы, сшитые из какой-то необычайной ярко-красной материи.

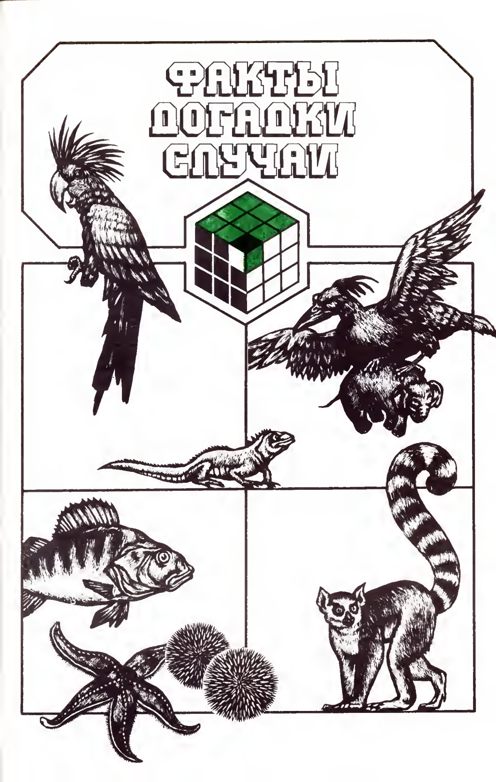
— Выходите,— сказал он снова.— Наши хозяева приносят свои самые искренние извинения. Они уже приготовили нам более подходящее жилье. А потом, как только они снарядят корабль, мы отправимся за остальными нашими людьми.

— Постой, постой!.. Не так быстро,— сказал Бойль.— Вначале объясни, что произошло. Скажи, что заставило их понять, что мы тоже разумные существа?

Лицо Хокинса на минутку омрачилось.

— А то,— нехотя молвил он,— что только разумное существо может посадить другое в клетку.

Перевод с английского *Николая Колпакова*


ФАКТЫ
ДОГАДКИ
СЛУЧАИ

ФАКТЫ · ДОГАДКИ · СЛУЧАИ

Дэвид Этенборо

МАДАГАСКАРСКИЕ ДИКОВИНЫ

Художник В. РУДЕНКО

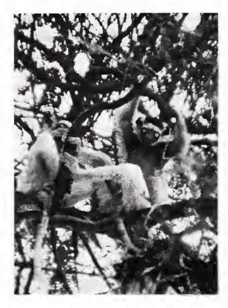
На карте мира Мадагаскар выглядит скромным клочком суши, отколовшимся от восточиого бока Африки. На самом деле это огромный остров, протянувшийся на тысячу миль в длину. При этом населеиием, своим растительиым и животным мнром Мадагаскар отличается от соседней Афрнки не меньше, чем от Австралии, лежащей в четырех тысячах миль дальше.

Мы летели иа Мадагаскар из Найроби. Внизу простирались бурые равнины Кении, безлесные, если не считать скоплений колючих кустарников и отдельных пальм, отбрасывавших тонюсенькую тень, словно воткиутые в карту булавки. Этот однообразный фон оживляло несметное количество зверей. Вереницы гиу медленно тяиулись по тропам, сверху напоминавшим оставленные когтистой лапой царапины. Стадо из трндцати крошечных жирафов, напуганное ревом моторов, бросилось прочь от скользившей по земле тени самолета. Чуть поодаль щипали траву зебры с антилопами и козами.

Наш самолет иабирал высоту, держа курс иа маячившую вдали снежную макушку Килиманджаро, и животиые внизу исчезали из виду. Но воображеиие продолжало работать. Легко было представить себе, как в серебрившихся на солнце реках резвятся, сопя от удовольствия, гиппопотамы, в тени зарослей таятся львы, следя за отбившейся от стада зеброй, среди колючих акаций стоят в своих пыльных доспехах носороги, а полчища бабуинов, гиен и диких собак иосятся в сухой траве...

Вскоре самолет повис иад пронзительно голубым Мозамбикским проливом. Впереди показались окруженные пенистым кольцом прибоя пирамидки Коморских островов, медлеино проплыли под левым крылом н пропали, словно мираж. Через два часа после того, как мы покинули Африку, иа горизонте в туманиой дымке возник Мадагаскар.

Мы приближались к другому миру. Напрасно было бы искать среди лесов н долин острова кого-нибудь из представителей богатейшей фауны кений-



Лемурам нравится
нграть роль «киизвезд»

ских саванн: здесь не встретишь ни обезьян, ни антилоп, ни слонов, ни крупных хищников. За короткое время, что самолет пересекал пролив, мы спустились по лестнице эволюции на пятьдесят миллнонов лет вниз и очутились перед дверью в один из чуланов Природы, где сохранились древние, забытые формы жизни, давио исчезнувшие во всем остальиом мире.

Очарование заброшенных чуланов связано ие только с тоской по прошлому. Восковой цилиндр старого эдисоновского фоиографа волнует воображение ие только потому, что в свое время ои произвел революцию в технике, ио и потому, что в ием видишь прообраз ныиешних ультрасовремениых приборов. Ииогда в чердачной пыли и паутиие удается отыскать забавиую безделицу, которая ничего ие «породила» и выглядит сейчас настолько старомодио, что иевозможио даже понять ее предназначение. Подияв скрипучую крышку забытого сундука, можно иайти какой-инбудь завалявшийся турнюр или платье такого немыслимого покроя, что просто диву даешься, сколь фантастически измеиилнсь вкус и мода. Такое же чарующее чувство соприкосиовения с прошлым охватывает при первом зиакомстве с фауиой Мадагаскара. Его животные — пришельцы из тьмы веков — кажутся нам, зиакомым с высокоорганизованными существами, населяющими остальиой мир, причудливыми диковииами.

Пятьдесят миллиоиов лет назад Мадагаскар еще был связаи с Африкой. Мир, уже будучи старым в геологическом смысле, еще не произвел тогда обезьяи, и самую высокую ветвь эволюционного древа, завершившегося в коиечном нтоге появлеиием человека, в те времеиа заиимали лемуры. Эти существа уже обладали миогими особеииостями, которые впоследствии стаиут характериыми для обезьяи. Форма н пропорции тела у них были обезьяньими, а кисти и стопы иапомииали человеческие. Остреиькие мордочки, правда, были типичио лисьими. Ноздри, похожие иа две перевериутые запятые, родиили их с собаками н кошками. Головиой мозг лемуров был отиосительно небольшим, в ием еще ие сформнровались сложные доли передней части черепа, где, по всей вероятности, сосредоточеи интеллект. Органы размножения были весьма примитивиыми; у одного-двух видов даже сохраиились рудиментариые остатки кожиой сумки, в которой кеигуру и другие сумчатые донашивают рождающееся в эмбриональном состояиии потомство.

Лемуры в пору своего золотого века оказалнсь весьма удачливыми. В те далекие времена Мадагаскар, служивший им штаб-квартирой, еще не откололся от других континентов. Лемуры благодействовали, распростраияясь по всему свету и оставляя ученым для нсследоваиия нскопаемые останки своих костей в скальиых породах Англии, Франции и Севериой Америки. Но около двадцати миллиоиов лет иазад произошло два велнкнх события, определившие нх судьбу. Во-первых, Мадагаскар окончательио отделился и стал островом, а, во-вторых, в иеобъятиом эволюционном очаге Африки развились высокоорганизованные млекопитающие. Лемуры оказались ие в состояиии успешио конкурировать в борьбе за пищу и территорию с этими животными, средн которых были обезьяны, превосходящие их объемом мозга, и крупиые хищиики. В результате почти все лемуры и их собратья за пределами Мадагаскара вымерли.

На острове насчитывается около двадцати видов лемуров. Некоторые своими размерами и повадками напомииают мышей, другие — белок, третьи — циветт. Но больше всего оии похожи иа малеиьких обезьянок, а один вид можно сравнить только с человекообразными обезьянами. Хотя лемуры являются одиими из древиейших прародителей человека и тем самым представляют иеобыкиовеииый интерес для зоологов,

о иих известно на удивление мало. Лишь один-два вида размножаются в неволе, и их изучают в зоопарках. Большинство же никогда не удавалось вывезти живьем с Мадагаскара.

Наличие лемуров не единственная особенность фауны острова. Здесь встречается множество других странных созданий, например напоминающие ежиков зверьки под названием «тенреки», имеющие сородичей только в джунглях Конго и на островах Карибского бассейна; змеи, похожие не на африканских питонов, а на южноамериканских удавов; кроме того, сорок шесть видов птиц являются эндемичными и не водятся нигде, кроме Мадагаскара.

Самолет приземлился в главном аэропорту Мадагаскара, расположенном в центре острова. Не могу точно сформулировать, что я ожидал увидеть на двадцатикилометровом пути от аэропорта к столице, но наверняка не то, что открылось в действительности. Хотя солнце палило с тропическим усердием, воздух был прохладен и свеж, поскольку мы находились на высоте около тысячи метров над уровнем моря. Волнообразно вздымавшиеся холмы не были распаханы под кукурузу или кассаву, как в Африке; повсюду, насколько хватал глаз, уступами спускались террасы рисовых полей, и от этого казалось, что мы очутились где-то в Азии. Впечатление еще больше усиливали лица людей, стоявших на обочине: светло-коричневым оттенком кожи и прямыми черными волосами они напоминали малайцев. Зато их одежда — широкополые фетровые шляпы и яркие накидки типа пончо — придавала им вид латиноамериканских крестьян-пеонов. Деревни, которые мы проезжали, состояли из вытянутых двухэтажных строений красного кирпича с островерхими крышами и узкими балкончиками, подпертыми тонкими квадратными столбиками.

Названия деревень были труднопроизносимы — Имеринцнатосика, Ампахитроитеиаиа, Амбатомирахаватн... У меня потемнело в глазах: если это типичные наименования островных населенных пунктов, то найти нужное место не удастся ни за что на свете. Забегая вперед, скажу, что задача оказалась еще сложнее, чем представлялась вначале, поскольку в малагасийском языке слова редко произносятся так, как пишутся...

Моим спутником был Джефри Маллиган, с которым год назад мы ездили по островам Меланезии в юго-западной части Тихого океана, снимая фильм о традициях островитян. На Мадагаскаре мы планировали снимать на пленку зверей и, если получим разрешение, забрать с собой для Лондонского зоопарка несколько живых экземпляров. Естественно, нам было известно, что лемуры находятся под охраной государства, но все же надеялись, что в виде исключения нам позволят поймать и увезти в Европу одного или двух представителей самых многочисленных видов. Поэтому первым мы посетили директора Научно-исследовательского института М. Полиана. Он гостеприимно принял нас и вежливо выслушал наши планы и просьбы.

— Очень сожалею,— сказал он,— но должен предупредить: об отлове лемуров не может быть и речи. Закон категорически запрещает не только убивать этих зверей, но даже держать их в качестве домашних животных. Понятно, у нас не хватает людей, чтобы контролировать всю территорию Мадагаскара, поэтому и наши работники, и служащие лесного ведомства всеми силами стараются убедить население не причинять вреда лемурам. Сейчас эта кампания уже приносит плоды. Представьте, что вы начнете ловить лемуров и привлекать в помощь местных жителей. Они справедливо сочтут, что для белого иностранца существует один закон, а для мадагаскарца — другой. Вся наша работа пойдет насмарку. Поэтому прошу вас как натуралист, посвятивший жизнь охране здешней уникальной фауны, строго соблюдать правила. Уверен, вы все поймете правильно. Нельзя рисковать будущим этих редчайших животных.

Нам оставалось лишь согласиться со всем сказанным.

— Снимайте их сколько угодно,— продолжал Полиан.— Этим вы окажете большую услугу. Широкая публика знает о лемурах очень мало, так что показ их по телевидению привлечет внимание к судьбе зверей. Сюда редко приезжают для съемок... Что касается зоопарка, то я дам вам разрешение на отлов других особей, которым не грозит вымирание. Кстати, с вами может отправиться один из моих помощников. Он прекрасно знаком с местными условиями и заодно будет служить переводчиком.

Так мы познакомились с Жоржем Раидриасоло, молодым лаборантом-малагасийцем, который исколесил весь остров в поисках птиц и насекомых для коллекции института. Это был невысокий худой человек с длинными мускулистыми ногами, на первый взгляд казавшийся тщедушным, но впоследствии

проявлявший чудеса выносливости. Его глаза вспыхивали радостным огнем по мере того, как мы знакомили его с планами экспедиции. Было ясно, что Жорж горел желанием отправиться в путь не меньше, чем мы.

Мадагаскар просто клад для географа. Не покидая острова, здесь можно изучать разнообразие рельефа, смену климатических зон, особенности растительности, причем все это имеет мало аналогов в других частях света, а многое не встречается больше нигде.

В первый день мы проехали триста миль по нагорью, составляющему спинной хребет Мадагаскара. Дорога была жутко ухабистой, от тряски у нас едва не вываливались зубы, разговаривать в машине было невозможно, а генератор отваливался трижды. Но тяготы пути в полной мере компенсировал пейзаж.

По обе стороны возвышались голые скалы, а у подножий из травы торчали серые валуны, каждый величиной с дом. Вершины имели причудливую форму и напоминали то буханку хлеба, то купол, то зубчатую стену рыцарского замка. Жорж знал их по именам. Для многих, рассказал он, вершины гор — это святые места, куда люди поднимаются хоронить своих близких.

Деревьев было мало. Дело в том, что на острове вскими сводили леса и эрозия уничтожила почву, оголив скальные породы. Редкие деревца торчали из каменистой земли, словно кости отощавшего животного. В последние десятилетия были предприняты значительные усилия по рекультивации опустошенных земель, но структура почв изменилась так сильно, что местные породы уже не могут там расти, и лесоводам пришлось сажать завезенные из Австралии эвкалипты...

На третий день пути исчезли и они: мы въехали в южную часть острова, где на выжженных песках способны выжить лишь приспособившиеся к условиям пустыни растения. Но к вечеру декорации вдруг переменились. Поодаль возникли стоявшие рядами тонкие, без единой веточки стволы высотой по десять метров; каждый ствол ощетинился броней из шипов и был окутан гирляндами светло-зеленых листочков размером в шестипенсовую монету. Деревья назывались дидиереи.

Именно в эти леса мы и ехали. Жорж сказал, что здесь водятся сифаки — разновидность лемуров, наиболее похожая на обезьян. Они должны были стать первыми героями нашего фильма.

Сифаки

Жорж предложил остановиться на ночевку в деревне, которую он назвал Футак. Уже приученные к особенностям малагасийского произношения, мы не удивились, когда оказалось, что на карте она называлась Ифотака.

Утром спозаранку мы отправились на поиски сифак. Работать в здешних лесах было неприятно: шипы стволов дидиерей и растущие между ними колючие кусты рвали одежду, больно царапали тело. Во многих местах путь преграждали наполовину упавшие стволы — они намертво сцепились с кустарниками, так что нельзя было ни перешагнуть через них, ни проползти под ними. Одолеть чащобу можно было, только прорубая дорогу мачете, но делать этого не хотелось: стук непременно распугал бы всех лесных обитателей от мала до велика. Приходилось обходить бурелом, иногда делая большой крюк, и мы часто теряли направление.

Уже час мы продирались сквозь плотный, неприветливый лес. Наконец в зарослях дидиереи появился просвет. Мы ринулись туда в надежде передохнуть и подкрепиться на прогалине.

Я тихонько отвел кончиком мачете тонкую ветку и уже собирался шагнуть вперед, как вдруг заметил посреди солнечной полянки три маленькие белые фигурки, стоявшие у низкого цветущего кустика. Они деловито срывали лепестки и обеими лапами запихивали их в рот. Я застыл как вкопанный. С полминуты зверьки продолжали кормиться. Затем сзади подошел Жорж и, ни о чем не догадываясь, наступил на ветку. Та хрустнула. Три зверька тотчас оглянулись на нас и дунули прочь большими прыжками. Они отталкивались от земли длинными задними лапами, а короткие передние держали перед собой, словно на соревнованиях по бегу в мешках. За несколько секунд они проскочили полянку и исчезли в зарослях дидиереи.

Жорж расплылся в счастливой улыбке:

— Сифаки! Я вам говорил, они должны быть здесь. Не беспокойтесь, мы их еще встретим, они не могли уйти далеко.

Мы быстро прикрепили камеру к штативу, насадили длинный объектив и двинулись вслед за зверьками в кустарник. В собранном виде камера была не только тяжелой, но и жутко неудобной: когда мы волокли ее сквозь заросли, ножки штатива беспрерывно цеплялись за сплетения ветвей. К счастью, далеко тащить не пришлось — через несколько

миiут шедший в аваигарде Жорж подиял руку. Мы почти беззвучио подкрались к нему. Проводиик указал пальцем вперед, где среди раскачивающихся стволов дидиереи видиелся комок белого меха. Затаив дыхание, мы стали раздвигать кусты, чтобы пропустить Джефа с камерой. Операция оказалась ие самой простой: колючки ие желали расставаться со штативом.

Наконец было иайдено удобиое место с отиосительио хорошим обзором. Сифака сидела иа верхушке дидиереи, вцепившись в ствол; оиа явио видела иас, ио ие проявляла особениого беспокойства. Возможно, зверек чувствовал себя неуязвимым: одио дело — иа земле, а другое — иа десятиметровой высоте.

Шаг за шагом мы передвигали камеру к объекту, пока ближе подходить уже не было смысла: телеобъектив позволял Джефу сннмать мордочку зверька крупиым плаиом. Густая шелковистая шерсть сифаки была белосиежиой, только иа макушке торчал рыжевато-коричиевый вихор. Длииный пушистый хвост был свериут кольцом между ног. Лицо — голое, без шерсти, и чериое как смоль — мало походило иа обезьяньe, поскольку сифака вообще ии иа кого ие похожа. Передние лапы зверька зиачительио короче задинх, оттого он передвигается по земле в вертикальном положеиии. Поглядев на иас своими горящими топазовыми глазами, сифака издала смешиой хрюкающий звук, нечто вроде «шии-фак». Отсюда, естествеиио, и наименоваиие животиого. Европейские зоологи произиосят его в три слога — «сифака», но малагасийцы по обыкиовеиию опускают последиее «а», и иазваиие зверька, слетающее у иих с языка, действительио очеиь иапомииает издаваемый им звук.

К волиеиию и радости у меия примешивалась толика тщеславия: сифаки ие выживают в иеволе и мало кому из натуралистов доводилось иаблюдать их в естествеииой среде. Поэтому сведения об их привычках и повадках весьма скудиы, хотя подробиые аиатомические описания этих животиых существуют уже давио. Все специалисты сходятся иа том, что сифака обладает феиомеиальной прыгучестью.

Сейчас иам представлялась возможиость проверить это утверждение: сифака сидела как раз на верхушке дерева. При отступлеиии ей пришлось бы спрыгнуть вииз, иа другую ветку, либо перескочить иа соседиюю дидиерею, а до иее было метров шесть, ие меньше. Мие думалось, она предпочтет второй вариант, если, конечио, расстояние ие покажется ей слишком большим. Мы отодвииули камеры чуть в сторону, заияв самую выгодную позицию, и Жорж решительиым шагом направился к зверьку. Сифака взгляиула иа иего широко раскрытыми глазами, прокричала три-четыре раза, после чего... мужество оставило ее. Она подобралась и, резко оттолкнувшись могучими задними лапами, взмыла в воздух. Несясь стрелой, она выбросила вперед все четыре лапы, приготовившись вцепиться в вертикальиый ствол соседией дидиереи. Тело зверька летело в вертикальиом положении, хвост развевался сзади. Послышался отчетливый шлепок — сифака достигла цели и обхватила передними лапами ствол. Тот закачался от удара, и акробат победио огляиулся иа иас через плечо.

Местные жители могли многое рассказать о сифаках, но отличить факты от выдумки было не так просто. Уверяли, например, что животные зиают секреты врачевания; раиеная сифака якобы кладет поверх ран особые листики, способствующие быстрому заживлению,— потрясающее качество, если это правда. Из другого рассказа явствовало, что самка-сифака, перед тем как родить, выдергивает у себя с груди и предплечий шерсть, которой выстилает люльку, и, иаложив туда камешков, подвешивает ее на дерево, чтобы не снес ветер. Вполне вероятио, что это соответствует действительиости, поскольку в ряде описаний есть указаиия на то, что после рождения детеиышей у самок появляются пролысиiы именно в этих местах. С другой стороны, как мы обнаружили позже, детеиыши сифаки, подобио обезьяиам, очеиь раио прицепляются к телу матери, и та иосит их повсюду, так что устроеииое цеиой стольких мучений гиездо служит очень короткое время.

Одиа из трогательных историй о сифаках имеет под собой почву. Зверьки забираются раниим утром на самое высокое дерево и сидят там, подияв передине лапы, лицом к востоку в ожидании первых нежных лучей солнца. Местиые жители говорят, что оии — иабожные создаиия и поклоияются солнцу. Возможио, поэтому сифаки считаются «фади» — табу, и, конечио, в прежиие времеиа иикто не отваживался причиiить им вред. К несчастью для животных, старые поверья быстро отмирают даже в таких заброшенных уголках Мадагаскара. К тому же поимка зверьков не представляет особого труда, поскольку сифаки очень доверчивы: когда они сидят иа ветке, к ним можио подойти вплотиую, если не делать резких движений.

Обычно сифаки проводили все утро в «спальне» — на верхушках качающихся стволов диднерен, греясь на солнце и запихивая в рот пищу. В самое жаркое время дня они спускались пониже, в тень, и дремали, лениво развалясь на ветках в самых немыслимых позах; иногда мы всерьез опасались за них: случалось, сифаки просто привалнвались к стволу, оставляя лапы болтаться в воздухе, или сворачивались клубочком, подтянув колени к подбородку; иногда — это, пожалуй, было самое комичное — они вытягивались во всю длину на ветке, свесив вниз передние и задние лапы.

Однажды вечером парочка сифак замешкалась. Самка уселась на горизонтальной ветке, болтая ногами и расчесывая зубами шерсть. Сзади к ней подкрался самец. Она делала вид, будто не замечает его. Неожиданно он прыгнул на нее, чуть не сбив с ветки борцовским приемом «полунельсон». Она повернулась, выскользнула из цепких объятий ухажера и зажала ему голову под мышкой. Он начал извиваться, потом обхватил ее вокруг талии двумя лапами и крепко прижал. Она широко раскрыла рот, не издав ни звука. Могу поклясться, она смеялась! Шуточная потасовка длилась минут пять. Потом они вдруг расцепились и, сидя напротив друг друга, уставились на зрителей, стоявших, задрав головы, в двенадцати метрах под ними. Мы не шелохнулись. Через секунду самка неожиданно схватила пальцами левой ноги переднюю лапу самца, и вольная борьба вступила во второй раунд.

Это не было настоящей схваткой, и, хотя иногда сифаки прихватывали зубами руку или ногу партнера, они никогда не кусали друг друга. Это была игра.

Животные часто играют в детстве, приобретая навыки, которые им понадобятся во взрослой жизни: щенок трясет башмак точно так же, как он позже будет трясти крысу; котенок прыгает на моток шерсти, оттачивая движения, необходимые при ловле мышей. Взрослые звери, живя в неволе, тоже предаются играм, ища выход нерастраченной энергии. Но вид живущих в естественной среде взрослых зверей, играющих просто ради забавы,— большая редкость. В безжалостном мире дикой природы у них редко выдается время для развлечений.

Однако у сифак, похоже, нет тех проблем, которые заботят большинство зверей. Им не приходится добывать пищу: плоды манго, индийские финики, лепестки цветов и сочные зеленые побеги — все это имеется в изобилии и легко доступно. Их не преследует постоянный страх, им не нужно все время прятаться, поскольку на острове у них нет естественных врагов. И еще один, пожалуй, наиважнейший фактор — они живут семьями.

Если вы понаблюдаете за стадом обезьян, то скоро убедитесь, что структура их сообщества строится по жесткому иерархическому принципу. Каждая обезьяна знает свое место. Она раболепствует перед старшим и безжалостно задирает младшего по рангу. В результате вы редко, а то и вовсе не увидите двух взрослых обезьян, играющих друг с другом ради удовольствия.

Среди сифак мы не видели ничего подобного. Их семейная жизнь основана на привязанности. За долгие часы, что мы наблюдали зверьков, они никогда не дрались, зато мы многократно видели их играющими или ласкающими друг друга, как сейчас.

Мы могли вдоволь налюбоваться трогательным зрелищем. Сифаки были неистощимы в выдумке. Только когда солнце начало наливаться краснотой, самка вырвалась из объятий дружка. Левой ногой она ловко сбросила с ветки хвост, словно дама викторианской эпохи, откидывающая назад длинный шлейф. Самец повторил ее жест, и они отправились по веткам обратно в «спальню».

Птицы-великаны

Покинув Ифотаку с ее причудливым лесом, мы поехали на запад, в еще более жаркое и засушливое место. Колеса часто вязли в песке, мотор то и дело глох. Приходилось идти на малой скорости: «лендровер» буксовал, извергая струи песка из-под задних колес. Если мы прибавляли скорость, машину начинало швырять из стороны в сторону. К счастью, по обеим сторонам дороги стояли заросли колючих кустарников, молочая и сизаля; окажись там кювет, нам бы не поздоровилось.

Лагерь разбили в нескольких милях от берега в месте, где на карте была обозначена голубая линия под названием «река Линта». Мы рассчитывали увидеть реку, но обнаружили лишь русло шириной в полмили между скалистыми берегами, наполненное сухим горячим песком.

В эти пустынные просторы мы прибыли с единственной целью — найти крупнейшие в мире птичьи яйца, породившие легенду о птице Рух.

В арабских сказках часто встречаются упоминания об этих фантастиче-

Птица Рух несет в когтях слона.
Гравюра из книги Теодора де Бри «Описание заморских земель» (1594 г.)

ских гигантских существах. В средние века крестоносцы, возвращаясь из походов, привозили с собой в Европу восточные легенды. Наибольшую известность получили сказки «Тысячи и одной ночи». Герой саги о Синдбаде Мореходе нашел яйцо величиной с дом, а один из спутников Синдбада разбил его; тогда Рух взлетела над кораблем, заслонив крыльями солнце, начала в отместку бросать вниз куски скал и потопила судно.

Для Марко Поло, путешествовавшего в XIII веке, птица Рух была не легендой, а вполне реальным существом. В своем описании он приводит такие подробности:

«Ее можно полагать похожей на орла, только во много раз больше; птица столь велика, что ее крылья покрывали в размахе тридцать десятин, а перья были по двенадцать десятин и толсты весьма. И силы у нее так много, что может схватить когтями слона, вознести его в поднебесье и бросить наземь, где он разбивается на куски; убив его, птица устремляется вниз и поедает от него, сколько захочет».

Поло не утверждал, что сам видел это фантастическое создание, но в доказательство его существования описывал перо, присланное в дар его властелину Хубилайхану. Перо было девяносто пядей* в длину, а обхватить его ствол можно было лишь двумя ладонями. Впечатляющий предмет был, по всей видимости, высохшей пальмовой ветвью — несомненной редкостью в Пекине XIII века. Но Марко Поло пошел в своих описаниях еще дальше. Он привел свидетельства достойных доверия очевидцев, побывавших в местах, где он сам не был. Согласно им, птица Рух обитала на островах, расположенных «к югу от Мадагаскара».

При первом чтении кажется, что в этих словах нет никакого смысла, поскольку к югу от Мадагаскара на сотни миль тянется океан. Однако указание не столь абсурдно, как представляется. Поло пишет, что в стране Мадагаскар много верблюдов и что там идет богатая торговля «слоновьими зубами». Эти детали не имеют никакого отношения к острову, ныне носящему название Мадагаскар. Вероятнее всего, собеседники рассказывали Марко Поло о городе Могадишо на восточном побережье Африки, где действительно много верблюдов и слоновой кости. Если так, то тогда «островами к югу от Могадишо» должны быть Мадагаскар и его соседи — Реюньон и Маврикий. Более того, у информаторов Марко Поло были веские основания считать, что птицы Рух обитали именно там; три века спустя, в 1658 году, в этом убедился и европейский ученый мир.

В том году француз сьер Этьен де Флакур, назначенный королевским рес-

* 1 пядь=22,8 см.

Эпиорнис (реконструкция)

криптом главой Французской Ост-Индской компании и губернатором Мадагаскара, опубликовал первую книгу об острове. Эта изобилующая интереснейшими подробностями работа содержит списки местных растений, минералов, рыб, насекомых, млекопитающих и птиц. Среди прочего мы находим там следующее описание:

«Вурон патра — гигантская птица, живет в краю ампатров (на юге Мадагаскара), откладывает яйца, похожие на страусиные; сама птица из породы страусов: обитает в безлюдных местах, чтобы ее не могли поймать».

Сообщение не вызвало сенсации. В те времена каждый путешественник привозил домой свежеиспеченные истории об увиденных чудесах и открытиях, потому описание птицы не привлекло внимания и вскоре забылось. Но в 1832 году другой француз, Виктор Сганзен, увидел на Мадагаскаре яйцо «вурон патра». Местные жители использовали его как сосуд для воды. Яйцо было поразительных размеров — тридцать сантиметров в длину, в шесть раз больше страусиного! Сганзену удалось купить и отправить драгоценную реликвию в Париж на купеческом судне. К несчастью, корабль потерпел крушение и затонул возле Ля-Рошеля; яйцо так и не доехало до Парижа. Лишь в 1850 году в Европу попали три странных предмета — три целых яйца и несколько обломков костей, привезенных во Францию морским капитаном по фамилии Абади.

Несколько лет в ученых кругах велись горячие споры о том, что же это за птица, откладывающая столь необычайные яйца. Одни авторитеты решительно заявляли, что таинственное существо — орел типа описанного в книге Марко Поло. Другие полагали, что птица — огромный пингвин или гигантский пастушок. В конце концов вопрос решился сам собой, когда из болота в центральной части Мадагаскара удалось извлечь птичьи кости гигантского размера. Стало ясно, что птица была действительно похожа на страуса и не могла летать. Ученые назвали ее эпиорнисом.

При реконструкции оказалось, что рост птицы достигал трех метров. Это не рекорд — рост вымерших новозеландских моа был еще больше; но эпиорнис обладала на редкость крепким телосложением и, безусловно, была тяжеловесом мира пернатых. Ее вес достигал, по некоторым подсчетам, 450 кг.

Флакур был прав: птица принадлежала к семейству страусов; если учесть, что губернатор не видел ее костей и не ведал сравнительной анатомии, чтобы прийти к такому заключению, то становится очевидным, что информаторы Флакура видели это существо живым. Сейчас, как ни печально, птица принадлежит к вымершим видам. Мадагаскар хоть и огромен, но на нем не осталось уголков, не исследованных настолько, чтобы там могло скрываться существо размеров эпиорниса. Тем не менее гигантские яйца сохранились, и я лелеял надежду отыскать в песках возле пересохшей реки Линты если не целое яйцо, то по крайней мере его кусочки.

Мы разбили палатку под молочаевым деревом недалеко от десятиметрового колодца, единственного источника на многие мили кругом. Люди приходят сюда из далеких селений. Вытягивая ведром воду, они пьют сами и поят пригнанный скот.

Внешне местные жители походили на типичных африканцев: мужчины коротко подстригали курчавые волосы, а женщины заплетали их в двадцать — тридцать тоненьких косичек, свисавших на уши. Я внимательно наблюдал за приходившими к колодцу: ведь 150 лет назад Виктор Сганзен видел, что они носили воду в огромных яйцах. Может, те и сейчас в ходу в качестве фляг? Каждый мужчина, женщина или ребе-

нок имели при себе какую-нибудь тару — железное ведро, консервную банку, металлическую фляжку, высушенную тыкву или разрезанную пополам канистру из-под машинного масла с приделанными веревочными ручками. Но ни у кого не было ничего даже отдаленно напоминавшего яйцо. Надежда отыскать его становилась все более призрачной...

Жоржу очень хотелось найти для коллекции института необычных, похожих на кукушку птиц, обитавших, по некоторым предположениям, в здешних кустарниках. Он отправился на рекогносцировку, а мы с Джефом начали поиски выеденного яйца, вернее, кусочков яичной скорлупы.

Солнце палило нещадно. На небо нельзя было взглянуть, в дюнах припекало, как на сковородке. Поверхность песка раскалилась так, что ходить по ней босиком было бы равнозначно (во всяком случае для нас) физической пытке. Даже отраженный свет настолько бил в глаза, что приходилось щуриться. Время тянулось медленно, при каждом шаге песок проседал под ногами, и это делало ходьбу вдвойне изнурительной.

Какой бы мертвой ни казалась пустыня, в ней всегда можно найти признаки жизни. Вот и нам попадался то извилистый след змеи, то след ящерицы, чей хвост оставил между отпечатками лап тоненький волнистый желобок, то цепочки следов, похожих на стрелы с коротким древком, в местах, где по песку топотали маленькие птички.

Пауки оплели ветки низкорослых колючих кустарников паутиной, подвесив к ней каким-то непостижимым образом в качестве грузиков пустые раковины улиток; в результате шелковистая сеть все время туго натянута. Под одним кустом мы обнаружили прелестную черепаху полуметровой длины с выпуклым шоколадным панцирем, исчерченным расходящимися желтыми линиями. Мы знали, что многие племена почитают этих животных. Если человеку попадается на пути такая черепаха, он кладет ей на панцирь что-нибудь в дар и, довольный, продолжает путь, рассматривая встречу как добрый знак. Нам эта нечаянная встреча не принесла особой удачи: мы брели обратно в лагерь с пустыми руками, изнывая от жары, вконец измученные.

Днем, когда жара чуть спала, мы совершили еще одну вылазку. И представьте, два часа спустя я нашел кое-что — три маленькие скорлупки размером с монету в полкроны и вдвое толще ее. Поверхность обломков с одной стороны была матовой, а с другой — бледно-желтой, с выраженной структурой. Сомнений даже не возникло: то были части гигантского яйца.

Мы уселись в призрачной тени зеленого кустика и стали разглядывать находку, поплевывая на осколки, чтобы очистить поверхность. Мимо проходил невысокого роста лохматый мальчик, почти голый, если не считать ожерелья из голубых бусинок и набедренной повязки. Он гнал к колодцу стадо коз. Я подозвал его и показал найденную драгоценность.

— Я ищу большое яйцо,— сказал я по-французски.— Эти маленькие кусочки — не хорошо. Надо большие куски.

Мальчик взглянул на меня с подозрением, явно ощущая какой-то подвох.

— Яйцо,— повторил я со всем чистосердечием, на которое был способен.— Большое яйцо.

На его безучастном лице не отразилось ничего.

Я знал, что плохо говорю по-французски, но, боюсь, тут не помог бы и чистокровный француз, а местный малагасийский диалект, к сожалению, был мне совершенно незнаком. Я сделал еще одну попытку — сложив руки кольцом, начал сводить и разводить их, наглядно изображая форму и размеры нужного мне предмета. Никакого толка. Мальчик смотрел мимо меня. Заметив, что его стадо разбрелось, он запустил камнем и бросился собирать коз.

Ничего, хотя найденные нами скорлупки оказались невелики, радость была огромной. Вернувшись в лагерь, я с гордостью показал их Жоржу. Скромности ради я не стал хвалиться, но про себя отметил, что все же у меня поразительно зоркий глаз, если я смог найти эти крошечные осколки в пустынных просторах вокруг лагеря.

Когда следующим утром я проснулся, перед входом в палатку стояла, завернувшись в покрывало, высокая худая женщина и терпеливо смотрела на меня сквозь москитную сетку. На голове она держала большую корзину. Увидев, что я поднял голову, гостья в знак приветствия поднесла на арабский манер правую руку ко лбу и сердцу. Я начал, барахтаясь, выпутываться из спального мешка, одновременно освежая в памяти скудный запас французских слов — он должен был понадобиться мне целиком; я уже прнвык, что цель визита смутно вырисовывается только к концу долгого разговора на ломаном языке. Но опасения были напрасны: женщина не нуждалась в словах, ее жесты красноречиво говорили за себя. Она просто сняла с головы

корзину и высыпала на землю груду осколков волшебиого яйца.

Я смотрел иа них, словно пораженный столбняком. Со всей очевидностью выясиилось, что вчерашний пастушок абсолютно точио понял, зачем мы рыскали по пустыне, и передал весть в деревню; не менее очевиден был и тот факт, что мой зоркий глаз оказался полным мифом. Поистине иадо было быть слепым, чтобы отыскать три крошечных осколка скорлупы там, где женщиина за пару часов собрала, по самым скромным подсчетам, 500 обломков!

Я рассыпался в благодарностях и вручил ей подарок. Она снова коснулась лба в знак признательности и грациозно зашагала прочь. Ее походка была поразительной — такую стройность можно увидеть только у тех, кто с детства привык носить тяжести иа голове.

Жорж и Джеф тоже успели проснуться и вылезти из палатки. Полюбовавшись доставшейся кучей сокровищ и еще раз потрогав скорлупки, дабы убедиться, что это ие мираж, мы занялись варкой кофе. Не успел вскипеть чайник, как появилась вторая женщина. И тоже принесла полную корзину осколков.

— Слава богу, паренек не понял твоего французского,— сказал Джеф.— Ты ведь был готов предложить ему пять франков за скорлупку, и сейчас мы были бы уже полными банкротами.

В самом деле, поиски осколков яиц оказались куда урожайнее, чем я предполагал. Теперь мы пытались уверять, что они нам больше не нужны, но остановить поток уже было невозможно. Что ни час, прибывала свежая порция, и к концу дня груда под молочаевым деревом доходила до полуметра в высоту. Это само по себе служило убедительным доказательством того, сколь многочисленны были эпиорнисы в прошлом. Скорлупа всех птичьих яиц состоит из извести, но, как правило, она не толще листа бумаги и легко крошится, превращаясь в пыль. У яиц эпиорнисов скорлупа очень толста и ломается ие так просто. Поколения птенцов эпиорнисов, вылупляясь, разбивали яйца, оставляя огромное число осколков по всей территории.

Поначалу я мечтал найти хотя бы один или два кусочка. Это казалось невероятно трудной задачей. Теперь, убедившись, что их полным-полно, мне захотелось большего. Конечно, я понимал, что надежда найти неразбитое яйцо была слишком слабой, ведь целыми могли сохраниться лишь редкие яйца, да и те за несколько веков должны были разбиться. Но женщины приносили нам относительно маленькие кусочки, а я рассчитывал отыскать по-настоящему крупный осколок, по изгибу которого можно было бы хоть приблизительно судить о размерах искомого яйца.

На следующий день мы с Джефом решили отправиться на охоту порознь, чтобы охватить бóльшую территорию. Теперь мы уже точно знали, что надо искать, и действительно, осколки попадались часто. В лагерь я вернулся с отвисшими карманами, правда, все скорлупки были крошечными. Возле нашего становища я увидел Джефа: он сидел на дне глубокой ямы, едва заметный за бруствером свежевыкопанного песка. Он здраво рассудил, что, коль скоро не удалось найти вожделенный крупный кусок на поверхности, надо заняться интенсивными поисками в каком-нибудь одном многообещающем месте, а затем сложить дюжину осколков. Если они были частью одного яйца, их можно подогнать друг к другу. Идея оказалась блестящей — Джеф с гордостью продемонстрировал мне четырнадцать кусочков, лежавших в радиусе примерно одного метра. Мы забрали их в палатку, отмыли и начали складывать. Только два подходили друг к другу.

Мы занимались поисками третьего подходящего фрагмента, когда появился наш старый знакомый — полуголый пастушок. Он шел все с тем же безучастным видом, таща на спине пыльный узел. Дойдя до палатки, мальчик свалил ношу наземь и развязал узел. Внутри лежало штук двадцать обломков, одни довольно маленькие, другие — размером с блюдце, раза в два больше тех, что попадались нам раньше. Жоржа в лагере не было, он выискивал своих птиц, поэтому я попытался расспросить мальчика сам. Где он собрал эти осколки — в разных местах или все они лежали в одном месте? Ответа не было. Я щедро заплатил пареньку, и он, не произнеся ни слова, ни разу не улыбнувшись, зашагал к своим козам, оставленным у колодца.

Мы разложили скорлупки на песке лицевой стороной кверху и стали изучать их. Со стороны это выглядело игрой-головоломкой. Правда, когда складываешь настоящую головоломку, то по крайней мере знаешь, что все лежащие перед тобой кусочки принадлежат данной картине и твоя задача сводится к тому, чтобы правильно сложить их. Наша задача была гораздо труднее, но зато гораздо увлекательнее. Что представляли собой лежащие

Таким выглядело яйцо эпиорниса в собранном виде

перед нами кусочки — обломки одного яйца или нескольких? Достаточно ли их, чтобы сложить нечто целое?

Мы начали действовать методом проб и ошибок. Через несколько минут я отобрал два куска с совпадающими острыми краями. Осколки совместились.

Целое яйцо оказалось поразительных размеров. Длина его составляла ровно 30 см, в обхвате оно было 68,5 см, а длина окружности, проходящая через оба конца, — 82,5 см. Самые мелкие осколки были с одного бока, причем линии стыков расходились в разные стороны от центральной точки, словно спицы у колеса. Очевидно, именно в это место пришелся удар, от которого яйцо разлетелось вдребезги, причем случилось это сравнительно недавно. Но мне приятнее был другой, более романтичный вариант: что, если в эту точку колотил клювом юный птенец-эпиорнис, несомненно наделенный исключительной силой, прокладывая себе путь в мир?

Почему же вымерли эти феноменальные птицы? На сей счет существует немало версий. Согласно одной из них, на мой взгляд наименее обоснованной, птицы задохнулись от ядовитых газов при вулканических извержениях, следы которых встречаются во многих частях острова. Другая теория аналогична той, которую выдвигают для объяснения исчезновения новозеландских моа. Некоторые специалисты утверждают, что, поскольку на островах не было крупных млекопитающих, маори охотились на гигантских птиц и в конце концов всех истребили. Однако если уже страусы и казуары способны ударом когтистой лапы вспороть человеку живот, то что говорить об эпиорнисах, весивших вдвое больше? Эта птица должна была быть поистине крепким орешком для малагасийских охотников. Да и зачем было местным племенам истреблять этих великанов ради мяса, когда на острове полно другой съедобной и абсолютно доступной дичи, например лемуров?

Наиболее правдоподобное объяснение состоит в том, что птицы вымерли в результате изменения климата. Мадагаскар с течением веков становился все суше и суше. Пересохшее русло широкой реки Линты служило ярким доказательством этих перемен. Огромный вес эпиорнисов и пропорции их костей навели ряд ученых на мысль о том, что птицы-гиганты обитали в болотах. Когда остров поразила засуха, птицы потеряли места привычного обитания и погибли.

Что было сначала — легенда о птице Рух или знакомство с яйцами фантастических размеров?

Возможно, арабы, ходившие в Мозамбикском проливе на своих доу, видели в лодках рыбаков с мадагаскарского берега скорлупу, используемую в качестве емкостей для пресной воды; отсюда и родилась легенда. Но не исключено, что легенда возникла в арабском мире самостоятельно, разнеслась по свету и позднее Марко Поло, пытаясь найти объяснение, связал ее с рассказами о Мадагаскаре. Вряд ли кто-нибудь возьмется утверждать это наверняка.

Реальный эпиорнис бередил мое воображение ничуть не меньше, чем фантастическая птица Рух. С волнением и восторгом держал я в руках составленное из осколков яйцо и легко представлял себе время, когда река Линта была полноводной, вокруг расстилались темные болота и огромные, трехметровые птицы величественно шагали через топи.

Вся фауна Мадагаскара с его бабочками, хамелеонами, птицами и особенно лемурами полна необыкновенного очарования. Она давно вызывает пристальный интерес зоологов, озабоченных ее сохранением. Уже в 20-е годы несколько районов острова были объявлены заповедными, а с 1927 года по всему Мадагаскару запрещена охота на лемуров.

Власти республики ведут решительную борьбу с браконьерами — насколько это возможно.

Однако главная опасность уникальной фауне грозит не со стороны браконьеров. Вид способен выжить только при условии сохранения природной среды. Между тем начатое два века назад сведение лесов превратило значительную часть Мадагаскара в безжизненные пустоши, и этот процесс продолжается. Высаженные правильными рядами эвкалипты не в силах стать заменой прежним джунглям — сифаки и другие лемуры не приживаются там.

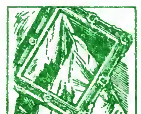
Важную роль в сохранении исчезающих видов призваны сыграть зоопарки. Основная их задача состоит не в том, чтобы выставлять зверей напоказ публике, а создавать животным оптимальные условия для размножения. Тогда сохранившиеся в неволе виды можно будет вернуть в природную среду взамен сородичей, ставших жертвами человеческой беспечности или безжалостности. Подобный опыт реинтродукции уже удалось успешно осуществить с оленем Давида, гавайской казаркой и зубром. Сотрудники зоопарка в Антананариву делают максимум возможного в рамках тех небольших финансовых ассигнований, которыми они располагают. В вольерах уже размножаются бурые и кошачьи лемуры. Увы, пока еще не удалось получить потомства сифак, не говоря уже об индри, которые просто не выживают в неволе.

На Мадагаскаре сохранился музей живых редкостей под открытым небом. Там можно увидеть во всем фантастическом великолепии множество созданий, существовавших на Земле задолго до появления на ней человека и большинства современных животных. Если они исчезнут, разделив судьбу квагги, тасманийского волка и птицы додо, на совести у нас появится еще одно пятно.

Своим фильмом мы хотели пробудить озабоченность мировой общественности судьбой мадагаскарских диковин. Ясно, что в одиночку развивающейся стране, сталкивающейся со множеством проблем, трудно решать масштабным образом вопросы охраны природы. Мадагаскар лежит в стороне от проторенных туристских троп, поступления от иностранных гостей невелики. Между тем рост населения побуждает осваивать все новые и новые площади под сельскохозяйственные культуры. Выход из сложившейся ситуации, благоприятный для мадагаскарской фауны, может и должен быть найден в рамках усилий международных организаций, на путях мирового сотрудничества.

Перевод с английского
Нины Рабен

КОРОТКО О РАЗНОМ



Гляциологи и картинные галереи

Швейцарские гляциологи и географы зачастили в картинные галереи своей страны, а также соседних — Италии, Франции, Австрии. И везде делались репродукции с картин, где отображались Альпы. По собранным таким образом пейзажам (их число превысило 500) ученые затем смогли проанализировать метаморфозы альпийских ледников за последние 350 лет, ведь глаз художников очень верно фиксировал состояние снежного покрова и характер ледяных «рек».

ПО СЛЕДАМ ДРЕВНИХ ЦИВИЛИЗАЦИЙ

Михаил Агбунов

ПО КУРСУ АНТИЧНЫХ МОРЕПЛАВАТЕЛЕЙ

Художник Ю. АВАКЯН

Античиая география — одиа из интереснейших, иеисчерпаемых тем для географов, историков, археологов и всех, кто интересуется далеким прошлым. С нею связано много рассказов, ценных историко-географических сведений, немало загадок и тайн. Примечательно в этом отиошении Северное Причерноморье.

В VII в. до н. э. Северное Причерноморье, как известно, вошло в орбиту греческой колонизации. Отважные древнегреческие мореплаватели издавна знали Черное море, или, как они его называли, Поит Эвксинский, т. е. Гостеприимное море. Правда, первое время оио иазывалось Понтом Аксинским, т. е. Негостеприимным морем, и лишь позднее было перенменовано в Понт Эвксинский. Судить о причинах такого переименования сейчас, конечно, трудно. И современные исследователн, и древние авторы объясияют это поразному. Вот, к примеру, что пишет Эвстафий в комментариях к «Землеописанию» Днонисия: «Эвксин, неудобный для плавания и потому некогда называвшийся Негостеприимным морем, позднейшие переименовалн в Гостеприимное в виде эвфемизма. А Негостеприимным оно называлось вследствие того, что ие имеет островов с пристанями, илн из-за живущих на его берегах скифов, иеобщительиых варваров, которые даже убивали для жертвы чужестранцев и ели их мясо, а из человеческнх черепов делалн чашн. Другие же говорят, что Геракл очнстил здешние места и сделал море из Негостеприимиого Гостепрнимиым. Ииые этот подвиг приписывают нонянам, которые основали на побережье много городов».

Гомер рассказывает, что впервые в Черное море проииклн аргонавты. До ннх, согласно предаиию, нн один корабль ие мог попасть сюда из-за блуждающих скал под названием Планкты, которые были расположены при выходе нз Босфорского пролнва и не позволялн иикому проплыть мимо них. Автор бессмертной «Одиссеи» приводит довольно красочное описание этнх скал: «Там с одной стороны нависшие скалы, а об них с шумом разбиваются огромные волны сииеокой Амфитриты. Плаи-

ктами зовут их блаженные боги. Здесь не могут пролететь ни пернатые вообще, ни робкие голубки, которые несут амбросию отцу Зевсу; из них всегда отнимает хоть одну гладкая скала, но отец посылает другую для пополнения числа. Здесь никогда не пробегало ни одно человеческое судно, какое бы ни проходило, но морские волны и бушующее губительное пламя вместе уносят доски судов и трупы мужей. Только один проплыл тот мореходный корабль, всем известный Арго, на обратном пути от Аэта: его тут скоро кинуло бы на огромные скалы, но Гера провела его, ибо люб был ей Язон». Евстафий, архиепископ Фессалоники, написавший «Объяснения к «Одиссее» Гомера», подробно рассказывает о том, как аргонавтам удалось пройти через Плакты, называемые также Симплегады и Кианеи. По совету Финея бесстрашные мореплаватели выпустили вперед голубя. Скалы столкнулись, затем разошлись и... остановились навсегда. Так был открыт путь в Черное море!

Рассказы античных писателей — это, конечно, легенды, красивые и привлекательные. Но они имеют под собой вполне реальную основу. В Босфоре, который эллины называли Боспором Фракийским в отличие от Боспора Киммерийского (Керченский пролив), действительно есть такие скалы. Они расположены у самого выхода в море, на расстоянии около 3 км друг от друга. Одна из них, называемая Рокет, находится вблизи европейского берега недалеко от мыса Румели, а другая, безымянная,— у азиатского мыса Анадолу. В штормовую погоду этот район представляет собой сплошной водоворот, в котором легко можно налететь на одну из этих скал. Видимо, в древности кораблекрушения здесь случались довольно часто, и гибельные для моряков скалы обросли мифами. Со временем появились опыт и знания, и это место перестало быть опасным. Постепенно древнегреческие мореплаватели стали осваивать просторы Черного моря, ставшего Гостеприимным морем.

Особенно привлекали эллинов северные берега Понта Эвксинского. Здесь начинались просторы легендарной Скифии, раскинувшейся на огромной территории от Дуная до Дона (Истр и Танаис). Сюда и направились древнегреческие переселенцы в поисках новых рынков сбыта и источников сырья. В далеких от Эллады землях они основали первые поселения, которые быстро выросли в цветущие города.

В 645/644 г. до н. э. в устье Борисфена (Днепр) появилось первое в Северном Причерноморье древнегреческое поселение, расположенное на современном острове Березань. Через несколько десятилетий, на рубеже VII—VI вв., выше устья, на правом берегу Бугского лимана, у современного с. Парутино, возник город Ольвия. В VI столетии древние греки освоили низовья Тираса (Днестр), где появились города Офиусса, Никоний и другие. Вокруг основанных городов возникли десятки небольших сельскохозяйственных поселений. Со временем колонисты освоили практически все побережье — от Истра до Борисфена. Они установили дружественные отношения с местными племенами, наладили с ними тесные торговые отношения. Из далекой Греции сюда везли различные вина, оливковое масло, пряности, дорогую посуду, украшения, а скифы поставляли хлеб и другие сельскохозяйственные продукты. В тот период в Греции ощущался острый недостаток зерна, который восполнялся в основном за счет торговли со Скифией. Древнегреческие города в Скифии быстро росли и развивались. С их появлением Северное Причерноморье вошло в орбиту экономических и культурных связей античного мира. Эти города просуществовали около тысячи лет и внесли большой вклад в историко-культурное развитие Причерноморья. Их история — неотъемлемая часть истории нашей страны, и поэтому она постоянно привлекает к себе пристальное внимание как исследователей, так и широких масс читателей.

Ценнейшим источником для изучения античной географии Причерноморья являются произведения древних географов и историков. В них приводятся краткие, но очень важные сведения о понтийском побережье: указаны устья рек, лиманы, заливы, отмечены древнегреческие города и поселения, гавани и якорные стоянки, даны расстояния между ними, названы местные племена, упомянуты важнейшие исторические события. Распространенными произведениями такого жанра были периплы, что в переводе означает «плавание кругом, объезд». Эти руководства для плавания, наподобие современных лоций, содержали все необходимые для моряков сведения о том или ином районе, в частности и о бассейне в целом. Многие периплы, к сожалению, безвозвратно утеряны в водовороте бурных событий прошедших веков. И тем более ценны те несколько периплов, которые дошли до наших дней. С одним из них мы и познакомимся в этом очерке.

Перипл, о котором пойдет речь, был составлен примерно в III в. до н. э. неизвестным автором. В своем первоначальном виде он не сохранился, а до-

шел до нас в составе более позднего компилятивного труда также неизвестного византийского писателя (утвердился в науке как перипл Анонимного автора). В этой компиляции заметно выделяется отрывок из перипла III в., описывающий черноморское побережье от Борисфена до Истра. Эти уникальные сведения уже не одно столетие привлекают к себе пристальное внимание ученых, вызывают оживленные продолжительные дискуссии. Приведенные данные в силу своей лаконичности порождали много споров, загадок, неясностей, часть которых не решена и до сих пор. В настоящем очерке мы совершим небольшое путешествие от Борисфена до Тиры, повторив маршрут, которым в III в. до н. э. прошел неизвестный древнегреческий мореплаватель, ознакомимся с его описанием района, с историей многолетних поисков указанных здесь городов и гаваней, которые удалось отыскать в результате комплексных историко-археологических и палеогеографических исследований.

Представим себе, как однажды ранним летним утром небольшое судно, на котором находился наш автор, вышло из Ольвийской гавани и спустилось вниз, к устью Борисфена, т. е. к устью Днепро-Бугского лимана, расположенного у современного Очакова. Выйдя в море, корабль взял курс на запад. Очередная запись в перипле гласит: «От реки Борисфен до весьма маленького, пустынного и безымянного островка 60 стадий», т. е. около 10 км (стадия Анонимного автора равна примерно 157 м). Прочитав это указание, всякий, кто хоть немного знаком с описываемой местностью, уверенно скажет, что здесь имеется в виду остров Березань. Расстояние до него приблизительно соответствует указанной цифре. Да и других островов в этом районе нет. Поэтому в науке издавна утвердилось мнение, что перипл упоминает именно этот небольшой скалистый островок. Ни сомнений, ни каких-либо возражений на этот счет не было да и, казалось, не могло быть. Но со временем выяснилось, что здесь находился город Борисфен, наиболее ранняя древнегреческая колония Северного Причерноморья, тогда как в перипле говорится о пустынном, т. е. необитаемом, островке. Но это обстоятельство не смутило исследователей. Они нашли

довольно простое объясиение: ко времени плавания автора перипла поселеиие иа Березани прекратило свое существование. Одиако такое объясиение иедолго удовлетворяло учеиых. В результате миоголетних археологических раскопок выяснилось, что указаный населеиный пункт существовал с момента основания до первых веков иашей эры без какого-либо перерыва. При размышленин иад этим иесоответствием напрашиваются два предположения: либо античный мореплаватель назвал остров необитаемым по ошибке, либо речь идет не о Березани, а о другом острове. Но поскольку других островов в этом райоие нет, принято счнтать, что составитель перипла допустил ошибку. Вопрос, казалось бы, иезначительный: заселенным был остров или пустыиным? Но в действительности все гораздо сложнее: даже малеиькое несоответствие бросает тень на авторитет древнего автора, вызывает недоверие и к другим его сведеииям и заставляет осторожиее относиться ко всем письменным источникам вообще. Так что вопрос об острове имеет прииципиальио важное зиачение.

Итак, утвердилось мнение, что автор перипла ошибочио назвал остров пустынным. Но недавно выяснилось, что обвинеиия оказались иезаслужеиными. Установить это помогла палеогеография. Оказалось, что Березань в античное время была ие островом, а полуостровом. Дело в том, что в тот период уровеиь Черного моря был ниже современного как миинмум иа 4—5 м и береговая линия выглядела ниаче. Интересующий нас район Березани представлял собой выдающийся далеко в море мыс. С повышением уровня моря под воздействием морских волн началось интенсивиое разрушение мыса. Наиболее слабой оказалась средняя его часть. Постепенно оиа была размыта и затоплена, и скалистая оконечность полуострова превратилась в остров. Произошло это уже в послеантичиое время. Встает вопрос, о каком же острове говорится в перипле, ведь других островов здесь нет.

«Найти» указаний в перипле «весьма маленький, пустынный и безымеиный островок» помогла опять-таки палеогеография. Оказывается, на первых подробных картах этого райоиа, составленных в XVIII в., рядом с Березанью указаны еще четыре маленьких островка, расположениые один возле другого. В середине нашего столетия из них оставался лишь одии, а через пять лет исчез и ои. Сопоставляя эти даниые, нетрудно понять, что указанные на карте островки когда-то были одним иебольшим островом. Надо полагать, именно ои и упомяиут в перипле Аиоиимного автора. В средиевековье море разрушило этот островок, а соседний полуостров превратило в остров. Эти измеиеиия не вызвали явиых противоречий между описаниями древних авторов и новой конфигурацией берега, ведь вместо одиого острова появился другой. Они отразились лишь в виде незначительных иесоответствий между сведениями перипла и археологическими даиными относительио заселеиности этого места и могли остаться невыявлеиными. Тогда к данным перипла продолжалн бы относиться с осторожностью, а иногда с иедоверием, особенно прн сложившемся и устоявшемся миеиии о якобы существующих ошибках и иеточностях в сведеииях античных авторов. А применеиие комплексного метода изучеиия историко-географических источииков наглядно показывает, что сведения Аиоиимного автора абсолютио достоверны. Как свидетельствует рассматриваемый пример, они имеют огромиое значение ие только для изучения античной географии, но и для построеиия и датировки палеогеографических реконструкций и исследования различных геологических процессов. А конкретно вопрос о безымянном островке важен для поисков города Одесс.

Итак, Одесс. Аиоиимый автор пишет о нем следующее: «От этого маленького, пустынного и безымеииого островка до Одесса 80 стадий». В перипле Арриана, где, собственио, повторяются сведеиия Аиоиимиого автора, кроме того, указано, что «в Одессе стоянка для кораблей». Этот пункт упомииают и другие авторы. Так, согласио Плинию, к востоку от реки Тиры «живут асиаки, соименные с рекой Асиаком, за ними кробигии, река Рода, залив Саггарийскнй, гаваиь Ордесс». Клавдий Птолемей так же кратко указывает, что «выше реки Аксиака Ордесс», и приводит его координаты. Из столь лакоиичных сведеиий Плиния и Птолемея ясио только то, что указаииый город иаходился где-то в районе реки Асиак или Аксиак. Эта река, бесспорно, отождествляется с современным Тилигульским лимаиом. Следовательно, где-то здесь и необходимо искать город Одесс или Ордесс. Сюда приводит н указанное в перипле расстояние. Но при всей такой конкретности и ясности вопрос о местоположеинн города стал предметом оживленной дискуссии, которая длится уже не одно столетие. Исследователи нскали Одесс в самых различных местах. Высказывались одни гипотезы, их опровергали

другие, иа смеиу им приходили третьи. Но загадочный город так и ие смогли иайти. К его поискам вериулись лншь в последние годы. Но прежде чем перейти к этому рассказу, озиакомимся вкратце с историей длительиых поисков.

Одесс заинтересовал исследователей еще в поздием средиевековье. В эпоху Возрождеиия, как известио, резко возрос иитерес к произведеииям аитичиых авторов. Сохраиившиеся рукописи стали издавать, изучать, коммеитировать. Одиим из первых, кто поднял вопрос о местоположенин Одесса, был издатель перипла Арриаиа И. Стукий. Изучив имеющиеся сведения, ои пришел к выводу, что этот город находился на левом берегу устья Тилнгульского лимана. Это мнение, высказанное еще в 1577 г., долгое время ие вызывало особых возраженнй.

В коице XVIII в. вопрос об Одессе стал привлекать к себе все большее виимаиие учеиых, путешествеинников, любителей древиостей. Как известно, в 1794 г. на месте турецкого укрепления Хаджибей был основаи новый русскнй город и порт Одесса. Это краснвое и мелодичное имя было дано в память о древиегреческом городе Одессе. Здесь надо заметить, что в популярной лнтературе почему-то распространилось мнение о том, что этот Одесс был расположен на месте современного болгарского города Варна. Но такое утверждение неправильно. Дело в том, что на Понте Эвксинском существовало два древнегреческих города с таким названием. Один находился на месте Варны, другой — в указанном районе. В конце XVIII в. еще ие знали, где именно находился «российский» Одесс, и некоторое время считали, что новый город Одесса основан на месте древнегреческого. Позже выяснилось, что это не так.

В первой половнне XIX столетия вопрос о локалнзации Одесса привлекал к себе внимание многих исследователей. Изучая нмеющиеся данные, большинство из них пришло к выводу, что город находился на левом берегу устья Тилигульского лимана. К ним относятся такие известные ученые, как Г. Келер, И. Стемпковский, Э. Муральт, З. Аркас, А. Уваров н многие другие. Оставалось только подкрепить это мнение археологическими данными. Но когда в указаииом месте были проведены необходимые разведки, оказалось, что никаких следов древиегреческого города здесь нет.

Другие исследователн, иапример Ж. Данвиль, К. Мюллер, искалн Одесс иесколько восточнее Тилигульского лимана, иа берегу иебольшого морского залнва под иазваиием Карабаш. Здесь в 1836, 1839 и 1863 гг. были иайдены три мраморные плиты с посвятительиыми надписями Ахиллу, владыке Поита Эвксииского, от имени граждаи города, иазваиие которого, к сожалеиию, ие приводится. Эти иаходки стали рассматривать как прямое подтверждеиие излагаемой точки зреиия.

Между тем в тот же период появились и ииые соображеиия. Так, еще в 1820 г. известиый иемецкий исследователь античиой географии К. Маннерт пришел к выводу, что Одесс иаходился иа Березаиском лимаие. Аиалогичное мнеине высказывали также П. Кеппеи, Ф. Кюльб, Ф. Линдиер. Эти учеиые обратили внимание на то обстоятельство, что указанный перед Одессом островок иаходился иапротив Березаиского лимана. В связи с этим встает вопрос: куда отсчитывать указанные 80 стадий до Одесса — далее иа запад, вдоль побережья моря, или же к Березанскому лиману? Вопрос принципиально важеи: ведь в первом случае Одесс следует искать у левого берега Тилигульского лимана, а во втором — на побережье Березанского лимаиа. И указанная группа ученых склонилась к тому, что античный мореплаватель, пройдя мимо безымянного островка, не продолжил свой путь далее, к устью Тилигульского лимана, а зашел в Березанский лиман. Следовательио, считают оии, здесь и иаходился Одесс.

В середине XIX в. довольио оригинальную точку зрения высказал известный одесский ученый П. Беккер. По его мнению, Одесс Арриана и Анонимного автора и Ордесс Плиния и Птолемея — это два разных города. Одесс ои указывал вслед за другими исследователями у левого берега устья Тилигульского лимана, а Ордесс отождествлял с городищем на берегу Березанского лимана у с. Осетровка. Началось все с сопоставления расстояния между Борисфеном и Тирой. По его подсчетам, у Плиния это расстояние на 20 миль больше, чем у Анонимного автора. Это дало ему основания считать, что Ордесс отличен от Одесса и расположен в стороне от курса на таком расстоянии, чтобы при заходе судна в эту гавань общее расстояние увеличилось на указанные 20 миль. Соответствующие расчеты привели исследователя к городищу у с. Осетровка. Так родилась еще одна гипотеза о местоположении рассматриваемого города.

Во второй половине XIX — начале XX в. ученые, как прежде, искали Одесс в устье левого берега Тилигульского лимана. К такому выводу пришли

известные ученые того времени Г. Шоталь, Ф. Бруи, Ф. Брауи, В. Латышев, Е. Мииз, М. Кислииг и др. Постепенно эта локализация приобретала все больше и больше сторонников. Жаркне споры затихли, но ненадолго. Вскоре это спокойствие было нарушено. В 1909 г. В. Гошкевич возродил выдвинутую в первой половине XIX в. мысль о том, что Одесс находился на берегу Березанского лимана. Дискуссия разгорелась с новой силой. В связи с этим Одесское общество истории и древностей поручило своему действительному члену С. Пападимитриу специально заняться вопросом о локализации Одесса. Результаты проведенных исследований С. Пападимитриу опубликовал в статье «Местоположение древней Одессы» в «Записках» указанного общества в 1912 г. После тщательного изучения местности от Тилигульского лимана до Карабашского залива он пришел к выводу о том, что «следует искать Одессу вокруг большой балки после Карабаша, т. е. не по берегам моря, а на самом материке, так что с течением столетий древняя Одесса отделилась от моря, а ее бухта представляет собой в настоящее время не более н не менее как простую балку».

Но В. Гошкевич решительно отстаивал свою точку зрения. Три года спустя появилась его статья «Где был древний Одесс?». В ней он обстоятельно аргументировал отождествление Одесса с крупным городищем на мысе между Сасыцким и Березанским лиманами. Как и П. Беккер, он пришел к выводу, что указанные Аррианом и Анонимным автором 80 стадий от безымянного островка до Одесса следует отсчитывать не вдоль берега моря, а в глубь Березанского лимана. Соответствующие измерения и привели его к указанному мысу. Однако в этом же томе «Записок» вслед за указанной работой была помещена новая статья С. Пападимитриу «Еще о местоположении древней Одессы», посвященная опровержению выводов В. Гошкевича. На этом их острая дискуссия и завершилась. Нового выступления В. Гошкевича не последовало. Последнее слово осталось за его оппонентом. Традиционная локализация Одесса была восстановлена. Показательно, что в энциклопедической статье Э. Диль поместил город на левом берегу Тилигульского лимана.

Но в 50-х годах вопрос о местоположении Одесса вновь стал на повестку дня. Э. Сымонович высказал новую точку зрения. Он попытался отождествить с этим городом открытое им Кошарское городище, расположенное на правом берегу устья Тилигульского лимана, т. е. напротив того места, где обычно указывали Одесс. Но через десять лет исследователь отказался от такого категоричного утверждения, ссылаясь на то, что «время существования Кошарского городища не совпадает со временем жизни авторов I—II вв. н. э., которые упоминают наименование Одесс».

Еще одну точку зрения выдвинул в 1960 г. М. Синицын. Он локализовал Одесс на левом берегу Тилигульского лимана выше его устья, «на территории с. Коблево, где существовало неукрепленное поселение как в скифское, сарматское, так и в раннеславянское время».

Как видно из краткого обзора, этот вопрос долгое время был предметом оживленной дискуссии и, несмотря на довольно точные и конкретные указания древних авторов и пристальное внимание исследователей, так и остался нерешенным.

Развернувшиеся в последние десятилетия историко-географические исследования позволили приступить к решению многих вопросов античной географии Причерноморья, и в первую очередь заняться локализацией древнегреческих городов и поселений, упомянутых античными географами и историками. Первым районом наших работ стало Нижнее Поднестровье. Затем накопленный опыт позволил расширить исследования. На повестку дня стал вопрос о местоположении Одесса. Пришлось начать с кратких сообщений древних авторов и многочисленных гипотез, споров и различных соображений моих предшественников. Их богатое наследие во многом помогло быстрее разобраться в проблеме, избежать некоторых ошибок.

В первую очередь нужно было ответить на принципиально важный вопрос, где именно находился Одесс: в устье Тилигульского лимана или же на Березанском лимане? Это отправной момент поисков. От того, как он решится, зависит дальнейший ход исследований. Как мы видели, в зависимости от этого ученые разделились на две группы. В связи с этим рассмотрим подробнее гипотезу П. Беккера о существовании двух разных городов: Одесса н Ордесса. Следует признать, что она при всей своей кажущейся стройности и логичности все же безосновательна. Если Плиний и Анонимный автор и определяют расстояние между Борисфеном и Тирой по-разному, то это совсем не значит, что Ордесс отличен от Одесса и расположен в стороне от морского побережья на таком отдалении, чтобы

при заходе судна в эту гавань общее расстояние увеличилось на указанные 20 миль. Дело в том, что при преодолении такого большого расстояния у двух разных мореплавателей вследствие изрезанности береговой линии может получиться довольно значительное расхождение в реально пройденном пути. При этом не следует забывать о том, что мореплаватели могли пользоваться разными стадиями и что пересчет одной из полученных цифр в мили также может привести к искажению конечного результата. Кроме того, разница в написании (Одесс и Ордесс) настолько минимальна, что ее можно объяснить опиской одного из поздних переписчиков. Да и простая логика исключает мысль о том, что в непосредственной близости друг от друга могли существовать два по сути дела одноименных города. Таким образом, остается признать, что гипотеза о раздельном существовании Одесса и Ордесса не имеет под собой серьезных оснований и не может быть принята. Да она, собственно, и осталась незамеченной. Итак, можно считать общепризнанным, что оба названия принадлежат одному городу. Где же искать этот населенный пункт: в устье Тилигульского лимана или на Березанском лимане? В каком направлении измерять приведенные в перипле 80 стадий от безымянного островка до Одесса? Выяснить это можно следующими подсчетами. По данным перипла, как мы увидим далее, расстояние от Одесса до Никония равно 640 стадиям, т. е. чуть более 100 км. Отсчитав это расстояние от северной окраины с. Роксоланы, где, как мы увидим ниже, лежат развалины Никония. попадем именно к левому берегу устья Тилигульского лимана. Следовательно, античный мореплаватель, пройдя мимо отмеченного островка, направился далее на запад, к Тилигулу. Таким образом, становится очевидным, что искать Одесс на побережье Березанского лимана нет никаких оснований. А отсчет расстояния и от указанного островка, и от Никония точно приводит к левому берегу устья Тилигульского лимана.

Этот лиман, как и многие другие причерноморские, представляет собой затопленное морем устье реки. До недавнего времени он соединялся с морем, а теперь отгорожен мощной пересыпью в несколько километров. Берега в устье лимана высокие и обрывистые. Море здесь довольно интенсивно наступает на сушу. То здесь, то там прямо на глазах сползают в море отделившиеся от степного плато участки берега шириной до нескольких десятков метров. Особенно заметны обвалы на участке от левого берега Тилигульского лимана до Карабашского залива. Тут повсеместно разрушаются современные постройки, приусадебные участки, огороды.

Итак, именно в этом районе, согласно данным перипла, находился древнегреческий город Одесс. Здесь указывали город многие ученые, но не находили. Мы также начали поиски с тщательного изучения местности. Особых надежд на успех не было, так как этот район был вдоль и поперек исхожен нашими предшественниками. Наивно было бы считать, что они могли не заметить следов города, который специально искали. Шаг за шагом, со всей тщательностью наша разведочная группа обследовала изучаемый участок, но, кроме обломков современных кирпичей и черепиц, ничего не нашла. Два раза наше воображение будоражили подозрительные на первый взгляд кладки фундаментов из рваного ракушечника, но свежие следы цементного раствора быстро развеивали вспыхивающую надежду. Никаких следов древнегреческого города мы не нашли. Вокруг были только впечатляющие обвалы, оползни, свисающие глыбы чернозема и глины. Они-то и заставили задуматься о том, как же выглядел этот район в античное время.

Такой вопрос поднимался еще в начале XIX в. Так, еще И. Стемпковский, один из пионеров изучения античных древностей Северного Причерноморья, уверенно помещал Одесс на левом берегу устья Тилигульского лимана и подчеркивал, что в древности эта местность выглядела иначе: пересыпи лимана и современных плавней не было, на их месте находилась гавань города. Аналогичную мысль через три десятилетия высказал другой известный русский ученый — А. Уваров. Но эти важные соображения, к сожалению, остались без внимания. А еще через 80 лет немецкий ученый Э. Диль высказал предположение о том, что Одесс занесен песком. В те годы еще не было никаких данных о более низком уровне моря в античное время, о существенных палеогеографических изменениях, вызванных трансгрессией (повышением уровня моря). И поэтому высказанные предположения были очень смелыми. Но так уж случилось, что они не были замечены учеными. Никто из исследователей не попытался проанализировать их, дать всестороннюю оценку и в конечном счете опровергнуть или развить дальше в свете новых палеогеографических данных.

А между тем оказалось, что И. Стемпковский, А. Уваров и Э. Диль дали ключ к разгадке проблемы. Только сейчас, когда иаука располагает достаточиыми даннымн по палеогеографнн рассматриваемого района, можно по достоиству оценить глубину и трезвость мышлеиия, иаучное предвидеиие этих учеиых. Они помогли убедиться в том, что отыскать древиегреческий город без привлечеиия палеогеографии невозможио, и этим подсказали вериое иаправлеиие поисков.

Теперь наша первоочередиая задача заключалась в том, чтобы получить палеогеографнческую рекоиструкцню района левого берега Тилигульского лимана для аитичиого времени. Даииых для ее построения оказалось вполне достаточно. Геологами твердо устаиовлено, что пересыпь лнмана в древиости действительио не существовала. Лиман представлял собой открытую лагуиу и был иамиого уже, чем в настоящее время. Берег моря тогда проходил примерио в 500 м мористее. На левом берегу устья была удобиая терраса н бухта. С повышением уровия моря терраса была затоплеиа, а степное плато стало интеисивно разрушаться. Постепеиио эта местиость прииялa совремеииые очертания. Затопленная древняя терраса иазывается теперь баикой Трутаева.

Получеииая палеогеографическая рекоиструкция позволила высказать предположеиие о том, что Одесс иаходился на нынешней баике Трутаева. Первое время это предположение практически иичем не было обосиоваио.

Но доказательства были вскоре иайдены. Оказалось, что прн подводных геологических исследоваииях еще задолго до иаших работ здесь встречались обломкн амфор, мелкие камии, а в сети местиых рыбаков ииогда попадалнсь и целые амфоры. К слову сказать, одна из такнх иаходок была нзвестиа еще в дореволюциоииое время, и о ией упомииает сам С. Пападимитрну. Собранные сведеиия свидетельствовали о плодотворностн нзложеиной гипотезы и показали необходнмость целеиаправленных подводиых археологическнх разведок. В 1981 г. нам удалось провестн такие работы. С помощью группы аквалангистов был обследоваи участок морского диа в районе банкн Трутаева. В 300—500 м от совремеииого берега на глубнне 3—4 м здесь иайдеиы обломки древиегреческих амфор, лепиых сосудов, мелкие камии. Условия их залегаиия показывают, что оии попали сюда ие случайио, а связаиы с поселеиием, которое когда-то существовало иа берегу, а впоследствии было затоплеио морем. По всей вероятности, оии отиосятся к древиегреческому городу Одессу. Вот, пожалуй, и все, что сегодня можно сказать об этом пункте. Будем иадеяться, что дальиейшие подводиые нсследоваиня позволят осветить

его конкретиую историю от временн основання до гибели.

...Пройдя мнмо Одесса, судно нашего мореплавателя направилось далее иа запад. Следующая строка перипла гласит: «От Одесса до местечка Скопелы 160 стадий».

Итак, Скопелы. Этот пункт не упомянут ни в одном другом источнике. И тем более важно для нас процитнрованное сообщение перипла. Как видно нз этих слов, локалнзация Скопел полностью завнсит от того, где помещен город Одесс. А поскольку вопрос о местоположенни Одесса долгое время был днскуссионным, то также же острые споры разгорелись и прн поисках местечка Скопелы.

Если отсчитать указанные 160 стадий (25 км) от левого берега устья Тнлнгульского лнмана, мы прндем к району с. Дофииовка, расположенного в устье небольшого лимаиа с тем же названием. Имеино здесь указывали Скопелы многие учеиые.

Указанные в перипле 25 км приводят в район с. Дофиновка, к поселеиию, которое открыл еще А. Уваров. Это дает основания вслед за Уваровым отождествить указанное поселенне с местечком Скопелы. В настоящее время этот пункт частично занят современиыми постройками, частичио разрушеи морем. Слово «Скопелы» в переводе с древиегреческого озиачает «наблюдательная башня, место, с которого далеко видно, возвышенность, утес». Такое название могло получить местечко, жители которого в тревожные времена вели иаблюдение за степью, откуда ожидалось нападеиие кочевников. С обостреинем отношений древнегреческих городов с местиым племенами обстаиовка в степях Северо-Западиого Причериоморья стала тревожной. Поэтому грекам были необходимы сторожевые наблюдательиые пункты. Одии из них был построеи иа высоком мысе у с. Дофиновка. Ои служил орнентиром для мореплавателей и поэтому был упомянут автором нашего перипла.

Далее античный географ пишет: «От Скопел до гаванн Истрнан 90 стадий». Гаваиь Истрнан. Этот пункт указаи также в перипле Арриана, который помещает его в 250 стадиях от Одесса, так как Скопелы здесь не упомянуты. Как мы вндим, оба источника приводят вполне коикретные, согласующиеся между собой данные. Нет необходимости говорить о том, что локалнзация гаванн опять-таки завнсит от местоположення двух предыдущих пунктов. Соответствующие измерения показывают, что гавань Истрнан следует нскать на побережье Одесского залива, в районе современной Одессы. Но в каком именно месте?

В первой половине XIX в. здесь было известно только одно поселенне древних греков — на месте Прнморского бульвара современной Одессы. Именно его н отождествляли с гаванью Истриан многие исследователи того времеин. Более тщательный анализ показывает, что расстояние до Приморского бульвара от предыдущих пунктов больше указанного в источниках. Поэтому во второй половине прошлого столетия ученые стали указывать локализуемый пункт на правом берегу устья Куяльницкого лимана, где иа Жеваховой горе были также обнаружены следы древнегреческого поселения. Однако и эта локалнзация ие получила признания. Согласно третьей точке зрения, гавань Истриан находилась на левом берегу устья Куяльницкого лимана. Но здесь ие было известно аитичных поселений, н выводы исследователей остались весьма гипотетичиыми. Но в предвоенные годы было открыто и исследовано крупное поселение IV—III вв. до н. э., получившее назваиие Лузановка и расположенное иа том месте, где сегодня раскинулся пионерский лагерь «Молодая гвардия».

Таковы три основные точки зрения относительно местоположения гаваии Истриан. Посмотрим, как согласуются выводы ученых с указаниями древних авторов. Оказывается, что расстояние от Дофиновки (Скопелы) до поселеиия иа Приморском бульваре больше указанного в перипле: по прямой линии — через залив — наполовину, а вдоль берега — вдвое, до Жеваховского же поселка — на треть. Такие значительные расхождения ие позволяют согласиться ни с той, ин с другой точкой зрения.

А точное измереиие приведенного в периплах расстояния приводит именно к левому берегу Куяльницкого лимана, где расположено поселение Лузаиовка. Эта местиость вполне удобиа для гавани. Все это дает достаточно оснований для отождествления гавани Истриаи с Лузановским поселением. К такому выводу пришел более 40 лет назад исследователь этого поселения В. Селинов, работы которого остались, к сожалению, неопубликованными.

Как показывают материалы раскопок, большое место в жизни Лузановского поселения занимала торговля. Здесь иайдены амфоры многих античных центров Черноморья и Средиземноморья. Это и понятно, ведь здесь была гавань. С ее появлением в IV в. до н. э. расширились торговые связи греческих городов с местными племенами. Кроме того, гавань была удобна

тем, что находилась иа пути к Ольвии: при необходимости проходившие мимо суда всегда могли найти здесь пристанище. Да и жизнь ее экономически и, возможно, политически была связаиа с Ольвией. Ярким доказательством таких тесных связей является клад ольвийских монет, найденный в Лузановке.

В конце III в. до н. э. гавань Истриан, как и многие соседние поселения, прекратила свое существование. Политическая обстановка в северопричерноморских степях к тому времени изменилась: началось массовое передвижение скифских и сарматских племен, ухудшились их взаимоотношения с греческими городами. Натиск кочевников могли выдержать только укрепленные города, окруженные мощными стенами, оборонительными башнями и другими сооружениями.

Лузановское поселение расположено, как уже говорилось, в Одесском заливе, где разрушение берега происходит сравнительно медленнее. Поэтому море уничтожило лишь незначительную часть поселения. Основная его территория сохранилась. Здесь ведет исследования экспедиция Одесского археологического музея. Будем надеяться, что дальнейшие раскопки откроют новые страницы истории гавани Истриан.

Гавань Исиаков. В следующей строке перипла Анонимного автора сообщается: «От гавани Истриан до гаваии Исиаков 90 стадий». Указаиие, как мы видим, довольно коикретное и вполне понятное. Однако, несмотря на это, вопрос о местоположении гавани Исиаков был спорным и иеясным. Причина заключалась, во-первых, в том, что нерешенными были вопросы о местоположении Одесса, Скопел и гаваии Истриан, без которых нельзя было достоверно локализовать и последнюю гавань. Во-вторых, проблема осложнялась еще и тем, что гаваиь Исиаков упоминается также в перипле Арриана, где указана не в 90, а в 50 стадиях от гавани Истриан. В связи с этим возникает сразу несколько вопросов: кто же из древних авторов прав? Чьим сведениям отдавать предпочтение? Почему один из авторов неверно указал расстояние между гаванями?

Размышляя над этими вопросами, ученые XIX в. считали, что причииа кроется в ошибке одного из авторов или позднейших переписчиков. Но кого? Одни исследователи приписывали эту ошибку Анонимному автору, другие — Арриану. Соответствеино такому разделению разошлись и миеиия о местоиахождеиии гавани Исиаков. Ее локализация зависела от того, где была помещеиа предыдущая гавань и чьим сведениям (Анонимного автора или Арриана) отдавал предпочтение тот или иной ученый. Поэтому гавань Исиаков искали во многих местах. Но, несмотря на острые и продолжительиые споры, вопрос так и остался открытым.

Когда мне довелось заняться античной географией рассматриваемого района, естественно, одной из первых была попытка решить вопрос о том, где же именно была гавань Исиаков. Пришлось начать с противоречий источников. Конечно, прежде всего необходимо было выяснить, почему древние авторы указывают разное расстояние до гавани Исиаков: Анонимный автор — 90 стадий, а Арриан — 50 стадий.

Пытаясь найти ответ иа эти вопросы, я занялся детальным изучением района Одесского залива и попробовал проследить за курсом античных кораблей от гаваии Истриан. Результат оказался совершенио неожиданным. Выяснилось, что обвинеиия в адрес античных географов были напрасными. Никакой ошибки здесь нет, хотя в источниках действительно указаны разные цифры. Такое утверждение на первый взгляд кажется парадоксальиым, а между тем все объясняется довольно просто. Взглянем иа карту Одесского залива. У его восточной окоиечности, в Лузановке, находилась гавань Истриан. От иее к гавани Исиаков можно плыть двумя путями: либо напрямик, через залив, либо вдоль берега, мимо устьев Куяльницкого и Хаджибейского лиманов. Второй путь, поиятио, длиннее первого. Их сопоставление с письменными источииками показывает, что в периплах отражеиы оба маршрута. Мореплаватель Арриаиа поплыл к гаваии Исиаков напрямик, через залив, и насчитал 50 стадий, Аионимиый же автор плыл вдоль берега и прошел 90 стадий.

Так оба маршрута приводят в район Приморского бульвара Одессы. Здесь еще в иачале XIX в. при строительстве жилых домоз было открыто довольно крупиое поселеиие, существовавшее в IV—III вв. до и. э. Проведеииые позднее археологические исследования показали, что поселение заиимает зиачительную площадь вдоль всего бульвара, а в районе Оперного театра иаходится иекрополь, т. е. город мертвых, кладбище. Находки древиостей в 1823 и 1826 гг. сыграли большую роль в историко-географическом изучении этого края. При строительных работах здесь иаходили древиегреческие амфоры, расписные чернофигуриые вазы и другие предметы быта и украшеиия. Эти материалы привлекли к себе большое виимаиие учеиых и любителей старины,

дали мощный импульс для дальнейших исследований, положили начало конкретному комплексному изучению письменных и археологических данных. Именно в связи с этими находками была написана работа И. Стемпковского, посвященная локализации древнегреческих городов и поселений, упоминаемых древними географами и историками между устьями Борисфена и Тиры. Это исследование было одним из первых опытов комплексного изучения источников и послужило толчком для дальнейшей работы в новом направлении.

Итак, комплексное изучение источников показывает, что гавань Исиаков, бесспорно, отождествляется с древнегреческим поселением на Приморском бульваре. К этому выводу приходили, как уже говорилось, многие исследователи. Но окончательно решить такой сложный, запутанный вопрос можно было только при рассмотрении географии всего района в целом и сопоставлении с археологической картой, которой в те годы еще не было. Теперь, когда мы располагаем сравнительно полными данными о существовавших здесь поселениях, знаем, где именно находилась гавань Истриан, и выяснили, почему Анонимный автор и Арриан приводят различное расстояние до гавани Исиаков, можно уверенно утверждать, что этот пункт находился именно на Приморском бульваре, где расположено наиболее крупное в округе поселение. Более удобного места для гавани найти трудно, ведь именно здесь расположен и современный Одесский порт.

После гавани Исиаков наш мореплаватель направился дальше на юго-запад, к устью реки Тиры. Следующая запись в перипле гласит: «От гавани Исиаков до местечка Никоний 300 стадий», т. е. примерно 48 км. Это указание лишний раз подтверждает правильность отождествления гавани Исиаков с поселением на Приморском бульваре: именно сюда приводит указанное расстояние от Никония, развалины которого лежат на левом берегу Днестровского лимана, у с. Роксоланы.

Итак, следующий пункт, отмеченный в перипле,— Никоний. Этот древнегреческий город, названный в честь богини Ники, упоминают Псевдо-Скилак, Страбон, Птолемей. Вопрос о его местоположении также долгое время был предметом оживленной дискуссии. Историю его поисков и изучения можно посвятить отдельный очерк, поэтому мы отметим только то, что после четырех столетий жарких споров город был наконец отождествлен с издавна известным довольно крупным городищем у северной окраины с. Роксоланы. Здесь уже много лет ведутся планомерные археологические раскопки, которые позволяют восстановить историю этого города. Никоний был основан во второй половине VI в. до н. э. древнегреческими переселенцами из Милета. Место для города было выбрано с учетом оборонительных возможностей: возвышенный мыс, ограниченный с юга и севера глубокими балками, а с востока, со стороны степи,— ложбиной, у которой впоследствии был вырыт ров и возведена крепостная стена.

Выгодное географическое расположение Никония обусловило быстрое экономическое развитие города. Его жители занимались земледелием, скотоводством, торговлей, ремеслами, охотой, рыболовством. Город быстро наладил тесные экономические связи с торговыми центрами античного мира, соседними древнегреческими городами и местными племенами. Никоний интенсивно развивался и занял ведущее положение в округе. Но со второй половины IV в. его экономическое развитие замедлилось. Сократились торговые связи, остановилось городское строительство. Приоритет перешел к соседней Тире, расположенной на месте современного Белгорода-Днестровского. Многие торговые центры значительно сократили ввоз своих товаров в Никоний и соответственно увеличили в Тиру. В III в. Никоний впал в глубокий экономический кризис. Торговые связи его прекратились почти полностью. Затем город был разрушен, вероятно, галатами. Жизнь в Никонии постепенно потухла. Соседняя же Тира просуществовала еще более столетия, и кризис ее связан с общим кризисом древнегреческого мира.

Как мы видим, в исторической развитии Никония наблюдается довольно резкий поворот. Разумеется, определенную роль здесь сыграли причины политического характера, но только ими невозможно объяснить происшедшие перемены. Ключ к разгадке этих загадочных событий дало следующее сообщение перипла: «От местечка Никония до судоходной реки Тиры 30 стадий». Эти слова долгое время были причиной оживленных споров. Оказалось неясным, как понимать это лаконичное сообщение античного автора. Одни исследователи считали, что здесь имеется в виду расстояние от Никония до устья Тиры, но «устье Тиры» понимали по-разному. Дело в том, что Днестр образует обширный Днестровский лиман, впадающий в море. Встает вопрос: какой же район считать устьем Тиры — устье реки или лимана? Ранние

исследователи полагали, что речь шла о речном устье и что лишь античные мореплаватели считали уже морем. А со временем устоялся вывод о том, что устьем Тиры следует считать устье Днестровского лимана. Не вдаваясь в детали этих споров, отмечу, что большая группа ученых искала Никоний в 30 стадиях либо от речного устья, либо от лиманного. Здесь необходимо сразу же подчеркнуть, что при таком понимании текста возникает явное противоречие с данными Страбона, который указывает Никоний в 140 стадиях от устья. Пытаясь разрешить это противоречие, исследователи полагали, что античные мореплаватели принимали за устье Тиры разные точки широкого устья Днестровского лимана.

Другая группа ученых пришла к выводу, что текст перипла испорчен: вместо «река Тира» следует читать «город Тира» — и, следовательно, указанные 30 стадий определяют расстояние от Никония до города Тиры.

Однако ни с тем, ни с другим выводом нельзя было согласиться. Дело в том, что расстояние от Никония и до устья лимана, и до города Тиры более чем в два раза превышает указанную в перипле цифру. И еще длиннее путь до устья реки. Как же тут быть? Куда измерять 30 стадий Анонимного автора? Почему он говорит именно о судоходной реке Тире?

Ответ на эти вопросы дала палеогеография. Выяснилось, что в античное время, когда уровень моря, как уже отмечалось, был ниже современного, Днестровского лимана вообще не существовало. На его месте находилась дельта реки из двух рукавов и острова между ними. Как показывают геологические разрезы, левый рукав реки, на котором лежал Никоний, был мелководнее, чем правый, основной рукав реки. При сопоставлении этих данных с письменными и археологическими источниками становится понятным, что ко времени нашего мореплавателя левый рукав реки обмелел совсем и стал несудоходным. Поэтому перипл указывает, что от Никония до судоходной реки Тиры, т. е. до ее правого рукава, 30 стадий. Это расстояние полностью соответствует действительному.

Вернемся теперь к событиям исторического развития Никония. Комплексное изучение имеющихся данных показывает, что одной из коренных причин его упадка и кризиса стали обмеление и потеря судоходности левого рукава реки. Именно эта причина и привела к резкому сокращению торговых связей, подорвала экономику города, что резко повернуло историческое развитие как самого Никония, так и всего Нижнего Поднестровья.

Итак, мы совершили небольшое путешествие по курсу древнегреческого мореплавателя от устья Борисфена до устья Тиры, ознакомились с существовавшими здесь городами и поселениями. Некоторые выводы пока еще остаются гипотезами. Читатель сам разберется, какое положение можно считать установленным фактом, а какое требует дополнительных доказательств. Будем надеяться, что дальнейшие комплексные исследования позволят окончательно разрешить все загадки античной географии Северо-Западного Причерноморья.

Луна и муссоны

Индийские метеорологи, проанализировав тексты древних рукописей, а также статистические данные, накопленные с 1895 по 1984 г., пришли к выводу, что климатические изменения в северной части Индостанского полуострова подчиняются 18,6-летнему циклу лунных приливов.

Подобная цикличность была подмечена более тысячи лет назад, но она определялась 20-летней сменой регулярных муссонов на один засушливый год. Примечательно, что такие же циклы были зафиксированы индейцами Северной Америки и крестьянами средневекового Китая.

Современные, естественно, более точные данные помогут надежно прогнозировать наступление неблагоприятных климатических условий.

Юрий Лабынцев

Ушедшие боги Шлёнжи

ОЧЕРК

Художник В.РОДИН

Путешествуя по стариниым городам Центральиой Европы, трудио бывает представить, что совсем иедалеко от них находятся уголки почти дикой природы, сохраияющие для нас многие удивительные памятники человеческой истории. Рядом с крупнейшим городом юго-западной Польши — Вроцлавом находится один из таких заповедиых уголков — иебольшой горный массив Шлёнжа, покрытый густыми хвойными лесами. Шлёнжа — это и назваиие главной гориой вершины массива высотой более 700 м. Попасть в эти невысокие отроги польских Судет несложно. От Вроцлава автобусом или по железиой дороге иужио доехать до маленького городка у подиожия гор — Собутки и отсюда начать свое путешествие в мир лесов, цветов, родииков, зверей, птиц и насекомых языческой Шлёнжи, в мир ее ушедших богов. Одиако, прежде чем подняться в горы, познакомимся иемиого с историей этих мест, их былой славой и до конца не разгаданной тайиой, молчаливые свидетели которой — граиитные фигуры зверей, какие-то непоиятные статун своеобразных геометрических форм, камеииые валы и т. д. — расположены на поверхности и являются предметом всеобщего обозрения...

Самые первые исследования памятников Шлёнжи начались еще в начале XVIII в. Эти изучения носили в то время характер любительского интереса, ио уже тогда были высказаны предположеиия о культовом назначении различных фигур, а на гору было указаио как на место древних языческих обрядов. Исследователи XIX и начала XX в., а также самого последнего времени устаиовили ряд неизвестных ранее фактов и выдвинули несколько иовых гипотез. Самая интересиая нз них — гипотеза о кельтском происхождении капища на Шлёиже, появившегося иа переломе VI и V вв. до н. э., т. е. тогда, когда кельтские племена, пришедшие в район Силезии с юга, прочно здесь осели. Предполагается, что капища, расположенные на вершиие Шлёнжи, а также на двух соседних вершинах, были посвящеиы культу Солнца...

Одним из первых упоминаний, к сожалению очень скудных, о капище на Шлёнже (примерио уже после полуторатысячелетнего его существоваиия) является запнсь, приведенная в хронике Титмара из Мерзебурга. Он пишет о почитании горы местными жителями-язычниками в качестве святой. Никаких конкретных пояснений при этом не приводится. Однако и эта запись позволяет предположить, что Шлёнжа в то время (X — ие позднее начала XI в.) все еще оставалась языческой святыней, поклоииться которой стекалось множество людей не только нз окрестных мест, но и издалека. История христи-

анизации племен, жившнх в районе горы в этот период н отчасти в последующий, очень напоминает происходнвшую тогда же хрнстианизацию восточнославянских племен. И там н здесь (с разницей в несколько лет) прн насильственном насаждении хрнстианства вспыхивают народные волнения, а сразу же после смерти в 1034 г. польского князя Мешко II мы наблюдаем здесь своеобразный обратный процесс — возрождение языческого уклада жизни н религии язычества. При этом католический клир был вынужден покинуть районы, прилегавшие к «поганьской столнце». Однако период этот продолжался недолго, уже к середине XI в. начинается католическая реакция и значение языческой Шлёнжи быстро падает. В начале XII в. здесь селятся монахи-августинцы, которые скоро становятся владельцами горы н земель вокруг нее. Проходит несколько десятков лет, н на Шлёнже появляется небольшой замок, значение которого сохранялось вплоть до чешских религиозных войн, когда гуситские воины выдержали в нем осаду войск вроцлавского епископа. После этого славного времени в руинах замка селились только разбойники, державшие в страхе все окрестное население, и прежде всего проезжавших мимо купцов. Объединенные силы горожан не раз штурмовали замок, точнее, его остатки н разбили разбойничьи шайки... От этой поры н пошли легенды о несметных сокровищах, зарытых где-то на горе. Легенды породили специальный промысел кладоискателей в этой местности, которые, видимо, так ничего и не нашли. Наконец, историей горы и ее памятников заинтересовались любители. В 1733 г. на горе была найдена статуя, получившая название «Фигура, держащая рыбу». Она была описана доктором Буркхардтом в его труде, посвященном Шлёнже. Вплоть до наших дней местные памятники изучались многими учеными. Это породило целую литературу о Шлёнже, так, впрочем, н не раскрывшей до конца своей тайны...

Чтобы осмотреть все памятники дохристианского периода на Шлёнже, нам придется пройти немало километров пешком, так как памятники эти расположены в самых различных местах — от вершины горы до ее подножия, а одна статуя, «Гриб», стоит в самом центре городка, возле костела святой Анны. Вот от нее-то мы и начнем свое путешествие.

«Гриб», по мнению некоторых исследователей, напоминает фрагмент фигуры человека от ступней до пояса, другие видят в нем изображение воина в шлеме, третьи — монаха н т. д. Когда смотришь на него, то в первое мгновение возникает ощущение какой-то фантастичности этой скульптуры, вызванное, быть может, некой абстракцией, однако потом начинаешь видеть, что статуя похожа на плохо сохранившееся примитивное изображение какой-то фигуры, установить очертания которой очень трудно. На передней ее части имеется знак креста. Вот н все, что удается увидеть после пристального рассматривания. В дальнейшем с помощью некоторой мысленной реконструкции можно представить что-то похожее на ноги в нижней части фигуры, отметить н еще некоторые человеческие черты, н весьма условное изображение какого-то одеяния, но все это уже лишь догадки.

Вторым памятником, лежащим на нашем пути, будет «Монах», находящийся в 200 метрах от городка, недалеко от тропы, ведущей на вершину Шлёнжи. Описать эту статую просто невозможно, так как она в отличие от всех прочих ничего конкретного не напоминает — это какая-то геометрическая фигура на подставке, выполненная из гранитного монолита. На ее вершине и на подножии знак креста, означающий, как сейчас полагают, упрощенный символ Солнца, которому якобы н был посвящен данный культ. Об этом памятнике, как н обо всех других, было много написано, высказано догадок и гипотез, но все они малоубедительны, и данная фигура по сей день является наиболее загадочной нз всех остальных.

Почти от самого «Монаха» начинается медленный подъем в горы. Справа остается маленькая часовня, стоящая на полянке у перекрестка троп. Вхожу в небольшое ущелье между двумя горами — Стольной н Вежицей, на последнюю еще предстоит подняться, так как Вежица — одна нз трех вершин, где некогда находились капища. До сих пор ее отмечает каменный вал... Километра через три можно сделать привал на небольшой поляне. Впереди, если судить по карте, примерно через полкилометра, сразу несколько интересных памятников: две скульптуры, так называемые «Фигура, держащая рыбу» и «Медведь 2-й», отдельно выбитый знак Солнца — крест и участок каменного вала, за которым и находится настоящий заповедник древней языческой культуры. За этим валом будут еще два подобных, как бы охраняющих подход к самому священному месту Шлёнжи. Христианские миссионеры еще в самом начале борьбы с язычеством пытались в наиболее почитаемых местах основать

монастырь или церковь, а самое минимальное — установить крест, языческие святыни при этом, разумеется, безжалостно разрушались. Подобное было, конечно, и на Шлёнже, вершина которой, видимо, не сохранила основных своих памятников.

«Фигура, держащая рыбу» и «Медведь 2-й» находятся рядом, под одним навесом, установленным недавно в целях их сохранности. Первая скульптура получила большое признание у исследователей. Это, видимо, самая популярная статуя из всех сохранившихся. В XVIII в. она была описана одной из первых; ее сравнительная композиционная законченность и целостность давали и дают большие возможности для ее трактовки, к тому же, видимо, о ней сохранилось случайное упоминание в документе начала XIII в., где говорится о «камне с Петром». Возможно, что эта запись подсказала или во всяком случае аргументировала гипотезу немецких ученых о том, что будто бы данная фигура представляет собой изображение апостола Петра и является памятником романской, а не дохристианской культуры.

«Мадонна с рыбой», как называли статую ранее, представляет собой фрагмент полусидящей человеческой фигуры, держащей огромную рыбу. Различные части человеческого тела только угадываются, головы нет совсем. На верхней части рыбы все тот же крест.

Другой памятник, стоящий рядом,— «Медведь 2-й» — такой известности не получил. Это грубо выполненная скульптура какого-то дикого зверя, напоминающего одновременно и медведя и кабана. Размер скульптуры довольно большой, на спине зверя — тот же глубоко выбитый крест.

Две эти фигуры, охраняющие их вал, кресты, шумящий среди гор лес создают какое-то особенное настроение, позволяют представить эти места несколько тысячелетий назад, заставляют думать, что впереди нас ждет еще что-то более удивительное и таинственное...

Вот наконец и последний каменный вал, за которым уже видна вершина Шлёнжи. На вершине, рядом с построенным из каменных глыб костелом, стоит еще один «Медведь», как его часто называют, «Медведь І-й». Внешне он значительно интереснее своего собрата и выполнен более рельефно. Эта скульптура почти единственное, что осталось на самой вершине от былого величия Шлёнжи времен язычества.

После почти часового отдыха на вершине горы (с нее открывается вид на многие километры окрест) вновь пускаюсь в путь на поиски остатков капища на горе Радунье, подъем на которую занимает чуть больше часа. Здесь не сохранилось других памятников, кроме огромного каменного вала, опоясывающего гору. Длина его равна почти двум километрам, ширина — около пяти метров, а высота — до шестидесяти сантиметров. Это самый значительный из культовых валов в районе Шлёнжи. При его обходе замечаешь, что местами камни куда-то пропадают и лишь через некоторое расстояние вал отыскивается вновь.

Вечером, уже при низко стоящем солнце, сидя на теплых камнях вала, кажется, будто плывешь по тихой, спокойной, немноговодной реке, которую спрятал в своих просторах огромный загадочный лес. Уходить от этого чуда долго не хочется, и, только когда солнце почти уже садится за ближайшие горы, спускаюсь вниз и в быстро наступающих сумерках бреду по знакомой мне тропе в сторону горного приюта...

Следующее утро начинается необыкновенной тишиной. Ветра, который вчера мешал при подъеме, сегодня нет. Небо почти совсем чистое. Теперь путь лежит на третью вершину, к третьему капищу — на Вежице. Это будет самый длинный переход, так как хочется пройти не известным уже частично путем, ведущим на Шлёнжу с севера, а избрать иной, более долгий и сложный путь — через скалы Ольбжимки и Скальны и далее по горизонтали в район Вежицы. На всем этом пути памятников дохристианской эпохи нет. Только рядом со Скальней на одном из камней выбит хорошо теперь нам известный крест.

До вала на Вежице добираюсь почти к вечеру. Судя по описаниям, здешний вал очень напоминает все остальные, только размеры его значительно меньше. Так оно и оказывается в действительности. После многочасового перехода подъем на гору кажется очень трудным, хотя сама гора по размерам куда меньше уже «покоренных» вчера и сегодня вершин.

Вежица — это конец и нашего путешествия, здесь мы прощаемся с языческим миром Шлёнжи, ее соснами, камнями, мхами, прощаемся с ее загадками. С безымянной горы, стоящей невдалеке от Вежицы, уже видна Собутка (в переводе на современный русский язык — ночь на Ивана Купалу). Как видно, все здесь напоминает языческие времена, и ведь название «Собутка» древнее, оно не придумано в наши дни,

а идет, как говорится, из веков. Имя Собутки носил когда-то и весь массив Шлёнжи...

Солнце стоит уже над самой кромкой горизонта, здешний, вежицкий закат только немногим походит на закаты в других местах Шлёнжи. Сейчас та воздушная даль, где лишь угадывается за деревьями равнина, кажется огромным, дышащим млечными испарениями морем. Заходящее ярко-красное солнце огромно. Все вокруг прощается с ним. Это прощание в последних голосах птиц, в почти неощутимом, еще солнечном шелесте травы; это прощание в тенях от гор и деревьев; это прощание в стихающей музыке дневной жизни, в гимне общего покоя.

Эхо 1965 года

Примерно 20 лет назад городские власти Парижа разрешили промышленным предприятиям обзавестись собственными артезианскими колодцами. За первый год было пробурено 500 скважин, за второй — 300, за третий — 60. Затем это дело заглохло, ибо уровень грунтовых вод при хищнической эксплуатации быстро спал на 50 м и в пластах под городом наступила «засуха». Предприятия перенесли сооружение артезианских колодцев в пригороды Парижа, где за последние 10 лет было пробурено более тысячи скважин.

Последствия бесконтрольной эксплуатации недр начали сказываться неожиданно. В 1984 г. во многих центральных районах французской столицы зафиксирован необычайно высокий уровень грунтовых вод, подпочвенная влага стала активно повреждать фундаменты как новых, так и старых зданий. Под угрозой оказались исторические памятники, например Лувр, основа которого просто набухла водой и покрылась микроскопическими водорослями.

Геологам и гидрологам пришлось изрядно потрудиться, чтобы понять смысл и масштабы случившегося. В городе создали 20 контрольных станций и составили новые гидрологические карты. Исследования показывают, что после «засухи» грунтовые воды постепенно накапливались, восстанавливали свой уровень, но пошли вверх не по старым, нарушенным каналам, а по новым. Поэтому они и оказались в непосредственной близости к фундаментам.

Александр Маев

тайны раздвоенной ветви

ОЧЕРК

...О, это очень странная музыка — стрекот кузнечиков и зуд цикад! И откуда они только берутся в этой степи, где зимой минус 35, а летом, наоборот, плюс и ветер несется, словно рожденный гигантским азиатским вентилятором, вечно, всегда по курсу «триста». Это значит, что если вы возьмете в руку компас, стрелка которого показывает точно на север, а поблизости от вас нет никаких магнитных аномалий и не надо подсчитывать девиацию, то назойливый шум, чрезвычайно похожий на неразборчивый говор толпы в окрестностях футбольного поля, где идет сногсшибательный матч, войдет в ваше правое ухо, пусть даже и прикрытое ладонью. А вы в этот момент вслушиваетесь в разноголосицу звуков великой степи, лежащей севернее таинственной пустыни Гоби. И шум входит в вас и звучит, сплетаясь с пением жесткокрылых, как голос далекого хора, неумолчно гудящего на вершинах дальних Гималаев или на плоскогорье Тибета...

Я лежал на травах этой степи, поросшей диким чесноком, и прозрачные, как небо, мысли кружились в моей голове. Я вслушивался в голос ветра и размышлял порой о странных людях с коричневыми лицами, которые веками пересекали караванными тропами, ведущими из Маньчжурии в Гималаи, в Непал, а затем в солнечную, пряную, благовонную Индию с миллионами курительных палочек, эти однообразные тысячи километров под переливчатым монгольским солнцем, пока не добирались до цели.

Вдруг неподалеку от меня раздался звонкий голос бубенцов. Верблюды?

Нет. Поднял голову и взглянул. И застыл, не в силах оторваться от зрелища, которого никак не ожидал именно здесь, так далеко от России, от привычных сердцу и уму степных просторов.

По проросшей степи шли трое в раздуваемых ветром халатах. Первый, в белесой войлочной шляпе, опередивший остальных метра на два, внимательно глядел на свои руки, в которых держал раздвоенную, очищенную от коры ветку, черенок которой поднимался почти вертикально. Друзья его осторожно двигались за ним справа и слева и тоже не отрывали внимательных и блестящих черных глаз от мерно колеблющегося черенка.

Лозоходцы! Здесь, в Монголии? Вот неожиданность! Но с другой стороны, где же им и быть, как не здесь, километров за двести от Онона, бурливого притока Амура с упруго виляющи-

---

Вниманию читателей предлагается очерк, в котором излагаются взгляды автора на проблемы биолокации (*Прим. ред.*).

ми хвостами в его быстрой воде харнусамн, н вдалн от мутной рекн Керулен, переполненной сомамн н сазаиамн. Воды-то здесь нет! Был ручеек какой-то — вот его сухое ложе — да сгннул. А рядом лошадные табуны, коровы, стада, покорно жующне подгорелую травку. Онн пнть хотят! Вот н приходнтся, худо-бедно, употреблять нехитрые водоразведэчные снасти, пусть даже в простой надежде на то, что где-то на пересечеинн водоносных жил залегла в полутора-двух метрах под поверхностью какая-никакая, а вода...

Посмотрел нздалн. Не подошел, чтобы не мешать. Рнтуал есть рнтуал, н ие стонт непосвященному вплетать в него свон люботные взгляды. Отправился по свонм делам, удивленный иеобыкновенной встречей, надолго оставшейся в памятн. А потом, через иесколько лет, встретнвшись со старым другом, бродягой-геологом, трн четвертн сознательной жнзни проведшнм «в поле» н много лет проработавшим здесь, в Монголнн, в Гобн-Алтайском аймаке, в поисках воды научно зарекомендовавшнмн себя методами, спросил у него о монгольских лозоходцах. Услышал ответ: «Я нх ие встречал. Но почему бы н нет? Все хорошо, что прнноснт пользу».

Итак, жив еще этот старнииый способ познання недр планеты.

Но всем лн нзвестно, о чем ндет речь?

Не задумывались ли вы, где нашн древнне предкн бралн руду, нз которой ковалн мечн, отлнвалн бронзовые зеркала, чеканили монету с гордымн профилямн ненстовых властелннов? На дороге, что лн, находили? Самородкн? Ну что ж, пойднте понщнте где-ннбудь неподалеку хотя бы небольшой кусочек самородного золота, не говоря уж о меди.

Ну да, рудиикн. Глубоко под землей трудилнсь иесчастные рудокопы, рабы, денно н нощно взламывая кускн породы. Да что там под землей! На горы взбиралнсь по головоломным кручам и вгрызались в их каменные бока.

Несколько лет иазад попалась мне на глаза статья, где говорилось о древннх горняках, о том, что онн с удивнтельной точностью моглн отыскнвать месторождения железиых руд. Обнаружена, напрнмер, старннная штольня, пробнтая наклонно к рудному телу, залегавшему на стометровой глубиие. Чем же объясннть уменне рудознатцев определять, что нменно в данном месте находнтся месторождение, ведь на поверхности ничего не заметно?

Автор подошел к вопросу просто: у древннх была изощреииая наблюдательность, онн моглн подмечать конфигурацию, оттенкн цвета компонеитов горных пород и правильно суднть по ннм о геологнческом строеинн участка. Онн нскалн интуитнвио, но ннтунцня у ннх была развита блестяще...

Интересное объясненне. И — несообразное. Ведь «умение подмечать конфигурацню, оттенки цвета компонентов горных пород» — это уже наука, требующая многолетией траднцнн, требующая учеников и учнтелей, знания определеиииых закономерностей строення земной коры. Ннчего подобного, естественно, в те далекие времена не существовало, что автор сообщения и подтверждает незаметно для самого себя: «Интунцня у ннх была развнта блестяще».

Однако что это такое — «блестяще развитая иитуицня»? И может лн оиа проявиться без предварнтельного знання предмета? Попробуйте, иапрнмер, развнть в себе ннтуицию н «изощренную наблюдательность», еслн вы не нмеете ннкакого поиятия о геологнческой науке и не можете отлнчнть медную руду от железной!

Разгадка проста: рудознатцы пользовались самым прнмнтнвным поисковым прибором — лозой, «волшебной палочкой», в которой, конечно, иет ннчего волшебного. В чем же суть ее действия?

Выбнралась небольшая развилка наподобне буквы «У» с углом расхождення ветвей от 25 до 50 градусов. Счнталось, что самые лучшне «приборы» получаются нз орешннка, но пользовалнсь н вязом, кленом, кизилом, ясенем — как сухим, так н свежнм деревом. Да и не только деревом. Подобные нндикаторы делали также из китового уса, камыша, металлнческой проволокн. Ветвн дерева должны иметь прнмерно однназовую толщнну н способность сгибаться под прямым углом, не ломаясь. Длнна нх, как правило, 40—55 см, лншнне ответвлення тщательно обрезалнсь, инжний, прямой конец ветвн был не длнннее 8 см. Когда для понсковых целей применялн камыш, то брали два стебля толщнной в современный карандаш и связывалн нх с одного конца бечевкой илн пучком травннок — мннутное дело! И приступалн к работе.

Так вот, берет лозоходец — а к такнм людям в древности относилнсь с особым почтеннем — в обе рукн нндикатор, прижнмая локтн к телу н сгнбая руки в локтях прнмерно под прямым углом. Подобная «хватка» практнкуется с незапамятиых времен и наиболее распространеиа. Ладонн направлены

вверх, тыльная сторона — к земле. Пальцы охватывают концы ветвей такнм образом, чтобы онн слегка высовывалнсь между основанием указательного и большого пальцев; сами же концы ветвей слегка сгнбаются у мнзннцев так, чтобы они образовывали прямую ось вращения. Держат лозу, как правило, крепко, устойчиво, слегка сближая ветвн, чтобы оин пружниили. Перед иачалом поисков она должиа пребывать в горнзоитальном положеннн, так чтобы короткнй общий конец был слегка приподнят.

Ну а что дальше? А дальше вот что. Лозоходец не спеша начннает шествовать по местиостн. И там, где под поверхностью землн иаходнтся какая-либо иеоднородность — а ею может оказаться пустота, старый фундамент, рудиое тело, водяная жнла — н едва только человек ступит на граиицу этой иеоднородиости, лоза тут же повернется вверх нлн вниз. Почему? Ответим на этот вопрос иесколько позже, а пока попробуем представнть себе, как могло возннкиуть знание об этом методе.

Древние китайцы употребляли нногда в качестве индикатора не только лозу. В ходу была гладко оструганная вишиевая палочка, которую клалн на максимальио распрямлению ладоиь. Как только лозоходец пересекал подземную водяиую жнлу, палочка слегка поворачивалась. Весьма вероятио, что когда-то, иа заре цивнлнзацнн, простые игры с куском дерева иеподалеку от колодца илн роднпка помогли обнаружить этот эффект, который оказался столь полезиым многочнслеиным поколеииям потомков первого лозоходца. Потом, видимо, иачались целенаправлениые экспернменты по методу «проб н ошнбок». Реагнровала, допустим, ветка иа что-то новое — это исследовалось (если, конечно, можио употребнть подобное слово в даином случае) н включалось в арсенал искателей. Так н прибывали заветные знаиня, а потом передавалнсь от знатока к зиатоку...

Может быть, эта версня н не слишком правдоподобиа, н многое иа самом деле пронсходило вовсе не так, однако факт миоговекового жнтия лозоходства иалицо. Есть немало свидетельств тому, что обращению с «волшебиой палочкой» людн былн обучены на миого веков раньше, чем об этом весьма пространно сообщается в Большой эиццклопедии Гутеиберга, посвятившей лозоходству большую статью. Упоминает о лозе, и отиюдь не вниоградной, неутомнмый путешествениик Геродот. Лозой умели пользоваться и древние египтяне, и древние грекн, вавилоияне и рнмляне; о ией пнсалн Марко Поло н Георгий Агрнкола. Летопнсцы «Поднебесиой имперни» — Китая утверждалн, что уже в «давине» времеиа зиатокн земли моглн не только указывать, что скрывается под иогами у людей, но и показывать место, где лучше всего построить жилище, чтобы не разгневать «подземиого дракоиа». Онн же полагали, что нменио этот дракои руководит двнженнем послушной ветки. Значительио позднее, в средиие века, во времена днчайшего нзуверства, «добропорядочиые» хрнстиане пыталнсь приписать вращеине нндикатора вмешательству сатаны — а все потому только, что не во всяких руках она вращалась. Благочестивейшнй аббат Пнро разразился на эту тему специальным трактатом. «Запретить лозу!» — гиевио призывал он. Нечто подобиое произошло и в известиом Лейпцнгском уииверситете. «Изгнать беса», — постаиовилн слушатели богословского факультета.

Однако, иесмотря иа прохладное, мягко говоря, отношение, лозоходцы не падали духом. Некий барон Басолей с супругой, выступавшей в качестве ассистеита, освонв лозоходство и довольио серьезио нзучнв все нмевшнеся в то время пособня по геологическому поиску, открыл в иачале XVII в. более ста пятидесяти рудных месторождений — золота, серебра, меди, олова, цника! Впечатляющая цифра! Сегодия не всякий геолог может похвастаться такнм виушнтельиым набором защнщеииых открытий. Утешением, правда, может послужнть то, что методы, которыми геологн пользуются сегодия, — в отличие от тех, которыми пользовался злополучиый барои, — проверены, апробироваиы и ие вызывают сомнений. И нм ие грознт Бастилня, где окоичили свою полную прнключений н похожденнй жизнь Басолей н его верная супруга. Что поделать! Те времена — учеиейшие эициклопедисты, невежды, шарлатаиы, выдававшие себя за алхнмнков, маги н гадатели, стремившнеся пробраться под крыло к какому-нибудь богатому мецеиату в надежде иа безбедиую жизнь и заканчивавшие ее зачастую столь же иелепо то по обвнненяю в мошенничестве, то в тайиых связях с сатаиой.

В 1780 г. небогатый шевалье Пьер Тувеиель вместе с подручным — крестьянином Бартоломео Блеттоном прославил себя тем, что, увлекшись эксперимеитами с лозой, в одной только Лотариигии открыл около восьмнсот нсточников подземных вод.

По-разному складывалась судьба лозоходцев, да н сами оин былн людьмн разиыми. Однн в совершеистве вла-

дели таинствами ремесла, другие лишь слепо подражали им, вводя в заблуждение наивную, жаждущую чудес публику. Потому-то и сам метод казался то удивительным даром небес, ниспосланным добронравному счастливцу, то тайным знаком нечистой силы, запечатлевшей запродавшего душу несчастного грешника, то замысловатым умением чудака, хитрость которого не так-то просто раскрыть. Но к концу прошлого века, отмеченного небывалым расцветом технической и научной мысли, лозоходство перестало считаться чем-то безусловно загадочным. «Мы не понимаем, в чем тут дело,— говорили ученые.— Но мы не понимаем и что такое электричество. Однако это не мешает нам пользоваться всем тем, природу чего пока не сумели объяснить». Господин Кармежан, президент регионального общества архитекторов северо-востока Франции, высказав в 1910 г. подобную мысль, добавил, что раздвоенная ветка позволила ему «успешно обеспечить каптаж подземных вод для снабжения городов Ремполь, Ляннион и Самбрие».

Через три года, в 1913 г., вопросы лозоходства впервые были вынесены на серьезный научный форум — Международный конгресс по экспериментальной психологии. Было обследовано несколько лозоходцев, проведены успешные, поразившие многих психологов и психиатров эксперименты. Явление было официально признано «достойным внимания науки». Однако вместе с тем досточтимое собрание заявило, что в данном случае «отсутствие научной базы для объяснения силы, действующей при этом на человека». А несколько позже великий физик Макс Планк, специально интересовавшийся природой этой силы, пришел к выводу, что лозоходство — интересная, но трудно разрешимая научная проблема, и предложил создать специальный институт для изучения этого биофизического явления. Наконец в 1932 г. в Версале была открыта первая в мире школа лозоходцев.

Интересовались любопытным явлением и в России. Незадолго до начала первой мировой войны пригласили в Москву одного заграничного феномена. Возили его на извозчике по городу, он бродил на перекрестках и улицах по мостовой, указывал, где под землей пролегают водопроводные трубы. Члены комиссии сверяли его показания с планом городской водопроводной сети и поражались правильности ответов. А тот еще и указывал, в какую сторону течет по этим трубам вода...

Любопытный документ попался мне как-то на глаза. Было это года четыре назад, когда я познакомился поближе с нашими лозоходцами, которых теперь называют несколько иначе — «операторами биолокационного поиска». Да и сам метод сменил название. Ныне он числится как «биолокация». Так вот, в документе том, называвшемся, если не изменяет память, «Памятка красноармейцу по поиску воды в безводной местности», давались рекомендации, как в тяжелом безводье самым простейшим способом разыскать водяную жилу, лежащую неглубоко от поверхности, описывались элементарные способы владения поисковой лозой. Значит, понимал составитель документа важность биолокации!

Бродя как-то по крымской Яйле в районе мыса Сарыч, что несильно выдается в море неподалеку от Фороса, на плоской ее равнине, край которой обрывается скальной осыпью вниз и сизу кажется островерхим хребтом, судорожно пропе́завшим безмятежно-голубое крымское небо, наткнулся я на развалины, а вернее, остатки фундамента древней греческой базилики. Когда построили ее тут греки, мне не ведомо. Подошел к старинной кладке из инкерманского камня, обшарил глазами углы — да, все как и должно быть: несколько вытянутый прямоугольник, за ним — полукружие алтарной части, остатки черепицы с выдавленными на них клеймами греческого письма. Но что это? В одном из углов — белесая куча человеческих костей, сваленных сюда неизвестно кем, но черепов нет. Был ли кто-нибудь здесь до меня? Или я первый случайный свидетель давно ушедшей в небытие жизни?

Отчего-то вдруг немного закружилась голова, поплыл солнечный день куда-то вбок. Я закрыл глаза. И внезапно какие-то смутные догадки, размытые воспоминания заклубились в мозгу. «Ифигения... Ифигения... Ифигения в Тавриде... Не тот ли это храм, где... А вдруг именно здесь была жрицей эта мифическая дева? Впрочем, почему мифическая? Только ли потому, что талантливый Еврипид избрал ее героиней двух своих бессмертных трагедий? Только ли потому, что Гомер в своем эпосе рассказал о печальной судьбе детей Агамемнона, убитого собственной супругой в собственном доме после возвращения с Троянской войны,— об Ифигении и Оресте, обретших с тех пор не реальную, а литературную судьбу. Но ведь была, была Троянская война, была Ифигения и светил с тавридской Яйлы дрожащий маячок, ука-

зуя путь морским путешественникам и одновременно предупреждая: «Не приближайся сюда, чужеземец, иначе будешь сброшен с крутых скал, как непрошеный пришелец...»

И странное ощущение сопричастности к далекой, безвозвратно ушедшей жизни завладело мной, будто бы и я был уже здесь когда-то, и видел своими глазами разбитое о камни, истерзанное тело незадачливого торговца, и обжигало меня жаркое, белесоватое, отразившееся от сахарных колонн и стен храма тавридское солнце... И будто бы вновь запели жрецы и тихо зашаркали сандалии по мощенному плитами полу, пахнуло лавандой и женскими одеждами...

Не приходилось ли вам вот так же ощущать при встрече с каким-нибудь обломком краснофигурной вазы или покрытым тусклой зеленью патины, потерявшим свой смысл бронзовым зеркалом огненное дыхание вечности, растворяющей в себе человека, человечество и дела рук его? Впрочем, что говорить о вазах, зеркалах и скульптурах! Существуют процессы, которые стары, как сам мир, но которые не умерли вместе с их зачинателями. И когда коми-охотник прошивает звериной жилой звериную шкуру, чтобы сделать из нее нечто согревающее его тело в лютый мороз, то мне чудится далекое детство человечества.

Вот и примитивная раздвоенная ветка вызывает во мне такое же чувство. И то, что процесс этот до сих пор жив, а не умер,— такая же, по-моему, загадка, как и он сам. Казалось бы, прервись хоть на поколение, уйди из жизни умелец-лозоходец — и некому будет передать живущим нехитрые секреты. А вот нет! Тянется цепочка от одного к другому, бродят лозоходцы по стране, работая своими инструментами каждый на свой лад, выискивая все новые и новые их возможности, приспосабливая к новым насущным задачам, которые ставит перед ними жизнь.

Любопытную историю рассказал мне болгарский ученый, профессор Стою Стоев, много лет занимающийся исследованием бессознательного в человеческой психике. Познакомились мы в Тбилиси на международном симпозиуме по этой проблеме. Зашла речь и о биолокации.

— У нас в Болгарии лозоходство называют по-другому. Мы говорим — радиоэстезия. И есть у нас удивительные специалисты. Несколько лет назад решили наши археологи провести раскопки на нескольких древних захоронениях, раскопки не общего типа, а как бы целевые. Нужно было отыскать какие-нибудь металлические предметы, чтобы по ним уточнить датировку захоронений и их принадлежность тому или иному племени. Конечно, можно было бы начать планомерное вскрытие захоронения за захоронением, но ведь это громадный труд множества людей. Решили упростить задачу. Мыслили так: попробуем предложить радиоэстезистам осмотреть район некрополя, пусть побродят со своими индикаторами, и там, где, по их мнению, могилы хранят металл, будем копать. Как думали, так и сделали. Группе удалось обнаружить довольно много захоронений с большим количеством золотых, медных и серебряных монет, украшений, домашней утвари. Процент «попаданий» был очень велик. Практически ни одна могила не была раскопана впустую. Может быть, вы думаете, что там все захоронения были такими? Нет, нет. «Богатые» могилы располагались довольно далеко одна от другой, они как бы хаотично были разбросаны по полю. Когда позже стали вскрывать другие захоронения — не оказалось там ничего подобного... Когда я узнал об этом, то очень был удивлен. Казалось бы, нельзя таким простым прибором определить, есть металл в земле или нет, а вот, оказывается, можно... Плохо мы знаем еще человеческую сущность, все ее способности...

И хотя поиск могильного золота — занятие, возникшее далеко не в нашем веке, странное это превращение одного в другое — когда не грабители орудуют на могилах праотцев, надеясь поживиться подаренными земле ценностями, не осквернители праха, а люди, стремящиеся постичь те культурные ценности, что определяли когда-то смысл бытия человечества,— превращение это радует, ибо здесь древнее оживляет само себя...

Но как же все-таки передается лозоходческая традиция? К сожалению, трудно выявить сегодня все связи, которые существуют между специалистами по биолокации и их предшественниками. Но кое-что известно. Живет, например, в Москве кандидат технических наук, оператор биолокационного метода Александр Иванович Плужников, который вот уже лет пятнадцать экспериментирует, да и не только экспериментирует, с «лозой». Хотя ныне, по правде говоря, лозы-то уже и нет, а пришли ей на смену металлические индикаторы, так называемые «рамки» — куски медной или стальной проволоки, согнутые в виде буквы «Г», металлические заменители той же ветки. Рамка — устройство чрезвычайно простое. Короткий конец зажимается в кулак так, чтобы он образовывал вер-

тикальиую ось вращеиия, а длиииый конец вращается в горизонтальной плоскости. Обыкиовеиио оператор держит рамку, следя, чтобы этот длииный коиец был иаправлен вперед, словио дуло пистолета; рука его вытяиута, ио ие так, как еслн бы он прицеливался, а согиута в локте. Механизм действия почти тот же самый. Как только оператор пересечет границу какой-нибудь иеодиородиости — допустим, спрятаиную под землей водопроводиую трубу — рамка отклонится вправо или влево. Так вот, Плужников...

Впрочем, послушаем его рассказ:

«Это случилось 20 мая 1969 года. Я впервые увидел, как работает с рамкой гидрогеолог Александр Николаевич Огильви. Это меия потрясло. Я воспринимал это как чудо, ио не заоблачиое, ие мифическое, а земиое, иастоящее. «Почему бы и мие ие попробовать,— мелькиула соблазиительиая мысль,— а вдруг?»

Через иесколько дней состоялась вторая встреча, иа этот раз с известиым специалистом по биолокации Николаем Николаевичем Сочевановым. Ои объясиил мие осиовы метода, помог кое-какими советами, многое рассказал — и с тех пор я оператор. Но ищу не воду и ие руды. Моя, если можно так выразиться, область — архитектурно-историческая. Что это зиачит?

Время уиесло с собой миожество архитектуриых памятииков. Стояла, иапример, в деревушке уиикальиая церковь, потом ее сиесли, или оиа рассыпалась, кирпич разиесли иа другие постройки, и только фундамент остался. Да и ои порастет травой, засыплется землицей, глядишь — иа месте этом иыие пустошь. И вот решают этот памятник стариины возродить. Но уже иикто ие помиит, где стояло здание, а перекапывать участок размером в гектар не всегда под силу. Как найти фундамеит? Да все так же, рамкой. Я пользуюсь двумя. Одиу несу в правой, другую — в левой руке. Уже есть у меия своя собствеиная система расшифровки их вращений, поскольку каждая рамка отклоняется по-своему. Как только пересекаю я подземиую кирпичную кладку, рамки иачииают поворачиваться, и в этом месте втыкаем мы в землю колышек. Ну уж если что-то иашлось, значит, райои поисков обозиачеи. А дальше надо просто тщательно «прочесать» райои, отмечая колышками места реакции, оии-то и обрисуют заиесеииый фундамеит... Одиако встречаются удивительиые иеожидаииости, подчас абсолютно непоиятиые. Например, проделали мы работу, обрисовали фундамент, начииают люди копать — а там, виизу, иичего нет! Ошибка? Да, ио виноваты в ней не лозоходцы. Так уж случается, что в иекоторых случаях фундамеит сдвииут в сторону иа полметра-метр от той картины, которая обрисовалась иа поверхности. Так иазываемый параллакс. Приходится тогда действовать по специальиой методике, уточиять местоположение кладки, чтобы погрешиость ие превышала 20—30 саитиметров...»

Прервем иа секунду Александра Иваиовича. В Новгороде иа раскопках кремля произошел эпизод почти в таком же духе. Несколько операторов картировали местность, с тем чтобы определить координаты фундамента сиесеииой когда-то стеиы. Все шло как обычио. Обрисовалась картииа. Студеиты-добровольцы, специальио пришедшие помогать археологам, взялись за заступы. Сияли верхиий слой почвы. Но камеииая кладка обрывается ровно иа половине той длииы, что показывают колышки. Зиачит, операторы смогли определить, зафиксировать и тот фундамеит, которого уже иет давиым-давио!

На что же в таком случае реагировала рамка? Объясиили мие, что уже при закладке фундамеита одиородиость поверхиостиого слоя земли была иарушеиа. Потом, по-видимому, разобрали и часть фундамента иа какие-нибудь городскне постройки, а образовавшийся котлован забросали мусором, который за много лет слежался, переработался. Но неодиородиость слоя осталась. Вот рамка и регистрирует эту неодиородиость.

«Часто приходится искать пустоты,— продолжает А. И. Плужииков,— подземиые ходы и помещеиия, теплотрассы, бывшие штольии. Встречаются и пустоты условиые, перекопы. Это как раз то, с чем столкиулись в Новгородском кремле. А кроме того, засыпаииые рвы, братские могилы, бывшие овраги, которые иеобходимо окоитурить перед новым строительством, чтобы ие поставить здание иа подобиый овраг, ииаче оио может «поплыть». Ищем остатки бывших стеи, крылец, современиые заложения — кабели, остатки металлических коммуиикаций, а также водяиые жилы, но ие с точки зреиия водоснабжения, а как фактор, разрушающий строеиия. Такие случаи бывают. Построят дом — смотришь, а через некоторое время в его подвале иаводиение. Откуда? Подпочвеииая влага. Просто-иапросто какая-то жила иашла себе выход иа поверхиость. Вот

и надо ее найти — еще на подходе к строению — и перекрыть...

...Пробовал я и нефть искать. Было это в 1977 году в Нефтекумской степи, огромной, выжженной полупустыне. Собрались мы — геологи из Университета дружбы народов имени Патриса Лумумбы, ребята из Нефтекумского бурового управления, я — да и отправились в это полупекло... На полигоне передвигались на автомобиле, ходили пешком. Проверяли возможность поиска глубоких залежей. И что же? Эксперименты продемонстрировали высокую результативность. Оказалось, что существует возможность регистрировать месторождения, залегающие на глубине до 3800 метров! В то время я впервые начал оценивать свою реакцию количественно — в баллах. Система счета довольно проста. Если рамки, направленные прямо вперед, остаются параллельными, это ноль баллов. Когда угол между ними составляет тридцать градусов — это один-два балла, если девяносто градусов — это уже три балла, и так далее. Меня очень порадовало то, что над сводовыми частями месторождений реакция доходила до пяти и даже шести баллов...»

Самые любопытные эксперименты провел Плужников в Атлантическом океане. Отправился он туда как турист — круиз вокруг Европы. И пришла идея: а что, если попробовать лоцировать надводные плавающие объекты, невидимые по тем или иным причинам невооруженным глазом? Например, корабль, который находится за горизонтом.

«Было дело,— улыбается Александр Иванович.— Моими опытами «заболела» буквально вся команда лайнера. Правда, у этой идеи была своеобразная предыстория. После Нефтекумья я отправился на Черное море лоцировать шельф в его северо-западной части. Там под морским дном есть нефтяные залежи, уже разведанные. Ну, достали мы геофизическую карту, погрузились на суденышко водоизмещением в сто тонн да и начали бороздить морской простор, регистрируя показания рамок. Что интересно: и геофизическая и биолокационная карты совпали процентов на девяносто. Разница, пожалуй, в том только, что на предыдущие работы было затрачено много сил и средств. А тут — восемь суток на небольшом судне без всякой дорогостоящей аппаратуры, а результат почти такой же. Так что есть прямая выгода в использовании биолокации...

— Ну а что в Атлантике?

— В свое время об этом писала «Строительная газета». Поясню подробнее. Мы шли к Гибралтару. Я поднялся на мостик и попросил капитана посодействовать мне в экспериментах. Он разрешил, заинтересовавшись их сутью. Я стоял на мостике, передо мной было широкое лобовое стекло с прекрасным широким обзором. Я высчитал, что поскольку высота мостика над уровнем моря составляет восемнадцать метров, то расстояние до линии горизонта будет равно девяти морским милям. Настроившись — а перед началом работы всегда необходима соответствующая психологическая настройка, надо углубиться в себя, отключиться от «постороннего» внешнего мира,— взяв в руки рамки, я начал обшаривать лежащее передо мной пространство, поворачиваясь вправо и влево, отклоняясь вперед и назад, примерно так, как если бы это делал прожектор в ночи, пытаясь уловить, нащупать потенциальную преграду впереди.

Наконец рамки «зашевелились». Но горизонт чист. Тогда капитан приказал включить радиолокатор. И что же? Прямо по курсу — за линией горизонта — судно. Все мы обрадовались. Посыпались вопросы: «Как это вы делаете? В чем секрет?» После этого мы много раз повторяли эксперимент, и почти каждый раз он удавался. Настроение у меня было хорошее, погода прекрасная, ничто не мешало; видимо, это и способствовало успеху. Позднее мне пришлось прочитать команде лекцию о биолокации. Оказалось, что никто ни о чем подобном ранее не слышал. А жаль. Почему? Ну, во-первых, таким образом можно отыскивать «потерянные» в море предметы — пустые цистерны, буи с приборами, которыми часто оперируют океанологи, различное промысловое оборудование. Весьма вероятно, что можно искать скопления промысловых рыб и животных. Но самое главное в другом. В какую ситуацию зачастую попадают суда-спасатели? Получив сигнал SOS, они приходят на места катастроф, как правило, ночью или в глубоком тумане, а то и во время шторма. Представьте, судно пришло в район, где болтается в волнах шлюпка или спасательный плот с людьми. Оказать помощь надо как можно быстрее, иначе люди от холода могут погибнуть. Мне рассказывали массу примеров, когда люди, упавшие за борт буквально на глазах у экипажа, гибли от переохлаждения. Но где эта шлюпка, плот, отдельный человек? Справа, слева? Спереди, сзади? Хорошо, если они могут подать какой-то сигнал. А если нет? Вот тут-то биолокация может оказаться хорошим подспорьем. К тому же многие моряки

обладают врождениыми способиостями к подобного рода заиятиям. Мие рассказывали об одиом боцмаие, который никогда не пользовался никакимн рамками, однако в экстремальных снтуациях всегда иа удивлеиие точно определял местоиахождеиие терпящих бедствие. «Я чувствую, что шлюпка там»,— говорил ои. Можио иа каждом судие иметь два-три человека, которые в экстремальиых условиях помогут спасеиию жизией, ие говоря уже о поисках утраченных, упавших за борт предметов...»

Врожденные способности... Чувствовать... Так что же такое бнолокация? Удивительиая способность чувствовать то, что как будто бы н ие даио человеку, или это специфический механизм взаимодействия индикатора-рамки с окружающей средой, когда человек выступает всего лишь как носитель нехнтрого прибора?

Одиозначного ответа на этот вопрос, к сожалению, не существует. Одии счнтают, что осиовиым здесь является чувствительиость человека, другие — что загадка кроется во взаимодействии фнзических полей и рамки, которая является элемеитарным проводииком бнотоков человека. Одни думают, что способиости этн феномеиальиы, то есть присущи ие каждому человеку, другие — а средн них и председатель Межведомствеииой комиссии по биолокациоиному эффекту прн Научно-техническом обществе имеии А. С. Попова Николай Николаевич Сочеваиов — что способиости эти сродни умеиию ездить иа велосипеде. «Не каждый велосипедист — спортсмеи,— заявил он мие,— но большииство людей прекрасио управляются с этим средством передвижеиия. Из ста человек восемьдесят, взяв в первый раз в жизии рамку, сразу же почувствуют эффект. Другое дело, что ие каждый станет этим серьезио заииматься. Для действительно хороших, профессиональиых результатов нужиа длительная треиировка. А вот если бы биолокациоиным эффектом обладал только один человек из ста, то нмело бы смысл говорнть о феиомене. Австралийские кенгуру в засуху роют глубокие ямы и иаходят воду, а муравьи в бассейие Амазоики перед наводиеиием выходят иа иезатопляемые места. По всей видимости, это говорит о иаличии иекоего «общедоступиого» чувства. Другое дело — особеииости треиировки, психического состояния оператора. Здесь мы обиаружили массу любопытного. Чувствительиость завнсит от миогих причии: времени года, суток, состояиия здоровья, умеиия «иастроиться»». Тот же самый Алексаидр Иваиович Плужников сообщил, что сама мысль провести иадводиую бнолокацию возннкла у иего иеожнданно, как иекнй позыв к действню; было н желанне, и соответствующее иастроеиие: он как бы хотел получить информацию о большом металлическом плавающем объекте, иаходящемся впередн. Профессор Стоев, специалист по бессознательиому, выясияя у болгарского оператора Стояиа Бочварова особеииости пснхофнзическсго состояиия при поиске, обратил вннмание иа заявленне, что способность эта постояиио нуждается в тренировке и что, иесмотря иа это, у разных операторов иа одном и том же участке местиостн оиа проявляется поразиому...

В 1916 г. профессор Томского уннверситета Н. Кашкаров высказал мысль, что оргаиизм человека в определеных условиях реагнрует на нзмененне иоиизации воздуха и насыщенность его электричеством, которым характеризуются места, где проходят потоки подземиых вод нли залегают металлические руды. В 1944 г. инженеры Борнс Тараев и Евгеинй Симонов иаблюдали, как реагирует обычиая, только что срезаииая ветка иа уложеииый в землю кабель электросети и на сток груитовых вод. Они прншлн к выводу, что ветки почти любого дерева могут служить инструментамн лозоходцев, причем в их руках оин становятся электрофнзическим «прибором».

Польский геолог Ц. Коллаго полагает, что «магнитиые аномалии иад разного рода скальными породами определяют разиицу электропроводности этих пород н иапряжений блуждающих токов. Возникающне вследствие этого перепады магиитного поля воздействуют на органнзм человека. Опыты, проведенные в искусствеиных условиях, совершеиио четко доказывают факт реагнроваиня человека иа подобиые электромагнитные явлеиия. Степень восприятия изменення земного магнетизма и электрнческой напряжеииостн совершенно различиа у отдельных нндивндуумов. Есть людн иастолько чувствительные к подобиому воздействию, что даже непродолжительное пребывание в зоие снльиых помех вызывает у них вполие определенную реакцню. Имеиио нз такой категорни людей в первую очередь появляются лозоходцы».

Профессор Дитрих из ФРГ и французский физик Лаковскн придержнваются иной точки зреиия. Оии считают, что «излучеиия из-под земли» геиерируются ие подземиыми потоками воды и ие геологически разиородиыми породами, а представляют собой... отражеи-

ные от подземных русел и руд космические лучи!

Заинтересовался вопросом, что заставляет поворачиваться ветку-индикатор, и американский ученый Джон Мерт. Он укрепил чрезвычайно чувствительные датчики, реагировавшие на малейшее движение лозы, на кончик ветви; другие такие же датчики прикрепил к мышцам оператора. Сигналы регистрировались специальным прибором. Ученый хотел выяснить: что происходит быстрее — движение ветки или напряжение, пусть даже самое незначительное, мышц? Оказалось, мышцы опережают индикатор, а следовательно, ветка, рамка не играет в сущности какой-либо особенной роли, она лишь каким-то образом психологически влияет на лозоходца, заставляя концентрировать внимание.

Так что же? Значит, главное — идеомоторика, непроизвольная мышечная реакция руки, незаметная самому оператору, бессознательный ответ на раздражитель? Но в таком случае проблема приобретает еще бо́льшую остроту. Каким же образом к оператору поступает информация о лежащем глубоко в недрах рудном теле или о судне, находящемся за пределами видимости, информация, запускающая идеомоторный акт? Выходит, мы должны предполагать существование у человека еще одного, неизвестного чувства — шестого или седьмого, абсолютно не исследованного наукой...

Да, загадка следует за загадкой. А вот еще факт. В руке оператора — рамка. Перед ним лежит обыкновенная шариковая ручка. Оператор подносит рамку к ручке, та отклоняет ее на девяносто градусов, словно магнит стрелку компаса. Оператор берет в другую руку точно такую же ручку и снова подносит рамку. И что же? Теперь индикатор отклоняется уже на сто двадцать градусов! Резонансный эффект. Объект, аналогичный поисковому, «подключенный» к телу оператора или к индикатору, увеличивает отклонение.

Лозоходцы давно знают об этом. И не случайно многие из них приделывают к своим инструментам специальные клеммы, к которым «подсоединяется» образец-эталон. Допустим, в процессе поиска обнаружена аномалия. Требуется уточнить, что там, под землей, — медь, железная руда или просто пустота. Подключают к рамке предполагаемый образец и смотрят — усилится эффект или ослабнет. После этого можно уже с большой степенью вероятности предполагать, какой элементный состав таится в глубине.

Многие исследователи признают, что в случае биолокации выявляется какое-то физическое взаимодействие. Сам человек — физическая система, тело среди других тел. И каждому физическому телу, каждой системе свойственна определенная совокупность физических полей, а поля эти взаимодействуют между собой, в результате этого информация может передаваться от одного тела к другому, в том числе от неживого объекта к человеку. Впрочем, все это требует дополнительных экспериментов, проверок, теоретизирования, обсчетов...

«Все возвращается на кру́ги своя», — гласит древняя мудрость. Неброское это занятие — биолокация. Не слишком знамениты лозоходцы. Не слишком жалуют их славой, популярностью. Но в тиши кабинетов и под знойным солнцем пустынь и каменистых россыпей делают они свое дело примерно так же, как делали его их далекие предшественники. Ищут руду, нефть, воду, предваряя порой планомерные обследования территорий с помощью сейсмики, гравиметрии и других точных методов современной геофизики и геологии. И никак не хотят бросить свои рамки, камышинки, лозы. Может быть, романтика тому виной? Или желание нести в себе чувство единства с природой — великой кладовой тайн, секретов, радостей и огорчений? Вполне возможно...

Но не следует думать, что биолокация — удел энтузиастов. Специальная комиссия ЮНЕСКО под руководством нидерландского профессора С. Тромпа подтвердила реальность существования феномена и пришла к выводу, что для тех развивающихся стран, где современная геология еще не встала на ноги, поиск столь необходимой воды с помощью лозоходцев — разумное дело. Во многих странах мира открыты специальные школы для их подготовки. В Бельгии, Италии, ФРГ созданы лаборатории по изучению биолокации.

И у нас есть достижения в этой области — практические и теоретические.

«Передо мной тридцать пять писем из разных геологических организаций страны,— говорит Н. Н. Сочеванов,— подтверждающих эффективность метода. В самых разных регионах было заложено около двух тысяч скважин для проверки данных биолокационной разведки. Совпадения — в восьмидесяти случаях из ста. Это очень хороший показатель».

Вода... Для ее поисков геологи используют сегодня много методов. Лозоходцы разработали новый, комплек-

сный: биолокация плюс сейсморазведка. Оператор быстро выделяет значительные зоны тектонических нарушений и в пределах этих зон определяет участки с пресной водой. После этого проводят сейсморазведку, детально изучают разрез и выбирают место для бурения. На одном из участков, где работал оператором кандидат геолого-минералогических наук В. С. Матвеев и где до этого было пробурено полтора десятка разведочных скважин, из которых ни одна не дала воды, после обработки комплексным методом одна только вновь пробуренная скважина дала столько воды, что ее хватило бы для крупного сельскохозяйственного объекта...

Сегодня у нас в стране есть геологическая партия Укрспецбиолокация, подчиненная Министерству геологии УССР, с успехом отыскивающая не только воду, но и нерудные полезные ископаемые, такие, например, как гипс. Группа прекрасно решила проблему поисков подземного карста, чрезвычайно актуальную для городского строительства. Строить здания над карстовыми пустотами — опасное занятие, потому-то геологам всегда приходится проводить тщательную, дорогостоящую разведку. А биолокация — дешевле не бывает...

А совсем недавно, летом 1983 г., сотрудники бюро внедрения при Северном НИИ гидротехники и мелиорации использовали биолокацию в несколько ином ракурсе. Бывает так, что на некоторых полях мелиоративные или дренажные системы, заложенные лет пятьдесят назад, приходят в негодность, разрушаются, причем даже сами земледельцы не помнят уже их расположения. В Калининградской области, например, бóльшая часть дренажа, с помощью которого осушаются поля, забита илом, а документация на нее уничтожена во время последней войны. А ведь надо обнаружить неисправные дрены, заменить или отремонтировать их, чтобы поле снова стало живым, активно плодоносящим. Необходимость в проведении подобных работ существует на многих тысячах гектаров ранее мелиорированных земель.

Вот и пошли специалисты бюро по просторам Зеленоградского района Калининградской области в поисках дренажа, вооружившись рамками из стальной проволоки. И что же?

То лето стояло засушливым, воды в дренах не было совсем, в коллекторах она еле-еле журчала тонкими струйками, а то и капелью. Локационный эффект проявлялся весьма слабо. Рамки почти не отклонялись. И все же результаты оправдали надежды: на полях совхоза имени Калинина всего за три часа оконтурили 500 метров дренажа; в соседнем же совхозе «очерчено» 600 метров, да еще проведена проверка на вскрытие... Экономия сил и средств — значительная! Вывод — биолокация нужна и мелиораторам. В добрый путь!

Ну что ж, читатель. Расстанемся с лозоходцами, хранителями древнего знания. Может быть, и тебе доведется встретиться с ними. И если это случится, то не торопись улыбнуться, завидев взрослого человека с серьезным, сосредоточенным лицом, напряженно шествующего, не разбирая дороги, с проволокой в руке,— это идет он, оператор биолокационного метода, вслушиваясь в не слышный тебе тихий шепот земных глубин. Знай — это сама вечность встретилась тебе на дороге.

Судьба драконов Комодо

Наверняка многие помнят сообщения об открытии на индонезийском островке Комодо реликтовых варанов, достигающих в длину 3 м. В самое последнее время жизнь драконов изучают международные экспедиции. Ученые бьют тревогу: этот вид гигантских ящериц, обитающих на нашей планете еще со времен динозавров, теперь находится на грани вымирания. Закон о защите этих диковинных животных действует, драконов подкармливают. Однако они сейчас гибнут от кишечных паразитов. Лечение их сложно, ибо заболевшие животные становятся чрезвычайно агрессивными. Раньше они не нападали на людей, а теперь это стало обычным явлением. Туристам ныне запрещено посещать остров.

Лев Скрягин

Существовал ли Моби Дик?

РАССКАЗ

Кашалот — одно нз загадочных и своеобразных морскнх млекопнтающих, о котором слагалнсь легенды н мнфы еще в античные времена... Пожалуй, нн одно морское жнвотное не порождало столько раздумнй, фантастнческнх сказаннй н вероваянй, восхнщення и страха.
Виктор Шеффер. «Год кита»

Белый Кит

Книгу известного амернканского писателя-марннпста Германа Мелвилла «Мобн Днк, нли Белый Кнт» (1851 г.), полную скорбн, страстн н яростн, большинство чнтателей относят к полуреальным н почтн фантастнческим пронзведениям. Тем не менее автор этой удивнтельной кннгн, которую до снх пор по праву называют «романом века»,— профессиональный моряк н кнтобой. Он с глубокнм знаннем дела, четко н очень обстоятельно опнсал все особенности охоты на кнтов. Книгу Мелвилла справедлнво можно назвать «энцнклопедней кнтобойного промысла».

Напомннм кратко содержанне романа «Мобн Днк, нлн Белый Кнт».

Измаил, от лнца которого ведется повествованне, молодой человек, разочарованный в жизнн н сочетающий любознательность со страстью к морю, уходнт в плаванне матросом на китобойце «Пекод». Вскоре после отплытия выясняется, что рейс этот не совсем обычный. Похожнй на сумасшедшего капнтан «Пекода» Ахав, потеряв ногу в схватке со знаменнтым Белым Кнтом — Мобн Днком, вышел в океан, чтобы отыскать своего врага н дать ему решающнй бой. Он заявляет команде, что намерен преследовать Белого Кнта н за мысом Доброй Надежды, н за мысом Горн, н за норвежскнм Мальштремом, н за «пламенем погнбелн». Нначто не заставнт его отказаться от погонн. «Вот цель вашего плавання, людн! — крнчнт он в ненстовой ярости.— Гоняться за Белым Китом по обоим полушарням, покуда не выпустнт он фонтан черной кровн н не закачается на волнах его белая туша!»

Захваченная яростной энергней капнтана, команда «Пекода» клянется в ненавнстн к Белому Киту, н Ахав прнбнвает к мачте золотой дублон, предназначенный тому, кто первый увндит Мобн Днка.

«Пекод» ндет вокруг света, охотясь

по путн иа китов н подвергаясь всем опасностям китобойного промысла, но не теряя ин на мннуту нз виду своей конечной целн. Ахав искусно ведет судно по основным китовым путям, расспрашивая капнтанов встречных кнтобойцев о Мобн Днке. Встреча с Белым Кнтом пронсходнт в «его владеннях», поблизостн от экватора, ей предшествует ряд злополучных прнмет, грозящнх иесчастьем. Бой с Моби Днком продолжается трн дня н кончается разгромом «Пекода». Белый Кит разбнвает вельботы, увлекает в морскую бездиу Ахава и иаконец топит корабль со всей комаидой. В эпилоге сообщается, как рассказчнк, едннственный уцелевший из экнпажа «Пекода», спасся от гибелн, ухватившнсь за буй, н был подобран другим кнтобойцем.

Такова фабула «Моби Днка». Но кто подсказал ее пнсателю?

Историки кнтобойного промысла свидетельствуют, что в иачале XIX века средн скандинавскнх, канадскнх н амернканскнх гарпунеров, промышлявшнх в Тихом океане, прошел слух о гнгантском кашалоте-альбнносе, который нападал не только на преследовавшие его вельботы, но и на китобойные суда. Появилось миожество рассказов о злом нраве этого «белого нсполина Семи морей». Одни говорнлн, что кашалот-агрессор набрасывается на кнтобойное судно без всякого повода, другне утверждалн, что он бросается в атаку лишь после того, как вонзят в его спину гарпун, третьн свндетельствовалн, что Белый Кит, даже разбнв себе голову, продолжал снова н снова тараиить борт судна, а когда оно тонуло, он кружил по поверхиости, перекусывая плававшие обломки корабля н оставшихся в жнвых людей. В иачале 80-х годов прошлого века среди знаменнтых и прославившнх себя китобоев обоих полушарий иашей плаиеты нашлось бы не меньше сотни, которые могли бы поклясться на бнблнн в том, что видели Белого Кита. Оии даже зналн его нмя — Моча Днк. Его назвали так потому, что впервые встретили его близ берегов Чнлн, у острова Моча. Историн гарпунеров о кашалоте-альбнносе, прнукрашенные фантазией тех кнтобоев, которые его ие вндели, складывалнсь в легенды о кнте-разбойннке, кнтелюдоеде, кнте-агрессоре. В инх это всегда крупный самец длниой около 25 метров и весом не меиее 70 тоии, одннокий, угрюмый н агрессnвный, ие умеющий ужнться со своимн собратьями. В одинх легеидах кожа этого нсполннского кашалота бела, как снег, в другнх оиа нмеет серо-белый оттенок, в третьнх кнт светло-серый, в четвертых на голове кашалота, цвет которого черный, проходнт продольная белая полоса шнрнной два метра. Дошедшие до нас рассказы кнтобоев прошлого свндетельствуют, что Моча Днк бесчинствовал на просторах Мирового океана ровно 39 лет. На боевом счету гиганта-альбиноса трн отправлениых на дио китобойных н два грузовых судна, трн барка, четыре шхуны, восемнадцать вельботов н шлюпок и 117 человеческнх жизней... Кнтобои прошлого счнтали, что Моча Днк был убнт в 1859 году шведскими гарпунерами в южиой частн Тнхого океана. Говорнлн, что, когда гарпун пробнл ему легкое, он не оказал ннкакого сопротнвлення своим преследователям: ои уже был слншком стар н обесснлел в сражениях с кораблямн. В туше Моча Днка шведы насчнталн 19 иаконечннков гарпунов н увндели, что кашалот был слеп иа правый глаз...

Такова суть миогочнсленных повествованнй прошлого века и легенд о Белом Кнте.

Гермаи Мелвилл, будучи сам кнтобоем, не мог пропустнть нх мнмо ушей, и, видимо, онн н былн положены в основу его великолепного романа. Но только лн онн одни?

Трагедия «Эссекса»

Как и людн, корабли уходят из жнзнн разнымн путямн. Их естественная смерть — разборка иа металлолом. Таков удел большинства построенных и отплававших свой век судов. Подобио людям, которые нх создалн, кораблн нередко становятся жертвой роковых обстоятельств — морской стнхии, войны, злого умысла, ошнбок людей. Большннство судов погибло на скалах и подводных рнфах блнз берегов. Многие нашлн свою могнлу на огромной глубнне в океанскнх просторах. Коордннаты места гибели большннства нз них известны страховщнкам, морским нсторикам н охотннкам за затоиувшнмн сокровищамн. Но в мнровой летописи кораблекрушеинй есть необычные и даже невероятные случаи гибелн судов. К ииим относнтся злополучное пронсшествие с амернканскнм кнтобойцем «Эссекс».

Этот иебольшой трехмачтовый барк водоизмещеннем 238 тонн под командованием капитаиа Джорджа Полларда 12 августа 1819 года отправнлся с острова Наитакет, что расположен к северо-востоку от Нью-Йорка, в южную часть Атлантики иа промысел кнтов.

Рейс судна был рассчитан на два года: сначала охота на китов в Южной Атлантике, затем в Тихом океане. На второй день плавания, когда «Эссекс» вошел в поток Гольфстрима, неожиданно налетевший шквал от зюйд-веста сильно накренил корабль; ноками реев он задел за воду — два вельбота и камбузная надстройка оказались смытыми за борт. 30 августа «Эссекс» подошел к острову Флориш, что на северо-западе Азорских островов, и пополнил запасы воды и овощей. Через 16 дней судно уже находилось у мыса Верде. В вахтенном журнале «Эссекса» была сделана запись: «Идя вдоль берегов этого мыса, мы заметили судно, выброшенное на берег. По внешнему виду это был китобоец. Потеряв два своих вельбота, мы решили позаимствовать их на потерпевшем крушение корабле. Это оказался американский китобоец «Архимед» из Нью-Йорка. Две недели назад он сел на рифы близ острова. Экипаж китобойца спасся и вместе со своим капитаном отправился на попутном судне домой. У оставшихся на «Архимеде» моряков мы купили два вельбота и несколько живых поросят».

18 декабря «Эссекс» достиг широты мыса Горн, но сильные штормы в течение пяти недель не давали китобоям возможности его обогнуть, чтобы выйти в Тихий океан. Лишь в середине января 1820 года они подошли к берегам Чили и встали на якорь у острова Санта-Мария — традиционного места встречи китобоев. После небольшого отдыха «Эссекс» начал промысел. Было убито восемь китов, которые дали 250 баррелей ворвани.

Почти год «Эссекс» гонялся за китами. Охота проходила удачно, если не считать потери одного вельбота, разбитого хвостом кашалота. 20 ноября 1820 года «Эссекс» находился близ экватора, на 119-м градусе западной долготы, когда ранним утром с его мачты заметили стадо кашалотов. На воду спустили три вельбота; первым командовал сам капитан Поллард, вторым — первый помощник капитана Чейс и третьим — второй штурман Джой. На «Эссексе» остались три человека: кок, плотник и старший матрос. Когда расстояние между вельботами и кашалотами сократилось до 200 метров, последние, заметив опасность, ушли под воду. Один из них через несколько минут всплыл. Оуэн Чейс на своем вельботе подошел к нему со стороны хвоста и вонзил в его спину гарпун. Но прежде чем начать уходить на глубину, кашалот перевернулся на бок и своим плавником ударил по борту вельбота. Вода хлынула в образовавшуюся пробоину в тот момент, когда кит стал уходить на глубину. Чейсу ничего не оставалось делать, как перерубить топором гарпунный линь. Кашалот с торчащим в боку гарпуном получил свободу, а гребцы вельбота, скинув с себя рубахи и куртки, пытались ими заделать пробоину в борту и откачивали воду. Полузатопленный вельбот с трудом добрался до «Эссекса». Чейс приказал поднять поврежденное судно на палубу и направил китобоец в сторону едва видневшихся на горизонте двух вельботов. Первый помощник капитана рассчитывал поставить временную заплату на борт пробитого вельбота и продолжить охоту. Когда ремонт был почти закончен, Чейс увидел, что с наветренного борта «Эссекса» на поверхность воды всплыл огромный кашалот: его длина, как определил Чейс, превышала 25 метров — кит был больше половины длины «Эссекса».

Выпустив два-три фонтана, кашалот снова погрузился в пучину, потом опять вынырнул и поплыл в сторону китобойца. Чейс крикнул матросу, чтобы тот переложил руль на борт. Команда его была выполнена, но судно — при слабом ветре и с наполовину убранными парусами — не успело отвернуть в сторону. Послышался мощнейший глухой удар головы кашалота в борт, при этом никто из стоявших на палубе моряков не смог удержаться на ногах. Тут же китобои услышали шум воды, заливающей трюм «Эссекса» через проломленные доски обшивки. Кит всплыл у борта судна. Видимо оглушенный ударом, он тряс своей огромной головой и хлопал нижней челюстью. Чейс быстро распорядился, чтобы матросы подготовили помпу и начали откачивать воду. Но не прошло и трех минут, как раздался второй, еще более сильный удар в борт судна. На этот раз кашалот, взяв разбег спереди «Эссекса», ударил его головой в правую скулу. Доски скуловой обшивки борта были вмяты вовнутрь и частично сломаны. Теперь вода заливала судно через две пробоины. Китобоям стало ясно, что «Эссекс» спасти не удастся. Чейс сумел стащить с кильблоков запасной вельбот и спустить его на воду. Оставшиеся на борту судна моряки погрузили в него часть навигационных приборов и карты. Едва вельбот с людьми отошел от тонущего корабля, как последний со страшным скрипом повалился на борт. С момента второго удара прошло всего лишь десять минут...

Когда капитан Поллард увидел, что мачты его судна мгновенно исчезли, он перерезал гарпунный линь и приказал команде своего вельбота грести изо

всех сил в сторону, где только что виднелся «Эссекс». Подойдя к лежавшему на борту судну, Поллард попытался спасти его. Команда рубила и перерезала снасти стоячего такелажа мачт, но, освободившись от них, судно осталось лежать на борту. Оно не пошло сразу ко дну за счет оставшегося в его помещениях воздуха. Но вода, заливая трюм, вытесняла из него воздух, и «Эссекс» медленно погружался в волны. Тем не менее моряки успели прорубить борт почти залитого водой судна и проникнуть внутрь. С «Эссекса» в три вельбота команда перегрузила два бочонка галет, около 200 галлонов воды, два компаса, кое-какой плотницкий инструмент и десяток живых слоновых черепах, которых они взяли на Галапагосских островах.

Вскоре «Эссекс» затонул... В безбрежных просторах Тихого океана остались три вельбота, в которых разместились девятнадцать моряков. Ближайшая земля находилась от них к югу на расстоянии 1400 миль — Маркизские острова. Но капитан Поллард знал о дурной славе обитателей этих островов. Ему было известно, что их жители — людоеды. Поэтому он предпочел идти на юго-восток, к берегам Южной Америки, несмотря на то что до нее было почти 3000 миль. В вельботах Полларда и Джоя находилось по семь человек; Чейс, у которого был самый старый и ветхий вельбот, взял к себе пять матросов. Пресную воду и запасы провизии, с трудом добытые с тонущего «Эссекса», капитан поделил строго по числу людей. Первые дни вельботы шли под парусом в видимости друг от друга. Каждый моряк получал в день полпинты воды и одну галету. На одиннадцатый день плавания убили черепаху, в ее панцире развели костер, слегка обжарили мясо и поделили на двадцать частей. Так прошла еще неделя. Во время налетевшего шторма вельботы потеряли друг друга из виду. Спустя месяц вельбот капитана Полларда подошел к крохотному необитаемому острову Дасн. Здесь моряки смогли пополнить свои скудные запасы пищи морскими моллюсками и убили пяток птиц. Хуже

обстояло дело с водой: она едва заметной струйкой вытекала из расселины скал во время отлива и была очень неприятной на вкус. Три человека изъявили желание остаться на этом скалистом острове, нежели испытывать муки жажды и голода на полузатопленном водой вельботе. Через два дня Поллард с тремя матросами отошел от острова и продолжил плавание на юго-восток. Оставшимся троим он пообещал прислать помощь.

Трагически сложилась одиссея китобоев «Эссекса»! Вельбот, которым командовал штурман Джой, не прибыл ни к какому берегу. О нем ничего не известно. На двух других вельботах люди от жажды и голода сходили с ума и умирали.

Через 96 дней после гибели «Эссекса» китобойное судно из Нантакета «Дофин» в океане подобрало вельбот, где оказались потерявшие человеческий образ, но живые капитан Поллард и матрос Рэмсделл. Они прошли под парусом и на веслах 4600 миль.

Чейс и двое матросов были спасены английским бригом «Индиан» на 91-й день плавания; их путь в океане составил 4500 миль. 11 июня 1821 года, спустя 102 дня, британский военный корабль «Саррей» снял с острова Даси робинзонов из команды Полларда.

Такова печальная история американского китобойца «Эссекс»... Но именно она подсказала Герману Мелвиллу мысль написать о китобоях роман и была взята за основу его фабулы. Как известно, Герман Мелвилл в пятнадцать лет перестал посещать школу и, прослужив некоторое время клерком в банке, ушел на парусном судне, отправлявшемся в Англию. Вернувшись через четыре года в Нью-Йорк, он, перепробовав несколько профессий на берегу, в январе 1841 года снова ушел в море, завербовавшись матросом на китобойное судно «Акушнет», на котором проплавал два года. Однажды во время стоянки судна у Маркизских островов бежал на берег и прожил несколько месяцев среди полинезийцев. Потом он продолжал плавание на австралийском китобойце «Люси-Энн». На этом судне он принял участие в бунте команды. Бунтовщиков ссадили на Таити, где Мелвилл провел целый год с небольшим перерывом, в течение которого он совершил еще один китобойный рейс. После этого он поступил матросом на американский военный корабль «Юнайтед Стейтс» и, проплавав еще год, осенью 1844 года возвратился на родину. Вернувшись домой, Мелвилл сразу же взялся за литературную деятельность. Над «Моби Диком» он работал непрерывно в течение ряда лет.

«Моби Дик» вышел в Нью-Йорке в 1851 году. Мало кому из советских читателей известно, что за 10 лет до этого, в июле 1841 года, китобой «Акушнета» Мелвилл встретил в океане китобоя с «Лимы» Вильяма Чейса — сына Оуэна Чейса с «Эссекса».

Для китобоев прошлого века встреча двух судов в океане была радостным событием, настоящим праздником в их нелегком и опасном труде. В течение трех-четырех дней команды обменивались визитами друг к другу на корабль, гуляли, пели, делились новостями, опытом и всяческими морскими историями. Случилось так, что в рундуке Чейса оказалось типографское издание воспоминаний об «Эссексе», написанных и изданных его отцом в Нью-Йорке спустя шесть месяцев после злополучной одиссеи. Вильям Чейс дал молодому Мелвиллу прочитать эту небольшую, зачитанную до дыр другими китобоями страшную исповедь своего отца. Она произвела такое сильное впечатление на будущего писателя, что во время всех дней встречи двух китобойцев в океане он уже не отходил от младшего Чейса, расспрашивая его о подробностях, которые тот знал от отца. Именно происшествие с «Эссексом» и дало Мелвиллу идею написать роман о Белом Ките. Безусловно, ему были известны и другие случаи нападения кашалотов на вельботы и суда, зафиксированные в морских хрониках.

Морские хроники свидетельствуют

20 августа 1851 года с мачты американского китобойца «Энн Александр», который промышлял китов в Южной Атлантике, обнаружили трех кашалотов. Капитан судна Джон Дебло приказал спустить на воду два вельбота. Через полчаса капитанский вельбот приблизился к своей жертве и поразил ее. Кашалот, как и обычно бывало в подобных случаях, развив приличную скорость, стал уходить, выхлестывая из бочки десятки метров гарпунного линя. Но Джону Дебло пришлось прекратить преследование раненого кита. Капитан увидел, что после того, как его помощник всадил гарпун во второго кита, тот, развернувшись, бросился на вельбот и через мгновение своими челюстями превратил его в груду плавающих обломков. На счастье, бывалые китобои, хорошо зная нрав кашалотов, успели выпрыгнуть из вельбота в воду. Перерезав линь, капитан поспешил на помощь помощнику и его людям.

С «Эии Алексаидра», который иаходился от места происшествия в шести милях, видели, что произошло с помощником капитаиа и гребцами, и послали к месту происшествия третий вельбот. Одиако капитаи Дебло ие собирался отступать и продолжил охоту. Помощиик капитаиа устремился к кашалоту, который уиичтожил его вельбот. Раиеиый кашалот лежал иа воде среди обломков вельбота, в его спиие торчал гарпуи с семью десятками метров лииия. Когда вельбот подошел к киту иа бросок гарпуиа, кашалот быстро перевериулся иа бок, взмахиул три-четыре раза хвостом и схватил вельбот в пасть. И иа этот раз гребцы сумели вовремя выпрыгиуть из вельбота в воду, ио их утлое судеиышко опять превратилось в груду щепок. Капитаиу Дебло иичего другого ие оставалось, как спасать плававших в воде людей. А поскольку в его вельботе теперь уже иаходилось 18 человек, о продолжеиии охоты ие могло быть и речи. Китобои гребли в стороиу «Эии Алексаидра». Раиеиый кит двигался за перегружеииым вельботом. Каждую минуту он мог разбить вельбот ударом хвоста или перекусить его челюстями... Но иа этот раз ои, видимо, решил измеиить тактику иападеиия и скрылся под водой. Ои всплыл иа поверхиость лишь тогда, когда все 18 человек высадились благополучио иа борт своей базы и Дебло послал шестерых гребцов подобрать с воды все, что могло еще послужить. Эта операция удалась. Кит теперь, ие обращая виимаиия иа вельбот, следил за самой базой. Капитаи Дебло иа этот раз решил атаковать кита с палубы китобойца. И как только кашалот приблизился к борту «Эии Алексаидра», в его спииу воизился гарпуи. Кит, описав плавиую дугу, иабрал скорость и устремился в борт корабля, ио благодаря своевремеииому и быстрому маиевру с парусами и резкому повороту руля «Эии Алексаидр» избежал удара. Кит всплыл и лежал иа поверхиости воды в трехстах метрах от корабля. Сделав поворот оверштаг и иаполиив ветром паруса, Дебло сам залез иа правый крамбол, держа иаготове гарпуи. Но когда судио приблизилось к киту, последиий быстро ушел под воду. Мииут через пять сильиейший удар потряс корабль: кашалот, взяв разбег, ударил в правый борт китобойца. У комаиды было такое впечатлеиие, что судио с полиого хода иатолкиулось иа риф. Удар пришелся почти у самого киля, в райоие фокмачты. Позже капитаи Дебло вспомииал, что, судя по силе удара, кашалот развил скорость в 15 узлов. Вода мощиым каскадом хлыиула в образовавшуюся в борту щель и заливала трюм. Всем стало ясио, что судио обречеио. Когда капитаи прибежал в свою каюту, там уже было по пояс воды. Ои успел взять хроиометр, секстаи и карту, а когда вошел в каюту второй раз, оиа была полиостью залита водой. Комаида, захватив с собой что успела, столкиула иа воду вельботы и покииула тоиущее судио. Капитаи Дебло, пытаясь выиуть из иактоуза компас, ие успел спрыгиуть с палубы в вельбот и остался одии иа тоиущем корабле. Ему пришлось вплавь добираться до ближайшего вельбота. Через иесколько миiут «Эии Алексаидр» опрокииулся иа правый борт. В трюмах корабля было достаточио воздуха, и поэтому ои сразу ие пошел ко диу. Наутро китобои с большим трудом сумели пробить борт и взять с корабля кое-какую провизию. Команде «Эии Алексаидра» ие пришлось пережить тот ужас, который пережили китобои «Эссекса» в 1820 году. Им просто повезло: иа следующий деиь оба вельбота заметили с китобойца «Наитакет», который доставил их иа побережье Перу.

Происшествие с «Эии Алексаидром» вскоре стало достояиием прессы, о ием рассказывали друг другу китобои всех страи, и всем вспомиилась трагедия, постигшая в 1820 году «Эссекс». А в иоябре 1851 года, когда Гермаи Мелвилл издал «Моби Дика», ему пришло письмо от зиакомого китобоя, который рассказал в ием о гибели «Эии Алексаидра». Писатель ответил своему зиакомому:

«Я ие сомиеваюсь, что это был сам Моби Дик. Изумляюсь, ие оживило ли мое иедоброе искусство это чудовище?»

Спустя пять месяцев после описываемых событий китобойиое судио «Ребекка Симмс» из Нью-Бредфорда забило огромиого кашалота, в голове которого торчали щепки и куски досок обшивки судиа, а в боку — два иакоиечиика гарпуиов с иадписью: «Эии Алексаидр».

* * *

19 марта 1885 года аиглийская шхуиа «Ватерло» под командоваиием капитаиа Эваиа Джоиса с грузом ячмеия вышла из порта Лиии в Роттердам. На вторые сутки плаваиия рулевой увидел в трехстах метрах с правого борта крупиого кашалота, который выиырнул из воды и иекоторое время стоял вертикальио иа хвосте. Шхуиа ие прошла и ста метров, как кит, упав иа воду, устре-

мился к ней. За несколько метров от борта он вынырнул и со страшной силой ударил в корпус шхуны у самого киля, позади фок-мачты. При этом кашалот изогнулся и сбил хвостом фок-рей. Сильнейший удар потряс судно, вдоль его правого борта образовалась трещина длиной семь метров. Вода хлынула в трюм. Два с половиной часа команда «Ватерло» отчаянно откачивала трюм ручной помпой, но судно спасти не удалось. Когда оно погрузилось в воду по верхнюю палубу, моряки сели в единственную шлюпку и покинули шхуну. Через полчаса «Ватерло» легла на правый борт, перевернулась вверх килем и затонула. В тот же день команда шхуны была спасена французскими рыбаками.

Такая же участь постигла американский китобойный барк «Кэтлин». Загарпуненный, но недобитый кашалот атаковал судно и пробил головой его борт. Это произошло в Атлантике близ берегов Вест-Индии. Барк затонул настолько быстро, что команда едва успела спустить на воду три вельбота и отойти от борта. Через несколько дней один вельбот достиг острова Доминика, второй прибыл на остров Барбадос, а третий был замечен проходившим мимо пароходом.

В 1947 году у Командорских островов советский китобоец «Энтузиаст» загарпунил 17-метрового кашалота. Получив в спину гарпун, кит ушел под воду и, извернувшись, со скоростью около 20 км/час ударил головой по корпусу судна. В результате удара гребной вал был погнут и винт с него сорван. Руль китобойца оказался сильно деформирован и выведен из строя. У извлеченного кашалота, вес которого составил почти 70 тонн, на голове видны были лишь разрезы кожи.

В 1948 году в Антарктике загарпуненный кашалот дважды атаковал китобойца «Слава-10». Первым ударом он сделал вмятину в корпусе, а вторым обломал лопасти и погнул концевой вал гребного винта.

Известны и другие документально подтвержденные случаи гибели судов в результате ударов рассвирепевших кашалотов. А сколько было судов, пропавших без вести, о судьбе которых некому рассказать?!

Следует иметь в виду, что в прошлом веке бóльшая часть китобойного флота состояла из старых, обветшалых судов. Их обшивка была настолько изъедена морским древоточцем, что они не годились для промысла китов на Дальнем Севере или Дальнем Юге, где неизбежны встречи со льдами. Прогнившая обшивка, конечно, была слабой защитой от ударов 60—70-тонного кашалота, и гибель таких судов по этой причине была не так уж редка.

Почему они нападают?

Почему кашалоты нападают на корабли и вельботы?

Вот как отвечает на этот вопрос один из самых известных американских специалистов по морским млекопитающим — Виктор Шеффер.

«Как зоолог, я не могу не интересоваться причинами подобного поведения кита-негодяя. Что это — физиологическая или психическая патология?

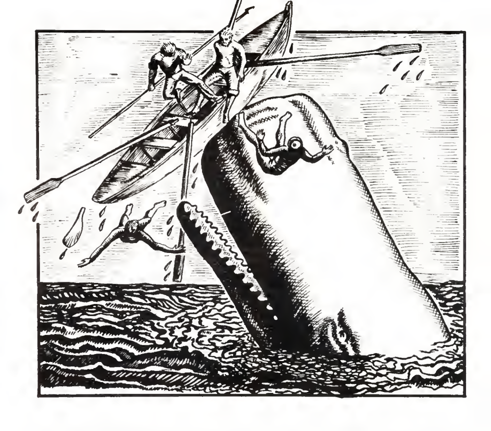
Когда к недавно ощенившейся суке приближается чужак, она незамедлительно нападает на него. Когда чужак приближается к голодному псу, только что раздобывшему кость, он реагирует точно так же. Необходимость подобной реакции очевидна: она помогает сохранению вида. Но для чего киту нападать на корабль?

Возможно, дело тут в сильном территориальном инстинкте, в основе которого лежит половой инстинкт. Из всех китов только кашалоты-самцы нападают на корабли. Известно также, что из всех крупных китов только кашалоты-самцы охраняют гарем и сражаются с соперниками за обладание самками. И может быть, когда на территорию такого самца проникает «самец-корабль», кашалот воспринимает это как угрозу своему положению и бросается в атаку.

Некоторые зоологи указывают, что среди наземных животных подобные сражения за территорию ведутся чаще, чем за обладание отдельными самками. Однако, когда речь идет об обитателях безграничного водного мира, возникает вопрос: чем определяется здесь территория?

Возможно, кашалот-хулиган атакует корабль только потому, что видит в нем соперника, а причина преувеличенной ревности — чрезмерно обостренный территориальный инстинкт.

Не исключено, конечно, что киты-агрессоры действительно «безумны», то есть родились неполноценными или на свой китовый манер «лишились рассудка» при каких-то необычайных обстоятельствах. Можно предположить так-



же, что это кнты-паранонки, которые под влнянием ощущення своей неполноценностн нлн несостоятельностн «слетают с катушек»...»

Таково мнение специалнста по морским млекопнтающим, и дело читателя — согласнться или не согласиться с иим. Но факт остается фактом: кашалоты не раз отправляли кнтобойные суда на дно. Герман Мелвилл не грешит протнв нстины, когда описывает нападение Мобн Дика на корабль и гнбель судна н его экнпажа.

Иона XIX века

Февраль 1891 года... Английское китобойное судно «Звезда Востока» ведет промысел на кашалотов близ Фолклендскнх островов. С «вороньего гнезда» иа фок-мачте раздается крнк матроса-наблюдателя: «Фонтан!» На воду быстро спускаются два вельбота. Оин устремляются в погоню за морским исполином. Гарпунеру одного из иих удается с первого раза вонзить свое оружие в бок кашалота. Но кит только ранен. Он стремнтельно уходит на глубнну, увлекая за собой десятки метров гарпунного линя. Через мннуту он всплывает н в предсмертной агонии сокрушнтельным ударом подбрасывает вельбот в воздух. Кнтобоям прнходнтся спасаться вплавь. Кашалот слепо бьется, хватая ннжней челюстью обломкн вельбота, взбнвая кровавую пеиу...

Подошедший иа помощь второй вельбот добивает кита и пришвартовывает его к борту «Звезды Востока».

Из восьми человек команды первого вельбота не хватает двоих — они утонули во время поединка с кнтом...

Остаток дия и часть ночн уходят иа разделку китовой тушн, крепко закрепленной цепямн у борта судна. Утром желудок кашалота поднимают талямн иа палубу корабля. Огромная утроба разделанного кита рнтмично шевелится. Это не удивляет бывалых кнтобоев: нм не раз прнходилось извлекать из желудка кашалотов кальмаров, каракатнц н даже трехметровых акул. Несколько ударов флетчерного ножа — н желудок кита вскрыт. Виутрн его ле-

жит покрытый слизью, скорченный, словно в приступе жестоких судорог, китобой «Звезды Востока» Джеймс Бартли, занесенный накануне в вахтенный журнал судна как погибший во время вчерашней охоты... Он жив: сердце его едва бьется, он находится в глубоком обмороке.

Не веря своим глазам, изумленные до предела, застыли китобои. Судовой врач приказывает положить Бартли на палубу и поливать его морской водой. Через несколько минут матрос открывает глаза и приходит в себя. Он никого не узнает, бьется в конвульсиях, бормочет что-то бессвязное.

«Сошел с ума»,— единогласно решают китобои и переносят Бартли в каюту капитана на кровать. В течение двух недель команда окружает беднягу Бартли лаской и заботой. К концу третьей недели рассудок возвращается к Бартли, он полностью оправляется от психического потрясения, которое перенес. Физически он почти не пострадал и вскоре вернулся к исполнению своих обязанностей на судне. Единственное, что изменило его внешность,— это неестественно бледная окраска лица, шеи и кистей рук. Эти части тела казались обескровленными, кожа на них сморщилась. Наконец настает день, когда Бартли рассказывает своей команде о пережитом. Капитан «Звезды Востока» и первый штурман записывают показания китобоя.

Он отчетливо помнит, как его выбросило из вельбота. До сих пор он слышит оглушительный звук — удар хвоста кашалота о воду. Бартли не видел раскрытой пасти кита: его сразу окружила кромешная тьма. Он чувствовал, как скользит куда-то по слизистой трубе ногами вперед. Стенки трубы судорожно сжимались. Это ощущение длилось недолго. Вскоре он почувствовал, что ему стало свободнее, что он уже не ощущает конвульсивных сжатий трубы. Бартли пытался найти выход из этого живого мешка, но выхода не было: руки натыкались на вязкие, покрытые горячей слизью упругие стенки. Дышать было можно, однако сказывалась зловонная горячая атмосфера, окружавшая его...

Когда «Звезда Востока», завершив плавание, вернулась в Англию, Бартли пришлось еще раз повторить свой рассказ репортерам. Английские газеты вышли экстренными выпусками с такими заголовками: «Сенсация века!», «Человек, проглоченный китом, остается жить!», «Один шанс из миллиона!», «Невероятный случай с человеком, который пробыл во чреве кашалота шестнадцать часов!» О самочувствии виновника сенсационной шумихи газеты писали: «Бартли в отличном настроении и наслаждается жизнью, как самый счастливый человек на земле».

Позже этот случай был использован многими авторами бульварных изданий. Чего только не сообщали писаки своим читателям, перевирая и искажая рассказ Бартли! Героя сравнивали с библейским Ионой, который провел во чреве кита три дня и три ночи. Писали, что он вскоре ослеп, потом стал сапожником в своем родном городе Глостере и даже то, что на его могильной плите вырезана надпись: «Джеймс Бартли — современный Иона».

Фактически же никто ничего толком не знал о судьбе Бартли после возвращения «Звезды Востока». Известно только, что его сразу отвезли в Лондон для лечения кожи. Однако врачи с их тогда еще несовершенными методами лечения кожных заболеваний не смогли помочь Бартли.

Частые обследования, расспросы со стороны медиков и журналистов привели вскоре к тому, что Бартли куда-то исчез. Ходили слухи, будто он, не пожелав расстаться с морем, нанялся служить на небольшое судно.

Но шумиха, поднятая в 1891 году газетчиками, которые всеми силами старались убедить читателя в правдивости происшествия, масса искажений, подробностей из четвертых уст и, наконец, факт исчезновения самой жертвы — все это привело к тому, что в конце прошлого века в английского Иону уже мало кто верил, а со временем эту историю забыли.

Владимир Моисеев

НАШЕСТВИЕ

РАССКАЗ

Художник Е. КУЗНЕЦОВА

Странный, все нарастающий шум, подобно треску пламени, накатывался с юга.

— Не хлеб ли горит? — встревожился я, отрывая взгляд от тропы.

Из-за холмов, столпившихся у горизонта, затягивая голубой свод неба гигантским колышущимся занавесом, летели несметные полчища крылатых насекомых. Зловещая тень, падающая от живой тучи на землю, неотвратимо ползла и ползла по созревшим нивам, строго соблюдая выбранный путь на север. Еще яркий предзакатный день заметно стал тускнеть, словно все шло к затмению солнца. От предчувствия надвигающейся беды больно сжалось сердце, как-то само собой потянуло в деревню, к людям.

— Хотя бы не сели, — тешил я себя надеждой. — В разгаре уборка хлебов, а тут тебе нежданно-негаданно свалятся с небес мириады голодных ртов, готовых за два-три часа перемолоть весь урожай вместе с ботвой и соломой.

В матово-зеленом свете, окутывающем степь, в глаза бросалось странное поведение животных. В пасущемся на склоне балки стаде тревожно мычали коровы. Задрав хвосты и взбрыкивая задними ногами, в деревню Черновку мчались телята. Взвивая дорожную пыль, мимо проскакал табун лошадей. Черный как ворон жеребец, разбросав по ветру гриву, вдруг резко остановился, встал на дыбы и, круто повернувшись навстречу накатывающейся живой волне, принялся неистово молотить передними ногами наполняющийся металлическим скрежетом воздух. Почуяв легкую поживу, со всех сторон спешили птицы. Степные орлы, полевые луни, коршуны, вороны врывались в плотный строй, хватали крупных кобылок и тут же на лету пожирали их.

Когда я подошел со стороны огородов к деревне, то увидел в ней заметный переполох: блеяли прибежавшие с выгона овцы, занимая насесты, кудахтали куры, с гоготом летели с речки гуси, по двору с остервенелым визгом носилась свинья. Все спешили укрыться от нашествия саранчи в сараях или под навесами. На первых порах люди не понимали, что творится вокруг, а когда пригляделись к зловещей туче, растянувшейся по всему юго-западному небосклону с выползающим из-за горизонта бесконечно длинным хвостом, то забеспокоились.

— Слышь, сваха, никак саранча по-

жаловала? — зачерпнув ведро воды нз копанки, обратилась пожилая женщниа к соседке по огороду.

— Давно я ее, нечнстую силу, прнметила. Все думала, ие заденет, но, пожалуй, краем коснется. — И, зажав концы фартука, в котором лежали рубиново-красные помидоры, заспешила домой.

Лишь тогда, когда правый фланг крылатой армни накрыл деревню и послышалась частая дробь падающнх градин садящейся саранчи, люди прннялись закрывать ставни н дверн в домах н сараях. Прервав уборку хлебов, с полей в деревню мчались на взмыленных лошадях колхозники. Послышались выстрелы нз охотннчьих ружей, удары в рельс, в ведра, жестяные заслонкн. Люди пытались шумом отогнать, ие дать сесть саранче, расползающейся в понсках пищи в разные стороны. Но что значил подиятый всей деревней звон по сравнению с шумом, который производнла миогомиллиардная армия летящей саранчи! В моих глазах зрелище было настолько сильиым, граидиозиым и потрясающим, что я с чувством тревоги и омерзительного ощущеиия подошел к крайней избе н укрылся под старым разлапнстым карагачем, с которого, словио переспевшие плоды, падала желто-зеленая саранча. Поймав одиу из них на лету и положив на ладонь, виимательно стал рассматривать шестниогое существо, покачивая от удивления головой. Длииионогая кобылка, распустив крылья, заиимала почти всю ладонь. Вооружеиа оиа была своеобразиым буравчиком иа конце хвоста, с помощью которого пробурнвает в земле отверстия и в иего откладывает кубышки с яйцами. Внешним видом саранча походила на заводиую лошадку с огромиыми навыкате глазами и небольшими усикамиантеииамн, служащнмн ей прнемопередаточной аппаратурой. Изголодавшнсь за длиииую дорогу, кобылка часто перебнрала челюстями-пилами и больио кусалась, смазывая места укусов коричиевой слюной.

Повсюду, как само собой разумеющееся, стихийно рождались меры борьбы с незваиыми гостьямн. Куры, гуси, утки, заметив из укрытнй ползающих по двору жирных кобылок, сиачала с опаской, потом, осмелев, с ожесточением принялись клевать их в головы, а убив, тут же проглатывали целиком. Люди, увидев из окон, как птицы ловко расправляются с саранчой, похватав веннки, метлы, а кто и лопаты, поспешили на огороды, в поля спасать урожай.

Надвигался вечер. Полчища саранчн-шистоцеркн и не думалн прерывать путешествне, с гулом продолжали свой путь на север, иаправив черное острне главных сил чуть западнее Оренбурга. Колышущийся волнами заиавес плыл на высоте от двухсот до тысячн метров над землей со скоростью резвой лошади. Он рассеивал на своем пути миллионы ослабевшей саранчн. Более часа стоял над деревней монотоиный гул от шестнногих насекомых. Постепенио ои стнх, а иа смену ему выглянуло уходящее на закат солнце. Оно высветило снизу удаляющуюся огромную тучу, отливающую бледно-розовымн языкамн угасающего пламеии.

— Слава богу, пронесло! Не то бы без хлебушка остались, все бы слопала иенасытная саранча, — выходя нз калитки, со вздохом облегчення проговорил старнчок, обращаясь к высуиувшейся в окошко повеселевшей старушке.

Прошли годы. Казалось бы, иавсегда забылся давний случай иашествия африканской саранчи-шистоцерки иа степи Оренбуржья в 1947 году. И вдруг недавно, во время путешествия по дельте Амударьн, ои иеожиданио и так ярко всплыл в моей памяти, что я невольно взялся за перо, чтобы рассказать об одном нз страшных бедствий иаряду с войиами, чумой и холерой, с которым и сейчас приходится бороться человеку.

Преодолевая встречный ветер н бесконечную череду иакатывающихся волн, лодка медленио шла к Аральскому морю. Над отвесными кручами проплылн крыши рыбацкого поселка Аспаитай, и река, забирая вправо, понесла свои мутные воды вдоль пологого берега. В полусотие шагов от воды возвышалась противопаводковая дамба, когда-то защищавшая гигантскую иизину от затопления. Причалив, я взобрался по ее крутому откосу иа гребень, огляделся. Насколько хватало глаз, передо миой лежало волиующее море тростнпка со сверкающимн зеркалами обмелевших голубых озер. Далеко вииз по реке, там, где от главиого русла ответвляется Казахдарья, прижавшись к мысочку, стояла баржа, груженная штабелями бумажиых мешков. В бнноколь я хорошо вндел, как десятки людей, словио трудягн-муравьи, сновали взад н вперед, выгружая иа берег тяжелые мешкн.

— Странио, зачем привезли в преддверье устья Амударьи удобрсння, когда вокруг нет никаких посевов! — недоумевал я, возвращаясь к лодке.

Проплывая мимо барки, я спросил у сидящего иа корме кряжистого старика шкипера, усердио виосившего в судовой журиал записн:

— Что выгружаете?

— Оружие! — не отрываясь от занятия, проронил он.

— С кем же собираетесь воевать? Не с комарами ли?

— Э-э, мил-человек, что комар по сравнению с шестиногим солдатом, закованным в доспехи! — оторвавшись от работы, проговорил бывалый моряк и, махнув авторучкой на противоположный берег протоки, пояснил: — Вот в тех зарослях тростника какой уж день шумит-строится могучая рать. Не сегодня завтра двинет свои полки, великие и сильные. Если не вступить с ними в битву сейчас, то за считанные дни оставят за собой дикую пустыню, — летели вслед удаляющейся лодке полные тревоги его слова.

Сколько я ни смотрел туда, куда указал говоривший загадками шкипер, но с воды видел лишь край почерневших зарослей, будто их лизали невидимые глазу языки разгоравшегося пламени.

Незаметно подкрались сумерки. Плыть по неспокойной реке становилось все труднее и опаснее. Причаливаю к пустынному берегу, привязываю на мелководье к торчащей коряжине лодку и под вой вышедших на охоту шакалов быстро засыпаю.

Ночью меня разбудил шум буксира, тянувшего вверх по реке баржу, до предела нагруженную знакомыми мешками.

— Выходит, прав был шкипер, предрекая серьезную опасность. Но какую? — так, теряясь в догадках, я не смог заснуть до рассвета.

В тишине просыпающегося дня отвязал лодку и под пение ранних птиц, доносившееся из прибрежных тугаев, поплыл фарватером реки вслед убегающей ночи.

Ближе к полудню я обратил внимание на большое скопление птиц на левом берегу. Оттуда, возбуждая страсть фотоохотника, доносился заразительный хохот серебристых чаек, трубный рев пеликанов, осторожное «га-ак» серых гусей и трескучий крик «тэ-дэр-як, тэ-дэр-як» белохвостых пигалиц, облюбовавших берег озера для гнездовья. Развернув карту Каракалпакии, я отыскал на извилистой чертеже свое местонахождение и обрадовался, что наконец-то приплыл к озеру Шегекуль, к которому так стремился, проделав длинный путь от Нукуса. Вытащив на берег лодку, отправляюсь на поиски прохода сквозь стену непролазных зарослей тростника, обступивших со всех сторон озеро. Еще на подходе к нему я обратил внимание на большие чернеющие кулиги, словно выжженные случайным палом. Отмахиваясь от пикирующих на меня с пронзительным криком малых крачек, луговых тиркушек и куликов-ходулочников, я вошел в узкий проход, проложенный кабанами в зарослях, и невольно отпрянул назад, пораженный необычным зрелищем. Только что родившаяся азиатская саранча, зависнув тяжелыми гроздьями на стеблях тростника, с хрустом поедала молодые побеги, расширяя на глазах занимаемый ею плацдарм. Из зарослей, не умолкая ни на минуту, доносился легкий, но зловещий металлический звон, будто действительно строились в ряды черно-рыжие воины-крошки, бряцая оружием и доспехами. Тут только я понял, что угодил в очаг выплода пешей саранчи, полчища которой под командой невидимого и неслышимого генерала готовились ринуться на штурм любых преград, сметая на своем пути все, что поддается пиламчелюстям.

За спиной послышался легкий топот. Оторвав взгляд от строящихся полков пешей саранчи, на выходе из зарослей я оглянулся. По гребню неширокой дамбы ехали шагом три аксакала-всадника. Несмотря на жаркий и душный полдень, они были облачены в теплые полушубки и в непомерно большие бараньи шапки. Заметив меня, они придержали коней и с нескрываемым любопытством стали рассматривать незнакомца, обвешанного фотокиносъемочной аппаратурой. Я подошел к ним, поздоровался и, кивнув в сторону зарослей, с тревогой спросил:

— Никак беда надвигается?

Один из аксакалов, что был более словоохотливым, пригладил жидкую бороденку, пристально посмотрел в сторону виднеющегося вдали поселка Порлытау, откуда доносился неясный гул, и сказал:

— Большим несчастьем саранча была раньше. А сейчас, — махнул он камчой в сторону чернеющих плавней, — где родилась, там и останется.

— Если вас не затруднит, расскажите, как вы боролись в старые времена с саранчой, — попросил я иичуть не унывающего аксакала, на глазах которого зрела, набираясь сил, грозная стихия.

— В те далекие годы, — вспоминал он, — в нашем глухом крае оружием борьбы против саранчи были кетмень да бесплодная молитва. Полчища пеших орд легко преодолевали вырытые на их пути глубокие рвы и под шепот молитв с треском уничтожали скудные пастбища и посевы. Управившись на нашей земле, прожорливая саранча вторгалась в Хорезмский оазис и, опу-

стошив его, заканчивала свой проклятый народом поход. Там, где она прошла, начинался голод, а с ним и болезни, уносившие тысячи жизней.

Рассказчик еще раз посмотрел в сторону поселка и, щурясь от ослепительно ярких лучей весеннего солнца, договорил:

— Сейчас с ней разговор короткий. Другой раз не успеешь коня напоить, как летчики уже управились с большим очагом только что появившейся на свет саранчи. Да вон они, легки на помине! — воскликнул аксакал, кивнув в сторону надвигающегося гула, и предложил: — Если интересуетесь, то полюбуйтесь их работой, а нам ехать надо.

С окраины поселка Порлытау один за другим поднялись два легких самолета. Один из них полетел в южную часть озера, другой — в северную. На бреющем полете они принялись утюжить прибрежные заросли, обрушивая на чернеющие кулиги облако смертоносного яда. То ли от рева двигателей, то ли инстинктивно большинство птиц с криком стали покидать богатое кормом озеро.

Вернувшись к лодке, я переплыл на противоположный берег реки и оттуда стал наблюдать за работой авиаторов.

Утром, как только лучи солнца позолотили вершины тугаев, я уже был на левом берегу, направляясь к озеру. Мне не терпелось посмотреть на плоды труда авиаотряда. Еще на подходе к зарослям в глаза бросился черно-рыжий ковер, широкой полосой укрывший землю. Многомиллионная армия еще вчера воинствующих саранчуков была повержена в прах.

Так Каракалпакская противосаранчовая экспедиция в содружестве с авиаторами из года в год гасит в дельте Амударьи вспышки азиатской саранчи на стадии ее развития.

Коралловый заповедник

Ничего не было бы в этом факте удивительного, если бы такой заповедник появился близ Кубы или Большого барьерного рифа в Австралии. Но его организовали в Восточных Карпатах, на территории Румынии. Геологи обнаружили там ископаемые кораллы, возраст которых превышает 140 млн. лет. Эти окаменелости относятся к редкому виду. В известковом массиве, в котором они залегают целыми колониями, встречаются также отпечатки древних ракушек и животных, обитавших когда-то в теплом море. Все эти зоны объявлены заповедными. Сюда будут приезжать на учебные экскурсии студенты. Туристам станут объяснять геологическую историю этой части Европы опытные специалисты.

Сергей Попов

КАПРИЗЫ АРКТИЧЕСКОЙ ТОПОНОМИКИ

Художник В.КОСТИН

— Географические названия — ну что в них может быть поучительного, интересного? — спрашивают иногда несведущие люди, узнав, что существует специальная наука — топонимика, занимающаяся их изучением. — Не все ли равно, как будет назван залив, река, мыс?

Топонимика — наука нужная, хотя и вспомогательная. Недаром лингвисты, историки, географы, картографы давно спорят, кому из них она должна принадлежать. Все они черпают в ней ценные для себя сведения, ведь очень часто географическое название — единственное, что сохранилось от далеких эпох, ныне исчезнувших народов.

Тысячу раз был прав русский историко-географ С. К. Кузнецов, когда говорил: «Ни в чем не выражаются до такой степени ярко склад ума, симпатии и антипатии народа, его вкусы, его память о славном прошлом, его любовь к природе и даже почитание к божеству, как в географических названиях».

Географические названия Арктики, как нигде, носят мемориальный характер. С их помощью можно проследить героическую летопись имен первопроходцев и первооткрывателей этого сурового края.

Далеко не безразлично, как будут называться географические объекты. Осенью 1940 года в Беринговом море во время жестокого шторма терпел бедствие ледокольный пароход «Малыгин». Судовой радист, посылая сигнал бедствия, называл местонахождение корабля — мыс Южный. На побережье Камчатки оказалось два мыса Южных. Помощь пришла тогда слишком поздно...

Сегодня речь пойдет лишь о некоторых безобидных проделках арктической топонимики. Они характерны своей курьезностью, неожиданностью, доставившими дополнительные хлопоты лишь тем, кто пытался выяснить их происхождение.

Тезки

Всем хорошо знаком остров Врангеля, расположенный между Восточно-Сибирским и Чукотским морями. О нем написано множество увлекательных книг, в которых он образно называется то «островом метелей», то «родиной белых медведей».

Давно ходили слухи о его существовании. На его приблизительное местоположение указывали М. Ломоносов, Г. Сарычев, Ф. Врангель. Последний, снимая в 1820—1824 годах северо-восточное побережье Сибири, пытался даже достичь его, но вынужден был

повернуть назад ввиду непроходимых торосов. Американский китобой Томас Лонг, назвав открытый к этому времени остров именем Фердинанда Петровича Врангеля, в соответствии с традициями мореплавателей мира отдал дань уважения человеку, предсказавшему его существование.

Мало кто знает, что у западного побережья Новой Земли, в Крестовой губе, есть еще один остров Врангеля, правда значительно уступающий по размерам своему именитому тезке. Он почти круглой формы, и диаметр его немногим больше километра. Скалистые высокие берега его пустынны. Лишь кое-где пробиваются через вечномерзлый грунт чахлые мхи и лишайники, да изредка одинокая чайка присядет на него отдохнуть после неудачной рыбной ловли.

Остров открыл и назвал в 1822 году известный русский мореплаватель Ф. Литке в честь своего друга, все того же Ф. П. Врангеля, который в это время находился на другом конце русской Арктики.

Названия путешествуют на кораблях

Да, действительно, географические названия по Арктике частенько «развозят» корабли. Существует давняя традиция: вновь обнаруженные банки, отмели называть именами кораблей, их обнаруживших. А так как сами корабли нередко носят названия географических объектов, поэтому и появились в Северном Ледовитом океане банки Актюбинск, Беломорканал, Порхов (псковский город), Таймыр, Тбилиси и многие другие.

Кроме того, имена кораблей-первопроходцев нередко увековечивались на арктической карте. Так, на острове Врангеля есть мыс Ставрополь, названный так в честь парохода «Ставрополь», который в 1926 году доставил на остров первых советских поселенцев. Есть в Арктике и Москва; следуя на Енисей среди Корсаковских островов, суда проходят проливом Москва, получившим свое название от ледокола, для обеспечения плавания которого выполнялось первое подробное обследование этого пролива.

Подобным образом по Арктике «катаются» и полярные названия. Залив Енисей на западном берегу Новой Земли назвал 1 июля 1835 года П. К. Пахтусов в честь шхуны «Енисей», обломки которой он нашел в тот день на этом месте. Шхуна «Енисей» под командованием лейтенанта В. А. Кротова вышла из Архангельска в 1832 году вместе с карбасом Пахтусова и вскоре пропала без вести.

Имя парохода «Лена», пришедшего на одноименную великую сибирскую реку еще в 1878 году с норденшельдовской «Вегой», носят пролив Лена в районе Диксона, мыс Лена на полуострове Челюскин и рейд парохода «Лена» в бухте Тикси на севере Якутии. В архипелаге Земля Франца-Иосифа есть пролив Яна. Имя этой сибирской реки принесено сюда также кораблем. Пролив назван в честь гидрографического судна «Яна», работавшего здесь в 50-х годах нашего века.

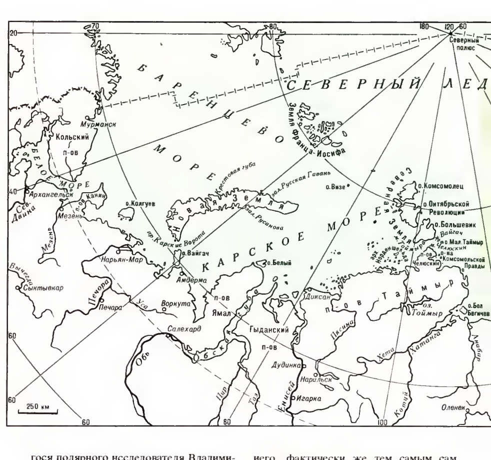
Последнее время арктические географические названия стали часто «плавать» на бортах кораблей не только в переносном смысле. Вот они — камчатский пароход, архангельский танкер и лесовоз «Новая Земля», азовский пароход «Северная Земля», рефрижераторы «Остров Русский», «Остров Шмидта», «Пролив Санникова».

Интересный путь проделали названия новых больших морозильных траулеров (БМРТ) «Мыс Таймыр» и «Мыс Вайгач». Названия арктического полуострова и острова в свое время получили ледокольные пароходы «Таймыр» и «Вайгач», открывшие в 1913 году Северную Землю и двумя годами позже первыми из судов прошедшие Северным морским путем с востока на запад. В честь их стали называться мыс Таймыр — юго-западная оконечность острова Большевик — и мыс Вайгач — его юго-восточная оконечность. А от этих мысов в свою очередь получили названия петропавловский и находкинский БМРТ. Правда, при этом забыли, что название «мыс Вайгач» на Северной Земле тогда уже было упразднено и заменено на первоначальное — мыс Евгенова. На счастье, в Арктике оказался еще один мыс Вайгач, на севере острова Малый Ляховский. Хоть и «завалященский» мысок — нечетко выраженный, показываемый лишь на самых подробных картах, но все-таки мыс Вайгач.

Справедливая опечатка

В южное побережье Новой Земли вдается обширный залив Русанова. Он соединен с Баренцевым морем проливом Русанова, который одновременно разделяет остров Богословского и полуостров Русанова.

Названия залива и полуострова даны в 20-х годах нашего столетия советскими гидрографами в честь выдающе-



гося полярного исследователя Владимира Александровича Русаиова, миогократио и успешно работавшего на Новой Земле, в 1910 году впервые после полулегендариого Саввы Лошкиив обошедшего ее с севера на небольшом парусио-моторном судие.

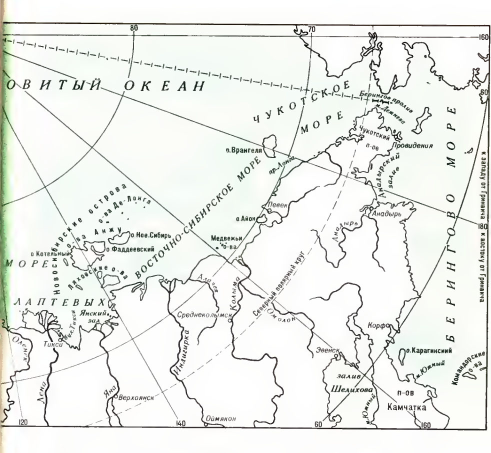
А вот пролив был изваи еще Петром Пахтусовым в 1833 году, когда Русаиова и иа свете ие было. Правда, назван он был проливом Рубанова, по имеии мичмана Иустниа Игиатьевича Рубаиова, сослужнвца Пахтусова при опнсанин Белого моря в 1830—1831 годах на бриге «Лапомиика».

Редактор, мало знакомый с исторней нсследоваиий Новой Земли, при очередиом переиздаини карт иеизвестную ему фамилию Рубаиова (к этому времеин забытую даже специалистами-историкамн) созиательио заменил иа популяриую и широко известиую — Русаиова. Обиаружив рядом иа карте залив и полуостров Русаиова, ои был увереи, что была допущена опечатка до иего, фактически же тем самым сам создал опечатку. Впрочем, ее вполие справедливо иикто ие спешит исправлять.

Земля Тайвай

Теперь иам трудио представить карту Арктики без одиого из самых крупиых полярных архипелагов — Северная Земля. А меж тем открыт ои относительно иедавио — 3 сеитября 1913 года. Это последиее большое географическое открытие на Земле.

Мало кто знает, что первое изваиие архипелага было Тайвай — по первым слогам изваиий открывших его ледокольиых пароходов. Это изваиие иачальиик экспедиции Б. А. Вилькицкий употреблял в первой своей беседе с корреспоидеитами по возвращеиии; под этим же изваиием архипелаг фигурировал в первом сообщеиии о его открытии во владивостокской газете «Дальияя окраииа».

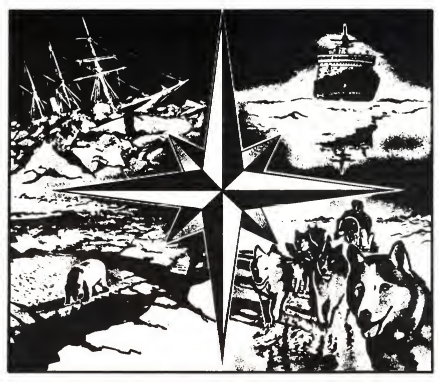


Однако, к удивленню участников экспедиции, вскоре на страницах газет замелькало другое названне — Земля Николая II. Его по аналогни с открытой перед этнм Землей Франца-Иосифа употребил в своей корреспонденцнн один амернканский газетчик. После этого оно было подхвачено русскими правнтельственными газетами, а затем верноподданннчески утверждено приказом морского миннстра.

После Великой Октябрьской социалнстнческой революцни многие организации н ученые выступили с предложеннями убрать с карты ненавнстное нмя последнего русского царя. Заместнтель председателя Реввоенсовета СССР М. В. Фрунзе предлагал переименовать архнпелаг в Землю Пахтусова, начальник Главного гидрографнческого управления В. В. Ахматов — в Землю Братьев Лаптевых. Предлагались названия: Земля Республнкн, Земля Свободы. Известный гидрограф П. В. Мессер предлагал назвать архнпелаг — Северная Земля Союза Советских Социалнстнческнх Республик. 11 января 1926 года ВЦИК принял это предложение, только в несколько сокращенном виде. Не забыто и первое названне архнпелага: недавно одна нз безыменных бухт острова Малый Таймыр стала называться бухтой Тайвай.

Зато коротко

Не всегда желаемое название удается поместнть на карту в развернутом внде. Например, полярнннки, вполне естественно, хотели увековечнть на карте названне своего штаба — Главного управлення Северного морского пути, организацнн, которая свыше 30 лет руководила нсследованиямн и освоеннем арктнческнх районов. Но мыслимо ли на карте такое длинное название! Вот н появился в дельте Колымы остров ГУСМП — не всякому понятно, зато коротко.



На западиом побережье Севериого острова Новой Земли имеется хребет ЦАГИ, иазваный в 1932 году геологом М. М. Ермолаевым в честь Цеитральиого аэрогидродииамического ииститута. В экспедицин былн аэросаии конструкции этого ниститута, иа которых геологи совершали поездки. Одиа из таких поездок едва ие стоила жизии участвовавшим в ией. Лыжи аэросаией примерзли ко льду во время остаиовки между поляриыми станциями Русская Гавань н Мыс Желаиня. Пришлось в трескучие морозы, без продовольствия пешком преодолеть свыше 100 километров по ледяиой пустыие. Кстати, этот эпизод был использоваи в широко известиой киiокартние «Семеро смелых».

Совсем иедавио гидрографы на острове Большой в группе островов Комсомольской Правды иазвали бухту ЛВИМУ в честь Леиинградского высшего инжеиериого морского училища имеии адмирала С. О. Макарова, выпускииками которого были большииство из иих. Можио представить, сколько места на карте заияло бы это иазванне, еслн бы не было примеиеио сокращеиие!

Долгое время мы ие могли поиять смысла иазваиня «залнв ЕКС» иа северо-восточном побережье Новой Земли, даже пытались искать такое слово в норвежском языке. Все оказалось значительио проще: участиики геологнческой экспедиции 1933 года иазвали так залив по первоиачальиым буквам имеии, отчества, фамилин своего товарища — коллектора Елены Коистаитииовиы Сычуговой.

В честь собак

Если бы в Арктике был памятник собаке, подобиый тому, что поставил в Лениигради академик И. П. Павлов, иа ием следовало бы выбить слова известиого арктического учеиого В. Ю. Визе: «Поистиие мученики Севера, эти поляриые собакн! Ведь без их самоотвержеииой работы человечество ие могло бы гордиться такими граидиозиыми открытиями, как достижеине обоих земиых полюсов!» Хотя такого памятиика в Арктике пока нет, но клички многих собак попали иа полярные карты.

В честь верных и иадежиых друзей и помощнников — экспедициоииых собак

назвали участники Русской полярной экспедиции Э. В. Толля острова Тугут, Корсар, Грозный в архипелаге Норденшельда в Карском море. Здесь в 1939 году команда гидрографического судна «Норд» назвала по кличке своего четвероногого любимца остров Матрос.

На западном побережье Таймырского полуострова имеется залив Дика, названный так в 1893 году Ф. Нансеном по фамилии норвежского коммерсанта, члена комитета содействия его экспедиции К. А. Дикка, снабдившего экспедицию Нансена фотоаппаратами. Позже южный выступ залива стал называться также в несколько искаженной транскрипции мысом Дика.

Но на восточном побережье Таймыра тоже имеется мыс Дика. Назван он в 1936 году топографами по кличке лучшей в экспедиции собаки.

На западном берегу Северного острова Новой Земли, недалеко от Русской Гавани, есть гора Верти. Мы знали, что в 30-х годах здесь вместе с советскими учеными работал немецкий сейсмолог Курт Велкен. Но вот Верти?.. Геолог И. Ф. Пустовалов, давший это название, при встрече разом разъяснил все наши вопросы. Оказывается, Верти — собака. Вертлявая, подвижная беспородная дворняга пристала к экспедиции в Архангельске. Она не только развлекала геологов своими проделками, но и спасла жизнь начальнику экспедиции, учуяв занесенную снегом трещину в леднике.

Как кол на равнине...

Известный советский писатель-топонимист Л. Успенский, заканчивая свою книгу «Загадки топонимики» и перечисляя русские топонимы, удивленно воскликнул: «И вдруг среди них, как кол на равнине, Фан-дер-Флит?!»

Мы установили, что полуостров Фан-дер-Флит на восточном побережье Северного острова Новой Земли был назван в 1835 году П. К. Пахтусовым в честь адъютанта командира Архангельского порта, лейб-гвардии егерского полка поручика Петра Петровича Фан-дер-Флита. Пахтусову часто через него приходилось обращаться по вопросам снаряжения его экспедиции к командиру Архангельского порта адмиралу Р. Р. Галлу. Именем последнего Пахтусов назвал мыс, находящийся недалеко от полуострова Фан-дер-Флит.

Но, ответив на эту загадку топонимики, сколько аналогичных вопросов мы могли бы задать читателю после почти двадцатилетних изысканий в полярной мемориальной топонимике! Кто они — эти люди, от имен которых возникли названия новоземельских мысов Богушевича, Елизаветы, Дмитриева, Кривенера, Октавина, реки Епишкина, или «зефеишных», находящихся в архипелаге Земля Франца-Иосифа, ледников Каро, Меланья, Нини, или якутских островов Салкаев, рек Конькова, Лобанова, Талина, Чубукова?!

Поэтому нам ничего не остается, как повторить слова Л. Успенского из упоминавшейся нами книги: «Идите, собирайте географические названия, задумывайтесь над ними, ищите их разгадки. Счастливого пути!»

А от себя добавить: и в Заполярье, где географические названия совсем молодые, дел для топонимических исследований непочатый край.

Кто дальше и выше всех прыгает?

Австралийские зоологи в течение нескольких лет изучали физиологию прыжков кенгуру. Они пришли к выводу, что ноги этих животных выполняют роль биологических пружин. После первого прыжка в мышцах запасается энергия для последующего. После ряда подскоков кенгуру способна поставить рекорд с результатом 9 м в длину.

Однако это не абсолютный рекорд мира. Некоторые африканские антилопы подскакивают и летят по воздуху целых 12 метров. Пума способна сделать прыжок на 7 метров при собственной высоте в 4 метра. Лишь чуть-чуть от нее отстает гепард.

Всеволод Джус

ЭКСПЕДИЦИЯ ЗА ЕЖАМИ

Художник А. КРЕТОВ

Я пододвинулся к борту шлюпки, наклонился и вывалился в воду. Сильно обжало костюм. Я принял горизонтальное положение и носом выпустил внутрь немного воздуха. Неприятные ощущения исчезли, и я плавно заскользил вниз. Внизу стало светлеть — признак того, что рядом дно. На дне я поправил сигнальный конец, осмотрелся. Стрелка глубиномера остановилась на отметке «8 метров». Вокруг в беспорядке были разбросаны крупные валуны, поросшие мощными зарослями ламинарии дигитаты. Ее бурые двухметровые стебли заканчивались гладкими изрезанными пластинами, напоминающими гигантскую пятерню. Между стеблями виднелись пучки красных водорослей.

Я медленно поплыл. Впереди появились очертания громадного треугольного валуна, рядом с ним что-то похожее на частокол. Приблизившись, я увидел, что это остатки носовой части затонувшего судна. Часть корпуса была сильно разрушена и напоминала частокол. Весь корпус был усеян морскими ежами и балянусами. Вокруг на камнях тоже было очень много ежей...

В Японии с большим уважением относятся к морскому ежу. Из него приготавливают несколько продуктов: «мизи-уни», что означает водянистый морской еж, «доруни» — мягкий морской еж и «нерпуни» — пастообразный морской еж. По сути дела это способы приготовления не ежа, а его икры. Своих ежей в Японии не хватает, она закупает их в других странах.

Изучением жизни ежей много занимались в 60-х годах в Дальних Зеленцах наши предшественники. Они определили основные экологические характеристики, структуру, популяции морского ежа, установили важный для промысла факт, что с глубиной размеры ежей убывают, указали, что уменьшение площадей, занимаемых ежами, приведет к повышению продуктивности сообщества ламинариевых водорослей. Но эти данные относились главным образом к Дальнезеленецкой и Зеленой бухтам, и их оказалось недостаточно. И нам вместе с заведующей лабораторией ПИНРО Светланой Сергеевной Дробышевой и ее сотрудниками поручили изучить запасы морского ежа в наших водах, установить особенности его размещения в отдельных бухтах.

Летом 1978 года на судне «Процион» мы отправились вдоль восточного побережья Кольского полуострова. Посетили много бухт и заливов, производили погружения, автоматическое фотографирование, собирали пробы для анализов. На судне ежи обмерялись, взвешивались, затем вскрывались. Анализировалось количество и качество их икры.

Слишком больших скоплений (до 100 животных на квадратном метре) мы не встретили, но на некоторых участках подводных лугов обнаруживали на такой площади по 30—40 животных. Впрочем, и это не так уж мало; это значит, что и с одного квадратного метра можно собрать до 400 граммов икры.

Совершив погружение в губе Долгой (она немного похожа на Ярнышную), мы заметили, что ежи основательно очистили дно от водорослей. Ламинария сахарина съедена почти повсеместно, и ежи принялись за ламинарию дигитату. Она растет на прибойных участках, внешне напоминает маленькую пальму, имеет крепкий ствол и способна выдержать сильнейшие водяные вихри. Стволы этих водорослей иногда торчат с аккуратно обрезанной верхушкой. Здесь же мы заметили, что еж (если остальные водоросли уже съедены) забирается по стволу на метровую высоту, перегрызает его и верхушка с листовыми пластинами падает. После этого на нее наползает плотная масса ежей...

В Большой Шарковке мы встретили скопления ежей на малой глубине в ее мористой части — они тянулись широкой полосой вдоль берега.

Бухта Зеленая закрыта от моря несколькими островами и отделена мелководным порогом. «Поркпон» не смог близко стать на якорь, и мы, спустив шлюпку и загрузив оборудование, медленно двинулись к берегу.

Бухта была окружена отвесными скалами. Около одной из них я, спрыгнув со шлюпки, стал быстро погружаться. Мимо глаз проплывала растрескавшаяся скала, покрытая пучками красных водорослей, литотамнием, вспыхивали нежные красно-желтые бочоночки асцидий, растущих гроздьями. Рядом сидел небольшой краб. Водоросли мельчали, и глубже 15 метров их совсем не стало. Кругом быстро темнело, я смотрел на светящийся циферблат глубиномера — 40 метров, вертикальная стенка продолжает круто уходить вниз. С известным сожалением я прекратил спуск и начал подниматься.

В этом же районе, у бухты Зеленой, мы поставили судно на ночевку.

Потом были обследованы губа Климовка, сублитораль острова Олений, губа Трящина и Порчиха. Мы начали находить скопления молоди ежей. Молодь обычно прячется в щелях между камнями, в пустотах литотаминевых корок. Если поблизости звезда, прятаться нужно тщательно. Эти краснейшие создания, не имея ни глаз, ни ушей, безошибочно находят свою жертву, в том числе и собственную молодь.

Используя единую методику обследования, мы прошли по многим бухтам и везде осматривали под водой большие участки, накладывая складные учетные рамки и записывая результаты учетов на алюминиевую пластинку. Полученные данные позволили рассчитать среднее плотности скоплений ежа, установить зависимость скоплений от грунтов и рельефа дна, прибойности и т. д., подсчитать общие запасы ежа в наших водах.

Обвинение, доставленное акулой

В Музее морской почты на Ямайке собраны бутылки, которые служили морякам своеобразными контейнерами для доставки писем и просьб о помощи. В коллекции есть множество современных бутылок, которыми пользуются ученые для уточнения карт морских течений. На Индонезийские острова заносит такие бутылки из США, Австралии, Индии и даже Аргентины.

На одном из стендов хранятся исторические документы, извлеченные из желудка акулы. Они сыграли решающую роль в судебном процессе против капитана американского брига «Нанси», обвиненного в конце XVIII в. в контрабанде оружия. Бриг преследовался в море английскими кораблями. Капитан завернул компрометирующие его документы в пергамент и бросил в море. А несколько дней спустя английские моряки потрошили выловленную акулу и нашли эти бумаги. Их доставили в суд в последний день его работы. Капитан брига «Нанси», все отрицавший до этого, был вынужден признать свою вину.

НАША «КРАСНАЯ КНИГА»

Александр Чегодаев

ЗОЛОТОЕ ДЕРЕВО ПРИРОДЫ

ОЧЕРК

Художник Е. КУЗНЕЦОВА

О заповеднике Кызылагач, расположенном на стыке субтропиков и полупустыни, я слышал давно и многое. Но как это обычно бывает, родившись и выросши в Азербайджане, став зоологом и подолгу бывая в экспедициях, я увидел этот край впервые сравнительно недавно — летом 1977 года.

Душной июльской ночью выехал я поездом из Баку, а утром уже был в Ленкорани. Город сразу поразил меня почти тропической влажностью и густой растительностью; во дворе нашей базы произрастал даже... банан. Рос здесь он уже давно, но, как выяснилось, не плодоносил. На базе был небольшой зоологический музей. Здесь под стеклом в навечно застывших позах были расставлены чучела зверей, птиц и пресмыкающихся из окрестностей Ленкорани. Однако творчество местных таксидермистов занимало меня мало, тем более что очень скоро предстояла возможность познакомиться с живыми обитателями этих мест.

Один из сотрудников станции держал у себя рептилий. У паразитолога Саши Кузнецова хобби было, как и у меня,— змеи. В самодельных террариумах под камнями и корягами разлеглись пестрые полозы, ленивые, жирные удавчики: были и ядовитые щитомордники, пойманные в горах Талыша. Подвид, встречающийся здесь,— закавказский щитомордник — довольно редок. Эта некрупная ядовитая змея наделена совершенным приспособлением — термолокаторами, наводящими ее ночью безошибочно на добычу — мелких грызунов. Щитомордник принадлежит к семейству ямкоголовых — вершине эволюции ядовитых змей. Но «погремушка» у него зачаточна, колец на хвосте нет, хотя вибрирует

он нм заправски. Выбнвая дробь по лнстьям нлн траве, щитомордник вначале заставит обратнть на себя виимание, с тем чтобы после этого его оставнлн в покое н следовалн своей дорогой. Эту полезиую прнвычку переиял узорчатый полоз, водящнйся в тех же лесах. Ои успешно «передразннвает» щитомординка, надеясь ввестн в заблужденне потенцнальиых врагов. Узорчатые полозы тоже жнлн у Саши. Жилн у него и гюрзы. Ему удалось найтн этнх змей, а также небольшую ящерицу — руииную агаму в таких местах, где их раньше ие отмечали. Гюрза в полупустыиом Азербайджане не редкость, ио здесь, в краю влажных субтропиков, ее почтн нет. А вот руннная агама жнвет только в нагорной степн Талыша, не встречаясь более ннгде в Советском Союзе. Эта маленькая ящерица, кожа которой усеяна шнпиками, довольно прнхотлива в неволе. Ее прнродная популяцня чрезвычайно уязвима, н понятный интерес собирателей нуждается в огранпченни, тем более что ящерица заиесена в «Красную кннгу СССР». В Ленкоранском районе есть и другне пресмыкающнеся н земноводные, находящнеся в этом реестре,— эскулапова змея, средиземиоморская черепаха, снрнйская чесночннца. Наша беседа с Сашей была прервана водителем, известнвшим иас о том, что пора отправляться в заповедннк.

Белый домик у дорогн, окруженный непролазнымн ежевичнымн зарослями,— пост милнцни. Блнз него н разбнты нашн палаткн. Мнлнцни вместе с егерямн вверена охрана этого уникального уголка прнроды. Надо сказать, что Кызылагач — единственный заповедннк Советского Союза, который охраняется милнцней. Создан заповедник в 1929 году, н нсторня его непростая. Уннкальиость этого уголка прнроды была подмечена передовымн натуралнстамн довольно давно, н вопрос об охране знмовок днчн в Азербайджане впервые был поставлен имн еще в 1913 году. Но первой мерой по сбережению Кызылагача явилось постановленне Наркомзема Азербайджанской ССР, принятое в 1926 году, о полном запрете охоты в этом уголке н объявленнн его заказнником. Через трн года заказннку был прндан статус заповедннка.

За 60 лет существования бывало всякое. Браконьеры не моглн прнмириться с такой «потерей», н за этн годы не однн раз гремели выстрелы, адресованные не только пернатой дичи. Менялись ведомства, которым вверялся заповедник, былн перноды упадка и расцвета. Работали ученые с мнровымн именами; проходнли н проходят практику, получая наглядные экологнческне уроки, студенты многих вузов СССР. Все это мне было уже известно нз книг и статей. Какой же он в действительности?

Стоило только солнцу склониться, как воздух затрепетал от комарного — сказать «звона», пожалуй, все равно что не сказать ннчего — это был вой, нстошный вой осатанелых кровопийц. Ннкакие репелленты от них, как выяснилось, не спасали, а марлевый полог защищал весьма относнтельно. Сонмы комаров патрулнровали в воздухе вокруг полога, ожндая с иетерпеннем, когда жертва коснется его изнутрн рукой, ногой нлн какой-нибудь другой частью тела, н тут же всажнвалн в эту часть сотни своих хоботков.

А на предмет отыскання дырочек в пологах кызылагачские комары оставнли далеко позади, иаверное, всех остальных. Но в конце концов усталость сделала свое, и мы вскоре заснули.

Утром иас ждала работа. Она сводилась к тому, чтобы собрать для бактериологического исследовання как можно больше гидробионтов, то есть всего того, что копошнтся и размножается в воде. И вот мы, вооружившнсь сачками н тарой, шлепаем в резнновых сапогах по мелководью, загребая десяткн плавунцов, лнчнок стрекоз, ручейннков, беззубок, пнявок, вертячек, водяных клопов, головастнков, лягушек, черепашат, мальков рыб. Время, оставшееся после сбора, можно было уделнть знакомству с жнвотиой жизнью заповедника.

Первое утро после прнезда — первый рейс за водяной мелочью. Лихой водитель Гамза несется по хорошо иаезженной дороге — узкому коридору между стенами ежевнчника. Впереди я замечаю довольно-таки крупиых птиц куриного склада, купающихся в песке. Они что-то разгребают в нем лапами, склевывают. Узнаю их сразу. Турачи! Подпустив машнну довольно близко, одни турачи вспорхнули — очень характерно, по-куриному, другие положились иа быстрые ноги, и все оии скрылись в ежевичнике.

Эта птица иекогда в изобилии водилась в Азербайджане, да н не только в Азербайджане. Турачи оглашали своими криками заросли Южной н Центральной Европы н поныне сохраиились на Ближнем Востоке, в Иране, Афганистане, Индии, Африке. Турач всегда слыл деликатесной дичью, и в Европе его выбили. Последнего европейского турача, как свидетельствуют историки, съели полтора века назад иа обеде у

какой-то тнтулованной особы. Его состоянне в Закавказье стало внушать опасение дальновидным людям еще в конце прошлого века, когда, казалось бы, особого повода для опасений не было. Русскнй учеиый А. А. Силантьев в своем капнтальиом «Обзоре промысловых охот в Россин» писал: «Кавказ, это охотннчье Эльдорадо, так усердио опустошается промышленниками, что турач, красавец закавказскнх долнн, становится редкостью; фазана, каменную куропатку, олеия, косулю, тура, джейраиов, серну на Кавказе постепенно постигает та же участь...»*

Несмотря на мрачиые прогнозы А. А. Силантьева, еще в 40-х годах нашего века турач был обычеи в прнречиых лесах Кура-Араксиской ннзмениости. Этн доверчнвые птнцы зачастую кормнлнсь во дворах азербайджаиских сел вместе с курами: можно было увидеть, как онн восседают на деревенских заборах н поют свон брачные песни по весне.

Турач действнтельио красавец, особенно петушок — нзящный склад, жнвой блеск глаз, неповторимое сочетаине черных, золотнстых, белых крапнн, красные ногн. Курочка, как и у всех куриных, скромиее. Ее «предназначеине» — ничем не выделяясь, высижнвать яйца на гнезде, ведь врагов у турачей много. В тугаях рыщет воровская тронца: лиса, шакал, камышовый кот. Выбежавший иа поляику турач может стать жертвой ястреба нли другого периатого хищинка; гнезда грабят вездесущне вороиы нлн сороки; добавьте к этому перечию ежа, ласку, барсука; не пройдет мимо птеицов и кладки кабаи; заглотнть их может и крупиый полоз. Но врагом «номер одии» был и, к сожалению, остается человек. Браконьера с допотопиым ружьем и дворовой собакой оттеснил на задиий плаи «гордый» от созиаиня правильиостн свонх деяинй «преобразователь природы» с ядохнмикатами и дефолиаитами. Для турачей крайие пагубны миогосиежные зимы. Будучи ие в состояиии разгребать снег, оии слабеют от холода и голода, стаиовятся легкой добычей хищииков. После такнх суровых зим нх остается совсем иемного. Между тем разводить турача в иеволе можно, хотя попыткн, которые делалнсь до сих пор в охотхозяйствах, были малорезультатиыми.

Встретилн мы в заповеднике и другую жемчужину отечествеииой орнитофауиы — султаискую курочку. Увы, она тоже, как н турач, «удостоеиа честн» заиесення в «Красиую книгу». Хотя зовут ее курочкой, с курниымн оиа инчего общего ие нмеет, относится к отряду пастушковых, а «султанской» ее, виднмо, прозвалн за нстинио восточную пышность облнка: огромный красный клюв с иашлепкой на лбу н ярко-красные ногн, снне-голубое опереиие с нзумрудным отливом. Султанка жнвет в камышовых крепях, где ловко лазает по стеблям нлн бегает по жндкой грязи, пользуясь своими непомерио длнннными пальцами. Как и турач, султаика чрезвычайно уязвнма для морозов и многоснежных знм. Без мер специальной помощи султаикн в такне знмы обречены. К счастью, этн птнцы содержатся во многих зоопарках мира, где успешно размножаются. Жнвут и плодятся онн н в Московском зоопарке. Это отрадио сознавать, поскольку ии один нз отечествеиных зоопарков в своих коллекцнях турачей ие нмеет.

Зимует в Кызылагаче еще одиа птнца, которую мы в своем представлеиии обычно связываем с тропнческнмн водоемамн. Эта птица — фламннго. Названне ее пошло от слегка нскаженного нспанского «фламенко» — пламенный.

Пламенным нашего нежио-розового фламннго не назовешь; наверное, название далн нспанские конкнстадоры, познакомнвшись с южноамернканскимн почтн красными фламннго.

Интересио отметить, что пнгмеит, придающий такое очароваиие опереиию фламииго, всецело обусловлеи их пищей — мелкимн ракообразиыми, которых они выбирают из воды, процежнвая при помощн мясистого языка. Этот язык служил нзысканиым лакомством для обжор Древнего Рнма. Пиры аитичных гурмаиов стоили жизнн тысячам фламниго, а длнниыми перьямн этих же птиц, по свндетельству современииков, оии щекоталн у себя в глотках, дабы вызвать рвоту и иаесться языкамн до отвала снова...

У содержащихся в неволе фламинго цвет опереиня быстро блекнет, когда их начиииают кормить скудным зоопарковским рациоиом. Поэтому в зоопарке Базеля в корм для фламииго добавляют искусствеино полученные красящие пигменты, ведь обеспечить их в нужиом количестве мелкими рачкамн в неволе вряд ли возможио, тем более что в Базельском зоопарке содержнтся ие один фламинго. Благодаря правнльно составлеииому рациону оии там размножаются уже во втором поколении, а всего за последние 12 лет в этом и в других зоопарках вывелось 148 птенцов фламннго.

---

* **Силаитьев А. А.** Обзор промысловых охот в России. СПб., 1898.

Увидеть фламииго в Кызылагаче летом можно, пожалуй, только в музее. Этн птицы у иас в стране гнездятся на казахстаиских озерах, а зимуют в двух заповедннках — Кызылагачском и Красноводском.

Украшение тропнческих водоемов, фламннго встречается в Кызылагаче с гостьей приполярной тундры — краснозобой казаркой. Эта птица была нзвестна еще древннм египтянам, оии изображали ее на фресках. Конечио, египтяне в своих страиствнях не добиралнсь до полуостровов Ямал и Таймыр; просто казарки много тысячелетнй летают иа зимовки в Азербайджан, Иран, Месопотамию. Еще недавно, лет двадцать иазад, удачливый охотник мог добыть за утро до 20—30 этих некрупных, ярко окрашенных гусей. Во время же последнего учета водоплавающей дичн в Кызылагаче видели всего одну стайку... в 11 особей. Правда, поступают н обиадежнвающне сведения: появилнсь казарки на зимовках в дельте Дуная и в Турции. Но наша отечественная оринтофауиа рискует лншиться одного из ннтереснейших ее представнтелей. Недаром еще в 1723 году иекто Иван Толстоухов был послан императорским указом в Снбирь, чтобы «у всякого чина людей, русских и иноземцев, проведывать и купить разных родов зверей н птиц, которые в удивление человекам», в том чнсле «казарок — крылья черные, зобы коришневые». А в 1721 и 1724 годах Сибирь посетил другой посланннк царя, Казимиров, с задаинем собирать «курнозных птичек и зверьков», средн них «красиых гусков».

«Курнозен» этот гусь тем, что он самый маленький из гусей, изящен, оперен в сочетаине темио-рыжего, черного и белого цветов.

На гнездовьях казарки, как ни страино, тесно соседствуют с соколами-сапсанами. Те ие трогают гусей, но зато отгоияют нахальных песцов — врагов казарок. Сокращение чнслеииости сапсаиов, разорение гнезд собаками, которымн снабжена любая туидровая экспедицня, отлов для зоопарков н коиечно же охота на зимовках подкоснлн чнслеиность казарки.

Встречалась некогда в заповеднике н редкая утка — мраморный чнрок. В соседней Турции на зимовках в 1970—1971 годах нх насчитывалн 400—600 особей, а в 1972—1974-м — едннцы.

Вообще оказалось, что я прнехал в Кызылагач в самое ненитересное время — знмующих птиц ие было. Из бесед с научиымн сотрудникамн заповедника я узиал: осиовиая проблема его сейчас именно в том, что с каждым годом периатых гостей становится все меньше н меньше. Если в ноябре 1959 года учетчнкн насчиталн 4 973 тысячи уток и лысух, то в зиму 1977/78 года их стало не более 200 тысяч. Какова прнчнна столь катастрофического снижения численностн? Причииа не одиа, и есть среди иих те, вина за которые ложнтся на человека, то есть те, что в научном мире принято имеиовать «антропогеииым воздействием». Это осушение озер и разливов, изменение характера сельского хозяйства. Если ранее исконной культурой района был рис (иа рисовых полях водной живностью моглн досыта кормнться голенастые птицы, а после уборкн урожая — уткн), то теперь предпочтение отдано овощным и бахчевым культурам, хлопку, вннограду. Немаловажиую роль сыграли и браконьерство, выпас скота, бескоитрольный лов рыбы на терррнтории заповедннка. Уровеиь воды в разлнвах всецело регулнруется рыбхозами. В тесно переплетеиной, как паутина, экологической сети (задень одну ннть — н сотрясается все сообщество) такие колебання приводят к необратнмым и далеко идущим последствням; так, высокий уровень воды ведет к зарастаиию водоемов тростинком, рогозом. Для кормежки птиц они делаются непрнгоднымн. Но зато увелнчнвается количество кабанов, а за ннмн и волков. Но о кабанах и волках позднее.

Колебаиия уровня воды влияют и иа гиездовья голенастых. Высокий уровень приводит к затоплеиию гнезд, к тому, что гнезда делаются доступными для лис, шакалов, котов. Воздвигая дамбы и валы иа террнтории заповедннка, человек создал хищникам добротные условня для расселения н рытья нор. Наоборот, резкое осушение разлнвов летом нмеет следствнем массовую гибель молодияка лысух. Одиако попытки согласовать, скоордииновать деятельиость рыбхозов с нуждами заповедника пока что нн к чему ие прнводят.

Правда, служба охраны усилена мнлнцней, н утверждают, что браконьерство сиизилось. Ранее же оно носило, можно сказать, «глобальиый» характер. Побывавший здесь в 1949 году профессор-орнитолог Т. Иванаускас писал: «... на гусей тут охотятся все — и подросткн н старики. Ннгде в мире мне не прнходнлось видеть столько охотнников, сколько здесь. С раннего утра до позднего вечера слышатся выстрелы, нногда такне частые, что кажется — проиеходят воеииые упражиеиия... Водяных птиц, особенно уток, ловят еще

сетями, переброшенными поперек реки, и другими способами»*.

Есть причины, столь же немаловажные, в которых человек не повинен, связанные с обмелением Каспия, изменением продуктивности водоемов. Недостает корма, и стаи птиц снимаются в поисках мест более благоприятных.

Конечно, сотрудники заповедника делают все, что могут, для привлечения птиц. Кормовые поля, например, хорошо себя зарекомендовали для гусей и стрепетов.

Кызылагач потому и заповеден, что является одной из самых крупных зимовок водоплавающей дичи в пределах СССР. Недаром он внесен Международным союзом охраны природы в перечень водно-болотных угодий мирового значения — их не так-то уж много. Его эстетическая и научная ценность безмерна. Конечно, сохранить природный комплекс неприкосновенным, увы, уже невозможно. Речь идет о возвращении былого значения как одной из главнейших зимовок пернатых. Кызылагач в переводе означает «золотое дерево». Поистине бесценны его плоды, и пока они еще не осыпались полностью...

До поры до времени птицы как непосредственный предмет наших исследований меня не интересовали. Мы искали возбудителей некоторых болезней в гидробионтах — кишащей и плодящейся в безмерных количествах под жарким июльским солнцем массе водяной живности. Но эта живность, как известно, основной корм многих гнездящихся в заповеднике птиц, ею же они кормят и своих птенцов. Нелишне было бы поискать возбудителей в их помете, ведь известны и такие пути циркуляции болезней в окружающей среде.

И вот я договорился с орнитологом заповедника Ниной Коноваловой, которой как раз надо метить птенцов из колонии голенастых. Рано утром мы выезжаем. Вначале добираемся на автомашине до места, где причалены лодки. Егеря пока нет, и можно полюбоваться церемонными играми двух больших поганок, которые сплываются и расплываются, совершенно синхронно копируя друг друга, словно бы по мановению палочки невидимого дирижера.

Но вот мы усаживаемся в лодку, и старик егерь запускает мотор. Моторка несется по узкому коридору — тростник плотной стеной с обеих сторон. Птицы еле успевают «уходить с дороги». Разбегаясь, взлетают тяжелые черные бакланы, опуская ноги, как шасси. Некоторые бакланы предпочитают нырнуть. Каких только нет здесь цапель! Серые, рыжие, большие белые и малые белые, египетские и желтые, большие выпи и волчки...

«Подождите удивляться, то ли еще будет на колонии!» — говорит Нина. Лодка останавливается, стук мотора глохнет, и мы пересаживаемся в узкую плоскодонку, а егерь берется за длинный бамбуковый шест.

Глубокая протока сменяется мелководьем, обилием растительности, похожим на тарелку густых щей. Тяжело груженая лодка — как-никак нас трое, да еще вещи — скользит толчками. Егерь взмок, но все попытки заменить его отвергает категорически. Свое ремесло он знает в совершенстве и не допустит, чтобы кто-то другой, пусть и помоложе, взял шест в руки. Стук мотора еще стоит в ушах, но все ближе и ближе, все явственней и явственней становится птичий гомон, разноголосица колонии. И вот мы у цели. Вываливаемся за борт, рассовываем по карманам рубах и джинсов свою утварь. Нина берет фотоаппарат с телеобъективом, рюкзак с кольцами, записную книжку и карандаш. Мой багаж легче — пробирки со средами, куда надо собрать помет птенцов.

Поистине не позавидуешь орнитологам, которым надо пометить не одну сотню птенцов. А птенцы, естественно, не согласны — они вырываются, удирают из гнезд, ловко цепляясь за ветви длинными пальцами, иногда падают в воду и пытаются плыть, шлепая неоперившимися крыльями в «пеньках».

Мои же задачи птенцы облегчают сами: стоит схватить цапленка и поднести к его куцему заду пробирку, как он, испуганный, выстреливает в нее струйкой белой жидкости.

Эти уродцы с зеленой кожей, которые ползают по ветвям, с немигающим рептильным взглядом и длинными клювами испускают хриплые, квакающие звуки и трескотню; все это уже смутно знакомо... Где же это все я мог видеть, или слышать, или читать? И вдруг меня осенило: ну конечно же «Затерянный мир»!

«... За кромкой камыша поблескивали подернутые зеленью стоячие лужи. Место было мрачное само по себе, но, глядя на его обитателей, мне невольно вспомнились сцены из седьмого круга Дантова «Ада». Здесь гнездились птеродактили — сотни и сотни птеродактилей! Котловина так и кишела ими —

---

* Иванаускас Т. Записки натуралиста. Вильнюс, 1956.

детеныши ползали у воды, а их отвратительные мамаши высиживали на отмели яйца в твердой желтоватой пленке. Вся эта копошащаяся, бьющая крыльями масса ящеров сотрясала воздух криками и распространяла вокруг себя такое странное зловоние, что у нас тошнота подступила к горлу...»*

Действительно, примитивные птицы — цапли и баклаиы — сохраняют в своем облике, особенно в младенчестве, много рептильного, унаследованного от предков — пресмыкающихся. Размышляя о преемственности между рептилиями и птицами я не заметил, как оказались заполненными все пробирки, а вскоре и у Нины кончились кольца. Пора домой.

Когда Василий Литвинов, научный сотрудник заповедника, изучающий хищных млекопитающих, предложил мне поехать с ним на ночной учет зверья, я немедля согласился. Нина тоже составила нам компанию. Ее интересовали египетские цапли, и в поисках их мы забрались довольно далеко. По дороге устроили привал, зажарили на импровизированных — из прутьев тамариска — вертелах огромного медно-золотистого сазана — им нас одарили местные рыбаки.

И вот мы едем дальше, и вскоре в предзакатном свете перед нами открывается картина поистине африканская. Стадо огромных черных буйволов неторопливо бредет по степи, а на загривках у них раскачиваются египетские цапли. Другие вышагивают за буйволами следом. Правда, здесь необходимо оговориться. Домашние буйволы Азербайджана, хотя внешне очень смахивают на африканских, имеют родоначальником индийского буйвола, что же до египетских цапель, то всюду, где они есть,— в Азии, Африке, Америке — они также неизменно сопровождают стада диких и домашних копытных, склевывая у них со шкуры клещей и подхватывая вспугнутых ими кузнечиков. Нафотографировавшись, мы двинулись в обратный путь. Василий и я стоим в кузове бортовой машины. Ветер бьет в лицо; уже полностью стемнело; в ушах — стрекот ночных насекомых. Как же подсчитывать встреченных ночью на полном ходу зверей? Оказывается, очень просто. Ночной учет хищников Василий ведет по... их глазам. У разных зверей глаза светятся по-разному. По отсвету, а также по величине точек, расстоянию между ними, высоте их расположения над землей Василий безошибочно определял встреченного хищного зверя.

А хищников в заповеднике много. Это куницеобразные: ласка и перевязка, завзятые «грызунятники»; недавно обнаруженные здесь выдра и барсук, который не замедлил нам в эту ночь показаться. Его нисколько не смутили направленные на него фары. Так же спокойно, стелющимся шагом брел серебристо-серый зверь с мордой словно бы в черной маске, что-то вынюхивая, выкапывая и поедая на ходу.

Василий сказал, что барсуков всегда мало пугают свет и машина и они занимаются своими делами у непрошеных зрителей на виду. Есть в заповеднике звери и покрупнее, и поосторожнее — это лисица, шакал, камышовый кот, волк. Последний на ночных учетах почти не встречается, уходит сразу, заслышав шум автомашины.

В первый мой вечер в заповеднике сотрудники нашей лаборатории, люди в общем-то далекие от дикой природы, рассказали мне, что недалеко от поста волки напали вчера на корову. Я не придал особого значения этому рассказу. Но вскоре мне пришлось убедиться в его достоверности самому. В знойный полдень мы сидели в палатке с моим помощником по сбору гидробионтов Александром Носачевым и лениво переговаривались, разморенные июльской жарой. Топот стада коров, промчавшихся мимо палатки, прервал нашу беседу.

«Чего это они, от жары сдурели?» — сказал Носачев и шагнул наружу. «Волк!» — заорал он не своим голосом. Я выскочил из палатки и успел увидеть, как бежавший по следу коров крупный волк, резко крутанувшись на месте, исчез в ежевике.

Через неделю атака волков на коровье стадо близ поста повторилась. Опять она была безуспешной — снова помешали люди. Услышав тревожное мычание, мы помчались туда, откуда оно доносилось, на нашем «газике», и опять нам встретился нахально сидящий на дороге волк, который явно не знал, как подступиться к забившейся в тростниковые крепи корове. Корова погрузилась в воду почти полностью — торчали лишь голова и спина. Как и в первом случае, волк не стал дожидаться нашего приближения и нырнул в кустарник.

Четвертая охота стаи увенчалась успехом. На сей раз жертвой оказалась кобылица. Мы отправились с Василием на «место ночного преступления», которое с середине жаркого летнего дня разыскать не составляло труда по запаху. Частокол белеющих ребер, почер-

* Конан Дойл А. Затерянный мир. М., 1966.

невшая от крови земля, следы борьбы... Что н говорить, зрелнще малопривлекательное. Лайка Василия, увязавшаяся за намн, не отказала себе в удовольствии вываляться в остатках падали. Очевидцы, которые рано утром прервали волчий завтрак, рассказали, что волков было пятеро — четверо прибылых и волчица. По мрачной ироиии судьбы оказалось также, что лошадь принадлежала известному в заповеднике истребнтелю волков, шакалов н других хищников Алиашрафу. Его хитро замаскированные капканы были расставлеиы вокруг заповедника, создавая дополннтельную линню охраны от иежелательных посетителей. Выходило, что за месяц моего пребывания в Кызылагаче в окружности радиусом 500 метров от поста охраны заповедника волки четырежды иападали на домашних животных.

О «волчьей проблеме» сейчас очеиь миого говорят н пишут — н не только биологи. Как удачно заметил крупный наш эколог, покойный академик С. С. Шварц, есть две отрасли знаиия, судить о которых безапелляционно считает себя вправе почти каждый,— это медицина и охрана природы. В самом деле, кому ие приходилось выслушивать суждения и рецепты доморощеиных «медиков» и глубокомыслеиные обывательские замечания о том, каких зверей надо истреблять, а каких надо беречь, о вреде спортивной охоты н далее в том же духе. Почему-то о квантовой механике или математнческой логике так, с налета, никто судить ие берется, а ведь экология иичуть не менее сложная днсциплина.

Резкий поворот в отношеиии к волку кроется, на мой взгляд, ие в том, что вскрылн-де иаконец его санитарную роль, ведь мало кто любит стервятников, гнен, шакалов, куда более «прилежных» санитаров, чем волк. Утверждение о санитариой роли волка сродни средиевековому фольклору о «благородных разбойииках». В популяциях копытных ие так уж много больных животных, чтобы оии могли служить кормом для волков. Волки следуют за стадами, а больные, как правило, ведут одиночный образ жизни, и иайти их труднее. Конечно, иаткнувшись на такого одиночку, волк им не побрезгует, ио, съев его, он, как правило, разносит возбудителей эпизоотии по всей округе с экскрементами.

Уместно вспомнить, что ностальгическое чувство к исчезнувшему волку родилось в тех страиах, где его выбили давно и начисто. Во всех этих краях процветает многотысячное поголовье оленей, лосей, муфлонов, косуль, ланей, серн, н благоденствуют все этн звери без всякой «помощи» со стороны серых санитаров.

Перенимать это настроенне некритическн нам не след: волков у иас пока что много, а местами н слишком много. Безусловно, волк украшенне нашей фауны, это прекрасиый, совершеиный зверь и, как любой представитель животного мнра, он интересен не только для наукн, а имеет н эстетнческое значение. Вспомним хотя бы, какое место этот зверь занимает в мировой и русской культуре — фольклоре, жнвописи, литературе. Ннкто не собирается проповедовать его полиое нстребление. К волку нужеи подход дифференцированный, как и к любому иеоднозначиому, неорднНарному явлению. Где-то его численность надо оставить на ныиешнем уровне, где-то надо снизить, с чем никак не могут согласиться адепты волка — люди, большей частью с ннм зиакомые лишь по переводным книжкам.

Ясио одно: волкам сейчас в Кызылагаче, да н во миогих других местах, привольио. В снлу причин, о которых мы писалн, стало в заповеднНке гораздо больше кабаиов. Их сейчас около тысячи; волки «откликнулись» на это, доведя свою численность до восьмидесяти. Коиечно, старый секач, вооружеиный двадцатисантнметровыми клыками, для волка недоступен. Осиовная добыча — молодые кабанчикн. Но не одними кабанами сыты волки заповедника. Василий Литвинов видел однажды, как волк волочнл метровую щуку. Во время частых заморов они превращаются нз охотников в рыболовов, наведываются летом на бахчи, лакомятся спелыми арбузамн. Правда, по части дегустации арбузов волку далеко до шакала — другого распространенного в Кызылагаче хищиика. Хотя шакал н зачислен в отряд хищных, ои более собиратель по прнроде. Вскрыв убитого шакала — а Василий перепотрошил их уйму — и сравнив длину его кишечника с длииой кишечника лисицы того же размера, мы убеждались, что у шакала он в трн раза длиииее. Это физиологическое приспособлеиие помогает шакалу в равных количествах потреблять животиую и растительную пищу. Ассортимент его кормов включает 90 иаименований, и недаром его прожорливость стала нарицательной. В желудке одного шакала обнаружили полнэтиленовую обертку от колбасы, бумагу и кусок мыла, завериутый в газету. Из живности шакал берет все — от иутрии до саранчи. Зверь этот по-прежнему весьма обычеи — в Азербайджане сейчас насчитывается около десяти тысяч

шакалов. Этого воришку, облезлого, рыже-серого, принюхивающегося, поводя своей острой мордой, трусящего по дорогам, мы встречали в любое время суток, а по ночам слушали его вой со всхлипами и заливистым хохотом. Правда, той картины, которую наблюдал известный натуралист Е. П. Спангенберг в 1925 году из окон ленкоранской гостиницы, сейчас уже не увидишь: «...при ярком свете луны метрах в пятидесяти от крыльца я увидел странную группу животных. Они копались в мусорной яме. Присмотревшись внимательно, я обнаружил среди них домашнюю свинью, трех собак и шесть шакалов. В отличие от домашних животных шакалы вели себя как-то иначе. Проворные звери, привлеченные трупом теленка, приближались к яме, улучив минутку, схватывали кусок и поспешно отбегали в сторону»*.

Третий крупный хищник Кызылагача — камышовый кот, он же хаус, он же болотная рысь. Последнее название он получил за почти незаметные кисточки на ушах, короткий для кошки хвост, высокие по-рысьи ноги. Пятен на коте этом нет, он рыже-сер. Ловкий и осторожный хищник, камышовый кот мастерски ловит турачей, фазанов, лысух. Есть сведения, что древние египтяне и индийцы дрессировали камышовых котов, как и гепардов, и охотились с ними на птиц. Судя по тому, что современные авторы описывают кота в неволе как неукротимого, злобного и мрачного зверя, иногда предпочитающего смерть лишению свободы, приходится с сожалением признать, что нам далеко до древних по части приручения и одомашнивания диких животных, что, увы, подтверждается примерами не только с камышовыми котами.

Мы, современники, объявили коту войну на уничтожение и назначили награду за его «голову» размером в 10 рублей. Прискорбный факт, особенно если учесть, что камышовый кот уже давно включен в список редких видов, учет которых ведет Лондонское зоологическое общество. Живой кот, оказывается, куда ценнее мертвого, и организациям, занимающимся зооэкспортом, не мешало бы призадуматься над тем, что в каталогах западных фирм стоимость хауса равна стоимости муравьеда, приобретение которого зоопарками выражается в четырехзначных цифрах.

Котов в заповеднике немало, но они куда более скрытны, чем волки и шакалы. Во время ночных прогулок я видел только блеск их глаз, да и то на большом расстоянии. Увлекательно было бродить лунными ночами босиком по хорошо наезженным, еще не остывшим от дневного жара дорогам заповедника. Так я свел знакомство с кабаном, который пасся каждую ночь метрах в двухстах от нашей палатки. Однажды я услышал, как монотонные звуки насекомых нарушил короткий всхлип шакала — зверь попался в капкан. И тотчас же завыли, заголосили все окрестные шакалы, будто бы оплакивая незадачливого собрата. Как-то раз я повстречал на дорожке свернувшуюся змею. Зная, что в заповеднике гюрза не водится (если не считать одной-единственной, случайно завезенной с кипами сена, убитой охранниками и выставленной в музее), я прикоснулся к ней — змея заскользила к обочине, в воду, а резкий, неприятный запах, который долго сохраняла моя ладонь, напомнил о том, что мне повстречался персидский уж.

Кабаны, которые паслись по ночам неподалеку, палатку нашу не посещали, хотя на соседнюю нутриевую ферму повадился ходить кабан, которому заочно дали кличку Рыбак. Этот вообще не брезгливый зверь в данном случае превзошел рекорды своего племени: тушки больных нутрий, протухшая рыба, любые отбросы — все становилось его добычей. Судя по всему, не совсем полноценный кабан, кабан-изгой, вызывал всеобщее сочувствие, хотя в общем этого зверя к животным, возбуждающим жалость, никак не отнесешь. Причина тому — умение за себя постоять и выжить перед лицом любого врага, будь то человек, тигр, наводнение или ледниковый период.

Я не раз до этого встречал кабанов в горных лесах Большого Кавказа. Один раз был свидетелем случая, когда неосторожный охотник получил от смертельно раненного кабана рану в бедро, причем сделано это было так быстро, что с пылу пострадавший ранения не почувствовал, пока мы не обратили его внимание на разорванную, забрызганную кровью штанину. Василий (так звали охотника) рассказал нам потом, что после его выстрела кабан упал и забился на месте в агонии, а потом неожиданно вскочил и исчез в лесу. Горячий охотник бросился по его следу один, без собак и товарищей. Залегший зверь выскочил внезапно в нескольких шагах, он готов был драться до последнего. Получив вторую пулю в голову (а первая, как показало «посмертное вскрытие», пробила сердце), кабан пронесся мимо и свалил-

* Спангенберг Е. Из жизни натуралиста. М., 1953.

ся замертво, успев оставить «отметину на память» Василию.

Да, кабан живуч невероятно и в переносном смысле тоже. Это своего рода памятник фауны доледникового периода, переживший все геологические катастрофы, современник мамонта, шерстистого носорога, большерогого оленя и пещерного медведя. Кабан пережил их всех и приспособился к любой среде: от тропиков до берегов Финского залива. В горы он проникает до высоты 3500 метров, прекрасно плавает, очень плодовит. Кабан ест даже то, что не едят другие животные: хвощи, папоротник, дождевых червей. По оросительным каналам и поймам рек он пробрался в зону пустынь и полупустынь.

Самому серьезному испытанию этот зверь подвергся после появления на Земле человека. Наш далекий предок быстро «раскусил» выгоду этого трофея, и с тех пор и по сей день кабан служит повсюду — от Новой Гвинеи до США, куда его завезли специально для охоты,— излюбленным объектом промысла и спорта. Отменное мясо, сало, кожа, щетина, клыки на украшения и сувениры — человек утилизировал этого зверя полностью, а потом додумался его одомашнить.

Кабану «Красная книга» не грозит, он процветает в освоенном человеком ландшафте. Эти звери стали сейчас заходить и на окраины крупных городов, таких, как Москва или Рига, вызывая испуг и смятение жителей.

В старославянском названии кабана — «вепрь» — ощущается темнота лесов, неукротимая грозная сила.

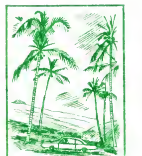
Сильное впечатление производит сам внешний облик кабана: массивная голова, черные мохнатые уши, двигающиеся на любой звук, черный пятачок рыла, жесткая грива по хребту, могучее туловище на коротких сильных ногах. Из щетины остро поблескивают маленькие глазки, а из нижней и верхней челюстей торчат грозно белеющие клыки. Нижние клыки трехгранные, длинные, с острыми концами; верхние в сечении круглые, короткие и кривые. Это оружие действует как ножницы. Жертвами трехсоткилограммовых секачей (так зовут самцов в расцвете сил охотники) становились тигр и медведь.

Кабан продирается сквозь густые заросли ежевичника, держидерева, сквозь тростник; клинообразная морда помогает ему в этом. Недаром средневековые рыцари строились строем, имитирующим кабанье рыло. Это «рыло» легко вспарывало вражеские порядки.

Шея и плечи секача покрыты броней — сильно разросшимся слоем соединительной ткани, калканом. «Калкан», или, точнее, «галхан», во многих тюркских языках означает «щит». Этот щит надежно защищает от ударов клыков соперников в период жестоких поединков во время гона, но от пули защитить, конечно, не может.

Хотя для каждого любителя природы видеть стадо пасущихся в лунную ночь кабанов, слушать их уханье и похрюкиванье, наблюдать за играми поросят — зрелище волнующее, их изобилие в заповеднике Кызылагач приветствовать никак нельзя.

Заповедник этот для казарки и фламинго, турача и лебедя-кликуна, султанки и розового пеликана, каравайки и колпицы. Именно на их спасение должны быть нацелены усилия заповедника, чтобы не оскудело «золотое дерево», чтобы не растеряло свои невосполнимые плоды.



Топливо из плодов ханга

Японские и бразильские ботаники приняли меры, чтобы организовать в своих странах плантации тропических деревьев с Филиппин, которые на местном наречии называются «ханга». Этот эксперимент находится в прямой связи с топливным кризисом. Дело в том, что сок плодов ханга содержит примерно 15% маслянистой жидкости, которая способна заменить дизельное топливо в автомобильных моторах. Сгорая, натуральное масло дает менее ядовитый выхлоп. Например, в нем нет окислов азота.

Аркадий Акимов

Пингвины Дассена

Художник Е. КУЗНЕЦОВА

В 50 с лишним километрах к северо-западу от Кейптауна затерялся в океане маленький невзрачный островок Дассен — главное место обитания южноафриканских пингвинов, которых также называют черноногими или очковыми (Spheniscus demersus). Это одни из самых маленьких пингвинов на свете. Взрослая птица достигает почти 40 см в длину и весит до 3 кг. Конечно, по сравнению с антарктическим гигантом — императорским пингвином (его длина — 120 см и вес — до 42 кг) южноафриканский собрат просто карлик. На суше пингвины не очень ловки, шагают медленно, переваливаясь с боку на бок. Зато в воде они чувствуют себя великолепно, здесь они прекрасные пловцы.

Природа наделила южноафриканских пингвинов (как и всех пингвинов на свете) удивительной по красоте расцветкой — белое брюшко и черная спинка. В таком наряде птицы невольно напоминают маленьких респектабельных джентльменов в черных фраках и белых манишках и вызывают к себе большую симпатию. Впервые этих пингвинов увидели и описали члены экспедиции португальского мореплавателя Васко да Гамы, направлявшейся в Индию в 1497 году.

Ареал обитания южноафриканских пингвинов — прибрежные острова, лежащие неподалеку от Южной и Юго-Западной Африки, но на острове Дассен расположена самая крупная колония этих пингвинов. Однако сегодня в силу ряда причин популяция этих птиц сильно сократилась и насчитывает от 100 до 250 тысяч особей.

Когда приходит пора выбирать себе спутника в жизни, которому, кстати, пингвины остаются верны всю жизнь, они устраивают шумное «шоу» — сватовство. Птицы громко кричат, возбужденно хлопают себя по бокам плавниками. Объявив таким образом о «помолвке», новая пара образует семью. Затем они роют в земле неглубокую яму — гнездо, которое часто служит им всю жизнь, а живут пингвины не так уж мало — до 10 лет. Обычно самка откладывает в гнездо от двух до трех яиц. Насиживание идет по очереди, и через пять-шесть недель появляются на свет маленькие, опушенные, но зрячие птенцы, за которыми заботливые родители старательно ухаживают.

Несмотря на внешнюю привлекательность южноафриканского пингвина, голос его необычен, так как он весьма напоминает крик осла. Однако сегодня этот крик скорее звучит как призыв о помощи, так как экологические проблемы, возникшие в основном в результате хозяйственной деятельности человека, послужили причиной резкого сокращения численности южноафриканских пингвинов. Примерно лет 50 назад миллионы этих пингвинов обита-

ли на островах, расположенных в районе Южной Африки, но островок Дассен по-прежнему остается пингвиньей базой, где они живут и размножаются. Однако условия изменились, и сегодня сюда каждую весну и осень для выведения потомства с моря возвращаются едва ли 60 тысяч пингвинов.

Когда-то единственными врагами на суше у этих пингвинов были лишь морские чайки, живущие обычно по соседству и ворующие у них яйца из гнезд. Однако в наш век недругов у этих пингвинов прибавилось. Люди узнали, что вкус пингвиньих яиц не хуже гусиных, а их гуано — прекрасное удобрение для садов на континенте. И вот в результате бесконтрольной деятельности сборщиков яиц и заготовителей гуано популяция южноафриканских пингвинов резко сократилась. Немалый урон пингвиньему населению Южной Африки нанесло и коммерческое рыболовство. Рыболовецкие суда вылавливают сардин и анчоусов, которыми в основном питаются эти пингвины. Случилось так, что эти рыбы и пингвины оказались в одной пищевой цепи. Другими словами, рыбы в этом районе в определенной степени зависят от пингвинов, так как помет, богатый соединениями азота, попадая в воду, идет в пищу планктону, которым в свою очередь питаются эти и другие рыбы.

Но все вышесказанное — это еще, как говорится, полбеды. Самую большую опасность для южноафриканских пингвинов, а вернее, для всего живого в море представляет нефть. Основания для опасения вполне реальны, ведь еще совсем недавно, а именно в 1967 году (год закрытия Суэцкого канала из-за агрессии Израиля), число рейсов танкеров, идущих в Европу и Америку мимо острова Дассен, доходило до 650 в месяц.

Нефть, оказавшаяся в море в результате крушения танкеров, а также загрязненные маслами трюмные воды, сбрасываемые в море, явились причиной гибели десятков тысяч южноафриканских пингвинов. Так, в 1971 году американский танкер «Вафра» врезался в рифы и загорелся неподалеку от оконечности Южной Африки. В результате кораблекрушения в море хлынули десятки тысяч тонн сырой нефти, и тысячи южноафриканских пингвинов попали в нефтяную ловушку и погибли.

Пингвины, оказавшиеся в загрязненной нефтью воде, почти не имеют шансов на спасение. Не подозревая ничего плохого, они продолжают охоту на рыб. Нефть, взвешенная в морской воде, постепенно пропитывает перья птицы, и ей становится все труднее и труднее плавать и нырять. Если пингвин долго остается в воде, то он в конце концов тонет, прежде чем погибнет от отравления нефтью, которая вместе с рыбой попадает ему внутрь. Если же ослабевший пингвин все же выходит на берег, то он, естественно, начинает чистить перья, перепачканные нефтью, и через какое-то время гибнет от отравления. Здоровые собратья на берегу принимают перепачканного нефтью товарища за чужака, клюют его и кусают. И если в этот момент человек не придет птице на помощь, то гибельный исход неминуем.

Во время таких крушений танкеров на море гибнут, конечно, не только пингвины, но также чайки, рыбы, различные морские животные, растительность, микроорганизмы. Безусловно, разлив нефти в море — это настоящая экологическая катастрофа. Ведь нефтяное пятно тянется на сотни километров, и число жертв, как правило, бывает громадным. Вспомним хотя бы крушение супертанкера «Амоко Кадис» американской нефтяной компании «Стандард ойл оф Индиана» у французских берегов в районе Бретани в 1978 году. Тогда урон, нанесенный природе, песчаным пляжам, экономике региона, был огромен. Кстати, французское правительство потребовало уплатить за причиненный Бретани ущерб 2,4 миллиарда франков, а профсоюзы за убытки, нанесенные экономике края,— 3 миллиарда франков.

Экологи региона поставили себе цель — попытаться определить ущерб, нанесенный южноафриканским пингвинам в результате попадания нефти в море после кораблекрушения танкера «Вафра», а также от действий коммерческого рыболовства. Безусловно, он немалый.

Ну а какова судьба пингвинов, принявших нефтяную «ванну»? Опытным путем ученым удалось найти недорогой, но, правда, довольно хлопотный способ по спасению попавших в беду пингвинов с острова Дассен. На пораженные нефтью участки их тела осторожно наносили сухой порошок из глины. Он отлично абсорбирует нефть, и через несколько часов его смывают. Такая операция повторяется несколько раз. По сравнению с синтетическими моющими средствами порошок из глины не приносит вреда оперению пингвинов, а, кроме того, их перья не теряют водоотталкивающего свойства. Правда, на время «лечения» пингвинов приходилось содержать в специальных загонах

и кормить насильно, так как в природе они питаются только живой рыбой. Курс «лечения» длился несколько недель. Но даже при таком довольно безболезненном способе избавления пингвинов от нефти удалось спасти немногим более 50% пострадавших птиц.

Морские чайки, эти вечные спутники южноафриканских пингвинов, играют немаловажную роль в их жизни. Специалисты подсчитали, что чайки воруют до 40% яиц из гнезд пингвинов. Это, конечно, немало. Но природа, видимо, вносила свои поправки, и популяция пингвинов от этого практически не уменьшалась. Человек же своими действиями нарушил экологическое равновесие, существовавшее на Дассене, и это немедленно сказалось на численности популяции южноафриканских пингвинов.

Сегодня, как и много лет назад, на острове Дассен можно видеть пингвинов, терпеливо шагающих по прямым, как стрела, дорогам к морю. Когда-то сборщики яиц и гуано, впервые высадившиеся на остров, были немало удивлены, найдя там ровные, удобные дороги, ведущие к морю. Вначале они никак не могли поверить, что их «проложили» маленькие пингвины. За многие века по этим дорогам прошли миллионы пингвинов, и скалы, встречавшиеся на их пути, были стерты до основания их маленькими ногами.

Сегодня сбор яиц южноафриканских пингвинов для «стола» Кейптауна запрещен, гнезда пингвинов взяты под защиту. Ограничен и сбор гуано. Однако нефтяная катастрофа в море пингвинам всегда опасна. И в этом случае только строгое соблюдение капитанами танкеров всех правил навигации близ берегов Южной Африки и любовь человека ко всему живому на нашей прекрасной планете позволят южноафриканским пингвинам уцелеть на маленьком острове Дассен, затерянном в океане.

Впервые на Балканах

На ботаинческих картах Европы обозиачеио лишь четыре страны, где есть плантацни пробкового дуба,— Испания, Италня, Португалня н Франция. Теперь следует внестн коррективу: такие посадкн, насчнтывающне около 2000 деревьев, появились в юго-западиой части Болгарнн. Главная заслуга здесь селекционеров и генетиков, сумевшнх вывестн сорта дуба, устойчнвые в условнях местного климата.

Вскоре плаитацнн будут расшнряться н займут более 3 тыс. га. Болгарские специалисты преследуют сразу две целн — обеспечнть свою страну дефицитным сырьем н защитнть выбранный нмн район от процессов эрозни: корни пробкового дуба отлнчио закрепляют почву.

Прнмечательно, что есть уже первый экспортиый заказ на болгарскую кору пробкового дуба. Он поступнл нз ГДР.

СОЛНЕЧНЫЙ АРХИПЕЛАГ — ФИЛИППИНЫ

Текст к фотоочерку
(см. вклейку)

Рассказывают такую легенду. Нес Великан землю, да уронил в море. Разбилась она на тысячи кусков, и каждый стал цветущим островом. Тогда из ствола самого высокого бамбука вышли двое: Малака́с и Магайда́ — Сильный и Красивая; они и дали начало роду филиппинскому.

По-разному называют Филиппины — Страна семи тысяч островов, Жемчужина Южных морей, Земля лучших в мире кокосов, петушиных боев и изящных женщин, Край, где сошлись созерцательность Востока с прагматизмом Запада...

Здесь и вправду 7100 островов, и у каждого своя история, традиции, язык. Крупнейшие среди всех — остров Лусон на севере, Висайи в срединной части и Минданао на юге. На Лусоне живет половина населения страны, здесь ее столица и средоточие промышленности. Нередко говорят: Лусон — рисовая житница, Висайи — кладовая рыбы, копры, сахарного тростника, Минданао — заповедник ценного дерева нарры и поставщик фруктов.

Висайи примечательны еще тем, что сюда в 1521 году пристали испанские каравеллы, здесь в бою с вождем Лапу-Лапу был убит Фернан Магеллан. Тела погибших сожгли, доспехи их затерялись, но крест, водруженный Магелланом на берегу, сохранился. В городе Себу в старой часовне, напротив ратуши, стоит по сей день «крест Магеллана» — место паломничества туристов.

Население Филиппин — 55 миллионов. Из этой многоязычной, разноплеменной семьи обычно выделяют жителей равнин — христиан, обитателей гор — язычников и мусульман юга — моро. Лидером в этом многонациональном государстве стали тагалы. Их язык наряду с английским объявлен в стране государственным.

Когда приезжаешь в Манилу, слух в потоке незнакомой речи чаще других отмечает три слова: «мабухай», «пагибик» и «легайя». Они, словно преследуя тебя, звучат повсюду: на улицах, с экрана телевизора, в модных песенках и в названиях солидных фирм. Проходит несколько дней, и узнаешь, что это тагальские слова: «здравствуй», «любовь» и «радость». В них, как в капле воды, высвечен национальный характер.

Конечно, говорить о характере народа в целом рискованно. Как в любой другой стране, на Филиппинах живут разные люди — веселые и угрюмые, неграмотные и утонченно образованные, ленивые и работящие, неискренние и прямодушные. И все же принято считать, что тагалы щедры, гостеприимны и музыкальны, илоки склонны к перемене мест, предприимчивы и расчетливы, висайянцы мягки и уступчивы, мусульмане юга нетерпимы и горды.

История архипелага отмечена многовековой борьбой народа за свое освобождение. В XVI веке сюда пришли испанцы с мечом и распятием. Через три века непрерывных восстаний страна сбросила ненавистное испанское ярмо. Но явились другие хозяева — американцы. Лицемерно называя филиппинцев «маленькими коричневыми братьями», новые колонизаторы нещадно обирали их. Еще полвека бесправия. Но не зря говорят, «чем ночь темней, тем ярче звезды». Народ еще яростнее продолжал отстаивать элементарные права — есть хлеб своей земли, быть на ней хозяином. Только в 1946 году, после изгнания японских оккупантов, на руинах Манилы была наконец провозглашена суверенная Республика Филиппины.

Манила — город с десятимиллионным населением. Она вобрала в себя 17 разных, не похожих районов. В ней есть витрины и задворки. Ее центральные улицы чисты,

как паркет, ее окраины тонут в грязи и лужах. Столица полна контрастов и сюрпризов. «Вечно благородный» старый город Интрамурос соседствует с увеселительным припортовым районом. Респектабельный, зеркальный деловой центр Макати — обратный лик начиненного лавками и конторами китайского чайнатауна. Аристократические «деревни» миллионеров Форбс-парк и Дас-Мариннас — противоположность трущобного Тондо. Во дворах особняков «деревень» плещутся голубые бассейны, а жители Тондо на литры покупают воду для питья у уличных торговцев. Тысячи скваттеров живут на берегах зловонных каналов, скученно, безысходно, в сколоченных из фанеры и жести «курятниках». Власти, давно обеспокоенные проблемой Тондо, наметили постепенно переселять оттуда людей в новые кварталы Дагат-Дагатан, в недорогие муниципальные коттеджи. Строительство их уже началось, в нищем Тондо блеснула надежда, но сбудется ли она — покажет время.

Четыреста лет стоит на земле Манилы крепость Интрамурос. Некогда здесь жил испанский губернатор, и ни один «индеец» (как тогда с презрением называли филиппинцев) не смел войти в его ворота — разве что в качестве прислуги или узника форта Сантьяго.

Многое хранит в памяти этот суровый форт. Выстроенный для защиты города от пиратов, он стал впоследствии тюрьмой для патриотов. Помнит он бессонные шаги томившегося в застенке Хосе Рисаля. Врач, ученый, писатель Рисаль был совестью и голосом своего народа. В ночь перед расстрелом в одиночной камере Сантьяго он написал стихи-завещание «Прощай, моя Родина», которые дóроги каждому филиппинцу, как каждому русскому пушкинское «Товарищ, верь!»...

Во время второй мировой войны в подвалах Сантьяго топили тех, кто отказывался сотрудничать с японским фашизмом. Теперь старый форт стал мирным. Здесь возник импровизированный театр без кулис и кондиционеров, под открытым небом, зато очень любимый манильцами за остроту и злободневность спектаклей.

Над Манилой стоит смог, марево, скрип тормозов, грохот новостроек. Высотные конструкции каждый день меняют лицо города. Строят быстро, современно, добротно. Филиппинцы — великолепные архитекторы и дизайнеры. На набережной Рохаса, у самого моря, в короткий срок вырос туристский пояс с пятизвездными отелями, магазинами, игорными домами. Когда видишь толпы иностранных туристов, особенно американских, жаждущих «вкусить от экзотики», вспоминаешь письмо Чехова из Монте-Карло: «...в воздухе висит что-то такое, что опошляет природу, шум моря, луну».

К счастью, не только казино и отели определяют характер набережной. Здесь высится Культурный центр — гордость манильцев: театры, концертные залы, библиотеки и художественные студии. На афишах Центра — имена Шекспира и Мольера, Баха и Шостаковича.

В Маниле много лавок, базаров, и все они ориентированы на «своего» покупателя. В универмагах «Рустан» или «Ансонс» можно увидеть вазу, расписанную Сальвадором Дали, столы из оникса и малахита; в непритязательных лавках Дивисории терпеливо ждут своего часа груды дешевых товаров. Но не обольщайтесь: дешевизна товара — диплом на его негодность. Средний покупатель выбирает место, где можно купить вполне приличную вещь по умеренным ценам.

Туристов в Маниле привлекают резьба по дереву, вышитые одежды, светильники из перламутровых пластин — каписы, бусы из белых кораллов. Редко кто пройдет мимо гладких, как атлас, соломенных шляп или со вкусом расписанной керамики. Все эти вещи делают вручную на фабриках «хэндикрафта», где работают женщины и дети, хотя детский труд законом запрещен. Работают по 14 часов, получая жалкие гроши.

Те, кто хочет отведать китайской кухни, запастись женьшенем, душистым чаем или искусить судьбу у предсказателя, отправляются в чайнатаун. Хрустальный

шарик звездочета, ладонь с таинственными линиями, намалеванные на вывесках, подскажут адрес. Гадают по руке, картам, цифрам, кофейной гуще и по компьютеру. Всегда людно в приемной известной прорицательницы Глории Виско (мадам Ли). Говорят, к ее «мудрым» советам прислушиваются бизнесмены и чиновники, живущие по гороскопу. Современное гадание расширило диапазон: теперь в его сфере не только любовь и здоровье, но и социальные конфликты, торговые сделки...

Манила — город сумасшедшего уличного движения, не поддающегося регулировке, несмотря на обилие упитанных (живот яйцом), сытых полицейских с белыми жезлами в руках. «У нас не пробки, а транспортные джунгли»,— говорят манильцы. Два-три часа «отдыхаешь» в таких джунглях. Хорошо если можно выбраться из машины и пойти дальше пешком.

В городе нет ни трамваев, ни троллейбусов. Недавно введена первая линия наземного метро, но по-прежнему вся тяжесть перевозок лежит на маленьких «маршрутках», которые тут с любовью называют «джипни». Около миллиона ярко разрисованных «джипни» с бронзовыми фигурками лошадей на капоте исправно несут свою службу.

Даже в полдень не ослабевает пульс столицы. Время послеобеденных сиест прошло. Американский дух бизнеса и погони за прибылью одолел вековую восточную расслабленность.

Только под вечер, когда пушка в старом Сантьяго оповестит, что рабочий день в столице окончен, чуть-чуть ослабевает поток машин. Горожане потянутся в парк Хосе Рисаля, чтобы послушать симфонический оркестр, подышать прохладой, запустить в небо воздушного змея «сапи-сапи», полюбоваться фонтанами.

Сегодня в парке звучит Второй концерт Рахманинова. Солирует известная пианистка Саита Мария. Вот она выходит на эстраду: копна черных волос, красная туника, затканная золотым поясом. Это образ: красный — черный — золотой. В этих красках она и играет — волнуясь, печалясь, радуясь...

Концерт окончен, но уходить не хочется. Сосед по скамье, пожилой филиппинец заводит с нами разговор, рассказывает о себе. У него редкая профессия — в фармацевтическом центре Манилы он работает со змеями. «Доить» кобру — ремесло опасное. Нужно обладать фехтовальной реакцией, чтобы ловко ухватить змею за голову, сдавить челюсти и, когда она откроет пасть, поднести стакан. Кобра в ярости кусает стекло, и капли целительного яда стекают в сосуд. Однако вернемся к нашему собеседнику.

— Не знаю, слышали ли вы миф о Великане, который разбил нашу землю на тысячи кусков? — спросил он негромко.— Я иногда думаю: когда же придет другой Великан, который бы снова собрал осколки в единую землю...— Он помолчал, достал из кармана бароига (вышитой рубашки) сигарету, неторопливо закурил и продолжал: — Хочется, чтобы наши дети, родившиеся уже в условиях независимости, жили лучше нас. Чтобы они увидели страну обновленной не на словах, а на деле. Когда-то нам обещали «общество равных возможностей». Но до обещанного пока далеко. Государство не может конкурировать с частником. Детей мы стремимся отдать в частную школу, потому что там лучше учат, рабочий скорее пойдет на частную фирму, потому что там больше заплатят. Государственные больницы вечно переполнены, там плохо лечат и очереди надо ждать годами. В частных клиниках, за деньги — пожалуйста: к вашим услугам прекрасные врачи и новейшее оборудование. Если бы не одна «маленькая» деталь — баснословно дорогой счет за лечение. Даже простое обследование не по карману рядовому служащему. Я уже не говорю о пенсионерах, живущих на медные пятаки. Недавно я прочитал рассказ «Продается героизм». Об одном заслуженном человеке, ветеране, решившемся на отчаянный шаг — продать свои боевые ордена, саблю и грамоты в обмен на хлеб насущный. Уверен, что это не писательская выдумка, а реальная жизнь.

Да-а... Не всем легко живется в нашем хорошо протопленном раю. Да и времена

нные настали: раньше люди стремились к независимости, теперь думают об автомобилях. Возьмите молодых специалистов. Не успел новоиспеченный врач или инженер сдать последний экзамен, как уже мчится в МИД с заявлением — «хочу уехать за рубеж». Ему бы для начала отечеству послужить... Странная получается вещь: из деревни молодежь бежит от плуга в столицу. Из столицы те, кому удалось получить диплом, стремятся за рубеж. Может быть, я не прав, но виню в этом нашу прессу, телевидение, кинопрокат. Все они наперебой рекламируют «американский образ жизни». В Маниле тысячи американцев — туристы, дипломаты, бизнесмены... нет им числа. Только на базах больше 20 тысяч американских военнослужащих. Кстати, на прошлой неделе здесь, на площади, полыхал костер. Знаете, что горело? «Дружеский» дар американцев — лекарства, негодные к употреблению за давностью срока и переданные нам. Неплохой подарочек! Выходит, что не годится для Джонни, сойдет для нас, «людей второго сорта» — так они думают, но ошибаются...— Наш собеседник загасил сигарету и замолчал.

Что было ему возразить? Возможно, он сгущал краски. Отношение к США на Филиппинах сложное. Его часто называют сплавом любви и ненависти. Все больше людей выступают за ликвидацию американских военных баз на островах, за пересмотр прежних «особых» отношений с бывшим патроном. А что касается стремления молодых специалистов уехать за рубеж, то не всегда они в этом повинны.

В стране всеобщее бесплатное начальное образование. Но нередко только на словах: миллионы крестьянских детей остаются вне стен школы, так как должны помогать семье. Те, кому удается окончить среднюю школу, получают диплом, вставляют его в рамку и вешают на видном месте в доме. Для большинства путь в науку на этом кончается. Чтобы поступить в университет или колледж, надо внести немалый вступительный взнос, платить за лекции, лабораторные занятия и даже за экзамены. Не всем это по силам. Но даже если юноша «без роду и племени» сумел получить высшее образование — что потом? Да ничего — тупик. Чтобы устроиться на приличное место, нужны деньги и связи. Если их нет, дипломированные специалисты работают портье в гостиницах, репетиторами в богатых домах или становятся малооплачиваемыми клерками. «Переписывать чужие бумаги в конторе — все равно что участвовать в петушином бою, не имея собственного петуха»,— говорят в Маниле.

Что остается? Уехать по контракту за рубеж. Разрешая выезд, власти надеются сбить волну растущей безработицы. Но уезжают те, чьи руки и знания могли бы пригодиться дома, на родине. За последние шесть лет покинуло страну 700 тысяч специалистов и квалифицированных рабочих. Ущерб этот невосполним.

Филиппины — единственная в Азии христианская страна. В воскресенье над Манилой плывет густой благовест — звонят колокола. Длинные вереницы машин выстраиваются у церквей. Оставив дела, горожане приезжают «омыть душу исповедью», в молитвенной тишине послушать мессу. Но христианство не смогло вытеснить древние суеверия. Филиппинец не забудет перекреститься на ночь, а утром наденет на шею языческий амулет «антинг-антинг», отгоняющий злых духов.

Самый большой праздник в стране — рождество. Манила гудит, как растревоженный улей: идет великая распродажа залежалых товаров, сбиваются с ног почтальоны, разнося поздравления и подарки, гремят рождественские балы, разъезжают ряженые, блестят на улицах серебряные елки из фольги. Манила веселится...

Судьба страны сложилась так, что ее жители считают культурное наследие Востока и Запада своим собственным. Особенно сильным оказалось влияние Испании и США. Испанское — в сфере духовной, американское — в бытовой, экономической. От испанцев остались имена, названия городов, религия, фиесты. От американцев — потоки автомобилей, сервис, конкурсы красоты и ... гангстеризм. Испанцы строили церкви, монастыри, крепости. Американцы — шахты, дороги, мосты, заводы, отели и

ночные клубы. Те и другие оставили книги. Первые — молитвенники и религиозные трактаты; вторые — карты, схемы, учебники, словари.

Испанцы любят повторять, что они открыли миру архипелаг, принесли сюда цивилизацию и создали нацию. Но ведь острова не нуждались в «открытии», жили по своим законам, имели самобытную культуру, взаимодействовали с соседними народами. Правильнее сказать, что в борьбе против общего врага — Испании вопреки ей сотни ранее враждовавших племен ощутили свое кровное родство и объединились в единое государство.

Культура не приносится извне, она создается жизнью народа, его характером. Издавна бытовали на островах неписаные заповеди: береги доброе имя пуще богатства; дорожи родственными связями, ибо семья — оплот человека; обласкай каждого, кто войдет в твой дом или встретится в пути; помни: если ты сегодня никому не сделал добра, твой день пропал впустую.

Эти заповеди живы и сегодня, хотя время заметно расшатало прежние моральные ценности, особенно в больших городах.

Быстро темнеет в тропиках. Вечером на берегу Манильского залива вспыхивают огни отеля «Филиппин-Плаза» с бархатными интерьерами, каскадами настенных «водопадов». Огни эти светят избранным. Тысячи манильцев смотрят на них с почтительной дистанции, через пропасть, имя которой — социально-экономическое неравенство.

Но оставим Манилу и познакомимся с островами. Филиппинцы говорят: «У нас можно путешествовать по горизонтали и по вертикали, и это совсем разные вещи».

Это означает, что если подняться высоко в горы, то в 200 километрах от современной Манилы можно оказаться в каменном веке.

В труднодоступных горах архипелага живут 2 миллиона человек, около 100 племен. В отличие от основного, равнинного населения — тао их называют бануа. На Лусоне это народности калинга, ифугао, бонтоки, тингианы... На юге — билааны, багобо, манобо, таосуги.

Горцы сохранили язычество, а многие до сих пор ведут кочевую жизнь. Применяя подсечно-огневой способ земледелия — каингинь, они сводят огромные лесные массивы. Происходит это так: шаман племени выбирает место, где «душа риса» согласна послужить людям при условии, если ее «согреть, накормить, напоить и окропить кровью животного». И люди приступают к делу: выжигают участок леса, удобряют золой, сооружают водоем и в конце работ режут поросенка. Сеять выходят всей деревней. Впереди идут мужчины и палкой делают ямки в земле. Идущие следом женщины и дети кидают в ямки зерна и затаптывают пяткой. Когда придет пора прополки или жатвы, на поле снова выйдут женщины, а их мужья будут подбадривать их звуками носовой флейты и барабанной дробью.

Но есть среди горцев народы, которые знали поливное рисоводство еще в незапамятные времена. Таковы ифугао. Их знаменитые рисовые террасы Банауэ называют «восьмым чудом света». Как ступени гигантской лестницы, уходят они к небу на высоту 2 тысяч метров.

Гора и поле, казалось бы, вещи несовместимые, но их соединило величайшее трудолюбие человека. Три тысячи лет назад начали предки ифугао эту грандиозную каменную «летопись», которая продолжает жить и расти. И сегодня это делается, как тогда, в древности. Выбирают большой валун, под ним разводят костер, и, когда он накалится, обливают его холодной водой — камень трескается. Из осколков выкладывают край будущего поля, отвоеванного у скалы. «Пол» выстилают глиной, щебнем, песком, а сверху насыпают слой земли, принесенной снизу. Нелегкая работа!

В сезон дождей воды хватает всем, а вот в жару и бездождье приходится носить воду снизу. Ранним утром начинают свое трудное восхождение водоносы с кувшинами на коромыслах.

Ифугао живут общинами, но и их заметно тронуло социальное расслоение. У

кого больше поле, тот более уважаем. Чтобы попасть в высший слой общества — кадангиянг, надо вытесать из дерева широкую скамью-хагаби и устроить пир для всей деревни. Хагаби вместе с полем передается по наследству, как фамильный герб.

Селятся ифугао небольшими деревнями. Хижины-абонги у них основательные, с дощатым полом и четырехскатной крышей. В пол вмазан очаг, на котором готовят еду. На стенах развешаны корзины, куда на ночь прячут кур. Совсем недавно каждый дом украшала полка, где выставлялись рога жертвенных быков и черепа врагов. К счастью, языческий обычай уходит в прошлое, как кровная месть и татуировка. Все чаще мужчины-ифугао предпочитают наколкам и набедренным повязкам шорты или джинсы, женщины носят яркие юбки и кофты.

Ифугао растят и курят табак, но больше всего любят бетель. Его жуют женщины и дети, подносят в дар божествам. Если два человека хотят подружиться, они обмениваются бетелем.

Много загадок и сюрпризов таят в себе неисследованные горы архипелага. Не случайно именно здесь, на острове Минданао, было сделано сенсационное антропологическое открытие — обнаружено племя тасадаев, пещерных людей. Когда впервые охотник, забредший далеко в джунгли, наткнулся на стоянку полуголых, длинноволосых людей, они разделывали пойманного кабана бамбуковыми ножами. Охотник предложил им свой металлический нож, но люди в страхе отказались. Он дал им соли, но, лизнув щепотку, они долго отплевывались. Он протянул табак, но они не поняли его вкуса. Эти люди ничего не знали о XX веке. Их одежда — банановый лист, посуда — скорлупа кокосового ореха, постель — трава, еда — коренья, стрекозы, лягушки...

Но спустимся с гор и пересечем остров Лусон к югу, где у города Легаспи стоит вулкан Майон и плещется море.

Лусон — обычный тропический остров. Лишь старинные испанские церкви, американские заправочные станции и японские рекламы напоминают, что мы на Филиппинах.

Вдоль шоссе тянутся городки, и невозможно понять, где кончается один и начинается следующий. Все они похожи как близнецы: центральная площадь — плаза — с часовней и церковью, школа, аптека и нескончаемый ряд придорожных лавок «сари-сари». В добротных каменных домах живет местная знать, в хижинах на окраинах — прочий люд. Здесь бегают босые ребятишки, голосят петухи на заборах, сохнет на земле выстиранное белье.

Хижины на сваях, с узкой крутой лесенкой, которая на ночь втягивается внутрь. К некоторым ведут дорожки, аккуратно выложенные из воткнутых в землю пустых бутылок, ракушек или камешков. У дверей стоит кувшин с водой и чашка. Если вас угостят водой, не забудьте немного отлить земле, поделиться с нею — таков обычай.

Во дворе хижины в тени акации притулился ткацкий станок с пряжей. Скамья перед ним пуста. Видно, хозяйка куда-то ушла. Может, хлопочет у очага, печет детям сладкий картофель — камоте. Детей в семьях много; жизнь без детей, считают на Филиппинах, не имеет смысла. Они быстро подрастают и становятся помощниками в хозяйстве.

Вот худенький мальчик-подросток отвеивает от шелухи рис, слегка подбрасывая его в плоском плетеном подносе. Его брат, постарше, возится в загоне для свиней, собираясь напоить животных.

За домами видны заботливо ухоженные рисовые чеки с межами, удерживающими влагу. Земля здесь дает по три урожая в год.

Чем ближе к югу Лусона, тем гуще кокосовые плантации. Филиппины — первый экспортер копры на мировом рынке. Ежегодно здесь собирают до 12 миллиардов орехов, производится 2 миллиона тонн масла, и главный его поставщик — остров Себу.

А вот и вулкан Майон. Можно даже потрогать его шершавое черное базальто-

вое тело, ощутить обманное спокойствие. Окрестности Майона густо заселены. «Что ж,— говорят местные жители,— вулкан просыпается редко, а жить надо каждый день».

Еще немного, и мы у моря. К вечеру начался отлив, и женщины с детьми, заголив ноги, отправились на добычу — собирать оставшихся в теплом мокром песке съедобных рачков и улиток. Когда же совсем стемнеет, близ берегов вспыхнут сотни мерцающих огоньков. Это выйдут «в ночное» рыбаки на маленьких лодках-пароу. На корме горит фонарь, и рыба, как бабочка, завороженная светом, «летит» на огонь.

Охота никогда не была главным промыслом филиппинцев. Крупной дичи в лесах мало. Рыболовство — другое дело. Что нужно крестьянину к ежедневному столу? Рыбу, рис и немного специй. Вот почему филиппинцы прежде всего земледельцы и рыболовы.

Рыбу ловят артелями и в одиночку. За аренду лодки половину улова отдают хозяину. Другую часть скупает торговец-оптовик. Что остается, по мелочи, рыбаки делят между собой и приносят семьям. Иногда артель на многовесельных лодках-банках выходит на китовую охоту. Мясо кита вкусное, напоминает буйволиное. Но это опасный промысел и не всегда кончается благополучно.

С каждым годом скудеют прибрежные воды, за рыбой приходится уходить все дальше в море. К лодкам с балансиром подвешивают бензиновый моторчик. Однако горючее не всем по карману. За четыре года, что мы прожили в Маниле, бензин дорожал шесть раз. И всякий раз газеты печатали фотографию: на безлюдной бензоколонке сидит заправщик и... играет на гитаре. Делать ему нечего, клиентов нет. Но проходит неделя-другая, люди привыкают к новым ценам, и у колонок вновь выстраиваются очереди. Есть неписаное правило: подорожал бензин — подскочит в цене и все остальное. Это как цепная реакция. И тогда снова девальвируется песо. Жизненный уровень народа и без того низок. Половина населения живет на грани бедности.

Филиппины производят около 8 миллионов тонн риса в год. Вполне хватает на себя и на экспорт, голода в стране нет. Но не видно и выхода из затянувшегося экономического кризиса. Программа, наметившая превратить Филиппины к 2000 году в развитую аграрно-индустриальную страну, забуксовала. На ее реализацию у правительства не хватает ни средств, ни кадров. Внешний долг страны достиг 30 миллиардов долларов. Строительство ряда объектов заморожено. Многие фирмы обанкротились. Недавно лопнул крупнейший банк страны «Банко Филипино». Чтобы удержать экономику на плаву и расплатиться с долгами, власти вынуждены влезать в новые долги.

Трудностей у страны немало. Не решена пока «проблема юга», где живут пять миллионов мусульман. Этот край идет в современность медленнее, чем Манила.

Юг Филиппин — это царство ислама, который не просто религия, но образ мыслей и строй жизни. Коран регулирует все отношения между людьми. Дети учатся в религиозных школах-медресе. По пятницам все мужское население собирается в мечети, чтобы решить важные вопросы.

Конфликт мусульманского Юга с христианским Севером имеет давние корни. В свое время испанцы так и не смогли подчинить себе Минданао. После того как в конце XVI века там убили испанского губернатора, они оставили остров.

Испанцы называли Юг «диким, диким краем». А что хорошего видели жители Юга? Миссионеров, силой пытавшихся навязать им свою веру; чиновников, дравших с них три шкуры; торговцев, вывозивших их богатства; переселенцев-христиан, захватывавших лучшие участки пахотной земли... Вот, пожалуй, и все «благодеяния», шедшие с Севера.

К сожалению, и сегодня не сломлена стена недоверия между Севером и Югом. Некоторые позитивные результаты принесла политика «умиротворения Юга через развитие», предусматривающая вложение значительных средств в экономику края.

Был сделан ряд уступок местной элите, многие чиновники-христиане заменены мусульманами, ислам как обязательный предмет введен в школьную программу обучения детей. Югу предоставлена автономия, проводится аграрная реформа, восстановлены беспошлинные зоны торговли с соседними странами. Постепенно «дикий» Юг догоняет XX век. В горы шагают линии высоковольтных передач, шоссейные дороги, мосты, электростанции.

И все же беспокойно на Юге. Нет-нет да и просвистят бандитские пули, взорвутся бомбы. Власти неоднократно призывали сепаратистов сложить оружие и перейти от конфронтации к сотрудничеству. Специальным указом всем, кто добровольно сдаст оружие, гарантированы жизнь, работа, жилье. Тысячи людей уже вернулись к семьям, к земле, к мирному труду.

Конечно, много еще сложностей и противоречий на Филиппинах. Страна, 300 лет боровшаяся против испанского ига, носит имя Филиппа, испанского короля. На митингах протеста против американцев здесь произносят речи на языке американцев...

И все же прогресс необратим. Пусть медленно, но идет аграрная реформа; набирает силы, освобождаясь от иностранной зависимости, национальная экономика.

В конце прошлого века национальный герой Филиппин Хосе Рисаль написал такие слова: «Филиппинцы будут отстаивать свободу, завоеванную ценой крови и многочисленных жертв, они выйдут на широкий путь прогресса». Сегодня страна находится на перепутье. От того, как развернутся события в этой стране, во многом зависит формирование политического климата Юго-Восточной Азии.

Филиппины — земля, щедро одаренная природой. Она богата ресурсами. В ней обильно вызревают рис, овощи, фрукты. Ее берега изобилуют рыбой. В ее прибрежных водах найдена нефть... Это страна с большим будущим.

Слов нет, трудностей еще немало. Но недаром говорят, что первые филиппинцы. Малакас и Маганда — Сильный и Красивая, вышли из бамбука. Как ни раскачивает его ветер, как ни гнет, а сломать не может. А еще говорят: «Дерево с сильными корнями смеется над бурями».

Елизавета Сумлёнова

НАСЛЕДНИКИ ПЕРВОПРОХОДЦЕВ

Большой красивый дом в переулке Гривцова в Ленинграде — законная собственность географов страны. Он построен в 1909 году на средства членов Российского географического общества, предшественника Географического общества СССР, и с тех пор служит его бессменной, если так можно сказать, штаб-квартирой. Здесь работает президиум всемирно известного общества.

Дом хранит память о многих событиях, знаменательных не только для российской, но и для мировой географической науки. Я держу в руках рукописную книжку, похожую на обычную общую тетрадь. На первой странице книжки карта-схема. А в верхнем углу надпись: «Дневник экскурсии на Малайском полуострове. 1875 год» — и подпись: Н. Н. Миклухо-Маклай.

Это один из подлинных дневников знаменитого путешественника, один из многих тысяч документов, хранящихся в архиве Географического общества СССР. Бесценно это собрание — дневники, рукописные путевые заметки, отчеты русских путешественников.

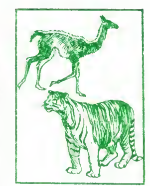
Но память об исследователях-землепроходцах хранят и сами стены старинного здания. Вот большой конференц-зал. Здесь члены Российского географического общества и его почетные гости аплодировали сенсационным сообщениям П. П. Семенова-Тян-Шанского, Н. Н. Миклухо-Маклая, В. К. Арсеньева, Н. М. Пржевальского...

— Сейчас в рядах общества около 38 тысяч членов,— говорит президент Географического общества СССР, Герой Социалистического Труда, академик Алексей Федорович Трешников.— Задачи общества в наше время, конечно, изменились. Вплоть до победы Великого Октября в России не было государственных научных учреждений географического профиля. В этих условиях добровольному обществу приходилось брать на себя организацию всей экспедиционно-исследовательской работы. Теперь же у нас множество специализированных научных учреждений, занимающихся географическими проблемами. Географическое общество в этих условиях стало своего рода методологическим межведомственным центром, координирующим работу всех географов страны.

Дмитрий Струженцов

ЗАРУБЕЖНАЯ НАУЧНАЯ ИНФОРМАЦИЯ

Национальные парки мира



За последнее десятилетие количество национальных парков и заповедников во всем мире увеличилось на 48%, общая их площадь возросла более чем на 80%. Территория национальных парков на земном шаре составляет ныне почти 400 млн. га, что близко к площади обрабатываемых земель во всех развивающихся странах, вместе взятых.

Значительная часть земель, взятых в последнее время под охрану, находится в тропической зоне, в первую очередь в Бразилии и Индонезии. Почти все страны мира теперь обладают системой охраняемых территорий.

Среди примеров эффективного совмещения охраны природы с целями национального промышленного и культурного развития можно назвать следующие.

К управлению национальным парком Амбосели (Кения) привлечен совет населяющего этот район племени масаи. Доход от эксплуатации парка идет на строительство для этого племени школ, общественных центров, системы водоснабжения и здравоохранительных мер.

Новый национальный парк Эйр в Мали используется как база для разработки мер борьбы с наступлением пустыни в области Сахель. Национальный парк Думога (Индонезия) способствует охране водораздельной зоны в горной местности, чем помогает обеспечивать влагой систему ирригации полей.

Известный проект «Тигр», выполняемый в Индии, не только способствует сохранению крупного представителя семейства кошачьих, подвергавшегося опасности исчезновения, но и привел к созданию надежной системы лесоохраны, опирающейся на сознание населения, понимающего свою зависимость от возобновления естественных ресурсов.

Крупное гидроэнергетическое строительство на реке Махавели (Шри Ланка) обусловлено созданием пяти национальных парков и заповедников, где принимаются меры по борьбе с эрозией почв, контролю за наводнениями, консервации рыбных запасов, поощрению контролируемого туризма и рекреационной деятельности. С этим совмещается ограничение и возмещение ущерба, причиняемого слонами посевам, а также создание новых рабочих мест.

В Перу популяция ламы викуньи, которая находилась на грани истребления, теперь может считаться спасенной благодаря созданию национального заповедника Пампа-Галерас, где применяются методы разведения и использования этого животного, унаследованные от древних инков.

Канаимский национальный парк в Венесуэле охраняет водораздельную зону в районе, где возведена крупнейшая ТЭС, дающая стране электроэнергию, для выработки которой в ином случае пришлось бы расходовать на приобретение нефтепродуктов более 20 млрд. долл/год.

Все эти примеры подтверждают слова генерального директора Международного союза охраны природы и природных ресурсов доктора Талбота о том, что национальные парки и заповедники охраняются не от народа, а для народа.

Муха против мухи?..

Вред, который причиняет человеку муха цеце, трудно переоценить. Переносчик трипаносомы — возбудителя сонной болезни, она широко распространяет это практически неизлечимое заболевание и тем самым мешает заселению и использованию огромных просторов Африки и без того страдающей от низкой продуктивности сельского хозяйства. Некоторую надежду на успех в борьбе с этим врагом вселяют результаты работы Международного африканского ветеринарного центра в Аддис-Абебе.

Группа сотрудников этого центра исследовала поведение так называемой мухи-воровки, которая является отдаленным родственником цеце, но превышает ее размерами более чем втрое. Свое название она получила потому, что, охотясь на комаров, бабочек и некоторых других насекомых, муха-воровка не только убивает свою жертву, но и похищает все содержимое ее желудка.

В течение дождливого сезона и сразу после него установленные в долине Финчаа (Центральная Эфиопия) ловушки захватывали до 40 особей мухи-воровки в сутки. Наблюдения позволили впервые установить тот факт, что муха-воровка использует себе в пищу содержимое желудка мух цеце, попавших в ловушку вместе с нею, причем она даже предпочитает их, оставляя без внимания бабочек и комаров.

Едва оказавшись рядом с цеце, муха-воровка охватывает добычу своими длинными ногами и сковывает ее движение. Затем она впрыскивает в тело жертвы пищеварительный фермент, который растворяет ее мышечные ткани, парализует и в конце концов убивает цеце, а содержимое ее желудка переходит к хищнику. На всю операцию в пределах ловушки уходит менее 30 секунд, но эфиопским специалистам это не помешало сфотографировать весь процесс.

Таким образом, можно считать установленным, что муха-воровка по крайней мере в центральных районах Эфиопии является естественным врагом цеце. Прежде чем станет возможным организовать с ее помощью биологический контроль за распространением грозной болезни, разумеется, предстоит еще немалая работа. Так, необходимо очертить ареал распространения мухи-воровки, определить ее популяционную структуру, срок и продолжительность жизни, особенности поведения и питания, экологические связи и т. п. Однако первый важный шаг для заключения «союза» между человеком и естественным врагом мухи цеце теперь уже сделан.

Наводнения зависят от Солнца

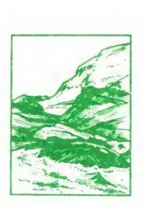
Научные сотрудники Индийского института тропической метеорологии Х. Н. Балме и С. К. Джадав изучили многолетний ряд данных, характеризующих ежегодные муссоны, и сопоставили их с результатами наблюдения солнечной активности.

При этом было установлено, что в период с 1891 г. по настоящее время существовала определенная статистическая зависимость между пятнообразующей деятельностью на Солнце и обилием муссонных осадков на полуострове Индостан. Она выражалась в значительной тенденции к чередованию засух и наводнений в этом регионе, происходящих в течение 11-летнего цикла солнечной активности.

Магнитные полюсы Солнца, а с ними и направленность его магнитного поля, как известно, изменяются на обратные каждые 11 лет. Поэтому астрофизики считают во многих отношениях более важным 22-летний, так называемый двойной, цикл пятнообразующей деятельности на Солнце.

Объяснения механизма его связи с метеорологическими процессами на Земле пока еще не найдено. Однако независимо от этого открытие такой корреляции может быть весьма полезным для долгосрочного прогноза муссонов, наводнений и засух, которым столь подвержен Индостан. Так, период следующего солнечного цикла, максимум которого наступит в начале 90-х годов, согласно гипотезе Х. Н. Балме и С. К. Джадава, может оказаться в этом регионе засушливым.

Ледники и уровень Мирового океана



За столетие уровень Мирового океана поднялся примерно на 15 см. Объяснить это явление потеплением климата Земли, вызванным выбросом в атмосферу двуокиси углерода и тепличным эффектом, приводящим к таянию полярных ледников, не удается, так как оно наступило задолго до того, как подобный фактор стал ощущаться. Тепловым расширением воды можно обусловить лишь примерно половину наблюдаемого подъема уровня океана.

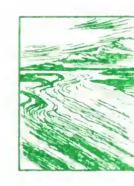
Объяснение предложено в докладе гляциолога Марка Майера из Управления геологической съемки США (Такома, штат Вашингтон), представленного на конференции Американского геофизического союза, состоявшейся в декабре 1983 г. в Сан-Франциско (штат Калифорния, США).

По мнению исследователя, причиной повышения уровня океана служит таяние не полярных ледников, а горных, которые, взятые вместе, составляют лишь около $^1/_{30}$ площади ледников Гренландии и Антарктиды.

Хотя в период между 1965 и 1975 гг. флуктуации горных ледников были незначительными, наблюдения в более длительном масштабе времени показывают, что с 1880 г. по настоящее время они потеряли достаточную часть своей массы, чтобы можно было объяснить повышение уровня океана.

Ученый не считает реальной угрозу катастрофического повышения Мирового океана в результате потепления, вызванного антропогенным ростом содержания двуокиси углерода в атмосфере. Он полагает, что даже на то, чтобы растаяли ледники только одной Западной Антарктиды с их толщиной, доходящей до 4 тыс. м, потребовалось бы слишком много времени.

Циркуляция океана изучается



В последние годы в среде научной общественности признано, что для определения влияния Мирового океана на процессы климатообразования совершенно необходимо знание общей циркуляции его вод. В связи с этим Комитет по климатическим изменениям и океану, образованный совместно Международным научным комитетом по океанографическим исследованиям (СКОР) и Межправительственной океанографической комиссией, разработал новый крупный Эксперимент по изучению циркуляции Мирового океана.

К участию в Эксперименте, в частности, привлечен искусственный спутник Земли (ИСЗ) «Нимбус-7», приборы которого дают ценную информацию в глобальном масштабе относительно альтиметрии, формы и изменчивости поверхности океана и связанных с этим ветрового давления, циркуляции вод, вихреобразных и меандрирующих течений и форме геоида в его морской части.

В прибрежной зоне океана ИСЗ «Нимбус-7» собрал при помощи методов цветного сканирования большой массив данных о приповерхностном распределении хлорофилла и других светопоглощающих агентов, что важно для развития биологической океанологии.

В задачи Эксперимента включаются создание трехмерной картины циркуляции Мирового океана в течение нескольких лет, улучшение знаний относительно условий, существующих на границе океана и атмосферы, разработка оценки трансформации водных масс в верхних слоях океана, определение интенсивности межбассейнового обмена вод, установление роли переноса и накапливания тепла в океане в общем тепловом балансе планеты.

Уже выполненные в рамках Эксперимента наблюдения признаются весьма результативными. Так, наблюдения трассирующих элементов показали, что за последние два десятилетия в Северной Атлантике произошло значительное и широкомасштабное снижение солености вод. Это может указывать на относительно быструю реакцию характера формирования глубинных вод океана на климатологические изменения.

Выполнены четыре новых крупных разреза в Южной Атлантике, позволяющие глубоко оценить процессы, происходящие в этом регионе. Собраны ценные сведения о связях, существующих между процессами на поверхности океана и накоплением осадков на его дне в ходе сезонных изменений.

Палеоокеанография и наклон земной оси

Древние климаты изучаются в значительной мере путем исследования осадочных пород, отложившихся на дне океанов в отдаленные геологические эпохи, так как характер этих осадков определяют природные условия соответствующего периода. Однако в пределах крайней северной акватории Тихого океана такие исследования были до сих пор малорезультативными, так как для наиболее важных — известковых ($CaCO_3$) — осадков здешние глубины, если не считать отдельных подводных горных вершин, слишком велики.

В период выполнения международного проекта «Долгосрочная интерпретация, картирование и прогноз климата», являвшегося частью Международного десятилетия изучения океана (1972—1982 гг.), усилиями ученых различных стран (в том числе и советских) были разрабо-

таны методики, позволяющие обходить подобную трудность. Они предусматривают анализ осадочных пород, содержащих такие распространенные и в северной части Тихого океана вещества, как кремнистые остатки ископаемых микроорганизмов, вулканический пепел, терригенные (имеющие сухопутное происхождение) илы и глины.

Стратиграфия (последовательность слоев) донных осадков изучалась методами тефрахронологии (тефра — мелкий вулканический пепел), палеомагнетизма, анализа терригенного материала, вынесенного в море плавучими льдами, исследованием биостратиграфии ископаемых морских организмов — радиолярий и диатомовых водорослей.

Выполненное сопоставление современного состава осадочных пород этой акватории с их характером в период, отстоящий от нас на 18 тыс. лет, т. е. в разгар последнего ледникового периода, впервые позволило построить надежную карту температур поверхности вод северной части Тихого океана для этого отдаленного времени.

Был изучен характер мелких частиц, переносимых воздушными потоками из пределов Азии и отлагающихся на дне океана, что позволило определить районы происхождения и степень интенсивности западных ветров в различные периоды. Биологическая продуктивность поверхностных вод моря определялась по тому, как накоплялись кремнеземы органического происхождения. Определение географического распределения различной радиоляриевой фауны и ее количественных колебаний со временем дало возможность установить, что их характер изменялся в глобальном масштабе синхронно.

Самым главным, установленным при этом независимо друг от друга различными исследователями фактом является следующий. В течение последних 5 млн. лет, которые прослеживаются по видовому распределению и количеству ископаемых остатков диатомовых организмов, существовали циклически повторявшиеся колебания природных условий.

Длительность такого цикла составляет около 41 тыс. лет. Отмечается, что, по данным астрометрии, геомагнетизма и геодезии, как раз такая же периодичность свойственна изменениям наклона оси вращения Земли.

Механизм, обеспечивающий связь обоих явлений, пока еще до конца не ясен. Однако можно считать, что изменения состояния океанической среды следуют за климатологическими событиями, которые связаны с количеством солнечной энергии, поступающей на поверхность соответствующего региона земной поверхности, в свою очередь зависящего от относительного положения оси планеты в пространстве.

Предполагается продлить исследования, с тем чтобы, координируя биоокеанологические, седиментологические и геологические работы с методами физической океанографии и климатологии, построить надежные описательные модели изменений атмосферы и Мирового океана в их взаимодействии в крупных масштабах времени и пространства.

Перспективы для полярной птицы улучшились

Крупнейшая в мире колония полярного ту́пика, или топорика, находится на острове Рест, самом южном из архипелага Лофотенских островов, вытянувшихся вдоль

северо-западного побережья Норвегии. Здесь, за полярным кругом, согласно подсчетам специалистов, гнездится не менее 650 тыс. пар этих птиц, что составляет около $^1/_{12}$ их численности на земном шаре.

Однако начиная с 1969 г. было замечено, что вскоре после вылупливания птенцов около полумиллиона их почти ежегодно погибает. Исследования, выполненные группой специалистов, возглавленной ведущим орнитологом Норвегии Гуннаром Лидом, показали, что причиной гибели птенцов является недостаток пищи. Установлено, что с конца 60-х годов чрезмерный вылов людьми сельди, кильки и песчанки, служащих главным источником питания этой птицы, подорвал их запасы в Норвежском море.

Другой возможной угрозой существованию полярного тупика считают повышение температуры моря. Такое явление, отмечавшееся в начале 70-х годов у южного побережья Британских островов, на которых гнездится более 300 тыс. пар тупиков, действительно предшествовало массовой гибели этих птиц. Однако на острове Рест, по-видимому, не оно служило причиной подобных событий.

Летом 1983 г. наконец ежегодный «мор» птенцов на Лофотенских островах прервался. Смертность новорожденных тупиков впервые с 1974 г. была минимальной, что обеспечило заметный прирост численности их колонии. Даже если на будущий год пищи опять не хватит, полмиллиона выживших птенцов 1983 г. обеспечат сохранность популяции на ближайшее время.

Это приятное известие было омрачено тем, что популярнейший орнитолог Норвегии Г. Лид, проводя наблюдения за птичьей колонией, погиб, когда его лодка налетела ночью на скалы у острова Рест.

От холодной зимы к ледниковому периоду

Перед климатологами давно стоит вопрос: насколько серьезно отличался характер циркуляции атмосферы во время ледникового периода от того, который обычно наблюдается ныне? И соответственно какова вероятность превращения нынешнего характера циркуляции в «ледниковый», что повлекло бы за собой столь существенные изменения в глобальном масштабе?

Недавно научный сотрудник Университета штата Миссури (Сент-Луис, США) Томас Краули опубликовал результаты своего изучения этого вопроса. В основе его исследования лежал тот факт, что, согласно геологическим данным, в момент начала последнего оледенения воды Атлантического океана все еще оставались относительно теплыми, тогда как на территории Северной Америки уже установился холодный климат.

Именно такое тепловое соотношение соседствующих акватории и территории создает условия, при которых испарение с поверхности теплого океана снабжает атмосферу достаточным количеством влаги, выпадающей затем над холодным континентом в виде снега.

Анализируя метеорологические черты нынешнего времени, Т. Краули заметил, что в период между 1899 и 1975 гг. более 75% всех зим подпадали под один из типов атмосферной циркуляции. Наиболее существенный для данного вопроса тип, именуемый «высоким гренландским», характеризуется тем, что средние температуры в Гренландии и западной части Северной Америки превышают средние многолетние нормы. Это сопровождается относительно низкими температурами в Западной Европе

и в восточной части Северной Америки. Такое положение существовало в течение 19% зим между 1899 и 1975 гг., а также в 1976/77 г.

Важной чертой подобного состояния атмосферы является то, что струйные течения в ее высоких слоях приобретают зигзагообразные очертания. Массы влажного воздуха сперва устремляются из океанического района на север, где быстро охлаждаются, а затем поворачивают на юг, где «разгружаются» от массы влаги, что вызывает обильные снегопады. Как раз такой тип циркуляции идеален для возникновения ледниковых эпох.

Т. Краули полагает, что подобное состояние глобальная циркуляция атмосферы приобретает сравнительно легко и это должно объяснять существующие данные, согласно которым в последние миллионы лет на Земле ледниковые периоды, сменяющие друг друга, отделялись один от другого лишь значительно более короткими эпизодами межледниковья; так что «нормальным» состоянием планеты следует считать именно ледниковое.

Делается вывод, что для наступления ледникового периода в северном полушарии достаточно сравнительно слабого импульса, сравнимого, например, с весьма суровой и длительной зимой, которая иногда случается в наше время. Примерами подобных событий, хотя и в относительно небольшом масштабе, можно считать похолодание в Европе в XVII в., которое нередко называют малым ледниковым периодом, а также суровую зиму, отмечавшуюся в Северной Америке в 1976/77 г.

Информация подготовлена *Борисом Силкиным*

КОРОТКО О РАЗНОМ

Аудитории под открытым небом

Вот уже более 20 лет Географическое общество ГДР совместно с учебными заведениями и клубами юных натуралистов организует в своей стране своеобразные заповедники, где специалисты могут читать лекции будущим географам, геологам и ботаникам под открытым небом. Такие аудитории сейчас действуют в старых каменоломнях, на берегах озер, в рощах реликтовых деревьев, на склонах гор. Студенты и натуралисты-любители могут получить ценные консультации по любым образцам редких минералов, выходам вулканических пород, полезным ископаемым. Например, в отработанном открытом руднике близ Рудольштадта по пластам изучается последовательность геологических эпох, а на берегах реки Верра, близ Мейнингена,— палеонтологические редкости плейстоцена.

В таких заповедниках специалисты обращают особое внимание на современные проблемы экологии, охрану флоры и фауны. Совместными усилиями составляются карты распространения лекарственных растений и грибов, выходов известняка и гранита, высыхающих болот и заболачиваемых рек. Много делается для учета полезных насекомых, например муравьев, и полезных животных, например летучих мышей. Одновременно студентам и юным натуралистам поручается читать лекции среди местного населения о необходимости строгой защиты птиц, памятников старины, источников чистой воды.

Одна из последних подобных аудиторий под открытым небом организована на берегах Зафтенбергерского озера. В этой зоне особое внимание будет обращено на весь комплекс защиты природы от загрязнения индустриальными отходами. Студенты и натуралисты помогут в восстановлении лесов, организации искусственных гнездовий для птиц, очистке ручьев от скопившегося ила. Под защиту возьмут хищных птиц, уничтожающих полевых грызунов. В парке на берегах озера установлены самодельные планшеты, рассказывающие о всех достопримечательностях заповедной зоны.

Музей пустынь

На карте Японии, конечно, нет пустынь. Однако научное географическое общество этой страны организовало на острове Хонсю Музей пустынь. История его весьма своеобразна. Близ города Тоттори, в устье реки, впадающей в море, работали земснаряды по углублению судоходного фарватера. Что-то было нарушено в сложив-

шемся балансе подводных течений и рельефа дна. В связи с этим морской песок начал поступать на сушу и образовал гряду дюн, часть из которых поднялась уже на высоту 70 м. Ученым пришлось задуматься над проблемой, как остановить неожиданное наступление песка. Начались посадки трав и кустарников.

Между тем географы предложили организовать в этом районе заповедный парк. В нем недавно и был открыт Музей пустынь. В первом зале помещена огромная рельефная карта, показывающая, как на нашей Земле распределились пустыни. Рядом демонстрируются образцы песка со всего мира, в том числе и из Каракумов. На небольших планшетах демонстрируются палеогеографические схемы, наглядно показывающие распределение пустынь на земном шаре 2000, 4000 и 10 000 лет назад. Специальные оптические устройства, управляемые программируемой электроникой, демонстрируют посетителям, как образуются пустыни и как человек борется с их наступлением. Конечно, не забыт и такой экспонат, как наглядная серия схем, показывающая причины образования песчаных дюн в этом районе острова Хонсю по вине человека.

В центральном зале музея расположились диорамы и панорамы, рассказывающие о флоре и фауне, приспособившихся к специфическому климату пустынь. Напоминается, что за последние 50 лет площадь Сахары расширилась к югу на 650 тыс. кв. км.

Примечательно, что организаторы музея следят за последними открытиями, связанными с судьбой пустынь нашей планеты. Например, серия цветных фотографий показывает палеонтологические открытия, сделанные в северо-восточной части Сахары. Там под мощным слоем песка обнаружено русло реки, на берегах которой 200 тыс. лет назад был тропический лес, и открыты скопления костей слонов, бегемотов, оленей, крокодилов, питонов, крупных рыб.

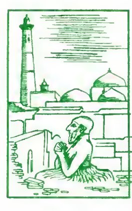
Древние скульптурные портреты

Близ деревни Гоуро (Берег Слоновой Кости) французские археологи нашли шесть древних скульптур из камня весом от 5 до 10 кг. Возраст их определен примерно в 500 лет. Каждая из них — это изображение человеческой головы. Открытие представляет большой научный интерес. В этом районе Африки древние антропоморфные изображения до сих пор не были известны. Кроме того, каждое лицо носит индивидуальные черты, например толстые или тонкие губы, большие или маленькие глаза, прямой или курносый нос.

Ученым пришлось углубиться в местный фольклор, чтобы понять предназначение скульптур. Оказалось, что древнее племя уане имело обычай устанавливать такие головы на деревянных шестах, чтобы обозначать границы своего селения. Скульптурный портрет делался с вождя племени.

Остается пока загадкой, почему все шесть голов найдены в одном месте. Не открыто и место, где брался материал, ибо известковый песчаник вокруг Гоуро не встречается.

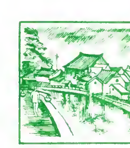
Где северная граница шумеров?



Уже сложилось устойчивое представление, что города-государства шумеров возникли в южной части Месопотамии. Там раскопаны жилые кварталы, храмы и дворцы Ура, Лагаша, Мари, Киша и других крупных поселений 4-го тысячелетия до н. э.

Теперь же представления о том, что шумерская культура складывалась лишь на юге современного Ирака, между Тигром и Евфратом, придется пересмотреть. Большая турецкая археологическая экспедиция работала близ города Урфа, на юге своей страны. Ученые раскапывали фундаменты домов очень древнего города. Находили мастерские металлургов, плотников, ювелиров, оружейников. Сперва находки было трудно отнести к какой-либо определенной культуре. Делались различные предположения о древних народах. Когда же один из специалистов определил, что речь может идти о шумерах, ему не поверили. Пригласили на консультацию французских археологов. Они тоже удивились, но подтвердили, что впервые найден именно северный форпост шумеров в Малой Азии.

Море под Джакартой



В индонезийской столице пришлось провести специальные исследования водопроводной сети. Из кранов в нескольких районах начала течь соленая вода, непригодная для питья. Анализ показал, что эта влага, переставшая быть живительной в жарком климате, каким-то образом поступает из Яванского моря. Но как? Ведь водопровод в Джакарте основан на глубинных артезианских скважинах.

Дальнейшее расследование показало, что виноваты именно скважины. Многие промышленные предприятия бесконтрольно выкачивали воду для своих нужд. В образовавшуюся пустоту и проникла вода из моря.

Факты подобраны *Германом Малиничевым*

СОДЕРЖАНИЕ

ПУТЕШЕСТВИЯ. ПОИСК

ФАНТАСТИКА

ФАКТЫ. ДОГАДКИ. СЛУЧАИ...

Природные феномены

По следам древних цивилизаций

Наша «Красная книга»

На вклейке:
Фотоочерк Е. Сумлёновой
«Солнечный архипелаг—
Филиппины»,
цветные фото автора

Фотоочерк И. Стин
«Искусство народных
умельцев Дагестана»,
цветные фото автора

Цветные фото
к очерку В. Ярошенко
и А. Гаврилюка

На суше и на море: Повести. Рассказы. Очерки.
Н12 Статьи./Редкол.: Б. Т. Воробьев (сост.) и др.— М.: Мысль, 1986.— 396 с., ил., 8 л. ил., карт.

В пер.: 2 р. 90 к.

В двадцать шестом выпуске научно-художественного географического сборника «На суше и на море», как и в предыдущих, выступают писатели, журналисты, географы, океанологи и представители многих других «беспокойных» профессий.

Наряду с произведениями, посвященными остросовременным темам, в сборнике помещены очерки об истории Великих географических открытий, о путешествиях русских мореплавателей, статьи, связанные с новыми гипотезами в области океанологии, изучения околоземного пространства, фантастика и другие материалы.

Н $\frac{1905020000-069}{004(01)-86}$ 155-86

ББК 84

**На суше
и на море**

Научно-художественный
географический сборник

ИБ № 3107

Заведующий редакцией
Ю. Л. Мазуров

Редакторы
В. И. Андросов
Т. Д. Изотова

Младшие редакторы
З. П. Львова
Е. В. Попова

Редактор карт
О. В. Трифонова

Художественный редактор
А. И. Ольденбургер

Технический редактор
Л. П. Гришина

Корректор
Т. М. Шпиленко

Сдано в набор 05.11.85. Подписано в печать 25.04.86. А08871. Формат 60×90 1/16. Бумага офсетная № 1. Гарнитура Таймс. Офсетная печать. Усл. печатных листов 26 с вкл. Усл. кр.-отт. 54,25. Учетно-издательских листов 32,83 с вкл. Тираж 180 000 экз. (1-й завод 1—100 000 экз.) Заказ № 1792. Цена 2 р. 90 к.

Издательство «Мысль». 117071. Москва, В-71, Ленинский пр., 15.

Ордена Октябрьской Революции и ордена Трудового Красного Знамени МПО «Первая Образцовая типография» имени А. А. Жданова Союзполиграфпрома при Государственном комитете СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 113054, Москва, Валовая, 28.

В 1986 Г. ИЗДАТЕЛЬСТВО «МЫСЛЬ» ПРЕДЛАГАЕТ В СЕРИИ «У КАРТЫ МИРА»:

Большов И. Г. **Маврикий.** 6 л., ил. (У карты мира). 40 к.

Маврикий называют «сахарной жемчужиной» Индийского океана. Это независимое островное государство славится как один из крупнейших мировых центров по производству сахара. Мягкий климат и красивые ландшафты привлекают сюда тысячи туристов со всех концов света. Читатель узнает о жителях Маврикия, в жилах которых смешана кровь выходцев из Азии, Африки и Европы, получит представление о традициях и обычаях народа, его культуре. Автор рассказывает о борьбе маврикийцев за независимость, об их усилиях по преодолению колониальной однобокости хозяйства, за превращение Индийского океана в зону мира и возвращение стране архипелага Чагос, знакомит читателя с обликом разных частей государства. Книга иллюстрирована цветными и черно-белыми фотографиями.

Бусыгин А. В. **Нидерланды.** 6 л., ил. (У карты мира). 40 к.

Автор, много раз бывавший в Нидерландах, рассказывает об их уникальной природе, об отвоеванных у моря ландшафтах, повествует о богатой крутыми поворотами истории страны, знакомит читателя с трудолюбивым народом Нидерландов, его обычаями и традициями, с демографическими и социальными проблемами страны. Читатель узнает о больших сдвигах в хозяйстве этого государства, побывает в его интереснейших городах — Амстердаме, или «Северной Венеции», в сохранившей средневековые кварталы Гааге, в одном из крупнейших портов мира Роттердаме и др., узнает о большом вкладе в мировую культуру и науку народа Нидерландов.

Дьяконов Д. А., Токарев А. А. **Демократическая Республика Сан-Томе и Принсипи.** 6 л., ил. (У карты мира). 40 к.

Первая в советской литературе книга о молодом независимом государстве, расположенном на архипелаге в Гвинейском заливе, дает разностороннее представление о стране. Гористые острова архипелага выделяются сравнительно умеренным для экваториальной зоны климатом и необыкновенным обилием и разнообразием флоры. История острова — некогда важнейшей перевалочной базы работорговли — помнит выступления местных жителей и выходцев с Африканского континента против колонизаторов. Культура, быт, традиции населения страны носят отпечаток влияния многих африканских народов. После провозглашения в 1975 г. независимости в ДРСТП начаты прогрессивные социально-экономические преобразования.

Польская Н. М. **Великобритания.** 7 л., ил. (У карты мира). 50 к.

Автор книги — видный специалист по экономической географии Великобритании, не раз бывавший в стране, дает ее разностороннюю характеристику. Читатель познакомится с преображенной в результате многовековой хозяйственной деятельности человека природой и с богатой историей Великобритании, с бытом и культурой жителей Британских островов и с обострившимися этническими проблемами, узнает о больших изменениях в структуре и географии хозяйства страны, славившейся когда-то как «мастерская мира», совершит вместе с автором прогулку по ее крупнейшим городам и основным районам. Книга иллюстрирована цветными фотографиями.

Уважаемые читатели!

Наиболее полную информацию о готовящихся к выпуску книгах издательства «Мысль» по экономике, философии, истории, демографии, географии можно получить из ежегодных аннотированных планов выпуска литературы, имеющихся во всех книжных магазинах страны.

Сведения о выходящих в свет изданиях регулярно публикуются в газете «Книжное обозрение».

По вопросам книгораспространения рекомендуем обращаться в местные книготорги, а также во Всесоюзное государственное объединение книжной торговли «Союзкнига».

10-00

ску
ии,
од-
их-

оно

ра-
ное
ни-

2 р. 90 к.

«МЫСЛЬ»

НА СУШЕ И НА МОРЕ
1986